

АДЫГИ, БАЛКАРЦЫ И КАРАЧАЕВЦЫ В ИЗВЕСТИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XIII—XIX вв.

НАЛЬЧИК · 1974

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

АДЫГИ, БАЛКАРЦЫ И КАРАЧАЕВЦЫ В ИЗВЕСТИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XIII—XIX вв.

Составление, редакция переводов,
введение и вступительные статьи к текстам
В. К. Гарданова

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1974

ВВЕДЕНИЕ

Изучение Кавказа началось давно. Уже в конце XVIII в. и особенно в первой половине XIX в. в России появляется ряд работ, в которых даются систематические и всесторонние описания всех наиболее значительных и известных народов этого края.

Об успехах, достигнутых русским кавказоведением в начале XIX в., ярко свидетельствует труд С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», написанный автором в 1810 г. и изданный в Москве в 1823 г. Этот обширный и весьма обстоятельный труд является первым в русской литературе обобщающим сочинением о народах Кавказа. Он сохраняет свое важное научное значение и до наших дней благодаря разнообразию, ценности и достоверности собранных в нем сведений.

В первой же половине XIX в. в ряды ученых-кавказоведов России вступили представители коренных национальностей Кавказа, труды которых во многом способствовали изучению истории и этнографии своих народов. В числе первых и наиболее выдающихся представителей этой группы кавказоведов в сороковых годах XIX в. были адыги Хан-Гирей и Ш. Б. Ногмов. В дальнейшем кавказоведение в России все более широко включает в свой состав представителей передовой кавказской интеллигенции, которые трудятся рука об руку с русскими учеными.

Во второй половине XIX и начале XX в. кавказоведение приобрело в России значительный размах и достигло немалых успехов, о которых можно судить по трудам Н. Ф. Дубровина, Ф. И. Леонтовича, М. М. Ковалевского, П. К. Услара, В. Ф. Миллера, Н. Я. Марра и других выдающихся русских ученых, занимавшихся изучением истории, этнографии, обычного права, языка и фольклора народов Кавказа. Следует, однако, подчеркнуть, что как ни значительны были успехи кавказоведения в дореволюционной России, они не обеспечивали научную разработку истории и этнографии народов этого весьма своеобразного и многонационального края. Несостоятельна была и методологическая база дореволюционных кавказоведческих исследований, которым были свойственны многие пороки буржуазно-дворянской историографии.

В дореволюционный период происходило главным образом описание отдельных сторон хозяйства, культуры и быта народов Кавказа, накапливался преимущественно фактический (документальный, этнографический, археологический) материал, но делалось мало теоретических обобщений, не создавалось целостной картины исторического развития народов, не выявлялись закономерности, основные этапы и особенности этого развития. По существу об истории народов Кавказа имелись в то время лишь самые элементарные и фрагментарные сведения. Особенно отставало изучение истории горских народов Северного Кавказа.

Лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти началось планомерное и целеустремленное изучение истории и этнографии всех народов Кавказа. Большую роль при этом сыграло возникновение на Кавказе соответствующих научно-исследовательских учреждений и подготовка национальных кадров.

Советское кавказоведение стало развиваться на новой теоретической основе — на прочной базе марксизма-ленинизма. По мере того, как советские историки, археологи, этнографы, изучавшие Кавказ, овладевали марксистско-ленинской методологией, повышался научный уровень их исследований, которые становились более углубленными и оригинальными. Параллельно шел процесс критического освоения и творческой переработки научного наследия дореволюционного кавказоведения. Все лучшее и ценное из того, что имелось в работах дореволюционных авторов, использовалось в интересах дальнейшего развития советского кавказоведения.

Постоянная забота Коммунистической партии и Советского государства о развитии просвещения, науки и культуры в национальных республиках и областях Кавказа создали здесь благоприятные условия для развертывания историко-этнографических исследований, количество и качество которых беспрерывно увеличивалось и повышалось, отвечая возросшим культурным потребностям широких народных масс.

Значительных результатов в изучении истории своих народов добились научно-исследовательские институты национальных автономий Северного Кавказа. Опираясь на местные научные силы, используя помощь ученых Москвы, Ленинграда и соседних республик Кавказа, эти институты создали обобщающие труды по истории Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестана.

Теперь все народы Северного Кавказа имеют возможность более или менее подробно ознакомиться со своим историческим прошлым, которое впервые предстает в этих обобщающих трудах не в отрывочных эпизодах, а в связном, последовательном изложении, основанном на марксистско-ленинском понимании исторического процесса.

Выход в свет обобщающих трудов по истории народов Северного Кавказа, знаменуя завершение определенного этапа в историографии названных народов, вместе с тем открывает новые перспективы ее развития.

С одной стороны, такие труды могли появиться лишь на базе предварительных частных исследований, статей и монографий, посвященных различным конкретным вопросам, отдельным сторонам и этапам истории того или другого народа. С другой стороны, эти труды, подводя итог проделанным исследованиям, одновременно с особой наглядностью обнаруживают имеющиеся в них пробелы, указывая на те вопросы, которые требуют дальнейшего изучения, уточнения и конкретизации.

Таким образом, опубликование в последние годы обобщающих трудов по истории народов Северного Кавказа дает хорошую основу для новых научных исследований в области истории и этнографии этих народов, способствуя подъему историографии северокавказских народов на новую, более высокую ступень.

Несомненно, что одним из важнейших условий такого подъема являются расширение и укрепление источниковедческой базы историко-этнографических исследований, привлечение новых источников, максимальная мобилизация их.

Богатый и разнообразный материал по истории и этнографии народов Северного Кавказа хранится в центральных и местных архивах нашей страны. Этот материал в общем доступен для каждого советского исследователя, хотя поиск и выявление нового, еще не опубликованного архивного материала требует, конечно, определенных навыков, а также затраты значительного времени и труда.

Наряду с архивным материалом большое значение для всякого рода кавказоведческих исследований имеют повествовательные литературные источники. У нас иногда недооценивают эти источники, считают, что если источники опубликованы, то они уже как бы теряют свое значение, свою новизну и становятся всем известны. Это, однако, далеко не так. Литературные повествовательные источники, хотя они по большей части опубликованы, отнюдь не общеизвестны и ни в какой мере не теряют своего научного значения, своей ценности. Повествовательные источники были и будут одним из основных видов источников для исторических и этнографических исследований. Причем в ряде случаев эти источники являются незаменимыми. Они особенно важны для изучения тех исторических периодов, которые слабо освещены документальными и иными материалами, хранящимися в архивах, или совсем не отражены в них.

Как известно, материалы по истории народов Кавказа стали накапливаться в архивах России главным образом с середины XVI в., когда устанавливаются постоянные дипломатические, политические, экономические и культурные связи Русского го-

сударства с кавказскими народами, которые постепенно присоединяются к России. Поэтому до середины XVI в. архивные материалы, относящиеся к истории народов Кавказа, носят случайный характер и количество их весьма ограниченно. Даже по истории адыгов и в частности кабардинцев, которые первыми из народов Кавказа добровольно присоединились к России и находились с ней в наиболее тесных отношениях, документальные материалы начинают систематически отлагаться в русских архивах лишь со второй половины XVI в. Следовательно, до этого времени на основании архивных русских источников изучать историю адыгов (не говоря уже о других народах Северного Кавказа) невозможно. Для этого необходимо привлекать другие письменные источники, среди которых повествовательные источники и прежде всего известия иностранных европейских писателей занимают главное место.

* * *

Известия иностранных авторов являются одним из важнейших источников при изучении истории любого народа. Особое значение имеют свидетельства иностранных писателей для тех периодов истории народа, когда у него еще не было своей письменности и, следовательно, собственных письменных исторических источников. Адыги, балкарцы, карачаевцы и другие горцы Северного Кавказа принадлежат как раз к числу тех народов, которые на протяжении длительного периода своей истории были бесписьменными, и потому известия иностранных писателей служат подчас единственным источником для восстановления их древней и средневековой истории. Однако, при всей ценности такого рода источников, они являются обычно малодоступными не только для широких кругов читателей, интересующихся историей своего народа, но даже для специалистов-исследователей. Причиной тому прежде всего являются трудность и сложность выявления всех тех иностранцев, которые писали о данном народе в эти периоды. Это, как правило, требует усилий не одного поколения ученых. Но даже тогда, когда такие авторы выявлены, использование их сочинений все еще остается весьма затруднительным, так как они, во-первых, бывают представлены очень редкими изданиями, хранящимися лишь в крупнейших библиотеках мира, а во-вторых, написаны на самых различных европейских и восточных языках. Поэтому в мировой научной литературе уже давно стали предприниматься издания специально подобранных известий иностранных авторов о тех или других народах с переводом этих известий на соответствующие языки.

Такие издания имеются и о народах нашей страны, в частности о народах Кавказа. Многие из этих изданий представляют большую познавательную ценность и прочно вошли в науч-

ный оборот. Для примера можно назвать труды В. В. Латышева [1], Н. А. Караулова [2], В. Г. Тизенгаузена [3].

В названных трудах собраны главнейшие сведения античных (греческих и латинских) и восточных (арабо- и персоязычных) авторов, на основе которых мы можем восстановить многие стороны древней и средневековой истории народов Кавказа. Наличие этих изданий позволило нам при подготовке данного труда остановить свой выбор на публикации известий европейских авторов об адыгах, балкарцах и карачаевцах, которые дополняют и хронологически продолжают сведения, сообщаемые об этих народах античными и восточными писателями.

Из числа европейских авторов, оставивших нам сведения об адыгах, балкарцах и карачаевцах, мы решили в первую очередь издать тех, которые писали не на русском языке, потому что именно сочинения этих авторов являются наименее доступными для наших читателей.

Приводимые нами тексты взяты из сочинений, написанных на латинском, а также на итальянском, голландском, французском, английском, немецком языках.

В большинстве случаев эти сочинения не только никогда не переводились на русский язык, но и стали в настоящее время библиографической редкостью, что вполне понятно, если мы учтем, что почти две трети использованных нами сочинений европейских авторов были опубликованы не позднее конца XVIII в., причем некоторые из них впервые изданы много веков тому назад, начиная с XVI в.

О библиографической редкости использованных нами изданий европейских авторов говорит и тот факт, что наиболее поздние из этих изданий появились в печати свыше ста лет тому назад и более никогда не переиздавались.

Данная книга, таким образом, дает переводы таких сочинений, которых и в подлиннике достать не так-то легко.

Однако самое главное достоинство нашей книги заключается, конечно, в том, что в ней собрано все наиболее важное и ценное из того, что сообщают об адыгах, балкарцах и карачаевцах в своих сочинениях европейские авторы на протяжении более 600 лет — от первых десятилетий XIII в. до середины XIX в.

---

[1] *В. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, тт. I—II, СПб., 1893—1906; *его же.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— «Вестник древней истории», 1948, №№ 1—4; 1949, №№ 1—4; 1952, №№ 1—4.

[2] *Н. А. Караулов.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, вып. XXIX, XXXII, XXXVIII, 1901—1908.

[3] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; т. II, извлечения из сочинений персидских. М.—Л., 1941.

Критическое изучение трудов многочисленных европейских авторов, писавших о Кавказе на протяжении указанных шести столетий, позволило отобрать для данной книги то, что действительно представляет первостепенный научный интерес и заслуживает внимания. Из сочинений ста двадцати трех авторов. просмотренных нами в связи с подготовкой данной книги, мы решили использовать сочинения только 36 авторов, так как сочинения ряда других авторов, писавших об адыгах, балкарцах и карачаевцах, представляют по сравнению с отобранными нами текстами меньший интерес.

Выбрав после долгих размышлений из сочинений европейских авторов данные тексты, относящиеся к адыгам, балкарцам и карачаевцам, мы избавляем наших читателей от сложной и трудоемкой работы, которая связана с самостоятельными поисками и научной оценкой соответствующего исторического и этнографического материала.

При подборке текстов различных авторов мы стремились к тому, чтобы их содержание не повторяло друг друга. Как правило, не включались авторы, которые не сообщают ничего нового по сравнению со своими предшественниками. Повторение допущено лишь в том случае, когда оно касалось существенных вопросов и сообщение более раннего автора нуждалось в подтверждении, а аналогичное сообщение более позднего автора основывалось на его собственных наблюдениях или информации, полученной из источников, заслуживающих доверия.

В наше издание не включены и компилятивные работы, если только их авторы не пользовались оригинальными сочинениями, не дошедшими до нас, или не дополняли свои компиляции личными впечатлениями и сбором нового материала.

Во всех случаях предпочтение отдавалось сочинениям тех европейских авторов, которые сами посетили Северный Кавказ и непосредственно наблюдали жизнь тех народов, которых они описывают. Подавляющее большинство авторов, тексты из сочинений которых включены в нашу книгу, принадлежат именно к этой категории. Таковы, в частности, Юлиан (ок. 1235 г.) *, Шильтбергер (начало XV в.), Барбаро (ок. 1432—1452 гг.), Рубрук (ок. 1255 г.), Интериано (вторая половина XV в.), Дортелли д'Асколи (ок. 1624—1634 гг.), Лукка (ок. 1634 г.), Олеарий (1636 и 1638 гг.), Шарден (1672 г.), Ферран (1702 г.), Мотрэ (1711 г.), Гербер (1727—1728 гг.), Главани (первая четверть XVIII в., до 1724 г.), Кук (1740-е гг.), Гюльденштедт (1770—1773 гг.), Гмелин (1770—1774 гг.), Рейнеггс (ок. 1780—1783 гг.), Паллас (1793 г.), Потоцкий (1798 г.), Клапрот (1807—1808 гг.), Тебу де Мариньи (1818—1824 гг.), Лайэлл (1822 г.),

* В скобках указываются годы пребывания данного автора на Кавказе; в ряде случаев даты даются приблизительные.

Бесс (1829 г.), Бларамберг (1830—1840 гг.), Дюбуа де Монпере (1833 г.), Белл (1837—1839 гг.), Лонгворт (1837 г.), Кох (1842 г.), Вагнер (1843—1846 гг.).

Как показывает это перечисление, из общего числа 36 авторов, сочинения которых использованы в книге, 29 авторов побывали лично на Северном Кавказе. Правда, характер, сроки и цели их пребывания в этом крае были весьма различными. В то время как одни из них отправлялись на Северный Кавказ с определенной целью, в том числе и с целью специально ознакомиться с жизнью местного населения, находились здесь длительное время и имели возможность собрать об интересующих нас народах Кавказа обстоятельные и достоверные сведения (Интериано, Дортелли, Гербер, Рейнеггс, Тебу де Мариньи, Белл, Лонгворт), другие оказались на Северном Кавказе проездом, случайно и собирали этнографические сведения о его населении лишь попутно. Очевидно, что объем и ценность материала, который можно почерпнуть из сочинений авторов первой и второй группы, существенно отличаются. Но количество и качество сообщаемой автором информации зависели не только от цели и продолжительности его пребывания на Кавказе, но и от его образования, кругозора, наблюдательности, умения установить контакты с местным населением и получить от него необходимые сведения и от ряда других личных качеств.

Среди авторов встречаются такие, которые были на Северном Кавказе сравнительно недолго, но сумели за короткий срок собрать весьма интересные сведения о культуре и быте местного населения (например, Олеарий, Мотрэ). Были и такие авторы, которые посещали Северный Кавказ лишь наездом из Крыма, Таны и других пунктов, находившихся по соседству с территорией адыгов (черкесов) и других обитателей этого края, но настолько интересовались жизнью этих народов, что даже составляли специальные описания этих народов (например, Ферран, Главани, Пейсонель).

Иностранцев, посещающих ту или иную страну, часто именуют путешественниками, независимо от того, посещали ли они эту страну действительно только с целью совершить путешествие или отправлялись с какой-либо другой целью. Всех европейских авторов, побывавших на Кавказе и оставивших описание этого края и его обитателей, также обычно называют путешественниками [1]. Однако, такое словоупотребление носит весьма условный характер и не может быть признано по существу правильным. Если придерживаться точного смысла слова «путешественник», то лишь немногие из иностранцев, побывавших на Кавказе, могут быть признаны путешественниками. Из числа

[1] Ср., например: *М. А. Полиевктов.* Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1936.

тех европейских авторов, которые лично побывали на Северном Кавказе и сочинения которых мы использовали для нашей книги, к разряду путешественников могут быть отнесены далеко не все. Насколько позволяют судить об этих авторах имеющиеся в нашем распоряжении биографические и иные данные, лишь Интериано, Гюльденштедт, Паллас, Потоцкий, Бесс, Дюбуа де Монпере, Кох и Вагнер могут считаться путешественниками по Кавказу, ибо, по-видимому, только эти авторы посетили Кавказ для того, чтобы ознакомиться с этой страной и ее обитателями, то есть с познавательными целями. Все перечисленные авторы могут быть отнесены к числу путешественников-ученых. Именно это отличает этих авторов от большинства других авторов, сочинения которых использованы в данной книге. Вторая группа авторов посещала Северный Кавказ по торговым, дипломатическим и политическим делам, в качестве купцов, дипломатов, миссионеров, разведчиков, журналистов. Конечно, и эти авторы, посещавшие страну с заданиями отнюдь не научного характера, тоже интересовались жизнью и бытом местных народов и сообщали в своих описаниях немало сведений, представляющих для нас в настоящее время большую научную ценность. Таков, например, миссионер Дортелли д'Асколи, политический и дипломатический агент Рейнеггс, разведчик Белл или его спутник журналист Лонгворт.

Читая в строгой хронологической последовательности собранные в этой книге тексты из сочинений западноевропейских авторов, мы получаем весьма яркую картину постепенного расширения знаний в Западной Европе о народах Кавказа. Нельзя не заметить, что западноевропейские авторы по мере того, как они знакомились с Северным Кавказом, все больше и больше внимания уделяют адыгам, которых примерно с XIII в. в Европе начинают именовать преимущественно черкесами. И это понятно. После татаро-монгольского завоевания Северного Кавказа и разгрома алан и половцев адыги постепенно занимают большую часть равнины Предкавказья и становятся наиболее многочисленным и влиятельным народом этой части Кавказа, причем по мере того, как приходит в упадок Золотая Орда, значение адыгов среди окружающих народов неуклонно возрастает . Их популярность в Европе все более растет, и это приводит к тому, что адыги (черкесы) на многие столетия заслоняют собой другие народы Северного Кавказа. Слово «черкесы» становится нарицательным. Этим словом все чаще и чаще обозначают не только собственно адыгов, но и их соседей абазин, карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей и другие народы Северного Кавказа. В глазах иностранцев Северный Кавказ теперь представляется страной, населенной преимущественно или только черкесами. Черкесский общественный строй, черкесская одежда и вооружение, черкесские нравы и обычаи олицетворяют соответственно образ жизни всех горцев Северного

Кавказа. Не удивительно, что и в сочинениях большинства использованных нами западноевропейских авторов черкесы занимают главное место.

* * *

Оставившие нам те или иные сведения о Кавказе западноевропейские авторы могут быть подразделены по периодам, соответствующим определенным этапам в мировой истории и в развитии взаимоотношений народов Кавказа с европейскими странами. Периоды эти следующие: 1) XIII—XV вв.; 2) XVI—XVII вв.; 3) XVIII в.; 4) Первая половина XIX в.

Конечно, можно наметить и более дробную периодизацию. Например, XVI в. можно отделить от XVII в., а XVIII в. можно подразделить на его первую и вторую половины. Но для наших целей можно ограничиться и этой несколько обобщенной периодизацией, ибо в ней отражены основные моменты как внешнеполитической истории Северного Кавказа, так и его внутренней истории.

Первый период, охватывающий XIII—XV вв., представлен в нашем издании пятью авторами: Юлианом, Рубруком, Шильтбергером, Барбаро, Интериано. Как мы видим, число авторов невелико. Это объясняется тем, что о Северном Кавказе в то время писало сравнительно небольшое количество европейцев. В частности об адыгах (черкесах), — а мы уже отмечали, что они в это время становятся наиболее известным в Европе северокавказским народом, — упоминают в своих сочинениях всего лишь 15 авторов.

Для того чтобы правильно оценить международную обстановку, в которой состоялось знакомство европейских авторов с Северным Кавказом в этот период, а также понять, какие причины вызвали их поездки на Кавказ, следует иметь в виду, что начало этого периода совпадает с татаро-монгольским нашествием на Восточную Европу и Северный Кавказ.

Одним из первых европейцев, попавших на Северный Кавказ в рассматриваемый период, был католический монах и миссионер Юлиан. Он прибыл на Северный Кавказ как раз в тот момент, когда татаро-монголы, после своего первого рекогносцировочного похода на Кавказ и Восточную Европу, завершившегося знаменитой битвой с русскими князьями на реке Калке, готовились к завоеванию этих стран.

Поездка на Восток была предпринята Юлианом и его товарищами с целью разыскать древнюю прародину венгров и обратить жителей этой страны в христианство. Отправившись из Константинополя морем к берегам Северо-Западного Кавказа (ок. 1235 г.), Юлиан и его спутники высадились в городе Матрике (Матреге), находившемся на земле зихов (адыгов); отсюда они двинулись дальше на восток через земли алан.

Хотя на Северном Кавказе Юлиан был только проездом, мы находим в его описании весьма важные сведения об адыгах (зихах) и аланах. Ценность этих сведений повышается тем, что они относятся к кануну завоевания Северного Кавказа монголами. Последующие описания европейских авторов рисуют уже нам совершенно иную ситуацию на Северном Кавказе, сложившуюся в результате татаро-монгольского нашествия.

Появление в Восточной Европе татаро-монголов, угрожавших и Западной Европе, естественно, обеспокоило западноевропейские государства и привлекло к этим завоевателям внимание многих европейских писателей. Вместе с тем у некоторых властителей Европы зародились планы использовать могущество монголов в своих интересах, сделать их союзниками в борьбе с другими врагами. Это, в частности, являлось причиной поездки на Восток Виллема Рубрука — посла французского короля Людовика IX к монгольскому хану Менгу (Мункэ). Рубрук посетил Северный Кавказ около 1255 года, т. е. вскоре после того, как этот край подвергся монгольскому разорению и оккупации. В этом отношении сведения, сообщаемые Рубруком, непосредственно продолжают повествование Юлиана, бывшего на Северном Кавказе двадцатью годами раньше. Проезжая приазовские и придонские степи, Рубрук уже не находит здесь половцев, разгромленных и изгнанных монголами. Правда, Рубруку удается еще встретить алан, но не в степях Северного Кавказа, а лишь в Крыму. Северокавказские аланы, как и половцы, должны были покинуть степи Предкавказья.

Почти два столетия отделяют Юлиана и Рубрука от последующих европейских авторов, сочинения которых включены в нашу книгу. Если исключить совершенно случайно попавшего на Кавказ военнопленного солдата немца Шильтбергера, то представляется вполне закономерным, что среди западноевропейских авторов, писавших в XIV—XV вв. о Северном Кавказе, мы встречаем только итальянцев, преимущественно венецианцев и генуэзцев. В это время Генуэзская и Венецианская республики вели активную колониальную политику в Северном Причерноморье. В Крыму и в устье Дона у них были крупные опорные пункты (Каффа и Тана), а на Азовском и Черноморском побережье Северного Кавказа и даже на Кубани находился ряд их торговых факторий. Естественно, что итальянцы часто посещали по своим делам генуэзские и венецианские колонии Северного Причерноморья, а иногда даже и смежные районы Северного Кавказа, знакомясь при этом довольно обстоятельно с местным населением.

Среди итальянских авторов этого периода наиболее интересные для нас сведения сообщают венецианец Иосафат Барбаро и генуэзец Джорджио Интериано. Первый из них около шестнадцати лет (1436—1452 гг.) прожил в Тане, крупнейшей и ближайшей к северокавказским областям итальянской коло-

нии, в которой было удобно собирать информацию о народах Северного Кавказа и прежде всего черкесах. Из Таны Барбаро не раз выезжал довольно далеко в глубь татарских владений, достигая иногда и черкесских земель. Не удивительно, что о черкесах Барбаро сообщает такие сведения, которые мы не встречаем у его предшественников. В частности, Барбаро впервые упоминает о Кабарде. У него же встречаются и другие этнические названия, под которыми, по-видимому, скрываются какие-то подразделения адыгов. Таковы, например, названия «Кипики» и «Татакос» (разночтение: «Тетаркос»), под которыми, по мнению В. Семенова, следует подразумевать шапсугов и темиргоевцев.

Еще более осведомленным в черкесских делах оказывается Интериано. Он посвятил черкесам специальное сочинение — первое в западноевропейской литературе. Это уникальное произведение, чрезвычайно широкое по своему тематическому содержанию, дает универсальное описание жизни и быта черкесов. В нем мы имеем первое подробное описание феодального строя в Черкесии, одежды, пищи, вооружения, жилища, религии, обычаев черкесов, в том числе гостеприимства, куначества, похоронных обрядов и т. д.

Ценным дополнением к известиям итальянских авторов XIV—XV вв. являются итальянские архивные источники, в частности, опубликованные материалы генуэзских архивов, в которых сохранились многочисленные сведения о генуэзских колониях в Северном Причерноморье и о их взаимоотношениях с местным населением, в том числе и с населением ряда районов Северо-Западного Кавказа. Из этих источников мы узнаем, что в Каффе (на месте нынешней Феодосии), Матреге (на месте нынешней Тамани), Копе (на Кубани, недалеко от нынешнего Краснодара) проживало и черкесское население.

Из архивных итальянских источников мы узнаем также о тесных связях черкесской аристократии причерноморских и приазовских районов с правящей верхушкой итальянских колоний Северного Причерноморья. Документами генуэзских архивов засвидетельствованы такие небезынтересные факты, как прием черкесских князей в палаццо генуэзского консула в Каффе, преподнесение черкесской знати ценных подарков, а также другие знаки внимания, оказываемые представителями итальянской колониальной администрации местным феодалам с целью привлечения их на свою сторону.

В архивных документах, относящихся к деятельности итальянских колоний в Северном Причерноморье, отражено и наличие довольно значительных экономических связей этих колоний с местным, в том числе черкесским населением. Однако не следует преувеличивать размеры этих связей, а также представлять взаимоотношения местного населения с итальянскими ко-

лониями Северного Причерноморья, как только дружественные. Это не всегда было так.

Торгово-ростовщическая эксплуатация итальянскими колонистами окрестных жителей вызывала со стороны последних не только скрытое недовольство, но и открытый отпор. Документы итальянских архивов сохранили некоторые, по-видимому далеко не исчерпывающие, указания на столкновения коренного населения с колонистами.

Было бы также серьезной ошибкой предполагать, что деятельность представителей итальянского торгового капитала в Северном Причерноморье оказывала лишь положительное влияние на социально-экономическое и культурное развитие народов этого района. В этой связи следует напомнить, что итальянские колонии играли видную роль в работорговле, которая с древнейших времен процветала на берегах Северного Причерноморья. Установление в Крыму и на Северном Кавказе с конца XIII в. господства татаро-монголов открыло новые возможности для развертывания здесь чрезвычайно выгодной торговли «живым товаром». Татарские феодалы, совершавшие постоянные грабительские набеги на своих соседей и уводившие тысячи людей в плен с целью продажи их в рабство, нашли в итальянских колонистах Северного Причерноморья хороших партнеров по работорговле. Итальянские купцы, наряду с другими коммерческими операциями, охотно занимались покупкой у татарских феодалов рабов-военнопленных, среди которых часто оказывались черкесы и черкешенки, особенно высоко ценившиеся на рабовладельческих рынках всего Ближнего Востока. Купцы Каффы, Таны и других итальянских колоний Северного Причерноморья, являясь постоянными покупателями рабов-военнопленных, приводимых татарами из Черкесии, таким образом, в определенной степени стимулировали набеги татарских феодалов на Черкесию с целью захвата там такой ценной добычи, как рабы.

Справедливость требует отметить, что и черкесские феодалы не гнушались продажи в рабство своих соплеменников и нередко затевали междоусобицы с целью захватить в плен людей, которых можно было бы обратить в рабство. Поэтому на рабовладельческих рынках Таны и Каффы можно было встретить и черкесских феодалов, продающих рабов. Из итальянских источников известно, что черкесская знать покупала у итальянских купцов самые разнообразные товары. Проникновение в быт черкесских феодалов предметов итальянского экспорта находит подтверждение и в археологических материалах. Так, в черкесских могильниках Северо-Западного Кавказа неоднократно находили генуэзское оружие и другие предметы генуэзского производства или генуэзской торговли.

Память о связях черкесов с итальянскими колониями сохранялась среди местного населения в течение многих веков.

Итальянским колонистам приписывали сооружение ряда средневековых укреплений на территории Северо-Западного Кавказа, некоторые из которых возможно и принадлежали итальянцам. В адыгских преданиях итальянцы, прежде всего по-видимому генуэзцы, а позднее и другие европейцы фигурируют под именем «франков». Сохранившиеся среди адыгов предания о связях с «франками» зафиксированы и позднейшими европейскими авторами (ср. Главани, Клапрота, Дюбуа де Монпере и др.). Популярность «франков» пытались использовать в целях налаживания дружественных отношений с черкесами Причерноморья ряд политических и дипломатических агентов первой половины XIX в. (Скасси, Тебу де Мариньи и др.). У позднейших европейских авторов, писавших о средневековом Северном Кавказе, нередко встречается идеализация черкесо-итальянских отношений рассматриваемого периода. Но, как мы видели, эти взаимоотношения отнюдь не следует представлять себе в розовом свете.

Подводя итоги нашему рассмотрению европейских авторов, писавших о Кавказе в XIII—XV вв., следует отметить, что при всей разрозненности и случайности сообщаемых ими сведений, каждое, даже самое краткое, упоминание о народах Северного Кавказа представляет для нас большую ценность, поскольку это один из периодов средневековой истории Северного Кавказа, наиболее скудно освещенный письменными источниками. И все-таки, как мы видим, европейские авторы XIII—XV вв. сообщают довольно разнообразные сведения о Северном Кавказе, ориентируют нас в создавшейся здесь политической обстановке, подробно знакомят с бытом и культурой черкесов. Можно сказать, что именно описание Интериано кладет основу изучению черкесов (адыгов) в позднейшей европейской литературе. Недаром это описание много раз переиздавалось на языке подлинника (в том числе и в России), а также было переведено на французский, немецкий и русский языки. Тот факт, что составленное Интериано описание Черкесии было в первой половине XIX в. широко использовано в трудах таких выдающихся западноевропейских ученых-кавказоведов, как Клапрот и Дюбуа де Монпере, уже сам по себе является ярким свидетельством высоких научных достоинств этого описания и его первостепенного значения для западноевропейской литературы о черкесах.

Обратимся теперь к рассмотрению авторов, относящихся ко второму из намеченных нами исторических периодов (XVI—XVII вв.).

Этот период характеризуется совершенно новой международной ситуацией, которая вызвала интерес к Северному Кавказу у нового, по сравнению с предыдущим периодом, круга западноевропейских стран.

Под влиянием великих географических открытий и развития в Западной Европе капитализма происходит выдвижение на

первый план вместо торговых республик Италии других европейских государств. Это, в частности, связано с перенесением торговых центров из района Средиземного моря на европейское побережье Атлантического океана. В результате проложения морского пути в Индию и открытия Америки европейская торговля вышла за узкие пределы морей, омывающих Западную Европу. Вместо средиземноморских центров торговли, находившихся в руках итальянцев, и северных прибалтийских центров, где господствовал Ганзейский союз, преобладание в мировой торговле получают государства Пиренейского полуострова (Португалия и Испания), которые занимают ведущее место в качестве колониальных и морских держав с конца XV до начала XVII в. Португалия, получившая по договору с Испанией монопольное право на обладание колониями в Африке, Азии и Южной Америке (Бразилии), уже не интересовалась ни средиземноморскими, ни черноморскими путями в развертывании своей грандиозной торговли с Востоком. Интересы же Испании были главным образом связаны с вновь открытым американским континентом, с так называемым «Новым светом». Поэтому в XVI—XVII вв. ни один испанец или португалец не посетил Северный Кавказ.

В XVII в. господство в мировой торговле переходит сначала в руки голландцев, а затем англичан, интересы которых попрежнему влекли их в страны Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Англичане и голландцы стремились прежде всего овладеть Индией, вместе с тем англичане уделяли немалое внимание Ирану, Турции и Кавказу. Эти страны интересовали англичан не только сами по себе, но и как путь в ту же самую сказочно богатую Индию. Новый морской путь в Индию, шедший вокруг Африки, был очень длинным и трудным. Из стран Ближнего Востока через Турцию, Иран, Афганистан тоже можно было попасть в Индию. Сухопутный путь из Европы в Индию был открыт еще в XV в. Афанасием Никитиным, русским купцом, родом из Твери, совершившим в 1466—1472 гг. большое путешествие с торговой целью на Кавказ, в Иран и Индию.

Путь из России в Иран и Индию представлял немаловажный интерес и для западноевропейских стран. Европейских купцов, в частности, привлекал Иран, являвшийся главным источником одного из самых дорогих на европейских рынках товаров — шелка. Поэтому в XVII в. многие западноевропейские государства просят у России разрешения вести через ее территорию транзитную торговлю с Ираном. Открытие в середине XVI в. северного морского пути из Англии в Россию, в Архангельск, позволило англичанам опередить своих соперников в деле организации восточной торговли через территорию России. С этого времени Волжско-Каспийский путь в Иран становится излюбленным путем многих западноевропейских торговых и политических агентов. Проезжая этим путем, они, естественно, не могли миновать и Северный Кавказ, но в отличие от авторов

XIII—XV вв., которые обычно при проезде через Кавказ знакомились с его северо-западными районами, многие авторы XVI—XVII вв., отправляясь Волжско-Каспийским путем в Иран, знакомились с северо-восточной частью Кавказа, с его Прикаспийской территорией. Именно эта группа европейских авторов в XVI—XVII вв. сообщает нам ряд ценных сведений о Кабарде, тогда как другая группа авторов этого же периода, посещающих Северный Кавказ со стороны Черного моря, знакомит нас по-прежнему с причерноморской Черкесией. Следует, однако, заметить, что после захвата Константинополя Турцией в 1453 г. Черное море теряет свое прежнее торговое значение. Теперь уже через него не идут важные торговые пути в различные районы Ближнего и Дальнего Востока. Черное море сделалось «закрытым морем» почти для всех европейских государств. До конца XVI столетия использовать Черное море в торговых целях Турция разрешала только одной Венеции. Благодаря этому Венеция наконец одержала победу над своей давней соперницей — Генуэзской республикой и в Северном Причерноморье. Правда, эта победа была уже несколько запоздалой. Как мы уже отмечали, мировое значение итальянских торговых республик конца XV в. неуклонно падает, и они перестают быть великими морскими державами. Их колонии в Северном Причерноморье хиреют, подвергаются разорению со стороны татаро-монголов, пока окончательно не переходят в руки Оттоманской империи и ее вассала Крымского ханства.

В XVII—XVIII вв. интересующие нас районы Северного Кавказа посетили или о них писали в своих сочинениях около 30 европейских авторов (не считая русских). По национальной принадлежности среди них по-прежнему преобладали итальянцы (11 человек), затем шли французы (5 человек), немцы (5 человек), голландцы (3 человека), англичане (2 человека) и представители других европейских национальностей (австрийцы, поляки и т. д.). Из числа этих авторов свыше половины были дипломаты или государственные служащие (Петрей, Герберштейн, Мейербергер, Герберт, Олеарий, Постель, Броневский, Тьеполо, Кавалли, Гарцони, Бернардо, Барберини, Зане; Флетчер, Витсен и др.), пять были миссионерами или лицами, причастными к католической пропаганде (Авриль, Лукка, Пьетро делла Валле, Дортелли д'Асколи, Ламберти), два купца (Тавернье, Шарден), один моряк (Стрейс), один врач (Даппер) и т. д.

Большинство авторов этого периода писали о Северном Кавказе, находясь за его пределами, но по соседству. Часть таких авторов собирала сведения о народах Северного Кавказа, находясь в России или в Польше (Петрей, Герберштейн, Витсен, Боплан, Мейербергер, Флетчер, Ботеро, Барберини, Меховский, Рентельфенс); другая часть писала о Северном Кавказе, находясь в Турции (Постель, Кавалли, Гарцони, Бернар-

до, Зане), в Закавказье (Пьетро делла Валле, Алесандро, Ламберти), в Иране (Герберт), в Крыму (Броневский). Многие из них писали о Северном Кавказе, проехав вдоль Каспийского (Стрейс, Авриль, Тавернье) или Черноморского (Шарден) побережий. Лишь двое из авторов этого периода побывали на Северном Кавказе лично. Это были Дортелли д'Асколи и Лукка, посетившие причерноморские районы Черкесии. Таким образом, и в данный период, так же как и в XIII—XV вв., глубинные районы Северного Кавказа вовсе не посещались европейскими авторами и потому, естественно, остались не освещенными в сочинениях.

Далеко не все европейские авторы рассматриваемого периода, касающиеся в своих сочинениях Кавказа, представляют для нас интерес. Ведь большинство их не касалось специально Северного Кавказа. В частности, члены многочисленных посольств, проезжавших через прикаспийские области Кавказа в Иран, в своих сочинениях обычно уделяют народам Северного Кавказа незначительное место. Описывая подробно самый путь, производя различного рода разведки, они в первую очередь обращают внимание на те вопросы, которые представляют политический и экономический интерес для их государств. С этой точки зрения Закавказье обычно привлекало внимание западноевропейских авторов в большей степени, чем Северный Кавказ, о котором они ограничиваются по большей части лишь беглыми и краткими заметками. Поэтому, несмотря на увеличение числа европейских авторов, писавших в XVI—XVII вв. о Кавказе, число тех, кто сообщает сравнительно ценные сведения, остается, как и в предшествующий период, весьма ограниченным. Это — Мартин Броневский, Дортелли д'Асколи, Ламберти, Тавернье, Лукка, Олеарий, Витсен, Стрейс, Шарден, Кемпфер. Именно тексты из сочинений этих авторов и помещены в нашей книге.

Наиболее обстоятельные сведения сообщают, естественно, те авторы, которым удалось побывать самим на Северном Кавказе. Это миссионеры Дортелли д'Асколи и Лукка, которые сообщают весьма интересные факты из жизни черкесов. Эти факты основаны по большей части на личных наблюдениях и заслуживают безусловного доверия. В этом отношении свидетельство Дортелли д'Асколи и Лукка могут быть сравнены лишь со сведениями их предшественника — Интериано.

Заслуживает внимания и описание Олеария. Он посетил Кабарду и дал нам возможность сопоставить сведения о западных адыгах со сведениями о кабардинцах. Из авторов, не посетивших Северный Кавказ, но собравших о нем важные сведения, следует назвать Витсена. Характерно, что в описании Витсена уже нередко дается дифференцированная характеристика адыгов. Правда, у Витсена адыги по-прежнему большей частью продолжают фигурировать под общим именем «черкесов», но

ему известно, что среди них особую группу составляют «пятигорские черкесы», которые занимают территорию Кабарды.

Более подробно в литературных источниках XVI—XVII вв. освещаются хозяйственный быт адыгов, состояние земледелия, скотоводства, домашней промышленности и ремесла. Значительное внимание характеристике экономики черкесов, преимущественно кабардинцев, уделяет Тавернье. Сведения об отдельных отраслях хозяйства дают в своих сочинениях Дортелли д'Асколи, Лукка, Шарден, Витсен. О торговле причерноморских черкесов и больших выгодах, извлекаемых из нее купцами, имеются заметки у Шардена. Интересны сведения о пребывании черкесских купцов в Крыму (Броневский) и в Шемахе (Авриль). Видимо, черкесская внешняя торговля уже в XVI—XVII вв. принимает обширный характер. Судя по тому, что Тавернье говорит о высоких качествах черкесской шерсти и черкесских коней, продукты адыгского скотоводства уже в это время идут на экспорт и получают большую известность. Для XVIII в. этот факт представляется хорошо доказанным материалами о черноморской торговле, приводимыми Пейсонелем. Но трудно полагать, что те огромные масштабы, которые приобрел черкесский экспорт в XVIII в., не был подготовлен определенными успехами его уже в XVII в. Вывоз в XVI—XVII вв. продуктов черкесского сельского хозяйства за границу может быть принят, как важное указание на довольно высокий уровень его развития в это время. Особенно много внимания теперь уделяется работорговле, которая на Черноморском побережье Кавказа продолжает неуклонно расти.

Сведения о социальном строе черкесов у авторов этого периода довольно скудны. По существу о классовом строе Черкесии, о положении черкесского крестьянства нам за эти два века, по сравнению с описанием Интериано, ничего нового не известно. О нарастании классовой борьбы в Черкссии в XVII в. мы можем судить лишь по довольно неясным сообщениям Витсена. Его указание на то, что черкесская знать начинает терпеть поражение в борьбе с закрепощаемыми крестьянскими массами, могло бы быть подвергнуто сомнению (что и делают некоторые современные исследователи), если бы об этом же не сообщал спустя 200 лет Белл на основании сохранившихся в Черкесии в первой трети XIX в. народных преданий.

Повествовательные источники XVI—XVII вв. уделяют значительное место описанию религии черкесов, в частности сохранению у них пережитков христианства. Показательно, что европейские авторы XVI—XVII вв. иногда даже склонны преувеличивать влияние христианства в Черкесии, в частности в Кабарде, и не замечать распространения ислама. Когда речь идет о причерноморских адыгах, у которых явственные следы христианства сохранились вплоть до первой половины XIX в., это особого удивления не вызывает, но то обстоятельство, что на-

личие христианских обрядов греческого толка отмечается в этот период и в Кабарде, заставляет нас отнестись с особым вниманием к этим известиям. Невольно вспоминаешь сообщение Шоры Ногмова о том, что еще в его время в Кабарде хранились христианские книги и жили потомки христианских священнослужителей. Вместе с тем большой интерес представляют и те страницы сочинений европейских авторов XVI—XVII вв., которые повествуют о сохранении у адыгов дохристианских верований. Характерно, что такие хорошо осведомленные в религиоведческих вопросах авторы, как Ламберти и Лукка, подчеркивают, что хотя причерноморские адыги считают себя христианами, они в действительности являются таковыми лишь номинально.

Западноевропейские авторы XVI—XVII вв. по-прежнему ничего не знают о народах, живущих в глубине Северного Кавказа, поэтому в основном сообщаемые ими сведения касаются только адыгов. У авторов этого периода лишь изредка можно встретить упоминания о карачаевцах, причем даже такие авторы, которые имели возможность сообщить подробности об этом народе (например, Ламберти, Лукка), не считали, к сожалению, нужным делать это. Видимо, горцы Центрального Кавказа все еще не интересуют западноевропейских писателей. С другой стороны, следует отметить, что авторы этого периода продолжают в числе народов, обитающих на Северном Кавказе, называть «аланов». Хотя упоминание об аланах в это время является анахронизмом, однако это не просто дань прежней традиции. Не случайно об аланах говорят такие хорошо осведомленные в этнической карте Кавказа авторы, как Дортелли д'Асколи или Ламберти. То обстоятельство, что, например, Ламберти упоминает об аланах в том месте своего описания Кавказа, где речь идет о карачаевцах, сванах и других горцах, наводит нас на мысль, что под аланами этот автор (как, по-видимому, и другие его современники) подразумевал осетин.

Сравнивая положительные итоги этого периода с предшествующим, мы должны отметить, что совокупность сведений, сообщаемых европейскими авторами XVI—XVII вв. об интересующих нас народах Северного Кавказа, свидетельствует о некотором, хотя все еще недостаточном, расширении знаний в Западной Европе об этой части Кавказа. Наиболее важными достижениями западноевропейского кавказоведения XVI—XVII вв. следует считать более углубленное изучение адыгов, причем одновременно западных и восточных. Если в предшествующий период мы имели сравнительно мало сведений, которые могли бы отнести непосредственно к тому или другому району Черкесии, то теперь, наряду с причерноморскими и закубанскими адыгами, европейские авторы дают довольно обстоятельные сведения и о Кабарде. Весьма важным для нас является и

первое упоминание о карачаевцах, хотя об этом народе пока все еще не сообщается никаких существенных подробностей.

Переходим теперь к рассмотрению известий европейских авторов, относящихся к третьему периоду. Прежде всего необходимо отметить, что по сравнению с двумя предшествующими периодами число европейских авторов, посещающих Кавказ и описывающих его народы, намного увеличивается, ибо в XVIII в. уже почти все крупные государства Европы проявляют повышенный интерес к этому краю. В связи с этим естественно увеличивается объем и качество этнографических сведений, сообщаемых о Кавказе.

Вступая в XVIII в., мы впервые получаем возможность более широкого ознакомления почти со всеми народами Северного Кавказа. Правда, и для этого периода в центре внимания западноевропейских авторов остаются адыги. Ни один автор XVIII в., писавший о Северном Кавказе, не забывает остановиться на описании черкесов, а некоторые авторы посвящают им даже специальные работы. Таков, например, Главани, который для своего времени дал столь же всестороннее и ценное описание Черкесии, как и Интериано. Другие авторы XVIII в., писавшие о Кавказе, хотя повествуют не только об адыгах (черкесах), но и об абазинах, ногайцах, карачаевцах, осетинах, ингушах и других народах Кавказа, все-таки никогда не забывают упомянуть о черкесах. Среди западноевропейских авторов XVIII в., писавших о Кавказе, по-прежнему немало англичан. Однако и количественно и качественно преобладают французы, что объясняется активизацией французской колониальной политики на Ближнем Востоке. К числу авторов, представляющих в этот период французские интересы, нужно отнести и Главани, который был французским консулом в Крыму, хотя по национальности он был итальянцем.

В XVIII в. значение итальянского торгового капитала в черноморской торговле приходит в упадок. Феодально раздробленная Италия не могла в это время конкурировать с такими европейскими державами, как Англия и Франция; последняя имела особенно прочные позиции в Турции и в зависимом от турецкого султана Крымском ханстве. Неудивительно поэтому, что в числе западноевропейских авторов, имевших возможность собрать о народах Северного Кавказа наиболее важные сведения, мы видим главным образом французов, в том числе Феррана — первого врача крымского хана, Главани и Пейсонеля — французских консулов в Крыму. Кроме этих трех авторов, сочинения которых использованы для данной книги, к французской группе может быть отнесен также и иезуит Дюбон, который, с одной стороны, представлял в Крыму интересы римского папы и католической церкви, а, с другой стороны, интересы французского торгового капитала.

Несколько особняком стоит де ля Мотрэ — французский дво-

рянин, покинувший родину вследствие религиозных преследований. Его поездка по Северному Кавказу, если верить его словам, оказалась случайной, поскольку он прибыл в Крым, не имея в виду совершить оттуда путешествие на Северный Кавказ. Хотя в Крыму Мотрэ находился в связи с выполнением им поручения шведского короля Карла XII, у нас нет сколько-нибудь серьезных оснований считать, что его кратковременная поездка по Северному Кавказу была связана со шведскими интересами. Среди авторов, посетивших Кавказ и оставивших описания этого края, было и несколько англичан (Белл, Элтон, Гэнвей, Кук, Брус); почти все они (кроме купца Гэнвея) находились более или менее длительное время на русской службе, хотя составляли свои описания Кавказа отнюдь не по заданию русского правительства, а скорее в интересах английской коммерции. Все английские авторы, за исключением Бруса, посещали только Каспийское побережье Северного Кавказа, поэтому Кабарда оказывалась не затронутой их путевыми заметками, не говоря уже о более западных районах Северо-Кавказского края. То же следует сказать и о голландском художнике Корнелии де Брейне, проехавшем из Астрахани по Каспийскому морю в Иран: в его прекрасно иллюстрированных описаниях двух путешествий на Восток нет ни слова о народах Северного Кавказа.

Совершенно новым явлением, характерным именно для данного периода, было включение в состав европейских авторов, писавших о Кавказе, ученых, специально готовившихся к путешествию по Кавказу и проводивших его описания по разработанной Российской Академией наук программе. Таковыми в XVIII в. были Гмелин, Гюльденштедт, Паллас, Потоцкий. Все они были члены русской Академии наук, внесшие чрезвычайно ценный вклад в изучение Кавказа. К числу иностранцев, находившихся на русской службе и по заданию русского правительства собиравших сведения о Кавказе, следует отнести также Гербера и Рейнеггса.

В XVIII в. много иностранцев, находившихся на русской службе, были причастны к кавказским делам. Однако большинство из них не были на интересующей нас территории Северного Кавказа, а поскольку для XVIII в. мы располагаем уже вполне достаточными сведениями из сочинений других европейских писателей, бывавших на этой территории и описывавших ее коренное население на основании собственных наблюдений, у нас нет никакой нужды использовать этих второстепенных авторов. Немало европейских авторов писало о Северном Кавказе с чужих слов, на основании случайной информации, собранной в Закавказье, Турции, Иране. Научная ценность сведений этой категории западноевропейских авторов не идет ни в какое сравнение с теми авторами, которые собирали эту информацию целеустремленно и систематически, как это, напри-

мер, делали Главани и Пейсонель, долгое время жившие в Крыму и возможно даже лично посещавшие Северный Кавказ.

Восемнадцатый век, таким образом, представляется важнейшим периодом в изучении интересующих нас районов Северного Кавказа, как и Кавказа в целом. Именно в этом столетии закладываются прочные основы научного кавказоведения, что прежде всего связано с серией хорошо продуманных экспедиций на Кавказ, организованных Российской Академией наук. Результаты этих экспедиций, изложенные в трудах Гмелина, Гюльденштедта, Палласа и Потоцкого, обогатили европейскую науку рядом чрезвычайно ценных материалов, без которых не может обойтись ни один из современных исследователей исторической этнографии Кавказа.

В XVIII в. в сферу изучения европейской науки вовлекаются уже все народы Северного Кавказа, в том числе и те, кто жили в глубине Кавказских гор, как балкарцы и карачаевцы. Конечно, сведения об этих народах все еще были крайне скудными и недостаточными, но первый серьезный шаг в изучении этих и других народов, остававшихся долгое время неизвестными в европейской литературе, был, наконец, сделан.

Первая половина XIX в. составляет период, когда Кавказ в целом оказался в центре внимания европейской дипломатии. В этот период кавказские дела входят в качестве составной части в пресловутый «восточный вопрос». Ближний Восток и Кавказ стали ареной соперничества таких держав, как Россия, Англия, Франция, Австрия, Пруссия. На Кавказ теперь устремляются в еще большем количестве, чем прежде, торговые, политические и дипломатические агенты этих держав с целью детального ознакомления с этим краем в интересах господствующих классов своей страны. Для большинства западноевропейских агентов поездка на Кавказ должна была маскироваться научными или иными благовидными целями, так как большая часть территории Кавказа в это время была уже присоединена к России. Естественно поэтому, что английские, французские и другие европейские разведчики на Кавказе теперь особенно часто выдают себя за «путешественников». При этом они заручаются солидными рекомендациями не только в Лондоне, Париже, Вене или Берлине, но особенно в Петербурге. Надо сказать, что благодаря наличию в русской столице многих влиятельных иностранцев, находившихся на русской службе, получить такие рекомендации было нетрудно. А после этого поездка по Кавказу не представляла для иностранцев уже особых затруднений, ибо русская администрация на Кавказе оказывала таким путешественникам всемерное содействие. Правда, по мере того, как обострялся «восточный вопрос» и отношение с западноевропейскими державами становились все более натянутыми, проникновение таких разведчиков на Кавказ наталкивалось на все большие и большие препятствия. Некоторые, наиболее агрес-

сивно настроенные круги, представлявшие интересы западноевропейских держав, не могли вообще рассчитывать на возможность легального проникновения в районы Кавказа, находившиеся уже в границах Российской империи. Так появляется особая группа иностранцев, проникающих на Кавказ без разрешения русского правительства. К числу таких западноевропейских авторов относятся, в частности, Белл и Лонгворт, представлявшие интересы наиболее враждебной России группы английской буржуазии, возглавлявшейся небезызвестным Д. Уркартом. Однако большая часть путешественников первой половины XIX в. посещала Кавказ вполне легально и имела возможность собрать всю интересовавшую их информацию об этом крае. К числу таких путешественников относятся и ряд включенных в нашу книгу авторов: англичанин Лайэлл, француз Дюбуа де Монпере, немцы Кох, Нейман и Вагнер, венгр Бесс.

В первой половине XIX в. продолжаются научные путешествия на Кавказ, организованные Российской Академией наук. В числе таких ученых-путешественников выдающееся место в кавказоведении первой половины XIX в. занимает известный ориенталист Ю. Клапрот. Его труд, посвященный описанию путешествия на Кавказ в 1807—1808 гг., как бы завершает собой кавказоведческие исследования Гмелина, Гюльденштедта, Палласа и Потоцкого.

Клапрот всесторонне и основательно изучил этнографию народов Северного Кавказа, использовав как свои личные наблюдения, так и материалы предшественников по изучению Кавказа. Клапрот поднимает и освещает много вопросов кавказоведения, уделяя большое внимание языку и фольклору народов Северного Кавказа. Он дает также развернутое, с перечислением отдельных племен и народностей, описание адыгов (черкесов). Западных адыгов Клапрот описывает на основании сведений, собранных им на Северном Кавказе у лиц, хорошо знавших эту часть Черкесии, так как сам он у западных адыгов не был. Они находились тогда за пределами границ Российской империи, как и другие народы, жившие за Кубанью и по побережью Черного моря. Зато Клапрот имел возможность основательно изучить Кабарду, в отношении которой ему не приходилось прибегать к получению информации из вторых рук, как он это делал в отношении закубанских народов.

В свое время Клапрот подвергся нападкам со стороны академика Шегрена, обвинявшего своего коллегу (Клапрот был экстраординарным академиком Российской Академии наук) в путанице и неточных ссылках на источники информации. Возможно, что в известной мере Шегрен был прав и сведения, сообщаемые Клапротом, нуждаются (как, кстати, и сведения любого автора) в критической проверке и сопоставлении с другими источниками того времени. Но вместе с тем нельзя не учесть и того обстоятельства, что между Клапротом и Российской Ака-

демией наук, от имени которой выступал Шегрен, произошел конфликт, в результате которого Клапрот покинул Академию наук и уехал за границу. Поэтому в оценке Клапрота Шегреном, ученым в общем весьма добросовестным и хорошо знавшим Северный Кавказ, наличествует некоторая пристрастность и доля преувеличения.

Другим выдающимся ученым-путешественником, посетившим в первой половине XIX в. Кавказ и оставившим весьма фундаментальный труд по истории и этнографии этого края, был Дюбуа де Монпере. Особенно тщательно и подробно Дюбуа описал черкесов. Он лично проехал вдоль берегов Черкесии, неоднократно высаживался в прибрежных населенных пунктах и укреплениях, имея, таким образом, возможность непосредственно наблюдать жизнь причерноморских черкесов (натухайцев и шапсугов). Подобно Клапроту, Дюбуа де Монпере широко использовал всю предшествующую кавказоведческую литературу. Поэтому труд Дюбуа де Монпере представляет собой не просто описание путешествия по Кавказу, а одновременно и серьезное научное исследование. В этом отношении труд Дюбуа де Монпере может быть причислен к тому разряду кавказоведческих исследований, который открывается серией трудов русских академиков второй половины XVIII в. (Гмелин, Гюльденштедт, Паллас, Потоцкий) и завершается Клапротом.

Появление в первой половине XIX в. сводных, обобщающих кавказоведческих трудов, подобных труду Дюбуа де Монпере, с одной стороны, было связано с возросшим интересом Западной Европы к изучению истории и этнографии Кавказа, с другой стороны, подготовлено накоплением в европейской науке значительной литературы о Кавказе, в том числе ценных известий древних и средневековых писателей. Кавказоведческие труды такого характера, как труд Дюбуа, одновременно подводили итог работе своих предшественников и вводили в научный оборот новый историко-этнографический материал.

К числу сводных кавказоведческих работ рассматриваемого периода относится и описание народов Кавказа И. Ф. Бларамберга. Составленный на основе архивных и литературных источников и собственных наблюдений автора, этот труд характеризуется всеми чертами научного исследования. Бларамберг, в частности, широко использовал свидетельства важнейших нарративных источников, предвосхитив в этом отношении труд Дюбуа де Монпере. Чрезвычайно интересным является тот факт, что Бларамберг широко использовал при описании народов Кавказа сравнительный метод. Первая часть труда Бларамберга целиком построена на сравнительно-этнографическом материале, дающем обобщенную характеристику народов Кавказа. Две остальные части работы представляют собой конкретные описания отдельных народностей Кавказа.

Описание Бларамберга, хотя было написано по специально-

му заданию русского командования на Кавказе, тесно связано с общим развитием русского и западноевропейского кавказоведения, представляя как бы синтез того и другого. В этом заключается своеобразие труда Бларамберга, который, к сожалению, остался в свое время неопубликованным. Будучи офицером генерального штаба, Бларамберг имел большую склонность к научному исследованию и во время своей службы на Кавказе весьма широко собирал этнографический материал, пользуясь для этого своими поездками по Кавказу и участием в важных экспедициях против горцев. Таким образом, Бларамберг для первой половины XIX в. представляет собой примерно такой же тип исследователя-кавказоведа, как Гербер для первой половины XVIII в.

Труд Бларамберга написан на французском языке, так что и в этом отношении он вполне подходит к категории тех европейских авторов, сочинения которых мы включили в книгу.

Среди европейских путешественников по Кавказу, число которых в первой половине XIX в., как мы уже отмечали, весьма возросло, особого внимания заслуживают еще Кох и Вагнер.

Книга Карла Коха о Кавказе была в свое время лучшим обобщающим трудом в западноевропейской литературе, посвященной народам Кавказа. Хотя Кох был по специальности ученым-естественником, занимавшимся преимущественно ботаникой, и в частности дендрологией, и свои путешествия на Кавказ совершал главным образом с естественнонаучными целями, он сумел дать прекрасное этнографическое описание народов Кавказа, основанное как на личных наблюдениях, так и на тщательном изучении литературных источников. Такого же характера и книга Вагнера, в которой много ярких страниц посвящено черкесам.

Хорошую сводку этнографического материала о черкесах дает и Нейман, профессор народоведения Мюнхенского университета. Хотя сам Нейман в Черкесии не был, его труд представляет несомненную ценность, поскольку он основан на весьма основательном изучении соответствующей литературы. Следует отметить, что использованная Нейманом литература о черкесах значительно превышает объем литературы, привлеченной в трудах его предшественников. Нейманом были использованы не только все важнейшие книги о черкесах, вышедшие в Западной Европе в его время, но и журнальные и даже газетные статьи. Комплексное этнографическое описание Черкесии Неймана может служить хорошим справочным пособием для всякого интересующегося этнографией Черкесии первой половины XIX в.

К числу ученых-путешественников по Кавказу относится и единственный автор, специально посетивший Кавказ, чтобы ознакомиться с карачаевцами. Это был венгр Бесс, который подобно Рихарду-Юлиану и его товарищам искал древних предков своего народа.

Несмотря на то, что в первой половине XIX в. кругозор европейских авторов, писавших о Кавказе, значительно расширился по сравнению с предшествующими периодами и охватывал все народы Кавказа, по-прежнему, однако, главное внимание уделяется черкесам (адыгам). Пожалуй, никогда еще популярность черкесов в Европе не была так велика, как в первой половине XIX в. Из сделанного выше обзора кавказоведческой литературы видно, что по мере накопления европейской наукой сведений по этнографии и истории Кавказа, интерес к черкесам не уменьшается, как это можно было бы ожидать, поскольку в Европе становились постепенно известны и другие народы Кавказа, а, наоборот, увеличивается. Если в предшествующие периоды появление специальных работ, посвященных монографическому описанию Черкесии, было сравнительно редким явлением (по существу, за все предшествующие столетия, начиная с XIII в., мы имеем только две работы западноевропейских авторов, посвященные специально черкесам — это описания Интериано и Главани), то в первой половине XIX в. монографических работ, посвященных черкесам, становится значительно больше, причем теперь это уже не несколько десятков страниц, а многотомные описания в несколько сот страниц. Вместе с тем черкесы занимают главное место и в тех книгах, которые посвящены описанию Кавказа в целом. Новым является то обстоятельство, что о черкесах пишут теперь не только в книгах, посвященных Кавказу, но и в общей прессе, в том числе и в периодической. Европейские и американские газеты и журналы посвящают им специальные статьи. Популярности черкесов не в малой степени способствует и художественная литература. Особенно широко представлена черкесская тематика в русской художественной литературе в первой половине XIX в. Большинство русских поэтов и писателей того времени так или иначе отражают в своих произведениях кавказскую тематику, а следовательно, касаются и черкесов. Черкесы теперь олицетворяют все лучшие качества кавказских горцев, к которым в передовых кругах русского общества относятся с большим вниманием и сочувствием. Черкесы олицетворяют храбрость и свободолюбие кавказцев, их рыцарские нравы. Черкесов воспевают в своих произведениях великие русские поэты Пушкин и Лермонтов. Изумительные по художественным достоинствам кавказские поэмы Пушкина и Лермонтова в немалой степени способствовали повышению интереса к черкесам не только в России, но и в Западной Европе.

Понятно, что при том обилии литературы о черкесах, которым характеризуется первая половина XIX в., при составлении данной книги возникла особая трудность в отборе текстов, из сочинений европейских авторов, касающихся адыгов (черкесов). Если в более ранние периоды большую ценность представляло даже простое упоминание о черкесах или о той или другой черте их быта, то для первой половины XIX в., когда име-

ются буквально десятки книг, в которых сотни страниц посвящены черкесам и сообщают о них весьма интересные факты и подробности, совершенно невозможно в полной мере соблюдать тот принцип, который был положен нами в основу составления данной книги. Для этого периода мы не можем утверждать, что все наиболее ценное и оригинальное, что писалось о черкесах, включено в нашу книгу. Это тогда потребовало бы посвятить только первой половине XIX в. несколько книг, равных по своему объему данной книге. Но, как известно, нельзя объять необъятное, поэтому наш отбор литературы первой половины XIX в. о черкесах был значительно строже, чем для предшествующих периодов. В частности, из двух книг, специально посвященных черкесам — речь идет о дневниках пребывания в Черкесии Белла и Лонгворта,— мы отобрали хотя и несоизмеримо больше, чем из каких-либо других нарративных источников, однако не все то, что в этих книгах представляет научную ценность. Мы специально делаем эту оговорку, во избежание возможных недоразумений и необоснованных претензий.

В. К. Гарданов

ПОВЕСТВОВАНИЕ ВЕНГЕРСКИХ МИССИОНЕРОВ О ПУТЕШЕСТВИИ В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ В 30-х ГОДАХ XIII ВЕКА

Помещенное ниже повествование было впервые опубликовано на русском языке в 1863 году, в пятом томе «Записок Одесского общества истории и древностей», в переводе В. Юргевича под заглавием: «Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгров, совершенном перед 1235 годом». Между тем повествование это в оригинале было издано в собрании памятников, относящихся к истории Венгрии, хранящихся в Ватиканском архиве в Риме, под названием: «О существовании великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом во время господина Папы Григория Девятого». Под этим же названием дается перевод указанного документа в третьем томе «Исторического архива» (1940 г.). Новый перевод принадлежит С. А. Аннинскому.

Переводы В. Юргевича и С. Аннинского имеют каждый свои достоинства: первый уже давно вошел в научный оборот и является очень удачным в литературном отношении, а второй представляет собой буквальный перевод, важный для точного понимания каждого слова этого уникального документа, но вместе с тем страдает известными стилистическими шероховатостями. Ввиду большой ценности данного повествования мы сочли необходимым дать оба указанных перевода.

Из публикуемых текстов видно, что отправившиеся на поиски древней родины венгров католические монахи прибыли на Северный Кавказ как раз накануне окончательного завоевания его монголами. Путешественники посетили землю зихов (черкесов-адыгов) и землю алан. Сначала «братья проповедники» попали в землю зихов, в город Матрику (Тамань), куда они прибыли морем из Константинополя. Здесь они пробыли 50 дней и имели возможность близко ознакомиться с этой страной. Затем они двинулись сухим путем вдоль реки Кубани в землю алан, которую они пересекли с запада на восток, и, следовательно, тоже смогли основательно ознакомиться с этой страной. Хотя характеристика Зихии и Алании не входила в задачу «братьев», а потому она крайне кратка, сообщаемые ими сведения об аланах и зихах дают нам весьма яркое представление о состоянии этих народов. Поэтому ни один исследователь, изучающий этот период в истории народов Северного Кавказа, не может оставить без внимания «рассказ Юлиана».

О СУЩЕСТВОВАНИИ ВЕЛИКОЙ ВЕНГРИИ, ОБНАРУЖЕННОМ БРАТОМ РИХАРДОМ ВО ВРЕМЯ ГОСПОДИНА ПАПЫ ГРИГОРИЯ ДЕВЯТОГО

Найдено было в истории венгров христиан, что есть будто бы другая Венгрия, старейшая, из которой вышло когда-то семь вождей со своими народами искать себе место для жительства, потому что земля их не могла вместить многочисленности жителей. После того, как они прошли и разрушили много царств, пришли они наконец в страну, которая ныне называется Венгрией, а тогда называлась пастбищами римлян. Ее они предпочли всем прочим странам и избрали себе для жительства, а народы, тогда жившие там, подчинили себе. Там наконец они были обращены в католическую веру первым их королем, святым Стефаном, тогда как прежние венгры, от которых они произошли, оставались в неверии, как и доныне остаются язычниками.

Так вот, братья проповедники, найдя об этом в истории венгров, пожалели, что венгры, от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия, и послали четверых из братьев искать их повсюду, где, с помощью господа, сумеют их найти. Ибо по писаниям древних они знали, что те находятся на востоке, но где находятся, вовсе не знали.

Вышесказанные братья, что были посланы, подвергаясь многим трудам, три с лишним года искали их по морю и по суше, но вследствие многих опасностей пути найти не могли. За исключением одного из них, священника по имени Отто, который только под именем купца прошел дальше; в некоем языческом царстве он нашел кое-кого [говоривших] на том языке, и узнал от них, в какой стране те живут, но в область их не входил, а наоборот, вернулся в Венгрию, чтобы взять большее число братьев, и они, возвратившись с ним, проповедывали бы тем веру католическую. Однако, сломленный многими трудами, восемь дней спустя по своем возвращении он ушел ко Христу, после того как объяснил всю дорогу для розыска их.

Братья же проповедники, стремясь к обращению неверных, вновь послали четырех братьев искать вышесказанное племя. Те, получив благословение братьев своих, сменив монашеское платье на мирское, отпустив бороды и волосы по примеру язычников, [отправились] через Булгарию Ассана и Романию [1], с охранной грамотой и на счет господина Белы, ныне короля

[1] Булгария Ассана — в отличие от Великой Булгарии на Волге. Под именем Ассана разумеется Иоанн Асень II, могущественнейший государь этой династии, царствовавший в 1218—1241 гг. и носивший титул «царя всех болгар и греков».

Романия — долина р. Марицы, и поныне именуемая у турок Румили; в XIII в. принадлежала к Византийской империи.

Венгрии, и добрались до Константинополя. Выйдя там на море, они через 33 дня прибыли в страну, что зовется Сихия, в город, что именуется Матрика, где вождь и народ[1] называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников. Государь там, говорят, имеет сто жен. Все мужчины наголо бреют головы и тщательно растят бороды, кроме знатных людей, которые, в знак знатности, оставляют над левым ухом немного волос, выбривая всю остальную голову.

Там они сделали остановку на 50 дней в надежде на ожидаемых попутчиков. Бог же даровал им милость пред лицом госпожи, которая была главной над ста женами короля, так что она отнеслась к ним с удивительной лаской и заботилась обо всем, для них необходимом. Отправившись оттуда дальше, по совету и с помощью вышесказанной госпожи, они в течение 13 дней прошли через пустыню, где не нашли ни людей, ни домов. Тут пришли они в страну, что называется Аланией[2], где живут вместе христиане и язычники. Сколько [там] селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе также и жнут, и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса или другая работа, то они равным образом идут все и при оружии. И всю неделю не могут никоим образом в малом числе выйти из своих селений за чем бы то ни было без личной опасности, за исключением единственно воскресного дня с утра до вечера; этот день так у них чтится, что тогда всякий, сколько бы зла он ни сделал и сколько бы противников ни имел, в безопасности может, невооруженный или в оружии ходить даже среди тех, у кого родителей убил или кому причинил иной вред. Те, кто там считаются христианами, соблюдают [обыкновение] не пить и не есть из сосуда, в котором случайно издохла мышь или ела собака, прежде чем их священник не благословит сосуд, а кто поступает иначе, отчуждается от христианства.

А если кто из них по какому-либо случаю убивает человека, то за это не получает ни кары, ни благословения; у них человекоубийство не считается ни за что. Кресту оказывают такое почтение, что бедные люди, местные или пришлые, кто не может иметь многочисленных спутников при себе, во всякое время безопасно ходят и среди христиан и среди язычников, если во-

---

[1] *Народ* или (у Юлиана) — черкесы, адыгэ некогда занимали западные склоны Кавказа, но им же принадлежала и равнина р. Кубани и большая часть Кабардии. Матрика-Тмутаракань средневековый город на месте нынешней Тамани, в древности богатая греческая колония, с X—XI вв. в обладании черкесов.

[2] В то время границами Алании (у Каспийского моря) были рр. Терек, Кума и Яик.

друзят на копье со знаменем хоть какой-нибудь крест и будут нести, подняв кверху.

В этом месте братья не нашли попутчиков, чтобы идти дальше, из-за боязни татар, которые по слухам были близко. Вследствие того двое из них воротились назад, но остальные двое, упорно оставаясь в той стране, жили там в величайшей нужде шесть месяцев, не имея в это время ни хлеба, ни питья, кроме воды. Один брат, священник, делал ложки и кое-что другое, за что иногда они получали немного проса и этим только могли поддержать себя в крайней скудости. Поэтому решили они продать двоих из своего числа, чтобы на полученную плату другие могли завершить начатое путешествие, но они не нашли покупателей, так как не умели ни пахать, ни молоть. Поэтому в силу необходимости двое из них воротились из тех краев в Венгрию, но другие остались там, не желая отказаться от начатого путешествия.

РАССКАЗ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО МИССИОНЕРА ДОМИНИКАНЦА ЮЛИАНА О ПУТЕШЕСТВИИ В СТРАНУ ПРИВОЛЖСКИХ ВЕНГЕРЦЕВ, СОВЕРШЕННОМ ПЕРЕД 1235 ГОДОМ, И ПИСЬМА ПАПЫ ВЕНЕДИКТА XII К ХАНУ УЗБЕКУ, ЕГО ЖЕНЕ ТАЙДОЛЮ И СЫНУ ДЖАНИБЕКУ В 1340 ГОДУ*

I. Рассказ доминиканца Юлиана **

Отсюда пустившись на море, через тридцать три дня, прибыли в страну, которая именуется Сихия, в город, именуемый Матрика, где князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих. Князь имеет, говорят, сто жен; все мужчины голову бреют совсем, а бороды отращивают с некоторым щегольством, исключая людей знатных, которые в знак благородства оставляют немного волос над левым ухом, обрив всю голову. Здесь надеясь иметь товарищей путешествия и ожидая их, пробыли пятьдесят дней, и дал Господь что они понравились жене царя, самой главной между всеми, которая полюбила их удивительно и доставляла им все нуж-

* Из собрания памятников, относящихся к истории Венгрии, хранящихся в Ватиканском архиве, изданного в 1858 г. в Риме Августином Рейнером...

** Рассказ помещен под 1237 г. в собрании №271, стр. 151 под заглавием: «Об открытии Великой Венгрии, сделанном священником Риккардом» (в описании путешествия нет этого имени, и он называется Юлиан) при Григорие IX папе. Приняв во внимание, что ни Болгария на Волге, ни земля алан (ассов) не были еще покорены монголами, как это видно из слов Юлиана, я отнес означенное путешествие к 1235 г.— *В. Юргевич.*

ное. Отсюда, по совету и со вспоможением упомянутой государыни отправившись через степь, где не нашли ни людей, ни домов, в тринадцать дней пришли в страну, которая называется Алания, где жители представляют смесь христиан и язычников: сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком: во время пахания все люди одного местечка вооруженные вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, и вообще выходы за пределы своего местечка, для рубки дров, или для какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные, а в малом числе не могут никак выйти безопасно из своих местечек зачем бы то ни было в течение всей недели, исключая воскресенье, от утра до вечера. Этот день в таком у них религиозном уважении, что каждый, какое ни совершил преступление и сколько бы ни имел врагов, может ходить безопасно с оружием или без оружия, даже среди тех, которых убил родителей или сделал другое зло. Считающиеся там христианами соблюдают следующий обычай: что не пьют и не едят из той посуды, в которой случайно околела мышь или из которой ела собака, пока посуда не будет прежде освящена священником; кто поступит иначе, отлучается от христианства; если же кто из них случайно убил человека, то не назначается ему за это покаяние и не бывает посвящения; напротив, убить человека у них ничего не значит. Крест в таком здесь уважении, что бедные, как туземцы, так равно и пришельцы, которые не в состоянии иметь с собою много людей, если поместят какой-нибудь крест на конце шеста с хоругвею, и, подняв, его несут, во всякое время могут идти безопасно.

3 Заказ 6231

ВИЛЬГЕЛЬМ (ГИЛЬОМ) РУБРУК

(Около 1220 г.— около 1293 г.)

Вильгельм Рубрук — францисканский монах, отправленный в 1253 г. королем Людовиком IX послом в Монголию и описавший затем свое путешествие туда в сочинении, известном под названием «Путешествие в восточные страны».

Биографические сведения о Рубруке довольно скудны и отрывочны. Он был, по-видимому, родом из Северной Франции (Фландрии), из деревни Рубрук, откуда он и получил свое прозвище (фамилию), которое, кстати сказать, в дошедших до нас рукописях пишется по-разному (известно 11 вариантов). Долгое время его в исторической литературе именовали Рубруквис (латинская форма от Рубрук). Собственное его имя пишется тоже по-разному. В переводе с латинского оно передается как Вильгельм, хотя его фламандская форма будет Виллем, а французская — Гильом.

Рубрук принадлежал к ближайшему окружению французского короля Людовика IX, сопровождал его в одном из крестовых походов, пользовался благосклонностью матери короля — Бланки Кастильской, считавшейся образованнейшей женщиной своего времени. Сам Рубрук был тоже человеком образованным. Кроме того, он много лет провел на Ближнем Востоке, что и было одной из причин назначения его королем в качестве посла в Монголию.

Известие о своем назначении на этот ответственный и трудный пост Рубрук получил в то время, когда он находился в Палестине, в городе Акконе. Прибыв в Константинополь, Рубрук отсюда в мае 1253 г. отправился на корабле в Солдайю (нынешний Судак на южном берегу Крыма), бывшую тогда главным портом в Крыму. Здесь он пробыл с 21 мая до начала июня, готовясь к дальнейшему пути. Из Солдайи Рубрук выехал около 1 июня и на третий день пути уже встретился в крымских степях с татарами. «Когда я вступил в их среду,— пишет Рубрук,— мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир. Как могу, опишу вам их жизнь и обычаи». И действительно, описание жизни и быта татаро-монголов составляет главное содержание сочинения Рубрука. На шестой день пути, то есть 6 июня 1253 г., Рубрук встретился с аланами, «которые именуются там аас». Они принесли Рубруку и его спутникам вареного мяса, «прося покушать их пищу и помолиться за одного усопшего их». Но Рубрук объяснил им, что накануне такого праздника есть мяса нельзя. Аланы, по словам Рубрука, «очень обрадовались», что им было разъяснено значение этого христианского праздника, «так как не знали ничего, имеющего отношение к христиан-

скому обряду, за исключением имени Христа». Это утверждение Рубрука, однако, находится в противоречии с тем, что он написал об аланах несколькими строчками выше: они «христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмена и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно грекам, но чтут всякого христианина». Встреча с аланами произошла еще в пределах Крыма, так как спустя лишь несколько дней перехода Рубрук добрался до Перекопского перешейка, соединявшего Крымский полуостров с материком, «с того места,— пишет Рубрук,— как говорили, нам надлежало странствовать 15 дней, не встречая никаких людей». Продолжая ехать на восток, имея с юга Азовское море, а к северу «большую степь», в которой «прежде пасли свои стада команы» (кипчаки-половцы), Рубрук «не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины» (отмечавшегося 22 июля) достиг реки Танаида (Дона). Переправившись через Дон, Рубрук направился к Волге (Этилю). 31 июля Рубрук прибыл в лагерь Сартаха, находившийся в трех днях пути от Волги. Сартах отправил их к своему отцу Бату (Батыю), ставка которого находилась на восточном берегу Волги. Бату в свою очередь направил Рубрука к великому хану Мангу (Мункэ) — в столицу монгольской империи Каракум.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ ВИЛЬГЕЛЬМА ДЕ РУБРУК В ЛЕТО БЛАГОСТИ 1253

Глава первая

Отъезд наш из Константинополя и прибытие в Солдайю — первый город татар

Мы прибыли в область Газарию или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Керсона... В середине же, приблизительно в направлении к южной оконечности Кассария имеет город, именуемый Солдайя... Туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руссии и северных стран и желающие переправиться в Турцию.

...В восточной же части этой области есть город, именуемый Матрика, где река Танаид впадает в море Понта, имея в устье 12 миль в ширину. Именно эта река, прежде чем впасть в море Понта, образует на севере как бы некое море, имеющее в ширину и длину семьсот миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов; поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают [оттуда] свои лодки до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков и других рыб в беспредельном количестве.

Итак, вышеупомянутая область Цезария окружена морем с

трех сторон, именно с запада, где находится Керсона, город Климента, с юга, где — город Солдайя, к которому мы пристали,— он вершина области,— и с востока, где город Маритандис или Матрика и устье моря Танаидского. Выше этого устья находится Зикия, которая не повинуется татарам, а к востоку Свевы и Иверы, которые [также] не повинуются татарам.

Глава шестнадцатая

О стране Сартаха и ее народах

...Итак эти две реки, Танаид и Этилия, отстоят друг от друга в направлении к северным странам, через которые мы проезжали, только на десять дневных переходов, а к югу они очень удалены друг от друга. Именно Танаид впадает в море Понта, а Этилия образует вышеназванное море или озеро, вместе со многими другими реками, которые впадают в него из Персии. К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, черкесы и аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар. За ними вблизи моря или озера Этилии находятся некие сарацины, именуемые лесгами, которые равным образом не подчинены [татарам]. За ними находятся Железные Ворота, которые соорудил Александр для преграждения варварским племенам входа в Персию...

Глава двадцатая

О русских, венграх, аланах и о Каспийском море

Что касается до Сартаха, то я не знаю, верует ли он во Христа или нет. Знаю только то, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан. Именно он живет на пути христиан, то есть русских, валахов, булгаров Малой Булгарии, солдайнов, керкисов и аланов, которые все проезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан.

ИОГАНН (ГАНС) ШИЛЬТБЕРГЕР

(1381—1440 гг.)

Иоганн Шильтбергер — немецкий дворянин, служил оруженосцем в войсках венгерского короля Сигизмунда. В 1396 г. попал в плен к туркам и находился при султане Баязиде I, вместе с которым в сражении при Ангоре (июль 1402 г.) был взят в плен Тимуром и служил ему, а затем его преемникам до тех пор, пока ему не удалось бежать из плена и вернуться на родину (1417 г.). За время своего многолетнего пребывания в плену Шильтбергер, следуя за своими повелителями, имел возможность ознакомиться со многими странами Европы и Азии, в том числе и Кавказом (Черкесия, Дагестан, Азербайджан, Грузия, Армения).

Воспоминания Шильтбергера о его странствованиях дошли до нас в записях, сделанных кем-то из его современников. Будучи человеком малообразованным, Шильтбергер, конечно, не мог дать точного научного описания жизни и быта народов тех стран, которые он посетил. Кроме того, его рассказы о виденном и слышанном, вероятно, подверглись при записях искажению. Несмотря на все это, повествования Шильтбергера для своего времени представляли, несомненно, большой интерес, что и объясняет их популярность в средневековой Европе.

ПУТЕШЕСТВИЯ ИВАНА ШИЛЬТБЕРГЕРА ПО ЕВРОПЕ, АЗИИ и АФРИКЕ С 1394 ГОДА ПО 1427 ГОД

Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун.

Подобно городу Тенекс, или Орунция Альберика, город Орнас, который в 1237 году был затоплен Батыем, во время его похода против турок и русских, удобнее помещается при Тереке, чем при Доне или при Джихуне. По крайней мере грозный сын Джучи, действительно, до вторжения своего в Россию отправил своего полководца Субудая в землю асов, с которыми он уже свел знакомство в 1221 году, а также в Болгарию. Город Кернек, которым монголы овладели в этом походе, скорей мог совпадать с Орнасом или Корнакстом, лежавшим в Алании или в земле асов, чем с Кременщиком, в которой Березин переводит город Кернек единственно по причине не слишком поразительного сходства этих двух наименований...

Даже тогда, когда река, при которой лежал затопленный монголами город Орнас, называема была Дон, как сказано в нескольких рукописях, это видимое противоречие объяснилось бы тем, что аланы, из коих состояла часть горожан, к главной реке, принимающей в их собственном отечестве притоки Арадон (бешеная река), Урс-дон (белая река) и др., могли применить наименование Дон, подобно тому, как турецкие их сограждане эту же реку могли означать нарицательным именем Этиль или Итиль...

Item, земля черкесов [1], также при Черном море, населенная христианами, исповедующими греческую веру; тем не менее они

[1] Северо-восточный берег Черного моря Шильтбергером назван starchas, по имени черкес или черкас, под которым этот народ уже является у Плано Карпини, Абул-Феды, Барбаро и других. В старину черкесы более были известны под именем казаков или зихов, составлявших две ветви одного и того же народа. В пользу тождества зихов с казаками или черкесами ссылаются обыкновенно на свидетельство Георгия Интериария, посетившего их край в 1502 году. Но гораздо прежде, чем итальянским путешественником, тождество зихов и черкесов признано Шильтбергером: в гл. 56 он говорит, что турками «Sygun» были названы «tscheras». Во времена императора Константина Багрянородного их область простиралась вдоль по берегу Черного моря, на протяжении 300 миль, от реки Укрух, отделявшей их от Таматарки, до реки Никопсис, где начиналась Абасгия, или земля абхазов, обитавших также на протяжении 300 миль от сказанной реки и соименного ей города до Сотериополя.

Река Укрух — явно Кубань, образующая двумя рукавами своими остров Тамань, на котором лежала Таматарха или наша Тмуторокань. При северном рукаве лежал город, называемый итальянцами Iocopa, по имени той самой реки, и едва ли не тождественный с городом Шакрак или Джакрак, который по Абул-Феде должен был занимать место нынешнего Темрюка, так как он помещался именно в том пункте, где берег Азовского моря, пролегающий сначала к востоку, круто поворачивает к северу. Что же касается города Сотериополя, то Мюллер не должен был верить Маннерту, что он совпадал с Севастополем, так как мог читать у Кодина, что Pythia, т. е. нынешняя Пицунда, прежде называлась Soteropolis. Вероятно, это было только прозвание, данное древнему городу Pityus, по восстановлении разрушенных в войне с персами его стен главнокомандующим греческим на Кавказе, Сотириком, убитым вскоре спустя (556 г.) мизимианами, обитавшими к с.-в. от Апсилиев. Впрочем, трапезундские греки продолжали еще в XIV столетии означать Пицунду под наименованием Сотирополиса (ср. статью Куника о Калкской битве). В актах патриархата Константинопольского, под 1347 годом, припоминается о необходимости соединить митрополию Сатиропольскую с Аланийской. Митрополиты или архиепископы вичинские, о которых часто говорится в этом же сборнике, поэтому не могли быть «Бичвинтские», тем более, что один из них был в близких сношениях с унгро-валахским господарем Александром. Без сомнения, его кафедра находилась между Варною и мысом Карабурун, или Маврос, при устье Камчика, или Бичины, названной Дицина Константином Багрянородным, Аиною же Комниной правильнее — Вицина.

На итальянских картах XIV и XV столетий тут отмечено имя Iaviza, или vica, в котором Примоде узнавал нынешнее местечко «Vizch», которое следует различать от лежащего гораздо более к югу города «Viza» или Бизия, бывшего также резиденцией архиепископа, а во времена гораздо более от нас отдаленные — столицею превращенного в удода фракийского царя Терея, гонителя Филомелы.

Во всяком случае, река Никопсис не могла совпадать, вопреки мнению Клапрота, с hume Nicoha или Nicola морских карт XIV столетия, так как это имя, переделанное с греческого Анакопи, в них отмечено не к северо-за-

злые люди, продающие язычникам собственных детей своих и тех, которых они крадут у других; они также занимаются разбоями и говорят особенным языком. У них есть обычай класть

паду, но к юго-востоку от Пицунды (по-грузински Бичвинта), где, как известно, сохранилась прекрасная церковь, построенная при Юстиниане, т. е. между этим местом и Сухумом, древнего Диоскурий. По всей вероятности, нынешняя долина Шапсухская орошалась рекой Никопсисом Константина, тогда как соименный ей город мог находиться в пяти морских милях южнее, при нынешнем Негопсухе, где сохранились развалины. Здесь поэтому находился также лежащий между Абхазиею и Зихиею город Никофсия, где по грузинской летописи спутник Андрея Первозванного, апостол Симон скончался и был предан земле. По другому известию, приведенному Андрианом Баилье, святой этот был замучен в городе Suanir, в котором Баилье узнал имя Суанов. Соглашаясь с ним, Броссе прибавляет от себя, что тело апостола, умерщвленного в Сванетии, легко могло быть затем переведено в Абхазию.

Но так как, по Арриану, на абхазском берегу тогда обитали санигн, то нет надобности думать, что летописец ошибся, когда говорит, что гробница св. Симона находилась в той самой местности, где он кончил жизнь. Нужно только допустить, что Никофсия также называлась городом Суанир, потому что принадлежала санигам.

Что город этот, явно тождественный с лежащим на границе Зихии городом Никопсис, скорей совпадал с Негопсухою, чем с Анакопою, хотя мнение Клапрота разделяют Дюбуа и Броссе, можно также заключить из грузинских летописей, неоднократно упоминающих о Никофсии. Так, напр., мы читаем во французском их переводе, что царь Георгий V (1318—1346) привел в порядок дела всей Грузии и что ему были подвластны все кавказцы от Никофсии до Дербенда, а затем, что, по восшествии на престол его сына Давида VII, собрались католикос, епископы и вельможи со всех провинций от Никофсии до Дербенда. Если же положить, что Никофсия занимала место Анакопы, то следовало также допустить, что летописец отнес ошибочно лежащий к северу от Никофсии город Пицунда к земле черкесов, и что тамошний епископ не участвовал в приведенном съезде духовных и светских сановников Грузии и Абхазии, что невероятно.

По итальянским картам, та самая местность, где на нынешних отмечена Негопсуха, называлась р. de susaco, который Арриану был известен под странным названием «древней Ахаи», подобно тому, как изливавшаяся в ста стадиях южнее и отделявшая зильхов от санигов река называлась Ахайем.

По Вивен-де-Сен-Мартену оба этих имени, из коих первое находится как раз в средину расстояния между Пицундою и Темрюком, переделаны на свой лад Еллинами из имени абхазского племени Шахи, впоследствии обитавшего в этих местах. Из донесения губернатора Каппадокии, впрочем, видно, что саниги обитали вдоль по берегу до окрестностей Севастополя; за ними следовали Апсилии, а потом уже Αβχοχοί, жилища коих доходили до Фазиса. Итак, абхазы, кажется, тогда еще не занимали ту местность, где их находим в X столетии и откуда они затем снова распространились более к югу, судя по пункту, где на часто мною приведенных картах отмечено имя Avogussia, или Avogassia. Это передвижение абхазов к югу совершенно согласно с общим ходом событий на Кавказе и с показанием Шильтбергера, что в его время главным их городом был Сухум.

По Гюльденштедту, абхазы и черкесы говорят двумя диалектами одного и того же языка; первые приняли святое крещение около 550 года стараниями императора Юстиниана; зихи же еще гораздо прежде обратились к христианству, коего следы доныне между ними сохранились, так как они впоследствии, только чтобы угодить туркам, решились принять их учение. Известно, что они до новейшего времени имели привычку продавать детей и даже своих собственных, как во время Шильтбергера, и, подобно сему последнему, Тетбу удивляется, каким образом люди, почитавшие свободу первым из всех благ, могли решаться на такой гнусный поступок.

убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После того приходят соседи, принося с собою кушанья и напитки, и начинают плясать и веселиться, режут быков и баранов и раздают большую часть мяса бедным. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый год, пока трупы совершенно не истлеют, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святой. Item, королевство России также платит дань татарскому королю. Нужно заметить, что между Великими Татарами есть три поколения: Каитаки, Джамболук и Монголы, и что страна их имеет в протяжении три месяца ходьбы, составляя равнину, в которой нет ни лесу, ни камней, но только трава и камыш. Все приведенные земли входят в состав Великой Татарии и во всех их я был...

ИОСАФАТ БАРБАРО

(Родился в начале XV в. — умер в 1493 г.)

Иосафат Барбаро принадлежал к старинному венецианскому роду, многие представители которого занимали видные посты на дипломатической, военной и административной службе, а также имели крупные торговые интересы в колониях. Барбаро в 1436—1452 гг. жил в Тане, колонии в устье Дона. Хотя в дошедших до нас источниках нет прямых указаний на то, что Барбаро занимал в Тане какой-либо официальный пост (сам он об этом также умалчивает), в позднейшей литературе высказывают предположение, что Барбаро был направлен в Тану в качестве посла Венецианской республики. Он несомненно имел большие связи с администрацией этого важнейшего центра торговли в Северном Причерноморье. Это обстоятельство, а также многолетнее пребывание в Тане позволили Барбаро собрать ценные сведения о населении прилегающих к этому городу областей.

Главное внимание в своем описании «Пребывание в Тане» Барбаро уделяет татарам, поскольку это были самые сильные и опасные соседи Таны, от которых прежде всего зависело благополучие этой итальянской колонии. Понимая это, итальянское купечество, проживавшее в Тане, старалось заручиться благосклонностью татарских ханов, и сам Барбаро принимал в этом активное участие, используя свой опыт дипломата и коммерсанта. Так, когда к Тане (вскоре после прибытия туда Барбаро) подошел со своей ордой один из татарских ханов, консул Таны направил к нему с дарами именно Барбаро. В дальнейшем Барбаро стал, как он сам об этом пишет, «кунаком» родственника этого хана, который сопровождал Барбаро в его поездке в татарскую орду.

Находясь во время своего пребывания в Тане в постоянных и тесных сношениях с татарами, Барбаро естественно сумел дать подробное описание многих сторон их жизни. Что же касается черкесов (адыгов), то сведения, сообщаемые о них Барбаро, довольно кратки и носят обычно случайный характер, будучи разбросанными в различных местах его повествования.

Среди немногочисленных упоминаний о черкесах наибольшую ценность представляет начало десятой главы, где идет речь о черкесской области Кремух (она находилась в трех днях пути от Таны, и Барбаро ее посетил лично) и сопредельных с ней черкесских народах, в числе которых названы кевертейцы (кабардинцы). Таким образом, Барбаро первым из средневековых европейских путешественников упоминает о кабардинцах, выделяя их из ряда других черкесских (адыгских) народов. Согласно Барбаро, кабардинцы были непосредственными соседями «асов или алан» (т. е. осетин), занимая, следовательно, юго-восточную часть Черкесии.

Из других упоминаний Барбаро о черкесах представляет интерес его сообщения о том, что некий францисканский монах, по имени Терин, проживавший в Тане, занялся своеобразным промыслом — ловил с помощью сетей куропаток и других диких птиц, водившихся в обилии в окрестностях города, «и продажею их выручил себе так много денег, что мог купить на оные черкесского мальчика, которому дал имя Perniec (куропатка) и сделал его монахом» (глава IV). Это сообщение Барбаро подтверждает хорошо известный нам и по другим источникам факт распространения в Тане и других итальянских колониях Северного Причерноморья работорговли татарскими пленниками, среди которых было немало черкесов.

В главе VI Барбаро рассказывает, что однажды, во время его пребывания в Тане, пришло «несколько татар... с известием, что в трех милях от Таны, в лесу, спрягалось сто черкесских всадников, в намерении учинить, по своему обыкновению, набег на город». Из этого сообщения явствует, что поселения черкесов находились сравнительно недалеко от Таны и что черкесы не особенно дружили с ее жителями — итальянскими купцами и колонистами, т. к. их деятельность приносила немало зла местному населению.

Наконец, в XII главе Барбаро, характеризуя религию алан, пишет: «Все они, равно как и черкесы, исповедуют греческую веру». Замечание Барбаро о том, что черкесы в его время (первая половина XV в.) еще исповедовали христианство и не знали мусульманства, подтверждает для второй половины XV в. Интериано.

Описание путешествия Барбаро в Тану неоднократно публиковалось в XV в. на итальянском языке (в Венеции), как начальная часть его большого путешествия на Восток (в Персию и смежные страны, вплоть до Средней Азии и Индии). На русском языке оно было впервые напечатано в 1831 г. в «Сыне Отечества» (№ 48 и 49), а затем в «Библиотеке иностранных писателей о России». (т. I, СПб., 1836) В. Семенова, откуда и взят нижеследующий текст, касающийся черкесской (адыгской) области Кремух.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАНУ ИОСАФАТА БАРБАРО, ВЕНЕЦИАНСКОГО ДВОРЯНИНА

Отправившись из Таны по берегу Забакского моря, прибыл я после трехдневного пути в страну, называемую Кремух. Ею управляет государь по имени Биберди, т. е. «богом данный», сын Кертибея, т. е. «истинного властителя». Владения его состоят из нескольких селений, могущих в случае нужды выставить до 2000 всадников, и изобилуют лесами и плодоносными равнинами, орошаемыми множеством рек. Знатнейшие жители страны живут хищничеством и преимущественно грабежом караванов, от времени до времени здесь проходящими. Они имеют прекрасных лошадей, отличаются мужеством и лукавством и лицом весьма сходны с итальянцами. Земля их изобилует хлебом, скотом и медом; но зато в ней нет вовсе вина. За Кремухом обитают разные народы, в недальнем расстоянии один от другого, как то киппики, татакозцы, собайцы, кавертейцы и ас или аланы...

ДЖОРДЖИО ИНТЕРИАНО

(Вторая половина XV — начало XVI в.)

Джорджио Интериано — путешественник, географ и этнограф эпохи итальянского Возрождения; автор первого в средневековой литературе монографического описания Черкесии, изданного в Венеции в 1502 г. отдельной книгой.

Интериано, будучи родом из Генуи, по-видимому, еще в юности покинул родной город и начал свои многолетние странствования, о маршрутах которых мы, к сожалению, ничего определенного не знаем. Сам Интериано в предисловии к своей книге, обращаясь к ее будущему издателю Альду Мануцио, указывает, что если его труд о Черкесии будет одобрен, то он постарается написать «о многом другом интересном и достойном внимания из того, что видел, слышал и испытал в разных странах». Таким образом, Черкесия была не единственной отдаленной страной, которую посетил Интериано. И хотя до нас не дошли описания других интериановских путешествий, но судя по тому, что Альдо Мануцио, близко знавший Интериано, сравнивает его с героем «Одиссеи», который «странствуя долго, много людей, города посетил и обычаи видел...», мы можем с полной уверенностью полагать, что автор данного описания Черкесии был опытным и много повидавшим путешественником. Тем более важно, что Интериано решил из числа виденных им стран в первую очередь описать страну черкесов, своеобразие быта которых его особенно поразило.

Интериано не имел возможности получить в юности должного образования. Обращаясь к Альдо Мануцио, он просит «исправить» его труд, «в чем, как мне известно, он нуждается, особенно со стороны орфографии», ибо, — указывал Интериано, — «я ни от кого не скрываю, что мне не довелось обучаться ни обыкновенному письму, ни изящной словесности».

Являясь самоучкой, Интериано сумел не только приобрести серьезные знания по географии и естествознанию, но и заняться научными исследованиями в этой области. Видный деятель итальянского Возрождения, поэт Анджело Полициано (1454—1494) называет Интериано, с которым он ряд лет сотрудничал, «опытнейшим исследователем неизвестных предметов».

Талантливого ученого-самоучку и неутомимого путешественника Интериано охотно принимают в свой круг самые крупные итальянские ученые-гуманисты. В свою очередь Интериано, «любящий, по словам Мануцио, общество ученых», переезжает из одного культурного центра Италии в другой, расширяя свои связи с наиболее известными деятелями Возрождения. В числе его друзей оказывается и Альдо Мануцио, основатель знаменитой

венецианской типографии, вокруг которой группируется целая коллегия ученых, получившая название «Neoacademia».

Знакомство Интериано с Мануцио (происшедшее после переезда Интериано в Венецию в 1501 г.) послужило непосредственным толчком к написанию книги о черкесах. Видимо, Мануцио предложил Интериано приступить к описанию тех малоизвестных стран, которые он посетил. Интериано для начала избрал Черкесию, посвятив свой труд его издателю и, как он предполагал, его редактору. Однако Альдо Мануцио, будучи весьма опытным и вдумчивым издателем, сразу же оценил высокие достоинства сочинения, представленного Интериано и, вопреки просьбе автора выправить слог и улучшить стиль изложения, «исправил,— как он это отмечает в предисловии к изданию 1502 г.,— только орфографические ошибки, прочее же все оставил, как он (т. е. Интериано) сам написал, чтобы было больше доверия к его повествованию». Благодаря такому мудрому решению Мануцио авторский текст Интериано в издании 1502 г. был полностью сохранен, не подвергнувшись никаким редакционным изменениям.

Свое повествование о черкесах Интериано написал через много лет после того, как он посетил их страну. В предисловии он прямо указывает на это обстоятельство: «Я много лет тому назад исследовал и наблюдал природу и условия страны и быта черкесов...». Можно полагать, что Интериано свои наблюдения тогда же в какой-то форме зафиксировал и писал свое сочинение в 1502 г. не по памяти, а на основе сохранившихся у него записей, что и позволило ему спустя много лет с такой точностью восстановить важные подробности черкесского быта.

Книга Интериано свидетельствует, что его пребывание в стране черкесов было достаточно длительным для всестороннего и глубокого изучения их жизни, хозяйственного и общественного строя, материальной и духовной культуры, нравов и обычаев. По полноте и достоверности этнографический очерк Интериано превосходит не только все то, что писалось о черкесах до него, но и многие позднейшие описания. Небольшая по объему книга Интериано до предела насыщена разнообразным конкретным материалом, в большинстве своем отличающимся абсолютной новизной. Это как бы своеобразная энциклопедия черкесской жизни второй половины XV в., в которой содержатся ценные, до того ни у одного автора не встречавшиеся сведения о жилище и пище черкесов, об их одежде и вооружении, о способах ведения торговли и войны, о сословном и политическом строе, о положении черкесской знати, вассалов, крепостных и рабов, о семейном и общественном быте, о религии и письменности, об обрядах, связанных с рождением и похоронами, об аталычестве, о гостеприимстве и куначестве и т. д., и т. п.

Особенно яркими чертами Интериано рисует паразитический быт феодальных верхов Черкесии. Из книги Интериано мы не только впервые узнаем о структуре черкесского феодального общества, но он наглядно показывает, как практически осуществляется эксплуатация народных масс, какими средствами феодалы поддерживают свою власть над народом. Подчеркивая, что черкесская знать большую часть времени проводит на коне, в грабежах и набегах, беспощадно угнетая своих подданных, Интериано пишет: «Они (т. е. черкесские феодалы) не терпят, чтобы их подданные держали лошадей и если случится вассалу вырастить как-нибудь жеребенка, то как толь-

ко он станет большим, его отнимает дворянин и дает ему взамен быков, со словами: «Вот это, а не конь, больше подходит для тебя».

Как гуманист Интериано не мог не сочувствовать бедствиям черкесского крестьянства, изнывавшего под гнетом феодалов. В своей книге он не раз отмечает жестокий произвол феодалов Черкесии и беззащитность их подданных. Так, рассказывая, что сыновья черкесской знати с детства приучаются своими воспитателями-аталыками охотиться за домашней птицей или животными, Интериано с горечью констатирует, что когда такой мальчик «станет побольше, он и сам охотится за этой живностью в своих же собственных владениях, и подданный не смеет ему чинить никаких препятствий. Сделавшись же взрослыми мужчинами, они проводят жизнь в охоте на диких зверей, но более всего охотятся за домашними животными и даже за людьми... Они нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем... обменивают и продают».

Сочинение Интериано, впервые ознакомившее западноевропейского читателя с черкесским бытом, было переиздано в 1574 г. в Венеции Рамузио в числе лучших памятников итальянской географической литературы. Однако затем оно оказалось надолго забытым. Лишь в XIX в. ученые-кавказоведы снова обратили внимание на этот уникальный источник по исторической этнографии адыгов. В 1812 г. Клапрот напечатал в переводе на немецкий язык сочинение Интериано в первом томе своего «Путешествия на Кавказ и в Грузию». В 1839 г. Дюбуа де Монпере поместил в первом томе своего «Путешествия вокруг Кавказа» французский перевод Интериано. Почти одновременно с этим В. Семенов опубликовал текст Интериано (по изданию Рамузио) в «Библиотеке иностранных писателей о России» (т. I, 1836) в качестве примечания к путешествию Барбаро.

В 1869 г. в «Записках Русского географического общества по отделению этнографии» (т. II) А. Веселовским был опубликован ранее неизвестный вариант сочинения Интериано о черкесах, обнаруженный им в одной из рукописей Флорентийской библиотеки. Этот вариант, датированный 1504 г., был издан А. Веселовским вместе с переводом на русский язык. Сопоставление текста флорентийской рукописи с текстом, изданным Мануцио в 1502 г., показывает, что рукопись 1504 г. представляет собой исправленный и литературно отредактированный вариант первоначального текста Интериано.

Публикуемый ниже перевод сочинения Интериано сделан по венецианскому изданию 1502 г. Это первый русский перевод с итальянского языка Интериано по изданию Альдо Мануцио, которое, как мы уже отмечали выше, ближе всего стоит к авторскому тексту.

БЫТ И СТРАНА ЗИХОВ, ИМЕНУЕМЫХ ЧЕРКЕСАМИ. ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Джорджио Интериано —
уважаемому Альдо Римлянину.

Посвящение

Так как мне известно, что Вы весьма любите доблесть и прилежно изучаете подвиги и нравы других народов,— я же много лет тому назад исследовал и наблюдал природу и условия страны и быта черкесов в Сарматии, то мне кажется, что стоит собрать воедино многое (из того, что я нахожу) удивительным и замечательным в их образе жизни, и передать это прежде всего Вам, талантливейшему и ученому (мужу), который, если мое произведение действительно заслуживает появления на свет, сможет исправить в нем (погрешности), и выправить (слог), и напечатать лучше, чем кто-либо другой.

Это можно сказать не только о таком малом и ничтожном произведении, но и о всяком другом, хотя бы и о самом важном.

Итак, посвящаю Вам труд мой, как он есть, и всецело доверяю его Вам с просьбой не только прочесть его, но и исправить, в чем, как мне известно, он нуждается, особенно со стороны орфографии — ибо я ни от кого не скрываю, что мне не довелось обучаться ни обыкновенному письму, ни изящной словесности. Но если я увижу, что мое произведение хоть немного понравится Вам, несмотря на то, что оно не блещет ученостью, то осмелюсь, когда позволит время, как можно правдивее написать и рассказать о многом другом, интересном и достойном внимания, из того, что я видел, слышал и испытал в разных странах. Я уверен, что это не только доставит развлечение, но и приведет в изумление моего читателя.

С приветствием к Вам.

Быт зихов, называемых черкесами

Зихи — называемые так на языках: простонародном *, греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют — «адига». Они живут [на пространстве] от реки Таны до Азии по всему тому морскому побережью, которое лежит по направлению к Босфору Киммерийскому, ныне называемому Восперо, проливом Святого Иоанна и проливом Забакского моря, иначе — моря Таны, в древности [называвшегося] Меотийским болотом, и далее за проливом по бе-

* Volgare — т. е. итальянском.

регу моря вплоть до мыса Бусси и реки Фазиса и здесь граничит с Абхазией, то есть частью Колхиды.

А все их побережье, включая сюда вышеназванное болото и [пространство] вне его — составляет около пятисот миль. Через всю же их землю на восток можно проехать самое большее за восемь дней.

Живут они деревнями и во всей стране нет [ни одного] города или укрепленного стенами места, а их самое большое и лучшее поселение — это небольшая долина в глубине страны, называемая Кромук, имеющая лучшее местоположение и более других населенная.

Со стороны суши граничат они со скифами, то есть татарами.

Язык их трудный — отличающийся от языка соседних народов и сильно гортанный.

Они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении восьмилетнего возраста, и крестят у них по нескольку человек зараз простым окроплением святой водой, причем священник произносит краткое благословение. Знатные не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя, как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви, по прошествии же этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня.

Женщины у них разрешаются от бремени на соломе, желая, чтобы она служила первым ложем новорожденному, и затем несут его к реке и там купают, не обращая внимания на мороз и холод, весьма обычные в тех краях. Новорожденному дают имя того, кто первым из посторонних войдет в дом после родов, и если это — грек, латинянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени [окончание] «ук»; например — Петро — Петрук, Пауло — Паулук и т. д.

Они не имеют письменности и не пользуются никаким алфавитом — ни собственным, ни иностранным. Священники у них служат по-своему, [употребляя] греческие слова и начертания, не понимая их смысла. Когда же случается им писать кому-нибудь, хотя это бывает очень редко, то большею частью пользуются услугами евреев и еврейскими письменами, но чаще передают друг другу вести на словах, через посланцев. Есть среди них знатные и вассалы и сервы, или рабы. Знатные пользуются среди прочих большим почетом и значительную часть времени проводят на коне. Они не терпят, чтобы их подданные держали лошадей, и если случится вассалу вырастить как-нибудь жеребенка, то как только он станет большим, его отнимет дворянин и дает ему взамен быков, присовокупляя такие слова: «Вот это, а не конь, больше подходит для тебя».

Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов, и все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собою никакого владыки, кроме господа бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писаных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешает споры между ними.

У знатных нередко бывает, что родичи убивают один другого вместе с большею частью братьев. И лишь только один из братьев умрет, другой на следующую же ночь берет жену покойного, свою сноху, ибо позволяется у них иметь даже несколько жен, которые все считаются законными.

Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одному из слуг, и тот ежедневно его возит с собою на коне с маленьким луком в руках, и как завидит курицу или [другую] птицу, а не то свинью или другое животное, то учит его стрелять, а затем, когда он станет побольше, он и сам охотится за этою живностью в своих же собственных владениях, и подданный не смеет чинить ему никаких препятствий. Сделавшись же взрослыми мужчинами, они проводят свою жизнь в постоянной охоте на диких зверей, но более всего охотятся за домашними [животными] и даже за людьми.

Страна их по большей части болотистая, поросшая во многих местах тростником и аиром, из корней которого добываются благовония. Упомянутые болота происходят от больших рек, каковы: Танаис, носящий и ныне такое название, Ромбите, или Копа и множество других, больших и малых речек, изобилующих заливами и образующих почти необъятные болотистые пространства, о которых я говорил выше. Через эти болота проложено множество троп и переходов, и таким-то образом, прокрадываясь этими тайными тропами, они нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем, перевозя из одной местности в другую, обменивают или продают. И так как в этой стране не употребляется и не имеется в хождении никакая монета (деньги), особенно внутри страны, то их сделки совершаются на бокассины, то есть куски полотна на рубаху, и они оценивают всякую вещь для продажи и ценность всех товаров измеряется в кусках материи. Большая часть проданных увозится в город Каир, в Египет, и таким образом [случается], что фортуна превращает их из самых жалких крестьян на свете, какими они были,— в величайших владык на свете и государей нашего века, а именно, в султанов, эмиров и т. п.

Верхняя часть одежды у них делается из валяной шерсти, наподобие церковной мантии, которую они носят открытой с одной стороны, так, чтобы правая рука оставалась свободной. На голове [носят] шапку из этого же войлока, в виде сахарной головы по форме. Под плащом они носят так называемые tpeliccі из шелковой или полотняной материи с широкими

складками и собранные у пояса снизу, наподобие того, как носили древние римляне. Носят сапоги и ботинки, надеваемые одни на другие и очень нарядные, а также широкие холщовые шаровары. Усы носят длиннейшие. Имеют также [при себе] всегда на боку прочее свое снаряжение, а именно, огниво в красивом кожаном кисете, которые делают и расшивают их женщины. Носят с собою бритву и оселок для того, чтобы ее оттачивать, так как они бреют голову, оставляя на макушке пучок волос, длинный и спутанный, как говорят иные, для того, чтобы было за что ухватить голову, в случае, если ее отрубят, не марая лица окровавленными руками, оскверненными и загрязненными человекоубийством. Они бреют также волосы на лобке всякий раз, когда они идут сражаться, говоря, что стыдно и грешно, если мертвого увидят с волосами на этом месте.

Они поджигают дома врагов горящей серой, которую привязывают к стрелам, дома же там все соломенные. В домах у них имеются массивные золотые чаши, стоимостью от тридцати до пятисот дукатов (я говорю здесь о знатных), также и серебряные, из которых они пьют с величайшей торжественностью, которой обставляется у них эта церемония более, чем любые другие обрядности. Они выпивают постоянно и во славу божию, и во имя святых, и во здравие родичей, и в честь памяти умерших друзей и в память каких-либо важных и замечательных подвигов, и пьют с большою торжественностью и почтением, словно совершая священнодействие, всегда с обнаженной головой в знак наивысшего смирения.

Они спят с так называемым ими панцирем, то есть кольчужной рубахой под головой, вместо подушки, и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу же вооруженными.

Муж и жена ложатся в постель так, что голова [одного обращена] к ногам другого, а постели у них делаются из кожаных [мешков], набитых засушенными цветами, благовонными травами и аиром.

Они держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был [человек] из самого древнего, даже царского рода. Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажи своей добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом. И весьма восхваляют щедрость и дарят охотно все свое имущество, за исключением коня и оружия. А что касается их одежды, то тут они не только щедры, а [просто] расточительны, и по этой причине оказывается, что они по большей части хуже одеты, чем их подданные. И несколько раз в году, когда они справят себе новое платье, или красную шелковую

рубаху, какие у них в обычае, то сейчас же все это выпрашивается в дар вассалами. Если же откажутся отдать или покажут свою неохоту, то это у них считается величайшим позором. И потому стоит только попросить у них что-либо подобное, как они сейчас же предлагают [взять], снимают с себя и берут взамен жалкую рубаху низкого просителя, по большей части, худую и грязную, и таким образом, почти всегда знатные одеты хуже других, за исключением обуви, оружия и коня, которых никогда не дарят. В этом имуществе заключается вся их роскошь, и часто случается, что отдают все свое состояние за коня, который им понравится, и нет у них ничего дороже хорошего коня. Если же случится им приобрести в качестве добычи или иным путем золото или серебро, то сейчас же они его тратят на те чаши, о которых я говорил выше, или же на украшение седла, обычней же всего — на украшение оружия, поскольку в ином виде оно у них не в ходу, особенно внутри страны, так как жители побережья занимаются торговлей более.

Они постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже за Босфор вплоть до Херсонеса Таврического, той провинции, где находится колония Каффа, основанная в древности генуэзцами. Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает, чтобы грабить жителей скифов, и горсточка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и [сами они] выказывают больше храбрости. Их военный головной убор походит на те, которые мы видим на древних изображениях, он закрывает щеки и прикрепляется под горлом, по древнему обычаю. Татары — народ более терпеливый (и выносливый) в нужде настолько, что это просто удивительно, и потому они часто одерживают победу над черкесами тем, [что] с самого начала, если возможно, заводят их в какие-нибудь непроходимые болота, в снега или холодные места, лишенные всего необходимого, и там благодаря своему терпению и настойчивости нередко их побеждают.

Эти зихи по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить людей [отличающихся] величественной наружностью между мамелюками и эмирами, большинство которых, как было сказано, из их племени. То же самое [следует сказать] об их женщинах, которые в этой стране в высшей степени гостеприимны и по отношению к чужестранцам.

Вообще у них в обычае гостеприимно и с величайшим радушием принимать всякого. Хозяина и гостя они называют «конак», что значит по-латински hospite. По уходе гостя хозяин провожает конака-чужестранца до другого гостеприимного крова, охраняет его и, если потребуется, то отдает за него жизнь как самый преданный [друг]. И хотя, как было сказано, грабеж в здешней стране — такое обычное явление, что на этом деле, казалось бы, заработать им и не грех, однако конакам своим

они обычно остаются верны и дома и вне дома [и относятся к ним] с величайшим радушием.

У них позволяется лапать девушек, их дочерей [по всему телу] от головы и до ног, особенно в присутствии родителей, хотя полового акта никогда не допускают. А когда чужеземец-конак расположился отдохнуть или же уснет и пробудится [ото сна], эти девушки самым любезным образом ищут у него блох и прочую нечисть, которая составляет присущее тамошнему краю и весьма частое явление. Эти девушки входят в реку [купаясь] нагими на глазах у всех, и тогда можно заметить, что очень многие прекрасно сложены и белы [телом].

Пища их состоит главным образом из той рыбы, которую они называют теперь anticei так же, как в древности [она называлась] у Страбона, в действительности же это — осетры, больших и меньших размеров. А пьют они воду из своих источников, очень полезную для пищеварения. Употребляют в пищу еще и мясо животных домашних и диких; кукурузы и виноградного вина у них нет; много проса и других зерновых продуктов, из которых они делают хлеб и различные кушанья, а также напиток, называемый буза. Они употребляют также вино из меда пчел. Их жилища все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если б он выстроил замок или жилище с крепкими [каменными] стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость, неспособность уберечь себя и защищаться, и вследствие этого все живут в вышеописанных лачугах и в деревушках, и нет ни одной, даже самой маленькой, крепости во всей той стране, и хотя встречаются какие-то башни и древние крепостные стены, но их используют для себя крестьяне, так как благородные сочли бы это для себя позором. Они сами каждодневно делают для себя стрелы, даже [находясь] на лошади, и делают превосходно, [так что] немногие стрелы можно найти, которые бы пролетали большее расстояние, чем ихние, с остриями или наконечниками, закаленными наилучшим образом.

Знатные женщины у них не занимаются никакой работой, за исключением вышивания и украшения кожаных изделий; они расшивают узорами кожаные кисеты для огнива (о которых говорилось выше) и очень красивые кожаные же кушаки.

Похороны у них совершаются очень странно. Когда умирают знатные люди, они устраивают в поле высокое деревянное ложе, на которое кладут мертвеца в сидячем положении, предварительно вынув у трупа внутренности и здесь в продолжение восьми дней его посещают родные, друзья и подданные, которые приносят различные дары, вроде серебряных чаш, луков, стрел и других предметов. По обе стороны ложа становятся двое из [числа] наиболее близких родственников, пожилого возраста, каждый опираясь на посох, а над ложем по левую сторону

стоит девушка со стрелою в руке, на стреле у нее развевается шелковый платок, которым она отгоняет мух от покойника даже в холодное время, длящееся большую часть года в этих краях. А лицом к мертвецу сидит на особом возвышении первая из жен и не отрываясь глядит на мертвого мужа, но не плачет, потому что плакать считается постыдным, и так проводят они большую часть дня, вплоть до восьмого, после чего погребение совершается таким образом: берут очень большое дерево и от самой толстой его части отрубают в длину, сколько следует, затем раскалывают надвое, очищают и вынимают из сердцевины столько, чтобы поместилось тело вместе с частью принесенных даров, о которых говорилось выше. Затем, положив умершего в это углубление, складывают обе половины дерева и несут к месту, предназначенному для погребения, где собирается большая толпа народа. Ему делают так называемую могилу, т. е. земляную насыпь, и чем важнее был [умерший] и чем более имелось у него подданных и друзей, тем выше и больше насыпается этот холм; между тем самый близкий из родичей собирает принесенные дары, и все время раздает присутствующим, и чем более он любил и чествовал покойного, тем менее этих даров хоронилось с ним.

Существует также обычай на похоронах великих лиц устраивать некое варварское жертвоприношение, которое представляет собой весьма замечательное зрелище. Берут девушку лет дненадцати или четырнадцати и сажают на шкуре только что заколотого вола, расстеленную на земле, и в присутствии всех стоящих вокруг мужчин и женщин, самый сильный или отважный юноша под своей буркой пытается лишить девственности эту девушку; и весьма редко, чтобы она, сопротивляясь, не вырывалась от него три или четыре раза, и даже еще более, прежде чем быть побежденной. Когда же она, утомленная и обессиленная бесчисленными уговорами и обещаниями, что будет считаться женою, и другими в том же роде, наконец, сдается, храбрец ломает дверь и входит в дом.

И потом, как победитель, показывает тут же окружающим ее одежды с пятнами крови, а присутствующие женщины, словно от стыда, отворачивают лицо, притворяясь, что не хотят смотреть, не будучи, однако, в состоянии удержатся от смеха.

После похорон несколько раз в час, определенный для еды, обряжают коня умершего и посылают его в поводу с одним из слуг к могиле, и там он до трех раз зовет покойника по имени, приглашая его прийти и разделить трапезу с родными и друзьями. Но видя, что никакого ответа нет, слуга с конем возвращается обратно и заявляет, что он не отозвался. И тогда, считая, что исполнили свой долг, пьют и едят в честь умершего.

МАРТИН БРОНЕВСКИЙ

Мартин Броневский — видный польский дипломат и государственный деятель. Служил при дворе польских королей Сигизмунда-Августа и Стефана Батория. В 1570-х годах Броневский дважды побывал в Крыму в качестве польского посланника, что позволило ему собрать материал для подробного описания Крымского ханства («Описание Татарии»). Это сочинение, изданное впервые в Кельне в 1595 г. на латинском языке, было в свое время в европейской литературе лучшим на данную тему; оно многократно переиздавалось и переводилось на разные языки.

В «Описании Татарии» Броневский сообщает попутно некоторые данные, небезынтересные для истории и этнографии адыгов; в частности, в этом описании имеется небольшой раздел, посвященный кабардинцам. Из этого раздела, озаглавленного «Пятигорская область и ее жители», ниже приводятся отдельные выдержки.

Мартин Броневский в общем был плохо осведомлен о населении Северного Кавказа; его сведения о кабардинцах, полученные из вторых рук, были настолько неточны, что он даже путает Пятигорск с Колхидой, т. е. с Западной Грузией, которая так именовалась в античную эпоху.

ОПИСАНИЕ ТАТАРИИ

Близ Манкопии[1] и Черкескермена — новой турецкой крепости, названной по имени Черкеса, находится некогда существовавший город и весьма древняя крепость[2]; она не имеет теперь никакого названия ни у турок и татар, ни даже у самих греков, по причине своей глубокой древности. Она была разрушена во времена греческих князей, о которых в этом месте идет весьма дурная слава из-за преступлений, постоянно совершавшихся ими против бога и людей. На этой каменистой горе, где она расположена, имеются жилища, с удивительным старанием высеченные в скале, которые в большинстве случаев сохранились в целости, хотя место это теперь покрыто лесом. Храм, украшенный мраморными и витыми (изогнутыми) колоннами, свидетельствует о былой славе и значении этого места, хотя в настоящее время он разрушен и распростерт на землю.

---

[1] *Манкуп* или *Мангуп* — крепость в Крымской Готии.
[2] Эски-Кермен в Крыму.

Керчь — город и крепость татарских ханов. Против этого города или крепости на другом берегу пролива, который простирается [здесь] в ширину более чем на милю, находится весьма сильная крепость Тамань, которая, по мнению Страбона, и называлась прежде Фанагорией и представляла собой ближайший к Азии город, основанный милетцами. В нем существовал торговый пункт, пользовавшийся большой известностью. По-видимому, эти крепости были выстроены и укреплены генуэзцами, которые содержали там значительный гарнизон. Крепость Керчь разрушена, так как турецкий султан не дозволил татарскому хану иметь какие-либо другие крепости во всей Тавриде, кроме Перекопа, где он содержит гарнизон.

Что же касается Тамани, находящейся на самом краю Тавриды и смежной с обширной областью пятигорской, которую Птоломей и Страбон называют Колхидой, то эта крепость была укреплена сезиаком[1], или префектом, и в ней был расположен постоянный гарнизон значительной силы.

Пятигорская область и ее жители

Область пятигорцев, или Колхида[2], простирается до Каспийского, или Гирканского, моря и покрыта горами и огромными лесами, которые можно видеть уже на самой ее границе. Это — совершенно свободный народ, имеет многочисленных и храбрых князей, которым подчиняются отдельные племена и роды. И хотя они называются христианами и известно, что большая часть их была таковыми еще во времена генуэзцев, но, лишенные в дальнейшем храмов и [покинутые] священниками, они теперь сохраняют лишь смутное представление о религии. Большинство из них — идолопоклонники, хищные и грубые во взаимоотношениях между собой, но гостеприимные и щедрые с чужестранцами. Родители, будь то [люди] более знатного или простого происхождения, продают своих собственных сыновей в рабство, а дочерей в жены туркам и татарам и даже некоторым христианам; так же поступают они с теми, которых тайно похищают друг у друга и продают [их] за море чужестранцам самым варварским способом.

Он [хан] предпочитает более всех и выше всех ставит черкесов, ногайцев и пятигорцев, которые весьма ловки, крепки, храбры и воинственны.

Наиболее знатные из них [татар] своим богатством и роскошью дома мало чем отличаются от турок. Жен имеют они, по закону Магомета, столько, сколько пожелают и в состоянии содержать, и по большей части покупают себе женщин у пятигорцев; они содержат их, если и не роскошно, то во всяком случае по обычаю своего рода, достаточно хорошо и прилично, а

---

[1] Военачальник или комендант города.

[2] Отождествление неверное. Область пятигорцев — Кабарда.

тех, от которых у них дети, с еще большим почетом и уважением.

Татары служат хану или татарским вельможам, причем не получают за это никакой платы, а только одежду и пропитание. Остальные же, и таких большинство, проводят время праздно. В городах и поселениях весьма немногие занимаются торговлей, еще менее того промышленностью и ремеслами, и если находятся там какие-либо купцы или ремесленники, то это — или христианские рабы, или же турки, армяне, евреи, черкесы, пятигорцы (тоже христиане), филистимляне или цыгане.

АРКАНДЖЕЛО ЛАМБЕРТИ

(XVII в.)

Арканджело Ламберти — доминиканский патер (орденский священник), родом из итальянского города Аверза (близ Неаполя), состоял миссионером Конгрегации театинцев в Мингрелии во время правления там Левана II Дадиани (1611—1657 гг.). По возвращении на родину в 1654 г. в Неаполе опубликовал сочинение, озаглавленное «Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран», посвятив его секретарю Конгрегации Диониджу Массари.

Приведенными краткими данными, по-существу, исчерпывается все, что нам известно о жизни и деятельности Ламберти. В частности, до сих пор не установлены ни годы жизни Ламберти, ни точное время его пребывания в Мингрелии. Сам Ламберти в предисловии к «Описанию» указывает, что он прожил в Колхиде «почти восемнадцать лет». Но на какие именно годы падают эти восемнадцать лет, сказать трудно, — по этому поводу высказывались различные мнения. Так, Дюбуа де Монпере полагает, что Ламберти находился в Мингрелии в 1620—1630 гг. Против такой датировки решительно возражает П. Юрченко — первый переводчик указанного сочинения Ламберти на русский язык. П. Юрченко считает, что, судя по сведениям, сообщаемым Ламберти о Леване Дадиани, доминиканский патер находился в Мингрелии в довольно поздний период правления этого владетельного князя — примерно в половине XVII в. К тому же Ламберти, родившийся в начале XVII в., вряд-ли мог в 1620—1630 гг. выполнять в Мингрелии свои ответственные функции: «юношу,— замечает П. Юрченко,— едва ли послали бы в качестве миссионера» («Записки Одесского общества истории и древностей», т. X, Одесса, 1877, стр. 180). Ссылаясь на известия другого католического священника — Иосифа Цампи,— согласно которому папа Урбан VII направил в Мингрелию в 1632 г. нескольких миссионеров, которые, однако, не достигли этой страны, так как были взяты в плен турками, П. Юрченко указывает, что Ламберти только несколько лет спустя после этих событий был командирован в Мингрелию. Таким образом, по мнению П. Юрченко, Ламберти прибыл в Мингрелию после 1632 г. и находился здесь по крайней мере позднее 1650 г., о чем свидетельствует тот факт, что доминиканцу были хорошо известны подробности захвата Леваном Дидиани соседней Гурии, т. е. событие, которое произошло около 1650 г.

Примерно такую же датировку пребывания Ламберти в Мингрелии предлагает и К. Ф. Ган, осуществивший второй перевод «Описания» Ламберти на русский язык. В примечании к переводу Ган указывает, что Ламберти

находился в Мингрелии с 1635 по 1653 г. («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 43, Тифлис, 1913 г., Отдел I, стр. II).

По-видимому, датировку К. Ф. Гана можно принять как наиболее точную. Однако М. А. Полиевктов определяет время пребывания Ламберти в Мингрелии: «1630 — около 1650», не давая при этом никакой аргументации своим отступлением от даты К. Ф. Гана.

«Описание» Ламберти отличается большой достоверностью. Большинство его сведений основано на личных наблюдениях. Он безусловно прекрасно знал Мингрелию, недаром в предисловии он подчеркивает, что «изъездил весь этот край». «Могу обещать,— пишет далее Ламберти,— что в моем рассказе читатель найдет только верные факты, беспристрастно описанные».

Хотя Ламберти свое описание посвятил в основном Мингрелии, он попутно сообщает кое-какие сведения о ее соседях: абхазах, черкесах, сванах, карачаевцах.

Одно из упоминаний о черкесах сделано Ламберти в связи с описанием брачных обычаев в Мингрелии. По сообщению Ламберти, во время его пребывании в Мингрелии состоялась «свадьба между одишским владетелем и дочерью главного царя всех черкесов, по имени Кашак-мепе». Характерно, что Ламберти именует главу черкесов грузинским термином «мепе» (царь). Это указывает на весьма высокое положение, которое занимал государь черкесов в глазах соседних кавказских народов и, в частности, грузин. Об этом же говорят и те огромные «подарки», которые, по сообщению Ламберти, потребовал черкесский царь от жениха за свою дочь. Как известно, плата, которую брали за невесту при заключении брака, была на Кавказе прямо пропорциональна социальному положению ее отца.

К сожалению, о черкесах Ламберти, кроме этого факта, ничего важного не сообщает, хотя, находясь в Мингрелии, он мог, конечно, собрать о них самые разнообразные сведения, тем более, что Ламберти и сам бывал в Черкесии. Так, описывая одно из животных, которое по своему виду «занимает средину между оленем и туром», он замечает: «Это животное (по-видимому, речь идет о серне. — *В. Г.*) я видел не только в Мингрелии, но еще и в Черкесии».

Карачаевцам Ламберти также уделяет в своем описании сравнительно очень мало места, хотя и этот народ ему, по-видимому, был достаточно хорошо известен. Однако при всей краткости сообщения Ламберти о карачаевцах это сообщение имеет для нас особую ценность, поскольку представляет собой одно из наиболее ранних известий об этом народе в европейской литературе. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Ламберти причисляет карачаевцев (как и абхазов, и черкесов) к народам, исповедующим христианство, хотя и отмечает, что эта вера им плохо известна и они лишь «величают себя именем христиан».

Но этому заявлению Ламберти не следует удивляться и придавать большое значение, так как буквально то же самое он говорит и о мингрелах, которые были давними христианами.

Как уже отмечалось, «Описание» Ламберти переводилось на русский язык дважды. Первый русский перевод был сделан П. Юрченко в 1876 г. по французскому тексту «Описания», изданному знаменитым ученым XVII в.

Мельхиседеком Тевено (хранителем королевской Парижской библиотеки) в его многотомном «Собрании путешествий». П. Юрченко пользовался вторым изданием сборника Тевено, вышедшим в Париже в 1696 г. (первое издание 1663—1672 гг.). Текст «Описания» Ламберти, изданный Тевено, значительно отличается от оригинала, изданного на итальянском языке в Неаполе в 1654 г., с которого сделан русский перевод К. Ф. Ганом в 1911 г. В частности, в издании Тевено «Описание» Ламберти значительно сокращено по сравнению с подлинником. Естественно поэтому, что мы приводим ниже текст «Описания» Ламберти в переводе К. Ф. Гана.

ОПИСАНИЕ КОЛХИДЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ТЕПЕРЬ МИНГРЕЛИЕЙ, В КОТОРОМ ГОВОРИТСЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ, ОБЫЧАЯХ И ПРИРОДЕ ЭТИХ СТРАН.

Посвящено его высокородию и высокопреподобию монсиору Дионидже Массари, секретарю святой Конгрегации пропаганды веры. В Неаполе, 1654.

Когда у нас, в Европе, женятся, главную роль у жениха обыкновенно играет приданое. Поэтому часто можно видеть, что никакого внимания не обращают ни на красоту тела, ни на старость, ни даже на низкое происхождение, если все это окупится богатым приданым. Вообще люди думают, что всякие недостатки покрываются золотом и серебром. Поэтому-то часто прельщенные богатством приданого вельможи себя унижают, и красивые юноши женятся на некрасивых и беззубых старухах. В Колхиде этого не бывает, потому что там нет того обычая, чтобы жена приносила мужу какое-либо приданое. Мингрельцы ищут в жене прежде всего физическую красоту, благородное происхождение и хорошие нравы. Взамен этого жених должен принести родителям жены большие и богатые подарки. Поэтому при заключении брака в этой стране единственным затруднением являются подарки, которые жених должен принести родителям и которыми он платит за жену, как за рабыню. Все эти подарки состоят из коров, быков, или лошадей, или рабов и тому подобных. В мое время случилась свадьба между одишским владетелем и дочерью главного царя всех черкесов, по имени Кашак-мепе. Посланники царя Кашака приехали в Одиши и от его имени объявили, что царь их желает этого брака и просит в подарок сто рабов, навьюченных различными тканями и коврами; сто коров, сто быков и сто лошадей. Тут, конечно, затруднения никакого не было, так как в противном случае брак не состоялся бы.

В этих высоких горах живут очень дикие народы с таким множеством различных языков, что они друг друга вовсе не понимают. Страбон и другие писатели перечисляют всех; но ближайшие соседи Колхиды: сваны, абхазцы, аланы, черкесы, зихи, карачаевцы. Все они, хотя величают себя именем христиан, но ни по вере, ни по набожности ничего христианского у них совершенно не заметно.

Кроме того, в Кавказских горах в сторону Каспийского моря географы помещают амазонок, про которых утверждают, что хотя это были и женщины, но они были очень храбры на войне. Уже Плутарх в «Жизни Помпея» отметил, что когда Помпей преследовал бежавшего Митридата, то ему в Кавказских горах сопротивлялись, в числе других варваров, и амазонки. Всех этих варваров Помпей победил, покорил и множество убил; в числе убитых долго искали амазонок, но ни одной мертвой амазонки не нашли, хотя признаков их присутствия было много. За верность этого факта я не ручаюсь, но не подлежит сомнению, что до сих пор некоторые следы древних амазонок сохранились в этой стране, хотя не в первоначальном виде. И действительно, когда я жил в Колхиде, пришло к владетелю известие, что какие-то народы в большом числе выступили из своей родной страны и образовали три войска; самое большое войско пошло на Московское царство, а другие направились на Кавказ, чтобы напасть на сванов и карачаевцев. Но со всех этих мест они были отброшены назад с большим уроном, и когда тамошние жители раздели убитых, то в числе их нашли много женщин. В подтверждение этого дадиану (в данном случае это означает титул мингрельского владельца.— *В. Г.*) как раз принесли оттуда несколько штук оружия, которое носили эти женщины. Оно доставило владетелю весьма большое удовольствие, и у него возбудило сильное желание, чтобы хоть одна из этих женщин живою попалась в его руки. Поэтому владетель обещал большие подарки сванам и карачаевцам, если, в случае вторичного нападения, одну из них они поймают и живой приведут к нему; уж очень сильно он желал увидеть, как эта женщина сражается с его подданными. Оружие, которое принесли владетелю, было очень красивое и сделано с изысканным изяществом женских рук. Каска была почти такая, какую носят наши кавалеристы; латы на груди, на спине и на руках состоят из тонких и плоских железных кусков на подобие чешуйчатого панциря, который легко можно надеть. К панцирю внизу приделано что-то в роде юбки, которая достигает до колен; она шерстяная, наподобие нашей саржи, но такая ярко красная, что похоже на самую тонкую порфиру. Обувь была удивительна по виду и по крою; верхняя часть всецело была покрыта крохотными кусками белой меди, величиною не больше булавочной головки. Пуговки эти с внутренней стороны имеют отверстия и нанизаны на тонкие, но крепкие тесемки из козьей

шерсти, которые внутри удивительно красиво и с большим мастерством переплетены между собою. Стрелы у них очень длинны, почти в четыре пяди в длину, и позолочены с начала до конца; они из лучшей стали, но не заострены, как обыкновенная стрела, а плоски и отточены как скальпель; ширина кончика иной раз равняется ширине одного пальца; другой раз еще больше, в три или четыре пальца. Вот все, что в этой стране я видел и слышал про этих воинственных женщин, которые, как мне передавали, обыкновенно воюют с татарами, называемыми калмуками.

У подножья Кавказа на север живет еще несколько народов, так называемые карачаевцы или карачеркесы, т. е. черные черкесы. Они носят такое имя не потому, что они черного цвета, ибо они очень белые, но, может быть, оттого, что в их стране небо постоянно облачное и темное. Язык их тюркский, но они так быстро говорят, что человек с трудом поймет их. Меня очень удивило, что карачаевцы среди стольких варварских языков, на которых говорят окружающие их народы, могли так чисто сохранить тюркский язык; но когда я вычитал из Кедрина, что как раз с северной стороны Кавказа вышли гунны, от которых происходят турки, то догадался, что эти карачаевцы —то колено гуннов, от которых выделились турки, и что по этой причине они до сих пор сохранили свой древний язык.

ЭМИДДИО ДОРТЕЛЛИ Д' АСКОЛИ

(Конец XVI в. — XVII в.)

Эмиддио Дортелли д'Асколи — католический монах Доминиканского ордена, возглавлявший в 1624—1634 гг. доминиканскую миссию в Каффе, автор «Описания Черного моря и Татарии», составленного в 1634 г.

Биографические сведения о Дортелли д'Асколи ограничиваются преимущественно теми данными, которые мы можем почерпнуть из его сочинения. Судя по второй части его фамилии, Дортелли был уроженцем итальянского города Асколи, но так как в Италии есть два города с таким названием, один из которых (довольно значительный) находится в Мархии, а другой (меньший по размерам) — в Апулии, то трудно сказать, какой именно из этих городов был родиной Эмиддио Дортелли. А. Л. Бертье-Далагарди считает, что Дортелли был родом из города Асколи, находящегося в Мархии, но это предположение не находит никаких подтверждений в особенностях итальянской речи автора «Описания Черного моря и Татарии», а иных источников для решения этого вопроса мы пока не имеем. Не располагаем мы и сведениями о времени рождения и смерти Дортелли д'Асколи. Можно только полагать, что он родился в последние десятилетия XVI в., поскольку в 1624 г. он уже должен был быть достаточно зрелым и опытным человеком, чтобы стать во главе самостоятельной католической миссии в таком важном для интересов Римской курии пункте, как Каффа.

Дортелли д'Асколи был хорошо подготовлен к миссионерской деятельности в Крыму, так как он владел греческим, турецким (а, следовательно, и татарским), армянским языками, т. е. как раз теми языками, которые были распространены среди городского населения Крыма и, в частности, Каффы.

Будучи человеком образованным и любознательным, Дортелли использовал свое десятилетнее пребывание в Каффе для основательного изучения различных местностей Северного Причерноморья. Не довольствуясь теми сведениями, которые он мог собрать в самой Каффе и Крыму, Дортелли, как это он сам отмечает, «имел неоднократно случаи совершать плавания по Черному морю» и таким образом лично ознакомиться с прилегающими к нему областями. Можно полагать, что во время этих плаваний Дортелли посещал и берега Черкесии. Во всяком случае его описание Черкесии свидетельствует о весьма близком знакомстве с этой страной и в ряде случаев представляет собой результат непосредственных наблюдений и впечатлений.

Изучая Причерноморье, Дортелли имел в виду не только интересы католической пропаганды, но и тесно переплетавшиеся с ней интересы италь-

янской коммерции. Поэтому в сочинении Дортелли важное место занимают сведения коммерческого характера; в частности, он дает довольно обстоятельный обзор черноморских портов и гаваней, природных богатств Причерноморья и характеристику важнейших статей черноморской торговли. Вместе с тем Дортелли был не чужд и чисто научных интересов, уделяя специальное внимание этнографическим и историческим вопросам. Это обстоятельство он оговаривает в начале своей книги. «Хотя, — пишет Дортелли, — моему званию несвойственно заниматься историческими изысканиями и описаниями местностей, тем не менее я... счел не лишним удовлетворить любознательность желающих иметь сведения о вышеупомянутых странах и потому написал эту книгу».

Придавая своему сочинению преимущественно светский характер, Дортелли почти не касается в нем вопросов, представляющих интерес религиоведческий. Отсутствие такого уклона в своем сочинении Дортелли объясняет тем, что он «уже составил пространный словарь со всякими именами, глаголами, наречиями, изречениями, описаниями обрядов, вопросами и необходимыми ответами, касательно души и святой церкви на четырех языках: итальянском, греческом, турецком и армянском, для восточных миссионеров; написал краткий свод всех тех догматов, которые были противны учению святой римско-католической церкви, с их основами и опровержениями оных, знание которых необходимо для тех же миссионеров».

Благодаря тому, что Дортелли посвятил задачам католической пропаганды на Востоке другие сочинения, он смог остановиться в «Описании Черного моря и Татарии» на экономических и историко-этнографических вопросах. Это сочинение отличается широким подходом к описанию различных сторон жизни местного населения. Как это усмотрит читатель из приводимого ниже текста, Дортелли при описании черкесского быта почти не касается вопросов религии. Зато много интересных и важных подробностей сообщается им о политическом и общественном строе черкесов, об их наружности и одежде, о их манерах и обычаях. Дортелли в общем с большой симпатией пишет о черкесах; он отмечает их вежливость и гостеприимство, веселость их нрава, свободу, которой пользуются у них девушки до выхода замуж и т. д. Значительное внимание уделяет Дортелли семейному быту черкесов; в частности, он один из первых европейских авторов, описавших существование у черкесов обычая избегания.

Большой научный интерес представляют сведения, сообщаемые Дортелли о «черкесах-франках», живущих в Феччиале. Это смешанное по своему этническому происхождению население Каффы образовалось в результате браков «франков» (т. е. генуэзцев и других итальянцев) с черкесами. Как пишет Дортелли, «многие (франки.— *В. Г.*) женились на черкешенках, так что в настоящее время получили от черкесов название «френккардаш», что на их языке значит — «френки наши братья». Население Феччиале, являвшегося пригородом Каффы, исповедовало христианство. Дортелли называет их «латинскими (т. е. католическими.— *В. Г.*) христианами», однако из его же дальнейшего текста видно, что жители Феччиале скорее придерживались «греческого вероисповедания», которое когда-то было распространено среди причерноморских черкесов.

Описание Дортелли д'Асколи несомненно принадлежит к числу наиболее важных источников по истории Черкесии XVII в. Почти каждая фраза, имеющаяся в этом описании Черкесии, представляет большой интерес и требует поэтому самого внимательного к себе отношения.

ОПИСАНИЕ ЧЕРНОГО МОРЯ И ТАТАРИИ, СОСТАВИЛ ДОМИНИКАНЕЦ ЭМИДДИО ДОРТЕЛЛИ Д'АСКОЛИ, ПРЕФЕКТ КАФФЫ, ТАТАРИИ И ПРОЧ., 1634.

Они (татары. — *Ред.*) также воздерживаются ходить в Чиркасию, потому что там очень воинственный народ. Хан отправляется туда лишь в том случае, когда какой-нибудь знатный черкес позовет его на помощь, дабы мстить врагу своему, другому могучему князю. Надеюсь тоже, что московы, которые в настоящее время не воюют ни с кем, примут меры против татар, ибо московский государь весьма могуществен.

Чиркасия разделена между многими владельцами, ими называемыми — бей. Они более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели, и постоянно воюют из-за краж, так что иной отец не всегда безопасен от сына своего или брата; враждуя по поводу судебных приговоров и убийств, что у них случается ежедневно, а иногда из-за вопросов чести, они дерутся без пощады. Всякий, кому не хватает сил собственных подданных, обращается за помощью к дружественному владельцу; дело доходит до того, что один из противников одерживает верх над другим. Этот последний, чувствуя себя оскорбленным, призывает на помощь хана, обещая ему 200 или 300 рабов. Хан более чем охотно пользуется случаем и тотчас собирает 40 или 50 тысяч воинов, с которыми идет к позвавшему владельцу. Тогда другой противник, видя, что ему приходится плохо, начинает обдумывать свои обстоятельства и для лучшего исхода решает сойтись с ханом на стольких-то невольниках; затем при посредстве того же хана обе стороны заключают мир. Правда, говорят, что когда двое ссорятся, третий радуется, иначе татарину было бы мало выгоды от черкесов, хотя он и следить за ними, особенно если бы между ними царило согласие, тем более, что они очень воинственны и у них густейшие леса и крутые горы. Но теперь чиркасы тоже огляделись, прошло уже много лет, как они перестали звать хана.

Чиркасы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их черкес спага, значащим благородный, конный воин. Действительно, чиркасская знать, даже когда ради забавы посещает близких соседей, появляется всегда верхом, в кольчугах и шишаках, с украшениями в виде розеток из золоченого серебра. Их кони очень красивы и легки, крупных размеров, но притом стройны, равно как и сами всадники

стройны, изящны и тонки в поясе; у них кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщин, которым, я думаю, можно отдать предпочтение перед всеми другими женщинами в мире.

Замужние прикрепляют к задней части головы как бы другую, набитую материями, так что они ходят словно с двумя головами. Девицы носят шапочки и распускают волосы. Одежда всех мужчин красного цвета, другого они не знают. Носят они верхнее платье до колен, рукава его сверху широки, снизу обтянуты и разрезаны или открыты вдоль, как у испанцев или французов. Чулки носят в обтяжку; башмаки узкие с одним швом спереди, без всяких украшений, и никоим образом не могут ни растягиваться, ни распускаться, они точно приклеены к ногам и придают изящество походке. Плащ из цельного куска материи, узкий около ворота, а внизу широкий, так что едва обрисовывает стан; им запахиваются со стороны ветра или дождя, но вообще носят на левом плече, освобождая правую руку, чтобы можно было сражаться; их шапки черные, без полей, с длинными волосами, как у наззарен.

Чиркасы очень вежливы в обращении. Беседуя с особами высокого звания, всегда держат шапку в руке; входя и выходя шаркают правой ногой подобно придворным. Они любят принимать приезжих в своих домах, так что, если случится гость, будь то знатный или купец, то хозяин оказывает ему всякую ласку и почесть. Его дочери, будь они самые благородные и красивые девушки, не только не прячутся от гостя, но целуют ему руку и заботятся о чистке его платья, а если оно где-нибудь прорвано, то починяют его как можно лучше; они мастерицы по части шитья и по всем хозяйственным делам. Пока гость ест, хозяин дома прислуживает за его столом и притом с непокрытой головой, если гость из почетных, а сам садится лишь по просьбе гостя. Все пьют за здоровье приезжего, начиная с хозяина; за ним жена, сыновья и дочери, причем все становятся на колени с непокрытыми головами, а женщины пьют прикладывая левую руку к голове, в знак доброго пожелания. Вина у них нет, потому что там виноград не произрастает, но есть дикая лоза, указывающая на возможность его добывания; зато пьют мольцо, приготовленное из меда, которого очень много. Делают даже водку из зерна и другой напиток, называемый боза, отвар обдирного проса, разбавленный водою. Пока гость находится в доме хозяина, его вещи, даже не запертые, тщательно охраняются; но лишь только он пустится в путь по Чиркасии, не будучи сопровождаем лицами известными, то может быть уверен, что не только его пожитки перейдут в чужие руки, но и ему самому будет угрожать опасность попасться в рабство, быть отвезенным в дальние страны и там проданным. Обыкновенно же хозяин дает гостю охрану.

В Чиркасии зерновой хлеб не употребляется, хотя зерно и

сеется; но взамен хлеба едят густо сваренное в котле просо, без соли, и называют его паста. Она делится на куски, которые подаются к трапезе. В Тумруке, на расстоянии доброго дня пути внутри Чиркасии, мне пришлось питаться им целых восемь дней, и оно мне показалось очень безвкусным.

В случае возвращения в тот город, где уже был прежде, путник избегает останавливаться у нового хозяина, хотя бы и был раньше к тому приглашен, так как прежний хозяин счел бы себя обиженным тем, что ему показывают, будто он дурно принимал гостя; итак, приезжий обязан вернуться в прежний дом, но ему дозволено принимать приглашения на трапезу и в другие дома.

Благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое звание; касательно чести чиркасы щепетильнее итальянцев. Отцам и братьям намеченных девушек молодые чиркасы дают в приданое некоторое количество коней, кольчуг, красивых мечей, платьев, серебряных чаш, смотря по тому, сколько они потребуют того или другого. Деньги давать не принято, даже среди купцов, но существует обмен вещей; в Чиркасии много прекрасных мехов и за них отцы и братья уступают дочь или сестру, с тою лишь одеждою, которую она имеет на себе. До замужества девушки бывают на обедах, на празднествах, где играют, поют и пляшут. Чиркасы очень веселый народ; они пляшут всегда на носках, что весьма трудно, но зато красиво. По выходе замуж женщины долгое время, иногда годами, не показываются ни теще, ни деверям, ни близким родственникам, живя отдельно от них, хотя бы в одном и том же доме, а при случайной встрече они отворачиваются и склоняют лицо, дабы не видеть их. По истечении этого времени молодую женщину угощают обедом и дарят ей хорошее платье или шубу, или же что другое, по ее вкусу, предварительно узнав, чем бы ей угодить. Затем ее принимают в дом с поцелуями и добрыми пожеланиями; тогда у нее быть может уже двое или трое детей. Начиная с этого дня, молодая супруга имеет право ходить туда в любое время и есть вместе со всеми, но в присутствии тестя ей не разрешено говорить или отвечать другим, даже мужу; она может объясняться лишь знаками. Это продолжается один год.

После чего тесть дает ей второй обед и делает второй, меньший подарок, и она приобретает право говорить по мере надобности.

Все эти обрядности существуют поныне у наших латинских христиан в Феччиале, именующих себя черкесами-франками. Когда турки отобрали у генуэзцев Каффу, около 180 лет тому назад, многие из знатных были увезены в Константинополь, где им отвели улицу для житья, поблизости дворца императора Константина Великого, которая ныне называется «Кеффе-магалази»; там проживают теперь только две семьи. Другие ушли

в Чиркасию из-за своих жен, ибо многие женились на чиркашенках, так что в настоящее время получили от чиркасов название френккардаш, что на их языке значит — френки наши братья. Иные остались в Каффе, но за отсутствием латинского богослужения и такового же священника они, следуя за своими женами-гречанками, перешли в греческое вероисповедание. Иные же остались при дворе хана, даровавшего им селение, называемое Сивурташ, т. е. остроконечный камень, которое до сих пор существует и заметно издали. Хан дал им также бея той же национальности, называемого Сивурташ-беем. Хан очень дорожил ими и отправлял их в качестве послов в Польшу и к другим христианским государям; сделал их всех спагами, т. е. придворными дворянами; избавил их от уплаты податей, десятины и прочих налогов, обязав только сопровождать хана на войну. Со временем бей перешел в магометанство, многие последовали его примеру. Сивурташ находится на близком расстоянии от ханского дворца, поэтому приезжавшие к хану знакомые или родственники чиркасы уходили затем к немногим христианам, оставшимся в Сивурташе, и сильно стесняли тех, а потому они, 30 лет тому назад, со своими семьями переселились в Феччиалу, на полдня пути далее, но в стороне, в прелестной местности, орошенной рекой, с источниками вкуснейшей воды и изобилием плодов. Они наравне с чиркасами пользуются льготами и имеют одинаковые с ними обычаи и обряды, но, из боязни хана, вместо мечей им служат языки для злословия; единодушны они бывают только когда пьют вместе. Выделывают вино и едят обыкновенный хлеб. Их всего 12 домов, всегда бывших латинского вероисповедания, заимствованного из Польши или Италии, но говорят они не по-итальянски, а по-турецки, татарски и чиркасски. Они хорошо знают «Отче наш» и «Богородицу» по-латыни. Мы же исповедуем их и говорим проповеди на материнском языке страны, т. е. по-турецки. Мужчины, сопровождающие хана на войну, по уходе от него, пускаются грабить вместе с татарами, а пленных и их детей ставят ниже рабов, отнимая у них навеки надежду на освобождение, если только они не выкупятся за деньги, и заставляя обрабатывать свои земли, на которые сами даже и не заглядывают. Они не хотят терпеть ни наставлений, ни осуждений, ни постановлений; таких мы укрощаем неотпущением грехов, до тех пор, пока они не сократят надлежащим образом срок неволи пленным. У них было принято долголетнее сожительство с женщинами, от которых имели детей, а потом призывали священника, хотя бы греческого, и венчались с этими женщинами; но мы и это исправили. Подобно чиркашенкам, тамошние женщины, выйдя замуж, не показываются и, даже еще хуже, за все время такой жизни не хотят посещать церковь, из боязни встречи с родственниками, и в этом нас не следует упрекать, ибо мне немало стоило уговорить одну из них, после 4-х лет ста-

раний, прийти в церковь. Полагаю, что таким образом и хуже того поступали бы женщины в Чиркасии, в силу философского правила: почему она такая, а я не такая, ибо, если наши женщины, всегда имевшие духовных отцов для обучения, придерживаются, по примеру чиркашенок, столь диких обычаев, то чиркашенки еще продолжительнее воздерживались бы от посещения церкви, так как у чиркасов нет ни храмов, ни священников, а имеются лишь так называемые шугуены, заменяющие духовных лиц. Эти шугуены умеют читать немножко по-гречески, чему их духовные отцы или сами они научились в Татарии, они же освещают и благословляют курбаны или жертвоприношения, отпевают покойников и т. п.; впрочем, некому служить обедню или совершать иное таинство. У них не существуют ни буквы, ни письмена, почему турок и дает им оскорбительное прозвище «чиркас kiemabsis», что значит чиркас без букв и без книг. Право, не знаю, отчего священники из других стран не могли удержаться среди них; потому ли, что подвергались ежечасным кражам, так как эти чиркасы не щадят никого, или же по причине их убогого и как бы шипящего языка, труднее которого нет другого в мире. Но мы все-таки призваны быть виноградарями сих краев, если только Господу будет угодно открыть нам пути. Несколько лет тому назад я уже отправлял туда моего товарища, отца Джиованни да Лукка, чтобы узнать о положении христианской церкви; местная знать оказала ему почетный и радушный прием и выразила полную готовность принять нашу миссию; духовные труженики уже находятся на пути,— да приведет их Господь к спасению.

У них сохранились некоторые добрые христианские обычаи; напр., по вторникам, средам и пятницам они не едят мяса круглый год; соблюдают посты пред праздниками святых Апостолов в июне и Успения пресвятой Богородицы в августе; постятся несколько дней перед Рождеством Христовым, а также весь великий пост, все по уставу греческого вероисповедания. Но теперь пора вернуться к описанию Татарии, хотя сказанное о чиркасах не чуждо нашей задаче, так как они входят в пределы Татарии, многочисленны и имеют много поселений.

ДЖИОВАНИ ЛУККА
(XVIII в.)

Джиовани Лукка — итальянский монах Доминиканского ордена, автор описания крымских татар, ногайцев, черкесов, абхазов и грузин, которое, видимо, было составлено около 1634 г., когда он находился в качестве префекта доминиканской миссии в Крыму, в Каффе. Никаких других конкретных биографических сведений о Лукке в литературе не сохранилось, за исключением того, что он в 1642 г. был направлен папою Урбаном VIII на Ближний Восток в целях католической пропаганды и посетил при этом Грузию. Таким образом, Лукка был довольно видным представителем итальянского духовенства, специализировавшимся в области католической пропаганды в странах, прилегающих к Черному морю. Как отмечает Лукка в предисловии к своему «Описанию», его поездка к крымским татарам и черкесам тоже была вызвана интересами католической пропаганды среди этих народов. Он отправился к этим народам для «проверки» состояния католической пропаганды и ее активизации, что в свою очередь требовало более близкого ознакомления с образом жизни и нравами этих народов. «Я,— пишет Лукка в предисловии,— предлагаю здесь краткое описание стран, которые посетил, когда меня послали для проверки к татарам и черкесам. От моих занятий немного оставалось у меня времени. Это обстоятельство лишило меня возможности описать эти страны так полно и подробно, как я того желал».

«Описание» Лукка непосредственно примыкает к «Описанию» Дортелли, которого Лукка сменил в качестве префекта доминиканской миссии в Крыму. Продолжая в Каффе служебную деятельность Дортелли, Лукка, подобно ему, уделял большое внимание изучению окружающих народов, в том числе черкесов. Не ограничиваясь сбором сведений о них в самой Каффе, где для этого, как мы знаем, были весьма благоприятные возможности, Лукка неоднократно выезжал в глубь татарских, ногайских и черкесских земель. Поэтому Лукка имел все основания указать в предисловии, что «в этом описании я изложу только то, что видел своими глазами». Это заявление автора придает, конечно, особое значение его описанию черкесов, которым он посвящает в своем сочинении специальный раздел.

Что Лукка описывает быт черкесов как очевидец, побывавший в их стране, подтверждается не только всем содержанием раздела, относящегося к черкесам, но и отдельными замечаниями, разбросанными в других частях его труда. Так, в разделе втором, посвященном ногайцам, Лукка, меж-

ду прочим, отмечает, что он был приглашен в дом одного богатого ногайского мурзы, когда находился «в Балют-кое, в стране черкесов».

В ряде случаев Лукка ссылается на пример черкесов при описании других народов, что тоже свидетельствует о том, что быт черкесов был ему хорошо знаком. Он, например, пишет о ногайцах, что они «питаются мясом и молоком, которого у них весьма много, но подобно черкесам не едят собственно лепешек», т. е. хлеба, а вместо него употребляют вареное просо. Кстати, здесь же он сообщает, что у ногайцев есть «немного проса, получаемого ими от черкесов и вымениваемого на скот». В разделе, посвященном описанию абхазов, Лукка также приводит сравнение их с черкесами, указывая, в частности, что абхазы «одеваются подобно черкесам, но волосы стригут иначе, чем те».

Описание Лукки, несмотря на свою краткость, во многом дополняет и уточняет описания Дортелли, особенно же в части, касающейся черкесов. Благодаря тому, что Лукка побывал в глубине черкесских земель, он значительно расширяет пределы Черкесии на юго-восток, считая, что «страна черкесов тянется на 26 дней пути», простираясь до берегов Каспийского моря. Лукка несколько раз упоминает о Кабарде, считая, что эта черкесская область «очень населена» и что от нее до Темрюка 18 дней пути.

Рассматривая Кабарду как крупнейшее феодальное владение в Черкесии, Лукка вместе с тем отмечает наличие в этой стране ряда других феодальных княжеств (бесленеевских, бжедугских и др.), причем особо выделяет весьма значительное княжество в причерноморской Черкесии. По его словам, два князя, братья Кази-бей и Синкас-бей, «управляют всеми [черкесскими] селениями, лежащими вдоль моря. Таким образом, во владении этих двух братьев находились все натухайцы и причерноморские шапсуги.

Сообщение Лукки о существовании в первой половине XVII в. у натухайцев и шапсугов княжеских владений представляет большой интерес, поскольку к началу XIX в. эти черкесские народности в результате антифеодальных восстаний ликвидировали у себя княжескую власть и поэтому многие авторы первой половины XIX в., писавшие о черкесах, высказывали даже сомнение в том, что у причерноморских черкесов в прошлом были владетельные князья. Между тем Лукка, как бы предвидя эти сомнения, в своем описании Черкесии дважды совершенно определенно говорит о наличии у причерноморских черкесов своих князей. Так, несколькими строками выше того места, где он пишет о братьях-князьях, правивших в причерноморской Черкесии, Лукка указывает границы этой части черкесских земель (они начинаются на севере у Кудесчио — «первой из деревень, лежащей в стране черкесов вдоль приморского берега» — и простираются до Абхазии), вместе с тем отмечает, что черкесы, живущие здесь, «повинуются особенным князьям».

Весьма важны также сведения Лукки о религии черкесов, которой он, естественно, уделяет особое внимание. По словам Лукки, «одни из них (черкесов) магометане, другие следуют греческому обряду, но первых больше». Эта характеристика касается прежде всего кабардинцев, ибо вслед за приведенными словами Лукка пишет, что «священник, живущий в Терках, приходит иногда к ним совершать таинство крещения». Как известно, Терки

были русской крепостью, находившейся в низовьях Терека по соседству с Кабардой. Но если среди кабардинцев в первой половине XVII в. начинала уже преобладать мусульманская вера, то черкесы, живущие на Черноморском побережье, называли себя христианами. Видимо, именно у этих черкесов в похоронном обряде преобладали христианские черты («священник наизусть поет некоторые гимны», окуривая покойника ладаном).

ОПИСАНИЕ ПЕРЕКОПСКИХ И НОГАЙСКИХ ТАТАР, ЧЕРКЕСОВ, МИНГРЕЛОВ И ГРУЗИН, ЖАНА ДЕ ЛЮККА, МОНАХА ДОМИНИКАНСКОГО ОРДЕНА (1625)

Описание черкесов

Черкесы очень похожи на ногайских татар, которых я только что описал, с тою однакож разницею, что черкесы населяют лишь более лесистые места, в которых они укрываются. Они соседят с ногайскими татарами, корнухами, также татарами, хотя исповедующими другую веру и отличающимися от оных образом жизни; к югу живут абхазы; на западе граничат с очень высокими горами, отделяющими их от Мингрелии. Следовательно, область имеет самое большее протяжение от Тамани до Демиркапу, иначе Дербента[1], города, расположенного на берегу Каспийского моря. Страна черкесов тянется на 26 дней пути. Между Таманью и Темрюком находится коса земли, на берегу которой несколько деревень. Говорят они по-черкесски и по-турецки. Одни из них магометане, другие следуют греческому обряду, но первых больше. Хотя еще священник, живущий в Терки, приходит иногда к ним совершать таинство крещения, но он мало наставляет их в [христианском] законе, так что они постоянно мусульманятся; они от греческой веры только сохранили обычай носить съестные припасы на могилы покойников, да соблюдают некоторые посты. Эти деревни повинуются московскому царю и некоторым мурзам или особенным боярам его двора, которым они отданы в награду за службу.

От гор, которые ими называются Варадскими, до Кудесчио, первой из деревень, лежащей в стране черкесов вдоль приморского берега, [считают] 300 миль. Впрочем, все это пространство, хотя очень плодородное, не населено. От Кудесчио до Абхазии считается 140 миль. Народ, живущий на этих горах, называет себя христианами, подобно жителям лесов, растущих на равнинах. Они повинуются особенным князьям. Я упомяну о знатных людях и расстоянии мест, которые находятся в их под-

---

[1] *Капу* значит по-турецки дверь; *темир* — железный. *Дербент* слово персидское, означающее то же самое. Здесь и далее примечания французского переводчика.— *Ред.*

чинении. От Темрюка до Кабарды восемнадцать дней [пути]. Страна очень населена и находится под властью Шабан-оглу. От Темрюка до Джиана 2 дня, и столько же от Джиана[1] до Кодыкоя. От Джиана до Болетте-коя — 4 дня. Этой страной владеет бей Джианко-бей. Отсюда до Безинада — 8 дней; от Безинада до Кабартая также 8, и отсюда до Дербента тоже 8 дней. Князья Скаенче и Темиркас — родственники татарского хана — владеют этой страной. Князья-братья Кази-бей и Синкас-бей управляют всеми селениями, лежащими вдоль моря. Эти страны очень приятны, хотя мало населены, так как места, в которых лес редок, не населены.

У них нет ни писаных законов, ни церковных обрядов, они христиане только по имени.

Они торгуют рабами, кожами оленей, быков, тигров и воском, которого много находится в лесах; обрабатывают свои [удобные ко хлебопашеству] земли киркой; не имеют монеты, а свои произведения обменивают.

Их одежда мало отличается от нашей. Они носят красные бумажные рубахи и бурку из валеной шерсти или войлока, которую поворачивают [на плече] в ту сторону, откуда дует ветер, так как им закрывается только половина тела. Нет в мире народа добрее этого или радушнее принимающего иностранцев. Они сами услуживают тому, кого поместили у себя, в течение трех дней. Мальчики и девушки прислуживают гостю с открытым лицом и моют ему ноги, между тем как женщины заботятся о мытье его белья.

Что касается их жилищ, то последние состоят из двух рядов кольев, воткнутых в землю, между коими вплетают ветви; наполняют промежуток глиной и кроют их соломой; княжие дома построены из того же материала, только просторнее и выше. Деревни их расположены в самых густых лесах. Они окружают их сплетенными одно с другим деревьями, чтобы таким образом затруднить въезд татарской коннице. Черкесы часто с последней сражаются, так как не проходит года, в который бы татары, привлекаемые главным образом красотою рабов из этого народа, не произвели на их страну какого-нибудь набега, чтобы наловить последних. И ногайцы часто с тою целью производят сюда набеги. Постоянное беспокойство, которое причиняют им татары и ногайцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах. Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют шашкой. Голову защищают они кольчатым шишаком, покрывающим лицо. Орудием для нападения, кроме лука, служат им копья и дротики[2]. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар. Они не считают

---

[1] В Аргунском округе при речке Чухнахк, в Терской области. Списки населенных мест. Тифлис, 1878.

[2] С тех пор, как они подчинились москвитянам, они сделались искуснее в военном деле.

стыдом ограбить друг друга, и воровство здесь так обыкновенно, что пойманных удальцов не наказывают, питая даже некоторого рода уважение к тому, кто ловок в этом отношении. Стариков весьма уважают. На пирах не предлагают молодым людям пить до тех пор, пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства. Самый обыкновенный напиток у этого народа составляет вода, вскипяченная с медом и небольшим количеством проса (буза), затем в течение 10 дней не трогают его, а потом снова кипятят. Этот напиток охмеляет так же сильно, как и вино. Впрочем, черкесы не сильно предаются пьянству. Вместо стаканов они употребляют рога диких буйволов и других животных; обыкновенно все пьют стоя. В их стране встречаются святилища, т. е. посвященные места, на которых валяется множество бараньих черепов, оставшихся от курбанов, или жертвоприношений, совершенных здесь [1]. На деревьях, растущих на этих местах, вешают по обету луки, стрелы, мечи, и благоговение к этим святым местам так велико, что величайшие воры не прикасаются к ним.

Весь брачный обряд состоит в том, что муж и жена в присутствии какого-нибудь свидетеля дают слово блюсти союз. При жизни первой жены черкес никогда не женится на второй, разве к этому его побудит какая-нибудь особенная причина.

Отец невесты получает в благодарность за дочь какой-нибудь подарок; мужчина, если не в состоянии сделать подарок, то не находит жены.

Те, которые должны сопровождать покойника до могилы, еще перед входом в его дом принимаются кричать и стонать. Его родственники бичуют себя, а жены царапают себе лицо, между тем как священник наизусть поет некоторые гимны, окуривает себя ладаном и кладет на могилу блин и ставит сосуд с бузой, т. е. пищу и питье. Потом засыпают могилу, а бугор означает место погребения.

Кроме войны, всецело их занимающей, они не знают другого занятия.

Черкесские рабы ценятся гораздо дороже других за красоту и способности в делах, для которых их употребляют, так как от природы они очень умны. Черкесские лошади ценятся дороже татарских, потому что живее.

По их стране протекает две значительные реки, из которых одна, впадающая в море. Кубань называется Пси, а другая (Терек?) проходит недалеко от Кабарды. Существует много не замечательных потоков, потому что их без труда переходишь вброд.

---

[1] Они втыкают голову барана или овцы на вершину креста и растягивают кожу на ветвях.

ЖАН БАПТИСТ ТАВЕРНЬЕ

(1605—1689 гг.)

Жан Баптист Тавернье — крупный французский коммерсант, получивший известность своим видным участием в развитии французской торговли с Индией.

Отец Тавернье занимался изготовлением географических карт и их продажей. Это способствовало тому, что Жан Баптист еще в ранней юности увлекся изучением других стран и на семнадцатый год жизни объездил всю Францию, а также посетил Англию, Голландию и Германию. В начале 30-х годов XVII в. Тавернье совершил первое путешествие на Ближний Восток. Прибыв в Константинополь, он через Эрзурум направился в Иран и Ирак, а затем через Мальту и Италию вернулся во Францию (1633 г.), привезя с собой значительное количество восточных тканей и драгоценных камней.

В 1638—1643 гг. он совершает второе путешествие на Восток — в Иран и оттуда в Индию. Эта поездка еще больше обогатила Тавернье, и он становится одним из крупнейших продавцов драгоценностей в Европе, приобретя себе многочисленную клиентуру среди высших слоев аристократии. В 1643—1649 гг. Тавернье совершил свое третье, самое большое путешествие. Он добрался до Явы и вернулся обратно через мыс Доброй Надежды. В последующие годы Тавернье совершает еще три путешествия на Восток, главным образом в Индию. После 1668 г., когда он вернулся из последнего (шестого) путешествия, Тавернье прочно обосновывается в Париже, получает от короля дворянское звание, приобретает баронство в Швейцарии и даже дворец в Париже. В это время Тавернье занялся литературной обработкой своих путевых заметок, подготавливая их к изданию с помощью ряда более образованных лиц. Сочинение Тавернье оказалось, однако, довольно сумбурным; личные наблюдения автора не выделены в нем от сведений, полученных от других лиц, не соблюдена и хронология путешествий, причем материалы всех шести путешествий перепутаны между собой. Поэтому пользоваться сочинением Тавернье как историческим источником довольно трудно. И все-таки, несмотря на эти недостатки, «Шесть путешествий» Тавернье дают весьма интересный и в большинстве своем ранее неизвестный материал о многих странах мира. Поэтому указанное сочинение Тавернье неоднократно переиздавалось на французском языке и было переведено на иностранные языки (английский, немецкий, голландский).

В первом томе описаний шести путешествий Тавернье несколько глав посвящено Кавказу, в том числе и Черкесии. Тавернье в Черкесии не был и все сведения, сообщаемые им об этой стране, были собраны во время

его путешествий по странам Ближнего Востока. В этом-то и заключается их ценность. То, что сообщает Тавернье о черкесах — это примерно то, что знали о черкесах их южные соседи, жители Ирана, Турции, Ирака, Сирии и других стран, в которых побывал Тавернье.

ШЕСТЬ ПУТЕШЕСТВИЙ В ТУРЦИЮ, ПЕРСИЮ И ИНДИЮ В ТЕЧЕНИЕ СОРОКА ЛЕТ, С ОСОБЫМИ ЗАМЕТКАМИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИИ, УПРАВЛЕНИИ, ОБЫЧАЯХ, ТОРГОВЛЕ КАЖДОЙ ИЗ ЭТИХ СТРАН ВМЕСТЕ С МЕРАМИ, ВЕСАМИ И СТОИМОСТЬЮ ОБРАЩАЮЩИХСЯ ДЕНЕГ

Черкесия представляет собою красивую и хорошую страну с очень разнообразными видами. В ней встречаются равнины, леса, холмы и горы, откуда берут свое начало множество источников, некоторые из которых настолько многоводны, что их хватает на 7 или 8 селений, расположенных вокруг. Однако, в речках, образующихся из этих источников, нет рыбы. В этой стране встречаются всевозможные цветы и в особенности прекрасные тюльпаны. В ней произрастает особый вид земляники с очень коротким стебельком, на котором бывает обычно по 4 или 5 ягодок. Самые маленькие из них величиной с небольшой орех и цвет их бледно-желтый. Почва настолько плодородна, что плоды прекрасно вызревают в изобилии, не требуя особого труда; у них нет других садов, кроме полей, покрытых дикими вишнями, яблонями, орешником, грушевыми и другими фруктовыми деревьями. Их главное богатство заключается в стадах, в особенности в прекрасных лошадях, очень сходных с испанскими. Они имеют кроме того большое количество коз и овец, шерсть которых так же хороша, как и получаемая в Испании, так что московиты приходят и закупают ее для выделки войлока. Что касается быков и коров, то они неважные, и не этот вид животных обогащает черкесов. Этот народ не сеет ни ржи, ни овса, а только ячмень для лошадей и просо для выпечки хлеба; они никогда не засевают дважды один и тот же участок, меняя место каждый год. Они не сеют рожь, не потому, что почва недостаточно хороша для ее произрастания, а потому, что они не интересуются ею, предпочитая хлеб из проса. У них хорошее мясо, хорошие куры и дичи больше, чем они могут потребить. Для охоты они не пользуются ни собаками, ни птицами, но когда собираются на нее, то 7 или 8 главных лиц селения обычно соединяются вместе. У них настолько прекрасные лошади, что в погоне за животным они утомляют его и заставляют сдаваться. Каждый держит наготове веревку с свободно двигающимся узлом, привязанную к луку

седла; они настолько ловки в бросании ее на шею животного, сдающегося из-за усталости, что последнее редко ускользает от них. Убив оленя, они немедленно отрезают ему ноги, ломают кости и поедают мозг, так как считают, что нет ничего более питательного для тела. Когда они хотят угнать у кого-либо скотину, то для того, чтобы стерегущие стадо собаки не залаяли и не привлекли этим внимание пастухов, они берут с собой бычачьи рога, наполненные вареной требухой, нарезанной мелкими кусочками; обычно стада имеют не менее 8 или 10 сторожевых собак и 2 или 3 пастуха. Они выслеживают время, когда пастухи засыпают, и, как только собаки начинают лаять, они бросают каждой из них по одному рогу, который собака схватывает и уносит подальше от стада, чтобы съесть содержимое. Труд, который им приходится применять, с одной стороны, чтобы вытащить требуху, плотно набитую в рог, а с другой — боязнь, что другая собака отнимет у них добычу, заставляют их забыть, что надо лаять. В то время, как уставшие за день пастухи погружены в глубокий сон, воры делают свое дело и угоняют из стада то, что хотят.

Напитком черкесов служит вода и буза. Эта буза представляет из себя напиток, опьяняющий как вино и сделанный на просе, так как виноградников нет во всей стране.

Разницы в одежде обоих полов нет; женщины одеваются как мужчины, а девушки, как юноши. Эта одежда состоит из цветного платья, сделанного из хлопчатобумажной ткани, и штанов настолько широких, что когда им надо отправить естественные потребности, им достаточно поднять их снизу вверх, не расстегивая. Они носят кроме того маленькую стеганую куртку, которая доходит им до половины бедер, а поверх нее нечто вроде плаща с широкими рукавами из грубого сукна, который спускается до колен и подпоясан веревкой. Рукава плаща разрезаны сверху донизу и иногда они их завязывают за спиной. Они не носят бороды до 60 лет; что же касается волос, то мужчины, женщины, юноши и девушки не отпускают их ниже ушей. Молодые и старые мужчины бреют себе на голове полосу в 2 пальца шириною от лба до шеи и носят небольшую шапочку вроде скуфьи (ермолки) из того же сукна, что и плащ, которая является головным убором общим для обоих полов. Правда, с того момента, как девушки выходят замуж, в их головном уборе отмечается некоторое изменение: они привязывают сзади толстую подушечку из войлока и закрывают ее белым покрывалом, сложенным в мелкую складку. Их чулки привязывают над коленом и достигают только до лодыжки; их башмаки, сделанные как сверху, так и снизу из сафьяна, имеют только один шов вдоль ноги и скроены в виде легкого башмака. Что касается их постели, то они берут несколько бараньих шкур, сшивают их, набивают стеблями проса и получают нечто вроде матрацев. Когда они молотят просо, стебли

получаются совсем мелкими, как мякина овса, а когда они поднимаются с матрацев, эти стебли выправляются сами собой. Подушки, которыми они пользуются, изготовляются таким же образом; но некоторые из них они набивают шерстью.

Перехожу к их религии и обрядам.

Эти народы, собственно говоря, ни христиане, ни магометане, и вся их религия заключается собственно в нескольких обрядах, которые они выполняют время от времени со всей возможной торжественностью, причем на них присутствуют все живущие в селении, как молодые, так и старые; никто не освобождается от этой церемонии по возрасту. Я говорю здесь только о селениях, так как во всей стране, описание которой я привел, нет ни городов, ни крепостей. Эти селения, в особенности в Черкесии, построены все по одному образцу, с расположением домов вокруг одной большой площади посередине, чем может хорошо дать представление прилагаемый рисунок.

Глава XII

Об обрядах и обычаях народов Комании и Черкесии

Главный праздник или обряд комушей или черков, или черкесов, который они справляют ежегодно в конце осени, проходит следующим образом. Трое наиболее пожилых людей селения заменяют священников (жрецов) и выполняют порученный им обряд в присутствии всего народа. Они берут барана или козу, которых убивают после произнесения нескольких молитв; затем, выпотрошив ее хорошенько, варят целиком все животное, за исключением внутренностей, которые поджаривают. Когда кушанье готово, они кладут его на стол и вносят в большое помещение вроде сарая, куда направляется весь народ. Три старца стоят перед столом, а весь народ, мужчины, женщины и дети, также стоя, держатся позади них. Когда вносят стол, на котором лежит сваренный баран, три старца подходят к нему, отрезают все четыре ноги и разрезают жаренные внутренности; затем они поднимают все это над головой вместе с большим кубком, полным бузой, чтобы весь народ, стоящий за ними, мог это увидеть. Как только последние видят мясо и напиток поднятыми над головой, они простираются на земле и остаются в таком положении до тех пор, пока все не поставлено обратно на стол и три старца не произнесли нескольких слов; тогда народ поднимается и стоит, в то время как два старца, которые держат мясо, дают каждый по небольшому кусочку третьему старцу, стоящему между ними и держащему кубок; затем каждый из них берет себе по кусочку. После того, как все три старца съедят по куску мяса, тот старец, который держит кубок, пьет первым из него и, повернувшись

в сторону старца, стоящего от него направо, дает ему выпить, не выпуская кубок из рук; то же самое проделывает он со старцем, находящимся от него по левую сторону. Закончив этот первый обряд, все три старца поворачиваются к собравшимся и предлагают мясо и напиток прежде всего своему правителю или господину, а затем всему народу, который ест и пьет от малого до великого.

Все, что остается от 4 ног барана, приносится обратно на стол тремя старцами, которые и доедают это. Покончив с этим, они садятся за стол, на котором лежит баран, и самый старший из них, взяв голову, съедает от нее маленький кусочек, передавая затем второму, который также съедает кусок и передает ее третьему старцу. После того, как этот последний съедает кусок от головы, он ставит ее перед первым старцем, который приказывает ему отнести ее правителю селения; этот последний, принимая ее с большим почтением, съедает кусок и передает своему ближайшему родственнику или наиболее уважаемому другу; таким образом они передают друг другу эту голову, пока она окончательно не съедена. Покончив с этим, три старца приступают к туловищу барана, от которого каждый съедает по одному или два куска, после чего приглашается правитель селения, который приближается с большим почтением, держа под мышкой шапку и весь дрожа. Он берет из рук одного из старцев нож, который тот ему предлагает, отрезает себе кусок барана, съедает его стоя и выпивает из кубка полного бузой, подаваемого ему другим старцем, затем с низким поклоном возвращается на место. Весь народ поступает таким же образом, причем первыми идут самые старшие, а дети дерутся за те кости, которые им остаются.

Вот описание другого праздника, который они справляют перед началом косьбы, обряды, исполняемые во время нее, таковы: каждый житель селения, имеющий на то возможность, берет козу, так как для своих обрядов они отдают предпочтение козам, а не баранам, а те, которые бедны, соединяются по 8 или 10 человек вместе и берут одну козу на всех. Коз, баранов или ягнят — всех этих животных собирают вместе; затем каждый берет свое, закалывает его и сдирает шкуру, оставляя на ней голову и 4 ноги. Эту шкуру они растягивают на двух палках, протягиваемых от ноги до ноги, и вешают ее на шест, вбитый в землю, верхний конец которого входит в голову животного, как это изображено на рисунке. Количество шестов, вбитых в землю посередине селения, с повешенной на них шкурой, равно количеству убиваемых животных и каждый, проходя перед ними, отвешивает глубокий поклон.

Сварив свою козу, каждый относит ее на площадь, находящуюся посреди селения, и кладет ее на большой стол рядом с другими зарезанными животными. Здесь уже находится местный правитель со всеми своими приближенными, а иногда

можно встретить и правителя соседнего селения. Когда все это мясо положено на стол, три наиболее пожилых жителя селения садятся перед ним и съедают по одному или по два кусочка. Затем они подзывают местного правителя; если здесь присутствует какой-либо другой правитель соседнего селения, то оба подходят вместе в сопровождении нескольких наиболее пожилых людей поселка. Заняв место, они съедают одно из животных, которое три старца отложили для них, а остальные раздаются народу, сидящему на земле и поедающему все. Встречаются селения, где убивают до 50 животных — коз, баранов, ягнят и козлят. Что касается бузы или иного напитка, о котором я говорил, то встречаются люди, приносящие его в количестве более 200 пинт, каждый по своим средствам. Весь день проходит в питье, еде, пении и танцах под звуки флейт, так как других музыкальных инструментов у них не имеется. Нельзя сказать, чтобы эта музыка была совсем плоха, тем более, что они играют обычно сразу на 12 флейтах. Первый имеет флейту размером длиннее руки, флейты же остальных идут в уменьшающейся прогрессии, так что последняя не больше свирели. Когда старцы, сидящие за столом, покончили с едой, они удаляются к себе, оставляя молодежь, мужчин и женщин, юношей и девушек продолжать веселье и танцы под звуки флейт. Это продолжается до тех пор, пока имеется напиток, а на другой день первым занятием, к которому они приступают, является сенокос.

Кроме этих двух публичных обрядов, они имеют другие, совершаемые частным образом каждым, в кругу своей семьи. Раз в год в каждом доме делается крест в форме молотка, приблизительно в 5 футов вышиною, причем обе палки, из которых он сделан, имеют толщину руки. Как только крест изготовлен, отец семьи ставит его в комнате рядом с дверью и, созывая всех членов семьи, дает им по зажженной свечке. Затем он первый прикрепляет свою свечку к кресту, жена его следует его примеру, а после нее идут дети и слуги. Если в семье имеются маленькие дети, не имеющие достаточно силы, чтобы прикрепить свои свечки, то отец или мать проделывают это за них и прикрепляют их свечи. Если одна из свечей потухнет до того, как окончательно сгорит, это служит у них пророчеством, что тот, который ее прикрепил, не доживет до конца года. Падение свечи является знаком того, что кому она принадлежит, будет похищен; если эта свеча была прикреплена рабом, то падение ее также служит знаком того, что он или будет похищен или убежит: я уже отмечал, что все эти народы большие воры и одно селение крадет у другого все, что может, как людей, так и скот, и только детей правителей и тех, кого они считают знатью, они не рискуют трогать.

Когда гремит гром, все тотчас же выходят из селения и вся молодежь обоего пола начинает петь и танцевать в присутст-

вии пожилых людей, сидящих вокруг. Если молния убивает кого-нибудь из них, они хоронят его с почестями и считают святым, признавая такую смерть милостью бога. Если молния ударит в один из их домов, то даже если не убиты ни мужчина, ни женщина, ни ребенок, ни животное, вся семья, обитающая в этом доме, содержится в течение целого года ничего не делая, за исключением танцев и пения. Тотчас же после этого посылают искать по всей стране белого козла, выбирая наиболее сильного; этот козел кормится жителями того селения, в которое ударила молния, и содержится в большом почете до тех пор, пока молния не ударит в другое место. Все члены семьи, в дом которой ударила молния, ходят из селения в селение со своими родственниками: хотя они и не входят в них, а только останавливаются около них с танцами и песнями, однако каждый приносит им что-нибудь поесть. Весной в определенный день в том селении, где находится козел, собираются все те, в дома которых ударила молния. Они берут козла, у которого на шее всегда висит сыр, обычной формы и размера пармского сыра, и ведут его в селение первого правителя области. Они не входят в него, но правитель и все жители селения выходят и простираются перед козлом. После произнесения нескольких молитв, они снимают с него сыр и сейчас же заменяют его новым. Снятый с шеи козла сыр разрезается тут же на мелкие кусочки и раздается всем присутствующим. Затем всех пришедших хорошенько кормят и подают обильную милостыню; они проходят таким образом по всей стране из селения в селение и собирают много подаяния.

У них имеется только одна книга, размером в наш наибольший [...].

Она хранится у одного старца, который один имеет привилегию прикасаться к ней. Когда этот старец умирает, они избирают другого в качестве хранителя данной книги; в его обязанности входит непосредственное хождение из селения в селение в те дома, где по его сведениям имеются больные. Он носит книгу с собой; заставив зажечь свечу и выйти всех из комнаты, он приближает книгу к животу больного, открывает ее, читает из нее и дышит на нее несколько раз так, чтобы дыхание попадало в рот больного. Затем он заставляет последнего целовать книгу и прикладывает ее несколько раз к его голове; весь обряд тянется около получаса. Когда старец удаляется, один дает ему барана или козленка, другой быка или корову, каждый по своим средствам.

Среди них имеются также старые женщины, которые вмешиваются в лечение больных и проделывают это следующим образом. Они ощупывают тело больного и в особенности ту часть, которая у него болит; они ее несколько раз трогают и мнут, издавая при этом ртом рыганье, к чем сильнее у больного боль, тем больше эти женщины рыгают. Присутствую-

щие, слыша рыганье женщин и отвратительные звуки, исходящие из их живота, думают, что больной очень страдает и чувствует облегчение по мере того, как эти женщины рыгают; но, говоря правду, если это и так, то только от воображения; однако как бы ни повернулось дело с больным, эти женщины заставляют себя хорошо оплачивать. Когда кто-нибудь чувствует головную боль, он ограничивается тем, что немедленно отправляется к тому, кто его бреет. Этот последний делает на той части головы, где чувствуется боль, два разреза бритвой, достигающих кости, и прикладывает сверху немного мази, чтобы закрыть рану. Эти люди верят в то, что головные боли происходят просто от некоего ветра, находящегося между костью и мясом, указанные выше надрезы дают ему возможность выйти, после чего боль никогда не возвращается.

При погребениях они соблюдают много обычаев, свойственных варварам: провожая мертвого, родственники и друзья испускают ужасные крики и вой, причем одни наносят себе острыми камнями раны на лицо и некоторые части тела, а другие, бросаясь на землю, вырывает себе волосы, так что, возвращаясь с похорон, они все залиты кровью. Они убиваются таким образом о мертвецах во время погребения, но после этого они не молятся за них, и этим ограничивается весь обряд, выполняемый при этом событии.

Вот что они практикуют при свадьбах. Когда желающий жениться увидел понравившуюся ему девушку, он посылает кого-нибудь из своих близких родных для согласования вопроса о том, что он дает ее отцу и матери, или, если она не имеет таковых, тому родственнику, который заменяет ей отца или опекуна. Обычно то, что он дает, заключается в лошадях, коровах или других животных. Если обе заинтересованные стороны живут в одном селении, то после того, как соглашение достигнуто, родители и жених вместе с правителем местечка идут в жилище девушки и отводят ее в дом того, кто должен стать ее мужем. Там уже приготовлен пир; после обильного угощения и танцев муж и жена отправляются спать без выполнения каких-либо других церемоний. Если обе стороны происходят из различных селений, то правитель селения, где живет юноша, провожает его вместе с его родственниками в селение девушки, которую они берут для того, чтобы отвести ее в дом мужа, где все происходит так, как я уже говорил.

Если в течение нескольких лет у мужа и жены нет детей, ему разрешается взять еще несколько жен, одну после другой, пока у него не появится потомство. Если замужняя женщина имеет любовную историю и муж, вернувшись домой, застает ее лежащей со своим любовником, он выходит, ничего не говоря, и никогда не упоминает об этом. Жена поступает точно так же, когда застает врасплох своего мужа с другой женщиной, которую он любит. Чем больше мужчин ухаживает за женщиной,

тем больше ее уважают и в ссорах между собой они упрекают друг друга в том, что будь они менее некрасивыми и не имей они некоторых недостатков, у них было бы воздыхателей больше, чем у них в настоящее время имеется. Эти народы, как и в Грузии, обладают здоровой кровью, в особенности женщины, которые чрезвычайно красивы, очень хорошо сложены и имеют свежий вид до 45 или 50 лет. Они все настолько трудолюбивы, что сами добывают железную руду, которую затем расплавляют и из которой изготовляют различную домашнюю утварь. Они делают много вышивок золотом и серебром, для украшения лошадиных седел, колчанов, луков, стрел, своих легких башмаков и полотна, из которого они делают платки.

Если муж и жена, часто ссорясь, не могут ужиться вместе и муж идет первым с жалобой к местному правителю, то этот последний посылает за женой, продает ее и дает мужу новую жену. То же случается и с мужем, если жена приходит жаловаться первой. Если имеют место частые ссоры мужчины или женщины со своими соседями и если соседи идут с жалобой, то правитель забирает то лицо, на которое поступила жалоба, и продает его иностранным купцам, приезжающим для покупки рабов: это делается с целью увода этих лиц из страны, так как эти народы желают вести спокойную жизнь.

Те лица, которые считаются у них знатью, по целым дням ничего не делают, а только сидят и разговаривают, да и то очень мало. Вечером они выезжают иногда верхом, назначая друг другу свидание, и, собравшись в количестве 30—40 человек, совершают набеги. Они совершают эти набеги как в своей стране, так и в соседних областях (так как они крадут друг у друга все, что могут) и возвращаются со скотом и рабами. Что же касается знатных женщин и их дочерей, то они проводят время за вышиванием, работами иглой и занимаются другими всевозможными пустяками. В этой стране совсем не пьют вина и не употребляют ни табака, ни кофе. Все крестьяне являются рабами правителя той местности, где они живут; они обрабатывают землю и рубят дрова, которые употребляют в большом количестве, так как, будучи не очень хорошо одетыми, им приходится поддерживать огонь в течение всей ночи в том помещении, где они спят. Вот все те замечания, которые могут быть сделаны об этой стране; мне остается лишь привести еще несколько замечаний относительно одной части малых татар соседней Комании, образ жизни которых немногим отличается от вышеприведенных обычаев.

АДАМ ОЛЕАРИЙ

(1600—1671 гг.)

Адам Олеарий — немецкий ученый (математик, астроном и географ). Будучи сыном портного, Олеарий провел свое детство и юность в крайней бедности, что, однако, не помешало ему подготовиться и поступить в Лейпцигский университет и окончить его в 1627 г., получив ученую степень магистра философии. По окончании университета Олеарий вошел в состав его философского факультета и стал усиленно заниматься научными исследованиями. Однако в это время большая часть Германии была втянута в так называемую Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.), и Олеарий вынужден был покинуть Лейпциг и переселиться в ту часть Германии, которая была менее других затронута войной. Он оказался в Голштинии и поступил здесь на службу к герцогу Фридриху III. Вскоре Олеарий отправляется в Россию в качестве секретаря Голштинского посольства, целью которого было заключение договора с Москвой о разрешении вести транзитную торговлю с Ираном. Голштинию, как и многие другие европейские государства, привлекали выгоды торговли иранским шелком. Прибыв в 1636 г. в Москву, Олеарий затем отправляется Волжско-Каспийским путем в Иран. Обратно Олеарий ехал сухим путем через Шемаху, Дербент, Тарки и Терки (русский город в низовьях Терека). Пребывание в Терках дало возможность Олеарию познакомиться с проживавшими там кабардинцами, которым он посвятил одну из глав в своем известном труде «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Это сочинение получило в Европе широкую известность; оно неоднократно переиздавалось уже в XVII в. на немецком языке, причем второе издание, вышедшее в 1653 г., было исправлено автором и получило то название, под которым оно дальше и переиздавалось.

Описание Олеарием кабардинцев носит на себе все следы непосредственного впечатления человека, пораженного незнакомыми ему обычаями и нравами. Конечно, во время своего краткого пребывания в Терках Олеарий не мог как следует разобраться в том, что он видел. Не помогла ему в этом и его большая начитанность, о чем свидетельствуют ссылки Олеария на сообщения о черкесах древних и средневековых писателей. Описание Олеария, человека для своего времени весьма образованного, дает нам возможность судить о том уровне, на котором находились знания о черкесах в западноевропейской литературе в середине XVII в. Знания эти были, как мы видим, еще далеко не достаточны.

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ И ЧЕРЕЗ МОСКОВИЮ В ПЕРСИЮ И ОБРАТНО

О черкесских татарах

Выше мы обещали на обратном пути подробно остановиться на этих черкесах, так как ведь, насколько мне известно, никто ни из древних, ни из новых писателей ничего особливого о них не писал. Скалигер, правда, упоминает о черкесах..., но в очень немногих словах. Он зовет их, как и Страбон, «зигами»; они их помещают над Кавказом у Понта и Меотийского болота, т. е. близко к границам Азии и Европы. Однако те, которых мы видели, это — скифы или сарматы каспийские; они живут в части Алании, которую с востока и запада замыкают Каспийское море и Кавказ, а с юга и севера река Быстрая и большая татарская или астраханская степь. Главным городом их был Терки. Великий царь московский военною силою покорил себе эти народы, населил укрепленные места русскими и предоставил черкесам жить вместе с ними в местечках и деревнях, притом под начальством князей и государей собственной своей нации, которые являются присягнувшими вассалами великого князя и должны просить от него земель в лен. Но когда происходят важные судебные разбирательства, то их приходится обсуждать с привлечением русского воеводы. Они платят великому князю дань, но не более того, что нужно на содержание тех солдат.

Мужчины большей частью крепкого сложения, черно-желтого цвета и с несколько широкими лицами, но не столь широкими как у крымских и ногайских татар; у них длинные, черные как смоль волосы; от лба через темя вплоть до затылка они дают себе выбривать полоску шириною с дюйм; помимо того они у себя вверху на макушке (как мы видели у Мусала) дают свисать вниз небольшой изящно сплетенной косе. Скалигер плохо отзывается о черкесах и говорит: «они вероломнее всех смертных и отличаются выдающейся бесчеловечностью», что мы могли бы, пожалуй, сказать о их соседях дагестанцах. Черкесы же теперь заметно мягче и ласковее, может быть потому, что они живут среди русских христиан и ежедневно с ними общаются. Язык их общий с другими татарами и почти все умеют говорить по-русски. Одежда мужчин похожа на дагестанскую, но шапки их несколько шире и почти похожи на иезуитские шапки. Войлочные их плащи висят у них на ремне или на ленте через плечо; они у них не запахиваются, а поворачиваются ими по ветру и дождю; под ними тело может считаться вполне закрытым от всяческой погоды и ветра.

Женщины у них обыкновенно хорошо сложены, миловидны лицом, белотелы и краснощеки; волосы, черные как смоль, в двух длинных крученых локонах свисают с обеих сторон;

ходят они с открытыми лицами. На голове у них двойные черные подушки, на которые они кладут нежный бумажный платок или платок, пестро вышитый, и затем все это связывают под подбородком. У вдов же сзади у головы большие надутые бычачьи пузыри, обвитые пестрым флером или белою бумажной материей; издали получалось впечатление, точно у них по две головы. В летнее время женщины ходят в одних сорочках, окрашенных в красный, зеленый, желтый или синий цвета и сверху до пупа раскрытых, так что можно было видеть груди, живот и пуп...

Они были общительны и любезны. В первые дни нашего приезда они по четыре и более стояли по дороге на улицах, шли нам навстречу с нахальным выражением лица, которое приписывается древним амазонкам (ведь граница этих последних будто простиралась и сюда и еще дальше) и не отпускали нас раньше, как хорошенько осмотрев спереди и сзади. Когда они сидели в домах, то кивали нам, чтобы мы подошли. Они нисколько не стеснялись, когда некоторые из нас, трогая и осматривая их четки из янтаря, разных пестрых раковин, скорлупок, пестрых камней, оловянных и медных колец, свисавшие с шеи ниже грудей, иногда руками касались голого тела. Некоторые даже приглашали нас зайти в их дома. Говорят, что у них такой обычай: если заходят чужие посетить жен, то мужья добровольно удаляются и предоставляют гостям беседовать с женами. Впрочем, и вообще мужчины в течение дня редко бывают дома, но находятся на пастбищах у своего скота, которым они более всего и кормятся. Однако говорят, что жены, тем не менее, верны своим мужьям и, как они говорили, не соединяются плотски с другими. Это засвидетельствовал один из наших военных офицеров. Побужденный любезными кивками и речами молодых женщин, он отправился к ним в дом; здесь он искал способа испытать их, дав омыть свою голову и сшить себе носовые платки; эту службу ему охотно оказали, но когда он пожелал большего, ему было отказано со словами: «их мужья вполне им доверяют, вследствие чего они должны непременно хранить верность; в противном случае, если бы дело обнаружилось, их не стали бы держать ни мужья, ни община». Во всем остальном, кроме сожития, они позволяли делать с собой, что угодно, причем были очень жадны и бойки, выпрашивая подарки; они и сами хватали все, что лишь могли достать. Осматривая и ощупывая у иных их немецкие костюмы снаружи и внутри, они залезали в карманы и вынимали, что им там попадалось.

Хотя мужчины, по обычаю магометан, имеют право брать более одной жены, все-таки большинство ограничивается одной. Когда муж помирает без детей и оставляет братьев, то старший должен взять вдову, чтобы восстановить семью своего брата, как и Мусал (получил жену брата в жены).

Вера черкасов почти языческая. Правда, они обрезаются и веруют в единого бога, но у них нет ни письмен, ни жрецов, ни храмов. В определенные сроки они сами приносят жертвы, особенно в Ильин день. Также, когда умирает знатный человек, собираются мужчины и женщины в поле, приносят в жертву козу и, как нам говорили, производят при этом странную дурацкую пробу, годится ли животное в жертву: а именно, они отрезают производительную часть, бросают ее об стену или забор и если она не прилипнет, но скоро отпадет, то жертва признается недостойной; тогда нужно заколоть другую; если же она прилипнет, то жертва считается избранною. Тогда снимается шкура, растягивается и насаживается на длинный шест. Перед ним приносят жертвы, варят и жарят, и друг с другом съедают мясо. Затем выступают несколько мужчин и молятся перед шкурой один за другим. Когда молитва закончена, женщины уходят. Мужчины же остаются, садятся вновь и сильно напиваются брагою и водкою, так что потом вцепляются друг другу в волосы. Шкура остается на шесте до тех пор, пока ее не сменит новая жертва.

Такого рода козью шкуру мы при въезде в Терки и выезде оттуда встретили недалеко от дома княгини Бикэ; вместе с головой и рогами она была натянута на черный крест, в середине четыре раза прорезана и водружена на длинном шесте... Шест охранялся невысоким плетнем, чтобы собаки или что-либо нечистое не могли подойти и загадить святыню.

Своих покойников они честно хоронят, ставя на могилах колонны, а если похоронен кто-либо знатный, то целые прекрасные дома. Например, на гробе Мусалова брата построен прекрасный дом с пестрыми балками, расставленными в шахматном порядке; сверху он был уоажен разными, но неуклюжими изображениями, представлявшими охоту. Жилые дома у них очень плохи; они лишь сплетены из кустарника и внутри обмазаны глиною; снаружи они не лучше с виду, как хлевы крестьян в деревнях Голштинии. Их гробницы и дома, устроенные для покойников, гораздо великолепнее и ценнее, чем жилища живых. Почему это делается — мне не было сообщено...

Черкасы весьма по-варварски печалятся о своих покойниках, царапают и рвут себе лоб, грудь и руки так, что кровь течет струями. Траур длится до тех пор, пока раны вновь заживут; поэтому некоторые, желая, чтобы траур длился дольше, снова расцарапывают полузажившие раны.

Вот что я имею сообщить о черкасах, встреченных нами у Каспийского моря.

НИКОЛАЙ ВИТСЕН

(1640 — начало XVIII в.)

Николай Витсен — известный государственный деятель Нидерландов, долгое время занимал пост бургомистра города Амстердама. С молодых лет отличался любознательностью, особенно интересуясь географией и народоведением. Желая ознакомиться с малоизвестными в Западной Европе странами и народами, Витсен добился своего прикомандирования к свите нидерландского посланника в Московское государство Якова Борели и отправился с ним в 1664 г. в Россию. Прибыв в Москву, Витсен довольно быстро освоился в русской столице, приобрел себе здесь влиятельных друзей. В частности, ему удалось расположить к себе даже патриарха Никона. Благодаря таким личным связям Витсен получил возможность собирать нужную ему информацию.

Как член нидерландского посольства, Витсен постоянно общался с сотрудниками Посольского приказа, ведавшего иностранными делами Русского государства. В Посольском приказе обычно сосредоточивались все сведения о странах и народах, с которыми Русское государство поддерживало дипломатические отношения или которые находились под его протекторатом. Таким образом, Витсен за год пребывания в Москве собрал большой материал о соседних с Русским государством областях и странах, в частности о Крыме, Кавказе, Иране и т. д. После возвращения на родину он еще в течение многих лет тщательно изучал западноевропейскую литературу и дополнил материал, привезенный им из России. В результате Витсеном был написан очерк, охватывающий большую часть севера Азии и востока Европы, и издан в 1692 г. в Амстердаме на голландском языке.

В книге Витсена отдельная глава посвящена черкесам, которая представляет собой компиляцию сведений, полученных Витсеном из русских источников во время пребывания его в Москве, и литературных известий, полученных в результате изучения западноевропейской литературы. В распоряжении Витсена были, по-видимому, весьма редкие издания, которые до нас не дошли. Так, Витсен ссылается на некоего анонимного английского писателя, чье сочинение было опубликовано в 1679 г. в Париже на французском языке. Этот автор сообщает очень важные сведения о черкесах, которые Витсен вкратце пересказывает в своей книге. К сожалению, сочинение этого анонима нам разыскать не удалось и ни у одного из последующих за Витсеном писателей мы на него ссылок не находим.

Поскольку Витсен сам на Северном Кавказе не был, в его очерк о Черкесии вкрался ряд ошибок.

Сочинение Витсена было переиздано с некоторыми дополнениями и исправлениями в 1705 г. в Амстердаме. Ниже дается перевод сочинения Витсена первого издания и все те добавления и разночтения, которые нами замечены в издании 1705 г.

СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ТАТАРИЯ ИЛИ СЖАТЫЙ ОЧЕРК НЕСКОЛЬКИХ СТРАН И НАРОДОВ,

как уже известных, так и тех, которые доселе были неизвестны и большей частью не описаны никогда, татарских и соседних с ними областей, местностей, городов, рек и селений в северных и восточных частях Азии и Европы, по ту и по сю сторону рек Танаис и Оби, а также местностей, лежащих около Каспийского, Восточно-Индийского и Черного морей, каковы области: Нкхе, Даурин, Иессо, Мугалия, Калмыкия (Калманкия), Таптут, Узбек, Северная Персия, Грузия, Крым, Алтия, а также Тунгусия (Тингусия), Сибирь, Самоедия и другие владения, принадлежащие к царству их царских величеств. С картами, согласно с тщательными многолетними исследованиями и с собственными наблюдениями описано, зарисовано и опубликовано Николаем Витсеном в Амстердаме в 1692 году.

Черкесия

Страна черкесов лежит у самого Каспийского моря, ее северные соседи — астраханские ногаи, на юге дагестанские и тарковские татары, на западе абазы[1] и мингрельские племена.

Земля черкесов живописна, хороша и очень приятна; там есть долины, поля и леса, а также прекрасные источники; на воле растут цветы, тюльпаны красивые, дикие; встречаются также породы красивых кустарников, с короткими стеблями, вишневые деревья, яблони, груши, орех и т. п. Земля очень плодородная; у них нет садов, только поля. Богатство жителей составляет рогатый скот, лошади и, в особенности, прекрасная шерсть, которую им дают овцы. Часто встречаются довольно большие озера. Там водятся хорошие грубошерстные овцы, куры и другая птица. Черкесы никогда не сеют два раза подряд на одном месте. Они так смелы на коне, так быстро умеют гнаться на лошадях, что нельзя не сдаться им.

Из ячменя они делают напиток, крепкий, как вино.

---

[1] Абхазы.

У черкесов, живущих около Каспийского моря, нет ни городов, ни укреплений, и они живут в деревнях, в открытых местах. Их религия, как утверждает Таверньe, состоит из одних суеверий. Они живут свободно [говорит он], но управляются особыми вождями. Старейший в роде в данной деревне считается старшиной. Они добры от природы. Осенью бывает у них главный праздник; тогда трое старейших в деревне совершают обряды: они закалывают козла или барана, произнося при этом особые молитвы; мясо приготовляют и кладут на столе под открытым небом, так, чтобы вся деревня[1] могла прийти поесть. Затем делят мясо и едят его, сопровождая еду многочисленными жестами и словами. Господину деревни подносят часть мяса со многими глупыми языческими церемониями. Он ест стоя, а в это время совершают еще разные обряды.

Весной в каждом доме закалывают козла, барана или ягненка, но большей частью козла; иногда это делают несколько семей вместе. Одного из этих животных выносят потом за деревню, насаживают распяленную шкуру, голову и ноги на палку и совершают перед ними самые отвратительные обряды. Мясо съедают. Господин деревни или старшина отделяет себе лучшую часть. После того целый день пьют напиток, называемый буза, и справляют праздник, танцуя, играя на дудках и прыгая. После этого праздника они начинают обрабатывать землю.

Кроме описанного празднества у них ежегодно бывает еще церемония в домах: глава семьи ставит деревянный крест, к которому каждый домочадец прикрепляет зажженную свечу; смотря по тому, гаснут свечи или горят, они делают предсказания, что этот человек будет долго жить или умрет, его обкрадут или он счастливо избежит засады и т. п. Одна деревня у них обкрадывает другую; щадят только вождей, детей и знатных людей.

Когда гремит гром, они радуются, выбегают наружу, приплясывая; считают счастливыми тех, в чей дом ударит молния, и они в радости проводят весь год; если ударит в человека, он почитается святым. Как ударит гром в деревне, отыскивают белого козла и животному оказывают почести: падают перед ним, водят его со свечой на шее. Есть у них одна книга, хранящаяся у одного из старейшин, ее больше не должен видеть никто; когда старейшина умрет, выбирают другого для хранения книги; что там написано — мне неизвестно, но достоверно то, что оттуда они черпают свои многочисленные суеверия и думают, что по этой книге можно излечивать больных и т. д. Их женщины выдают себя за знахарок и лекарок. У них есть обычай на Ильин день высоко подбрасывать вверх коз; ту, ко-

[1] Или: все округа, все соседи.

торая упадет на ноги, ее сильно ощипывают и почитают целый год.

Черкесы, живущие у Каспийского моря, когда женятся, покупают себе жену у старейшины или у друзей за муку, скот или за что-нибудь другое, а самые знатные дарят подарок, справляют свадьбу танцами и прыжками, потом кладут их спать, и так брак совершен. Если детей нет, муж берет другую жену. Если муж поссорится с женой и докажет ее неправоту, вождь деревни продает ее. Женщины трудолюбивы и много работают; очень хорошо вышивают платья, седла, колчаны и т. п. Если соседи враждуют и ссорятся, спор улаживается вождем деревни или князем, которых там несколько, если это важное дело, виноватого продают, чтобы удалить его из страны во избежание беды. Самые знатные среди них не обрабатывают землю, но стараются набрать небольшую кучку людей и ночью грабят, угоняют скот и похищают людей как у друзей, так и у врагов, ибо воровство — врожденное свойство этого народа. Виноград в этой стране не растет, и вино здесь совсем не употребляется, пьют редко и табаку не употребляют. Бедные люди, по сравнению с богатыми, все равно что рабы. Хотя там довольно холодно, они одеваются легко, ночью и днем разводят огонь. Они редко ведут войну с другими странами.

Пятигорские черкесы[1] редко приходят в долину, так как это горное племя и они называются черкесами пяти гор; если за ними погоня, они отступают в неприступные горы, где дороги очень узки, так что они могут перебить врагов, поднимающихся к ним наверх.

Пятигорские женщины очень целомудренны, но падки на воровство.

По образу жизни черкесы очень похожи на ногаев, живущих вблизи Астрахани, только черкесы живут в лесах и на возвышенностях, а те в открытых местах. Среди черкесов некоторые исповедуют магометанство, однако в таком искаженном виде, что они почти что впали в язычество, подобно тем, которые настоящие язычники. У них нет обнародованных писаных законов.

Считают, что среди них можно встретить красивейших людей в мире. Они очень гостеприимны, разумны и приветливы. Живут в чаще лесов и загораживают ветвями дорогу к своим домам, чтобы татары, которые всюду делают набеги, не нашли их; татар привлекают красивые люди в качестве добычи. Черкесы хорошие наездники, употребляют стрелы и луки, а также копья и дротики. Воровство у них не наказывается или очень мало и редко, а если воруют ловко, то это даже хвалят. Для питья они употребляют вместо стаканов коровьи рога. Не очень любят выпить; их обычный напиток вода с медом. Там есть

---

[1] Кабардинцы.

священные места, где на деревьях висят стрелы, луки и другие предметы, принесенные после совершения определенных обрядов; эти места так почитаются, что даже разбойники не смеют трогать повешенных там священных предметов.

Когда хоронят кого-нибудь, то те, кто сопровождает покойника, кричат очень громко, родственники наносят сами себе раны, шатаются, царапают себе лицо и горюют очень долго, пока рана не заживет. Жрец произносит несколько слов над могилой. Потом там едят и пьют. Если человек умирает в доме, то его друзья поднимают неистовый шум, подобно язычникам. Рабы этой национальности очень ценятся.

Земля черкесов лежит у самых гор; с правой стороны Черное море, где живет народ, называемый абаса, абхазы или абассы, страна которых находится под властью двух государей. Там нет городов, но много селений на очень высоких горах. По случайности их внешность и образ жизни те же, что у черкесов, но они едят сырое мясо большей частью. Там растет виноград. Говорят они на особом языке. Ни писаных законов, ни письменности у них нет. Они христиане по имени, но почти совсем не соблюдают христианских обрядов. Большие воры и обманщики. В этой стране можно встретить много водруженных крестов. Леса их крепость. Они смелые мореплаватели и иногда из-за них бывает опасно плавание из Каффы в Константинополь. Денег там нет, но они ведут меновую торговлю рабами, воском и мехами. Продают своих земляков туркам. На Черном море у них есть хорошая гавань Эшизумуни. Воюют иногда с черкесами и с мингрелами.Кроме лука и стрел, употребляют также огнестрельное оружие. Одеваются как черкесы, только иначе подстригают волосы. На подбородке волосы у них выбриты, а усы длинно отпущены. Очень ленивы: не ловят рыбу в море, хотя она там в изобилии.

Недалеко оттуда живет еще один народ, который зовут лезами[1] или куртами, магометанской веры; они граничат с Грузией и с областью Требизонда[2]. Живут они на очень высоких горах на берегу Черного моря. Это племя обитает в лесах; они ничем не занимаются, только пасут скот да гоняют его.

По нижнему течению реки Борисфена[3] в Украине и в окрестностях живут племена, также называемые черкесами, они грекоправославного вероисповедания, ныне находятся под властью великого султана турецкого. По-моему, неуменье отличить этот народ от черкесов у Каспийского моря является причиной того, что одни говорят, будто все черкесы язычники, а другие — что все они христиане.

Некий анонимный английский писатель, чье сочинение опубликовано в Париже в 1679 году на французском языке, гово-

---

[1] *Лазы* — отуреченные южные грузины.
[2] На малоазиатском берегу Черного моря.
[3] Днепр.

рит про черкесов, что знает таких, которые живут у Меотийского моря и по течению Борисфена, что их женщины очень любят выпить, что они истребили у себя крупную и мелкую знать и теперь управляются начальниками или вождями, которые живут в полном согласии с общиной.

Свои жилища они строят из дубовых стволов, переплетающихся листвой, обмазывают их белой глиной так, что издали похоже на камень; сверху дома плоские и покрыты землей; очаг находится посреди дома, а у тех, которые живут ближе к морю, в углу. Так сообщил дальше английский писатель.

Река Бёстро[1] отделяет дагестанских или горных татар от черкесов, живущих у Каспийского моря.

Самого главного теперешнего черкесского князя, резиденция которого в городе Терки, зовут Казбулат Мусалиевич, он убил собственной рукой двух своих братьев, одного из них звали Каракашлы; сын его жив до сих пор и зовут его Михайло Яковлевич. Эти братья были князьями у черкесских племен, называемых охоцкие и кабардинцы, которые теперь после братоубийства попали под власть вышеназванного Казбулата Мусалиевича. Он очень жаден насчет земли, как и весь его народ.

Кабарда — небольшая черкесская область.

Минерва у древних имеет прозвание Кабардия, по-видимому, в определенном месте, и именно в этой местности; говорили также в древности Минерва[2] Кабардинская, как это можно прочитать на подписи.

В Черкесских горах неподалеку от Каспийского моря встречается много развалин башен, замков, городов и т. п., построенных во времена Александра Великого, как рассказывают в этих местах. На развалинах видны письмена и древние надписи, вырезанные на камне, которых теперь нельзя разобрать. В персидском городе Шабран, стоящем на берегу Каспийского моря, недалеко от Дербента, также есть древнее здание с очень искусно сделанными сводами.

У Альхасена, описавшего жизнь великого Тамерлана, мы читаем, что, когда Тамерлан отправился против Баязида[3], чтобы защитить Константинополь и помочь христианскому царству, он прошел через землю черкесов и грузин, которые отдались под его власть; автор говорит про них дальше, что они христиане и всегда были данниками греческого царства с тех пор, как их покорил Помпей. А раньше они были под властью Митридата, побежденного Помпеем. Альхасен пишет, что они красивы и хорошо сложены, хорошие воины; они скрываются в горах и там защищаются. Отправляясь на войну, поджигают свои

---

[1] При устье Терека.

[2] Римская богиня, олицетворение мыслящей силы. Римляне отождествляли ее с греческой Афиной Палладой.

[3] Турецкий султан Баязид I Илдерим (Молниеносный) (1360—1403).

хижины и разоряют страну. Многие из них вступили в войско Тамерлана и пошли против Баязида. Однако, сопоставляя то, что Альхасен говорит, будто они были христиане, с тем, что мы находим у современных черкесов у Каспийского моря, большей частью неверующих, можно сказать, что горные черкесы ближе к Мингрелии и теперь исповедуют христианство, а черкесы у Каспийского моря — язычники; тогда эти племена делились на многие княжества и, мне кажется, те самые, которые в то время были христианами, теперь частью приняли закон Магомета или язычество под влиянием соседей, или наоборот.

Рождество и пасха празднуются у этих народов, по-видимому, потому, что они были христианами.

Мне кажется, что я видел черкесского посла в Москве, он был одет в косматую войлочную одежду и овчину мехом наружу, с белой и черной блестящей, как шелк, красиво завитой шерстью, так что не уступит бархату; на голове такая же шапка без полей, люди его свиты, как и он сам, были стройны и красивы.

Главным городом черкесов у Каспийского моря прежде был Терки[1], но черкесы этой области теперь подвластны московитам. Все их прежние крепости заняты русскими воинами, а сами они живут в неукрепленных селениях, хотя у них есть собственные вожди или князья и свои управители, как сказано выше, однако они все подданные их царских величеств. Говорят, что они платят приблизительно столько дани, что этого хватает на содержание солдат. Для обсуждения важных дел они заседают с русскими воеводами. Они крепкого сложения, несколько широки лицом, хотя не так, как ногайцы, с черными, как смоль, волосами; стригут волосы, оставляя их на дюйм длиной, а на макушке сзади висит небольшая коса. Языком и одеждой они похожи на дагестанцев, только не носят четырехугольные шапки. Женщины белы лицом, с румяными щеками; свои черные волосы они выпускают двумя локонами на плечи; летом ходят в полотняных рубашках красного, зеленого или желтого цвета, открытых до пупка.

Как мужчины, так и женщины приветливы, доброго нрава и целомудренны. Мужчины большей частью в полях, со скотом, который составляет их главное занятие. Женщины занимаются домашним хозяйством. Черкесы могут брать больше одной жены, но делают это редко. Если человек умирает бездетным и у него есть брат, последний продолжает его род (семью), как у евреев. Многие из них делают себе обрезание и верят в единого бога; церквей у них нет. Если умирает знатный человек, приносят в жертву козла, шкуру его вешают и кланяются ей один за другим, а в это время хорошенько напиваются водкой

---

[1] Основан в 1563 г. на левой стороне р. Старый Терек.

или каким-нибудь другим крепким напитком. Чтобы узнать, приятна ли жертва богу, они отрезают у козла половой член и бросают его об стену, если он приклеится — значит жертва угодна, если нет — закалывают другого козла. Покойников хоронят с почестями; над трупами более знатных строят домики. Жилища у них плохие и маленькие.

Черкесы, в особенности пятигорские, не хотят, чтобы их считали за татар, живущих в большом количестве вокруг них в этих местах. И по внешности они выглядят не так, как татары.

Один англичанин пишет про них следующее: черкесов много разных племен: так горские, что означает люди с гор, большая часть которых язычники, и бассащенки, что означает бритые головы, так как они бреют волосы на голове, оставляя их на макушке. Они имеют обыкновение приветствовать людей, обнажая голову вопреки магометанскому обычаю. Бассащенки достойны подражания и знамениты своим гостеприимством; они готовы рисковать за вас своей жизнью, если вы их отблагодарите; они будут стараться для своих братьев или земляков, провинившись перед ними в нарушении клятвы или верности, которую они обычно обещают чужим людям. Если кто-нибудь хотел бы устроить засаду против чужого гостя или можно опасаться еще чего-нибудь, тогда соседи соединяются для поддержки чужестранца; так мы поняли от тех людей, которые сами там побывали.

В городе Тарку[1] на берегу Каспийского моря рядом с черкесами и в окрестностях живут кумыкские татары, иначе называемые Дагестан или Тагестан или великаны этих гор, подвластные шамхалу; значительная часть населения Тарку, а также Крыма русские и говорят по-русски; большая часть из тех, кто был взят в плен, переменили веру; эти никогда не уходят оттуда, а многие и не желают уходить; однако, многие тысячи, в особенности среди взятых в плен в России, сохранили христианскую веру. Так дальше пишет английский писатель.

Татария

О пятигорских черкесах есть у меня следующие достоверные сообщения, присланные мне из Польши немцем из Верхней Германии, а именно:

Пятигорские черкесы, или черкесы с пяти гор, граничащие с крымскими татарами, живут в горах. У меня нет никакого доказательства того, что они татары. Они белы лицом и телом, это свидетельствует о том, что это люди другой расы. По-видимому, они не страдали никогда от нашествия татар благодаря природе той страны, где они живут, потому что она непри-

[1] *Тарки* — город и владение дагестанских шамхалов.

ступна для всякого врага, кто бы ни был. Подъем и дороги там так узки, что двоим сразу нельзя по ним пройти и дорога в виде глубокого оврага с горами по обеим сторонам, откуда несколько человек легко могут перебить камнями и бревнами целое войско. Одного из этих людей царь Михаил Федорович сделал своим главным советником, звали его Зойл Московский, а за свои прекрасные советы он был назван князем Иваном Борисовичем. Он отличался такой скромностью, что принял бы прошение, поданное на улице ребенком. Один из его племянников, князь Яков Куденетович недавно умерший, был очень любим царем и всеми людьми.

Они язычники или, так сказать, совсем выродившиеся христиане, так как у них можно встретить еще такой остаток христианства, как празднование пасхи; в остальном они язычники. У них есть обычай в июле месяце подбрасывать кверху молодых козлят: те, которые упадут прямо на ноги и останутся на ногах, те для них божество, они целый год будут предметом почитания. Так сказано дальше в этом сообщении.

Один очевидец рассказывал мне, как Булат, князь у черкесов, живущих недалеко от Каспийского моря, за столом когда пировал со своей компанией, вместо того, чтобы разрезать еду на тарелке для других, как это делается у нас за обедом, велел подавать куски мяса или баранью ногу или бычью, и сначала один, потом другой кусок хозяин хватал и, держа ногу или кусок мяса в руке, откусывал несколько раз, сколько было охоты и так ел; передавал потом тот же кусок своему ближайшему соседу, который ел тем же способом, сколько хотел, передавая затем дальше; кусок ходил вокруг стола, пока не был съеден до конца; затем подавалась новая нога и так до насыщения. Они едят колбасу из конины, а также ремни, вырезанные из лошадиной кожи, в четыре пальца шириной; их бросают в огонь, где они перекручиваются один с другим и так жарятся; потом их вынимают и скоблят с обеих сторон; а во время обеда каждый берет по куску и ест, отдирая одну полосу от другой зубами.

Приветствие у черкесов большей частью соединяется с вопросом о здоровье скота.

Эти кумыки живут у подножья гор ради прекрасных рек, стекающих оттуда и впадающих в Каспийское море, а также потому, что так им легко скрыться в горах, когда их преследуют за грабеж, которым они занимаются; при малейшей опасности они угоняют свой скот в горы, потому что их соседи— татары, черкесы, грузины и мингрелы грабят друг друга, когда только могут.

Большинство из этого народа магометане; они состоят под покровительством персов, но имеют своих вождей. Они защищают от калмыков путь в Персию. Одеждой похожи на крымских татар. Полотно и шелк привозят им из Персии.

Они свободные люди и имеют столкновения со многими народами.

Олеарий говорит, что река Тюменка образуется из большой речки Быстрой; это возможно, так как он называет рекой Быстрой реку, названную мною Мансура, между тем как настоящая река Быстрая довольно значительная речка, протекает немного ближе к Персии.

Город Терки в черкесской земле на берегу Каспийского моря имеет в длину две тысячи футов, а ширину восемьсот. Их царские величества, которым принадлежит этот город, держат там сильный гарнизон. Черкесы живут в отдельном предместье, на другом берегу реки.

Терки расположен между рекой, в древности называвшейся Геррус, и великой Ногайской пустыней. У этого народа, в котором гораздо больше языческого, чем магометанского, сохранились некоторые мусульманские обычаи, а то немногое, что у них осталось от учения Магомета, они переняли из Турции. Многие черкесы, живущие у Меотийского моря, которые прежде исповедывали христианскую веру, теперь переменили ее на магометанство. Говорят, что в древности от этого племени произошли египетские мамлюки [1].

В городе Терки живет немного русских свободных людей. За рекой, протекающей там, обитает немногочисленное племя, которое зовут окоцкие; они магометане.

Черкесские женщины носят на голове сзади надутый пузырь, круглый, как голова, так что кажется, словно у них две головы; это имеет у них особое значение. Девушки ходят с распущенными волосами, спереди подстриженными, и носят большие шапки.

Терки стоит в доброй полмиле от моря на речке, называемой Тюмени. Местность от моря до города болотистая, низменная со впадинами; чтобы попасть в город, нужно переправиться через реку. Берег моря покрыт камышом. Нигде нет гавани, кроме устья упомянутой реки.

Около города Терки живет черкесский князь или мурза по имени Мусса, подвластный их царским величествам или признающий их, но все-таки правящий собственной властью. Его подданные живут, как свободные граждане хорошо, хорошо одеваются, украшают стены своих домов коврами, луками, стрелами и т. п.

Татары из Тарку или Таркоу — города, лежащего также на берегу Каспийского моря, угрюмы, грязны, плохо одеты, жестоки и склонны к воровству, так как у них разрешается обокрасть человека. Они сами себе господа и никому не подчиняются.

---

[1] Мамлюкские султаны Египта (1252—1517) происходили от купленных тюркских и черкесских рабов, из которых состояла гвардия эюбидского султана Салих-Эюба.

В Черкесии есть только два города — Темеросса [1] и Темен [2], первый на Черном море, около залива, соединяющегося с Тейн-морем [3] прямо против Арботка в пятистах милях от Азова; другой город Темен стоит на Каспийском море в тысяча ста милях от Темеросса; остальные населенные места расположены в лесах и огорожены палисадой из кольев.

Это очень плодородная страна, изобилующая всеми сортами зерновых хлебов, богатая прекрасными лугами со всевозможными дикими плодами, там водятся многочисленные дикие звери, как например: серны, дикие козы, кабаны и др.

Более значительные реки (насколько мне известно) это Кубба [4], текущая с Пятигорья между Черкесией и Малой Ногайей, между Темероссой и Азовом и впадающая в двадцати милях ниже Темеросса в Тейн-море, пройдя расстояние в пятьсот миль. Вторая река Балк [5], начинающаяся в Кабарде и в двухстах милях от своего истока впадающая в реку Терек. Река Терек стекает с гор между Шолохоф Кнасс и Мендарова Кнасс и течет почти прямо на восток мимо Кораха Коллада, оттуда мимо Шусса и Сунжа и так дальше по направлению к Вейстра, а в шестистах милях от истока она впадает в Каспийское море между Темен и землей комуков, комоков или кумыков, в шести милях от города. Третья река называется Тюменка, это рукав реки Терека; она течет через город Темен и в трех милях оттуда впадает в Каспийское море. Наконец, река Кестар, также вытекающая из Терека и в шестидесяти милях ниже Темен ее также принимают воды Каспийского моря.

В отношении к религии черкесы очень невежественны и суеверны, так, когда они закалывают козу или корову, они отрезают у него половой член, бросают его об стену и если он приклеится к стене, поклоняются ему; если же нет, выбрасывают вон; шкуру растягивают на палках, ставят ее на засеянных полях и молятся ей.

Так как я уже упоминал здесь про область Пятигорья, и ее немного опишу.

Пятигорье означает пять вершин; эта область состоит из пяти очень высоких больших гор, находящихся в пятистах милях от Каспийского моря, в другую сторону, чем Кабарда, а в этой области Кабарды горы еще выше, чем в Пятигорье, это Снеехнагор и Шатгора [6], которые, как и вся область Кабарда до Шолохоф, покрыты всегда снегом.

---

[1] Темрюк или Тамань.
[2] Тюменский острог — одно из названий города Терки.
[3] Азовское море.
[4] Кубань.
[5] Нынешняя Малка (прим. ред.).
[6] Эльбрус.

Область, лежащая рядом с Черкесией, Абассия[1] расположена между Черкесией и Мингрелией. Жители ее во всем похожи на черкесов.

Добавления и разночтения в издании 1705 года

(В Амстердаме)

Титульный лист:

1) Северная и восточная Татария, заключающая в себе описание различных татарских и соседних областей в северной и самой восточной частях Азии и Европы, согласно с тщательными многолетними исследованиями и с личными наблюдениями составлено, описано, зарисовано и обнародовано Николаем Витсеном, бургомистром в Амстердаме и т. д. и т. п. С предисловием и со многими рисунками. Часть 1—2. Амстердам, 1706.

Часть 1. На 1-м титульном листе — Амстердам, Схальками, 1705.

На шмуцтитуле посвящение Петру Великому. На титульном листе — год 1785.

Часть 2. На шмуцтитуле — Северная и Восточная части Азии и Европы, 1705.

На 1-й странице заголовок как в старом издании: Северная и Восточная Татария.

2) Добавление: Раньше черкесский народ был очень могучий, потому что они держались вместе в согласии и общими силами давали отпор врагу, но когда они друг от друга отделились и не действовали заодно, они были покорены (стр. 552, т. I, изд. 1705).

3) Добавление: Черкесы много забавляются танцами и умеют очень красиво танцевать: в тысяча шестьсот девяносто седьмом году (1697), когда я был приглашен в Амстердаме к столу его величеством Петром Алексеевичем и удостоился царской чести по случаю большой победы, одержанной войсками его царского величества над турками и татарами около устья Дона, тогда я видел, как танцевали двое из этих людей почти полтора часа, невозможно описать прыжки и быстрые изгибы тела, которые они делали; они изображали танцем исполнение смертной казни, отрубанье головы, рук и ног, что на деле должно было само по себе иметь отвратительный вид; однако, красивые прыжки, выгибанья и тысяча быстрых движений тела под звуки инструмента придавали танцу и представлению приятность; иногда преступник лежал навзничь, на спине и умел держать свой живот так прямо, что его товарищ на нем стоял

[1] Абхазия.

и много раз кувыркался, как будто не прикасаясь, опираясь одной рукой умел прыгать через все тело: отрубанье рук и ног изображалось танцем так же, как и обезглавливание мечом; танцор, представлявший палача, держал в руке палочку, с помощью которой, прыгая с ритмом, он изображал все что надо было делать по должности палача (стр. 553—554, изд. 1705).

4) Добавление: одних черкесов называют луговые черкесы, других кабардинские, или горские черкесы (изд. 1705, стр. 554).

5) Разночтение: один французский писатель говорит об этой национальности следующее (изд. 1705, стр. 556).

6) Разночтение: Так дальше пишет вышеназванный писатель (1705, стр. 556).

7) Добавлен заголовок: О пятигорских черкесах (изд. 1705, стр. 557).

8) Примечание переводчика: Зайл может означать опора-столп и тогда надо перевести: названной опорой Московии за свои прекрасные советы, по имени князь Иван Борисович (и т. д.) изд. 1705, стр. 557).

9) Разночтение: Князь Яков Куденетович Черкасский по прозванию, недавно умерший, такого же нрава, очень любимый царем и всеми, кто его знал (изд. 1705, стр. 557).

Я. Я. СТРЕЙС

(Умер в 1694 г.)

Я. Я. Стрейс — по национальности голландец. Автор получившей широкую известность в Европе книги, описывающей «многие превратности» его путешествий по Италии, Греции, Лифляндии, России, Татарии, Ост-Индии, Японии и другим странам Востока.

В 1668 г. Стрейс побывал в России. По Волге проехал до Астрахани. Это было как раз во время восстания Степана Разина, которому Стрейс в своей книге уделяет большое внимание. У берегов Дагестана Стрейс со своими товарищами попал в плен и был обращен в рабство. Однако он был выкуплен в Шемахе польским посланником. В 1675—1676 гг. Стрейс снова находился в России в составе голландского посольства, но на этот раз он на Кавказе не был. Поэтому его сведения о народах Кавказа, в частности о черкесах, относятся к концу 60-х годов XVII в.

Стрейс в своей книге дает описание Черкесии и черкесов, по-видимому, на основаниях тех сведений, которые ему удалось собрать во время пребывания в Нижнем Поволжье, Дагестане и Закавказье. Сведения эти главным образом касаются восточных областей Черкесии, то есть Кабарды. Обычно считается, что описание Стрейса, касающееся черкесов, составлено на основании сочинения Олеария. Действительно, текст Стрейса во многих отношениях близок к тексту Олеария, однако вряд ли это является результатом простого заимствования. Не отрицая того, что Стрейс в какой-то мере использовал сочинение Олеария, вместе с тем нельзя игнорировать того обстоятельства, что он имел возможность сообщить о черкесах и оригинальные сведения. Олеарий был на Кавказе всего лишь на тридцать лет раньше Стрейса (в 30-х годах XVII в.) и нет ничего удивительного, что описание Стрейсом черкесского быта мало чем отличается от описания Олеария.

Описание так называемых «трех путешествий» Стрейса (так он сам именует свои странствования) было переведено на немецкий, французский, английский и русский языки. Первый перевод Стрейса на русский язык был предпринят по указанию Петра I, однако этот перевод не был закончен. Затем отдельные отрывки из путешествий Стрейса неоднократно переводились на русский язык в XIX в. и печатались в ряде периодических изданий. В 1935 г. полный перевод трех путешествий Стрейса на русский язык был сделан Э. Бородиной под редакцией А. Морозова. Из этого издания и приведен ниже текст, касающийся черкесов.

ОПИСАНИЕ ГОРОДА ТЕРКИ

Город Терки (Terky) лежит на широте 43°27′ на расстоянии почти часу от берега. Его трижды увеличивали и расширяли в глубь страны. Первый раз сами русские, второй — инженер Корнелис Клаас, в 1636 г. укрепивший его валами и больверками по новейшему образцу строительного искусства. Но в 1670 г. английский полковник Томас Белли снова продвинул город далеко вглубь и обнес прекрасными валами, больверками и рвами. Терки лежит близ реки Тимянки, называемой русскими Терки. Со стороны моря берег покрыт высоким камышом, но вокруг города нет ни холмов, ни кустарников, и, насколько хватает глаз, простирается открытая равнина. Терки обыкновенно отлично снабжен пушками и другими боевыми припасами; в нем стоят две тысячи стрельцов, ибо это пограничный и последний подвластный царю город.

17 июня ночью дул сильный ветер. Ранним утром завидели мы с обеих сторон от нас сушу. Землю на левую руку мы назвали по имени открывшего ее — островом Мейндерса. Мы плыли так между двух земель, а когда прошли 20 миль, то оказались у подножия знаменитых гор Кавказа и Арарата, которые граничат друг с другом и тянутся до Черкесских гор. Мы поплыли дальше и открыли, что зашли в тупик, потому повернули обратно и отправились в помянутый канал. Здесь мы нашли на глубине двух клафтеров хорошее песчаное дно. К вечеру, едва мы вышли из узкого прохода, за нами погналась большая барка с 62 вооруженными солдатами. Они настигли нас на расстоянии выстрела из пистолета и были, как мы потом догадались, посланы наместником из Терки, чтобы изрубить нас в куски без милости и пощады и доставить ему наше имущество. Но видя, что мы сильны, хорошо вооружены и в полном порядке готовы к обороне, они отстали и только издали наблюдали за нами. Мы медлили из боязни самим попасть в беду и прошли к морю между берегом и островом Цирлан, где стали на якорь, а барка, найдя нас слишком сильными, осталась позади.

18-го рано утром мы вновь вышли под парусом и направились к гористой местности, куда прибыли после полудня, пристали к высокому берегу, находясь теперь уже не во владениях его царского величества, которые отделяет река Тимянка от черкесов. Эту реку называют также Терки, она протекает мимо города, который носит ее имя, ширина ее приблизительно шестьдесят футов, впадает она в большую реку Быструю, на другом берегу которой князь обычно собирает войско в 15 тыс. человек с тем, чтобы производить внезапные грабежи, после чего с награбленным, чтобы продать его, они всегда отправляются в Терки, где бывают два раза в неделю базарные дни. В мое время на-

ходившийся в городе принц, князь Булат, был в союзе с его царским величеством.

Черкесская область собственно начинается у реки Тимянки и отделяется степью от Ногаи, а с другой стороны рекой Быстрой от дагестанских татар, которые живут на плодородной земле, покрытой различными плодами, нивами и лугами.

Мужчины крепкого сложения с широкими лицами, но не такими четырехугольными, как у калмыцких или крымских татар. Кожа их большей частью желто-черного цвета, и они подстригаются на чужеземный лад. Они выбривают полосу через всю голову и оставляют косу на затылке. Длинные и черные, как смоль, волосы висят по обеим сторонам лица, иногда распущенные, а иногда завязанные или заплетенные.

Их одежда состоит из серого верхнего платья, поверх которого надевается бурка косматой грубой шерстью наружу. Она завязывается или застегивается на пуговицу у шеи, чтобы ее можно было поворачивать на любую сторону от дождя, пыли и ветра. Шапки у них из лоскута сукна, сложенного вчетверо, так что они выглядят наполовину иезуитами. Они не добры и не приветливы, но с ними легче войти в сношения, чем с другими татарами. Они почти все время сидят на лошадях, которыми прекрасно управляют. Их оружие составляют стрелы и лук, у некоторых также и ружья, из которых они стреляют с чрезвычайной легкостью. У женщин, чему весьма удивляешься, белоснежная кожа и красные, как бы накрашенные щеки, приветливые, красивые и милые лица, так что в них можно влюбиться. Они большей частью хорошо сложены. Их брови и волосы черны, как уголь, они их заплетают в семь или восемь косичек вокруг головы. Они ходят с непокрытыми лицами, на голове носят красивые двойные черные шапочки, обшитые крашеным полотном или шелковой тканью; поверх они обычно надевают еще чепчик из черного бархата, что весьма к ним идет, почему они и стараются одеть его как можно лучше. Вдовы привешивают к затылку бычачий пузырь, украшенный разноцветными платками или кусочками сукна, и издали кажется, что у них две головы. Зимой они носят шубы, а летом ходят в одних рубахах — желтых, красных, синих или зеленых, открытых до пупка, и так можно видеть все от шеи до пупка. Те, которые хотят показать, что они не из простонародья, носят узкие штаны, доходящие до икр или до косточки, поверх они надевают две одежды без рукавов (как одежда наших детей), плотно обтягивающие тело. Они гордятся убранством и украшением своих грудей, как английские и французские дамы, хотя я не думаю, что они их красят.

Они весьма общительны и приветливы и с большой охотой позволяют, чтобы их целовали и любезничали с ними, не считаясь с тем, чужой ли это человек, черный или белый, и даже тут же присутствующий муж не выражает недовольства. Мне они часто кивали и проявляли особый интерес к моим платьям,

усиленно стараясь пощупать то или иное. Они обвешиваются цепочками, браслетами и ожерельями из агата, рогов, пестрых камешков, оловянных и серебряных колечек и содержат себя в чистоте и порядке; а мужчины, в противоположность им, не говоря уже об их некрасивых и безобразных лицах, ленивы, грязны, воняют и походят на последних нищих. Я видел много женщин, но нигде не видел таких приветливых, любезных и услужливых в отношении чужеземцев, как здесь. Некоторые из наших принялись играть и шутить с ними, а иногда и вступать с ними в более близкие отношения, что они охотно допускали, смеясь; но тот, кто хотел добиться большего, должен был отступить. Мужчины, хотя им и разрешено по алькорану брать сразу нескольких жен, обходятся обычно одной, чтобы не входить в большие расходы и не возиться со множеством детей. Они считают себя мухаммеданами, хотя на деле не более чем язычники. Они, правда, говорят, что верят в единого бога, но служат вместе с тем и черту и идолам, уделяя последним больше внимания, чем служению и познанию истинного бога. У них нет ни церквей, ни священников, ни писания, но они приносят жертву в установленное время. Между прочим наибольшим предпочтением пользуется Ильин день. Как раз в то время, когда мы пристали к берегу, чтобы купить съестных припасов, я видел все издали, ибо татары запретили мне подойти ближе; но я мог с достоверностью заключить, что это жертвоприношение, какое они приносят после смерти благородного человека. Мужчины и женщины сходятся в открытом поле, приводят с собой козла, у которого, чтобы удостовериться в его пригодности, отрезают яички и бросают их о плетень или стену; если они приклеятся или повиснут там, то козел отменный, если нет, то нужно привести другого. Затем с него снимают шкуру, расправляют ее и вешают на высокий кол, варят и жарят мясо и затем совместно съедают. После того подходят мужчины один за другим и читают молитвы перед шкурой. Женщины тотчас уходят домой, а мужчины остаются на том же месте, долгое время жрут и пьют водку, пока не напьются допьяна, чем кончают эту церемонию. Они предают своих мертвецов с почетом земле и оставляют известные памятные знаки. Они оплакивают и печалятся о них долгое время, терзают и царапают свои груди, так что кровь каплями падает на землю.

ЖАН ШАРДЕН

(1643—1713 гг.)

Жан Шарден родом из Парижа, по профессии ювелир. В 1644 г. был послан своим отцом, тоже ювелиром, на Восток для закупки драгоценных камней. Первоначально предполагалось, что Шарден проедет в Индию, но он задержался в Иране (Персии), прожив несколько лет в Исфахане, где хорошо изучил персидский язык, приобрел доверенность шаха Аббаса II и получил официальное звание шахского купца.

В 1670 г. Шарден вернулся на родину с поручением шаха Аббаса приобрести для него различного рода ювелирные изделия.

Через год Шарден с большим количеством драгоценностей, которые по его заказу были изготовлены в лучших ювелирных мастерских Франции и Италии, отправился обратно в Иран.

Выехав из Ливорно в ноябре 1671 г., Шарден морским путем добрался до Константинополя в начале марта 1672 г. Однако далее через Турцию Шарден не рискнул ехать ни сухим путем, ни морем на Трапезунд, как это обычно делали коммерсанты, отправлявшиеся в Иран, а проехал под видом католического монаха в Крым, в Каффу (Феодосию), оттуда к устью Дона, в Азов, а затем вдоль Кавказского побережья в Мингрелию, к устью реки Ингура. Эта часть путешествия, которая продолжалась с 27 июля по 10 сентября 1672 г., дала ему возможность собрать некоторые сведения о черкесах (адыгах), абхазах, карачаевцах.

Шарден прибыл к берегам западной Грузии в очень неблагоприятное время. Весь край был охвачен феодальными междоусобицами, происходившими между владетелями Мингрелии, Гурии и Имеретии. Не спокойно было и в других частях Закавказья. Стремясь найти наиболее безопасный путь в Иран, Шарден несколько раз менял свой маршрут, прежде чем избрал путь на Тифлис, Ереван, Джульфу. 14 апреля 1673 г. он переправился через Аракс и 24 июня этого года прибыл в Исфахан.

Еще после своего первого пребывания в Иране, Шарден опубликовал в Париже в 1671 г. «Рассказ о короновании персидского шаха Солимана III». С 1686 г. Шарден, переселившийся к этому времени в Лондон, начал публиковать различные варианты описания своего второго путешествия на Восток, которые привлекли к себе большое внимание европейских читателей того времени. При жизни Шардена это описание было переведено с французского на английский, голландский и немецкий языки и переиздавалось несколько раз (последнее, полное издание — в Амстердаме в 1711 г.)

Описание Шардена, являющееся в общем весьма ценным источником,

в части, касающейся Северного Кавказа, страдает существенными недостатками. Не побывав лично в этом районе Кавказа, Шарден должен был довольствоваться информацией, получаемой из вторых рук. К тому же, кратковременное пребывание в Каффе, Азове и поездка вдоль черкесского побережья были лишь случайным эпизодом в «восточном» путешествии Шардена, не позволившим ему собрать более подробные и достоверные сведения о черкасах (адыгах) и других народах Северного Кавказа, упоминаемых в его сочинении.

Недостаточная осведомленность Шардена сочеталась с презрительным отношением к местному населению, которое он считал «дикарями» и «разбойниками». Правда, немалую роль при этом сыграло то обстоятельство, что Шарден был весьма озабочен сохранением своего драгоценного груза и испытывал постоянный страх, боясь быть ограбленным.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГОСПОДИНА ДВОРЯНИНА ШАРДЕНА В ПЕРСИЮ И ДРУГИЕ ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ

Крепость Авак находится в пятнадцати милях от реки.

Турки имеют две небольшие крепости, где они содержат гарнизон, находящийся в устье Танаис на его берегах. Они закрывают это устье толстой цепью и препятствуют московитам и черкесам отправляться в набеги в больших барках по болоту и морю. Прежде чем две эти крепости были построены и эта цепь протянута через устье, эти народы спускались по Танаис со своими кораблями и отправлялись во все стороны. В настоящее время этот проход закрыт для их больших барок. Иногда по ночам и с помощью людей они проводят легкие корабли через цепь, но они редко отваживаются на это из-за риска быть пущенными ко дну пушками двух крепостей.

От пролива Палус Меотийского до Мингрелии тянутся на шестьсот миль гористые холмы. Эти горы все очень красивы, покрыты лесами и населены черкесами. Турки называют эти народы «черкесами» или «керкесами». Древние называли их общим именем заги (зихи.— *Ред.*), а также жителями гор; это соответствует определению «ченж дагн», которое некоторые восточные географы дают этому народу, т. е. «пять гор». Помпоний Мела называет их «саргасы»; они не являются ни подданными, ни данниками Порты. Климат в их краях довольно плохой, холодный и сырой. Пшеница у них не произрастает. Там нет ничего особенно редкого. Это является причиной того, что турки оставляют эти большие страны тем людям, которые там проживают, так как они не стоят того, чтобы их завоевывали и ими управляли. Корабли из Константинополя и Каффы, идущие в Мингрелию, бросают на своем пути якорь во многих местах на этих берегах. Они пристают на день или два в каж-

дом из них и в течение этого времени берег усеян этими дикарями, полуголыми и жадными, которые спускаются толпами со своих гор с самым разбойничьим видом. С черкесами можно вести переговоры только с оружием в руках. Когда кто-нибудь из них хочет подняться на корабль, им дают заложников, и они поступают так же, когда кто-нибудь с корабля хочет спуститься на землю, что случается редко, так как на черкесов очень трудно полагаться. Они дают в качестве заложников трех человек за одного. Им привозят те же товары, что и в Мингрелию, так как их страна еще более бедная. У них берут в обмен людей обоего пола и любого возраста, мед, воск, кожу, шкуры шакалов (это животное похоже на лисицу, но гораздо больше), «зедрава», шкура которого подобна куньей, и других животных, встречаемых в горах Черкесии. Вот все, что можно получить у этих народов. Обмен совершается следующим образом: лодка с корабля подходит близко к берегу. Те, кто находится в ней, хорошо вооружены. Они позволяют приблизиться к месту встречи только такому числу черкесов, которое равно их числу. Если они видят, что приближается большее число, они отплывают от берега. Когда они совсем приблизились друг к другу, они показывают товар, подлежащий обмену. Они сговариваются об обмене и производят его. Однако, надо всегда быть очень осторожными, так как черкесы — сама неверность, само вероломство. Они не могут спокойно видеть возможность для воровства, чтобы не воспользоваться ею.

Эти народы совсем дикие. Некогда они были христианами, в настоящее время у них нет никакой религии, даже языческой, так как я не принимаю в расчет несколько суеверных обычаев, которые они якобы восприняли частично от христиан, а частично от своих соседей магометан. Они живут в деревянных хижинах и ходят почти голые. Каждый человек — заклятый враг всех окружающих. Жители берут себе рабов и продают своих соплеменников туркам и татарам. Землю у них обрабатывают женщины. Черкесы и их соседи питаются тестом, сделанным из мелкого зерна, похожего на просо. Те, кто проплывал вдоль этих берегов, рассказывают о тысячах варварских обычаев у этих народов. Однако, нет достаточных оснований верить всем этим сообщениям об образе жизни народов этого края, так как никто не ездит туда, а все, что об этом становится известным, получено от рабов, уводимых оттуда и являющихся дикарями, так что все, что можно через них узнать, очень ненадежно. Это как раз и помешало мне обозначить больше мест, чем я это сделал на моей карте Черного моря, находящейся в начале этого тома, так как я предпочел оставлять пространство, занимаемое черкесами и абхазцами, пустым, чем заполнять его сведениями, полученными на веру от людей настолько невежественных, что они обычно не умеют даже отличить север от юга.

С черкесами граничат абхазцы. Они занимают побережье

моря длиной в сто миль между Мингрелией и Черкесией. Они не такие дикари, как черкесы, но имеют ту же склонность к воровству и разбою. С ними торгуют, принимая упомянутые мною предосторожности. Они нуждаются во всех товарах, как и их соседи, и не могут, как и они, дать ничего другого в обмен, кроме человеческих существ, мехов, шкур dain и тигров, сученого льна, самшита, воска и меда. В своей «Истории войны против персов» Прокопий называет эти народы абасками.

Обычное зерно мингрелов — «gom». Это зерно мелкое, вроде кишнеца и очень похоже на просо. Его сеют весной тем же способом, что и рис. В земле пальцем делают ямку, куда кладут зерно, и засыпают его. Из зерна произрастает ствол толщиной в большой палец и высотой в человеческий рост, на верху которого находится колос, имеющий более 300 зерен. Ствол «gom» весьма похож на сахарный тростник. Его срезают в октябре и сразу же развешивают на плетне, довольно высоком и обращенном к солнцу. Это делается для того, чтобы его высушить. После двадцатидневного пребывания на плетне стебли обмолачивают. Зерно очищают только по мере того, как его употребляют в пищу и варят непосредственно в часы еды. Варится оно очень быстро, менее чем в полчаса. Как только вода, в которую его бросили, начинает закипать, его начинают медленно перемешивать маленькой деревянной лопаткой, и оно постепенно, без особых усилий, превращается в тесто. Когда все зерна разварились и тесто хорошо перемешано, уменьшают огонь, выпаривают воду и сушат тесто в том котле, в котором варилось зерно.

Это тесто очень белое, как снег, но безвкусное и тяжелое. Его подают маленькими лопаточками из дерева, которые специально изготавливаются для этого. Турки называют этот хлеб «пастой», мингрелы — «гом». Он крошится пальцами без труда. Его качество чрезвычайно низкое вне зависимости от того, потребляют его в холодном виде или разогретым. Черкесы, мингрелы, грузины — данники Турции, абхазцы, жители Кавказа, то есть все те, кто живет по побережью Черного моря от пролива Палус Меотийского до Трапезунда — питаются только этим тестом. Это их хлеб и они не имеют другого. Они так сильно привыкли к нему, что предпочитают его пшеничному хлебу. Я это заметил в большей части страны. Я не удивляюсь этому: я сам, когда необходимость заставляла меня питаться одним английским пудингом (а по вкусу это нечто единственное в овоем роде), в конце концов так к нему привык, что потом с трудом расстался с ним, чтобы возвратиться к простому хлебу.

Царство Имеретии несколько больше тех стран, о которых я только что говорил. Это Иберия древних. Оно расположено между Кавказскими горами, Колхидой, Черным морем, княжеством Гурия и Грузией. Длина его 26 миль, ширина — 60.

Народами Кавказских гор, с которыми оно граничит, являются грузины и турки на юге, а на севере — оссы и карачиолы, которых турки называют кара-черкесами, т. е. «черными черкесами». Карачиолы, или «черные черкесы», являются как раз тем народом, которого европейцы прозвали гуннами и которые произвели все те опустошения в Италии и Галлии, о которых говорят историки, и между ними Седренус. Язык, на котором они говорят, имеет много общего с турецким.

...Я должен был сесть на корабль, но мне помешало известие о том, что у берегов Мингрелии появились барки черкесов и абхазцев. Это оказалось правдой, и они захватили множество судов и среди них то, что предназначалось мне. Невыразимая тоска, в которую меня ввергла эта задержка, объяснялась не только теми опасностями и постоянными невзгодами, которые приходилось переживать, но и тем, что мне казалось, я навсегда обречен не покидать этих мест.

Будучи в Тифлисе, я слышал, что эти города некогда были большими и поражали великолепием; такое впечатление действительно создается, когда рассматриваешь то, что еще не совсем разрушено в них, и развалины прежних строений. Это маленькое королевство Кахетия было разрушено северными народами Кавказских гор — аланами, суанами, гуннами и другими народами, прославленными своей силой и храбростью и, по сообщению многих людей, также и амазонками. Амазонки граничат с ним с северной стороны. В этом согласны древняя и современная география. Птоломей помещает их страну в азиатской Сарматии, которая называется теперь Тиртарией, к западу от Волги, между этой рекой и горами, т. е. как раз в северной части королевства Кахета. Квинт Курс говорит в том же смысле, что царство Талестрис лежало близко от реки Фазиза. Страбон придерживается того же мнения, говоря об экспедициях Помпея и Каннидиуса. Я никого не видел в Грузии, кто бывал бы в стране амазонок, но я слышал многих людей, рассказывавших о ней; мне показали у одного князя больших размеров одежду женщины из грубой шерстяной материи, совершенно своеобразной формы, которую, как говорили, носила одна из амазонок, убитых недалеко от Кахетии во время последних войн. Вскоре можно будет получить известия об этих знаменитых воительницах, так как капуцины Тифлиса сказали мне, что они отправят весной двух миссионеров в их страну; их приказала отправить туда конгрегация... По этому поводу я имел довольно долгую беседу с сыном князя Грузии...

Все различные народы, населяющие Кавказские горы, находятся всегда в войне друг с другом: ничего нельзя добиться, стремясь заключить с ними мир или соглашение, так как это дикие народы, не имеющие ни религии, ни полиции, ни законов. Те, которые находятся всего ближе к Кахетии, часто совершают туда набеги. Это заставляет старшего сына грузин-

ского князя всегда держаться наготове для отпора этим варварам.

Я рассказал этому молодому князю то, что греческие и римские историки повествуют об амазонках. После дискуссии об этом предмете в течение некоторого времени, его мнение было таково, что, должно быть, это был скифский кочевой народ, вроде туркменов и арабов, который предоставил власть женщинам, подобно тому, как делают ахинойцы, и что эти царицы окружали себя представительницами своего пола, которые следовали за ними всюду. По нашему мнению, нет ничего удивительного в том, что они умели ездить верхом и были вооружены, как мужчины, так как на Востоке все женщины ездят верхом, как мужчины, и некоторые из них так же хорошо; княгини носят на поясе сбоку кинжал. Что же касается уничтожения грудей и других особенностей, что рассказывают об амазонках, мы все это приняли за сказки, которыми лживая Греция имела бесстыдство наводнить историю, как говорит один латинский поэт.

ФЕРРАН

(Родился около 1670 г. — умер после 1713 г.)

Ферран — по национальности француз. Какие-либо биографические сведения о Ферране отсутствуют. Известно только, что он был врачом и находился на службе у крымского хана. Ферран, видимо, не ограничивался кругом своих чисто служебных обязанностей, связанных с должностью «первого врача» крымского хана, а старался использовать свой довольно важный пост в политических целях Франции.

В 1702 г. Ферран сопровождал сына крымского хана Селим-Гирея Казы-Гирея в поход против черкесов. Такие походы были частым явлением в XVII—XVIII вв., когда черкесам приходилось вести почти непрекращающуюся борьбу с крымской агрессией. Ферран воспользовался этим походом, чтобы ближе ознакомиться с народами Северного Кавказа — черкесами, ногайцами, калмыками.

Путевые заметки Феррана, составленные после похода, носят беглый и не систематичный характер, что, однако, не лишает их серьезной познавательной ценности. Описывая Черкесию, Ферран значительное место уделяет характеристике ее общественно-политического строя, при этом он сообщает ряд важных подробностей. Ценны также имеющиеся у Феррана сведения о торговле Черкесии с Крымом, о взаимоотношении черкесских князей с крымским ханом, которого они постоянно вовлекали в свои междоусобицы. Особо следует заметить, что в повествовании Феррана подчеркивается большое значение, которое в начале XVIII в. приобрела среди других черкесских областей Кабарда.

Хотя Ферран пишет, что он отправился в Черкесию «из любопытства», однако правильнее будет считать, что, предпринимая это полное опасностей и трудностей путешествие, он имел другие цели. В этой связи следует подчеркнуть, что Ферран уделял большое внимание вопросам, связанным с возможностью приобщения черкесов к католической вере. Поскольку Ферран представлял интересы своей родины, естественно, что и католическую пропаганду среди черкесов он также собирался использовать именно в этих интересах. Известно, что в 1706 г. Ферран, будучи в Константинополе, вступил в переговоры с представителем иезуитского ордена и убедил его открыть иезуитскую миссию в Крыму. Можно полагать, что Ферран рассчитывал распространить деятельность этой миссии и на Черкесию.

Описание Феррана, составленное, по-видимому, в 1709 г., по своему содержанию является ценным дополнением к более обстоятельным описаниям де ла Мотрэ и Главани, относящимся тоже к первой четверти XVIII в.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ КРЫМА В ЧЕРКЕСИЮ, ЧЕРЕЗ ЗЕМЛИ НОГАЙСКИХ ТАТАР, В 1709 ГОДУ

В 1702 году Хаджи Селим-Гирей, хан, глава ныне владетельного дома ханов, послал султана-калгу в Черкесию воевать против одного из своих сыновей, который ушел туда после трехлетнего господства над татарами, узнав, что вместо него вновь определен от султана (турецкого.— *В. К.*) отец его Селим.

Хан Селим весьма прославился в последнюю войну. В одну кампанию победил он москвитян, поляков и немцев, успевших было захватить большую часть Албании. Бывший уже два раза ханом, он, по возвращении из путешествия в Мекку, добровольно отказался от власти, намереваясь удалиться в Церез, в Македонии, и провести там спокойно остаток дней своих. Но султан назначил его ханом в третий раз, за что и взбунтовался сын его, отрешенный от ханства. Не стану описывать здесь сей войны, а скажу только, что султан-калга победил и взял в плен своего брата, но, благородно пользуясь своей победою, удовольствовался тем, что предоставил его отцу, который принял строптивого сына с распростертыми объятиями.

Из любопытства и я сопровождал калгу в его походе, на что получил дозволение от хана, его отца. Мы выступили с 40 000 человек и после двадцатидневного пути через ногайские страны достигли Черкесии...

Переехав ногайские земли, вступили мы в Черкесию, которую татары называют Адда.

Земля Черкесская граничит с севера с ногайцами, с юга — с Черным морем, с востока — с Грузией, а с запада — с Киммерийским Босфором и заливом, отделяющим ее от Крыма. В сем заливе есть пристань, или морской порт, Тамань, ведущий довольно значительную торговлю кожами, икрою, медью, воском, медом и пр. Половина пошлины идет султану, а половина хану. Город сей защищается ветхою башнею и окружен полуразвалившеюся стеной, остатками укреплений генуэзцев, некогда владевших всем этим берегом. К северу, в десяти льё от Тамани, находится другой маленький городок — Темрюк, где проживают греки, армяне и евреи, платящие хардж (т. е. налог.— *В. Г.*) хану.

Недалеко от Темрюка виден древний замок, называемый по имени страны Адда; здесь есть шесть артиллерийских орудий, и здесь же платят другую пошлину, назначенную на содержание коменданта и гарнизона укрепления. Замок сей, или укрепление, построен для предохранения от казацких набегов и московских вторжений. Чрез него проходят все невольники, вывозимые из Черкесии. Здесь живет кадий, у которого надо брать билет, называемый «пендик», в котором указываются

лета и приметы невольников, законно купленных или пленных, для удобнейшей поимки их в случае бегства. Без такого пендика владелец невольника может быть во всяком месте признан за вора (т. е. за укравшего этого невольника.— *В. Г.*), а при продаже невольника пендик передается новому покупщику.

Область Адда простирается до речки Кара-Кубани, служащей ее границей; она населена ногайскими татарами..., у которых есть свой особый начальник в качестве бея; он со своими подданными признает власть хана, но когда соскучится долгим миром, то, не спрашивая хана, делает набеги на царские (т. е. русские.— *В. Г.*) земли и всегда выводит оттуда множество невольников...

Страна Черкесия, которую мы проходили, заключает в себе высокие горы и глубокие долины, осеняемые множеством огромных деревьев. Главная местность сего округа Кабарда. Отсюда крымский хан приобретает великое количество невольников. Здешние жители необыкновенной красоты. Ни на ком здесь не заметно лица, обезображенного оспою, по причине особенной осторожности при выращивании детей.

Всей этой областью (т. е. Кабардой.— *В. Г.*) заведывает бей (т. е. кабардинский князь.— *В. Г.*), зависящий от хана и имеющий под своей властью многих владельцев (т. е. других кабардинских князей.— *В. Г.*); они обязаны ежегодно платить хану дань, состоящую из трехсот невольников, двести молодых девиц и сто юношей не старше двадцати лет. Часто беи (т. е. кабардинские князья.— *В. Г.*) для примерного поощрения отцов и матерей отдают хану своих собственных детей.

Когда между черкесскими беями возникает вражда, то они просят хана прислать какого-либо агу, а часто и принца (т. е. кого-либо из ханского дома Гиреев.— *В. Г.*) для разбирательства ссоры. Такие посредники никогда не возвращаются с пустыми руками: их дарят всегда лучшими подарками.

Вообще же в Черкесии торгуют мужчинами и женщинами как будто это обыкновенный товар.

У черкесов пища гораздо лучше, нежели у ногайцев. Они всегда едят говядину, баранину, птицу и почти никогда не употребляют конины. Впрочем, хлеб у них ничем не лучше ногайского: он состоит из лепешек из просяной муки, замешенных на воде и полуиспеченных в золе, которые они едят почти горячие.

Страна Черкесская прекрасна, изобилует плодоносными деревьями, орошается прекрасными водами, но нисколько не возделана. Воздух здесь благорастворенный и чрезвычайно здоровый. Полагаю, что от этого происходит цветущая красота черкесов, которая незаметна у других татар.

Народы черкесские весьма уважают христиан, считая себя потомками генуэзцев, которые некогда владели важнейшими

частями здешней страны. И ныне еще здесь видно много остатков городов, построенных генуэзцами.

По приказанию хана я всегда носил французское платье и парик. Когда я прибыл в Кабарду в таком наряде, все сбегались смотреть на меня, как на человека необыкновенного. Почтение ко мне усилилось, когда узнали, что я первый медик при хане, но чтобы еще более возвыситься в глазах местных жителей, я назвался природным генуэзцем. Черкесы приходили толпами смотреть на меня. Я старался поддержать их расположение важною и суровою осанкою, хотя мне было тогда не более тридцати лет. Учитывая мое благоразумие и происхождение, хан черкесский предложил мне в супруги свою племянницу, за которую в приданое назначал тридцать невольников, только с условием далее Крыма никуда не уезжать, в чем я и должен был поклясться в присутствии хана. Нелегко мне было уклониться от таких настойчивых и усердных предложений. Бей и его семейство были из лучших людей. Чрезвычайно хотелось мне окрестить их, но так как им надобно было объяснить догматы христианской веры, а я языка татарского не знал, а через магометанского переводчика объясняться не хотел, то и отложил свое намерение до другого случая, надеясь прибыть сюда с каким-либо миссионером из Бахчисарая.

Кроме природных жителей, в Черкесии живут еще четыре народа: татары, считающиеся господствующим народом, греки и армяне, заезжие по делам торговым, и евреи, здесь поселившиеся.

По неимению у черкесов книг и жрецов нельзя решить, какая у них вера. Они оказывают большое уважение к телам умерших отцов и других родственников, которых ставят в деревянных гробах на высокие деревья; обнаруживают также некоторое почтение к изображениям, которые им показывают, не справляясь о значении их. Невольники исповедуют веру своих господ, если господин магометанин, то и невольники делаются магометанами.

По требованию хана беи (черкесские) выставляют до 5000 воинов, но черкесы мало способны к войне, хотя весьма искусны в стрельбе из лука...

ЭНГЕЛЬБЕРТ КЕМПФЕР
(1651—1716 гг.)

Энгельберт Кемпфер — по национальности немец. Обучался в ряде университетов Голландии, Германии и Польши, получил хорошее разностороннее образование. В 1674 г. изучал древние и новые языки в Краковском университете, где получил ученую степень доктора филологии, затем в Кёнигсберге изучал естественные науки. В 1681 г., после кратковременного пребывания на родине Кемпфер переселился в Швецию, где посещал лекции в Упсальском университете. В 1683 г. Кемпфер в качестве секретаря сопровождал шведского посла Людвига Фабрициуса в Россию и Иран. Он проехал по Волге до Астрахани и по Каспийскому морю до Низабада. Пробыв около года в Иране, Кемпфер покинул Фабрициуса и продолжил свое путешествие на корабле голландской Ост-Индской компании в качестве главного хирурга.

Во время своих странствований по Востоку он побывал в Индии, на Цейлоне, Суматре, Яве и в Японии. В 1693 г. Кемпфер возвратился в Европу, в Лейдене получил степень доктора медицины и занялся врачебной практикой. В свободное от занятий время он подготавливал к печати свои путевые записки, в которых он давал всестороннее описание природы, особенно флоры и фауны, посещенных им стран. Публикация этих материалов явилась весьма важным вкладом в науку и прославила имя Кемпфера. Вместе с тем Кемпфер написал ряд этнографических очерков, которые вошли в книгу, изданную в 1723 г., после его смерти, на немецком языке в Нюрнберге под заглавием «Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие, царю, султану и шаху платившие дань и подвластные...» Эта книга вышла в свет без указания автора, однако в русском переводе части этой книги, сделанном в XVIII в. и хранящемся в виде особой рукописи в Центральном историческом архиве в Ленинграде, имеется обозначение, что автором является Кемпфер. Этот факт был впервые установлен Е. С. Зевакиным, который исправил ошибку, допущенную известным библиографом кавказоведческой литературы Миансаровым, приписавшим это сочинение англичанам Перри и Вартису.

Даваемый ниже отрывок из названной книги включает почти целиком пятую главу, посвященную Черкесии. В этой главе Кемпфер в тезисной форме излагает основные сведения о происхождении черкесов, их языке, религии, торговле, хозяйственных занятиях, семейном быте, общественном строе. Несмотря на свой сжатый характер, приводимые Кемпфером сведения представляют несомненно значительный интерес, давая в целом довольно полное представление о Черкесии первой четверти восемнадцатого века.

НОВЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАЗАНЬ, АСТРАХАНЬ, ГРУЗИЯ И МНОГИЕ ДРУГИЕ, ЦАРЮ, СУЛТАНУ И ШАХУ ПЛАТИВШИЕ ДАНЬ И ПОДВЛАСТНЫЕ. ТАТАРСКИЕ ЗЕМЛИ И ПРОВИНЦИИ ВМЕСТЕ С КРАТКИМ СООБЩЕНИЕМ О КАСПИЙСКОМ МОРЕ, ДАРЬЯЛЬСКОМ УЩЕЛЬЕ, А ТАКЖЕ О ПЕРСИДСКОМ ДВОРЕ И ОБ ИХ НОВЕЙШЕМ ГОСУДАРСТВЕННОМ И ВОЕННОМ УСТРОЙСТВЕ, НАПИСАННОЕ К ПРИСОЕДИНЕНИЮ РУССКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И УКРАШЕННОЕ ПОЛЕЗНЫМИ ГРАВЮРАМИ

Глава пятая

О Черкесии. Перечень

1. Границы. 2. Свойства страны. 3. Посевы и хлеб. 4. Латинские надписи. 5. Терки (город). 6. Князья платят царю подать. 7. Случай с татарским ханом. 8. Религия. 9. Язык. 10. Торговля. 11. Домашний скот. 12. Охота. 13. Питье. 14. Занятие черкесов и одежда. 15. Домашний быт. 16. Красота женщин и их одежда. 17. Труд. 18. Брак. 19. Ссорящиеся супруги. 20. Дворяне и крестьяне. 21—22. Похороны. 23. Абхазы. 24. Жители Кавказских гор.

1. Черкесия причисляется одними к Азии, другими к Европе. К востоку страна граничит с Каспийским морем, к западу с Меотийским озером [1], к югу с Черным морем, а к северу с Кавказскими горами и рекой Доном, которыми она отделяется от Грузии.

Черкесы называются турками.

2. Черкесия в некоторых местах очень красивая и хорошая страна, с многочисленными равнинами, холмами и горами, лесами и источниками, откуда вытекают прекрасные ручейки, которые, однако, не имеют рыб. Здесь находится много всяких цветов, особенно красивых тюльпанов. Там растет также род земляники величиной с маленький орех, которые по 4 или 5 штук висят на ее маленьких стебельках, бледно-желтого цвета. Огороды засажены сливами, яблоками, грушами, орехами и другими прекрасными деревьями.

3. Они не сеют ни ржи, ни овса, но только гречиху для своих лошадей и некоторый род зернового хлеба, вроде проса, из которого они готовят тесто вместо хлеба; они его месят и пекут, и он так же сладок, как медовая лепешка. Если один год они засевают поле, то на следующий год они оставляют землю гулять, хотя бы она и была лучшего качества.

[1] Азовское море.

4. Со стороны Черного моря климат нездоровый; холодный, сырой и суровый. Страна богата серебряной рудой. В некоторых местах находятся могущие быть расшифрованными старые латинские надписи, которые, по рассказам черкесов, не что иное, как могилы некоторых христиан, которые в древнее время жили на их земле.

5. В этой стране есть лишь один город, называемый Терки: большая часть живет в лесах. Терки лежит под 43 градусом 23 минутами северной широты, в доброй полмиле от морского берега на небольшой очень извилистой речке под названием Тюменка, которая вытекает из большой реки Быстрой. Так как берег на расстоянии 1/4 мили низменный, болотистый и порос осокой, со стороны моря можно подойти к городу только по этой реке. Кругом города, насколько охватывает глаз, ровное поле и ни одного холмика. От Астрахани водой считается 60, а сушей 70 миль. Терки последний город, который все время находился под властью царей. 2000 футов в длину и 800 в ширину. Он раньше был окружен только высокими стенами и башнями, а теперь укреплен высоким валом и другими бастионами по современному образцу с цитаделью. В 1636 году один нидерландец возвел и укрепление, а в 1670 году шотландец Балей усовершенствовал их повсюду; место также хорошо укреплено многими маленькими и большими металлическими пушками. Там находится русский гарнизон в 2000 человек под начальством воеводы и полковника. В городе находятся три приказа или канцелярии под начальством канцеляриста и подканцеляриста. Татарский князь имеет собственную свиту.

Азов и остальные места, лежащие на Меотийском озере, я обхожу молчанием, так как это слишком далеко отведет меня от моей цели.

6. Князья этих земель, хотя и из той же народности, однако большей частью повинуются московскому царю и должны получать от него лен. Дань, которую они платят, настолько незначительна, что на нее едва можно содержать русский гарнизон. В случае важных преступлений они должны обращаться к русскому воеводе.

7. В конце 1708 г. хан Малой Татарии потребовал удвоенную подать с соседних черкесов; но когда они ему в этом отказали, он пошел на них с большим войском. Черкесский князь придумал хитрость и договорился с 30 молодыми сильными солдатами, чтобы они перебежали к татарскому хану и в определенный день перебили бы самых знатных офицеров. Перебежчики сделали это, и в то же время черкесы напали на врага так, что благодаря такому смятению была выиграна полная победа, и татарский хан спасся только с большим трудом.

8. Еще недавно весь народ состоял большей частью из идолопоклонников, хотя они подвергались обрезанию; они верили в бога, не имели ни священных книг, ни священников, ни церк-

вей и сами выполняли жертвоприношение, особенно в Ильин день. Теперь, однако, почти весь народ исповедует греческую веру; впрочем, они отступают в некоторых вопросах, так как крестят детей только в восьмилетнем возрасте, а их молодежь проводит время, главным образом, в грабежах и разбоях и не посещает церковь до 40 и 60-летнего возраста.

9. У них язык общий с другими татарами, но большая часть говорит также по-русски [1].

10. Они торгуют рабами, медом, воском и шкурами всяких животных, которых они продают не за деньги, но обменивают на другие товары. С черкесами торгуют с саблей в руке; когда к ним приезжают по Черному морю, не осмеливаются выходить на землю, не получив от них аманата (заложника), точно также, как и не пускают к себе на корабль, не взяв аманатов для собственной безопасности. Когда они собираются, они показывают один другому товары и быстро приходят к соглашению. Должно, однако, очень остерегаться, чтобы не быть обокраденным, так как они не могут удержаться от этого.

11. Их главное богатство состоит в скоте и особенно в прекрасных лошадях, которые ценятся наравне с испанскими, затем в козах и овцах, из шерсти которых москвичи изготовляют войлок. Быки и коровы не очень ценятся. Имеется много птицы и дичи. Между прочим, имеется одно животное, называемое шакал, похожее на лисицу, но гораздо больше...

12. На охоте они не употребляют ни собак, ни птиц; вместо этого несколько деревень собираются вместе и гонят дичь, пока не устанет; затем на ее шею накидывают аркан. Таким образом, от них мало кто может ускользнуть. Когда они убивают оленя, они сейчас же отрезают ему ноги и раздробляют кости, чтобы съесть мозг, находясь в убеждении, что ничто так не полезно для укрепления тела.

13. Напитки черкесов — вода и буза, которую приготовляют из зернового хлеба (из которого они пекут свой хлеб), и она производит опьянение, как вино, которого нет в этой стране.

14. Черкесы красивые и хорошо сложенные люди. Мужчины сильны телом, смуглы и немного широки лицом, имеют длинные темные, как смоль, волосы и выбривают ото лба через всю голову полосу шириной в палец, не оставляя ни тоненькой заплетенной косички на темени. Их одежда мало отличается от платья других татар. Они носят на голове широкие шапки и войлочные плащи, висящие на ремне через плечо, края которого не сходятся, и поворачивают его в сторону ветра и дождя так, что тело хорошо предохранено им... В персидской столице Исфагани черкесы одеваются подобно грузинам... Знатнейшие

---

[1] Ни то, ни другое утверждение не соответствует действительности (Примечание переводчика).

люди страны носят теперь панцири, на которые они надевают шелковые кафтаны, а также носят лук и стрелы.

15. Они очень хорошие наездники; летом они живут в лесах, в маленьких палатках, между тем как их семьи живут в настоящих деревянных домах и наблюдают за хозяйством. Они любят веселиться, играют на скрипке и других струнных инструментах, чем развлекают чужеземцев, особенно московитов, и пьют при этом водку и мед.

16. Женщины приятны лицом, имеют белую кожу и румяные щеки, черные, как смоль, волосы, которые они спускают двумя локонами по обеим сторонам лица, и сохраняют свою красоту до 50-летнего возраста. На голове они носят двойные черные обручи, которые они сверху покрывают кисеей или пестро расцвеченными платками и завязывают под подбородком. Вдовы носят на голове сзади большие надутые бычьи пузыри, покрытые пестрым газом или белой кисеей так, что издали кажется, что у них две головы. Летом они все ходят в одних рубашках красного, желтого, зеленого или синего цвета, расстегнутых сверху до пояса. На шее они носят четки из янтаря, разноцветные раковины, камушки, оловянные и медные украшения. Они общительны, приветливы и чистоплотны.

17. Они очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куют и изготовляют из него всякого рода орудия. Знатные женщины вышивают золотом и серебром чепраки, колчаны, повязки или носовые платки.

18. Хотя мужчинам и разрешено иметь более одной жены, однако это случается у них редко. Если мужчина умрет бездетным и после него останутся братья, старший должен жениться на вдове, чтобы продолжать потомство брата.

19. Если муж и жена несогласны между собой и не могут помириться, муж или жена идёт к дворянину или владельцу местности и приносит жалобу; последний велит привести обвиняемого и тотчас продает мужа или жену и дает мужчине другую жену. То же самое происходит, когда поссорились соседи и жалуются друг на друга; одного из них хватают и продают иностранным купцам.

20. Дворяне целый день ничего не делают; вечером они выезжают на место сбора, где их собирается 30—40 и более людей и договариваются, когда и где идти на добычу. Эти набеги производятся не только на соседние страны, но и в их собственной земле, так как они похищают все, что можно, и продают друг друга туркам, персам и прочим в качестве крепостных. Все крестьяне рабы своих дворян, пашут землю, рубят дрова, выполняют другие тяжелые работы и живут скудно.

21. Если умрет знатный человек, мужчины и женщины собираются в поле, убивают козу для жертвоприношения, шкуру которой они натягивают на поставленный длинный шест. Затем варят и жарят мясо и все поедают его. Потом выступают некото-

рые мужчины и молятся [перед] шкурой; один молится впереди, другие повторяют за ним. Затем женщины удаляются, а мужчины впервые садятся и пьют по очереди брагу и водку. Шкура остается висеть до тех пор, пока не принесена жертва.

22. Своим умершим они ставят надгробный памятник в виде колонны или пестрых досок, украшенных резьбой, и стараются, чтобы такой дом был гораздо роскошнее, чем их жилые дома, которые только сплетены из ветвей и внутри обмазаны глиной. Они царапают свою грудь и руки так, что из них течет кровь. Оплакивание покойника продолжается до тех пор, пока не заживут раны: если траур должен еще продолжаться, полузажившие раны опять растравляются.

23. С черкесами граничат абхазы на расстоянии 100 французских миль до Мингрелии. Они не такие дикари, как черкесы, но, конечно, хорошо смыслят в грабежах и воровстве и имеют, как и черкесы, нужду во всем, что необходимо для жизни.

24. К черкесам причисляются также аланы или жители Кавказа, а равным образом сваны[1] и карачеркесы[2]. Эти последние относятся к северным черкесам, называемым турками карачеркесами, т. е. черными черкесами, потому что их страна туманна и благодаря этим туманам жара сильно смягчается. Народ не дурной. Прежде они исповедывали христианство, которое можно заметить из некоторых их теперешних обрядов. В настоящее время у них нет никакой религии; они питаются только воровством, ходят почти нагие, не знают никакого искусства, ни науки. Ростом они выше других народов, имеют грубый и наглый голос; их сердце и душа еще более грубые и дикие. Ибо они описываются как самые смелые и наглые в мире разбойники с большой дороги и убийцы. Это родина гуннов, которые так позорно опустошили и разорили Италию и Францию, чем полны все исторические книги.

---

[1] Одно из грузинских горных племен.
[2] Карачаевцы.

АБРИ ДЕ ЛА МОТРЭ

(Около 1674—1743 гг.)

Абри де ла Мотрэ — французский дворянин, уроженец Парижа, путешественник и дипломат. Будучи протестантом, Мотрэ, после отмены Нантского эдикта (1685 г.) и начавшихся во Франции преследований протестантов, покинул родину и переселился в Турцию, в Константинополь (1698 г.). С этого времени начинаются его странствования по Европе, Ближнему Востоку и Северной Африке, в значительной степени связанные с выполнением различного рода дипломатических поручений. В 1711 г. Мотрэ становится агентом шведского короля Карла XII и совершает через Крым и Тамань поездку на Северный Кавказ (до Астрахани и обратно). Позднее, по поручению Карла XII, посетил Венгрию, Голландию, Германию, Англию и снова Турцию. В 1714 г. объехал всю Швецию вплоть до самых северных ее областей (Лапландии). После смерти Карла XII (1718 г.) Мотрэ поселяется в Голландии, а затем в Англии, в интересах которой он продолжает свою дипломатическую деятельность, совершая ряд новых поездок по Европе (во Францию, Германию, Польшу и Россию).

В 1724 г. Мотрэ издал в Лондоне описание своих путешествий на английском языке (с посвящением английскому королю Георгу I) в двух томах. В 1727 г. Мотрэ переиздает в Гааге свой труд с некоторыми дополнениями, теперь уже на французском языке. С этого наиболее полного издания и сделан приводимый ниже перевод на русский язык тех страниц второго тома, в которых Мотрэ описывает свое путешествие в Крым и на Северный Кавказ.

Согласно сообщению Мотрэ, первоначально он не собирался посещать Черкесию, а хотел лишь проехать по земле северокавказских ногайцев. Однако во время пребывания в Крыму Мотрэ услышал столь много интересного о черкесах, что решил посетить и их страну. Проживавший в Бахчисарае татарский мирза, к которому Мотрэ имел рекомендательное письмо, был одним из первых, кто своими рассказами о черкесах побудил Мотрэ совершить поездку по Черкесии. По счастливому стечению обстоятельств мирза как раз собирался отправить в Черкесию для закупки рабов и лошадей одного из своих вольноотпущенников (родом черкеса), и Мотрэ был поручен его заботам. Кроме того мирза снабдил Мотрэ письмом к паше, начальствовавшему в Еникале, которое обязывало пашу принять меры по обеспечению безопасности путешественника. Правда, татаро-турецкие власти не могли оказать Мотрэ официального содействия в его поездке к черкесам, которые в это время находились в состоянии войны с крымским ханом.

Мирза посоветовал Мотрэ отправиться в Черкесию под видом купца, но в Каффе, куда Мотрэ заехал со своим проводником-черкесом для закупки товаров, один армянин («который был 15 раз в Черкесии») сказал ему, что звание врача в еще большей степени поможет совершить путешествие, и Мотрэ предпочел воспользоваться именно этим званием.

Таким образом, Мотрэ, запасшись некоторыми, как он выражается, «невинными» лекарствами и рассчитывая на имевшиеся у него элементарные познания в области медицины, отправился в путь в надежде, что ему удастся, пользуясь невежеством местного населения, сойти за довольно искусного врача; «и мои надежды,— замечает Мотрэ,— не обманули меня».

Действительно, вряд ли иностранцу можно было более удачно проникнуть в Черкесию и приобрести доверие ее жителей, чем это сделал Мотрэ. Звание врача и имевшийся у него большой опыт путешественника и дипломата позволили Мотрэ не только благополучно совершить свое путешествие по Черкесии, но и собрать весьма интересный материал о различных сторонах жизни черкесов.

Вопреки первоначальному замыслу, черкесы, а не ногайцы, стали главным объектом наблюдений Мотрэ во время его пребывания на Северном Кавказе. При описании Черкесии Мотрэ не ограничивается какой-либо группой вопросов. Его в одинаковой мере интересуют географическое и политическое положение страны, исторические и этнографические сведения, торговля и религия населения, его нравы и обычаи. При таком широком тематическом охвате путевые заметки Мотрэ представляют большую познавательную ценность; это, несомненно, один из лучших источников по истории и этнографии адыгов начала XVIII в., значение которого увеличивает еще и то обстоятельство, что Мотрэ первым из европейских путешественников XVIII в. сумел проникнуть в глубь Черкесии и ознакомиться с бытом не только равнинных, но и горных черкесов.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГОСПОДИНА А. ДЕ ЛА МОТРЭ В ЕВРОПУ, АЗИЮ И АФРИКУ,

где можно найти большое разнообразие изысканий географических, исторических и политических относительно Италии, Греции, Турции, Татарии, Крыма и ногайцев, Черкесии, Швеции, Лапландии и т. д., наряду с осведомительными замечаниями о нравах, обычаях, мнениях и т. д. народов и стран, где путешествовал автор, и достопримечательных подробностях, касающихся личностей и известных писателей Англии, Франции, Италии, Швеции и т. д. А также верные сведения о значительных событиях, происшедших в течение более чем 26 лет, которые автор употребил для своих путешествий, вроде: переворота в Турции и смещения последнего султана; войны между турками и русскими и мира, заключенного на р. Пруте, свидетелем которого был автор; деяний и поведения покойного шведского короля

в Бендерах и в течение четырех лет его пребывания в Турции; его возвращения в Швецию, его кампаний в Норвегию, смерти и перемен, происшедших после этого. Сочинение снабжено большим числом карт, планов и изображений среднего размера, представляющих редкие и удивительные предметы древности вроде медалей, надписей, идолов, ламп и других остатков древних городов, колоний и народов, или произведений искусства и природы и т. д.

Гаага, У. Т. Джонсона и Ж. Ван Дюрена. 1727, т. II.

[*5 декабря 1711 г. де ла Мотрэ, путешествуя по Крыму, отправился в Бахчисарае к одному татарскому мирзе, к которому у него было рекомендательное письмо. Де ла Мотрэ остановился в доме этого мирзы*].

Так как я на следующий день с удивлением заметил мирзе, что он, имея столько слуг и рабов, давал своему сыну такие же распоряжения, как и им, то это не особенно понравилось ему; он мне ответил: надо, чтобы молодые люди, какого бы происхождения они ни были, привыкали ко всякого рода черным и трудным работам, как будто бы они сами должны в один прекрасный день сделаться слугами или рабами; ведь это может случиться с ними или вследствие нищеты, или в результате неудачного набега; сам султан Галга привыкал к этому и в походе жил не лучше последнего татарина. Говоривший мне это, был сам сын мирзы; его отец не оставил ему и всем его братьям столько имущества, чтобы хотя бы один из них мог жить в почете; все, что у него было, он добыл своей саблей и стрелами во время набегов, точно так же поступили его другие братья; у него два сына, которые должны сделать то же самое; старший из них скоро должен отправиться в Черкесию, с которой велась война, с тех пор, как она отказалась от ежегодной дани рабами и лошадьми, которую прежде давали хану, чтобы поддерживать мирные отношения с татарами и обеспечить себя от их набегов; последний татарский хан, брат царствующего, был низложен и изгнан около десяти лет тому назад за то, что он имел несчастье потерять свыше 40 000 татар, которые были разбиты вследствие военной хитрости черкесов. Он (т. е. мирза.— *Ред.*) добавил, что с тех пор черкесские рабы и лошади были в дорогой цене и он собирался отправить в Черкесию одного из своих вольноотпущенников той же национальности для их покупки. Я спросил у него, сможет ли он сделать это без риска, он мне ответил, что сможет, и указал, что торговля рабами и лошадьми совершается [там] так же безопасно, как и во время глубочайшего мира; эта народность особенно уважает купцов; его черкес сойдет за такового; он честный человек; кроме того, он живет в довольстве, имеет дом, жену и детей в Крыму; мало вероятно, что он их покинет; черкесы,

живущие как в Тамани, так и в Темрюке и его окрестностях, ведут эту торговлю, так как турки не осмеливаются идти дальше приморских пристаней Босфора Киммерийского[1] и ожидают там вышеупомянутых [черкесов], которые стправлялись их (т. е. рабов и лошадей) покупать и привозили вместе с другими товарами, которые получаются из Черкесии, вроде меда, кож, шкур ягнят и других мехов, сабель, ножей и т. д.

Этот рассказ породил у меня желание проехать из ногайской Татарии, куда я направлялся, вплоть до Черкесии. Я поделился с ним (т. е. мирзой.— *Ред.*) своим планом, и он не оспаривал его; но он посоветовал только мне сказаться купцом из Каффы в случае, если меня спросят, кто я такой; не говоря ни о татарском хане, ни о своем паспорте, особенно будучи среди горных черкесов, если бы я дошел до них. Он сказал, что в общем я мог бы проехать до равнинных черкесов в сопровождении его человека; или, если я не хотел бы идти прямым путем, а проехать через землю ногайцев, этот человек обеспечил бы меня проводником из жителей той страны, в Еникале или Тамани. Сверх того, он вручил мне рекомендательное письмо к паше Еникале, которое обязывало это лицо отвечать за меня или же дать мне одного из своих людей. Я принял эти любезные предложения и решился осуществить мое намерение.

Он позвал своего черкеса, которому дал распоряжение в моем присутствии, и поручил ему оказывать мне всякие мелкие услуги, которые тот будет в состоянии сделать. Последний дал обещание и сдержал свое слово, пока я был вместе с ним, как я расскажу об этом ниже. Мы наметили день нашего отъезда на 14 число [декабря], т. е. два дня спустя. Я поблагодарил моего хозяина за его любезности; он дал мне обещанное письмо к паше вместе с одной из своих лошадей для того, чтобы отвезти меня до Карасу, города, находящегося в 2 милях. Мы направились по дороге к Каффе, где черкесский торговец должен был сделать, как он говорил, покупки товаров, годных для обмена; он посоветовал и мне сделать то же самое. Это было совершенно необходимо, особенно если бы я захотел проехать к горным черкесам, которые в большей своей части не знали никаких денег. Я сказал ему, что не хотел бы обременять себя и удовлетворился бы покупкой наиболее легких [предметов] или самых незначительных размеров; я не собирался ничего ни продавать, ни покупать, ни в стране ногайцев, ни в Черкесии, но [желал] посмотреть страну и народ; я ограничился бы поднесением небольших подарков из числа тех, что я повезу, за оказанные мне услуги, которые я не в состоянии был бы оплатить деньгами: я попросил бы выбрать для меня в Каффе то, что он счел бы наиболее подходящим для этой цели. Мы

---

[1] Керченский пролив (примеч. ред.)

направились переночевать в Карасу, довольно большой город...

[В Каффе де ла Мотрэ дал своему спутнику-черкесу денег для покупки] платков из крашеного полотна, муслина и различных безделушек, вроде ожерельев из жемчуга, лент, ножниц и даже иголок и ниток, которые, по его словам, были пригодны для намеченных целей. У меня имелись маленькие английские зрительные трубы, которые мне в Бендерах посоветовали взять как весьма приятный и полезный подарок для татарских мирз... А так как с этими безделушками я очень плохо выглядел бы в качестве бродячего купца, то я предпочел этому званию — звание врача, по совету одного армянина из Каффы, который был 15 раз в Черкесии. Он сказал, что с этим званием я буду в таком же почете, как и купец, и даже еще в большей степени, тем более, что я не хотел производить никакой торговли. Я купил ревень, александрийский лист и некоторые другие невинные снадобья. У меня был также бальзам из Мекки, без которого я никогда не путешествовал по Турции и который является после бани универсальным лекарством у турок. Невежество стран, которые я отправлялся смотреть, позволяло мне надеяться прослыть с тем небольшим запасом знаний по медицине, которым я обладал, за довольно искусного в этой профессии; и мои надежды не обманули меня.

Этот армянин, с которым я завел знакомство, чтобы услышать о его путешествиях в Черкесию и задать ему некоторые вопросы о дороге и относительно обычаев жителей, сообщил, что он был в той стране, когда татары потерпели поражение. Он рассказал мне об этом поражении. Я сообщу здесь то, что узнал от него и от других лиц, когда был в Черкесии, что оказалось в основном одним и тем же. Это повествование показалось мне тем более правдоподобным, что оно было рассказано различными лицами, которые не знали друг друга и жили в разных местах. Вот оно.

Надо сказать, что черкесы платили прежде ежегодную дань в размере приблизительно 6000 рабов и столько же лошадей хану и нурэддин султану, князю ногайцев, чтобы быть обеспеченными как от татарских набегов из Аккермана и Крыма, так и от ногайцев. Однако нурэддин султан не поддерживал в достаточном порядке дела ногайцев, среди которых жило много людей других [народностей], и не заботился о том, чтобы они не собирались так часто и не совершали набеги до самого центра Черкесии, грабя и отбирая все, что могли добыть. Между тем черкесы думали не только о том, чтобы предупредить эти разбои, но отказались даже от уплаты ежегодной дани, которую давали раньше, с того времени, как они почувствовали себя достаточно сильными, чтобы подкрепить свой отказ силой оружия, противопоставляя набеги — набегам, и будучи по крайней мере такими же ловкими в стрельбе из

лука, как и татары, и более ловкими в обращении с холодным оружием, в изготовлении которого их ремесленники преуспевали. Что же касается огнестрельного оружия, которым владеют первые (т. е. татары), то они научились подражать ему, если уже не превзошли то [огнестрельное оружие], которое купцы привозили к ним из Константинополя, и даже [научились] изготовлять порох и пользоваться им по мере надобности. Хан, видя черкесов в таких намерениях, представил Порте последствия такого отказа и способы, которые он считал возможным применить для принуждения черкесов стать на такое же положение, на котором они находились раньше, и даже наложить на них более жесткие условия. Порта дала свое согласие на эти мероприятия, и великий государь (т. е. султан.— *Ред.*) подарил [хану] 600 кошельков, наряду с шапкой, султаном и саблей, украшенной бриллиантами, как это практикуется в то время, когда он предпринимает какие-нибудь большие походы. После этого [крымский хан], собрав армию в числе более 100 000 всякого рода татар, о которых я упомянул выше, двинулся на Черкесию. Это выступление послужило для черкесов сигналом быть наготове и соединить их разум с силой их тела следующим образом. Татары, пройдя через границу, остановились у подножья высокой горы, раскинув в продолговатой равнине нечто вроде лагеря, наиболее опасные подступы которого были защищены шестью орудиями, которые обычно зовутся полевыми орудиями. Хан, нурэддин и двое других султанов, сыновья хана, палатки которых были раскинуты прямо против горы, думали только о том, чтобы обогатиться, посылая туда и сюда отдельные отряды, которые захватывали добычу и все, что могли найти, доставляли в лагерь, как в главный склад. Словом, воевали лишь частично; в то время черкесы, делая вид, что испугались этой армии, разгласили повсюду, что хотят мира, и убедили в своем предполагаемом расположении к миру некоторых ногайских пленных, которых они захватили при различных обстоятельствах и употребляли для самых трудных работ, вроде обработки земли, ношения тяжестей, рытья колодцев, чистки стойл и т. д., и чтобы не оставить у них никакого повода к сомнению, они освободили их от этого положения, тем более печального, что они были мало приучены к нему, и, предоставив им свободу, [черкесы] отправили их к хану с письмами, полными изъявления покорности и подписанными главными черкесскими мирзами, в которых они заявляли, что не хотят больше ничего, как жить в добром согласии с татарским народом, и что они готовы были исправить свои прежние ошибки полным удовлетворением требований хана. Другие рабы, также отпущенные на свободу и которым внушили то же, что и предыдущим, были посланы к нему (т. е. хану.— *Ред.*) с подарками, состоявшими из лошадей и продовольствия; они все более и более способствовали убеждению хана в том, что их намере-

ния заключались в достижении мира какой бы то ни было ценой. Полагая, что их подарки и подношения являются следствием панического страха, хан захотел воспользоваться этим обстоятельством и предъявил запросы, соответствовавшие тому положению, в котором они (т. е. черкесы.— *Ред.*), по его мнению, находились. [Требования хана] были приняты после некоторых возражений, сделанных со стороны черкесов ради проформы. Пришли к соглашению относительно числа рабов и лошадей, которых должны были ему дать. Черкесы, желая сделать ему еще более приятное, заявили, что хотят его удовлетворить не только в отношении количества, но и качества; поэтому они предложили дать ему вначале молодых людей, выбор которых был менее затруднительным и менее сложным, чем [выбор] девушек, которые должны были быть из самых красивых и которых они обещали ему дать позднее.

Десять дней было назначено для [передачи] молодых людей и лошадей и 20 дней для передачи молодых девушек. На 19-й день, когда хан со своим братом и сыновьями, мирзами и другими начальниками, желавшими лишь извлечь из этого мира наиболее выгодные плоды, чем те, которые они могли ожидать от войны, и пока большая часть татар разбрелась, чтобы пасти своих лошадей на соседних полях, случилось, что некоторое число черкесов, проскользнув к вечеру на вершину горы, начали скатывать оттуда тяжелые камни, осыпая камнями и стрелами палатки, раскинутые внизу; и вместо рабов, которых ожидали хан и начальники его армии, на них обрушились хорошо вооруженные всадники, не дав им времени опомниться и схватиться за оружие для защиты, или же сесть на лошадей, чтобы удрать. Луна, которую некоторые черкесы обожают и поклоняются, открыла им их врагов, и они изрубили на куски такое большое число людей, что успели спастись лишь те, кто быстрее всех вскочили на лошадей и достигнули степи, очистив [черкесам] поле битвы. Хан, который находился во главе бежавших, оставил своего брата, одного сына, свои полевые орудия, палатки и багаж. По своем возвращении он был низложен и отправлен в ссылку на Родос.

Удовлетворив свое любопытство по этому вопросу и сделав, как мне посоветовали, маленькие закупки товаров, наиболее подходящих для ногайцев и черкес, я нанял лошадь в Каллати и выехал ранним утром 21 числа в сопровождении черкеса и человека, которому принадлежала лошадь...

Тамань — хотя и небольшой, но очень населенный город. Его можно было бы назвать колонией армян, грузин, мингрелов и черкесов, так как они составляют большую часть его населения, что наблюдается также в Темрюке, в деревнях Адды, нечто вроде острова... обнимающего область Тамани, Темрюка и т. д.

Замок [Тамани] был, кажется, построен или починен генуэзцами; по крайней мере некоторые остатки оружия их консулов

свидетельствуют об этом, как и в Каффе. Замок незначителен: рвы не глубокие, гарнизон состоит лишь из группы янычар. Чарбаджи[1] вызвал меня к себе, узнав о моем путешествии, о котором мой покровитель уже распространил слух по городу. За это я его пожурил, так как хотел по возможности проехать инкогнито. Ради этого я даже оделся приблизительно так, как одевается местное население страны, с колчаном, луком, саблей и япанджи (т. е. буркой), чтобы защититься от снега, который обильно падал в тот день, так же как и несколько дней до того. Чарбаджи задал мне ряд вопросов относительно этого путешествия, а я дал соответствующие ответы...

Мы переночевали в этом местечке и отправились 25 [декабря] в 5 часов утра по направлению к Темрюку. Между Таманью и Темрюком я не заметил ничего, кроме развалин, еще довольно значительных, но которые изо дня в день становились все меньше из-за жителей этих двух городов, которые время от времени разбивали различные части этих зданий для постройки новых домов и т. д.

Местоположение [этих развалин] показалось мне совпадающим с древней Фанагорией, предполагая, что последняя не была расположена в местности, где стоит Тамань. Я не нашел никаких надписей и ничего, чтобы пополнило мои сведения. Недалеко отсюда на дороге, вблизи колодца, имеется род длинного и широкого каменного ящика, который сошел бы за мраморный и был без крышки. Он приблизительно походил на могилу Лампсако и служит пойлом для лошадей путешественников. Ящик был наполнен водой заботами жителей окрестных селений, где поселены колонии так же, как и в Тамани. Дома этих селений такие же, как и в Крыму, т. е. сделаны они из веток, сплетенных со сваями, и обмазаны коровьим пометом и грязью...В два часа пополудни мы прибыли в Темрюк, удаленный приблизительно на 10 миль от Тамани...

В северной части этого города находится старый замок с отрядом янычар и 6 пушками для его защиты. Этот замок называется Ада, или остров.

Черкес покинул нас здесь, договорившись о встрече в Кальбата, главном городе равнинной Черкесии...

Темрюк, подобно Тамани, известен только своей икрой, образующейся в большом количестве в устьях рек, впадающих в Меотийское море; известен он также медом, рабами, черкескими лошадьми, кожей и другими предметами; таможенная пошлина выплачивается в размере 2,5% султану и 1,5% татарскому хану. Подсчитывали, что эта таможенная пошлина вместе с податью, уплачиваемой вышеупомянутыми колониями в размере $^2/_3$ первому и $^1/_3$ второму, составляла в общем 35 000

[1] Капитан янычаров.

экю * в год для султана и от 7000 до 8000 для хана. Местность, называемая Ада, занимает большое пространство по направлению с юга на север, но с запада на восток, куда мы должны были отправиться, она тянется всего на 10—20—30 миль, достигая только в некоторых местах 40 миль. Там имеются постоянные деревни или селения, где дома, по правде сказать, настолько же плохи, как и в некоторых местах Крыма; жители имеют коров, быков, овец и других животных; они обрабатывают землю, засеивают ее, возделывают хлеба и т. д.

...Черкес Сеферза Мирза направлялся к северо-западу, в то время как мы шли на север. Он как следует отрекомендовал меня проводнику, прежде чем мы расстались, и назначил нам свидание у одного знакомого ему армянина в Кальбате, столице равнинной Черкесии, через которую я обещал ему проехать на обратном пути, после того, как увижу Астрахань. 26-го мы выехали из Темрюка на великолепных лошадях, которых мы наняли и которые довезли нас менее, чем в 24 часа до первого или, вернее, последнего селения этой страны; здесь мы взяли других [лошадей], которые довезли нас в такой же короткий срок до первого ногайского кедди (стоянки.—*Ред.*).

Между прочим, я должен сказать, что нигде нельзя путешествовать так дешево, как в Татарии, так как я думаю, что тратил вместе со своим проводником не более 25 су в день, включая в эту сумму даже подарки, наше питание и корм двух лошадей во время моего путешествия, потому что здесь не оплачивают почтовых [лошадей], так как их уводят обратно.

Гостеприимство настолько велико, даже среди татар и черкесов, считающихся наиболее дикими, что путешественники не оплачивают не только то, что поедают у них, но даже и фураж лошадей.

Они получают табак и другие безделушки вроде тех, которые я имел с собой, только в виде добровольных подарков и почестей со стороны тех, которые подносят их; иногда они дают другие подарки, хотя и очень незначительные.

[Далее описывается как де ла Мотрэ проехал из Темрюка через землю ногайцев и остановился в одном из ногайских кедди, т. е. орде].

Мы застали всех лежащими и спящими, кроме находящихся в одной из палаток, вне стана, где стояла стража; так как они производят частые набеги на азовских казаков и на черкесов, у которых они зачастую отнимают целые селения, т. е. молодых девушек, женщин, мальчиков и девочек, чтобы продать их вместе с другими, подходящими для перевозки вещами; черкесы принимают в отношении их ответные репрессии, часто захватывают их врасплох ночью и угоняют у них скот со всей его охраной, так же как и их захватывают самих...

* Ефимок, талер.

Эти ногайцы держат себя как мальтийцы в отношении турок; хотя они и не клянутся вести вечную войну против московитов или черкесов, тем не менее они не перестают вести таковую и не верят, чтобы какой-нибудь мирный договор, заключенный их правителями с врагами, мог бы отнять у них право войны, которое они считают полученным от неба ради их существования...

Я должен отдать справедливость этим татарам, так же как и вообще всем другим, в том числе и черкесам, что я никогда не терпел от них ни малейшего ущерба в течение моего проезда через их землю. Однако я не могу отрицать, что среди них воровство имеет место. Гостеприимство, которое делает почти общим их имущество, по крайней мере их жилища и пропитание, побуждает иногда татарина брать без спроса у других татар то, что им не дали бы, если бы у них спросили, как, например, лошадь...

Между тем мой проводник, которого я отправил менять лошадей, вернулся сообщить мне, что мы находились в 3 или 4 днях пути от Черкесии и что мы будем редко встречать кедди *; если я хочу идти прямо, то хорошо бы сделал, если купил лошадей. Он добавил, что в кедди имелись великолепные, свежие и неутомимые (лошади) для продажи; они находились на пастбище и отдыхали с начала сентября; и между прочим там имелось 2 или 3 черкесские лошади, которые были не хуже других.

Я сказал своему проводнику, что решил путешествовать днем и ночью, не останавливаясь ни в каких кедди, если даже и встретим несколько из них, и я приказал ему наполнить heile и sopha ** тем, что могло увеличить нашу провизию, состоящую из талькана ***, чтобы продолжить наше путешествие и как можно быстрее и раньше вступить в Черкесию. Он сделал то, что я ему велел, и, раздав несколько маленьких подарков жителям кедди, мы сели верхом и ехали всю ночь. Мы остановились лишь на следующий день в 11 часов, чтобы покушать и попасти наших лошадей около одной довольно большой речки, которая могла быть Кара-Кубанью ****, но которую мой проводник назвал подобно другим большой ***** рекой.

К вечеру мы приехали к подножью длинного хребта гор, тянущихся от востока к западу; мой проводник назвал их черкесскими горами. Мы проехали среди этих гор и находили повсюду ровные пространства, или маленькие долины, которые, вероятно, были очень красивы весной, пока же их покрывал снег. Кстати, приходилось так часто поворачивать направо и

* Кедди или орды, где мы остановились (прим. автора)
** По-видимому, какие-то дорожные сумки (прим. ред.).
*** Название не расшифровано (прим. ред.).
**** Одно из устьев Кубани (прим. ред.).
***** По-турецки — «Большая река» (прим. ред.).

налево, чтобы отыскивать проходы среди этого хаоса гор, что я воображал себя в настоящем лабиринте, из которого, я думал, мы никогда не выберемся. Я поделился своим опасением с проводником, который ответил, что я должен отдыхать, находясь наверху; клянясь головой и бородой, он обещал провести меня в целости и сохранности через Черкесию и [заявил], что он часто ходил туда и обратно, ни разу не заблудившись. Он сообщил мне, что среди этих гор, немного западнее, останавливался лагерем хан в то время, как он потерпел поражение со своим войском от черкесов, которые приняли такие меры к овладению большей частью проходов, что после разгрома [татар] остались лишь немногие [проходы] для беглецов; большая часть [татар] бросилась вниз и сломала себе шею вместе с лошадьми; [проводник] был из числа менее несчастливых; он был покинут вследствие гибели того, кого он сопровождал, и оставил остальных, которых он не мог вести всех вместе, так как они были принуждены искать спасения в бегстве и были преследуемы победителями до земли ногайцев и вплоть до поселений мусульманских черкесов, послушных хану, которых звали равнинными черкесами.

Около 10 часов вечера мы остановились в одной из этих долин, вблизи прозрачного источника, чтобы покушать и отдохнуть, так же как мы делали предыдущие ночи. 9-го в 4 часа пополудни мы обнаружили... большое селение, которое он [проводник] называл «городом», если только можно назвать городом скопление 300 или 400 хижин, сделанных из ветвей деревьев, закрученных кругом кольев, вбитых в землю, обмазанных коровьим навозом и грязью и не имеющих в качестве труб ничего, кроме большого отверстия посередине для выхода дыма, наподобие переносных юрт ногайцев; так что надо было иметь глаза Дон Кихота, чтобы счесть все это за город. Впрочем, необходимо исключить отсюда несколько построек богатых людей, в особенности жилище мирзы, бывшего как бы его правителем, так как черкесы, так же как и татары, имеют своих начальников, которых они называют тем же именем с той лишь разницей, что их мирзы имеют над ними больше власти и являются как бы их государями. Эти жилища были сделаны из толстых и длинных стволов деревьев, положенных друг на друга, скрещенных на концах и обмазанных как изнутри, так и снаружи чем-то вроде глины, как, например, жилище мирзы. В середине каждой постройки имеется каменная печь. Она отличается от ногайских только тем, что имеет четырехугольную форму. Этот так называемый город был обнесен плетнем, который служил стеной. На языке данной страны город именуется Хеллипса... название, которое очень мягко произносится, не имея «ч», насколько я мог расслышать. Они [черкесы] заимствовали несколько терминов у московитов, татар и персов; [ногайцы] обычно понимают черкесский язык, по край-

ней мере пограничные жители; мой проводник был среди них, я хочу сказать в числе тех, которые понимали его, хотя он жил очень далеко от них, как можно судить на основании того, что я сказал.

Мы не успели еще войти, как я увидел себя окруженным довольно большой толпой жителей обоего пола; одни разглядывали меня, другие толкали друг друга и почти дрались за право поселить меня у себя, так как гостеприимство — наиболее соблюдаемая статья их религии или, вернее, их религий, потому что у них имеется их несколько.

Те, которые живут ближе к московитам, придерживаются греческой религии; соседи татар и персов — магометане, а те, которые живут посредине страны — язычники, или, чтобы быть более точным, они все таковы, так как первые только смешивают некоторые черты московитской или магометанской веры со своими языческими обрядами, причем у них отмечается очень мало заимствованных обрядов и почти полное отсутствие веры.

Тем временем, пробегая взорами по окружавшей меня толпе, я был поражен, увидев их настолько красивыми, насколько я нашел безобразными ногайцев, так как среди нескольких сот, которые вышли из своих хижин посмотреть на меня, не было ни одного мужчины или женщины, которых можно было бы назвать некрасивыми. Их стан один из самых лучших и великолепно соответствует красоте лица.

Два молодых человека держали мою лошадь под уздцы, а двое других — лошадь моего проводника; они спорили друг с другом, чтобы отвести нас переночевать к себе. Но когда я им сказал, что мы должны помещаться обязательно вместе, так как я не могу обойтись без него [проводника], ввиду незнания их языка, разве только они будут говорить по-турецки или по-гречески, они согласились отпустить его туда, куда отводил меня самый сильный из моих двух проводников, обещав им сначала, что я буду поочередно помещаться у каждого из них. Я остановился у первого из них, человека в возрасте около 50 лет, который был моим хозяином и проводником. После того, как подали нам руку, которую поднесли затем ко лбу в знак дружбы и приветствия, они позаботились о наших лошадях. При нашем появлении в хижине хозяйка и две дочери поступили так же. Их мужское одеяние было похоже на «d», а женское на «е», «f» и «g» моей таблицы «С», с той только разницей, что первые шили шубы из шкур белых баранов, а вторые из черных ягнят. Шерсть тех и других была красивая и тонкая. Головной убор этих [женщин], так же, как и других, которые они носят дома, вроде изображенных на рисунке «F», состоял из чепчика или calotte из материи. Мужчины летом носят подобные же, с той только разницей, что женщины покрывают [головной убор] куском полотна или хлопчатобумажной материи в виде тюрбана и оставляют висеть концы; волосы

же, обычно черного цвета, висят в виде двух кос. Глаза их такого же цвета (т. е. черного.— *Ред.*), красивого разреза и блестящие, как звезды на небе в ту пору, когда ясно и сильно морозит. Их стан не стеснен корсетами, как у наших женщин-христианок, но он свободен и изящен, как у прекрасных статуй Венеры, оставленных нам древними, или некоторых других красавиц, существовавших в действительности.

Две дочери, младшей из которых могло быть лет 11 и которая являлась совершенством красоты, старались наперебой услужить мне. Одна взяла мою саблю, другая — колчан, чтобы повесить его на крючок в углу палатки. Их мать была красивой, хотя ей было около 50 лет, но она могла это не скрывать. Она посадила меня у огня, и самая старшая из ее дочерей принялась снимать с меня обувь. Вначале я противился, рассматривая этот поступок ниже ее достоинства и считая неудобным его допустить, но мой татарин дал мне понять, что не сделать того, что она делает, противоречило бы обязанностям гостеприимства, и что это вынуждена была бы сделать сама хозяйка, если бы у нее не было дочерей. Я подчинился обычаю; моя обувь была не только снята, но она разула меня целиком, а ее сестра, поливая теплую воду в умывальник, род деревянного корыта, поместила в него мои ноги и вымыла. Затем мать зарезала курицу, или вернее, домашнего фазана, судя по величине ее глаз, за тем исключением, что они были черноваты. Она ощипала ее и разрезала на куски, предварительно выпотрошив. Дочери сняли шкуру с кролика, которого их брат убил накануне из лука; они также разрезали его и положили все куски курицы и кролика в горшок, наполовину наполненный водой и стоящий на огне. Этот горшок поразил меня особенностями своего материала, он был сделан из серого камня с красными жилами, менее твердого, но такого же тяжелого, как и мрамор. Я спросил, где находится этот камень; мне сообщили, что его добывают из одной горы, через которую мы проехали, и что он вначале был мягкий, так что его обрабатывали и обделывали без труда с целью сделать из него горшок или другую посуду, причем камень сопротивлялся огню, который укреплял его, не расплавляя. В конце концов хозяйка показала мне много блюд и мисок из того же [камня].

После того, как мясо простояло добрых полчаса на огне и прокипело столько же времени, в котел положили сливы и сухие вишни и каменную соль, обычные в стране; скипятив это еще полчаса, прибавили молока. Пока все это происходило, хозяйка приготовила нечто пирога из тмина, который она испекла на горячей золе. Когда ужин был готов (я говорю ужин, так как было около шести часов, когда все это было сварено), его подали в большой чаше (из того же камня, что и горшок), вместе с лепешками. Как бы это блюдо ни казалось странным, поскольку я только что описал его приправы,

пустота, которую голод оставил в моем желудке, заставила меня съесть его достаточное количество, чтобы позволить сказать, что я считал его прекрасным. Что же касается моего проводника, он съел его с таким же большим аппетитом, как лучшую конину.

Хозяин был единственным в семье, который обедал вместе с нами. Хозяйка и ее дочери подали нам, кроме того, очень хорошие яблоки, самый чистый мед, род малины, сваренной в сахаре, и бузу или кисловатое коровье молоко, смотря по тому, что спросили бы мы. Последнее подали в кожаных мешках, подобно тому, как у ногайцев подают кобылье [молоко]. Одним словом, мы были очень хорошо приняты по черкесскому обычаю.

По окончании этого обеда хозяин задал ряд вопросов мне, или вернее моему проводнику, относительно моего путешествия; как, например, был ли я купцом и не хочу ли я обменивать некоторые вещи, так как деньги настолько мало известны или так редки в этой стране, что торговля совершается путем обмена. Едва я успел ему ответить, что являюсь врачом из Каффы, как вдруг один черкес, войдя вместе с одним из молодых людей, который взял наших лошадей под уздцы, чтобы отвести к ним на квартиру, сказал мне, что одна из лошадей принадлежала ему и была у него украдена; он обвинил моего проводника в воровстве. Но последний поклялся своей головой, бородой, женой и своими детьми, что он был так же невинен в этом деянии, как и ребенок, собиравшийся родиться на свет, и он указал на меня, как на свидетеля его невиновности. Но так как я мог засвидетельствовать лишь то, что он сам говорил, а это не удовлетворило истца, то мы отправились к мирзе, который является главным судьей и одновременно правителем. Он принял меня очень учтиво, но бросил несколько недоброжелательных взглядов на обвиняемого, которые давали понять, что он считал его виновным; однако он выслушал его объяснения. Так как мирза немного понимал по-турецки, я сказал ему, что купил обе лошади у одного ногайского татарина, более чем в 150 милях от того места, где мой проводник имел свою орду. Он, казалось, был убежден; но черкес во что бы то ни стало хотел иметь лошадь и клялся, что она ему принадлежала. Я не нашел других способов, как предложить вторично купить ее, если он захочет уступить ее мне за умеренную цену. Мирза нашел мое предложение справедливым и предполагаемый хозяин лошади согласился вначале на него. Он спросил меня, нет ли у меня что-нибудь в обмен, на что я ответил, чтобы он последовал за мной в дом, где я покажу ему все, что имею. Мирза приказал ему вести себя разумно и просил меня вернуться на следующий день отобедать вместе с ним. Обещав это, мы направились прямо к моему жилищу, где я устроил выставку моих маленьких подарков. Немного табака с

турецкой трубкой, которую он пожелал иметь и приблизительно два экю в копейках *, которые я ему дал, завершили нашу торговлю.

Необходимо заметить, что черкесы, в особенности жители гор, ведущие торговлю с помощью обмена, не знают ни цены, ни употребления серебра; они пользуются им только для плавки и выделки украшений на рукояти своих ножей или сабель, что превосходно им удается.

Этот [черкес] тем более охотно удовольствовался моими копейками, что был ножевщик. Я купил у него три ножа среди нескольких, которые он пошел принести после заключения нашей сделки.

Я был настолько доволен, что легко выпутался из этого затруднения, что вернулся к мирзе в тот же вечер, чтобы поблагодарить его, и отнес ему маленькую подзорную трубу. Я подарил ее [мирзе], он принял ее весьма благожелательно. Он повторил свое приглашение на следующий день, после чего я, пожелав ему доброго вечера, вернулся в свое помещение, где нашел приготовленную для меня постель; это была единственная [постель], которую я видел или которую можно было назвать таковой со времени моего отъезда из Крыма.

Постель состояла из различных бараньих шкур, сшитых вместе и разложенных на земле одна на другой; одни из них служили матрацами, а другие — покрывалами. Подушка была из хлопчатобумажного полотна, набитая шерстью, с небольшим квадратным куском белого полотна, нашитого сверху в том месте, куда я должен был положить голову. Сбоку от постели на небольшую скамейку поставили миску, наполненную молоком, против чего я не возражал, рассматривая это, как обычай страны.

Я спал хорошо и едва успел встать, как постель уже разобрали и шкуры развесили на нечто вроде палисадника у красильщиков. Эта чистота и общая практика черкесов ежедневно проветривать свои кровати такова, что после их вставания не видно ни одной разостланной [постели]. Звание врача, которым снабдил меня мой проводник, согласно нашему уговору, привлекло ко мне множество посетителей, в том числе двух молодых мальчиков с лихорадкой, трех женщин и одной молодой девушки, которую очень беспокоил насморк. Я дал первым немного манны и египетского касселя, приказав всыпать их в сок сушеной сливы в течение 24 часов и выпить. Другим я дал несколько капель мекkского бальзама, чтобы заставить их пропотеть. Я отослал их таким образом одного за другим восвояси, посоветовавши сидеть дома и соблюдать хорошую диету. Мой хозяин хотел, чтобы я был не только врачом, но и куп-

---

* *Копейки* — мелкие серебряные монеты московитов, ценностью приблизительно в $^2/_3$ су (прим. автора).

цом, с тех пор как он видел меня договаривающимся с черкесом об украденной лошади. В общем он спросил меня, не хочу ли я купить несколько молодых девушек. Я ответил, что нет, так как не могу оставаться слишком долго в дороге, чтобы иметь время так далеко возить их с собой, и так как я решил приложить все старания к тому, чтобы вернуться в Каффу, пользуясь морозом, как только соберу некоторое количество целебных трав, растущих в Черкесии. Он отвечал, что в этом сезоне все растения высохли или покрыты снегом. Я возразил ему, что хотя это правда, но имеются и такие [растения], стебель которых так высок, что виднеется над снегом, и они не теряют своих качеств от сухости, не говоря уже о том, что эти свойства заключались главным образом в корне. К этому мой проводник добавил от себя — «О! Он пользуется топором, чтобы откапывать их», так как, видимо, он вбил себе в голову, что когда он видел меня с топором, роющимся в развалинах Esky Tihehira, то это было сделано в целях поисков и выкапывания растений. Он сказал мне потом, что мотив, побудивший моего хозяина поставить первый вопрос, заключался в том, чтобы предложить мне одну из своих дочерей, в случае если бы я был расположен купить [рабынь], как это делали каффские купцы.

Необходимо отметить, что на Кавказе очень обычным явлением для отцов, матерей, дядей, тетей и т. д. является обмен или продажа детей, племянников и племянниц и т. д. Жизнь научила их, что кроме выгоды, получаемой ими самими от этой продажи, их дети, и в особенности девушки, получают таковую еще в большей степени, так как этим способом они проникают в гаремы богатых турок и даже часто во дворец самого великого султана, становясь государынями, одеваясь как принцессы и великолепно питаясь. Является ли это результатом полученного воспитания или предубеждения, но девушки, отданные в обмен или проданные своими родителями, покидают их без сожаления и слез, в то время как эти последние желают им со своей стороны удачи и приятного путешествия. Поэтому не отвращение к рабству заставило черкесов отказаться от уплаты хану ежегодной дани, ... а только тот факт, что они не получают ничего взамен. Их беи и мирзы получают полагающуюся им дань отчасти молодыми и красивыми рабынями, отчасти лошадьми. Эта [дань] отдается им беспрекословно и тем охотнее, чем она им более помогла освободиться от второй дани (т. е. дани хану.— *Ред.*) и защищала их от набегов ногайцев. Эти мирзы продают своих рабынь и лошадей, полученных в виде дани, купцам из Темрюка, Тамани, Каффы, Персии или всем тем, кто захочет за них заплатить.

Я отправился обедать к черкесскому мирзе, который подал мне два хороших блюда, приготовленных по обычаю страны. Первое блюдо было такое же, которое я имел у своего хозяина, с той лишь разницей, что вместо кролика подали барана,

разрезанного на куски, а вместо слив сварили сухой виноград. Это дало мне повод спросить, откуда они получают виноград; мне ответили, что из Астрахани и различных других мест, где лозы растут среди кустов и деревьев. Второе блюдо состояло из некоторого количества жареной лани, которую, по словам мирзы, он убил выстрелом из лука. Но это блюдо было слишком сухим, потому что его не готовили на масле, как у нас. Эти два блюда были такие обильные, что они оказались достаточными на десять человек гостей и еще осталось даже около половины. Стол был совершенно порожний, т. е. без скатерти, но хорошо вымытый и очень опрятный. Он служит тарелкой для всех гостей, так как каждый резал на нем мясо, которое он брал пригоршнями, с блюда. Наши сиденья были сделаны большей частью из стволов деревьев, распиленных по длине в вышину табурета. Вследствие простоты [их быта] оказывается, что столярное ремесло и скульптура не в ходу в Черкесии. Многие из компании [сидевшей за столом] были чужестранцы, которые пришли сесть за стол без приглашения и не будучи даже знакомы с мирзой; это происходит вследствие обычая гостеприимства, так же как у турок и татар. После обеда они ушли, даже не поблагодарив. Другие из участвовавших в обеде принадлежали к числу наиболее уважаемых вассалов хозяина. Немного спустя лакей принес ему турецкую трубку, сделанную из одного куска, и он спросил меня, курю ли я, предложив мне принести другую [трубку]. Я ответил, что да, но что у меня в кармане есть своя [трубка], состоящая из нескольких частей, которые я соединяю вместе. В то же время я достал ее и набил своим табаком, который хранился у меня в маленьком сатиновом мешочке. По образцу турок тот же лакей принес мне огня. Я зажег [трубку] и курил в компании с [мирзой]. Когда он выкурил свою [трубку], я предложил ему мой табак, который он принял и нашел лучше своего. Я поднес ему небольшое количество табака вместе с новым кисетом, похожим на мой, но более богатым, так как он был выткан маленькими цветами из золота и шелка. Он принял его с видом, давшим мне понять, что подарок был ему весьма приятен, и выразил свою благодарность следующим образом. Он задал мне различные вопросы о цели моего путешествия и задавал наводящие вопросы относительно покупки молодых девушек. Я ему ответил по этому поводу так же, как и моему хозяину. Он весьма великодушно предупредил моего проводника, что тот очень рискует сделаться рабом в Черкесии, так как ногайцы, а также равнинные черкесы и татары, зависящие от хана, рассматриваются со времени их поражения, как враги. Он добавил, что у него уже требовали его (т. е. проводника.— *Ред.*) ареста и задержания как [раба], чтобы использовать для распахивания садовой земли и других тяжелых работ, противных его настоящей профессии, как это имело уже место в отношении одного из его соро-

дичей, захваченного во время проезда по земле черкесов, но он [мирза] охотно желает его помиловать; поэтому, если он будет продолжать меня сопровождать, то следует выдавать его за раба, проданного мне мирзой. Он добавил еще, что один из его слуг уже давно просил у него разрешения увидеться со своими родными, жившими по дороге, через которую я хотел следовать для возвращения на Кальбату; он дает на это согласие при условии, что тот не покинет нас до тех пор, пока мы не достигнем границы. Можно себе представить, какое впечатление оказали на ногайца слова мирзы. Он бросился к его ногам, поцеловал их и умолял дать нам возможность пройти горами, что являлось кратчайшим и самым верным путем. [Мирза] ответил ему, что мне следует быть довольным. Будучи спрошен, я сказал: так как мирза оказал нам любезность и снабдил таким хорошим средством для нашей безопасности в лице слуги, мне будет очень легко доехать до Астрахани и проехать оттуда (обратно) до берегов Меотиды. Согласно принятому мною плану возвращения, я предложил даже купить лошадь для слуги. Мирза возразил, что у него есть [лошадь], лучше чем у нас, и что черкесы так же хорошо обеспечены ими, как и татары и по такой же дешевой цене. Он прибавил также, что их женщины были такими же хорошими всадниками, как и они; подобно им женщины ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука, что татарки не в состоянии были делать. Этот рассказ, казалось мне, достаточно подтверждал истинную или ложную историю амазонок, которых некоторые [писатели] помещали в этой стране; действительно, я в дальнейшем видел множество всадниц с колчаном за плечами и с луком в руке или с хищными птицами на руке, которые мчались галопом, сидя верхом, как мужчины.

В общем, я видел, что мое любопытство (т. е. желание продолжать путешествие.— *Ред.*) служит препятствием к возвращению [в Крым], которое пламенно желал мой опасающийся проводник, но [мирза] уверил его, что он может спокойно продолжать путешествие, принимая меры, которые он ему предложил. Я выразил ему (мирзе.— *Ред.*) тысячу благодарностей и поговорил с ногайцем таким же образом; кроме того, я обнадежил его обещанием, которое дал ему, сделать богатый подарок, чему он, казалось, обрадовался.

На следующий день вместо того, чтобы оставаться в этом месте или переменить хозяина, я, как обещал проводнику, в целях избавления от тех, которые хотели затащить нас к себе, решил продолжать путь, поблагодарив моего хозяина и его семью; они выразили недовольство, что я покидаю их так рано. Я дал им несколько небольших подарков и выехал из Хеллипса со слугой мирзы и моим проводником, превратившимся в моего раба. Последний был весьма задумчив и очень обеспокоен. Наконец он мне объяснил по-турецки (язык, который тот не

понимал) предмет его беспокойства, а именно: «что этот слуга, увидя нас, углубившихся в стране, мог продать нас обоих в качестве рабов своего господина или как своих личных, или обеспечить для наших лошадей новых хозяев, которые, может быть, не будут так рассудительны, как первые, а ему известно, кроме того, что черкесы более строги к воровству, чем ногайцы». Я наилучшим образом уверил его, сказав, что не думаю, чтобы этот слуга способен был сделать то, чего он опасается; в общем из боязни встречи с новым хозяином наших лошадей мы будем останавливаться в городах или селениях лишь для пополнения нашего heibe и софа съестными припасами для нас и ячменя для лошадей *. Он, казалось, немного успокоился этим.

В течение всего этого дня мы не видели по дороге ничего, кроме приятной смены полей, лугов и лесов, перерезанных несколькими невысокими горами, среди которых то здесь, то там появлялись мужчины и женщины верхом на лошадях.

Некоторые из последних имели сокола на руке, другие — колчан за спиной и лук в руке, вроде Диан, одним словом, в том виде, как представил мне мирза. В полночь мы остановились у подножья небольшой возвышенности, сплошь покрытой лесом, чтобы освежить наших лошадей, покушать и отдохнуть. Мой ногаец собрал сухого хвороста, пока черкес задавал ячменя лошадям, потер огниво и зажег хороший огонь. Мы съели холодное жаркое с галетами из тмина, которые наша хозяйка из Хеллипса положила в софа, и мы все отдохнули до 5 часов утра; мои оба спутника на войлоках (кошмах), помещавшихся под седлами наших лошадей, а я на своем ковре. После этого мы продолжали наше путешествие до полудня, пока не остановились около ручейка, сбегавшего с одной из соседних гор; быстрота [ручья] обеспечила его от замерзания; он катил свои светлые воды по галькам с приятным журчанием. После того как наши лошади насытились ячменем и некоторыми травами, которые они нашли под снегом, скребя ее ногами, как татарские [кони], мы зажгли, как и раньше, огонь и наш черкес приступил к обязанностям повара следующим образом. Он срезал две раздвоенные палки, воткнул их перед огнем и прицепил к другой заостренной палке, длиной приблизительно в одну пядь кусок лани, которую он имел у себя в софе; он положил оба конца этой палки или деревянного вертела на раздвоенные концы двух других и оставил мясо висеть таким образом над огнем, не трогая его, пока оно не было почти что изжарено с одной стороны, посыпая только от времени до времени немного солью вместе с мукой из тмина. Затем он повернул его

* Заметьте, что черкесы засевают ячмень и кормят им своих лошадей (прим. ред.).

на другую сторону и оставил, как и раньше, над огнем, пока мясо не было совершенно изжарено.

Пообедав, мы сели опять верхом [и двинулись в путь], не встретив в течение дня ничего такого, что существенно отличалось от виденного раньше, если не считать большого числа гор и маленькую речку, которую черкес назвал Хипнео.

Вечером мы проехали через селение, состоящее приблизительно из 150 больших хижин, построенных так же, как и в Хеллипсе.

Обитатели, по крайней мере те, которых я видел, были не менее красивы, не менее вежливы и не менее гостеприимны. Один из них употребил все усилия, чтобы заставить нас переночевать у него; мой новый проводник был весьма обрадован, но ногаец отвечал, что я тороплюсь к берегам Меотиды, чтобы избежать оттепели, и решил останавливаться лишь для еды и отдыхать три или четыре часа, что мы и делали ежедневно с тех пор, как он был со мной, или в лесу, или на берегу источника. Однако мы зашли на час в хижину, где хозяин нас угостил бузой и кисловатым коровьим молоком. Было также [подано] кобылье мясо, которое черкесы, как и татары, хранят для путешествий, хотя и менее часто. Так как слуга мирзы имел большую медную бутылку, привешенную к седлу его лошади, которую мы опорожнили на месте нашей стоянки, то он наполнил ее [коровьим молоком] как наиболее здоровым [напитком], по его словам, и наиболее утоляющим жажду. Он хотел заставить приготовить нам обед свою жену, которая была еще молода и красива, как и все из ее народности, но мы извинились, заявив, что недавно пообедали. Он имел лишь одного молодого сына, приблизительно в возрасте пяти лет.

Хотя мы имели в софе дикого неощипанного гуся вместе с хлебом из тмина, я приказал моему ногайцу спросить у этого человека, имеет ли он мяса для продажи. Он ответил, что у него есть лишь хороший кусок сырой лани. Я предложил ему табак или копейки; человек выбрал первое, и он [ногаец] дал ему две маленьких пригоршни из своего кисета, но так как я подумал, что это слишком мало, то хотел дать ему еще столько же из своего [кисета]; ногаец сказал мне, чтобы я этого не делал. Поскольку он был более чем доволен, я не преминул дать ему хорошую пригоршню, несмотря на это замечание.

Почти невозможно поверить тому огромному количеству диких животных и дичи, которое встречается в этой стране, несмотря на то, что их убивают здесь в большом количестве, так как все население, как мужчины, так и женщины, являются охотниками и охота здесь настолько же дозволена, насколько и обильна.

Помимо этого здесь разводят много домашних животных, среди них большие и очень красивые бараны, из длинной и тонкой шерсти которых можно делать, по моему мнению, пре-

красное сукно, если бы только жители обладали этим уменьем. Они же, однако, делают из нее только грубо сотканную серую материю, представляющую из себя смесь этой шерсти с шерстью верблюдов или дромадеров: из нее делаются их япунджи, то, что им наиболее удается. Калмыки и ногайцы, живущие ближе всего, а также некоторые казаки, населяющие местность, расположенную между Танаисом и Волгой, употребляют в большинстве случаев эту ткань для одежды. Вообще все эти народы носят обычно зимой шубы из бараньей шкуры без суконного верха и мехом наружу, как лапландцы.

После того, как мой ногаец убрал кусок дичи вместе с гусем, мы продолжали наш путь приблизительно до трех часов утра. Мы остановились между двух маленьких гор, где наш черкес стал опять поварничать с нашим гусем, хотя способом, несколько отличавшимся от первого. Он разрезал его на куски толщиной с детскую руку и насадил их, как турки делают со своим кебабом, на маленький прут, который он привязал к палке немного толще, чем трость, заостренной с одного конца. Как только огонь, который развел мой ногаец, достаточно оттаял землю, он воткнул ее в землю, не воспользовавшись, однако, как раньше, деревянным вилообразным таганом. Он оставил его висеть, пока мясо не изжарилось с одной стороны. Затем он поворачивал его на другую сторону, соля, как он это делал с куском лани, пока гусь не был изжарен со всех сторон. Кажется, сама природа научила этот народ так легко приготовлять мясо, так же как у лапландцев, что я видел позже на Крайнем Севере, где жарили мясо приблизительно таким же образом....

Мы соблюдали вплоть до Каспийского моря этот способ путешествия, останавливаясь лишь на короткое время в селениях, не отличавшихся вовсе (или по крайней мере очень мало) от других, которые мы проехали, и где опасения моего ногайца заставили его замечать, что некоторые черкесы бросали на него недоброжелательные взгляды, казавшиеся ему плохим предзнаменованием. Мы остановились, между прочим, в одном селении, состоящем более чем из двухсот хижин, у одного оружейника, где я купил саблю и где нас хорошо приняли к обеду. Этот оружейник выразил удивление моему ногайцу, что он рискнул появиться в Черкесии, но когда мой взгляд сказал ему, что он был моим рабом, оружейник стал смотреть на него благожелательнее. Когда я случайно вынул свои часы, чтобы посмотреть, который час, то жена и дочь этого оружейника вместе с тремя его сыновьями и некоторыми соседями, которые пришли к нему, привлеченные простым любопытством увидеть нас, приблизились ко мне и стали рассматривать с удивлением [часы], так как они никогда не видели подобного механизма, казавшегося им одушевленным и говорящим, вследствие шума, который он производил. Несколько недель тому назад при

одном из таких обстоятельств я был окружен целой ордой ногайцев, которые, слыша тиканье [часов], спрашивали меня, на каком языке они говорят. Мой проводник тоже беспрерывно задавал мне вопросы, свидетельствовавшие, что он был совершенно невежественным. Так, например, он мне задал такой вопрос во время одной ясной ночи, когда мы путешествовали при свете луны: есть ли таковая [луна] в моей стране и имеем ли мы солнце? Он твердо верил, что в моих часах находилось несколько домовых, которые двигали колесики и производили шум. Я тщетно пытался дать понять ему, так же как и другим, что здесь нет ничего сверхъестественного и что это есть результат человеческого искусства. В общем, я старался не вытаскивать [часы] при этих людях, чтобы избежать неудобства от их вопросов.

Проехав таким образом в три или четыре дня значительную часть страны, прорезанную лесами, горами, полями (настолько плодородными, что они приносят урожай, как мне сказали, почти не требуя обработки) и лугами, где засохшая трава поднималась в нескольких местах выше снега, покрывшего ее на фут, мы встретили несколько селений (одни постоянные, другие передвижные, вроде ногайских кедди), которые, казалось, были населены Адонисами, Венерами и лошадьми, прекраснее когда-либо виденных до сих пор после арабских, — и, наконец, проехав множество озер и рек, мы достигли северной части Дагестана...

14-го утром мы приехали на западный берег Каспийского моря, я хочу сказать, к его северо-западу, между самым северным устьем реки Штрели и самым южным [рукавом] Волги, без других приключений, кроме недоброжелательных взглядов, бросаемых на моего ногайца некоторыми черкесами, которых мы встречали от времени до времени; они не причинили ему никакого вреда, поскольку слуга мирзы отвечал тем, которые задавали ему некоторые вопросы по поводу него, — то, что он принадлежал ему, что он был моим рабом и что я купил его у его хозяина...

[*Далее описан проезд де ла Мотрэ вдоль Каспийского моря до Астрахани*].

Разочаровавшись... увидеть Азов... я сказал моим проводникам, что целиком положусь на их руководство в моем возвращении, лишь бы увидеть Кальбату — столицу равнинной Черкесии и чтобы я достиг затем берегов Меотиды кратчайшим путем. Мы все единогласно решили удаляться от соседства калмыков насколько это будет возможным, а мой ногаец, постоянно беспокойный и боязливый, увещевал меня, в частности, что необходимо избегать останавливаться в черкесских селениях, через которые мы должны были проходить, так же как мы делали это раньше. Я согласился с его предложением, и мы решили, что не следует ни в чем проявлять недоверия в отношении

нашего черкеса, чтобы это не заставило его призадуматься над тем, о чем он может быть даже не думал, и чтобы он не использовал свое преимущество. Мы направились с таким решением в сторону юго-запада...

Мы продолжали наше путешествие днем и ночью, останавливаясь лишь у некоторых источников, рек, прудов и лесов, чтобы покушать то, что мы покупали, проезжая через селения, и задать ячменя нашим лошадям; это мы сделали в трех или четырех селениях, начиная от Астрахани до Кальбаты, и это совершалось по причинам, о которых я скажу дальше.

Первое из них (селений.— *Ред.*) находилось в семи днях пути от устья реки, насколько я мог заключить из направления, по которому мы следовали или из того, как мы отклонялись от дороги. Мы остановились [в этом селении] на ночь из-за развалин, которые показались мне остатками древнего значительного города, расположенного недалеко оттуда. Эти развалины состоят из двух груд камней, сваленных среди терновника и различных частей хорошо сцементированной стены, которые не могли разрушить время или непогоды. Среди главнейших материалов имелись различные твердые камни, разнообразных форм и величины; большей частью квадратные, цвета золы...

Селение было самое обыкновенное и его обитатели, не уступавшие по красоте и гостеприимству тем (селениям), которые я уже посетил, приняли меня так хорошо, что заставили провести одну ночь и хотели поссориться за право пустить нас ночевать... Молодой человек (сын хозяина дома, в котором они остановились.— *Ред.*), его брат снял с меня сапоги, а молодая девушка, его сестра, вместе с матерью, вымыла мне ноги, как в Хеллипсе. Пока его отец заботился о наших лошадях, они приготовили нам на ужин молодого вепря с четвертью козленка, которых они зажарили; первого наподобие того, как наш черкес приготовил куски лани, а второго сварили, как в тех местах поступили в отношении кролика и дичи. Так как мои два проводника были магометане, они не тронули вепря, но принялись с большим аппетитом за остальное. По этому поводу я спросил нашего хозяина, который не ел ни первого, ни второго,— к какой религии он принадлежит. Он мне ответил, что он придерживается религии горных черкесов, то есть той, которую ему оставили его предки. Мой черкес, который также принадлежал к ней, дал мне объяснение через моего ногайца, хотя путанно и очень смутно; другие, более осведомленные, чем он, дали мне потом более ясное представление [об этой религии].

Горные черкесы, насколько я мог узнать из рассказов, являются чем-то вроде друидов, поклоняющихся старым дубам и другим деревьям, где, как им кажется, живут какие-то невидимые божества, способные исполнить их мирские просьбы, так как о желаниях духовного добра и вечной жизни, испрашиваемых у неба, и обычных для тех, кто верит в бессмертие души,

независимо от того, к какой религии они принадлежат,— у них нет никакого представления. Собираясь в определенные месяцы и дни, они образуют процессии с зажженными факелами вокруг этих деревьев, посвященных их божеству, у подножья которых они приносят в жертву различных животных, как, например, быков, овец, ягнят и коз. Их маги, или жрецы, выбранные из числа старейшин, раздают присутствующим мясо и относят его больным и бедным, которые в тот день отсутствуют. Насколько меня уверяли армяне и греки, жившие среди них и присутствовавшие на этих обрядах, эти жрецы не умеют ни читать, ни писать. Они ограничиваются тем, что повторяют несколько молитвенных формул, которые они передают своим преемникам в том виде, как они сами получили от своих предшественников. Множество деревьев, замеченных мною то тут, то там проезжая через их страну, носили на стволе и крупных ветвях потемневшие следы от дыма и пепла — подтверждали существование этих обычаев и суеверных церемоний. В общем нет ничего более сложного, чем черкесская религия в целом, так как она представляет из себя смесь с другими, как я об этом уже упоминал. Те, кто живет ближе к персам и татарам, становятся обрезанцами и смешивают язычество со многими магометанскими обычаями. Те же, кто имеет больше всего торговых сношений с московитами, армянами и грузинами, заимствуют у них многое из их обрядов. Мой хозяин был отщепенцем, не будучи собственно ни магометанином, ни евреем. По крайней мере он ел без угрызений совести свинину, запрещаемую кораном и мусульманским законом.

Может быть, мой черкес был не лучшим магометанином и съел бы также [вепря], если бы не был принужден к этому примером ногайца. Кроме того ни тот, ни другой не утруждали себя в отношении омовения и частых молитв, так как я не видел их делающими ни то, ни другое. У хозяина мне сделали те же предложения, которые мне делали в других местах касательно покупки нескольких девушек, но я отделался тем же способом. Я находил черкесов все более красивыми, по мере того как мы продвигались между гор. Так как я не встречал никого, отмеченных оспой, я пришел к мысли спросить их, нет ли каких-либо секретов, чтобы гарантировать себя от опустошений, который этот враг красоты производил среди стольких народов. Они мне ответили утвердительно и сообщили, что это средство заключается в том, чтобы привить ее или передать тем, кого надо этим предохранить, взяв [гной] зараженного и смешав с кровью путем уколов, которые им делали. Я решил поэтому посмотреть операцию, если это возможно, и с этой целью я осведомлялся во всех селениях, через которые мы проходили, имелись ли там лица, над которыми это проделали. Скоро я нашел случай ознакомиться с оспоприививанием у черкесов в одном селении Деглиад, где я узнал, что когда мы про-

ходили, там производили прививку маленькой девочке четырех или пяти лет. Сначала, как мне сообщили, ей дали немного слабительного. Я попросил, чтобы мне его показали, так как мой ногаец не смог бы объяснить, и мне показали сухие листья воловьего языка, которые они варили, как мне сообщили, с кореньями и медом. Девочку отнесли к маленькому мальчику трех лет, который был болен этой болезнью и у которого оспинки и прыщики начинали гноиться. Старая женщина произвела операцию, так как наиболее пожилые представители этого пола имеют репутацию самых разумных и знающих и они практикуют медицину подобно тому, как самые старые другого пола практикуют священство. Эта женщина взяла три иголки, связанных вместе, которыми она, во-первых, сделав укол под ложечку маленькой девочке, во-вторых в левую грудь против сердца, в третьих, в пупок, в-четвертых, в правую ладонь, в-пятых, в лодыжку левой ноги, пока не пошла кровь, с которой она смешала гной, извлеченный из оспинок больного. Затем она приложила к уколотым и кровоточащим местам сухие листья коровника, привязав сверху две кожи новорожденных ягнят, после чего мать завернула ее в одно из кожаных покрывал, из которых состоит, как уже говорил выше, постель черкесов, и таким образом завернутую она унесла ее к себе. Мне сказали, что ее должны были держать в тепле, кормить лишь кашей, сделанной из тминной муки, с двумя третями воды и одной третью овечьего молока, ей не давали пить ничего, кроме прохладительного отвара, сделанного из воловьего языка *, немного лакрицы и коровника **, трех вещей, весьма обычных в стране. Меня уверили, что с такими предосторожностями и при хорошем уходе оспа не преминет благополучно уйти небольшими количествами на седьмой или позднее,— чаще всего 5-й или 6-й и даже раньше; по этому вопросу я ссылаюсь на слова старухи, не имея любопытства ожидать результатов. Они сказали мне относительно другой меры предосторожности, которую они принимают против опасных последствий оспы, а именно рассматривать всех маленьких детей, хотя и мало предрасположенных к этой болезни, еще до заражения ею, как неизбежно долженствующих заболеть, раз необходимо, чтобы кто-нибудь имел ее в действительности для передачи другим.

Как бы то ни было, среди нескольких тысяч, с которыми я встретился проездом по Черкесии, я не видел никого обезображенного [оспой]; возможно, что это результат хорошего климата. Другой, более естественный способ передачи оспы, как мне передавали, заключался в том, чтобы класть в постель вместе с больным этой болезнью того, кому хотят ее привить, предва-

* Растение.
** Растение.

рительно дав ему слабительного; это делается до того, как оспинки созреют. Родители так озабочены красотой своих детей, что они их часто относят на расстояние одного дня и более от своего жилья, в селения, где узнают, что кто-нибудь там заболел [оспой]. После коровника, воловьего языка и солодкового корня, который они зовут на своем языке, первое Albahel, второе — Fehinne и третье Allida — петуший гребешок (амарант)*, именуемый ими Hellenheit, и стоголовник, называемый Heldeit, занимают у них первое место. Они кипятят вместе небольшое количество листьев и кореньев каждого из этих сортов [трав] и приготовляют род гизана (охладительного отвара), который они пьют вволю безразлично при каких бы то ни было обстоятельствах.

Пищей, чаще всего употребляемой черкесами, является баранина, говядина, птица, как домашняя, так и дикая, и прочая дичь. Горцы, имеющие в небольшом количестве оба первых вида пищи, охотно едят конину, отдавая ей предпочтение, подобно крымским татарам и ногайцам, и нас угощали ею повсюду.

Мой ногаец не забыл наполнить наш sopha преимущественно дичью, которая изобилует в их горах.

Их хлеб, как и в Хеллипсе, представляет из себя тминную лепешку, поджаренную на углях. Жители равнин подчиняются хану и доставляют ему в случае нужды 25000 и более человек.

Их свадьба является лишь гражданским актом. Их старейшины служат им судьями, так же как и священниками. В общем, хотя я говорил, что отцы и матери охотно уступают своих дочерей для продажи, однако они им предписывают сохранять девственность, потеря которой влечет уменьшение их цены вдвое. Мужчина, который изнасиловал какую-нибудь девушку, считается нарушившим закон гостеприимства и его принудили бы купить ее у родителей, которые одни имеют право располагать ею, за ту цену, как если бы она была еще девственницей. Но после покупки он может располагать ею как ему заблагорассудится, сделать из нее наложницу или продать.

Их правосудие и наказание почти не отличаются от обычаев ногайцев и крымских татар. Род наказания преступника и его выполнение представляются на выбор обиженного лица, которое может, если захочет, поразить кинжалом того, кто убил его родственника, сына или друга. Вор, не могущий возвратить то, что он украл, осуждается на рабство к тому, кому он нанес ущерб и который может или пользоваться его трудом столько времени, во сколько оценивается украденная вещь, или

* Растение.

продать его, уплатив излишек, если он стоит дороже тем, кому он принадлежит по праву. Но если он возвращает украденное, то считается в расчете, после определенного количества ударов кнутом по голым плечам.

В трех днях пути от последних развалин мы встретили другие, менее значительные, но лучше расположенные на склоне одной возвышенности. Эти руины окружены самыми красивыми в мире равнинами, благодаря своему простору; на юго-западе вид ограничен густым лесом. Материал [этих развалин] состоит лишь из стен и различных куч из камешков, перемешанных с меньшим количеством других твердых камней. Остались только эти стены, некоторые части простенков, которые, кажется, принадлежали некоторым сооружениям; на основании их можно судить, что здесь стояло нечто большее, чем простое селение. Некоторые остатки мостовой с камнями красноватого оттенка, цвета и формы дороги Эмилия или Аппия наиболее достойны внимания. Сначала я и их принял за глину или кирпич, рассмотрев вблизи, я нашел, что они были естественные и имели лишь искусственную квадратную форму, с той разницей, что некоторые оставались такими, какими их создала природа, а именно в виде различных фигур круглых, треугольных или, другими словами, не обделанные или полированные. Самые большие могли иметь до 3-х футов в диаметре.

После того как мы остановились на этом месте столько времени, сколько необходимо было увидеть то, что я передаю, мы продолжили наш путь в решении переночевать в первом селении, чтобы получить еще некоторые сведения. Встретив несколько женщин верхами с колчаном на плече, мы осведомились у них, сколько оставалось еще пути, чтобы доехать до места; они ответили нам — 5 или 6 часов. Так как я помнил то, что читал и видел на карте относительно местоположения, которое древние географы приписывали тому, что они называли колоннами Александра, я подумал, что они могли быть именно в этом месте или на месте предыдущих развалин, где высота полюса была та же, в некотором расстоянии от последних.

Мы переехали вплавь на наших лошадях маленькую речку, текущую с севера на юг, как мы делали со всеми [реками], на которых мы не встречали моста или которые не замерзли, поскольку как черкесские, так и татарские лошади весьма привыкли к этому.

Селение, в котором мы остановились, состояло приблизительно из 50 хижин. Нас приняли с обычными церемониями гостеприимства. Я не пролил больше света на эти развалины, чем я имел [сведений] о предыдущих [руинах] в Деглиаде. Проведя там ночь, наполнив нашу софу съестными припасами и ячменем для наших лошадей, мы проехали в другое селение,

находившееся лишь в $^1/_4$ лье; оно было более обширным и имело почти на треть хижин больше. Я не получил здесь новых сведений и решил не останавливаться.

Так как мы были недалеко от равнинных черкесов, наши опасения уменьшались и, казалось, росла боязнь у нашего черкеса. Он сообщил мне, что становится бесполезным для нас, раз ногаец был в состоянии отвезти меня один, так как, по его словам, мы находились в 1 или 2 днях пути от Кальбаты, куда он не собирался въезжать. Его соображения, которые он не скрыл от нас, заключались в том, что жители [равнинной Черкесии] и калмыки, с которыми мы встретимся на севере, были послушны хану, в то время как он не считал его за суверена. Больше того, он был из числа тех, которые разбили его брата в 1708 году. Он добавил, что имел родственника, жившего не особенно далеко отсюда, и хотел его навестить. После этого я дал ему различные мелкие подарки, вроде табака и других безделушек (которые он, однако, не считал за таковые), вместе с несколькими экю * и копейками, чему он, казалось, очень обрадовался. Затем мы расстались. Я и мой ногаец продолжали наше путешествие, не останавливаясь, однако, ни в каком другом селении, разве только для закупки провианта, и мы продолжали проявлять столько проворства, что прибыли в Кальбату 24-го числа без всякого приключения.

Кальбата заслуживает названия города, благодаря своей величине, но не благодаря своей красоте, хотя она и является столицей равнинной Черкесии. Ее дома плохо построены, в большинстве случаев это стволы сосен или других деревьев, сложенные четырехугольником друг на друга и покрытые дерном; иногда же это просто хижины, сделанные из различных плетенок, соединенных вместе, или из сплетенных ветвей деревьев, покрытых грязью и навозом коров, смешанными с нарезанной соломой и зеленым дерном, как в Перекопе. Эти дома имеют только один этаж, так что они чрезвычайно низкие, за исключением небольшого количества [домов], имеющих нечто вроде фундамента и каменных стен величиною в рост человека, на которые кладут стволы деревьев или плетенки. Жителями этого города являются черкесы и ногайцы, смешанные с белыми калмыками, евреями, греками и армянами, одним словом — со всеми народами, о которых я упоминал после Бендер, за исключением черных калмыков.

Черкес Сеферза Мирзы, который назначил мне свидание в этом месте (Кальбате) у одного своего знакомого работорговца, по имени Давуд, окончив свои дела и, предполагая из факта моего промедления, что я переменил принятое решение проехать через этот город и вернусь другим путем,— уехал,

---

* Талер, ефимок.

как мне сказали, десять дней тому назада. Этот купец имел у себя среди пяти красивых черкешенок, предназначенных для продажи, одну белую калмычку. Ее цвет лица действительно был похож по белизне на снег...

Мы покинули Кальбату 26-го и достигли восточного берега Меотиды 31-го, проехав через несколько ногайских орд, которые были немного менее безобразны, чем первые; там и сям находились оседлые селения черкесов, грузин и мингрел, которые, как я сказал, образовали колонии под протекторатом хана.

ПЕТР ГЕНРИ БРУС

(1694—1751 гг.)

Петр Генри Брус родом из Шотландии. Брус с родителями во времена Кромвеля переселился в Германию. Служил в прусской армии. В 1711 г. перешел на русскую военную службу. В 1722 г. он принимал участие в персидском походе Петра I, что дало ему возможность ознакомиться с народами Северного Кавказа. В 1724 г. Брус возвратился на родину, в Шотландию, не отказавшись, однако, от военной службы, которая на этот раз привела его в Северную Америку, являвшуюся тогда английской колонией.

К концу своей жизни Брус написал воспоминания о своих многочисленных странствованиях, в том числе и о пребывании его на службе в России, где он имел случай, как мы уже указывали выше, побывать на Северном Кавказе. Воспоминания Бруса были опубликованы после его смерти (в Дублине на английском языке в 1783 г.). Небольшой отрывок из этих воспоминаний, касающийся Черкесии, приводится ниже.

Как и другие участники персидского похода Петра I, Брус имел возможность ознакомиться лишь с восточной частью Черкесии, то есть с Кабардой. Его краткие заметки о черкесах (кабардинцах) представляют определенный интерес, поскольку они основаны преимущественно на личных наблюдениях автора.

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕТРА ГЕНРИ БРУСА, ЭСКВЕЙЕРА ОФИЦЕРА НА СЛУЖБЕ ПРУССИИ, РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ, С РАССКАЗОМ О ПУТЕШЕСТВИИ ПО ГЕРМАНИИ, РОССИИ, ТАТАРИИ, ЗАПАДНОЙ ИНДИИ И Т. Д.

Терки — столица черкесской Татарии, являющейся наиболее южной границей теперешних владений его величества; этот город сильно укреплен, стоит на острове, образованном реками Терки и Быстрой, и имеет гарнизон в 2000 регулярных войск и 1000 казаков, которые все наездники; туземцам — черкесам не разрешено жить близ города, но позволено селиться в стороне на некотором расстоянии от него.

Черкесия, ее жители, их обычаи, религия и т. д.

Терки, главный город, находится на очень обширной равнине, очень болотистой и по направлению к побережью на 42°20′ сев. широты; он около трех верст в окружности, прочно укреплен валами и бастионами в современном духе, хорошо установленными пушками и всегда имеет значительный гарнизон под управлением начальника. Черкесскому князю, обитающему здесь, разрешено иметь 500 русских в качестве личной охраны, но никому из его подданных не разрешается жить где-либо внутри укреплений. Со времени перехода этих областей под власть России, во всех укрепленных местах разместили не только русские гарнизоны и начальников, но также чиновников и священников для проповедывания христианской религии; тем не менее, черкесские татары управляются собственными князьями, знатью и судьями, которые, однако, осуществляют правосудие именем императора, а в важных случаях присутствуют русские начальники, и судьи обязаны принести клятву верности его императорскому величеству.

Одежда черкесских мужчин очень похожа на ногайскую, только их шапки несколько больше, а их плащи сделаны также из грубого сукна или бараньих шкур, закрепляются только у шеи с помощью шнурка; и так как они недостаточно велики, чтобы закрыть все тело, они поворачивают их кругом в зависимости от направления ветра и погоды. Мужчины здесь гораздо красивее ногайских, а женщины удивительно хорошо сложены, с чрезвычайно тонкими чертами, гладкой светлой кожей и прекрасными черными глазами, которые вместе с их черными волосами, спадающими в две косы с обеих сторон лица, придают им очень красивый вид; они носят на голове черный чепец, покрытый тонкой белой материей, повязанной под подбородком; летом они все носят только рубашку различных цветов, которая открывается так низко спереди, что можно видеть их пупок; все это вместе взятое с их красивыми всегда открытыми лицами (в противоположность обычаю большинства других мест этих краев), их хорошее расположение духа и приятная непринужденность в разговоре делает их очень желанными; несмотря на все это, они слывут очень целомудренными, хотя редко когда не имеют благоприятного случая; у них считается установленным признаком хорошего поведения, что как только кто-нибудь приходит поговорить с женой, муж уходит из дому: но происходит ли эта сдержанность их поведения от их собственного великодушия, как награда мужьям за то доверие, которое они имеют к ним, или это имеет свои основы только в этом, я не берусь установить.

Их язык общий с другими соседними татарами; многие среди них не знают русского; их религия — язычество; несмотря на то, что они обрезанцы, они не имеют ни священников, ни

алькорана, ни мечетей, подобно другим магометанам. Здесь каждое племя приносит свои жертвоприношения по собственному желанию. Для них, однако, имеются определенные дни, установленные скорее обычаем, чем законом: их наиболее торжественное жертвоприношение приносится по случаю смерти ближайших друзей; при этих обстоятельствах мужчины и женщины встречаются в поле для присутствия при жертвоприношении, для которых употребляют барана; его убивают, обдирают и натягивают шкуру вместе с головой и рогами на крест наверху длинного шеста, помещенного обычно в живой изгороди (чтобы охранять от скота), около места, где было совершено жертвоприношение, они варят и поджаривают мясо, которое потом съедают. Когда все окончено, мужчины встают, а женщины, принеся поклонение шкуре и произнеся несколько молитв, уходят; мужчины заканчивают церемонию, выпивая огромное количество водки, что обычно заканчивается ссорой перед окончательным расставанием.

Река Быстрая служит южной границей Черкесии, а жители Андреевской области [1] являются их ближайшими соседями, обитающими между рекой Койсу, начинающейся от Кавказских гор, и рекой Быстрой. Эти народы были покорены генералом Ватерангом.

---

[1] Эндери, или Андреевская деревня, в 90 верстах к югу от Кизляра на р. Акташ. До XIX в. она была главным местом торговли пленниками.

ИОГАНН ГУСТАВ ГЕРБЕР

(Умер в 1734 г.)

Иоганн Густав Гербер родом из Бранденбурга. Гербер, сын лейтенанта саксонской армии, еще в юности вступил на военную службу и уже в 1706 г. в чине лейтенанта принимал участие в Северной войне, которую Россия в союзе с Саксонией вела против Швеции. В 1710 г. он перешел на службу в русскую армию, на которой и оставался до самой смерти. Будучи знатоком артиллерийского дела, Гербер весной 1722 г. получил ответственное задание: доставить в Астрахань артиллерию для предстоящего похода Петра I на Кавказ. Затем Гербер принял активное участие в этом походе. В 1723 г. командовал артиллерией при взятии русскими войсками Баку. В дальнейшем он в течение шести лет (до 1729 г.) оставался в присоединенных к России прикаспийских областях Кавказа. В 1728 г. Гербер по поручению начальства составил карту и обстоятельное описание этих областей с населявшими их народами, включавшее, в частности, и описание Кабарды. Основательно ознакомившись с географией и этнографией Кавказа, Гербер выступил и со специальным научным исследованием, написав «Примечания» к труду академика Г. Байера, посвященному разбору географических известий о России византийского императора Константина Багрянородного.

Извлечения из рукописей Гербера, написанных на немецком языке, стали появляться в печати в 30-х и 50-х годах XVIII в. как в России, так и за границей, иногда даже без точного указания их автора. В 1756 г. текст описания 1728 г. был издан в переводе на французский язык. В 1760 г. академик Г.-Ф. Миллер опубликовал подлинный (немецкий) текст описания Гербера со своими примечаниями и дополнениями. В том же году Миллером был напечатан и русский перевод этого описания («Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», издаваемые Г.-Ф. Миллером при Академии наук, СПб., 1760, т. II, июль — октябрь). Описание Гербера в части, касающейся Кабарды, публикуется нами в переводе с немецкого оригинала, изданного академиком Г.-Ф. Миллером.

Ценность описания Гербера заключается прежде всего в том, что оно в значительной мере основано на личных наблюдениях автора или же материалах, полученных в результате специальных сборов (расспросов сведущих лиц, агентурных донесений и т. д.). Вместе с тем описание Гербера — это не путевые заметки досужего и любопытствующего путешественника. Написанное по определенному плану, оно отличается продуманностью, краткостью и систематичностью изложения. По существу это первое в евро-

пейской литературе систематическое описание Кабарды, характеризующееся строгим отбором фактического материала и его максимально возможной в тогдашних условиях проверкой.

ЗАПИСКИ О НАХОДЯЩИХСЯ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ КАСПИЙСКОГО МОРЯ, МЕЖДУ АСТРАХАНЬЮ И РЕКОЮ КУРА, НАРОДАХ И ЗЕМЛЯХ И ОБ ИХ СОСТОЯНИИ В 1728 ГОДУ

Черкесы. Они живут в Кабардинской земле, которая делится на верхнюю и нижнюю. Верхняя или Нагорная Кабарда граничит с Тавлистаном [1], аварами, Грузинскими горами (со стороны Имеретии), а с запада — с кубанскими татарами. Нижняя Кабарда простирается от предгорий Верхней Кабарды до реки Терека и Сунжи. Обе земли невелики, их свободно можно переехать от одного края до другого в четыре дня. Верхняя Кабарда наполнена горами, дорогами и тропинками. Она не имеет ни одного города и ни одной настоящей деревни; всякий живущий в долинах между горами, где ему понравится, строит маленькую хижину из камыша или дом из высушенных кусков глины. Напротив того, в Нижней Кабарде земля по большей части ровная, а поэтому [там] достаточно пашен, лугов и лесу. Однако и там встречается мало деревень. Из тех гор вытекает три реки: одна называемая Кубань, течет на запад через землю кубанских татар в Черное море; другая в Каспийское море; третья река — Кума протекает сначала между горами, а затем возле них и принимает в себя много других рек, и сделавшись благодаря этому очень большой, направляет свое течение через степи к Каспийскому морю; она, однако, не доходит до него и после одного или двух дней пути постепенно исчезает, образует болота, поросшие камышом, и в конце концов уходит в землю. Около тех мест, где в нее впадает река Бирума, находятся очень приятные и хорошие поля и рощи, а также различные остатки местечек и селений. Особенно заметны там руины одного большого города с хорошими каменными домами и сводами, из которых, так же как из лежащих между остатками камней, высеченных и отчасти украшенных скульптурными изваяниями, можно заключить, что тут был большой и известный город. Его зовут еще до настоящего времени Маджарами [2], чьим именем поляки и турки называли венгров и которым сами венгры имеют обыкновение себя именовать. [Поэтому] можно пола-

---

[1] Дагестан.

[2] Развалины хазарского города в Ставропольской области. В источниках XIX в. город уже больше не упоминается.

гать, что основатели Венгерского королевства происходят из этой страны [1].

Черкесы обеих частей Кабарды являются одним и тем же народом и с древних времен до настоящего времени были свободными людьми, ибо, хотя они во всякое время оказывали большую склонность к России и многие из их князей со своими людьми считали себя ее подданными, однако это было только на словах и их свобода благодаря этому нисколько не пострадала. В разные столетия крымский хан заставлял их обещать посылать ему ежегодно в знак преданности подарок, а именно хорошую лошадь, панцирь, или саблю, или дорогой лук, или красивую девушку, которых можно было найти повсеместно в Кабарде лучшего качества. Чтобы доставить и выбрать лучшее, из Крыма в Кабарду ежегодно отправлялся полномочный, которого надо было как следует принять; он имел право вместе со своей свитой забавляться их женами и дочерьми сколько ему угодно было. Но 20 лет тому назад (т. е. 1708 г.— *Ред.*) черкесы решили сложить с себя эту повинность и умертвили крымских доверенных, посланных для осмотра, со всей их свитой. После этого крымский хан отправил своего визиря с 30 000 войск против черкесов, чтобы опустошить их землю до основания. Но черкесы послали несколько человек из своей среды к татарам, которые выдали себя за перебежчиков и предложили им провести их по неизвестной дороге в середину Кабарды. Когда татары дали им себя обмануть и повести по этой ложной дороге, в одном ущелье они были атакованы со всех сторон черкесами, которые заложили всю дорогу камнями и перебили всех так, что из крымской армии ни один человек не вернулся обратно. С того времени они опять получили полную свободу.

Их свобода простирается так далеко, что они не только не повинуются ни одному из соседних государств, но даже своим собственным князьям, которых у них много в обеих землях (т. е. в Большой и Малой Кабарде); они повинуются лишь поскольку это им нравится. Поэтому князья приобретают уважение скорее личными заслугами, чем княжеским достоинством. В 1728 году славнейший [из них] в Верхней Кабарде был Ислам (скончался в 1751 г.— *Ред.*), которого остальные уважали из-за его возраста и опытности и повиновались ему. В Нижней Кабарде знатнейшим был Тазис-бибеу *, которого по той же причине очень уважали не только жители его земли, но и пограничные авары и тавлинцы, благодаря его возрасту. Впрочем, каждый живет со своим князем, как с равным, так что он не может ничего предпринять без согласия подданных, опасаясь, чтобы они не ушли от него и не перешли к другим, что дозволяется всякому, когда он считает себя обиженным и как только

[1] Необоснованное предположение, не раз высказанное авторами прошлых веков.

* В опубликованном переводе — Казиби-Бек.

ему захочется. Это простирается так далеко, что сам князь почти ничем не владеет и не осмеливается ни в чем отказать своему подданному, когда он у него что-нибудь попросит: будь это даже одежда, которую он сам носит, он должен ее снять с себя и отдать тому, кому она нужна, или же быть готовым к тому, что он его покинет. Поэтому князь не имеет никаких других доходов, кроме тех, которые он получает со своих крепостных, большей частью грузин, кроме небольшого числа овец и малолетних девушек. Этих последних обучают шитью, вышиванию и другим работам, приличествующим их полу, и, сообразно красоте, продают от 1, 2, 3, 4 до 500 рублей туркам, персам и татарам или каким-нибудь другим [народам], которые хотят их купить. А так как черкесские женщины очень красивые и в большом спросе у турок и персов, поэтому не только родители продают своих детей, но и пограничные черкесы похищают и увозят многих из них; вследствие этого во всех тамошних местах ведется торговля указанным товаром.

У них не чеканят никаких денег. Они употребляют русские, персидские и турецкие монеты. Главный источник пропитания — скотоводство. Они разводят хороших лошадей, известных своей быстротой. Лучшие седла и лошадиные верхние уборы изготовляются ими и продаются соседним татарам. Они хорошие воины и наряду с саблями и панцирем носят большей частью луки и стрелы, из которых умеют хорошо стрелять. Их главное искусство состоит в воровстве и быстром угоне у своих соседей, особенно у кубанских татар, лошадей и рогатого скота. Последние не остаются у них в долгу. По этой причине они установили у себя прочные союзы. Когда одной партии удается захватить добычу и отогнать табун лошадей или рогатый скот, а другая погонится за ними и нагонит, то последняя имеет право напасть на воров, как на неприятеля [при условии], если у них нет в качестве предводителя мурзы или князя. Если же в этой шайке находится мурза, то никто не смеет обнажать оружие, однако отбирают обратно скот, полученный в добычу. Как только княжеский сын достигнет 12 лет, он уходит из своего родительского дома и служит у другого князя юсдеримом или придворным, у которого он также учится воровать. В этом искусстве он начинает с того, что пробирается в соседний сад и похищает фрукты. Затем он учится угонять овец, пока, наконец, не достигнет того, что научится нападать на табун лошадей. Этим он открывает себе дорогу к почестям. После этого, выехав на добычу, он может надеяться, что прославится и обогатится. Впрочем, хотя воровство происходит у них довольно открыто, однако никто не отнимает ни у кого силой, разве только их доведет до этого открытая вражда. Поэтому слово вор и разбойник считается у них сильным ругательством. 70 или 80 лет тому назад все черкесы были христианами греческого вероисповедания, а так как они очень мало разбира-

лись в своей религии и не имели никакого общения с другими христианами, с тех пор христианская вера у них почти угасла и взамен ее водворилось магометанство. Этому немало способствовало то обстоятельство, что на их языке, не имеющем родства ни с одним из других, нет ни букв, ни письменности, и богослужение отправлялось на греческом языке, которое никто, даже их собственное духовенство, совершенно не понимало, напротив того, отношения, которые они поддерживали с крымскими татарами, принудило их изучать турецкие и татарские языки. Поэтому, вследствие их отсталости, не могло получиться другого результата, кроме того, что мухаммеданскому учению были открыты двери. Некоторые из них и доныне называют себя христианами; последние, однако, ничего не знают о своей религии, кроме названия, и так же мало, как и настоящие мухаммедане, забыли свои старые суеверные обычаи и церемонии. Впрочем, мухаммеданские черкесы причисляют себя к суннитской секте.

Жители Тарку торгуют с Персией и Россией, а живущие в горах торгуют похищенными грузинами, армянами и черкесами, которых они перепродают крымским и кубанским татарам.

КСАВЕРИО ГЛАВАНИ

Ксаверио Главани — автор «Описания Черкесии», составленного в январе 1724 г. в Бахчисарае — столице Крымского ханства. Биография его неизвестна. Имя и фамилия автора свидетельствуют о его итальянском происхождении, которое подтверждается также тем обстоятельством, что первоначальный текст этого описания был, по-видимому, составлен на итальянском языке (рукопись «Описание Черкесии» дошла до нас в переводе на французский язык).

В момент составления «Описания Черкесии» Главани был французским консулом в Крыму, являясь одновременно первым врачом крымского хана. Эти две должности давали возможность Главани собрать самые подробные и достоверные сведения о Черкесии. Располагая официальными материалами, имевшимися о Черкесии в канцелярии крымского хана, Главани в то же время мог пользоваться дополнительной информацией ханских чиновников, бывавших в Черкесии и хорошо знавших черкесские дела.

Судя по тексту описания, Главани и сам бывал в Черкесии и поддерживал контакты с представителями черкесской знати, нередко посещавшими Бахчисарай. В описании имеются прямые указания на то, что Главани выяснял ряд интересующих его вопросов путем расспросов «черкесских беев».

Пользуясь каждой возможностью для получения необходимых ему сведений о Черкесии и других областях Кавказа, Главани обращался за содействием и к самому крымскому хану. Так, по просьбе Главани, хан устроил ему встречу с одним кубанским ногайцем, 80-летним стариком, который, по мнению хана, мог сообщить Главани интересующие его данные о народах Кавказа. Вероятно, такие встречи и беседы с людьми самой различной национальности, приезжавшими в столицу Крымского ханства из Черкесии или смежных с ней областей, широко практиковались Главани и служили для него постоянным источником информации.

Описание Главани — важнейший источник по истории и этнографии адыгов первой четверти XVIII в. Особенно ценны его сведения о социальном и политическом строе Черкесии, о делении ее на этнические группы и феодальные владения, об их численности.

Не довольствуясь трафаретными описаниями черкесского быта, которые к началу XVIII в. получили широкое распространение в западноевропейской литературе, Главани сообщает ряд оригинальных сведений об общественной и семейной жизни черкесов, их религии и т. д.

Большое внимание Главани уделяет взаимоотношениям Черкесии с Крымским ханством. Естественно, что Главани по этому вопросу был особенно хорошо осведомлен. В полном соответствии с действительностью Гла-

вани подчеркивает, что Черкесия фактически не зависит от крымского хана и «в случае предъявления им каких-либо чрезвычайных требований отвергает их без стеснения». Вместе с тем он отмечает, что черкесы вынуждены были платить крымским ханам тяжкую дань рабами и рабынями. Дань эту крымские ханы получали при содействии черкесских феодалов. Когда наступает время обязательной посылки дани хану, пишет Главани, «все испаи (уздени) собираются у своих беев (князей), которые определяют, сколько каждый из них должен дать [рабов] сообразно имеющимся у него селениям. Затем каждый испай отправляется в свое селение и избирает мужчин или женщин по своему усмотрению...».

Главани ярко характеризует ту систему, при помощи которой крымские ханы поддерживали свое влияние в Черкесии. По его словам, черкесские князья (беи) «легкомысленно позволили ханам обмануть себя: один из ханов прислал к ним своего сына, другой — двух, третий — трех сыновей и, таким образом, мало-помалу черкесы попали под управление султанов. В настоящее время в черкесской стране считается 52 султана, способных носить оружие; самый бедный из них имеет при себе 50 конных и хорошо вооруженных слуг... Каждый бей как бы усыновил одного султана... Эти султаны повелевают и начальниками, и народом». Таким образом, широко распространенный у адыгов обычай аталычества был использован крымскими ханами для укрепления связей их с черкесскими феодалами.

Главани на ряде примеров показывает, как соперничающие между собой черкесские князья, в целях приобретения покровительства крымских ханов, отдавали им на растерзание родную страну, помогали покорять неповинующиеся черкесские области. Так, после разгрома в Кабарде войск крымского хана Каплан-Гирея, князья западночеркесских (кубанских) областей «вели беспрерывную войну против населения Кабарды» и, хотя не смогли проникнуть в глубь страны, вызвали в Кабарде «большой голод», «вследствие угона стад с пастбищных мест и вынужденного прекращения полевых работ».

Рукопись «Описания Черкесии» Главани была обнаружена случайно. Ее приобрел у букиниста известный кавказовед Е. Г. Вейденбаум и опубликовал с русским переводом в 1893 г. в «Сборнике материалов для описания местностей и племени Кавказа» (вып. XVII, Тифлис). Как указано в конце рукописи, она представляет собой копию, снятую с перевода текста «Описания» на французский язык (с какого языка — не указано, но вероятнее всего — с итальянского) в Константинополе 6 января 1727 г. Можно полагать, что перевод и копия с него были сделаны во французском посольстве в Константинополе, куда Главани представил «Описание Черкесии» вместе со своим консульским отчетом. Оригинал перевода был направлен французскому королю секретарем посольства Далиони. При переводе в текст Главани были внесены дополнения, чем и объясняется упоминание о событиях, происшедших после января 1724 г. —даты, которой Главани пометил свое «Описание Черкесии». Возможно, что эти дополнения принадлежат Далиони.

Публикуемый ниже русский перевод «Описания Черкесии» Главани заново сверен с французским текстом, и в него внесены некоторые редакционные изменения по сравнению с текстом русского перевода, изданного Вейденбаумом.

ОПИСАНИЕ ЧЕРКЕСИИ,

составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана. В Бахчисарае, 20 января 1724 г.

Деление Черкесии на бейлики, согласно этому описанию.

Название округов [1]	Число жилищ
Сагаке	500
Жанна	500
Бизеду. Существуют 2 независимых бея	1 000
Гемиргия или Гемиргой. Были 2 бея	2 000
Бесней или Бессини	1 000 около

Бесскессек-абаза	Дударух	200	один бей 620
	Лауказе	200	
	Биберди	120	
	Кимлик	60	
	Трам	40	

Бесслибай	200
Кабарта	3 000 около
Кучук-Кабарта	800 »
Тауз-султан-кабак	600 »
Гилаксан	400 и 5 селений

Описание Черкесии

Черкесия делится на 14 бейликов, или округов, самостоятельных каждый в своих границах. Она ни от кого не зависит и состоит под покровительством крымского хана, насколько сама признает это для себя удобным; в случае предъявления им каких-либо чрезвычайных требований отвергает их без стеснения. Так было, например, в 1723 году [2]. Крымский хан Каплан-Гирай * хотел обязать провинцию Кабарта, самую значительную из всех, давать ему большее число рабов, чем было установлено. Народ взялся за оружие, произошло кровопролитное сражение, татары были разбиты наголову, сам хан едва успел спастись и потерял свои сапоги; в битве легло более 5000 татар, в том числе многие мирзы и дворяне.

Не найдя себе поддержки в остальных провинциях, Кабарта обратилась за помощью к царю Московии. Бей дал царю в за-

---

* *Каплан* значит тигр. Хан этот был низложен турецким султаном в 1724 или 1725 году.

ложники своего сына, и этот молодой человек принял христианство. Прочии области Черкесии обратились против Кабарты и стали на сторону Крыма, с которым они пребывают в добром согласии вследствие того, что каждый бей, в видах приобретения покровительства татар, берет к себе на воспитание одного из принцев ханского дома Алидженги [3]. Вообще нет почти такой фамилии дворян или мирз, которая не воспитывала бы одного из этих принцев, так как это считается у них большою честью *.

Итак, черкесские князья, соединившись в числе 52 человек, причем каждый из них имел под своим начальством 50 всадников, вели беспрерывную войну против населения Кабарты, но не могли причинить этой провинции большого вреда, так как она занимает долину, проход в которую так тесен, что по нему можно следовать только поодиночке; сверх того, сама Кабарта в состоянии выставить в поле 5000 воинов. Тем не менее, война сделалась ей в тягость вследствие угона стад с пастбищных мест и вынужденного прекращения полевых работ. Это последнее обстоятельство причинило в стране большой голод.

Бей Кабарты назывался Аслан-бей **. У него получил воспитание Салих-Герай, сын нынешнего крымского хана Сеазет-Герая [4]. Несмотря на то, что бей отдался под покровительство Московии, принц часто навещал своего воспитателя. Имея от царя только 10 т. руб. в год, под условием продолжения войны против татар, и не рассчитывая на помощь войсками, бей вступил через посредство своего воспитанника в сношения с ханом и получил от него прощение и обещание покровительства. Это произошло 24 декабря текущего года [5]. Салих-Герай прибыл в Крым в сопровождении Жамболата-оглу (брата бея) и 20 знатнейших мирз. Они приняли присягу на верность хану и обязались дать ему 5001 [6] чел. рабов и рабынь в вознаграждение за татар, убитых в продолжение войны. Затем они отправились обратно 26 февраля по их стилю [7].

Черкессия расположена за рекою Кубанью и простирается до гор Кавказа. Это страна плодородная, с прекрасными равнинами и горами; вода здесь в изобилии. Она граничит: с одной стороны с калмыками, ныне состоящими под покровительством царя; с другой стороны с Каспийским морем, где находится крепость Терк, принадлежащая московитам; затем с Абазой, прилегающей к горе Кавказу и простирающейся до берегов Черного моря; наконец, с Меотийским болотом. Таким образом,

---

* Избрав кого-нибудь воспитателем, хан отправляет к нему принца через три дня после его рождения. Воспитатель содержит его как собственного сына до 15 или 16 лет. По достижении им этого возраста, даются ему рабыни. Если которая-нибудь разрешится от бремени, то она получает звание госпожи... и для новой госпожи строится отдельное жилище.

** Родовое имя его Жанболат-оглу.

страна эта заключается между морями Черным, Каспийским и Забакским [8].

К Забакскому морю прилегает округ Сагаке, имеющий одного бея, которому подчиняются 500 жилищ. К востоку от этого округа находится округ Жанна, состоящий из 500 жилищ, управляемых беем. Затем следует округ Биседу, в котором владеют два бея; они имеют каждый свое прозвание и независимы один от другого; один из них называется Кимси [9], другой Керкиной; у каждого из них состоит в управлении до 500 жилищ. Далее находится округ Гемиргия; прежде управлялся он двумя беями, из которых один назывался по имени округа, другой носил имя Мокосигилан; ныне имеется только один бей, который носит оба названные титула и управляет 2000 жилищ.

Посреди этого перешейка находится округ Бесней, наиболее плодородный и богатый. Он расположен на равнине, имеет около 1000 жилищ, между которыми много дворянских; жители славятся своею красотою. Округ этот пользуется большим уважением как по многочисленности его дворянства, так и по храбрости его жителей.

За ними находится округ, называемый Бесскессек-Абаза; жители его переселились из Абазы и отдались под покровительство черкесов. Они управляются черкесским беем, но по языку и происхождению они абазы. Название Бесскессек-Абаза значит пять поселений, а именно: первое называется Дударух и имеет 200 жилищ; второе — Лауказе, с 200 жилищ; третье — Биберди, 120 жилищ; четвертое — Кимлик, 60 жилищ; пятое — Трам, 40 жилищ.

За этим округом, ближе к Каспийскому морю, находится округ Бесслибай, имеющий бея и 200 жилищ.

Последний округ в восточном исправлении называется Кабарта. Границы его приближаются к крепости Терку, получившей свое название от реки Терка; которая омывает стены этой крепости. Округ Кабарта обширнее и могущественнее всех остальных; в нем 3000 жилищ и много дворянства, под управлением одного бея.

К стороне калмыков находится округ Кучук-Кабарта (Малая Кабарта), который оставался всегда верен Крыму; в нем один бей и 800 жилищ. На юге, близ Кавказа, расположен округ Тауз-султан-кабак, имеющий одного бея и 600 жилищ. Затем, у самой подошвы Кавказа, находится округ Гилаксан; в нем один бей и 400 жилищ. В зависимости от этого округа состоят пять селений в Кавказских горах.

Первый округ между черкесами [10] есть Чегем, имеющий 500 жилищ и зависимый от Кабарты. Второй называется Дюгер-Талкареки, состоящий тоже в зависимости от Кабарты; в нем 500 жилищ. Третий называемый Эбаги-Бараки, зависит от Бессини и имеет 200 жилищ. Четвертый — Каракай, с 200 жилищ, зависит от Кабарты. Пятый — Карабай, имеет 600 жилищ и

состоит в зависимости от Гемиргоя. Вот подробности о стране черкесов и их бейликах [11]. Каждый бей самостоятелен в своем владении, хотя они почти всегда находятся под покровительством хана Татарии. Произошло это вследствие того, что они легкомысленно позволили ханам обмануть себя: один из ханов прислал к ним своего сына, другой двух, третий трех сыновей и, таким образом, мало-помалу черкесы подпали под управление султанов[12]. В настоящее время в черкесской стране считается 52 султана, способных носить оружие; самый бедный из них имеет при себе 50 конных и хорошо вооруженных слуг. В отношении управления Черкесией и в видах обуздания народа султаны действуют заодно, так что черкесы сделались как бы рабами султанов. Каждый бей как бы усыновил одного султана; наиболее могущественные из мурз имеют также по одному султану в своих домах. Эти султаны повелевают и начальниками и народом. Власть беев ничтожна, так как подданные состоят у них только в мнимом рабстве: испаи [13] может во всякое время продать, кому захочет, каждого из этих подданных и никто не посмеет ему противоречить; он распоряжается ими, как своими подданными, как своею собственностью. Каждый испаи имеет одно или два селения, в управление которых даже бей не может вмешиваться. Если кто-либо из рабов совершит проступок, бей призывает старшину селения и приказывает ему наложить на провинившегося подданного или раба подобающее взыскание. Когда наступает время обязательной посылки ко двору в Крым рабов и рабынь, все испаи собираются у своих беев, которые определяют, сколько каждый из них должен дать сообразно имеющимся у него селениям. Затем каждый испаи отправляется в свое селение и избирает мужчин и женщин по своему усмотрению; никто, ни отец, ни мать, ни родные не могут противиться сделанному им выбору; напротив того, они бывают этим очень довольны, так как у себя на родине они все рабы, на чужбине же могут рассчитывать попасть на свободу. Испаи доставляют избранных ими людей к беям, а эти последние отправляют их к хану.

Обхождение их похоже на франкское: они вежливы и, приветствуя, снимают шапку; женщины принимают чужеземцев с радушием; для принятия пищи они садятся по-франкски [14] за стол. Женщины гордятся своим стройным станом и носят особый род корсета [15]; вообще же женская одежда похожа на турецкую. Они употребляют в пищу много мяса и мало хлеба, который приготовляется из просяной муки; вина не имеют, но гонят много водки из зерновых хлебов, яблоков, груш, слив и других плодов.

О религии их я не могу ничего сказать, так как их верования смешанные: они чтут субботу, воскресенье и пятницу, празднуют пасху с христианами и байрам с турками, утверждая, что все хорошо; в обществе христиан они не соблюдают

никаких постов, находясь же с турками, выдают себя за турок; так поступают они и со всеми другими религиями.

Каждый округ Черкесии имеет особое священное место, находящееся обыкновенно в лесу, где предметом поклонения служит большое дерево. Такое дерево черкесы называют пенекассан[16]; они совершают пред ним свои молитвы. Умирающие оставляют свою саблю, ружьё и одежду пенекассану; их относят туда с церемониею и вешают на деревья, так что с течением времени лес оказывается наполненным всякого рода оружием, одеждою и другими предметами, но никто не осмеливается прикоснуться к ним. В этом же лесу хоронят мертвых и совершают обряды. Трупы людей и животных, убитых громом, считают божеством, которое называется кодос[17]. Если мужчины и женщины, совершившие преступление или убийство, скроются в лес пенекассан и повяжут себе на шею какую-нибудь тряпку из числа висящих на деревьях, то они освобождаются от наказания, как состоящие под покровительством божества. Случалось, что турки, находящиеся в рабстве у черкесов, получали свободу, отдаваясь под покровительство пенекассана. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что рабы и преступники пользуются неприкосновенностью и свободою только до тех пор, пока сохраняется тот клочок ткани, который они повязали на шею. Рабы не ожидают того времени, когда повязка окончательно развалится от ветхости: получив свободу, они спешат удалиться из края.

Черкесы кротки, приветливы, вежливы, имеют очень красивых детей. Они благосклонны к иноземцам до тех пор, пока эти последние находятся у них в гостях; но иностранец, встреченный в поле, легко может попасться в рабство. Черкесы не знают никакой монеты и не занимаются торговлей. Они так искусны, что могут сделать любую вещь, не видав никогда способа ее изготовления. Черкесские женщины очень искусны в вышивании и вообще сами делают все необходимое для дома, так что не имеют необходимости приобретать что-либо покупкою. Молодые люди имеют один очень дурной обычай, а именно с наступлением весны и подножного корма, молодые мирзы и дворяне образуют общества в 50—100 человек и выступают в поле для пастьбы своих табунов. На их языке это называется козъ[18]. Они веселятся, пьют, едят и посылают в другие округа отряды человек в десять отборных наездников. Эти последние подкрадываются к селениям, прячутся в кустарниках, а вечером, когда дети отправляются по воду, набрасываются на них, выбирают двух-трех самых красивых девочек и мальчиков и мчатся с ними обратно в свой округ. Если родителям удастся нагнать хищников до перехода их через границу округа, то похищенные дети возвращаются без всякого сопротивления. Таков их обычай. Захваченные обращаются в рабство и продаются армянам, которые, под покровительством беев, разъезжают с разными товарами, имеющими сбыт в крае, и выменивают их

на рабов. Этим торговцам известно время наступления периода набегов, называемого козъ и продолжающегося 40 дней. По истечении этого срока все возвращаются обратно в свои селения и города в хороших одеждах. Подобные набеги не могут продолжаться долее 40 дней; каждый округ может принимать в них участие, но нельзя похищать более трех человек из одного селения. Сверх того, требуется, чтобы похищаемые были молоды и не состояли в браке; в противном случае добыча считается непригодной и возвращается обратно.

Обычай этот существует у них издавна. Я спрашивал у одного черкесского бея, почему дозволяются подобные набеги дворянству. Он отвечал мне: в нашей стране нет ни денег, ни рынков; откуда же взять нашим молодым людям средства для приобретения одежды? Мы не изготовляем никаких тканей, но купцы являются с товарами в период набегов и снабжают нас всем необходимым. Разве испаги делаются беднее от того, что у них отнимают ежегодно трех детей? Эти рабыни, рожая каждый год, заменяют потерю, а между тем наша молодежь приобретает посредством набегов возможность хорошо одеваться. Если у испаги отнимают трех детей, то потеря эта вознаграждается, быть может, с избытком детьми, похищенными в других округах. Таким образом, это есть простой обмен между округами, а между тем он дает нам возможность развивать воинственный дух в молодежи.

Многоженство не допускается у черкесов. Они могут иметь только одну жену. Беи вступают иногда в связь с своими рабынями, но рожденные от них дети считаются незаконными; их посылают в подарок крымскому хану, а то и просто продают. Если после смерти бея не останется наследников, то бейлик не может перейти к незаконному сыну и поступает в другую фамилию.

Кража считается дозволенною у черкесов. Они не имеют ни письменности, ни законов и не хотят ничему учиться. Они утверждают, однако, что черкесские округа существуют с тех времен, когда генуэзцы господствовали в Крыму. Еще и теперь некоторые фамилии носят франкские имена. Я сам держусь этого мнения, потому что их язык есть испорченный итальянский, и когда они говорят, то сжимают зубы, как генуэзцы; затем все их обычаи близки к франкским. В стране существует несколько церквей с надписями, но неизвестно какими. На древних могилах встречаются кресты, которые я считаю латинскими.

От Танаиса или Дона, отделяющего Азию от Европы, и до реки, которую грузины называют Джурлак[19], страна представляет как бы перешеек. Он омывается с одной стороны Каспием, с другой Меотийским болотом и Большим морем[20], так что образуется как бы остров. Будучи занята 50-ю различными варварскими и независимыми народами, страна эта мало известна

путешественникам, так как недоступна для них. Всякий, появляющийся в ней, обращается в рабство. Я приложил все свои старания к тому, чтобы узнать точно названия всех народов, и даже обращался по этому поводу к хану. Он отвечал мне, что ожидает прибытия с Кобана[21] одного человека, который даст мне все желаемые объяснения. Через несколько дней этот человек прибыл. Он оказался ногайцем. Я послал за ним и, предложив ему кофе и табак, просил его сообщить мне сведения о народах, обитающих на этом перешейке. Добрый старик отвечал мне, что он живет в той стране более 80 лет и что отец его умер там же, имея от роду 114 лет; тем не менее ни он сам, ни отец его не могли никогда познакомиться со всеми народами, населяющими перешеек. Я расскажу вам, прибавил старик, только то, что сам знаю, и начну свое описание от Азова, который находится на этом перешейке и подвластен турецкому султану.

При р. Танаисе, в Азове, живут турки. Затем, между реками Танаисом и Кобаном обитают идолопоклонники, подчиненные московитам и называемые калмык. По ту сторону Волги живут также калмуки, состоящие в подданстве московитов. Далее обитает татаро-ногайский народ, называемый Кабак[22]. За ним находится река Кобань, при которой находится около десяти тысяч казачьих жилищ. Казаки[23] эти были прежде московскими подданными, но 28 лет тому назад они покинули Московию и отдались под покровительство крымского хана. Народ этот называется джелал-казак и жил прежде при р. Танаисе. Страну от впадения в Меотийское болото реки Кобань и до Терка занимают ногайцы. Численность их определяют в сто тысяч казанов[24] или семейств. За ногайцами находятся 14 черкесских областей. За Черкесией живут комуки[25], которые распадаются на три отдельные народности. Самая могущественная из них называемая Сафкаль по имени ее хана, состоит ныне под покровительством московитов. Две другие занимают Терские горы, почти недоступные, почему и сохранили до сих пор свою независимость. В крепости Терк живут московиты. За ними обитает магометанский народ, называемый джетсан[26], а также народы диджан-бойлук и турван. Наконец население Дагестана распадается на три народности, из коих каждая управляется своим независимым ханом. За ними обитают лезги, состоящие под властью хана. Этот многочисленный народ (в нем считают более тридцати тысяч семейств) занимает оконечности Кавказа, соприкасаясь с одной стороны с Персией, с другой — с Грузией.

Добрый старик, сообщивший мне все эти сведения, рассказал также и о том, как он, вместе с лезгинами, ходил в Грузию за рабами (похищение людей для обращения их в рабство составляет обычный промысел лезгин). Перевалив чрез гору Кавказ, они заметили людские жилища и приблизились к ним,

в надежде найти какую-нибудь добычу. Но жилища оказались пустыми и обитателей их не оказалось, несмотря на все поиски. Тут провели они ночь, а наутро заметили, что из их партии, состоявшей из 300 человек, недостает пяти. Все розыски оказались тщетными: нельзя было заметить даже и следов того пути, по которому ушли пропавшие люди. Вследствие этого партия была вынуждена провести на месте еще один день. С наступлением темноты начальник партии приказал быть особенно бдительными. Около полуночи послышался большой шум. Все побежали с оружием в руках на слышавшиеся голоса и нашли двух из своих пропавших товарищей. Они были едва живы, могли говорить с трудом и только знаками призывали к себе. Так как ночь была очень темная и местность трудно доступная, то участники набега не могли ничего ни рассмотреть, ни найти. Возвращаясь к своей стоянке, они услыхали другой голос. Так как глубокий снег мешал идти всем на этот голос, то восьмеро наиболее храбрых людей из партии отправились туда и нашли восемь человек. Они взяли их, связали и с большим трудом спустились с ними вниз к месту расположения партии. Здесь начальник подверг их осмотру. Они были голы, гладки, с длинными волосами, ростом несколько ниже среднего; лица имели скорее красные, чем белые; говорили на непонятном языке. По приказанию предводителя партии они были отведены в сторону и умерщвлены. По объяснению найденных членов партии дело с ними произошло таким образом: когда они вышли за надобностью из жилища, на них набросилось более 50 человек, схватили их и начали кусать, как собаки. Они подняли крик и тогда напавшие, заслышав шаги, разбежались. Вот все, что мы знаем, сказали эти два человека. При осмотре тела их оказались искусанными во многих местах.

Рассказчик объяснил мне, что это были людоеды. Он клялся, что был личным свидетелем происшествия, и что все им рассказанное есть чистая правда.

По ту сторону гор находится Мингрелия. Жители ее идолопоклонники и управляются ханом. За ними живут ачикбаши [27], тоже идолопоклонники. Они очень многочисленны: говорят, что они могут выставить пятьдесят тысяч храбрых воинов. Управляет ими хан. Далее обитают кадаки [28], которые исповедуют христианство по греческому обряду и имеют монастыри и церкви. За кадаками находятся 24 независимых абазских бея. Владения их простираются от Большого моря до залива Гелинджик-лиман [29] в Черкесской земле. Залив этот представляет хорошую стоянку для судов. Прежде генуэзцы имели здесь пристань, а ныне султан турецкий начал строить укрепление. Морская флотилия может зимовать в этом заливе, будучи закрыта от всех ветров. Гелинджик-лиман находится между Абазою и Черкесиею и удален на 50 миль от Кафского пролива [30].

Старик-рассказчик присовокупил, что существует еще множество других народов, ему неизвестных. Все же те, которых он мне поименовал, пользуются независимостью, управляются деспотически и говорят на языках, непонятных другим народам.

От пролива Кафы до Каспийского моря считают 180 часов пути. Этим определяется ширина перешейка. В длину простирается он до реки Гиурлак, отделяющей его от Персии. В этом направлении он имеет 230 часов пути. Вот все сведения, какие я только мог собрать об этой стране.

Копия снята с перевода отчета королю, сообщенного господином Далион. В Константинополе, 6 января 1727 года.

Примечания

[1] Названия округов показывают здесь в сущности названия племен или племенных подразделений, занимавших эти округа. При трудности передачи звуков черкесского языка буквенными знаками европейских алфавитов неудивительно, что названия племен, записанные итальянцем, не совпадают вполне с теми, которые приняты у нас, а именно:

Сагаке назывались у нас Шегаки, Хеаки и Хегайк. Они составляли подразделение натухайского племени или Ноткуадж, Натхокуадж.

Жанна носили у нас название Жанеевцев или Жан.

Бизеду — Бжедухи.

Гемиргия, Гемиргой — Темиргоевцы, Кемиргоевцы, Кемгуй, Кемурkве.

Бесней или Бессини — Бесленей, Бесленеевцы.

Бесскессек-абаза. Под именем Абаза, или по-нашему абазинцев, известны в Закубанском крае абхазцы, отделившиеся от своих родичей в Абхазии и перешедшие на северный склон Главного Кавказского хребта. Бесскессек, правильнее беш-кесек, происходит от турецко-татарских слов: беш — пять и кесек (от глагола кесмек — резать, рубить) отрезок, отрубок, часть, доля. Таким образом, беш-кесек значит пятидольный, состоящий из пяти частей. Действительно наш автор подразделяет племя Абаза на пять родов: Дударух (Дудаpуковцы), Лауказе (Лоу или Лоовцы), Биберди (Бибердь или Бибердовцы), Кимлик (Клычь?) и Трам (Там). В конце прошедшего столетия абхазское племя в Черкесии подразделялось уже не на пять, а на шесть частей, почему и называлось Алты-кесек (алты по-турецки — шесть), или у русских Малая Абаза или Шестиродная. По академику Палласу подразделения эти назывались: Джантемир, Клычь, Кеша, Лоу, Биберт и Дударук.

Беслибай — Башилбай.

Кабарта — Кабарда.

Кучук-Кабарта — Малая Кабарда (кучук по-турецки — малый).

Тауз-султан-кабак ошибочно вместо Тау-султан-кабак. Название тау-султан (тюрк. тау — гора, следов. тау-султан — горский султан) носил владельческий род Малой Кабарды. Слово кабак употребляется у горских и ногайских племен Северного Кавказа в смысле жилища, поселения, особенно владельческого, княжеского. Название это нередко встречается в статейных списках наших послов, проезжавших чрез кабардинские земли на пути в Грузию. Слово кабак несомненно турецко-татарское и введено на Северном Кавказе, вероятно, ногайцами. Но причина приложения его к жилищу или поселению остается невыясненною с точностью. На наречии тобольских татар кабак — затвор, забор на меже (чтобы чужой скот не ходил). У казанских татар и башкир кавак — куст, в турецком языке — явор, липа (см. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий Лазаря Будагова, СПб., 1871). По объяснению покойного Н. В. Ханыкова, слово кабак означает собственно на татарском языке чашу и иносказательно равнину, окруженную со всех сторон горами, каких много встречается в Кабарде и Черкесской земле (см. Броссе. Критический обзор грузинских летописей и проч., в журнале Мин. Нар. Пр., 1846 г., часть LI, стр. 17, примечание). Объяснение это едва ли может быть признано удовлетворительным ввиду того, что на Северном Кавказе кабак означает не равнину, а населенное место, жилище, с каковым значением это слово перешло и в русский язык (постоялый двор с продажею питей). Поэтому будет, кажется, правильнее принять, что у тюркских племен Предкавказья, подобно тому, как у тобольских татар, слово кабак значит затвор, забор, а в более широком смысле — жилище, обнесенное оградой.

Гилаксан, правильнее Гилахстан — одна из владельческих фамилий Малой Кабарды. Принадлежавшие ей селения были известны у нас под названиями Ахловых и Мударовых кабаков.

[2] Показание это явно ошибочно и должно быть объяснено ошибкою переписчика, так как Главани, писавший свой консульский отчет в 1724 г., не мог не знать, что Каплан-Гирей не был крымским ханом в 1723 г. Он заменил впервые в этом звании своего брата Гази-Гирея в апреле 1707 г., но в конце того же года был низложен по велению турецкого султана и вновь возведен в ханское достоинство в 1713 г. вместо Девлеть-Гирея. В 1716 г. он должен был уступить управление Крымом Сеадат-Гирею и сделался в третий раз ханом только в 1730 г., после низложения Менгли-Гирея. Крымский поход фельдмаршала графа Ласси в 1736 г. навлек на Каплан-Гирея неудовольствие султана, и он был окончательно лишен ханского достоинства (см. *Hammer*. Histoire de l'Empire Ottoman. Paris, 1839, tome XIII et. XIV).

Поход Каплан-Гирея в Кабарду, о котором рассказывает в своем отчете Главани, описан турецким историком Рашидом. По его рассказу, приведенному у Гаммера (*Hammer*. Histoire de l'Empire Ottoman, tome XIII, pp. 191—193) кабардинцы незадолго до возведения Каплан-Гирея в достоинство хана, в 1707 г., отказались платить Крыму обычную подать мальчиками и девочками, известную под названием аиблик (т. е. постыдная и позорная подать), и, покинув свои жилища около Пиштав (гора Бештау или Пятигорье), удалились в неприступные горы Балканджан (вероятно, в верховья р. Малка). Каплан-Гирей пошел против них с многочисленным войском (более 30 тысяч воинов ногайских, черкесских и других), но потерпел совершенное поражение и сам едва спас свою жизнь. Неудача эта и была причиною низложения хана в декабре 1707 г.

Кабардинское предание повествует, что старший князь Кабарды Кургоко Хатожуков, получив сведение о силах хана, решил предупредить его нападение и употребил для этого следующую хитрость: навьючив 300 ослов сеном, он отправил их ночью к неприятельскому стану с приказанием зажечь сено и стрелять из ружей. Ослы криком своим до того перепугали врагов, что они стали рубить друг друга, с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно разбили, взяв много пленных и большую добычу (*Шора-Бекмурзин Ногмов*. История Адыхейскаго народа. Тифлис, 1861, стр. 141, 142). Несколько сведений об этом же походе Каплан-Гирея находится у С. Броневского в его «Новейших географических и исторических известиях о Кавказе» (Москва, 1823, часть 2-я, стр. 82), причем год событий показан условно: 1705 или 1708.

3 Непонятно, откуда взял Главани название Али-Дженги для владетельного дома крымских ханов. Известно, что члены этого дома носили родовое имя Гирей или Герай и вели свой род от Джелалберды, сына Тохтамыша, который в свою очередь был потомком знаменитого татарского завоевателя Чингиз-хана.

4 По Гаммеру (Histoire, т. XIII, tables genealogiques), Сеадет-Гирей был лишен ханского достоинства 16 октября 1724 г.

5 Т. е. 24 декабря 1723 г., так как отчет Главани помечен: «20 января 1724 г.».

6 Цифра эта невероятна. Сам Главани определяет население Кабарды приблизительно в 3000 дымов.

7 Здесь опять недоумение: по тексту отчета выходит, что Салих-Гирей пустился в обратный путь 26 февраля 1724 г., а между тем отчет закончен 20 января этого года.

8 Забакское море, mar delle Zabache. Так средневековые итальянские географы называли Азовское море. В. Семенов справедливо полагает, что название это переиначено из татарского Чабак-денгеси, под каковым именем море это было известно у крымских татар (ст. Библиотека иностранных писате-

лей о России. Иждивением М. Калистратова, трудами В. Семенова. Том I. СПб., 1886 г., примечание 19 к путешествию И. Барбаро в Тану).

[9] Разделение племени бжедухов на два колена сохранилось и до наших дней. У нас они называются бжедухи-хамышевцы (бзедуг-хамыше) и бжедухи-черченеевцы (бзедух-черченей). Если принять во внимание разницу в транскрипции, то итальянские названия kimssi и kerkinoi совпадают с хамыше и черченей.

[10] Здесь, очевидно, вкралось какое-то недоразумение, замеченное уже и переписчиком, так как он, для ограждения себя, счел необходимым отметить против этого места на полях копии copie mot a mot, т. е. переписано слово в слово. Дело в том, что здесь речь идет, очевидно, о племенах не черкесского происхождения, а только подвластных черкесам. Поэтому выражение «первый округ между черкесами» надо понимать в смысле первого округа из числа подвластных черкесам. Чегем есть татарское общество, занимающее ущелье р. Чегема; оно и ныне известно под тем же именем. Под Дюгер-Талкареги подразумеваются, очевидно, дигорцы или дигорские осетины, которые, действительно, были подвластны кабардинцам; но вторая половина названия — Талкареги — не поддается объяснению. Эбаги-бараки, подчиненные бесленеевцам, означают, вероятно абазинские (абхазские) роды Баг и Баракай, жилища которых были расположены по р. Ходзь, притоку Лабы. Воспоминание об их пребывании в этих местах сохранилось в имени станицы Баговской на р. Ходзе. Каракай есть, очевидно, татарское общество Карачай, занимающее и ныне верховья Кубани. Карачаевцы, действительно, состояли в зависимости от кабардинцев. Название Карабай — неизвестно и не поддается объяснению.

[11] Из описания Главани видно, что в его время первенствующее сословие, называвшееся по-черкесски пши, по-турецки бей, еще стояло во главе черкесских обществ и пользовалось властью над народом в делах общественных. Около середины прошедшего столетия высшие сословия (пши и ворк) утратили свои политические преимущества во всех черкесских племенах, за исключением кабардинского, и уравнялись в правах со средним сословием свободных людей (тльфекуатль). Об этом перевороте см. у Николая Карлгофа «О политическом устройстве черкесских племен» (Русский вестник, 1860, т. XXVIII).

[12] Титул султана принадлежал всем членам владетельного дома крымских Гиреев.

[13] Сипаи или испаи называлась конная гвардия турецких султанов. Она была учреждена султаном Орханом в 14 столетии, одновременно с корпусом янычаров, и уничтожена во второй половине 17 века при султане Мохаммеде IV. У Главани название сипаи относится, вероятно, к конной свите черкесских

беев и крымских принцев. Как видно из отчета, лица этой свиты заведовали селениями от имени тех беев и султанов, при которых состояли.

По словам Пейсоннеля сипаги составляют у черкесов особое сословие, образовавшееся из рабов, которые получили свободу. Он ставит это сословие выше узденей и утверждает, что только дворянство и сипаги имели право носить оружие. Вероятно, сипаги — татарское название сословия вольноотпущенников, которое у кабардинцев именовалось пшекеу.

[14] На востоке франками называются европейцы и преимущественно представители романских племен.

[15] В подлиннике стоит здесь слово, которое невозможно прочитать; но несомненно, что дело идет об известном черкесском обычае зашивать талью девушек в сафьян для придания стройности стану и задержки развития груди, так как считается неприличным девушке иметь пышный бюст.

[16] Все сведения о поклонении черкесов священным рощам и деревьям собраны и сопоставлены в статье моей «Священные рощи и деревья у кавказских народов». (Известия Кавказского отдела Русск. Геогр. общества, т. V, № 3). В этой статье приведена выписка из сочинения Пейсоннеля, бывшего в половине прошедшего столетия французским консулом при крымском хане, о знаменитом дереве панжассан или панагиасан, к которому черкесы питают уважение, граничащее с идолопоклонством. Пейсоннель вполне основательно полагает, что название дерева происходит от греческого слова панагия (пречистая, пресвятая),— имя, которое греки дают Богородице (Peysonnel, Traite sur le commerce de la mer Noire. Paris, 1787, t. II, pp. 3 et 316). В дополнение к сказанному мною в упомянутой статье о соединении в поклонении черкесов деревьям и рощам христианских и языческих элементов, считаю необходимым упомянуть здесь еще об одном обстоятельстве. На левом берегу Терека, в том месте, где река эта прорывается чрез южный Кабардинский хребет, находится древнее городище, называемое Татартуп (татарский холм). В настоящее время в месте городища стоит только один высокий кирпичный минарет, но еще в конце прошедшего столетия были видны здесь развалины мечети, башен, двух церквей и следы обширного кладбища. В одной из этих церквей академик Гюльденштедт мог еще различить на стене изображение Богородицы и Иоанна Крестителя. Городище пользовалось прежде у кабардинцев и чеченцев величайшим уважением: клятва, произнесенная при Татартупе, считалась священною: преступники, отдававшиеся под покровительство Татартупа, считались неприкосновенными; здесь происходили собрания и совершались жертвоприношения. Нахождение на одном урочище христианских и мусульманских памятников и совершение здесь же религиозных обрядов указывает, что в понятиях кабардинцев место это сохраняло священное значе-

ние в течение длиного ряда веков. Природный кабардинец Шора-Бекмурзин Ногмов в своей «Истории Адыхейского народа» (Тифлис, 1861, стр. 25) говорит, что кабардинцы, для подтверждения истинности чего-нибудь, имели обыкновение вместо клятвы произносить слова: татартуп пенжесен, т. е. «да буду в Татартупе многожды!» Но перевод этот не столь буквальный: пенжесен вовсе не значит по-кабардински «да буду многожды». Очевидно, что первоначальный смысл выражения утратился, и оно сохранилось в народе только в виде клятвенной формы. На это намекает и сам Ногмов, называя это выражение пословицей. Мне кажется, что слово пенжесен имело у кабардинцев такое же значение, как и у других черкесских племен, т. е. панагия, с тем полухристианским и полуязыческим характером, о котором сказано выше. Таким образом, кабардинское восклицание татартуп пенжесен означает, по моему мнению, клятву именем татартупской панагии. Для окончательного разъяснения этого вопроса было бы желательно, чтобы лица, знакомые научным образом с кабардинским языком, высказали свое мнение о возможности объяснения слова пенжесен элементами этого же языка.

[17] Об особом уважении черкесов к трупам людей и животных, убитых молнией, говорят многие писатели. По словам Пейсоннеля (Traite sur le commerce etc. t. II, p. 3), название кодош дается черкесами и абхазцами священным деревьям. Слово это Пейсоннель производит от еврейского кадош — святой. Путешественник Жан да Лукка, посетивший Черкесию около 1637 г., рассказывает о кудоши (cudosci) или священных местах, в которых можно было видеть множество бараньих голов, оставшихся от курбанов или жертвоприношений (см. указанную в примечании статью о священных рощах и деревьях у кавказских народов, (стр. 155). Поэтому показание Главани о том, что название кодош прилагалось черкесами к пораженным молнией, являлось весьма вероятным, хотя он ошибается, называя кодош божеством.

[18] Коз (coz) есть, очевидно, искаженное автором тюркское слово кош, означающее временное, походное жилище (шалаш, балаган, палатку) и поэтому употребляемое также в смысле лагеря, стана, ставки. Заимствовав это слово от татар, запорожские казаки назвали кошом свою главную квартиру, а атамана кошевым. Слово кош и ныне означает у горцев Северного Кавказа временный стан табунщиков, пастухов, работников в поле. В старое время, когда каждый должен был остерегаться хищников, черкесские князья выезжали со своею свитою в поле для надзора за жатвою и сенокосом и для охранения самих работников, табунов и стад. Такая жизнь в лагерях (кошах) продолжалась около двух месяцев и требовала соблюдения всех воинских предосторожностей, так как летнее время было наиболее удобно для проявления молодечества, выражав-

шегося в похищении людей и отгоне скота и табунов. Подобного рода хищничество входило в курс воспитания черкесской молодежи благородного происхождения. Молодые князья отдавались в самом нежном возрасте на воспитание какому-нибудь узденю, который в качестве дядьки (аталык) был обязан обучать его военному ремеслу. Для практики воспитанник отправлялся сначала в недальние поиски на воровство скота и лошадей, а затем уже принимал участие в более крупных предприятиях, вроде похищения людей, отгона табуна и т. п. Добыча, приобретенная воспитанником, принадлежала его аталыку. Рассказ Главани об особых правилах, соблюдаемых при наездах, и об условиях, при которых похищенное подлежало возвращению, требует пояснения. Дело в том, что особы княжеского рода считались у черкесских племен неприкосновенными для лиц низших сословий и всякое покушение на них со стороны последних влекло за собою жестокое мщение и наказание. Поэтому понятно, что подвластные, потерпевшие от шалостей своих же молодых князей, не осмеливались употреблять против них силу для отнятия добычи и могли только просить о возвращении похищенного. Если же оказывалось, что хищники принадлежали к чужому племени или роду, то преследователи отваживались вступать с ними в бой, так как в случае убийства чужеродного князя могли рассчитывать на защиту и покровительство своего владетеля.

19 Главани пишет двояко: Джурлак и Гюрлак. По его словам, это грузинское название реки, отделяющей на юге Кавказский перешеек от Персии; следовательно — р. Кура, но само название остается необъяснимым и не встречается, кроме Главани, ни у одного автора.

20 Большое море. Так называли итальянские географы средних веков Черное море.

21 Кобань — р. Кубань.

22 Имени кабак не носит ни одно подразделение ногайского племени. Надо думать, что Главани, неправильно поняв слова рассказчика, принял слово кабак за название народа, тогда как речь шла о каком-нибудь ногайском поселении. О значении слова кабак см. примечание 1.

23 Казаки эти известны под названием некрасовцев. После усмирения Булавинского бунта они бежали с Дона под предводительством Игнатия Некрасова и поселились на Таманском полуострове в нескольких городках. По Главани, это случилось около 1700 г., но показание его неточно: известно, что некрасовцы оставили Дон в 1708 г.

24 Казан значит по-татарски котел. Так как каждая семья собирается около своего котла, то численность кочевого населения определяется количеством котлов.

25 Комуки. Тюркский народ, известный у нас под именем кумыков, занимает северную часть дагестанского прибрежья

Каспийского моря приблизительно от устья Терека до Дербента. На западе они соприкасаются с чеченцами, аварцами и даргинцами. Сафкаль есть искаженное слово шамхал — титул, который носил владетель тарковский. В 1867 г., за отказом шамхала Шамсудин-хана от своих прав по управлению народом, владение или шамхальство Тарковское вошло в состав Темир-хан-шуринского округа Дагестанской области.

[26] Джетсан и Тиджан-бойлук суть искаженные названия поколений ногайцев: Едисан и Джембулук. Название Турван мне неизвестно.

[27] Ачикбаш значит по-турецки обнаженная голова. Под этим имеем известны у турок жители Имеретии и вообще долины Риона, которые или вовсе не носят никакого головного убора, или же покрывают только темя небольшим круглым куском ткани, который держится посредством тесемок, завязываемых под подбородком. Убор этот, называемый куди или папанаки, представляет в точности форму пращи. Турки, считающие неприличным обнажать голову, не могли не обратить внимание на странный обычай имеретин и прозвали их ачикбаш или баш-ачик, т. е. открытая, обнаженная голова.

[28] Кадаки. Такого христианского народа нет за Кавказом и не было в то время, когда писал Главани. По всей вероятности, упоминание об этих кадаках есть отголосок показаний средневековых путешественников и католических миссионеров о кайтаках или кайдаках, живших на Кавказе и исповедовавших христианскую веру. В действительности народ, называемый кайтах или хайдак, обитает и поныне в Дагестане. Но в средние века название это распространялось некоторыми писателями почти на все Закавказье. Так, Иосафат Барбаро в своем «Путешествии в Тану» (в 1436 г.) говорит, кайтаки занимают все пространство между Мингрелиею и Каспийским морем. В другом своем сочинении — «Путешествие в Персию» тот же автор рассказывает, что между кайтаками встречается много христиан греческого, армянского и католического исповедания. Критический разбор средневековых известий о кайтаках и принятии ими христианства мог бы дать много важных указаний для этнографии и истории Кавказа.

[29] Гелинджик-лиман — известная Геленджикская бухта на восточном берегу Черного моря.

[30] Кафский пролив — ныне Керченский пролив. Кафа или Каффа, ныне Феодосия в Крыму, который по имени города даже называли у итальянцев островом Каффа.

ДЖОН КУК

(Умер после 1754 г.)

Джон Кук по происхождению шотландец, по профессии врач-хирург. С 1736 по 1750 г. жил в России. В 1737 г. был принят на русскую службу и участвовал в войне с Турцией, после окончания которой (1739 г.) получил назначение в Астрахань, где находился несколько лет. В 1744—1748 гг. Кук сопровождал в качестве врача посольство князя М. М. Голицына в Иран.

Длительное пребывание в Астрахани, а также участие в свите посольства кн. М. М. Голицына позволили Куку собрать различные сведения о черкесах, которым он посвятил целую главу в описании своих странствований по России. При составлении этой главы Кук, по-видимому, пользовался официальными русскими документами и другой информацией, получаемой в Астрахани, являвшейся в первой половине XVIII в. главным центром по сношению России с кабардинцами и другими народами Северного Кавказа. Астраханскому губернатору, в частности, были в то время подведомственны все так называемые «кабардинские дела». Из Астрахани в Кабарду систематически направлялись русские офицеры и чиновники с различного рода поручениями. В свою очередь в Астрахань часто приезжали кабардинские представители как для переговоров с астраханским губернатором, так и для дальнейшего проезда в столицу империи — Петербург. Астрахань играла также важную роль и в торговле России с Кабардой. Таким образом, Кук, находясь в Астрахани, мог и лично встречаться с кабардинцами. Кроме того, Кук был проездом и в Кизляре, который как раз в конце 30-х — начале 40-х годов XVIII в. превращался в главный опорный пункт России на Северном Кавказе и поддерживал постоянные отношения с Кабардой. После основания в 1736 г. Кизлярской крепости, комендант ее, подчинявшийся астраханскому губернатору, стал непосредственно ведать кабардинскими делами; это привело к тому, что в Кизляре кабардинцы стали бывать чаще, чем в Астрахани, тем более, что Кизляр был значительно ближе к Кабарде. Имея в виду это обстоятельство, Кук именует Кизляр столицей Черкесии.

Однако описание Кука содержит сравнительно небольшой материал по Кабарде и еще меньший о других черкесских областях. Хотя Кук в главе, посвященной Черкесии, касается многих вопросов (включая даже такие, как почва страны), ее содержание в общем очень кратко и схематично, особенно в этнографической части. Знакомясь с текстом сочинения Кука в целом, нетрудно заметить, что Кук использовал свое пребывание в России и, в частности, в Астрахани для сбора главным образом материала,

характеризующего внешнюю политику России на Ближнем Востоке. Интересуясь восточными делами, Кук при описании областей Кавказа обращал внимание преимущественно на их внешнеполитическое и экономическое положение.

Материалы Кука, представлявшие значительный интерес для определенных кругов английской буржуазии, стремившейся развить свою торговлю в странах, примыкающих к Каспийскому морю, впервые появились в выдержках у J. Hanvay в его сочиинении «An historical account of British Trade over the Caspien Sea» (London, 1753).

Полностью описание путешествий Кука было опубликовано в Эдинбурге в 1770 г., второе издание там же в 1778 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И СТРАНСТВОВАНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ, ТАТАРИИ И ПО ЧАСТИ ПЕРСИДСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Глава XXI

Относительно Черкесии и ее настоящей столицы Кизляра: о населении, их религии, обычаях, современном правительстве и т. д.

Черкесия, согласно полученного мною отчета, лежит между Азовским, Меотийским болотом на западе, высокими кавказскими предгорьями, населенными грузинскими и дагестанскими татарами на юге, Каспийском море на востоке и Астраханскими степями, через которые мы как раз проезжали по южной их границе. Западная половина этой страны находится под властью турок, восточная половина в зависимости от русских, а на некоторую часть местности на юго-востоке предъявляют права персы.

Различные авторы дали очень разнообразные отчеты о почве этой страны. Один пишет, что она очень плодородна, другой, что она чрезвычайно бедная: оба автора ошибаются, так как одна часть страны не уступит никому по плодородию почвы, а на другой, как уже отчасти отмечали, на границах астраханских степей, не произрастает даже травы, и нет ничего невозможного в том, что такая бедная почва может быть найдена в середине страны; но я придерживаюсь того мнения, что если бы худшая часть ее была удобрена, подобно тому, как мы проделываем это в Великобритании, она окажется годной, хотя здесь не отличаются бережливостью: туземцы имеют достаточно земли и употребляют только ту, которая дает обильный урожай даже после обработки только поверхности земли.

Русские построили город, называемый Кизляр, приблизительно в 60 верстах от Каспийского моря; когда я был там, там кончали постройку мощного земляного укрепления, в котором держат гарнизон в 500 чел. регулярного войска и около 2000 или 3000 казаков. Русские дали также казакам право строить города на берегах реки Терек; эта река течет с запада на восток через плодородную страну, больше чем на 150 верст в длину около города Кизляра; в ней много рыбы, в особенности большое количество прекрасных лососей, а вблизи устья, где она впадает в Каспий, встречается большое количество осетров. Город Кизляр лежит на 44° широты и поэтому климат там не может быть очень плохим, тем более, что страна хорошо орошается реками, представляет из себя ровную поверхность и город построен почти посередине той местности, которая собственно принадлежит русским.

Черкесы милые, красивые, хорошо сложенные люди — как мужчины, так и женщины; обычно они высокого роста и являются хорошими солдатами; их оружие состоит из стрел, луков и sagmitase *, тем не менее они метко попадают с одного выстрела из нарезного ружья. Большинство людей имеют огнестрельные ружья. Те, которые находятся под защитой русских, управляются собственными князьями, главный из которых называется Бекович. Он генерал-майор иррегулярных войск русской армии; но он никогда не получал приказа покинуть Черкесию, где, как думают, он может принести большую пользу империи. Имеются другие черкесские князья, находящиеся под властью русских, совершенно независимо друг от друга, но не так уважаемые, как он. Хотя черкесы достаточно почитают своих князей, однако последние все-таки не в силах полностью принуждать их к какому-либо делу, если они сами не склонны к нему; поэтому всегда необходимо привлечь большинство на свою сторону, и князь принужден делить добычу, так как во время набегов каждый имеет право на ее часть; и если князь когда-нибудь получает подарок от императрицы, что бывает часто, каждый из его подданных ожидает свою долю, если подарок можно разделить, или что-либо равноценное, если этого нельзя сделать. Те, которые находятся под властью русских, лишь настолько являются их подданными, насколько клянутся подчиняться общим законам, не противоречащим как русской, так и собственной пользе; но русские никогда не предлагают задевать их религиозные дела.

Они исповедуют магометанскую веру и, подобно туркам, имеют несколько жен и столько наложниц, сколько пожелают. Мне говорили, что у них есть один старинный обычай, который заключается в том, что когда главная жена хана мучается в родах, первый черкес, который узнает об этом, становится в дверях

* Название не расшифровано.

гарема или дома, где содержатся женщины, — так как подобно туркам, во всех случаях и здесь также они имеют дома для своих жен, хотя и смежные, но отделенные от главного дома, куда не входит ни один мужчина, за исключением мужа; заняв свое место, ни один другой черкес не смеет заменить его; когда женщина родила, посылают одну из старых женщин-служанок к этим дверям с сообщением, что ханская жена родила сына или дочь, или обоих; если [она родила] сына, то богато одетый ребенок выносится к дверям и отдается тому черкесу, кто получил это право по их закону; он относит ребенка к себе домой, добывает кормилицу и воспитывает его, как свое собственное дитя, пока он не достигнет 9 или 10 лет. Тогда он возвращается к своим родителям, которые в это время имеют большую радость. Причиной подобных действий является то, что ребенок должен быть воспитан сурово и должен сделаться богатырем или героем; эти качества очень необходимы в их среде, так как без них он будет очень мало уважаться.

На основании того, что я написал, вы видите, что они очень почитают своих правителей и старинные дома. Знатная семья не позволит своим дочерям пойти к простому народу или к тем, кто находится рангом ниже их собственной семьи. Я никогда не слыхал, чтобы они имели другую церемонию при браке, чем простой контракт между родителями или опекунами детей, после которого молодой паре разрешается посещать и видеть друг друга в присутствии родителей; после того, как жених сделал 2 или 3 визита, если они довольны друг другом, сделка заключается и она отвозится к нему в дом в закрытой разукрашенной повозке в сопровождении женщин, которые будут жить с ней...

(Далее описывается частный случай в Кизляре между кн. Бековичем и его старшим сыном).

В Черкесии за дочерей не дают другого приданого, кроме нескольких богатых платьев, украшенных драгоценными камнями, и небольшого числа женщин; но жених обязан доставить в день свадьбы определенное количество лошадей, верблюдов, коров и пр., как было заранее согласовано; если у них самих нет такого количества, они делают набег на своих соседей и увозят то количество, в котором нуждаются, или же лишаются жизни при этой попытке...

Примерно в конце октября этого года (1746) отряд татар сделал набег на русскую Черкесию и угнал большое количество всякого скота. Они были настолько смелы, что угнали скот в 5 верстах от города. На другой день драгуны и казаки были посланы в поиски за ними; но после погони в течение 5 или 6 дней возвратились совершенно усталые без всякой удачи. Это не могло не оказаться чрезвычайно прискорбным как для казаков, так и для черкесов, которые понесли урон.

(Далее говорится о том, как скот был отнят у татар, в результате похода на них Бековича).

Черкесы носят тоги или длинные одежды; их волосы коротко острижены, так что на расстоянии, когда они непокрыты, можно подумать, что они носят маленькие шапочки; они бреют все, кроме усов. Когда они сидят на лошади, у них к седлу прикреплена сабля под левым бедром, а другая висит у левого бока.

Продолжение того, что случилось в Кизляре и т. д.

Кизляр... новый город и, следовательно, незаконченный, он может вместить шесть или семь тысяч жителей, кроме гарнизона и других лиц, принадлежащих к войску, состоящих из русских, казаков и туземцев страны... Коротко говоря, это бедный, грязный город... Там имеется только 2 лавки...

Прежде чем оставить Черкесию, я должен отметить, что они действительно хорошо сложенный, красивый народ. Их женщины все очень красивы и мало среди них, если таковые вообще имеются, носят следы оспы.Они не прививают, как мы делаем, а заражают детей следующим образом и, как говорят, без всякой опасности: они посылают подарок (без которого, как заставляет их думать суеверие, оно не будет иметь действия) больному ребенку, который во время худшего периода болезни разрешает им привязать себе под мышку небольшой кусок хлопка, зашитый в кусок хлопчатобумажной материи, на противоположной стороне которого, прикасающейся к выделительным железам, привязан кусок свинца. Этот препарат остается прикрепленным к подмышкам больного ребенка до тех пор, пока оспа не отпадет и не высохнет, приблизительно 3—4 дня; затем его относят в закрытой посуде прямо к тому ребенку, который намечен для заражения, и прикрепляют таким же образом к его подмышке, где он оставляется в течение 3—4 дней и обычно заражает ребенка. Я никогда не видел, как это проделывается, но все соглашаются с тем, что в этом заключается их метод, хотя никто не знает, как давно они его применяют.

КАРЛ ПЕЙСОНЕЛЬ

(1727—1790 гг.)

Карл Пейсонель — видный французский ученый, дипломат и политический деятель. Происходил из интеллигентной дворянской семьи. Его отец, совмещавший государственную сужбу с научными занятиями в области археологии, позаботился о том, чтобы дать своему сыну хорошее образование, основательно подготовить его к дипломатической деятельности и привить ему вкус к научным исследованиям. Отправляясь в качестве французского консула в Смирну, отец взял с собой сына, который приобрел там под его руководством необходимые для ведения консульских дел знания и опыт.

Смирна в это время была одним из наиболее крупных черноморских портов Турции, откуда шли важные торговые пути в глубь Малой Азии. Пребывание в Смирне позволило Пейсонелю сразу же войти в курс сложных вопросов черноморской торговли, которая в середине XVIII в. стала приобретать первостепенное значение для западноевропейских государств. Вскоре молодой Пейсонель получил самостоятельный пост. В 1753 г. он был назначен французским консулом в Крым. Если учесть, что Пейсонелю в это время было всего лишь около 26 лет, то следует признать, что он делал большие успехи по службе, которые вряд ли объяснялись лишь связями его отца, а (как об этом позволяют судить последующие факты его жизни и деятельности) вероятнее были результатом проявления его незаурядных способностей.

В Крыму Пейсонель пробыл сравнительно недолго (до 1757 г.), но сумел собрать исключительно ценный материал о внешней торговле не только Крымского ханства, но и соседней Черкесии, которой он уделял особое внимание. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1755 г. им было отправлено французскому двору весьма обстоятельное донесение о черкесах, включенное в «Записку о Малой Татарии». В этой записке Пейсонель сообщал, в частности, о делении черкесов на отдельные племена и княжеские владения, об их политическом и социальном строе, системе административного управления, религии, нравах и обычаях. После Крыма Пейсонель прослужил консулом на острове Кандии и в Смирне (с 1763 г.), закончив, таким образом, свою дипломатическую службу в том пункте, где он ее начал. Пребывание Пейсонеля в различных частях Причерноморья позволило ему обстоятельно ознакомиться с состоянием торговли в этом районе, что имело актуальное значение для Франции, все более и более

втягивавшейся в торговлю со странами Ближнего Востока. Интересы французской буржуазии, настойчиво требовавшей от своего правительства проведения активной колониальной политики на Востоке, нашли в лице Пейсонеля яркого выразителя. По занимаемой им должности консула Пейсонель обязан был защищать интересы французской коммерции, и он это делал весьма добросовестно.

Прослужив почти двадцать лет на Востоке, Пейсонель вернулся в Париж, где прожил, до последних дней своей жизни занимаясь научно-литературной деятельностью, склонность к которой он проявил уже давно. Еще в 1754 г. вышел его первый научный труд, посвященный описанию экономики Персии и Грузии. Сведения о них он собрал во время своего пребывания в Смирне. Затем в 1765 и 1785 гг. Пейсонель опубликовал еще два научных труда, один из которых был тоже связан с черноморской тематикой. Наконец, в 1787 г. вышел двухтомный «Трактат о торговле на Черном море». В нем как бы подводился итог многолетнему изучению торговых отношений в Черноморском бассейне. После этого труда, принесшего Пейсонелю известность, он опубликовал еще четыре книги.

В своем трактате о торговле на Черном море Пейсонель дает, в частности, весьма подробное описание внешней торговли Черкесии, ее экспорта и импорта. На основании этого описания мы можем составить довольно точное представление об общем уровне развития черкесской экономики, о состоянии основных отраслей народного хозяйства Черкесии: земледелия, скотоводства, пчеловодства, охоты, домашней промышленности и ремесла. Эти сведения представляют для нас исключительную ценность, так как ни один другой источник XVIII в. не дает нам подобного материала.

Сведения Пейсонеля, свидетельствующие о сравнительно высоком уровне развития в Черкесии сельского хозяйства и ремесла, заслуживают безусловного доверия; они основаны как на его личных многолетних наблюдениях, так и (что особенно важно) на данных о торговых пошлинах, взимаемых в портах Крыма и Северо-Западного Кавказа, находившихся под суверенитетом крымского хана.

Сведения Пейсонеля о внешней торговле Черкесии были еще до революции переведены Е. Фелицыным и напечатаны в «Кубанском сборнике», а затем переизданы в 1927 г. в Краснодаре. Перевод Фелицына не отличается большой точностью, это скорее пересказ французского текста. Публикуемый ниже перевод «Трактата о торговле на Черном море» Пейсонеля сделан заново по подлиннику; кроме того нами даются выдержки из «Записки о гражданском, политическом и военном положении Малой Татарии», касающиеся черкесов, которые публикуются на русском языке впервые.

ТРАКТАТ О ТОРГОВЛЕ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

О Малой Татарии

Владения татарского хана в настоящее время охватывают все страны, которые тянутся вдоль северного побережья Чер-

ного моря от Дуная до Кубани, т. е. Бессарабию или Будзиак[1], занимающую пространство между Дунаем, Днестром, Черным морем и Молдавией, где живут орды ногайцев Будзиака; все пространство между Днестром, Бористеном[2], Бугом и границами Польши, где обитают орды ногайцев Иедзана[3]; равнины, находящиеся между Борисфеном[4], Доном и границами России, небольшая часть которых обрабатывается ордами ногайцев Джамбойлука[5]; Крымский полуостров и всю Черкесию от пролива Еникале или Босфора Киммерийского[6] до Кабарды, куда входят орды ногайцев Кубани.

Ситец или набивная ткань

В Крым ежегодно привозят значительное количество ситца или набивной ткани из Токата[7] и Кастамбула[8], называемых по-турецки «басма»; эти ткани употребляют также для пододеяльников и наволочек; продаются они в розницу в среднем от 6 до 15 пара[9] за пик[10], в зависимости от различного качества, а также оптом целыми кусками, каждый из которых имеет от 8 до 9 пик. Эта отрасль торговли чрезвычайно распространена, так как Каффа[11], куда поступают эти ткани, снабжает ими Крым, Черкесию и ногайцев; ежегодное потребление достигает свыше 200.000 пиастров[12].

Ткани из Кедиса[13]

Тканями из Кедиса являются белые льняные ткани, которые крымские купцы получают из Константинополя; их ввозят ежегодно от 5000 до 6000 тюков, в каждом из которых содержится от 56 до 58 кусков, длиной в 14 крымских пик, что равняется приблизительно 20 халеби[14] или константинопольских пик. Эти ткани распространяются из Каффы по всему Крыму, Черкесии и среди ногайцев.

---

[1] Буджак.
[2] Днепр.
[3] Едисан.
[4] Днепр.
[5] Джамбулук.
[6] Керченский пролив.
[7] Город в Малоазиатском турецком вилайете Сивас.
[8] Кастамбул, иначе Кастамбуни — турецкий город в с.-з. части Малой Азии.
[9] Турецкая мелкая монета.
[10] Турецкая мера, равная 25 дюймам.
[11] Феодосия.
[12] Турецкая серебряная монета, введенная в обращение в XV в. Курс пиастров колебался. Султаны часто ухудшали их вес и пробу. Пиастр был равен 20 бешликам или 100 аспрам.
[13] Турецкий город в Малой Азии.
[14] Мера длины, колеблющаяся в зависимости от товара. Халебами измерялась шерстяная материя. Шелковые ткани измерялись так называемыми ендези, которые были короче халеби.

Татарские крестьяне и ногайцы делают себе из них рубашки, а черкесы и кафтаны. В городах их употребляют в качестве подкладки для различных видов одежды. Цена этих тканей от 50 до 65 пара за кусок.

Бокассины

Торговля бокассинами или бумажными крашеными тканями из Токата, Кастамбула и Амазии[1] чрезвычайно распространена в Крыму и достигает в год более 400.000 пиастров. Эти бокассины обычно поступают в Каффу, откуда распространяются по всему Крыму, в Черкесии и среди ногайцев; из них изготовляют кафтаны и подкладки для шуб как мужчин, так и женщин; этот товар общеупотребителен и именно он наносит главный удар потреблению наших сукон в этой стране.

Бокассины продаются кусками, они бывают всех цветов и трех сортов: бокассины высшего качества продаются от 4 до 5 пиастров, среднего — от 3 до 3,5 и низшего — от $1^1/_2$ до 2. В каждом куске 10 константинопольских пик; наиболее ценными являются бокассины из Токата как по качеству ткани, так и по совершенству красок, которые сохраняются дольше остальных.

Наиболее употребительными оттенками являются темные, как, например, кофейный, оливковый, королевский синий и малиновый; светлые оттенки очень плохо удаются и нестойки. Эта торговля приносит большие прибыли, в особенности тем купцам, которые добывают бокассины из первых рук, поэтому главные купцы Каффы посылают приказчиков для закупки их в местах их изготовления.

Тарпоши

Крымские женщины носят в качестве головного убора большой суконный чепец, на котором они завязывают кисейный платок различного цвета, называемый чемберт, о котором я уже говорил. Эти тарпоши привозятся в готовом виде из Константинополя и продаются от 10 до 30 пара за штуку, в зависимости от качества. Ногайцы покупают их в большом количестве; очень значительное число их проникает также в Тамань и Черкесию; годовое потребление достигает от 150 000 до 200 000.

Нитки для шитья

Нитки для шитья, привозимые в Крым, бывают трех сортов: имеются белые нитки для белья, крашеные нитки различных сортов, употребляемые портными для одежды, и толстая

[1] Турецкий город в Малой Азии.

нитка, употребляемая сапожниками и седельниками. Первый и второй сорт привозятся из Ризе[1], Трапезунда[2], Синопа[3] и Константинополя. Продаются эти сорта гроссами, называемыми турас, и мотками, 60 которых составляют гросс. Белые и цветные нитки одинаково продаются по 30—35 пара за гросс; а мотки соответственно этим ценам. Ежегодное потребление этих обоих сортов ниток составляет от 16 до 18 тысяч гросс. Большое количество поступает к ногайцам и в Черкесию. Толстая нитка бывает двух сортов: предпочитают синопскую нитку — привозят ее от 5 до 6 сот ок[4] и продают от 50 до 60 пара за ок. Московитская нитка значительно ниже по качеству; русские привозят ее ежегодно от 1500 до 2000 ок, стоимость которых от 30 до 40 пара.

Свинец

Крым потребляет примерно 10 000 кинталов[5] свинца, включая 3000 кинтал, идущих в Черкесию; ружейные и пистолетные пули, а также груз для удочек — являются единственным видом употребления свинца; продается он от 13 до 14 пара за ок.

Ладан

Ладан представляет из себя товар, находящий довольно легкий сбыт в Крыму, куда его привозят приблизительно около 150 фард[6], каждая из которых состоит из 400 ок; русские покупают ежегодно от 25 до 30 фард; от 50 до 60 поступает в Тамань и Черкесию; Крым потребляет все остальное.

Мыло

Жители Крыма изготовляют у себя на дому очень плохое мыло из жира овец и быков; хотя оно и отстирывает белье довольно хорошо, но оставляет в нем невыносимый запах, поэтому его употребляют только бедные люди. Люди же, желающие иметь белье чистым, пользуются мылом из Смирны[7] или Кандии[8].

---

[1] Город Трапезундского вилайета в Малой Азии.

[2] Турецкий город на Черноморском берегу Малой Азии. В XIII—XV вв. он был центром Трапезундской империи.

[3] Турецкий город в Малой Азии на берегу Черного моря.

[4] Турецкая мера веса ок=400 драхмам, 44 ока составляли один кинтал.

[5] Турецкая мера веса. Кинтал=44 ок, ок=400 драхмам, 6 ок=1 батману.

[6] Турецкая мера веса = 400 окам.

[7] Главный турецкий город провинции Андии на западном берегу Малой Азии.

[8] Остров Крит на Средиземном море.

Мыло, изготовляемое на месте, продается обычно от 6 до 7 пара за ок; смирнское находит себе сбыт в Крыму более, чем всякое другое; годовое потребление его составляет приблизительно 3000 кинталов, из которых русские покупают от 500 до 600 и столько же поступает в Тамань и Черкесию; его обычная цена от 13 до 14 пара. Мыло из Кандии почти не употребляется для стирки; им пользуются почти исключительно для мытья рук, и годовая потребность его не превышает 200 или 300 кинталов; его обычно продают от 17 до 18 пара. Бывают, однако, времена, когда этот товар значительно поднимается в цене. Я видел русских, покупавших смирнское мыло по 20 пара за ок в обмен на свой товар, а мыло из Кандии продавалось за 25 пара наличными; однако, следует считаться только с обычной ценой, которую я указал выше.

Румяна

Все магометанские женщины, а также еврейки имеют обыкновение румяниться, поэтому потребление румян и белил, называемых киршен, достигает ежегодно 500—600 ок, включая 200—300 ок, которые поступают в Черкесию. Белила и румяна продаются безразлично по 2 пара за драхму; 400 драхм составляют ок. Христианские женщины совсем не употребляют ни румян, ни белил.

Трубки

В Крыму употребляют только два сорта трубок: первый называется тахта-чубук и привозится из Константинополя с мундштуком из слоновой кости и отделанными краями; другим сортом являются трубки из Гермечека и Гайгема[1], сделанные из вишневых деревьев и розовых кустов; наибольшая их часть привозится из Молдавии; ежегодно продается более 200 000 трубок от 1 до 10 пара за штуку. Ногайцы и черкесы употребляют их в удивительно большом количестве. Ценных трубок, сделанных из жасмина и с мундштуком из амбры и др., не бывает в продаже; их привозят только в качестве подарков или по заказу.

Германские косы

Германские косы являются одним из наиболее значительных предметов торговли Крыма; их доставляют в Валахию по Дунаю, откуда их перевозят как морем, так и сушей. Ежегодный ввоз достигает более 200 000; ногайцы покупают их в большом количестве, значительное количество также поступа-

[1] Местонахождение не выяснено.

ет в Черкесию через Тамань; продают их от 15 до 20 пара за штуку. Нельзя ли было бы вступить в конкуренцию с немцами, начав выработку кос того же качества в Форесе?[1] Я думаю, что имеет смысл обдумать эту мысль.

Бумага

Оконные рамы почти во всех домах Крыма сделаны из бумаги и потребление этой последней довольно значительно; в обыкновенный год оно равно 5000 или 6000 тюков (кип.). Из Крыма ее перевозят в Тамань и Очаков[2]. Цена оптом равна 28 пиастрам за кипу, а в розницу ее продают до 50 пара за стопу, что составляет 30 пиастров за кипу. Ежегодно ввозится также около 200 стоп резаной бумаги, употребляемой христианами для письма. Я не знаю ее оптовую цену, но в розницу она продается до аспра[3] за лист, что составляет 4 пиастра и 32 пара за стопу. Глянцевая бумага для турецких письмен продается в гораздо большем количестве и также выгодно; размер листа определяет цену; там продают также золоченую бумагу с огромной прибылью, но эта последняя составляет лишь незначительный объект торговли.

Кожа

Крым ежегодно доставляет около 250.000 бычачьих и коровьих кож, как со своих земель, так и из страны ногайцев и черкесов.

Сафьян, кожа, сухая кожа и т. д.

Во всех городах Крыма имеются мастерские сафьяна всех сортов; главные из них находятся в Гезлевэ[4] и Карасу[5].

Красный, желтый, черный и белый сафьян стоит от 50 до 60 пара за кусок в зависимости от качества, а окрашенные кошенилью от 2½ до 2¾ пиастров; желтый, красный и черный сафьян потребляется в стране и вывозится также за границу; большое количество идет в Кавшан[6], Бендеры[7] и Тамань для Черкесии. Красный сафьян, окрашенный кошенилью, не вывозится из Крыма, а белый употребляется исключительно сапожниками Каффы для изготовления легких женских башма-

---

[1] Возможно — *Форец*, одна из старых провинций Франции.
[2] Крепость, выстроенная крымским ханом в 1492 г. Находится в Одесской области.
[3] Мелкая серебряная монета=5 бешликам. 100 аспров равны одному пиастру.
[4] Евпатория.
[5] По-видимому, город *Кашан* в иранской провинции Ирак-Аджеми.
[6] Возможно — Кашан, город в Иране.
[7] Город и крепость в Бессарабии.

ков, которые вывозятся оттуда во все остальные части полуострова.

Крым употребляет огромнейшее количество кожи для седел; большое количество поступает также в Очаков, Бендеры, в Кавшан и в Черкесию. Все эти кожи продаются приблизительно по одной и той же цене, потому что они не бывают тонкой окраски; цена их от 20 до 25 пара за штуку.

Ежегодно потребляется от 35 000 до 40 000 сухих кож для подошв на обувь, сапоги и катиры; они бывают различной величины от 8 до 32 пар подошв каждая; самые маленькие продаются по 50—55 пара; а самые большие по 5—5½ пиастров; возможности соответствуют им. Эти кожи редко вывозятся из Крыма; очень небольшое количество их поступает в Тамань, все остальное потребляется на месте; впрочем, эту кожу можно было бы купить, если бы можно было извлечь выгоду.

Кроме этого, потребляется еще от 45 000 до 50 000 кож, называемых кесселис, а по-французски «лощеные коровы»; их употребляют для верхней стороны седел, именно для части, называемой джиабук, представляющего из себя две пластинки на боках лошади, употребляют их также для тебенгиса, для стрелок и обуви; цена этих кож колеблется от 50 пара до 3 пиастров.

Эту кожу вывозят в Очаков, Бендеры, Кавшан (Кашан?), Трапезунд, Тамань и Каплу[1].

Воск

Воск представляет собой важный предмет торговли Крыма; страна [однако] не производит большого количества его; ежегодная добыча [по всему полуострову] ограничивается 7000—8000 ок; зато он ежегодно ввозится из Черкесии в Каффу через Тамань в количестве от 50 до 60 тысяч ок.

Обычная цена воска в Крыму от 38 до 40 пара за ок. Черкесский воск продается в Каффе почти по той же цене. В 1757 году, однако, он оплачивался по 42 пара, потому что в Константинополе возросли цены и на него был большой спрос.

Ножи

Слава о татарских ножах распространена по всему миру; они действительно прекрасного закала и довольно красивой формы; Бахчисарай[2] является тем городом Крыма, где ножи изготовляются в наибольшем количестве; в этом городе имеется сто ножевых мастерских, они встречаются также и в дру-

---

[1] *Копа, Копарио, Локопа* — при р. Протоке (устье Кубани) на месте станицы Славянской.

[2] Столица Крымского ханства.

тих городах полуострова; в Каффе их насчитывается от 4 до 5, в Гезлевэ от 10 до 12; в Карасу — 1, в Балаклаве — 2, в Перекопе — 3 или 4. Все эти мастерские изготовляют в обычный год около 400 000 ножей различной стоимости; есть ножи с рукояткой из рогов быка, дикого козла, из слоновой кости, из рыбьих зубов, есть рукоятки, украшенные кожей, серебром и золотом, с простым и дамасским лезвием. В стране потребляют огромнейшее количество этих ножей. Кроме того, часть из них вывозится в Черкесию, Россию, Польшу, Молдавию, Валахию, Анатолию[1] и Константинополь, откуда они распространяются не только по всей Оттоманской империи, но и по другим странам, так как я видел их в продаже даже в Париже.

Седла для лошадей

В Крыму прекрасно изготовляют татарские седла, которые очень удобны, гибки и дешевы; бесчисленное количество их вывозится ежегодно в Черкесию, Молдавию и Валахию; иногда их вывозят в Россию и Польшу. Сбруя изготовляется на всевозможные цены, но можно получить полный комплект, новый и в хорошем состоянии за $3^1/_2$ пиастра.

Масло

Крым изготовляет обычно в год около 5000 кинталов масла; почти столько же поступает от ногайцев Джамбойлука через Перекоп и от ногайцев Кубани через Тамань. Это масло бывает двух различных сортов.

Икра и т. д.

Крымская икра доставляется из маленьких городов Керчи и Еникале. Оба эти местечки добывают ежегодно около 1500 бочек. Икра представляет из себя не что иное, как яйца крупной рыбы, которые солят. Икра бывает трех сортов.

Икра вывозится транзитом в Каффу или Тамань, откуда ее отправляют в Константинополь и различные места Анатолии в бочках и круглых коробках различной величины.

Рабы

Торговля рабами в Крыму очень значительна: продают рабов четырех различных народностей — черкесов, грузин, калмыков и абазов[2]. Наибольший спрос существует на черкесов; женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть,

---

[1] Малоазиатская провинция Турции.
[2] Абхазы.

во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Мужчины также почти все высоки ростом и хорошо сложены.

Черкесские женщины являются единственными, которые разделяют ложе турецкого султана и татарских князей; крымская знать держит в качестве наложниц только черкешенок. Примесь этой прекрасной крови смягчила уродливость татарского типа и в конце концов уничтожила эти лица настоящих обезьян, похожие на китайцев, эти маленькие круглые глаза, эти расплющенные носы, которые встречаются у всех ногайцев, не смешавшихся с черкесами. Действительно, среди крымской знати встречается много очень красивых лиц, но простой народ отвратителен.

Грузины представляют из себя второй класс рабов; женщины красивы, но грубы и не грациозны; у них нет изящества черкешенок; мужчины крепкие и здоровые.

В прежние времена турецкие султаны брали в качестве жен безразлично черкешенок или грузинок, но рассказывают, что один султан, проведя ночь с грузинкой, спросил ее — приближается ли утро, она ответила ему, что оно должно скоро наступить, так как она чувствует позыв, являющийся всегда к утру в определенный час; султан, почувствовавший отвращение к такой грубости, немедленно прогнал ее. Через несколько дней он задал тот же вопрос черкешенке, занявшей место отстраненной грузинки; она ответила, что восход приближается, так как она уже чувствует, что утренний ветерок начал играть ее волосами. Великий султан остался так доволен этим ответом, что поклялся, что ни он, ни его преемники не будут допускать на свое ложе никого, кроме черкешенок.

Калмыки имеют тот же облик, что и ногайцы — плоское лицо, выдающиеся скулы, маленькие круглые глаза, расплющенный нос и в общем очень похожи на китайцев.

Абхазы чрезвычайно похожи на грузин.

Черкесы платят татарскому хану дань в виде определенного количества рабов, которых этот князь не только отправляет в Константинополь великому султану и чиновникам Порты, но которых он дарит также своим приближенным и тем турецким чиновникам, которые приезжают к его двору с поручениями от Оттоманского министерства.

Крымские купцы ездят в Черкесию, Грузию, к калмыкам и абхазам для покупки рабов на свой товар и отвозят их в Каффу для продажи. Оттуда их развозят по всем городам Крыма. Купцы Константинополя и других мест Анатолии и Румелии приезжают за ними в Каффу. Хан покупает ежегодно большое количество, независимо от того, сколько получает от черкесов; он сохраняет за собой право выбора и когда прибывает партия рабов, никто не имеет права покупки до тех пор, пока хан не сделает свой выбор.

Рабы представляют из себя товар, стоимость которого невозможно установить; рабы встречаются на все возрасты — от детских лет до престарелого возраста; различные обязанности, к которым их предназначают, пол, красота, возраст, изящество, способности, сила, здоровье, удальство — все это определяет их цену; стоимость колеблется от 60 до 5000—6000 пиастров.

Надо отметить, что христианам и евреям, какой бы они нации ни были, запрещено покупать черкесских и абазских рабов, потому что они считаются магометанами.

Лошади и верблюды

Татарские лошади некрасивы, они обычно очень маленькие, вроде наших лошадок, но обладают удивительной силой, они прекрасно выносят голод, жажду и усталость. Их никогда не покрывают и не чистят, их оставляют безразлично в конюшне и снаружи, так как они привыкли ко всякой погоде. У них нет правильного кормления, они едят и пьют в любое время, в зависимости от удобства и приноравливаются к любому фуражу; когда у них абсолютно ничего нет и когда они не находят даже травы, они роют ногой землю и питаются корнями, которые выкапываются; очень редко встречаются жеребцы и то заводские.

Крымские верблюды также очень хороши и выращены почти так же сурово, как и лошади; они почти все двугорбые.

Вывоз лошадей и верблюдов из Крыма строго запрещен; однако, несмотря на очень трудно получаемое разрешение хана, вывоз их достигает ежегодно около 300 лошадей — заводских и 200 верблюдов, которые поступают в Трапезунд, в Анатолию, в Черкесию и к калмыкам; черкесы покупают только кобыл.

Обычная цена лошадей в Крыму колеблется от 15 до 20 пиастров, а верблюдов от 40 до 50 пиастров.

ЧЕРКЕСИЯ

Черкесия является собственно государством, находящимся под властью татарского хана и занимающим пространство с севера на юг от реки Кубани до Кавказских гор, а с запада на восток от Черного моря до Кабарды, области, принадлежавшей прежде хану и сделавшейся независимой согласно Белградского договора[1]. Обыкновенно к Черкесии относят также остров Тамань и всю местность, находящуюся между рекой Кубанью и Азовским морем.

Черкесия разделена на очень большое количество племен,

---

[1] 1735 г.

во главе которых стоят беи. Эти племена очень воинственны; все подробности об их управлении, религии, правах и обычаях я имел честь отправить ко Двору в 1755 году.

Поэтому я ограничиваюсь здесь только объяснениями, относящимися к торговле. Главными городами Черкесии являются Тамань, Темрюк, Атчу, Агджа, Сууджук и Каплу.

1. Тамань небольшой городок на восточном берегу пролива Еникале[1]. В нем насчитывают примерно 6000 жителей, 12 мечетей, баню и около 100 лавок. Там имеется озеро, вокруг которого грузинские рабы, получившие свободу, образовали квартал, получивший название грузинского.

Этому городу принадлежит 18—20 кораблей с грузоподъемностью от 500 до 1000 кинталов; их называют томбаз; не имея возможности зимовать на рейде, эти корабли ищут убежища в Керченском порту в Крыму. Этот город находится на территории хана и считается принадлежащим Черкесии, но так как в нем имеется небольшая крепость, то он приписан к числу мест, подвластных великому султану. В нем насчитывается от 50 до 60 пушек; великий султан держит там небольшой гарнизон янычар и местом управляет мусселим, подвластный паше из Еникале.

2. Темрюк представляет из себя небольшое укрепленное местечко в 6 милях* к северо-западу от Тамани, в нем насчитывается приблизительно 2000 жителей, 2 мечети, 12—15 лавок, 70—80 пушек и гарнизон янычар. Берберземин на Азовском море является портом Темрюка: это плохая гавань, где корабли могут приставать только в спокойную погоду.

3. Атчу — крепость, где имеется около 300—400 жителей, считая янычар гарнизона; он расположен на одном из устьев Кубани; укрепления деревянные с 26—30 пушками; рвы наполнены водой; местность настолько болотистая, что крепость абсолютно невозможно взять; в последнюю войну русские осаждали ее безрезультатно в течение 20 дней. За все время осады в крепости были убиты только 2 человка. Большие комары, встречающиеся здесь в огромном количестве, делают местность необитаемой. Эта крепость находится в 22 милях к северо-западу от Тамани; она управляется татарским беем, назначаемым ханом.

4. Агджа ** — маленькая крепость в 20 милях к юго-западу от Тамани, где насчитывается не более 100—150 жителей и 10—12 пушек. Местечко управляется татарским мирзой, поставленным сераскиром Кубани; оно не охраняется янычара-

---

[1] Керченский пролив.
* Миля — 4 версты 84 саж.
** Возможно, что это Анапа. Название Агджа не встречается в других источниках того времени.

ми*, а только небольшим числом местных воинов; здесь нет никакой торговли и все, что необходимо для нужд населения, привозится из Тамани.

5. Суджук[1] — небольшая крепость на берегу Черного моря в направлении к границам Абазии[2]. В ней около 200 домов, 4000 жителей и от 36 до 40 пушек; гарнизон состоит из янычар, а местность управляется татарским беем, назначаемым сераскиром Кубани; торговля здесь не ведется. Жители получают из Тамани все, что им необходимо; сама местность производит немного ржи, которую мири или казна покупают в качестве пищи для гарнизона.

6. Каплу[3] лежит внутри страны в 22 милях от Тамани и в 2 милях от реки Кубани; это резиденция сераскира, здесь насчитывают около 4000 жителей, 2 мечети, 5 общественных гостиниц и приблизительно 500 мастерских; здесь нет таможни, но за каждый воз товаров уплачивают определенную сумму сераскиру и мирзе данной местности, которому также полагается известное отчисление. Все это составляет 60 бешелик[4] или 20 пара за воз.

Каплу действительно является складочным местом торговли Черкесии; купцы Тамани, Каффы и других мест привозят сюда свои товары для дальнейшего их распространения среди черкесов и ногайцев Кубани; эти народы в свою очередь приезжают в этот город продавать товары своих земель.

Тамань является главным или, вернее сказать, единственным пунктом транзита всего ввоза и вывоза Черкесии; сюда прибывают все товары, направленные в эту страну, и здесь же погружают все то, что вывозят из данной страны; таким образом, импортная торговля этого города, о которой я буду говорить, фактически обнимает собой торговлю всей страны.

Импортная торговля Черкесии

Четыре тюка сукна L. S. и Nisms по 2¾ или 3 пиастра за пик (25 дюймов).

От 25 до 30 тысяч пик сандала (дерево) или легкой тафты из Цио[5] по 30—35 пара за пик.

200 штук кутней[6] из Бруссы по 17—18 пиастров за кусок.

---

* Особая часть турецкой армии. Сначала это была регулярная турецкая пехота. В 1330 г. она была преобразована в своеобразную армию из воспитанных для войны христианских детей.

[1] В Новороссийской бухте.

[2] Абхазия.

[3] *Каплу, Копарио, Локопа* при Протоке на месте Славянской станицы.

[4] Турецкая медная монета=5 асправ, 20 бешлик=1 пиастру.

[5] *Цио* — остров Эгейского моря. Бывший турецкий вилайет архипелага.

[6] Сорт материи.

От 7 до 8 тысяч кусков персидского шелка (второй добротности) из Магнезии[1] по $2^1/_4$—$2^1/_2$ пиастра за кусок.

50 000 кусков грубой набивной бумажной ткани (ситца) различного качества по $1^1/_2$—3 пиастра за кусок.

50 000 кусков бокассин различных цветов, кроме черного, который вывозится, по $2^1/_2$—6 пиастров за кусок в зависимости от качества.

150 000 кусков полотна из Астары[2] всех сортов по $1^1/_2$ и $2^1/_4$ пиастра за кусок.

1000 кусков дюльбента или кисеи для женских покрывал (фаты); имеется кисея различного качества от 20 пара до 2 пиастров за карре.

От 7 до 8 тысяч кусков чембертс-каим-ханэ по 18—20 пара за карре.

От 3 до 4 тысяч фесок или чепцов из Франции и Туниса[3], первые по 50—60 пара, а вторые по $1^3/_4$—2 пиастра.

От 400 до 500 ок крашеного шелка по 3 пара за драхм и столько же крученого (сученого) шелка по пара; первый идет на вышивку поясов для брюк, которых делают большое количество; второй употребляется для шитья; продают также около 100 ок шелковых шнурков.

От 400 до 500 ок крученой шерсти белого, красного, голубого и лилового цветов, качество которой определяет ее стоимость; красная и белая обычно продаются по 2 пиастра за ок.

От 400 до 500 кебес или одеял из Джамболи[4] по 2—7 пиастров без ворса.

От 200 до 300 пештмал-киркалем[5] из Салоник[6] по $2^3/_4$ — 3 пиастра за пик.

От 1000 до 1500 пештмал[7] из Каира[8] по 20—26 пара.

От 500 до 600 хавлис или купальных простынь по 50— 60 пара.

От 300 до 400 поясов из Гербо[9], белых и красных по 60— 70 пара за штуку.

От 2000 до 3000 пакетов ниток для шитья различных цветов по 50—60 пара за ок.

От 15 до 20 тюков серого льна из Каира по 20—25 пара за ок.

В Тамани имеется 12 лавок-красилен, которые ежегодно потребляют около 500 ок индиго и немного красильного дерева

---

[1] Местность в Фессалии и название ряда городов древнего мира.
[2] Город Азербайджана на берегу Каспийского моря, на границе Ирана.
[3] Северная Африка.
[4] *Ямбол* — город на Балканах, в Восточной Румелии.
[5] Передник, фартук, запон (турецкое слово).
[6] Город и порт в Македонии.
[7] Передник, фартук, запон (турецкое слово).
[8] Город в Египте.
[9] Местонахождение не выяснено.

различных сортов; тот и другой предмет продается здесь с большой выгодой. Я не знаю их стоимость с тех пор, как война вызвала повышение цен.

От 30 до 40 тюков (fardes) кофе мокко, обычная стоимость которого 3 пиастра за ок, хотя иногда во время неурожая цена его поднимается до 4 пиастров. Кофе из Франции тоже имеет успех и продается по соответствующей цене.

От 400 до 500 ок перца по $2^1/_4$—$2^1/_2$ пиастра за ок.

От 200 до 300 ок инбиря, из которого местные жители изготовляют крепкий напиток с медом, по 25—30 пара за ок.

Немного острых пряностей, в особенности муската, который продают по 3 пара за тюк.

От 500 до 600 ок олова с аммиаком по $2^1/_2$ пара за ок.

100 ок ртути по 1 пара за драхму, что составляет 10 пиастров.

3000 кинталов свинца для ружейных пуль и груза удочки по 14—15 пара за ок.

2000 ок стали по 26—28 пара за ок.

От 2000 до 3000 кинталов железа в брусках (полосах) по 8—10 пара за ок.

От 50 до 60 тюков ладана по 70 пара за ок.

От 400 до 500 кинталов мыла из Смирны, продающегося по 20—25 пара за ок; все это количество потребляется в Тамани. Черкесы употребляют мыло, которое они сами изготовляют из жира баранов.

От 500 до 600 куф[1] (coffes) риса из Каира и Филиполи[2] по 2 пиастра за кило.

От 200 до 300 кинталов сушеных винных ягод различного качества.

От 200 до 300 кинталов черного винограда.

Много грецких и лещинных орехов.

От 3000 до 4000 ок черных маслин по 7—8 пара за ок. В эту страну совсем не ввозят масла, так как в пищу здесь употребляют коровье масло, а жгут рыбий жир.

От 500 до 600 кинталов нарденка[3].

500 центнеров pestimes[4], 500 цент. de pestil[5].

От 4000 до 5000 ок табака из Кирджали[6] по 25—30 пара за ок.

10 000 ок русского табака узум-соба и мария-баше по 12—15 пара за ок.

100 тюков кеназ по 15—16 пара за ок.

---

[1] Мера веса. Нечто вроде тюка, кипы.
[2] Иначе — город *Плавдин,* в Восточной Румелии на р. Марице.
[3] Сироп из гранатов.
[4] Название не расшифровано.
[5] Тоже.
[6] Город во Фракии, на Балканах.

От 200 до 300 ок румян и белил, называемых киршен. Все местные женщины, черкесские, абазские и кубанских ногайцев употребляют их в большом количестве; как белила, так и румяна продаются по пара за драхму.

1000 touras (в каждом toura 10 шт.) сафьяну крымского красного и желтого; первый по 60 пара, другие по 20 пара за штуку.

3000 тура[1] машии или кож овечьих, выкрашенных в красный, желтый и черный цвета; красные по 25 пара, остальные по 20 пара за штуку.

От 4000 до 5000 пар крымских сапог: красные по 2 пиастра, желтые по 40—50 пара, черные по 60.

5000 пар катир[2] красных и черных, первые по 25 пара, вторые по 30.

1000 сухих кож по 3—4 пиастра за штуку.

От 2000 до 3000 седельных ленчиков из Бахчисарая и Каффы по 30—40 пара за штуку.

От 2000 до 3000 тебенков из Карасу по 30—40 пара (это часть упряжи, покрывающая бока лошади).

3000 пар стремян из Бахчисарая и Ахмешида (Симферополь) по 20—30 пара.

От 3000 до 4000 лошадиных удил по 6—10 пара за штуку.

1000 ружейных стволов из Бахчисарая, качество которых определяет цену.

2000 луков на всякую цену от 10 пиастров бешелик[3] до 200.

4000 наборов подков для лошадей с гвоздями по 20 пара.

От 5000 до 6000 ножей из Крыма по 15—16 пара.

2000 пакетов иголок по 30—60 пара за пакет в зависимости от сорта.

1000 шуб из кожи ягнят из Крыма по 8—9 пиастров.

От 1000 до 1500 кож в обрезках для ружейных чехлов по 40 пара за штуку.

От 2 до 3 ящиков мелочных железных товаров всякого рода.

1000 cauffes de noix de Pipes[4] из Константинополя по 500—600 noix la cauffe[5].

От 1000 до 1500 гребней самшитовых или роговых; эти последние по 4 пара, а остальные по 2 пара за штуку.

Большое количество пороха из Каффы и Константинополя; самый плохой продается по 20 пара за ок; французский, когда удается его привезти, стоит до 60 пара, английский не имеет цены.

---

[1] *Тура* — 10 штук.
[2] Вид обуви.
[3] Термин не расшифрован.
[4] Термин не расшифрован.
[5] Термин не расшифрован.

20 тюков бумаги по 24 (листа), которая продается в розницу до 1 аспра за лист.

От 30 000 до 35 000 кос из Германии по 20—25 пара.

От 200 до 300 лошадей из Крыма.

Строительный лес и топливо привозятся в Тамань из Суджука, где он очень дешев.

Экспортная торговля Черкесии

От 80 до 100 тысяч кинталов шерсти из Черкесии и от кубанских ногайцев, экспорт которых включен в вышеуказанное количество. Ее отвозят в Тамань на телегах, откуда она поступает в Каффу и Константинополь; она вся мытая; перед тем, как стричь баранов, их моют, а река Кубань, пересекающая всю Черкесию, облегчает это дело. Вывозимая шерсть довольно хорошего качества, но редко можно найти из всего количества ее более четверти шерсти белого цвета, три четверти же ее обычно черного цвета. Болезнь пелады (от которой лезет шерсть) здесь не встречается; шерсть стригут два раза в год — в мае и сентябре месяце, причем шерсть первой стрижки ценится больше второй, так как она длиннее. Помимо шерсти. вывозимой за границу, сама страна потребляет огромное количество ее для изготовления чекмена, о котором я буду говорить ниже. Шерсть стоит в Тамани около 3 пара за ок.

100 000 кусков чекмена. Это материя, изготовляемая из шерсти, чрезвычайно грубая (нечто вроде фланели или мальтона), но очень распространенная по всей Татарии и даже в Турции; однако, по заказу могут изготовлять чрезвычайно тонкий чекмен. Сын Амбувели Ага, главного казначея Крыма, носит белую одежду, сделанную из этой материи, до такой степени прекрасной, что я принял ее за французское сукно, и мне стоило большого труда отказаться от своего заблуждения; это меня навело на мысль, что, может быть, было бы возможно найти в этой стране шерсть такого же качества, которое оказалось бы пригодным для изготовления сукна. Этот вопрос требует проработки.

От 5 до 6 тысяч чекмен в виде одежды из материи, о которой я только что говорил и которая называется тем же именем. Одежда первого сорта продается по 10—11 пиастров за штуку, второго сорта — по 4—5, а третьего — от 60 пара до 2 пиастров. Имеются чекмены белого, серого и черного цветов. Их продают готовыми, они поступают в Крым, Молдавию, Польшу и в некоторые провинции Турции.

От 50 до 60 тысяч шаровар или штанов из чекмена — трех различных сортов от 20 пара до 3 пиастров.

200 000 плащей (бурок) из шерсти с длинным ворсом, называемых епанчи, таковых имеется 3 сорта от 1 до 3 пиаст-

ров; встречается также 4 сорт, чрезвычайно тонкий, который обычно не поступает в продажу. Знатные люди заказывают себе такие для собственного потребления или для подарков. Эти последние плащи называются анди-апенджиси; их чрезвычайно ценят, но из Черкесии вывозят в очень незначительном количестве. Остальные апенджиси продаются в Крым, Молдавию, Валахию, Польшу, Московию и небольшое количество в Турцию.

От 5 до 6 тысяч прекрасной соленой кожи, которая весит от 25 до 30 ок. Страна производит их в гораздо большем количестве, но черкесы и кубанские ногайцы потребляют их в огромнейшем количестве для изготовления обуви, называемой чирик; ее продают в Тамани [по цене] до 3 пиастров.

От 5 до 6 тысяч кинталов превосходного меда, который привозится в Тамань на телегах, а в Атчу на кораблях по Кубани; невозможно определить его цену, так как на месте его продают только оптом и нуждаемость в предмете, предложенном в обмен на него, определяет его стоимость; можно покупать его чистым или с воском в том виде, как его вынимают из ульев; в чистом виде он продается в Тамани и Атчу по 7 пара за ок. Купцы, покупающие его на местах из первых рук, делают иногда второй выгодный обмен, и один из них уверял меня, что при покупке оптом воск обошелся ему по 5 пара за ок, а мед соответственно этому.

В Тамани также продают до 500 кинталов меда из Абазии[1], который очень дешев и стоит только 4 пара за ок; он очень плохого качества и вызывает страшное опьянение у тех, кто его потребляет; благодаря этому он получил название deli-bal, т. е. сумасшедший мед. Из него делают напиток вместе с nardenk, а также смешивают с напитком, настоенным на просе, путем брожения и называемым буза — для придания ему большей силы.

От 7 до 8 тысяч ок воска, большая часть которого привозится в Тамань, оттуда он поступает в Каффу и Константинополь; небольшая часть его идет в Атчу, куда ездят некоторые купцы, чтобы приобрести его по дешевой цене, так как он привозится туда по реке и с меньшими затратами, чем в Тамань, куда его доставляют на телегах; в Тамани воск продается брутто по 20 пара за ок, нетто по 30 пара в хорошо очищенном виде.

50 000 куньих шкур, называемых зердава, от 40 до 50 пара за штуку; они поступают из Тамани в Каффу, где их приготовляют для отправки в Константинополь.

5000 шкур сангсара или белодушки (каменная куница) по 25—30 пара за штуку.

100 000 шкур тильки или лисицы от 25 до 30 пара.

100 000 штук курда или волка от 50 до 60 пара.

---

[1] Абхазия.

3000 шкур айу или медведя, которые отвозятся в Бургез[1], откуда они вывозятся в Германию и Польшу; они составляют обширный предмет торговли в Тамани, где их продают от 45 до 50 пара.

500 000 бараньих шкур, цена которых по 1 пара за штуку.

Весь этот пушной товар привозится в Тамань брутто и в том виде, как его содрали с животного; дело купца, покупающего этот товар, отдать его для выделки.

200 000 пар рогов диких баранов, из которых в Тамани выделывают рукоятки или ножны для ножей; их привозят в Тамань из Черкес-Кирмана[2] по Танаису или Дону; они более низкого качества, нежели рога, привозимые с равнин Очакова; их продают в Тамани по 2 пара за штуку.

200 000 пар бычачьих рогов по той же цене.

100 000 гросс стрел в каждом. Черкесия снабжает ими татар и ногайцев. Стрелы имеются двух сортов — первый, для которого употребляют перья птицы, называемой гуджуген[3], продается от 3 до 4 пиастров за гросс; этот сорт употребляется только мирзами и знатными людьми. Второй сорт, сделанный с перьями ворон и других хищных птиц, стоит только 60 пара за гросс.

Рабы являются одним из главных предметов торговли Черкесии. Я уже говорил об этом в главе о Крыме и я не буду напрасно повторяться.

Черкесские лошади чрезвычайно ценятся. Они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильные и выносливые как в беге, так и в усталости. Их голова несколько напоминает клюв ворона, они довольно похожи на английских лошадей; здесь очень сильно заботятся о продолжении определенных пород; наиболее известными являются породы Солук и Беккан. Из Черкесии вывозят только меринов; других в этой стране даже не употребляют. Жеребцы имеются только заводские. Их поступает очень большое количество в Крым, где они очень ценятся; за них до сих пор платят до 200 пиастров, но в этой стране имеются еще более знаменитые лошади, за которых отдают до 8 рабов.

Местечко Атчу доставляет огромнейшее количество икры и сухой рыбы; икра представляет из себя яйца осетра или белуги и яиц нет (?), так как этот сорт икры поступает из Керчи; из Атчу ежегодно вывозят около 3000 кинталов икры; упаковывают в большие бочки для Каффы и Константинополя; на месте ее продают по 7 пара за ок. Сухая рыба имеется 4 сортов — осетр, нарезаемый ломтиками около 1 пика длины и называемый чилим; эти ломтики солятся, сушатся и прода-

---

[1] *Бургос* — главный город одноименной провинции в Испании.
[2] Древняя крепость в Симферопольском округе Крыма.
[3] Название не расшифровано.

ются на месте по 5 пара за штуку; в год вывозится в Каффу, Трапезунд и Константинополь около 2000 кинталов. Второй сорт — surut, который также разрезается ломтиками, но меньшего размера; его продают таким же образом и по той же цене, но в большем количестве. Третий сорт — сазан или карп — разрезается посередине и высушивается, не соля, продается от 10 до 12 пара за штуку. Эти рыбы отправляют в Батум, откуда они распространяются по всей турецкой Грузии; там их продают от 2 до 3 пара за штуку. Четвертый сорт — сула, приготовляется тем же способом и продается по той же цене; большое количество ее поступает в Грузию и немного в Константинополь. Улов этих двух последних рыб бывает иногда до того обилен, что жители не знают, что с ними делать и они гниют на берегу. Рыбной ловлей в Атчу занимаются казаки, называемые Сари Инад, подданные хана; ловля длится с мая до конца октября, так как в остальные месяцы года она невозможна ввиду того, что река Кубань замерзает. В день начала рыбной ловли бей дает большой праздник. Ловля осетра производится с помощью толстых лес с насаженными рыболовными крючками и другим довольно оригинальным способом: в реке строят изгородь из ивы, в которой проделывают отверстие таким образом, чтобы рыба, войдя в него, уже не могла бы больше выйти. Улов карпа и сулы производится с помощью невода.

Из Атчу вывозят также ежегодно от 2 до 3 тысяч кинталов рыбьего жира, цена которого от 5 до 6 пара за ок; ногайцы употребляют его в пищу, а татары в качестве освещения; сюда можно еще прибавить 100 кинталов рыбьего клея, который продается от 10 до 12 пара за ок.

Деньги великого султана и хана единственные, которые находятся в обращении с Тамани и Каплу; внутри Черкесии деньги редко употребляются и торговля производится исключительно в обмен.

Есть купцы, удовлетворяющиеся продажей своих вещей в Тамани и покупкой там всего необходимого в обмен; другие же отправляются в Каплу, а часть даже углубляется внутрь страны, берут переводчика, знающего язык, и идут торговать непосредственно с черкесами; они перевозят свои товары из селения в селение к различным племенам. Иногда они удлиняют свой путь и, пройдя через всю Черкесию, доходят до Астрахани и калмыков; эти купцы действительно пользуются выгодами торговли и получают огромные барыши.

Кубанские ногайцы приезжают обыкновенно в Каплу купить то, что им необходимо, и продать товары своей страны. Некоторые черкесы делают то же самое. Импортная и экспортная торговля этого племени ногайцев включена в подробности, которые я дал относительно торговли Черкесии, частью которой она и является.

Предметы импортной и экспортной торговли доставляются из Тамани и Каплу на телегах, запряженных верблюдами, лошадьми и волами; верблюдов употребляют только зимой, они возят от 600 до 700 ок и наем их обходится в 20 пиастров бешелик. Лошади возят от 500 до 600 ок и обходятся в 18 пиастров. Волы возят такое же количество и за ту же цену. Чтобы перевезти товары из Каплу внутрь Черкесии, употребляются телеги, запряженные волами и лошадьми; верблюдов здесь не употребляют. Отдаленность племени, к которому направляются товары, определяет стоимость перевоза.

Французский торговый дом в Каффе мог бы поставить своего агента в Тамани под защиту сераскира Кубани; для него было бы легко получить от хана серьезные рекомендательные письма и приказы, обеспечивающие ему передвижение в полной безопасности и использование черкесской торговли, которая, как видно из всего вышесказанного, довольно значительна в части экспорта.

Черкесы еще не покорены русскими и сохраняют до сих пор признак свободы, но так как Тамань, Темрюк, Атчу и Каплу, являющиеся рынками, куда они имели обыкновение привозить свои товары и покупать себе все необходимое, находятся во владении русских, то ясно, что вся торговля Черкесии окажется в конце концов в руках русских, так как она не может иметь никаких других складочных мест, кроме тех городов, о которых я только что говорил.

О разделении людей в Черкесии и о знати

Рабы — чужеземцы или их потомки, черкесы, абазы, грузины, калмыки, захваченные во время набегов или купленные во время торговли.

О состоянии Черкесии

Черкесы должны скорее рассматриваться как данники, чем подданными крымского хана. Многие ханы делали безуспешные попытки к полному покорению этих народов, подчинив их тем же законам, что и татары, и особенно приучив их к военной службе; им невозможно было достигнуть успеха. Хан не получает никакого дохода с этих земель, ни с подданных Черкесии; они платят ему только при его восшествии на престол подать, которая состояла из 300 рабов. Селим-Гирей поднял это число до 700, благодаря одной хитрости. Как только он прибыл в Крым, он созвал беев главных племен, осыпал их вежливостью и отослал нагруженными подарками. Несколько времени спустя он вновь их пригласил; пример тех, которые прибыли в первый раз, привлек значительно большее число; но хан велел их всех заковать в цепи и вернул им свободу

лишь когда они привели требуемое число рабов. Притеснения, которые хан совершал в различные времена, привели кабардинцев к решению сделаться сначала независимыми, а затем отдаться русским... Хан не может вербовать войска у черкесов, но когда ему нужно поддерживать какую-нибудь войну, он спрашивает у беев некоторое число людей для поддержки: они дают ему их или отказывают, смотря по тому, какие у них намерения по отношению к ним.

Черкесская Татария тянется в настоящее время от Босфора Киммерийского или пролива Эникале до Кабарды; она граничит на севере с прикубанскими ногайцами, на юге с абасами и Кавказскими горами, на востоке с Кабардой, на западе с Черным морем. Черкесы, зависимые от хана, разделяются на 14 кабиле или племен и каждое племя разделено на чагары. Чагар состоит из 10 семей. Население Черкесии делится на 4 класса: беи, сипаги, уздени, кулы.

В каждом кабиле имеется знатная семья, которая суверенно владеет всеми землями кабиле и деспотически правит им. Каждая из этих семей имеет первого бея, который является главой и становится им по возрасту, и много других беев, начальников различных ответвлений дома; они все подчинены первому. Эти беи делят между собою земли и подданных кабиле. Главный бей имеет наибольшее число чагаров в своей доле, другие делят между собою то, что остается.

Все черкесы от рождения сервы — крепостные — и рабы своих дворян, которые могут завладеть их имуществом, умертвить их, продать или подарить их кому вздумается. Однако среди них имеется два разряда свободных людей: сипаги и уздени. Сипаги — кулы, которые после того, как были захвачены на войне или проданы своими беями, получили свободу и вернулись в свое отечество. Они и их потомки свободны и когда у них достаточно [имущества] для приобретения, они покупают чагар и часто возвышаются до уровня беев.

Уздени — вольноотпущенные, получившие от своих беев свободу, в благодарность за некоторые услуги. Они и их потомки пользуются тем же правами, что и сипаги.

Кулы — подданные рабы, которые не были отпущены на свободу и которые являются рабами, следуя давнишнему устройству страны.

Беи Черкесии производят беспрерывные набеги один на другого из кабиле на кабиле для захвата рабов. Все, что агрессор может увезти с собой, считается законной добычей и не подлежит возврату; но если он имеет несчастье быть захваченным, все люди, находящиеся при нем, остаются рабами. Лишь один бей не задерживается; оскорбленный довольствуется отправлением его, отрезав ему уши и хвост его лошади; это единственная месть, которую они применяют один к другому в подобных случаях. Дети беев не избегают рабства: как только

их схватили или продали, они лишаются прав и не могут больше быть беями; если, получив свободу, они возвращаются к ним, они становятся не более как сипаги и не могут больше войти в состав дворянского класса. Беи продают своих дочерей, как только они уличены в безнравственности; они продают даже своих детей мужского пола, если они совершили какие-нибудь важные проступки, которые считаются заслуживающими подобного наказания.

Беи, знать и сипаги одни имеют право носить оружие или иметь его у себя; это воспрещается всем подданным сервам. С тех пор, как знатный стал беем, его единственная забота обеспечить себя достаточным количеством оружия для вооружения всех подданных его владения; когда он идет на войну, все кулы, которые должны за ним следовать, приходят к нему за луками, стрелами, саблями, ружьями и пистолетами; по их возвращении они приносят на склад оружие, которое взяли.

Черкесы живут приблизительно как и ногайцы; у них нет ни городов, ни постоянных жилищ; они кочуют, не выходя, однако, из пределов своего кабиле, лето они проводят в равнинах и удаляются зимой в горы; у них нет определенных земель, и возделывают то один район, то другой. Их дома представляют собой ямы, вырытые в земле и покрытые листьями и соломой. Племена адда, адемиевцы, бесленеевцы, бжедуги и темиргоевцы единственные, у которых магометанство водворилось с некоторой прочностью. Трудно было бы дать точное представление о религии других племен; у одних находят остатки христианства, у других следы язычества. Некоторые, довольно интересные подробности по этому поводу можно найти в мемуарах миссий. В центре Черкесии имеется замечательное дерево, к которому черкесы имеют большое почитание, идущее вплоть до идолопоклонства. Это дерево называется Panagiasan. Это слово является искажением имени Panaghia, которым греки называют святую деву и расширяя [понятие дают его] некоторым часовням и другим местам поклонения, посвященным матери нашего господа, подобно тому, как их видно по всей Турецкой империи. Без сомнения, во времена греческих императоров существовали некоторые подобные обители вблизи этого знаменитого дерева, чье имя черкесы не так уж исказили, чтобы нельзя было достаточно ясно его узнать; заблуждение, которое простолюдие делает всегда из благочестия, изменило культ богоматери в полное идолопоклонство, которое эти народы связывают теперь с магометанством.

Я прибавлю здесь заметку, которую считаю точной относительно черкесских племен, зависимых от хана: она была сообщена мне одним беем, с которым я имел случай познакомиться в Бахчисарае.

Список черкесских племен в географическом порядке с во-

стока на запад: Mouchost, Tolani, Sieguzitz, Egherkonai, Bitchoune-Aoug, Iloo.

Шесть племен абазов давно уже поселились в Черкесии.

Все эти племена вместе взятые легко могут выставить 100 000 людей и гораздо больше в случае необходимости: из этого легко понять заинтересованность крымского хана в полном подчинении ему этих народов и в помощи, которую он мог бы получить, если бы ему удалось обратить их в подданных.

Положение религии в Татарии.

Армяне схизматики самые многочисленные из всех христиан Крыма... У них два епископа: один в Каффе... округ которого простирается до Kemir-Keni в Черкесии.

ИОГАНН АНТОН ГЮЛЬДЕНШТЕДТ

Иоганн Антон Гюльденштедт — русский академик. Родился в Риге в семье секретаря Главной консистории. Высшее образование получил в Медицинской коллегии в Берлине, дальнейшую научную подготовку проходил в университете во Франкфурте-на-Одере, где ему в 1767 г. была присвоена ученая степень доктора медицины.

В 1768 г. Гюльденштедт был приглашен русской Академией наук для участия в экспедициях, обследовавших юго-восточные области России. Первоначально предполагалось, что экспедиция обследует Северный Кавказ в пределах тогдашней Астраханской губернии. Однако по предложению другого участника экспедиции, академика Гмелина, программа обследования была расширена, охватив весь Кавказ, причем Гюльденштедту поручалось изучение Северного Кавказа и Грузии.

13 января 1770 г. Гюльденштедт из Астрахани начал свое путешествие по Северному Кавказу. 23 января прибыл в Кизляр, который стал главной базой его экспедиции на Северном Кавказе. Из Кизляра Гюльденштедт со своими спутниками совершал поездки в соседние районы Дагестана, Чечено-Ингушетии и Осетии, а также в Моздок, Червленную и другие казачьи станицы по Тереку.

18 мая 1771 г. Гюльденштедт покинул Кизляр и в течение лета 1771 г. объездил всю Малую Кабарду, а затем через Осетию отправился в Грузию, прибыв 25 сентября в Душет.

Гюльденштедт более года находился в Грузии и лишь 12 ноября 1772 г. вернулся в Кизляр, где оставался до апреля 1773 г. В мае — июне того же года Гюльденштедт совершил объезд Большой Кабарды, после чего через Пятигорье направился на север и проехал весь Северный Кавказ до Черкасска и устья Дона.

Свое путешествие на Юг страны Гюльденштедт продолжил поездкой на Украину и завершил лишь в декабре 1774 г., когда он прибыл в Москву (в Петербург он вернулся в марте 1775 г.).

Результаты научных исследований Гюльденштедта на Кавказе были весьма положительными. Ему удалось собрать весьма обширный фактический материал. Большую помощь ему в этом оказали проводники и переводчики из числа местного населения, а также представители местной знати, ориентировавшиеся на Россию. В частности, при сборе материалов в Кабарде Гюльденштедт пользовался покровительством и содействием князя Арсланбека Таусултанова.

Гюльденштедт не успел при своей жизни подготовить к печати собранный им материал во время путешествия 1768—1774 гг. После смерти Гюльденштедта его путевые записи и черновые наброски отдельных глав были систематизированы и отредактированы академиком Палласом, издавшим их в Петербурге в 1787 и 1791 гг. в двух томах на немецком языке (язык оригинала) под названием: «Путешествие по России и Кавказским горам». Части этого труда, относящиеся к Кавказу, были изданы дважды Кланьотом (в его обработке и с его примечаниями) под названием: 1) «Путешествие в Грузию и Имеретию» (Берлин, 1815), 2) «Описание Кавказских стран» (Берлин, 1834). Оба издания на немецком языке. По-русски сокращенные извлечения из «Путешествия» Гюльденштедта были изданы К. Германом в Петербурге в 1809 г. под названием: «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из Путешествия... акад. И. А. Гюльденштедта». Рукописи Гюльденштедта хранятся в архиве Академии наук СССР в Ленинграде.

Опубликование материалов путешествия Гюльденштедта по Кавказу имело большое научное значение. В них впервые было дано всестороннее и точное описание природы, хозяйства, быта населения различных районов Кавказа. Сведения, сообщаемые Гюльденштедтом, надолго остались важнейшим источником для изучения народов Северного Кавказа, особенно же населения тех областей, которые ему удалось лично посетить, в том числе ряда районов Кабарды.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

Из «Путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах».

IX. О Черкесии и черкесах

Жители называют сами себя и землю свою Адиги, турки и татары черкас, грузинцы черкессиани, россияне черкесами, немцы черкассиен, а осетинцы казах, что во времена императора Константина было, может быть, обыкновенным названием. Черкес, осетинцев и кистов именуют россияне, сколь ни различны сии народы, по причине общего их обитания в Северном Кавказе, весьма неопределенно, горцами или тавлинцами*. Последнее означает на татарском языке также горных жителей.

Сия земля при северной стороне Кавказа занимает преимущественно плоскость у подошвы Главного и Передового хребта, от Черного моря вверх по Кубани и далее на восток, до

* Весьма сомневаюсь, чтобы русские употребляли сие последнее название для означения упоминаемых здесь народов.— А. Сев.

самого устья реки Сунджи, текущей в Терек; почему и смежна она к северу с Абхазией и Осетинской землей, а к западу с землей кистов, и содержит в себе реки Кубань, Куму и Терек.

Черкесы суть народ особливой, который, сколько явствует из языка и прочих обстоятельств, кроме абхазов, своих соседов, ни с каким другим сродства не имеют. Оба народа говорят одним коренным языком, но столь различными наречиями, что они без навыка друг друга не разумеют.

Черкесы много имеют у себя князей и многочисленное дворянство, а простой народ повинуется князьям и дворянству. Знаменитейшие княжеские роды суть: Джамбулат, Картук, Бекмурза, Мойзоль, Каргокин, кои все находятся в Большой Кабарде.

Черкесия не имеет общего собственного владения и земли ее не имеют правильного отношения, хотя учреждения ее и республиканские. Князья ведут войну между собой, утесняют друг друга и часто объявляют себя союзниками совсем противной стороны. Земля сия, а особливо Кабарда, вообще признает российское владычество. Князья присягают в верности российскому престолу и дают для вящего удостоверения в сохранении мира и спокойствия из лучших своих фамилий аманатов, кои содержатся в Кизляре. При всем том они весьма непостоянны и очень часто требуют военных укрощений, наипаче же в прежнюю турецкую войну (т. е. до 1772 года) надобно было послать особенный корпус для усмирения как их, так и прочих кавказцев. Над округами, лежащими вне Кабарды, присваивают себе некоторую власть и турки, кои назначают туда сераскира, который, будучи наравне с крымским, имеет обыкновенное местопребывание в Копиле при Кубани.

Попечениями грузинского и российского духовенства, наипаче в царствование Иоанна Васильевича, была введена в Черкесскую землю греко-католическая вера, чему служат и по ныне свидетельством старые каменные церкви, кресты на могилах, лежащих по Куме, соблюдение некоторых постов и проч. Но здесь последовало то же, что и в Абхазии. При безначалии и своевольном управлении истребилась христианская вера и не была заменена другою. Большая часть знатных привержена к магометанскому закону, но не имеет ни жрецов, ни мечетей, ниже школ, почему и находится в крайнем невежестве. Народ живет без религии.

Видом и нравом черкесы имеют сходство с абхазами, но они отважнее и приметным образом острее, в высокой степени нерешительны и в договорах вовсе ненадежны.

Обыкновенные мужские имена у черкесов суть, наприм.: Али (Ельнес), Магомет, Мойзоль (Моисей), Арсланбек (сильный лев), Тему (железо), Хаммурса (собачий князь), Тамаса (Фома), Джатемир (железная душа) и т. д. Женские имена:

Кенша, Фатьме, Твисике, Бистамар, Дженет (блаженство) и мног. друг[ие].

Между промыслами, скотоводство, наипаче разведение овец, составляют главнейшее их упражнение. Овцы их суть простые европейские домашние овцы, кои однако же дают весьма изрядную шерсть. Лошади у них очень красивы, только их мало. Шерсть они частью продают, частью делают сами из нее толстое сукно.

Хлебопашество ограничивается почти одним токмо просом, оное заменяет им хлеб. Что сказано о произведениях и торговле абхазов через армян, то относится и к черкесам.

Городов они не имеют, а живут в больших деревнях, коих дома построены не рассеянно, как у абхазов, но один возле другого. Дома их сложены из легких клетчатых стен, обмазанных и выбеленных.

Если какое-нибудь место им более понравится лучшей почвой, паствою, водою, лесом и соседством, то они оставляют свои деревни и весьма скоро строятся на новом месте.

Округи Черкессии суть:

Большая и Малая Кабарда, занимающая долины при северной горной подошве и на Передовом хребте, от верхней Кубани, к западу до самой Сунджи и разделяемые впадающим в Терек Аргуданом, а пониже его устья и самим Тереком, Кабарда называется на грузинском языке: стороною, в сторону или на другой стороне. Посему имя сие, может быть, грузинское и взято от положения, в отношении Грузии.

Безлень, при Улу-Лабь, впадающей в Кубань.

Темиргой, нарочито обширный округ при реке Шагвашь.

Мамшах, при той же реке, при коей лежит и Адимось.

Абазех, при Пшазии.

Бшедух при речке Кизляркаткен.

Гатукей и Бшанер при реках Каракубани и Алах.

Все эти реки впадают в Кубань.

XI. О Базиании и басианцах

Она занимает часть высокого снежного хребта около Малки, Терека, Аргудана или Аргуена до самой Кубани и граничит к востоку с Осетинской областью, к югу с Грузией и именно с Имеретскою и Сванетинскою провинциями, к западу с Абхазией, а к северу с Черкессией.

Обитатели несомненно татарского происхождения. Они и теперь еще говорят ногайским наречием татарского языка. Они не могли принять его от сопредельных народов, которые говорят совсем другими языками. В сии безопасные горы зашли они уповательно, укрываясь от неприятельских гонений.

Разные округи говорят мало отдаляющимися наречиями помянутого нагае-татарского диалекта.

Округи сей нагорной части и сего народа суть следующие:

1. Малкар по-базиански, балкар по-черкесски, собственная Базиания по-грузински. Меньшая часть лежит при реке Аргудане, а большая при Чесеке, впадающем в Терек. К востоку граничат с ним Осетинские Дугоры, к югу Имеретская Радша, к северу часть Большой Кабарды, называемой Кашкатау. Он по тогдашним известиям (т. е. в 1772 году) содержит в себе около 1000 семейств, которые живут в небольших деревеньках: 1. Улумалкар (большой Малкар), 2. Мухом, 3. Ишканта, 4. Шаарда, 5. Хурдаиза, 6. Гробсарта, 7. Адшалга и мн. др.

Семейство Базиат в округе почитается княжеским, каковым признается оно и черкесами. От сего рода, вероятно, придали грузинцы имя Базиании всей стране.

2. Безинги или Бисниге, при Чесек. В нем считают не более 100 семейств.

3. Хулам. Также при Чесек. Не более предыдущего.

Жители обоих живут в весьма малых деревнях.

4. Чегем, по-грузински Джики. Жители его чехи. Он занимает целую верхнюю часть горного пространства реки Баксана, Чегема и его ручьев. Число жителей простирается до 360 семейств, обитающих в 10 деревнях:

1. Улу-Ельт, главная деревня и самая нижняя при Чегеме; потом вверх по реке, 2. Мимала, 3. Тобениншиль-Бердеби, 4. Аче, 5. Чеге, 6. Кам, 7. Орсундак, 8. Булунгу, 9. Дшерлиге и 10. Хутор-Устожирл.

Кажется, что грузинское имя Дшики происходит от Цихiu, области императора Константина; может быть, это остаток того народа, который жил тогда по равнинам и потом поселился в горах.

5. Карачай, по-базиански.

Черкесы называют его Каршага, а грузины Карачагети, также Кара-Дшики. Он лежит около вершины Кубани и смежен к западу с абазинским округом Башилбаем, а к югу с Сванетией. С восточной стороны отделяет его горный хребет Чалпак от кабардинцев, живущих на реке Баксане. На помянутом хребте Чалпак берут свое начало реки Малк и Кум.

6. Баксан.

Все базианцы, конечно, были прежде подданные грузинских владетелей. Они тогда сделались христианами греческого исповедания, что доказывают несколько старых церквей, находившихся в сих округах, празднование воскресных дней, наблюдение великих постов и употребление в пищу свиного мяса. Такая каменная церковь, вышиною в 3 сажени, находится в Чегемском округе близ Улу-Ельша. Беременные женщины обыкновенно обещаются заколоть возле нее животное и отдать его на торжественное съедение. Впрочем, не знают тут ника-

кого кумирослужения или многобожия, а веруют в единого бога, подателя всех благ. Некоторые из знатных приняли мало-помалу магометанскую веру, но не имеют ни мечетей, ни мулл.

Они не имеют теперь* никакого дела с грузинскими владетелями, частью потому, что сии владетели бессильны, частью же потому, что земля их лежит между высокими, суровыми снежными горами и Сванетинским округом. От селения Они, лежащего в Имеретии, до Чегема считают два дня езды. Несмотря на это, малканцы приходят с толстым сукном, войлоками и тому подобным на еженедельную ярмарку в Они, что в Радше при Рионе, и выменивают тут бумажные материи и проч. Но тем более сношения имеют базианцы с кабардинцами, ибо различные Базианские округи платят разным кабардинским князьям дань, обыкновенно с каждой семьи в год по овце.

Кроме того, что кабардинцы гораздо могущественнее, базианцы выгоняют в зимнее время скот свой на кабардинскую землю, и уже потому должны им покоряться. Они получают в Кабарде, в случае нужды, оленей и всегда российскую соль, бумажные материи, холст и сафьян. Все сие выменивают они на шерсть, толстое сукно, рожь, войлоки, лисьи и куньи меха, серу, которую они добывают близ Устожирта в Чегемском округе, и огнестрельный порох, ими самими приготовляемый.

В верхней части Чегема, у горы Каргажин-Тау (т. е. свинцовая гора), добывают свинцовые руды.

Обыкновенные имена базианцев суть: Мугамет, Мусласали, Девлет, Хамзо, Келемет, Басмурза и более татарских названий.

В предисловии Катехизиса, напечатанного в Берлине, замечено, что за несколько сот лет, по другим известиям в 1480 году, богемские и моравские братья, чтобы избегнуть гонений, причиняемых им римскими единоверцами, удалились в Кавказские горы и в начале того года, потребовали из Берлина себе учителей. Сходство наименований Богемцов, Цехов, с Чегемами и открываемые здесь следы христианства, кажется, будто сие подтверждают. Но г. Гильденштедт находит в том большую невероятность: ибо Чехем происходит от Цихен или от области императора Константина Цихiи или Дшики грузинцев. Богемские братья наверно бы удержали богемский язык и не мешали б его с татарским, в котором нет ничего похожего на славянский.

7. Базиания, Базиани, Базиана.

Грузинцы называют величайший, принадлежащий сюда округ Малкар, Базиани; почему и избрал г. Гильденштедт сие название для означения сопредельных округов, сходных между собою в рассуждении языка и учреждения, под именем одной провинции.

---

* Сие писано в 1772 году.

ЯКОБ РЕЙНЕГГС

(1744—1793 гг.)

Биографические сведения о Рейнеггсе крайне недостоверны. В этом виноват прежде всего он сам. Будучи типичным авантюристом, Рейнеггс предпочитал умалчивать о своем прошлом или сознательно сообщал о нем ложные сведения. Происходя, по-видимому, из недостаточно зажиточной семьи (отец его был цирюльником, занимавшимся, как это тогда было принято, и врачеванием в качестве хирурга), Рейнеггс рано покинул свой родной город Эйслебен, в Саксонии. Он учился в Лейпцигском университете, в 1773 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины в Тирнау, в Венгрии. В 1776 г. Рейнеггс отправился путешествовать на Восток. Около 1779 г. Рейнеггс появился в Тифлисе при дворе грузинского царя Ираклия II. Здесь он развил исключительно активную деятельность, выступая одновременно в качестве врача, руководителя монетного двора, типографии и порохового завода. Вместе с тем Рейнеггс занимается изучением горных богатств Грузии и разрабатывает проекты административных реформ. Слухи о Рейнеггсе дошли до князя Потемкина-Таврического, в руках которого тогда была сосредоточена вся восточная политика России. Потемкин решил использовать Рейнеггса в качестве своего «комиссионера» при карталино-кахетинском царе Ираклии II и имеретинском царе Соломоне I. С 1782 г. Рейнеггс приступил к выполнению этих новых обязанностей. Однако авантюрный характер Рейнеггса помешал ему успешно справиться с поручениями князя Потемкина, который уже в 1783 г. отозвал Рейнеггса из Грузии в Россию. После этого Рейнеггс некоторое время служил в Астрахани, а затем был переведен в Петербург. С дипломатической карьерой Рейнеггса было покончено, и он служил теперь в качестве врача.

Располагая свободным временем, Рейнеггс занялся составлением историко-топографического описания Кавказа, которое он завершил в 1786 г. Этот труд содержит весьма ценный материал по истории и этнографии Кавказа. Длительное пребывание Рейнеггса в Грузии и на Северном Кавказе дало ему возможность хорошо изучить жизнь местного населения, и в ряде случаев он сообщает такие подробности, которые мы не найдем ни у одного из его современников.

Рейнеггс через Потемкина поднес свой труд императрице Екатерине II, однако она не сочла нужным опубликовать рукопись. Лишь после смерти Рейнеггса его труд был опубликован на немецком языке, в 1796 г.

Ниже дается перевод раздела книги Рейнеггса, который касается черкесов.

ВСЕОБЩЕЕ ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КАВКАЗА

Черкесы

Черкесы, или, рассматриваемые вообще, кабардинцы, хорошо сложенные, крепкие люди; смелые, неутомимые, ловкие, надменные, хорошо владеющие оружием как на коне, так и в пешем виде. Они стригут голову и усы, отращивая только длинные бороды и ухаживают за ними с особой тщательностью. Кроме собба или верхнего платья, они носят еще короткое нижнее, а зимой сверх него узкую, едва прикрывающую половину бедра шубу. Ее, а также верхнюю одежду они крепко стягивают вместо пояса ремнем в палец ширины, чтобы всегда иметь худощавую фигуру. Штаны их длинные, большей частью [из] коричневого или белого сукна, из того же материала сделаны и узкие чулки, достигающие лодыжек, к верхнему краю прикреплен кожаный ремешок, который подтягивает чулок кверху, и под коленкой крепко привязывается. На ногах они носят красные кожаные носки, которые, будучи также очень узкими, при первом надевании должны быть изнутри смочены мыльной водой, после чего они сохраняют форму ног, на которые они впервые были натянуты.

Черкесы делятся на князей (бей), дворян (узден) и кнехтов-крепостных (кулл) и различаются также по одежде, потому что только князь имеет право носить кольчугу. Во время еды не произносят ни одного слова; за столом у князя прислуживает дворянин, которому в свою очередь прислуживает крепостной, а этому последнему его раб. Однако, этот порядок не препятствует никому из них увеличивать число рабов и стад настолько, насколько это позволяет его сила. Каждый дворянин зависит от своего наследственного князя, однако князь не может ничего делать с его рабами, крепостными или имуществом. Также мало осмеливается дворянин прикасаться к собственности своих крепостных, к его рабам, стадам, рогатому скоту или лошадям, или же присвоить себе на них хоть малейшее право. Князь и дворянин не могут требовать от своих крепостных ничего кроме оброка, и ни один крепостной не может быть стеснен в увеличении своего имущества а еще менее проданным, битым или истязаемым. Что касается рабов, то все зависит от доброй воли его господина, но не было примера, чтобы с ним обращались жестоко или бесчеловечно, если он не провинился каким-либо образом.

Князья очень почитаются своим народом; их личность, так сказать, является священной, и никто не осмеливается их захватывать. Если князь в гневе убивает крепостного или даже дворянина, то он обязан лишь уплатить семье убитого причитающиеся деньги за кровь; но не слышно, чтобы на самого

князя налагали руку и требовали возмездия. Даже тогда, когда князь схвачен с другими во время разбойничьего набега, его жизнь стоит вне опасности; с ним прилично обращаются и он должен уплатить значительную сумму денег за свое освобождение, чтобы исправить свое неудачное предприятие.

Когда княжеский крепостной становится настолько богатым стадами и имуществом, что может дать свободу 25 рабам и сделать их своими холопами, то он стремится обычно сделаться дворянином, хотя он приобретает от этого очень мало преимуществ для самого себя. Он получает право всюду следовать за своим князем, прислуживать ему и, если ему князь разрешит, поселиться поблизости от него; он должен также давать князю ежегодный подарок, равный половине его доходов.

Если таким неуважаемым дворянином становился богатый холоп, то он должен был выполнять еще следующие обязанности: когда у князя, его господина, или у кого-нибудь другого из этого княжеского рода рождался сын, то он должен был стараться убедить мать просьбами и подарками, чтобы она разрешила ему похитить ее сына. Если мать соглашается на это воровство, то холоп отправляется вместе с семью дворянинами ночью в княжеский дом, берет ребенка и оставляет его расти в своем доме. Эти свидетели поочередно следят за тем, чтобы как только привешенные и отмеченные на ребенке знаки нуждаются в малейшей замене или возобновлении, то все семеро свидетелей должны при этом непременно присутствовать и вообще внимательно наблюдать за всеми происходящими в ребенке изменениями и посредством муллы письменно отмечать это, чтобы все подозрения о подмене ребенка были оставлены. Если один из свидетелей умирал, то приемному отцу стоило много труда и издержек найти другого и, кроме того, он должен был преодолеть много трудностей пока достигал своего желания.

Мальчик в дни юности проводит время за тем, что должен знать черкесский язык; он занимается религией, чтением и письмом; обучается верховой езде, стрельбе, грабежам и в 16 лет он уже взрослый; тогда приемный отец должен одеть его во все новое, соответственно его достоинству, снабдить его кольчугой, саблей, кинжалом, ружьем, луком, стрелами и конем, а также одним рабом. Как только это приданое готово, отец мальчика и весь княжеский род, так же как и другие знатные люди и друзья, приглашаются на торжественный обед, во время которого входит воспитанник, не видевший отца с самого рождения. Семь свидетелей клятвенно подтверждают княжеское происхождение юноши, все племя признает его княжеский род и отец обнимает его, как своего сына. Тогда молодой князь прощается со своим приемным отцом и в благодарность весь княжеский род жалует ему звание дворянина. Но ни один дворянин не может подняться до княжеского звания, так как князьями у них только родятся. Все существующие князья принадле-

жат к одной и той же фамилии, происхождение и древность которой, как они полагают, относятся к баснословным временам. Поэтому они не могут произвести кого-нибудь в князья, также как не могут принять чужестранца в семью — это не дозволяется черкесской гордостью.

Знатность происхождения весьма почитается узденями или дворянами старшего и младшего возраста; они так ревностны и внимательны к этому преимуществу, что, заключая браки, все время строго следуют точному расчету происхождения своих предков. Очень редко отдают сыну нового узденя дочь старинного рода.

Князья припоминают свои поколения по восходящей линии далеко не безошибочно. Я составил их родословное дерево только на основании того, что они действительно знают; эта родословная показывает действительное количество и род каждого князя, который с определенного времени разделился на две линии, именно Хадокшука и Джамбулад.

Образ жизни кабардинцев очень умеренный. Они гостеприимны и в работе неутомимы как для себя, так и для своих друзей. Множество стад и большое количество лошадей вынуждает их летом ежедневно менять становище, чтобы находить всегда свежий корм для скота. При приближении зимы они отправляются опять в свои селения, где уже собраны запасы сена, ячменя и проса. Так как дойные коровы не дают ни капли молока, пока теленок не стоит рядом с коровой, которую надо доить, то поэтому его привязывают к одной из ее передних ног, до тех пор, пока вымя не будет опорожнено.

Торговля кабардинцев заключается в продаже лошадей, овец, быков, меда, воска и рабов обоего пола.

Они возделывают просо и ячмень, немного пшеницы и маиса и в их кладовых можно всегда найти запасы меда, медового напитка, молока и сыра. Они не едят конину, но кислое конское молоко (кумыс) является для них очень желанным и приятным кушаньем. Свеже сделанный сыр они хранят в виде широких круглых пирогов, зашитых в холст и подвешенных над дымом. благодаря чему он летом сохраняется от мух и червей, ни в малейшей степени не потеряв своего приятного вкуса.

Местность, известная под названием Большая Кабарда, граничит на востоке с горами Баксана и рекой того же имени; на севере граница идет по правому берегу реки Малки; на западе — Карачаевскими горами, а на северо-западе рекой Кубанью; на юге она оканчивается у подножья Кавказских гор, где живут некоторые татарские племена, которые подвластны кабардинцам и платят им ежегодную дань, а именно: племя Балкар, состоящее из 1000 семейств на реке Пшуган, к востоку от них племя Биссинги, состоящее из 300 очагов; к западу на реке Черик лежат 114 домов племени Шакмена; еще западнее, на реке Че-

гем племя Чегем с 400 домами. Еще дальше бедное племя Оруспи, насчитывающее 160 душ и обитающее в горах Баксана.

Господство над этими именами такое же, как и в Большой Кабарде; они разделены и названы по имени кабардинских княжеских фамилий.

Фамилия Хадогшуга занимает всю область вдоль реки Баксан до реки Чегров, семья Джампулада расселена от этого места до реки Зенд и Эльбруса.

Малая Кабарда, или Ахло-Кабак, граничит с восточным склоном баксанских гор и правым берегом Терека; на востоке она достигает левого берега Кумбалея. Здесь живут настоящие древние черкесы, которые хотя и не принадлежат к кабардинской линии, но признаются князьями страны. Однако ни Большая, ни Малая Кабарда не знают теперь своих прежних властителей: они близки к своему падению.

ПЕТР СИМОН ПАЛЛАС

(1741—1811 гг.)

Петр Симон Паллас — русский академик, знаменитый ученый-энциклопедист, натуралист и путешественник. Родился в Берлине: отец — немец, мать — француженка. Научную подготовку Паллас проходил в университетах Галла, Лейдена, Геттингена. В 1760 г. он получил ученую степень доктора медицины.

В 1766 г. Паллас был приглашен для научной работы в Россию и избран действительным членом Академии наук, по поручению которой разработал план большой комплексной экспедиции по изучению производительных сил окраин России. Паллас сам принял непосредственное участие в этой экспедиции, работавшей в 1768—1774 гг. в различных областях страны (в Заволжье, на Урале, Алтае и в Сибири). В 1793—1794 гг. предпринимал путешествие в Астраханский край, на Северный Кавказ и в Крым, где затем поселился на постоянное жительство. И здесь Паллас неутомимо продолжал заниматься всесторонним изучением своего второго отечества, которому он посвятил почти всю свою жизнь. В 1810 г. Паллас получил отпуск по болезни и выехал в Берлин, где вскоре скончался.

Путешествие Палласа на Кавказ явилось продолжением путешествий Гюльденштедта и Гмелина, которые проходили в рамках и по программе академических экспедиций 1768—1774 гг.; оно как бы завершало кавказоведческие изыскания русской Академии наук XVIII в. Паллас в феврале 1793 г. выехал из Петербурга и в конце апреля был в Астрахани, где провел весну и лето, изучая низовье Волги. 26 августа 1793 г. Паллас из Астрахани направился на Северный Кавказ, в Георгиевск, куда прибыл в начале сентября. Отсюда он совершил поездку к Пятигорью, обследовав минеральные источники этого района, знакомясь с бытом кабардинцев, осетин, балкарцев и других горцев. 25 сентября Паллас выехал из Пятигорска в Черкасск, проехав таким образом с юга на север весь Северный Кавказ.

Паллас обладал глубокими познаниями в области ботаники, зоологии, палеонтологии, геологии, географии и других природоведческих дисциплин, в то же время он серьезно интересовался вопросами этнографии, археологии, экономики сельского хозяйства и промышленности. Паллас был членом Санкт-Петербургского Вольного экономического общества и ряда иностранных научных обществ. Он издал многочисленные печатные работы на латинском, немецком, французском и русском языках.

Описание путешествия Палласа на Северный Кавказ, которое содержит очень ценный научный материал по флоре и фауне, этнографии и экономике,

а отчасти и истории этого края, было первоначально издано на немецком языке в Петербурге в 1799—1801 гг. в книге, озаглавленной «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.» Второе издание этого сочинения вышло в Лейпциге в 1803 г. С него и сделан публикуемый ниже перевод на русский язык.

Сообщаемые Палласом этнографические сведения об адыгах и других народах Северного Кавказа отличаются обстоятельностью и точностью. Хотя Паллас был сравнительно на небольшой части территории, заселенной адыгами, и в глубь их земель не проникал, он сумел дать в общем совершенно верную картину расселения адыгских (черкесских) и близкородственных им абазинских племен. Ему также принадлежит одно из первых указаний на большую роль в этногенезе западноадыгских племен (шапсугов и натухайцев) абазин. Естественно, что наиболее подробные сведения Паллас смог собрать о кабардинцах. Его характеристика их общественного строя, культуры и быта по своей глубине и достоверности выгодно выделяется из числа большинства других литературных известий второй половины XVIII в., касающихся этого народа.

ЗАМЕТКИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ В ЮЖНЫЕ НАМЕСТНИЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА в 1793 и 1794 гг.

Начиная от истоков Кубани, берущего начало около Эльбруса, самой высокой горы Кавказского хребта, следующие народности расположены на восток к стороне Каспийского моря:

Малая Абаза, называемая Алтыкесек, из шести племен, именно: а) Шантемир, б) Клитш, в) Кеш, г) Лоу, д) Биберд, ж) Дударук. Малая Абаза, или Алтыкесек Абаза, расположена на речке Марацк до Подкумка. Эти народы населяют, таким образом, частью турецкие, частью русские границы. У них нет князей, а только начальники племен, и кабардинцы рассматривают их как своих подданных.

Абазы были христиане, но их знать исповедует в настоящее время магометанство. Их обычаи, одежда и образ жизни похожи на черкесские. Заметна также некоторая аналогия в языке этих двух народов. Так же как и черкесы, они занимаются земледелием, но они больше существуют за счет продуктов скотоводства. Они прославились красивой и высокой породой лошадей и считались бы действительно богатыми в своем роде, если бы не постоянные притеснения, которые они испытывают со стороны черкесских князей.

Право кабардинцев на этот народ основано на настоящей узурпации. Главные племена Большой Абазы следующие:

Шапсих. Эти абазы[1], имея мало земли для обработки и скота, живут охотнее грабежом; у них нет князей, но они рассматривают своим начальником того, чья фамилия самая могущественная или наиболее прославлена грабежами. Турки в отчаянии от их набегов, которые они доводят до окрестностей Анапы.

Натукаш самые могущественные из всех абазов[2], живущих по эту сторону Кавказа; они населяют ущелья, покрытые редким лесом. У них, следовательно, мало земли для обработки, но благодаря прекрасным пастбищам они могли бы разводить больше скота, если бы не их постоянное состояние войны и склонность к грабежам, которые не позволяют им думать о правильном хозяйстве. Они живут бедно и плохо одеты, сеют немного ржи и откармливают некоторое количество свиней, которые не встречаются у других народов Кавказа.

Эта народность, кажется, происходит из северо-западной части Кавказа; прежде она была очень многочисленная и распространялась очень далеко; но черкесы почти целиком вытеснили ее в горы и благодаря постоянным войнам она сильно уменьшилась.

Воинственная народность черкесов населяет горы, расположенные перед Кавказом; она тянется до соседней прекрасной равнины, прежних обитателей которой она изгнала или большей частью подчинила. Это род рыцарей, которые поддерживают между собой и в отношении подданных настоящую феодальную систему, подобную той, которую немецкое рыцарство ввело раньше в Пруссию и Лифляндию, с еще большей строгостью и бесчеловечностью.

Если исходить из точки зрения, что народ состоял только из князей и дворян, а их подданные были почти все рабы, захваченные во время войны у других народов и принявшие язык своих господ, со стороны которых они испытывали довольно мягкое обращение, то можно будет с меньшей суровостью судить об аристократическом строе этой храброй народности рыцарей, которая не может переносить никакого ярма[3]... Их непрерывные споры и разделение власти между многими мелкими независимыми князьями, интересы которых различны, к счастью, делают этот героический народ менее опасным.

Та часть этой народности.., которая признается русскими подданными, обозначается под именем Большой и Малой Кабарды.

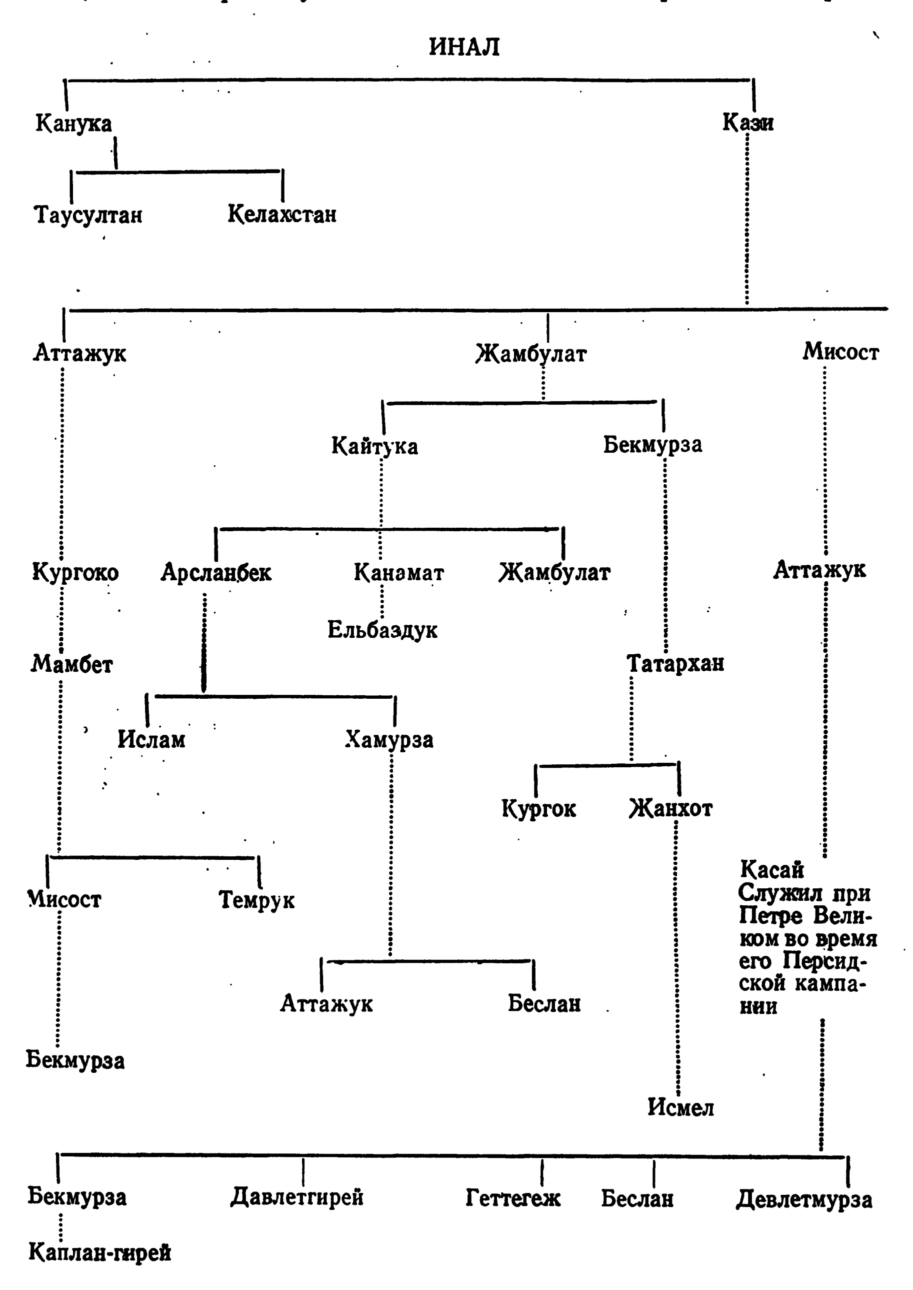
Кабардинцы считают себя по происхождению арабами; может быть это остатки тех войск, которые халифы когда-то посылали на Кавказ. Другие же ведут их происхождение от мамелюков. Что они когда-то жили в Крыму, на это указывает

[1] Шапсуги — черкесское, а не абазинское племя.

[2] Натухайцы — тоже черкесское племя.

[3] Изложенное суждение о происхождении черкесского феодализма антинаучно.

предание, которое еще подтверждается существующими названиями. Верхняя часть реки Бельбек в Крыму до сих пор еще называется Кабарда и вся прекрасная страна между этой рекой и Качей — Черкес-тус. Также и в названии крепости Черкес-

кермен, развалины которой еще существуют, по-видимому, сохранилось их имя. Когда они расселились по Кубани и в районе Бештау — нельзя твердо установить. Они называют себя сами, как все черкесские племена, адыге. Вероятно, керкеты Страбона, если и не этот народ, то нижеупоминаемые черкесаты.

Общим родоначальником черкесских фамилий называют некоего Инала, которого описывают могущественным ханом; только что упомянутые следы города Шанжира между ручьями Непиль[1] и Псиф[2] они называют его резиденцией. От этого Инала князья Большой и Малой Кабарды ведут свою генеалогию следующим образом [см. стр. 217].

Их род и происхождение неизвестно. Вначале, как кажется, они вместе с большей частью Кавказа были под властью Грузии. В XVI столетии, после разделения грузинского царства, когда отделились Мингрелия, Рурия и Абазия[3], они попали под владычество Крыма. В том же столетии они перешли под покровительство царя Ивана Васильевича, который в 1560 г. женился на черкесской княжне Марии, дочери Темрюка. В семнадцатом столетии [кабардинцы] опять находились под крымским владычеством, а в начале XVIII столетия, когда они хотели освободиться из-под этого ига, крымский хан проник до Кабарды. Однако черкесы бежали в горы у Баксана и забаррикадировались в узких ущельях каменными стенами, которые еще до сего времени называются крымскими. Они опять обещали хану платить дань. Отдали ему в дар много девушек и в день заключения мира в изобилии угощали их крепкими напитками. Ночью, когда те спали глубоким сном, они напали на крымский лагерь, убили хана и разбили все войско. Чтобы обезопасить себя, они обратились опять к покровительству русских, но до сего времени продолжают оставаться неспокойными и ненадежными подданными. При генерал-майоре фон Фабрициане, который часто их наказывал, им была определена граница между левым берегом Малки[4] и Тереком. Теперь же они опять расселились до Подкумка; живущие внутри границы наиболее мирно настроены. Еще не более 16 лет тому назад они были христианами. И теперь еще они очень равнодушные и ненадежные магометане.

Знать (уздени) разделяются на древнее рыцарское дворянство и высшую знать (уздени узденей). Самыми известными фамилиями из древней знати являются Куденетовы, Тамбиевы, Анзоровы...

Черкесы вообще и кабардинцы в частности населяют селения, которые они покидают через определенный промежуток

---

[1] *Непитль* в Таманском районе (прим. ред.).
[2] *Псефир* — река среднего бассейна Кубани.
[3] Абхазия.
[4] Правый приток Терека.

времени или по причине засорения, или вследствие отсутствия достаточной безопасности; они уносят тогда приготовленный лес для постройки и домашнее имущество, сжигая остальное. Они ищут затем удобное место для поселения; когда нет поблизости их поселения воды, они проводят ее к себе из наиболее близкого ручья по каналу, устраивая маленькие плотины, которые они строят с таким же искусством, как крымские татары.

Они строят свои дома близко один к другому, одним или несколькими кругами или четырехугольниками, таким образом, что внутреннее пространство представляет собой общий скотный двор, имеющий лишь одни ворота, а дома, окружающие его, служат как бы для его охраны. Дом узденя (или князя), обычно стоящий особняком, заключает в себе ряд отдельных четырехугольных помещений, размером в две сажени, где помещаются гости, с камином, маленьким диваном и другой удобной мебелью. Уборные, рассеянные в поле, вырыты в земле под глиняными хижинами круглой формы. Вокруг селения стоят скирды сена и ржи, а также установлены на земле большие плетеные корзины под крышами для ссыпания обмолоченной ржи. Дома представляют собой удлиненные четырехугольники от 4 до 5 сажени длины и немного более полутора саженей ширины, плетенные из ветвей, густо обмазанных глиной. Крыши плоские, сделаны из легких стропил и покрыты камышом. Каждый дом состоит из большой комнаты для женщин и смежной комнаты для рабынь и девушек. Одна из дверей комнаты выходит на улицу; другая, расположенная в одном из углов налево от входа, выходит во двор. Внутри у передней стены устроен плетеный и обмазанный глиной очаг с дымоходом и короткой трубой. Около камина в том конце комнаты, где находится выход во двор, устроена широкая скамейка для спанья или диван с резными ручками, покрытый хорошими коврами и подушками и около него окно на улицу, через которое можно войти в комнату. Над диваном и по всей стене висят на колышках различные женские одежды, платья и меховые вещи; на перекладинах под крышей находятся заготовки из целых колосьев турецкой пшеницы или маиса, которые они обжигают на золе; зерна, которые при этом выпадают из колосьев, они употребляют как лакомство или берут с собой в военные походы вместе с пастой из проса, являющейся их обычной, легкой и утоляющей голод пищей. Мужчина живет обычно в отдельном помещении и не любит при чужих показываться у жены.

Они живут в своих селениях и домах очень чистоплотно: они соблюдают чистоплотность также в своей одежде и в приготовляемых кушаньях.

Князья и знать не имеют других занятий, кроме войны, охоты и грабежа. Они живут большими сеньорами, ездят по полям верхом, устраивают пирушки или совершают набеги. Уздени, или знатные, держат народ в повиновении и обязаны лишь слу-

жить своим князьям во время войны. Подданные (или крестьяне) имеют в отношении князя и знати, могущих располагать их имуществом и жизнью, самое безусловное послушание. Они составляют часть наследства: но нет примера, чтобы их когда-либо продавали. Они составляют массу народа, как рабы князей или знати, захваченные во время войны.

Они возделывают землю большими плугами, запряженными от шести до восьми быков, водят стада на пастьбу, рубят дерево для срубов или для топки, строят жилища, жнут хлеб и косят траву, которой зимой кормят животных. Женщины и девушки не так строго охраняются, как у крымских татар, работают вместе с ними во время жатвы. Когда полевые работы зовут черкесов далеко от их селений, они строят себе в открытом поле хижины из жердей, покрываемых ветвями и камышом, которые можно было бы принять за стоги сена. Князья живут в таких же хижинах, когда они при своих поездках долго живут в открытом месте. Они ночуют во время своих постоянных набегов в маленьких хижинах из войлока, служащих им палатками; они устроены на четырех шестах и покрыты легкой крышей из планок. Все крестьяне мужского пола обязаны работать на князя или знатного по три дня, для косьбы и для рубки дров, с их доставкой в дом. Они должны сверх того давать один воз или семь мешков проса для каждого быка, которые те имеют. Каждый жених этого класса обязан давать также своему господину двух коров и двух быков, кроме этого они не обязаны платить никаких податей. Горные народы, сделавшиеся данниками черкесских князей, вроде абазов, осетин, дигорцев, басиян, балкар, карачаевцев и карабулаков, платят им обычно с каждой семьи по одной овце или ее стоимость бурками, полотном, медной посудой и другими подобными предметами. Каждый, кто имеет овец, независимо от величины стада, дает князю летом, когда стадо выводят на пастбища, по овце.

Хотя князь и не подчинен никаким законам, его собственный интерес требует обеспечения привязанности и верности своих подданных во время войны, благодаря щедрости и приветливости. Он может пожаловать дворянство или сделать узденем подданного, когда он этого заслуживает. Он может каждого лишить всего по своему желанию. Когда речь идет о большом предприятии, он созывает знатных, которые передают затем народу решение, принятое совещанием. Трудно установить точное состояние Черкесии. Если же предположить, что число подданных в пределах Атажука[1] составляет приблизительно треть Кабарды, то из этого следует, что так как число населения в этой области состоит из трех тысяч крестьян и 500 узденей, то, следовательно, общее число кабардинцев бу-

[1] *Атажукины* — кабардинский княжеский род.

дет приблизительно составлять 10 000 человек простонародья и 1500 узденей. Если присоединить сюда другие черкесские племена по ту сторону Кубани, о чем речь будет впереди, то этот бесстрашный воинственный народ мог бы составить сильную державу, если бы он не был подчинен стольким вождям, интересы которых всегда различны. Согласно их феодальной системе, знатный, и даже всякий человек, способный носить оружие, должен сопровождать князя во время войны. Трусость наказывается самым сильным презрением. Два противоположных закона — гостеприимство и кровная месть свято соблюдаются, как черкесской знатью, так и большинством других народностей Кавказа. Гостеприимство (куначество), основанное на определенных принципах, ставит всякого, кто прибегает к нему, в полную защиту от всякого рода насилий. Его хозяин защищает его при всяких обстоятельствах своей жизнью и жизнью своих близких; он не дозволяет ему уехать, не дав ему конной охраны и не поручив его своим союзникам; за убийство или оскорбление гостя мстят, как за смерть кровного родственника. Чужеземец, становящийся под покровительство женщины и допущенный коснуться ее груди концом своих губ, получает защиту как брат, будь он даже врагом и убийцей одного из близких друзей.

Но не меньше добросовестности черкесы проявляют и в отношении кровной мести; ближайшие родственники или наследник со дня рождения обещаются уничтожить виновников покушения, совершенного над личностью их союзника, [действуя] открыто, применяя хитрость или всякий другой способ. В противном случае им угрожало изгнание, как недостойных членов общины. Эта кровная месть, передаваемая из поколения в поколение, распространяется на целые племена; она так упорна, что князья и знатные обоих враждебных племен обязаны драться насмерть или согласиться избегать друг друга, когда встречаются на одном пути или в нейтральном месте.

У черкесов ответственность за убийство падает на всех родственников. Эта необходимость мстить за кровь родственников является причиной большей части распрей между ними и между всеми кавказскими народами; и если они не кончаются в конце концов выкупом и женитьбой между двумя семьями, то вражда продолжается до бесконечности. Цена, которую дают семье умершего для прекращения преследования, называется цена крови; но князья и уздени не соглашаются ни на какие вознаграждения подобного рода и постоянно требуют кровь за кровь.

Молодые люди обоих полов вольны встречаться и принимать участие в забавах; женщины не застенчивы, не скромны; при сватовстве черкесы придают большое значение званию; уздень не смеет стремиться к обладанию дочерью князя; если же такая любовь имеет место и если уздень увозит дочь кня-

зя, то при первой возможности его беспощадно лишают жизни. Когда сын или дочь женится, они не осмеливаются являться первый год перед своим отцом или матерью до рождения ребенка. Муж посещает свою молодую жену долгое время только тайком, влезая в окно ее комнаты. Он никогда не присутствует, когда она принимает гостей; он не любит, когда ему говорят о ней и о детях и считается даже оскорбительным, когда у него справляются о здоровье жены.

Воспитание княжеских детей у этого народа направлено к тому, чтобы уничтожить всякое родственное чувство, начиная с раннего возраста. С детства их поручают попечению знатного, часто даже богатого, который служит им воспитателем.

Родители, особенно отец, не видят своего сына до тех пор, пока он не в состоянии носить оружие, а своих дочерей до замужества. Воспитатель должен обо всем заботиться; он обучает мальчиков с малых лет всем хитростям разбойничьих банд и всем приемам, которые эти наездники ценят. Он вооружает молодого человека, когда тот достаточно силен, чтобы носить оружие, и тогда представляет его отцу; ученик вознаграждает своего воспитателя, отдавая ему большую часть награбленной добычи. Девушек очень плохо кормят, чтобы сделать их более худыми, так как княгиня должна иметь всегда нежный, стройный стан. Их учат вязать, плести позументы, шить платья, плести корзинки и циновки и другим занятиям, подходящим для их пола. Воспитатель обязан также выдать замуж свою воспитанницу и выбрать ей жениха, равного ей по происхождению, если он хочет сохранить свою голову.

Их гробницы, воздвигнутые из квадратных камней, большей частью представляют собой продолговатый, заполненный или пустой четырехугольник с деревянными колоннами по углам, украшенными капителями. Их могилы располагаются на более или менее значительных возвышенностях близ селений Могилы князей и знати окружены довольно высокими шести-семиугольными стенами или же для них строят настоящие часовни, которые построены из обделанного камня, привезенного из гор рабочими. Могилы абазов имеют много общего с черкесами. Когда умирают отец или муж, жена в знак печали должна царапать себе лицо и грудь до крови, а мужчины бьют себя по лицу кнутом, чтобы носить некоторое время синяки в знак траура.

Вся домашняя экономия черкесов ограничивается обработкой земли и разведением многочисленных стад; они сеют обычно просо, из которого варят кашу, пекут блины и всякое печенье, они приготовляют также особые напитки, называемые ими hantkups[1]. Реже сеют маис, котрый служит им продовольствием во время их набегов; они возделывают огородные

---

[1] Видимо, пшенный суп (прим. ред.).

растения, вроде моркови, репы, брюквы, лука, тыквы, арбузов и т. д. Женщины приготовляют из дикой конопли очень красивую нить; но они не умеют ткать никаких сортов холста.

Их скот состоит главным образом из коз, овец, быков и лошадей. Овцы обычно белые, длиннохвостые, тонкорунные, которых черкесы продают на рынках наряду с прекрасным сукном, узким и некрашеным, изготовленным их женщинами, и кафтаны, сшитые из той же материи. Они употребляют шерсть черную и самую обычную для изготовления накидок из войлока для собственного употребления.

Рогатые животные малорослые и служат для тяги их арб. и двуколесных повозок.

Лошади являются предметом домашней экономии, самой важной для всадников, постоянно находящихся в походах.

Черкесы разводят всякого рода домашних птиц: индейских петухов особенной величины и красоты, кур, гусей и уток. Они также занимаются пчеловодством, которое им особенно ценно, ради их любимого опьяняющего напитка из меда.

Они умеют извлекать значительную выгоду из этого прекрасного меда, который разбавляют кипящей водой, или же делают из него перебродивший напиток из проса (буза), или же употребляют в кушанья. Они продают его, так же как и воск, в большом количестве на линии[1] и даже в Астрахани.

Я перехожу теперь к другим племенам черкесов, живущим за рекой Кубанью.

Ближайшее племя — бесленеевцы... Они живут наподобие черкесов и более чистоплотны и богаты, чем горские народы. Следующее племя — мухошевцы — хорошие земледельцы; у них много скота и они живут, как черкесы, в укрепленных деревнях.

За ними следуют темиргоевцы, самое сильное и могущественное племя черкесов.

Все племя темиргоевцев состоит более чем из 40 селений и может выставить более двух тысяч человек; они союзники с племенами бесленеевцами, мухошами и бжедугами, объединение которых может выставить под ружье более, чем 5000 человек. Жители этого племени самые богатые и чистоплотные из всех черкесов.

Адеми — племя темиргоевцев, которое живет в некоторых селениях по Псеге[2] и внизу у Псиша[3].

Четвертое племя — бжедухи. Они занимаются земледелием и разводят также некоторое количество скота на правом берегу Кубани; с соседями они часто ведут торговлю.

---

[1] Кавказская военная линия (прим. ред.).
[2] *р. Пшех* — левый приток р. Белой.
[3] *р. Пшиш* — левый приток р. Кубани.

Пятое племя, находящееся в настоящее время под властью турок, — натухайское.

Я должен еще упомянуть о маленькой ветви черкесов, состоящей из шести селений, носящих имя племени Шани или Сани[1]. Они могут выставить двести человек; обрабатывают землю и владеют скотом; они беднее всех остальных черкесов, что делает их большими грабителями.

Маленькое черкесское племя Шагахи живет еще до сих пор у Анапы на Багуре[2] и его меньших притоках.

Их князь Sane был богат, производил торговлю и имел несколько судов на Черном море.

---

[1] Жанеевцы (прим. ред.).
[2] *р. Бугур,* Анапка.

ЯН ПОТОЦКИЙ

(1761—1815 гг.)

Ян Потоцкий принадлежал к знатному и богатому польскому роду графов Потоцких. Получил прекрасное образование. Много путешествовал по Западной Европе и Ближнему Востоку. В 1798 г. совершил путешествие из Москвы в Астрахань, а оттуда на Северный Кавказ.

С 1801 г. Потоцкий, живший до этого большей частью в Париже, поселился в Петербурге, где сблизился со многими видными учеными. Потоцкий был широко образованным; его интересовали вопросы истории, филологии, археологии и этнографии, а также естествознания и географии, он особенно увлекался историей, в частности, он собрал огромный материал по древнейшей истории славян.

Описание путешествия Потоцкого по Кавказу, написанное, как и большинство его трудов, на французском языке, было издано лишь в 1829 г. Клапротом, с которым он при жизни поддерживал тесные научные связи. Клапрот снабдил текст Потоцкого своими подробными комментариями, используя для этого материалы, собранные им во время пребывания на Кавказе. Однако еще до издания Клапротом этого сочинения Потоцкого рукописные копии его получили широкое распространение в России и за границей, а также печатались в отрывках на французском, польском и русском языках.

Приводимые ниже краткие выдержки из «Путешествия в астраханские и кавказские степи» Потоцкого касаются преимущественно истории и этнографии адыгов, о которых он имел возможность получить ценные сведения при содействии служившего на Кавказской линии капитана Вильковского, отец которого был поляк, а мать — черкешенка (вероятно, кабардинка). Вильковский, по словам Потоцкого, «провел в Черкесии (Кабарде. — *В. Г.*) пятнадцать лет в качестве переводчика» и, следовательно, был отлично знаком с бытом кабардинцев и других адыгов. Потоцкий «под диктовку капитана Вильковского составлял и свой «черкесский словарь».

Возможно, что именно Вильковский ознакомил Потоцкого с документом, содержащим генеалогию кабардинских князей, которой Потоцкий уделил большое внимание.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АСТРАХАНСКИЕ И КАВКАЗСКИЕ СТЕПИ

Глава IX

Балкары (Balkar), населяющие высокие горы по ту сторону Кабарды, говорят на тюркском языке и являются язычниками.

Обыхи* (Obykhy), проживающие к востоку от балкарцев, представляют собой народ, отличающийся от черкесов и абазинцев; они также язычники.

Глава XI

...Что касается нынешнего состояния религии у абазинцев и сванов, дело обстоит следующим образом: они питают такое большое уважение к своим церквам, что в течение уже нескольких столетий никто не решался приблизиться к ним более чем на тридцать шагов. У них есть также несколько греческих молитвенников, которые никто не решается открыть, но на них они приносят клятву. То же самое имеет место и у балкарцев, которые являются народом тюркского происхождения и проживают к западу от осетин и к северу от Имеретии. Одно из их племен, которое проживает на речке Чегем, взяло себе имя «Чеги» (Tcheghy); это и есть так называемые «чехи», или «богемцы», которых помещают на Кавказе совершенно безосновательно.

20 ноября. Здесь не слышно более разговоров ни о Сурхае, ни о Шамхале, ни о хане аварцев, ни о Чаре, ни об Акуше; здесь говорят только о Черкесии, стране черкесов; и то, что мне о ней говорили, настолько необычно, что с трудом мог поверить, что существуют страны с подобным управлением. Но эта страна существует, и вот она перед моими глазами по другую сторону Терека. Здесь получают о ней известия каждый день, и я могу поехать туда, когда захочу; таким образом, не может быть места для сомнений. Выше я говорил, что разбой в почете на всем Кавказе; но здесь князь не может без риска прослыть обесчещенным, потерять к себе уважение провести дома более восьми дней.

* Я думаю, что речь здесь идет об убыхах (Ouboukh), которые вместе с туби (Toubi) населяют самые высокие и труднодоступные участки гор, вблизи от истоков Шаг'ваши и Пшаха, до снежных гор и в направлении Черного моря. По сведениям, собранным мною во время путешествия на Кавказ, эти две народности говорят на одном из диалектов абазинского языка; они занимаются разбоем и делают хорошее вино, которое они называют «сана». Земля в их краях плодородная и не требует усиленной обработки; у них нет князей, и они подчиняются узденям (дворянам); они проживают в лесу в домах, обычно сгруппированных по три-четыре дома в одном месте. — *Клапрот.*

«Пшех» (Pcheh), или кабардинский князь, должен, стало быть, воровать у осетин и чеченцев (где, однако, бывает нечего взять), или по другую сторону Кубани, у черкесов, которые являются подданными Порты, или же на русской границе, или, наконец, у своих князей. Если ему удается вернуться из набега с добычей, «ворки» (Ouork), или дворяне, приходят к нему, требуют у него все, что им подходит, и он им это отдает; затем он приходит к ним и берет у них все, в чем нуждается для содержания своего дома. Если князь отправляется в разбойничий набег, это держится в тайне, и его дворяне не обязаны его сопровождать; но если он идет на войну, его дворяне следуют за ним и обязаны отдавать за него жизнь, если потребуется; если они не поступят таким образом, они будут считаться обесчещенными. У князя совсем нет крестьян; они есть у дворян. Крестьяне, если они недовольны свои сеньором, вольны покинуть его и уйти к другому дворянину. Дворяне в свою очередь, если они проявляют недовольство своим князем, могут уйти к другому. Три сословия никогда не перемешиваются путем браков между своими представителями. Крестьяне совершенно не имеют права носить кольчугу, колчан и стрелы; на войну они отправляются в повозках и сражаются пешком; способ ведения войны, о котором говорил также Тацит.

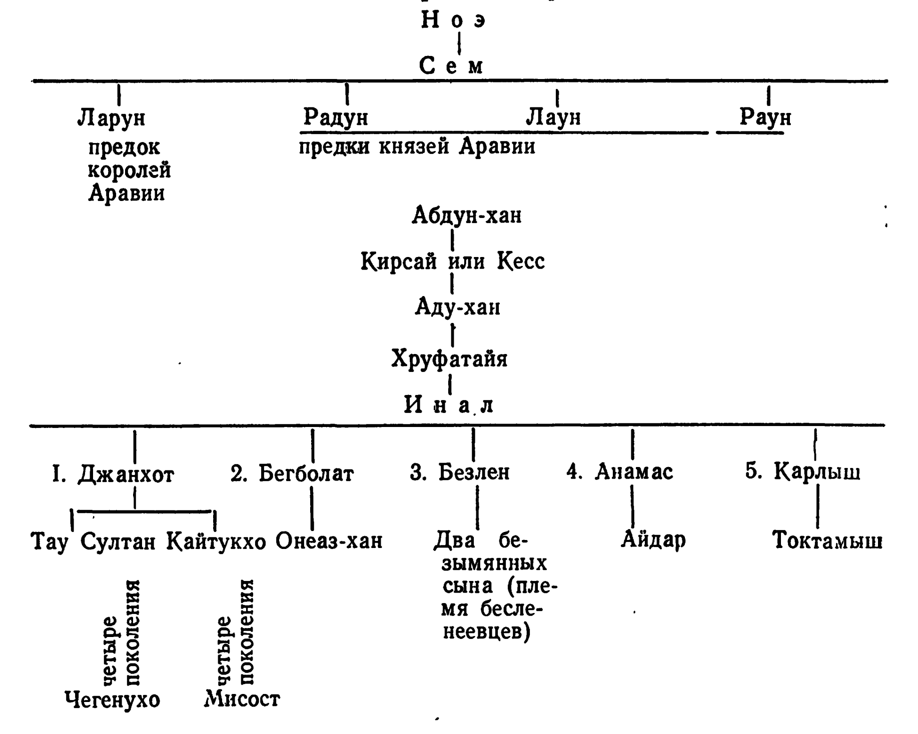
Каждый князь настолько независим, что у них даже нет обычая, чтобы сыновья подчинялись своим родителям. Однако, проблемы, представляющие интерес для всей страны, обсуждаются на «поках» (Pok), представляющих собой род собрания выборных. На них председательствует старейший князь, или Pcheh-Thommade; на собраниях есть две палаты — князей и дворян; в каждой из них есть свои ораторы; обе палаты направляют друг другу свои депутации, и как говорят, эти собрания проходят с большим достоинством. Вот то, что удалось узнать о государственном устройстве черкесов. Но эти собрания происходят только тогда, когда какие-либо предложения выдвигает Россия; так как в том, что касается внутренних дел, в качестве основного закона среди черкесов царит то, что в Германии называют Faustrecht (право кулака).

Что касается кольчуг, о которых я говорил выше, следует заметить, что те из них, которые делаются в настоящее время, не в слишком большом почете, но у них есть старинные, которым нет цены; считают, что их производили некие девственницы, которые сейчас исчезли и которых называли «тахуты» (Tahhuts).

21 ноября. Сегодня вечером я получил сообщение об одном ценном документе, который трудно заполучить; речь идет о генеалогии кабардинских князей. Я потратил три или четыре часа, чтобы представить его в виде генеалогического древа, и я добился довольно большой точности и достоверности.

22 ноября. Сегодня я вновь нарисовал и раскрасил мое генеалогическое древо и могу сказать, что воспроизвел весьма благородное растение, достойное быть представленным среди генеалогических лесов Германии. Однако оно представляется срубленным, поскольку ряд неясностей не позволяет нам разглядеть основание его почтенного пня; впрочем, то же самое имеет место и в отношении всех европейских семейств. Итак, семейство князей Кабарды начинается с Сема (Sem), сына Ноэ (Noe); это несколько удалено во времени, но совпадает с утверждениями, что эти князья — выходцы с Аравийского полуострова, и это утверждение само по себе не содержит ничего абсурдного, так как доподлинно известно, что, начиная с 800-го года и по 1200-й год множество арабов прибывало в Болгар, в Маджар, в Бессарабию и даже в Венгрию, где они выстроили город Пест; в то время их именовали измаэлитами. Их потомки еще существуют в южной части Кавказа или, как минимум, они существовали в начале века, о чем говорит Гербер. Семейство, правящее в Кабарде, могло, следовательно, прийти из Аравии; однако не меньше правды и в том, что начало этой генеалогии покрыто мраком неопределенности и к тому же искажено очевидными анахронизмами. Тем не менее, мы приводим ее здесь, ничего в ней не изменяя.

Генеалогическая история кабардинских князей

Текст. Пророк Ноэ имел трех сыновей; старший из его сыновей назывался Сем; у Сема было четверо сыновей: Ларун, Радун, Лаун и Раун; от Ларуна пошли ханы Аравии; а от трех других пошли аравийские князья. Эти князья претерпели много страданий в Аравии, ушли из нее и разбрелись по разным странам.

Комментарий. Если мы расположим три родословных по векам, генеалогия приведет нас к 1300-ому году, когда арабским князьям Сирии и Палестины довелось много перенести из-за монголов. Но то, что следует далее, не имеет хронологического смысла, или скорее является передергиванием в силу азиатского неведения, в соответствии с которым Константинополь всегда управлялся Константином, как будто он мог править им в течение десяти веков. Точно так же для Персии они не знают никого, кроме Нуширвана, а для Иудеи — кроме Соломона. Подлинная генеалогия начинается только за двенадцать поколений до князей Докшукха (Dokchukha) и Спшимаха (Spchimaha), которые живы и творят дела в Черкесии.

Продолжение текста. Абдун-хан, в сопровождении небольшого числа подданных, прибыл к императору Константину; там он оставался некоторое время; затем он покинул его двор и отправился к римскому цезарю (Kissar). Абдун-хану очень понравилось у цезаря; однако он покинул и его и отправился в Крым, где он обосновался на реке по названию Кабарда (Kabardah)*. Там у Абдун-хана родился сын, которого он назвал Кисрай (Kissraї) в знак дружбы к римскому цезарю; но черкесы называли его Кесс (Kess), что означает на русском языке «рубить» или «удар сабли». Оттуда на кораблях они пришли в Суджук-кала, и оттуда по суше добрались до устья Кубани, до места в шести часах пешего марша, называемого Кизил-таш (то есть «красный камень»); там они стали многочисленнее, там же умер Абдун-хан. После его смерти его сын Кесс стал калифом.

После смерти Кесса его наследником стал его сын Аду-хан (Adou-Khan). После смерти Аду-хана его преемником стал его сын Хруфатайя (Hroufataїa), имя которого означает «волосатые ноги».

После смерти Хруфатайи ему унаследовал его сын Инал(ь). Иналь был мужественным, осторожным и щедрым; при его правлении многие народы подчинились ему и стали жить по его законам. Он правил в течение долгого времени, был известен по всему Кавказу и дальше за его пределами и был удачлив в войнах. До сих пор жители Кабарды говорят о нем; хранит-

* В Крыму еще можно видеть руины замка, называемого Черкес-керман (Tcherkess-kerman), и территория между Качей и Бельбиком носит название Черкес-туз (Tcherkess-Tuz), или «Черкесская долина», а ее верхняя половина именуется до сих пор «Кабарда» (Kabardah).— *Клапрот.*

ся его золотой крест. У Иналя было три жены. От первой у него был сын Джанхот (Djanhot), от второй — Бегболат (Begbolat) и Безлен (Bezlen); от третьей — Унамас (Ounamas) и Карлыш (Karlych), которые унаследовали его власть в Кабарде.

Комментарий. Здесь я отвлекаюсь от авторского текста, чтобы продолжить генеалогическое древо, которое я нарисовал в соответствии с ним и которое позволяет восстановить то же положение вещей, но с большей ясностью.

У Карлыша был сын Токтамыш (Toktamych), который, не проявив достаточной смелости, был лишен ранга князя и переведен в разряд обычных дворян. Семейство Унамаса также не пошло дальше его сына Айдара (Aïdar). У Безлена было двое сыновей, имена которых отсутствуют, и которые стали родоначальниками известного племени бесленеевцев (Bezlenie), которое процветает на левобережье Кубани.

Бекболат, или Бегболат, имел сына по имени Гилаз-Хан (Ghilaz-Khan), родоначальника племени мударцев (Moudarie), которое обитает в Малой Кабарде, совсем рядом по соседству с русскими границами. Моя генеалогия не затрагивает совсем это семейство, а только потомков Джанхота, старшего сына Иналя. У Джанхота было два сына — Таусултан (Tau-Sultan), родоначальник семейства Тау-султанов, и Кайтукхо (Kaïtoukho), род которого, богатый героями, составляет славу Малой Кабарды.

В четвертом поколении, после Джанхота, мы видим некоего Чегенукхо, или Шегенуко (Tcheghenukho, Cheghenuko), который должен быть из этого семейства; но так как его семейство превратилось затем в объект ненависти, генеалогия не говорит ничего о том, чьим сыном он был.*

В этом же поколении можно видеть князя, добавившего к своему имени — Герай (Gheraï), что уже говорит об отношении к Крыму. Эта приставка становится более частой в следующем поколении. Опять же в этом поколении появляется некий Миссост (Missost), происходящий от Кайтукхо, ветвь которого, особенно многочисленная, покрывает славной сенью Большую Кабарду. Русские, которые дают названия всем этим семействам, называют его Сидаку (Sidakou).

Двумя поколениями позже происходит резня в отношении семейства Чегенукхо, и этот период совпадает с началом нашего века. Генеалогия говорит единственно, что это семейство было уничтожено по причине своей гордости: но вот что по этому поводу сохранилось в преданиях. Главы этого семейства не допускали, чтобы другие князья садились раньше их. Они не

---

* Чегенукхо был князем бесленеевцев. Те из его потомков, которым удалось спастись во время всеобщей резни, укрылись в Грузии, приняли христианство и получили от короля Вахтанга земли в Кахетии. Семейство этих князей по-грузински называется **Черкессишвили**; их обычная резиденция в Веджини.— *Клапрот.*

разрешали, чтобы лошадей других князей поили водой тех же речек, или, как минимум, выше по течению того места, где поились их собственные лошади. Когда им хотелось вымыть руки, они приказывали молодому князю держать перед ними таз. Они считали выше своего достоинства посещать «поки», или собрания князей. И вот что из всего этого вышло. На одном из таких всеобщих собраний они были осуждены на уничтожение. Судьи взяли на себя роль исполнителей приговора, ими же вынесенного. Ничто не вышло наружу до момента исполнения приговора. Когда пришел фатальный день, все князья семейства Чегеншукхо были заколоты кинжалами с их детьми и беременными женами. Это событие, как я указывал выше, должно было произойти в первые годы восемнадцатого столетия, и о нем довольно часто еще говорят по всей Черкесии. Это была особая эпоха, после которой люди того времени начали фиксировать дату своего рождения и отсчитывать от нее свой возраст; однако сейчас (1797 год) нет ни одного из них, оставшихся в живых.

Вот что я имею сообщить об истории правящего в Кабарде дома*, к чему я хотел бы добавить, что название этой области было своеобразно искажено во Франции. Людовик XIV в рекомендательном письме, подготовленном для отца Авриля из ордена Иезуитов, упоминает в числе прочих титулов русского царя: «Господин всех северных областей, властелин Иберии,

---

* Вот сведения, которые мне удалось собрать во время моего путешествия на Кавказ из уст черкесских старейшин относительно происхождения их нации, или, лучше сказать, генеалогии их князей. Их родоначальника звали Араб-Хан; это — Аду-Хан из сообщения графа Потоцкого. Он был князем из Аравии; он покинул страну с небольшим числом приближенных и перебрался в Чанчир, ныне разрушенный город, находившийся неподалеку от Анапы, в стране нечкуаджей (Netchkouadji), оттуда же, как они это утверждают, происходят Темиргой и другие черкесские князья. Действительно, там еще можно встретить стены и рвы диаметром приблизительно в половину немецкой мили; они тянутся на восток до Псифа и на запад до Нефила. Эта постройка имела четыре выхода, наподобие римского лагеря. На севере, со стороны кубанских плавней, есть ряд холмов, которые можно принять за фортификации.

Араб-хану унаследовал его сын Хурпатайя; это — Хруфатайя по графу Потоцкому. У него был сын по имени Инаਲь, которого называли Неф, то есть «Косоглазый». Князья той и другой Кабарды рассматривают его как родоначальника своих племен. Он оставил пятерых сыновей — Тау-султана, Ахлау, Мудара, Безлена и Комукву. По графу Потоцкому это Джанхот, Бек-болат, Безлен, Унамас и Карлыш. После его смерти они расстались и поделили между собой народ.

Тау-султан, старший, был из них самым сильным, от него идет дом князей того же имени, который до сих пор владеет западной частью Малой Кабарды, которая вследствие этого носит название **Таусултания**, или **Талтостания**. Ахлау и Мудар прожили в добром согласии и стали основателями двух родов, владеющих восточной частью, называемой **Гилахсания**. Безлен и Комуква отделились от своих братьев, но между собой оставались в союзе; именно от них происходят князья собственно Кабарды, или Большой Кабарды, которая в силу этой причины называется Безланке.

Такова единственная генеалогия этих князей; с уверенностью ее можно проследить не далее XVI века. — *Клапрот.*

царь Карталинии и Грузинии, герцог **Кабадины** и герцог герцогов Черкесии и Грузии».

...Что касается черкесского словаря, я писал его под диктовку капитана Вильковского поляка, по происхождению, но рожденного на Линии от матери-черкешенки, который провел в Черкесии пятнадцать лет в качестве переводчика. Я мог бы его записать под диктовку кого-либо из черкесов, но у них совершенно ничего нельзя понять, [так как]... черкесы смягчают каждую букву и произносят все на манер чириканья.

26 ноября. Сегодня я расскажу то, что мне известно о Шупшуоа (Choupchouoa), о чем я слышал уже давно, не будучи в состоянии представить себе, что бы это такое могло быть; итак, понимай всяк, как сможет.

В первые дни сентября каждый черкесский князь покидает свой дом, удаляется в горы или в лес, где строит шалаш из ветвей деревьев. Его сопровождают преданные ему дворяне, но никто из его семьи не смеет приблизиться к шалашу, будь даже это его брат. Здесь все присутствующие пребывают замаскированными, то есть они закрывают лицо и совершенно не говорят по-черкесски; все разговоры ведутся на некоем жаргоне, который они именуют «шакобза» (chakobza). Там же собираются тайные дружины князя, которые вместе с ним принимали участие в кражах и грабежах; среди них могут оказаться представители других народностей — мисджегов, осетин и т. д.; они появляются также замаскированными, по той причине, что они могут встретить людей, с которыми они находятся в состоянии кровной мести и которые могли бы их убить. Только князь знает их всех, и он находится в центре всех тайн. Этот маскарад продолжается шесть недель, в течение которых маленькие банды в масках собираются для грабежей в округе, и поскольку все настороже, дело не обходится без убитых и раненых, в том числе среди князей, потому что они не раскрывают себя, а в противном случае их щадили бы. Я уже знаю несколько слов из жаргона «шакобза» и рассчитываю пополнить мой словарь в Георгиевске, так как мне там указали на одного человека, который имеет ключ к этому жаргону.

В диалоге Люциана, озаглавленном «Скифы, или о дружбе», есть вещи, имеющие очевидное отношение к этому черкесскому обычаю, и я очень досадую, что при себе у меня нет экземпляра Люциана.

7 декабря. ...Завтра я совершу поездку в Кабарду, точнее, визит к Шабас-Гери (Chabas-Gheraï) из знаменитого семейства Куденатов (Koudenat), которые не являются князьями, которых могут лишить их титула. Так как три семейства, объединившись, могут договориться лишить какого-либо князя его титула, и тот не может рассчитывать на убежище у других князей, то такому князю нужно идти или к главе семейства Куденатов, или к семейству Ансорле (Ansorle). Там он пре-

бывает в безопасности, и в течение этого времени стараются уладить дело. Таковы законы Кабарды.

8 декабря. ...Жилища черкесов не являются в полном смысле этого слова домами; это скорее большие корзины, сделанные из тщательно переплетенных прутьев, сверху обмазанных глиной и покрытых камышовой крышей. Общий вид их приятен; они стоят в ряд, окруженные оградами; чувствуется стремление содержать их в чистоте; там имеются отдельные помещения, предназначенные для того, чтобы оказывать гостеприимство, то есть для того, чтобы селить там путешественников. Такая деревня остается на одном месте не более четырех-пяти лет. Затем князья ссорятся со своими соседями, или возникают новые связи, и тогда они отправляются на новое место, так как земля принадлежит здесь всей нации в целом...

Мы пересекли всю деревню и прибыли к хозяину, который принял меня на пороге своего дома; это был седобородый старик с самой живописной и почтенной внешностью, какую только можно себе представить. Его одеяние было великолепным. Большая и богато украшенная турецкая сабля висела у него спереди на поясе, абсолютно такая же, как в костюмах наших королей из трагедий; наконец, в правой руке он держал самый настоящий скипетр; мне это доставило крайнее удовольствие, так как я рассчитывал быть и был действительно у потомка и преемника древних скептухов, или «держателей скипетра», которые правили дунайскими, а также кавказскими сарматами, как мы видим это у Страбона и Тацита.

Старый Шабас пригласил нас в свой маленький дом, увешанный внутри циновками и замечательно чистый. Он мне рассказывал о профессорах Ловитце и Гюльденштедте и многих других путешественниках, которых он сопровождал в их путешествиях; он мне указал на наличие на речке Етока статуи, покрытой надписями... Я не хотел утруждать легкие доброго старца и просил разрешения увидеть княгиню (супруге князя дается этот титул), мы прошли в ее помещение и застали ее в кружке ее гостей; рядом с ней была личность в красном тюрбане, которую я посчитал муллой, и несколько девушек, весьма юных. Самой княгине было лет шестьдесят, но фигура у нее была замечательно изящная в том смысле, что это обращало на себя внимание, однако это у черкешенок общее явление, из него почти нет исключений. Мой визит не был продолжительным; старец и его сын проводили нас до пределов своих владений...

... Дважды я был на берегу речки Етока, чтобы нарисовать статую, которую мне указал старый Шабас. Черкесы дают ей название Дука-бег (Douka-beg); она расположена на правом возвышенном берегу вблизи от прозрачного источника и в приятном месте. Она представляет собой человека, вооруженного по-черкесски, и в высоту достигает четырнадцати-пятна-

дцати футов; надпись сделана греческими буквами вперемежку со славянскими. Камень статуи слоистый и темносерого цвета. У абазов и черкесов нет никаких преданий относительно ее происхождения. Название Дука-бег могло бы заставить думать о генуэзцах, обосновавшихся в Крыму, однако надпись сделана на статуе не на итальянском языке.

7 апреля. ...Я просил господина Лабата разузнать относительно предания о скифском короле Тульме и амазонках Эмеч (Emetch). Его розыски долгое время были столь же безрезультатны, как и усилия с моей стороны. Наконец, он разыскал старика, который рассказал всю эту историю в том виде, как ее передает Райнеггс. Что очень ценно, что он говорил, что Тульм был ногайским вождем; по этому поводу я должен заметить, что эти предания, столь древние, сохранились у черкесов в балладах их «кикоакоа» (kikoakoa), которые являются настоящими трубадурами, и в том своем качестве пользуются уважением повсюду, даже среди воров. Их инструмент — двухструнная гитара; им достаточно лишь показать ее, чтобы их свободно пропустили повсюду.

ГЕНРИХ-ЮЛИУС КЛАПРОТ

(1783—1835 гг.)

Генрих-Юлиус Клапрот — русский академик. Выдающийся ученый-ориенталист. Родился в Берлине в семье известного немецкого ученого-химика. В 1801—1803 гг. изучал классическую филологию в университете в Галле. В 1804 г. был приглашен русской Академией наук в качестве адъюнкта восточных языков и словесности. В 1807 г. стал экстраординарным академиком и в том же году был командирован на Кавказ для историко-филологических и этнографических исследований, программа которых была разработана Яном Потоцким при ближайшем участии академиков Лерберга и Круга.

Владея многими восточными языками и имея прекрасную общелингвистическую и историческую подготовку, Клапрот с большим успехом справился со стоявшими перед ним на Кавказе сложными научными задачами. В частности, ему принадлежит заслуга подробного описания племенного состава населения Северного Кавказа, уточнение его лингвистической классификации, установление этногенеза осетин и прояснение многих вопросов, связанных с происхождением балкарцев, карачаевцев и черкесов (адыгов). Вместе с тем, Клапрот дал всестороннее этнографическое описание народов Северного Кавказа, их хозяйства, социально-политического строя, нравов и обычаев.

На Северном Кавказе Клапрот был дважды — в 1807 и 1808 гг. Выехав в сентябре 1807 г. из Петербурга, он в конце ноября был в Ставрополе и Георгиевске. После чего посетил район Пятигорья и развалины Мажар. Распространившаяся в это время в городах эпидемия чумы заставила Клапрота прекратить свою работу на Северном Кавказе и 24 декабря 1807 г. выехать из Владикавказа по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, где он оставался до июня 1808 г. Покинув Тифлис, Клапрот 14 июня был уже в Моздоке, откуда он, избегая карантинные заставы (эпидемия чумы еще не прекратилась), посетил Малую и Большую Кабарду, затем переправился через Главный Кавказский хребет в Рачу.

В 1808 г. с августа до середины ноября снова был на Северном Кавказе; за это время он посетил ряд районов Кабарды, проехал вдоль Кавказской военной линии до устья Лабы, затем вернулся в Ставрополь, откуда по зимнему пути, через Черкасск, Воронеж, Тулу и Москву, направился в Петербург, куда прибыл в январе 1809 г.

Свое путешествие на Кавказе Клапрот описал в обширном двухтомном труде, изданном в 1812 г. на немецком языке в Галле и Берлине.

К этому времени Клапрот уже покинул Россию (в 1811 г.) и после недолгого пребывания в Германии поселился в Париже и там прожил до конца своей жизни.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАВКАЗУ И ГРУЗИИ, ПРЕДПРИНЯТОЕ В 1807—1808 гг.

Бесленеевцы и черкесы принадлежат к одному и тому же племени, и их князья родственны кабардинским князьям; их общим родоначальником был Канука. Они живут в количестве 1500 семей на верхней Лабе... Здесь они граничат с мухошевцами. Наиболее выдающимся князем у них был Казил-бек-Канука, который теперь, однако, умер. За ним следовали его старший и младший братья Бекмурза, Росланбек и Мурза-бек-Канука, которые со стороны их жен являются двоюродными братьями начальника Атажука Хамурзина. Предводители бесленеевцев совершают набеги вместе с кабардинцами и с живущими на русской стороне ногайцами, с которыми они делят добычу. Пленных русских они продают дальше в горы и только детей оставляют себе. Бесленеевцы проходят с паспортами под видом кабардинцев повсюду по Кавказской линии для своих торговых дел — покупки и продажи.

Скот они держат зимой около своих жилищ у Лабы, за плетеными изгородями; осенью и весной скот выгоняют на пастбища у Урупа, у Инджика и у соленого ручья Касма, который впадает в реку Кубань. Они богаты стадами, в особенности же у них много овец.

Их горы недоступны; они живут в вечной вражде с другими горцами, которые часто крадут у них людей, а также быков и другой скот. Их защитой пользуются оба селения мухошевцев, которые бежали от мухошевцев, расположенные на реке Мах-мах, впадающей в Ходзь. Мухошевцы состоят из 100 семей и имеют не князя, а двух старейшин, Мамадзефа и Медрупа. Их пастбища объединены с пастбищами бесленеевцев.

Бесленейцы живут в добрососедских отношениях с более отдаленными темиргойцами, мухощцами, ногайцами, переселившимися с Инджика к ним на Ходзь, также как и с Науруз-аулом. Они имеют общение также и с теми, которые находятся на русской стороне.

На верховьях Лабы, в очень высоких и неприступных горах, живет маленькое племя — мидавийцы или мидавей. Они не магометане и живут свободно, не имея ни князей, ни старейшин, но выбирая своими предводителями храбрейших и сильнейших среди них.

Барракаи относятся к абазам и родственны тем, которые

живут у турецкой крепости Сухум-Кала. Они состоят из 560 семей и живут в лесах и горных местностях, в 30 верстах от бесленеевцев, по реке Ходзь и по впадающим в нее речкам. Большая часть их живет также по обеим сторонам Гута, также впадающего в Ходзь. Эта местность, в которой они живут разбросанно, носит название Кунактов и Жигилбулуко. Они только недавно приняли магометанство, и еще до сего времени некоторые из них едят свинину. Раньше у них не было предводителя, но каждая фамилия имела собственного старейшину; теперь же они подчиняются князьям Адилгирею, Хаджиали и Бсегеусу, все из семьи Кончаков. Прежде они подчинялись кабардинцам, а потом бесленеевцам, которым, однако, больше не повинуются. Если их беспокоят те или другие народы, то они удаляются в высокие горы, где их летом невозможно найти. Они богаты стадами и имеют хорошие пастбища, но очень грубы и дики и часто вместе с абазами приходят для грабежа в русские владения.

Казилбеки — абазы из одного племени с мадовейцами. Они живут на самых высоких вершинах Кавказа между истоками Большой и Малой Лабы, на юго-восток до самого Черного моря. Их границы соприкасаются с бесленеевцами; их числится всего до 200 семей, и они имеют старейшин, из которых наиболее знатные: Херов, Папнэ, Канимат и Аджи-бей. Благодаря тому, что они селятся в неприступных скалах, они живут свободно и не подчиняются никакому другому народу. Сын начальника Атажука Хамурзина, по имени Джамбулат, воспитывался среди этого народа. Они получили имя «казилбеки», так как среди них жил султан Казилбек, прославившийся многими грабежами на русской стороне.

Абазинские племена чегреев или чаграев и багов живут на высоких горах по левому берегу Лабы и впадающих в нее речках. Они до некоторой степени образуют с упомянутыми казилбеками одно племя. Однако они платят дань бесленеевцам и подчиняются старейшине по имени Цихишэ. Их пастбища находятся в горах, и они, вместе с бесленеевцами, ходят вместе в разбойничьи набеги, за что последние оказывают им поддержку.

Мухоши (по-русски мухошевцы) — черкесское племя в 670 семей — живут у подножья лесистых черных гор, из которых вытекает масса маленьких речек, протекающих по плодородной местности и впадающих в Яман-су. Эти мухоши богаты скотом, занимаются земледелием и живут, как черкесы, в укрупненных селениях. Их князья происходят из фамилии Бахарсука; наиболее знатного из них зовут Хопач, который известен благодаря своим грабежам на русской границе. Он находится в тесной дружбе с кабардинским князем и начальником Кучуком, но с Рослан-беком из дома Мисост он разошелся, так как этот последний был женат на сестре Хопача, которая имела от него двух

детей, а потом бросил ее, после чего она взяла себе второго мужа.

Зимой мухошевцы держат свой скот в загонах, летом они пасут его на левом берегу Лабы, весной и осенью около Кубани на реках Шакмик и Шебарта.

Дорога к ним идет от «Прочного окопа» через Кубань и возвышается между этой рекой и Чельбоком, который впадает с правой стороны Лабы, затем через реку Лабу и Шограк. Русские войска бывали часто вблизи них.

Они — соседи темиргойцев, у которых русские ногайцы в 1805 году разорили две деревни и забрали в плен 100 человек. Теперь они теснимы со всех сторон, и их князь Хопач пробыл в плену у русских год, где он отморозил себе руки и ноги. Незадолго перед этим русские разорили у них две деревни и угнали стадо овец. Также и абадзехи захватывают у мухошевцев людей и скот, и Хопач несколько лет тому назад решил идти в Георгиевск, чтобы полностью перейти в русское подданство, если ему предоставят место на Кубани, чтобы поселиться ему самому и его народу. Если бы это произошло, и еще некоторые соседние племена были бы покорены, то это принесло бы ту большую выгоду, что кубанская линия была бы защищена от кабардинцев и других разбойников.

Хопач также в плохих отношениях с абадзехами, потому что его брат был убит Шамахо Наурузи. Однажды, когда его брат выехал для нападения на абадзехов он наткнулся на группу кабардинцев, которые его не узнали, сочли за врага и застрелили. После спрашивали этих кабардинцев, кто его убил; они свалили всю вину на одного абадзеха, который их сопровождал. Шамахо Наурузи велел его обезглавить и затем повесить на дереве, после чего возвратился в Кабарду.

Науруз-аул составляет 650 ногайских семей Аккерманской орды, которые живут на нижней Лабе, против крепостей Кавказской и Усть-Лабинской; они родственны наурузам, которые находятся на нашей стороне. Их наиболее знатные князья — Кара-мурза, Ибаш-оглы, Багатир-шах, Кассай-оглы, Рослан-бек, Ахмат-оглы и Келмик Аджи (или Хаджи) оглы. После некоторых раздоров между ними Рослан-бек и Багатир-шах подчинились бесленеевцам. Они большие разбойники, и храбрецом среди них считается Аслан Гирей Урус-оглы. Их пастбища находятся по обеим сторонам Лабы, где они держат свой скот в загородках. Осенью, а также весной они покидают Лабу и гонят свой скот на Челмик или Челбок.

Туби или убыхи, говорящие на одном из наречий абазинского языка, живут в недоступных горах в самых высоких местностях рек Шагваша и Псах, вплоть до высоких снежных гор и Черного моря.

Они большие разбойники; вместе с тем они выделывают

много хорошего вина, которое называют сана. Их земля плодородна и не нуждается в обработке. У них нет князей, они подчиняются узденям и живут не в деревнях, а группами в три или четыре дома, разбросанных в лесах.

Бзубби — абазинское племя, живет к юго-западу от описанного выше племени, на горах, которые спускаются от снеговых гор к Черному морю. Местность, заселенная бзубби, доходит до Сухум-кале.

Абадзехи —значительный по количеству народ черкесского происхождения, который также говорит на испорченном наречии черкесского языка. Они жили прежде на самых высоких снеговых горах западного Кавказа. Но так как их число все время возрастало, они спускались до черных сланцевых гор, и здесь еще более усилились, захватывая повсюду людей, которые стали потом крестьянами абадзехов. К ним также пришло много чужеземных беглецов и поселилось среди них; в результате произошло такое смешение, что в настоящее время одни только знатные — настоящие абадзехи. Они населяют теперь возвышенные местности рек Пфарза, Пзефир, Пшас и Пшах. Все это пространство заселяют до 15000 семей, не оставляя больших промежутков. Имя «абадзех» получили они от одной черкесской красавицы, которая некогда жила среди них; так как по-кабардински «абазе-дахи» значит «красивая женщина».

Их поля не очень обширны, а селения, состоящие обычно только из нескольких домов, лежат очень близко друг от друга. Каждый имеет поля для собственного употребления и небольшой лес, которые он огораживает и таким образом имеет в своем маленьком поместье маленькое пастбище для скота, дрова и пашни. Все эти селения носят имя своих хозяев, и дома построены по черкесскому образцу. Их страна гористая, но очень богатая реками и ручьями. У абадзехов нет никаких князей, а только старейшины и уздени, среди которых самыми уважаемыми являются Эдик, Энамок, Экчико и Джангат.

У них воспитывался начальник Атажука Хамурзин, также как и начальник Огэ Рослан-бек Мисоаост, а в настоящее время воспитываются сыновья кабардинского князя Кучука и его племянник Девлет-мурза. Абадзехи имеют также на обоих берегах Лабы хорошие пастбища, но семьи, живущие ближе к бжедугам и шапсугам, не пользуются ими.

Абадзехи делятся на три главных рода, которые, однако, по образу жизни совершенно не отличаются друг от друга: Энамок — 29 родов, Энчико — 20 родов, Эджигх — 10 родов.

Собственно говоря, у них нет никакой религии, и они едят свинину, однако многие из их узденей уже в течение 10 лет исповедуют ислам; но они не особенно прочны в вере. Они очень гостеприимны по отношению к друзьям и жертвуют всем ради них. Хозяин дома всегда сам обслуживает лиц, которым

оказывает гостеприимство; когда они уезжают, он их провожает до ближайшего кунака.

Кемуркуехи (кемурке) — сильный черкесский род, состоящий из пяти тысяч семей, названный татарами темиргой. Они граничат с мухошами по горному ручью Арим, где в долине Лабы расположена темиргоевская деревня Чирихай.

Жители происходят из Эгерокоя и принадлежат князьям Аслам-Гери и Атажука-Айтеко. Именно этому Айтеко принадлежат также эгерокойская деревня Ратазай, расположенная на реке Бутансу, которая впадает в Лабу, и лежащие на реке Шагваша деревни Минбулатай, Псинаок, а также богатая армянская деревня Гаорхабла. Эта река по своей величине равна Лабе, и на ее берегах расположены многие темиргоевские деревни.

Горы с самого начала обращены на юго-запад и сходят на нет у самого Черного моря. Черная горная цепь, покрытая лесами, тянется на северо-запад до Анапы и населена абадзехами.

Река Шагваша имеет на своей левой стороне высокие берега; правый ее берег пологий, покрыт повсюду лесами и представляет собой местность, пригодную как для земледелия, так и для скотоводства вплоть до того места, где река в тридцати верстах южнее Лабы впадает в Кубань.

Горный ручей Псега или Пшаба образует границу темиргойцев, и на его берегах расположены еще три их деревни: Хакемси, дворянина Хакемиса и три других Адемира Фрешухая, которые все принадлежат князю Айтеко. Этот горный ручей течет со снежных гор и впадает слева в Шагвашу.

Все племя темиргоев состоит более чем из 40 селений и может выставить в поле свыше двух тысяч вооруженных людей. Теперь они в ссоре с кабардинскими князьями, но живут в добром согласии с бесленеевцами, мухошцами и бжедухами и могут вместе с ними выставить по меньшей мере пять тысяч вооруженных людей. Темиргоевцы богаты и из всех черкесов живут наиболее чистоплотно. Все их селения укреплены. Поставленные крест-накрест толстые жерди, нижний просвет которых заполнен, а верхний заложен терновником, являются непреодолимым укреплением против их врагов — абазинских горных племен туби и убыхов, с которыми они наиболее часто воюют.

Адеми являются одним из темиргоевских племен, живущих в нескольких селениях на Псеге и ниже на Псише. Их наиболее выдающимся князем является Бесруко из племени Айтеко, сын выше упоминавшегося Атажука-Айтеко, остальные — его братья, из которых старшего зовут Мисоаост.

Его племянники не менее могущественны, Исмаил Тлекижук, который на линии выдавал себя за князя, — только узден, или знатный человек Бесруко. Среди них — известные предводители и разбойники — Хасхали Магомед из племени

карай и другой Исмаил — оба племянники Исмаила Тлекижук. Они сообща грабили на Кавказской линии; Исмаил Тлекижук, как участник набега, взял себе половину добычи и отнес ее назад русским, говоря при этом, что он ее нашел. За это он получил русский чин и лучшие аттестации от командующих русских генералов.

Зимой темиргоевцы содержат свой скот в огороженных местах вблизи своих селений; летом они выкармливают его на обоих берегах Лабы, осенью и зимой — за Лабой, около Кубани.

Бжедухи насчитывают 670 семей... занимаются земледелием и немного скотоводством, но они еще больше грабители, чем их соседи, и имеют частые ссоры с ними. Их наиболее известные князья — это Батмирза из фамилии Пшекуй, Батир-мурза из племени оттука, Джанчик из племени карепай и Аюбоно из фамилии Халмиш. Теперь их пастбища находятся у деревень, и они живут как кабардинцы. Они часто производят разбойничьи набеги на владения черноморцев.

Черкесское племя хаттиквеи, называемые по-русски аттиго или хаттукаи, насчитывающее 400 семей, раньше жило на запад от Кара-Кубани у речек Убин, Гилл и Ассипс, или Ашипс до Кубанского болота, нижнюю часть которого окружает Яман-су, между черноморскими казаками и шапсугами, однако, так как их постоянно беспокоили эти последние, да и с черноморцами они жили недружно,— они несколько лет тому назад покинули свои старые места, перешли к темиргоевцам и живут теперь с ними на Шагваше. Они довольно спокойные и служат для крепости Усть-Лабинской защитой от нападения других племен. В настоящее время черноморцы очень раскаиваются, что они ссорились с хаттукаями, потому что они теперь совершенно открыты для нападения шапсугов. Их наиболее выдающийся князь — Аслан-Гирей из фамилии Керекай.

Шапсуги, состоящие из 10 тысяч семей, того же происхождения, что и кабардинские черкесы, но так как подобно абадзехам они принимают всех беглых, они так смешались, что среди них остались лишь очень немногие чистой черкесской крови. Они живут западнее бжедухов, в лесистых горах, которые начинаются от Анапы на речках Антихире, Бугундуре, на которых лежат деревни Абат, по имени знатного человека того же племени, а также на Апине, Афисе, Чебике, Сатассе, Бакане и Шипсе.

Большая часть шапсугов живет разбросанно, отдельными семьями, как абадзехи, только у Сатасса и Чебик встречаются более крупные селения. У них много скота, и они мало обрабатывают землю. Их главный источник существования — разбой. У них нет князей, но человек, фамилия которого — самая

сильная, или тот, кто является наибольшим разбойником, рассматривается ими как их вождь. В настоящее время наиболее выдающимися из них являются Ахбат, Кушох, Шетлук, Аслангериэ и Аршак. На русской границе они делают частые набеги на черноморцев, и чрезвычайно необходимо принять меры для их усмирения, иначе они будут так же опасны для западной части линии, как опасны для восточной части ее чеченцы. Но шапсуги даже превосходят этих последних своей силой и укрепленностью своих селений. Если с русской стороны будет предпринято против них что-либо энергичное, то к этому присоединится и все население за Кубанью, которое они постоянно беспокоят. Если же их усмирение еще дольше задержится, то соседние народы заметят, какую большую добычу они захватывают у черноморцев, и последуют их примеру.

Шапсуги говорят на испорченном черкесском диалекте. Область, занимаемая ими, простирается на запад до гор, с которых течет Бакан, называемых черкесами Шог-алеш, что значит «старые белые», потому что они состоят из белой горной породы. Через них идет дорога к лежащей на расстоянии четырнадцати верст турецкой крепости Анапа, которая от них видна.

Нетхкуадже, натху-кайч, у русских — натухайцы — абазинское племя, живущее на запад от шапсугов, на последних черных горах до речки Мескъях, что значит «длинный лес», которая впадает в Черное море. Их селения находятся на следующих речках:

1. Аттакум, речка, которая, приняв в себя многие ручьи, течет параллельно с Кубанью, через длинное болото и, наконец, впадает в нее с левой стороны. На Аттакуме живет фамилия Куизук.

2. Бакан, на котором лежит селение Калабат и живет много отдельно разбросанных семей. Бакан разделяет горы с юго-запада на северо-восток и образует глубокое ущелье, по которому идет прямая дорога на Анапу. Он впадает при выходе из ущелья в Аттакум. В верхней части ущелья, у дороги в Суджук-кала, живет фамилия Харсек.

3. Цемес впадает у гавани Суджук-кала. От этой речки к югу натухайцы живут еще по течению других пятнадцати речек до большой Абазы.

В горах, которые тянутся на север до Кубани, они заселяют район протяженностью в четырнадцать верст по Кубани, т. е. с запада на восток, по берегам следующих речек:

4. Тасипж — фамилия Шубак старейшины Наурус.

5. Джуп — живет фамилия Хасан-Шукше.

6. Прибебс, где живет фамилия Ислам-Шукше; так же как но:

7. Хупсу и

8. Нефилу, или Непилу, находится селение старейшины Шупако-кашо.

9. Пфиф; между этой речкой и Нефилом находится правильный четырехугольный вал и ров, которые имеют, как римские лагери, четыре выхода. К северу на Кубанском болоте насыпаны искусственные холмы (курганы), которые выглядят как маленькие укрепления. Есть легенда, что в прежние времена это был город одного хана темиргоев, который назывался Шантгир. Темиргои и черкесы уверяют, что они произошли отсюда. Это укрепление примыкает с запада к реке Нефилу, а с востока к реке Пфифу, и в ширину имеет три версты.

10. Кудака; на этой речке лежат селения старейшины Немери-примурсе и Шупако-кашо. В том месте, где река подходит к горам, живут натухайцы.

Натухайцы являются по эту сторону гор самыми могущественными из абазин и живут в горных долинах, поросших повсюду редким лесом. Поэтому земледелие их значительно, но, имея хорошие пастбища, они могли бы больше заниматься скотоводством. Их постоянные войны и склонность к разбоям не дают им возможности регулярно заниматься хозяйством. Они враги всех своих соседей, кроме жана, с которыми они граничат. Они плохо одеты и живут бедно, сеют немного ржи и иногда откармливают свиней, что не наблюдается у других народов этих гор.

Жана, или жани,— маленькое черкесское племя, состоящее лишь из шести селений, из которых четыре находятся на реке Аттакуме и два внизу на маленьком озере. Раньше они жили на правом берегу Кубани, выше Копыла, но при приближении русских войск в 1778 году укрылись вместе с жителями Тамани на левом берегу. Они были подчинены тогда князю Мисаост — Мелик-Гирей-Жану и могли выставлять двести хорошо вооруженных людей. Они обрабатывали землю и имели также стада, но были беднее других черкесов, а поэтому еще бóльшими разбойниками. Теперь они почти целиком истреблены и уничтожены черноморскими казаками, и их остается лишь двадцать — тридцать семей, подчиненных их князьям Алиас-Мелик-Гирей и Метахуко, живущим на речках Пшец и Хохай, из которых последний находится в семи верстах от Анапы, напротив маленькой турецкой крепости Талиссини.

Маленькое черкесское племя схегакэ живет сейчас не под Анапой, а на Бугуре и его притоках. Их черкесское название означает: «живущие близ моря» (с'хе — значит «море», с'хе пситса «черное море»). Оно имело князя по имени Мамет-Гирей-Жана и жило раньше на месте, где построена Анапа. Их число значительно убавилось в результате нападений натухайцев и опустошений, произведенных чумой. Их князь был богат, он торговал и имел суда на Черном море.

Прежние обитатели Тамани, спасшиеся во время захвата

Крыма, были частью татары из племени булнади и частью черкесы. Им дали татарское имя адали, что значит «жители острова». Они перебрались оттуда на левый берег Кубани и вдоль ее лимана и поселились в селениях, сохранив свое прежнее имя адали. Они сеют рожь, разводят садовые фрукты и, главным образом, занимаются рыбной ловлей. Во время взятия Анапы, в 1791 году, их погибло большое число, и с тех пор они совершенно исчезли или же смешались с соседними племенами.

На южном склоне снеговых гор и на равнине Черного моря живут абазинские племена убыхов: убых, шапсих, цбсип, кубихан, аратховас, бах, налькупи, маджави. Черкесы называют их кушхазип абазы, или загорные абазины. У них нет никаких князей, но хорошего наездника и хорошего вора они считают необыкновенным человеком и охотно ему подчиняются. Они совершают набеги пешими на абазинцев, живущих по ту сторону гор. Их силы неизвестны, но, как говорят жители другой стороны Кубани, они почти равны им по численности. Они разводят виноград, особенно убыхи, изготовляющие хорошее вино и притом в большом количестве. У них также много фруктов: яблок, вишен, слив, персиков (по-татарски «шефталу», обычно произносимое «шептала»), орехов и каштанов, которые часто растут в диком состоянии. У них встречается также, как и в Мингрелии, род прессованного и твердого меда, который растворяют в воде и пьют. Особенно много у них самшита необыкновенной толщины, которым они ведут большую торговлю и перевозят на судах в Константинополь и Триест.

Кроме этих маленьких народов, в областях за Кубанью укрылись некоторые потомки крымских султанов, но их последователи малочисленны. Татары и черкесы называют их общим именем Султания.

Все эти султаны остаются только носителями титула, но не имеют никакой реальной власти; когда они отправляются в поход, они не могут никого принудить следовать за собой и берут лишь добровольцев.

Имя басианы произошло от их знаменитого предка. Раньше они жили в степях реки Кумы; их столица была Маджары. В результате войн они отступили в теперешние свои места, и по имени реки Малки, где остановилась часть из них, назвались малкары или балкары. В 1207 году их подчинила себе грузинская царица Тамара, насаждавшая среди них христианство, следы которого остались до настоящего времени. Освободившиеся от грузин балкары подпали под господство кабардинцев...

Они зависят преимущественно от двух кабардинских княжеских фамилий: Кургок и Кайтук, которым каждая семья обязана ежегодно платить подать, состоящую из одной овцы. Этот оброк басианы платят, когда ходят в Кабарду за солью, просом, сушеной рыбой, хлопчатобумажной и льняной тканями, сафьяном

и другими предметами, за которые они дают в обмен шерсть, грубое сукно, рожь, войлочные покрывала, лисьи и куньи шкуры, серу, а также порох, изготовленный ими. Зимой они гонят свои стада в Кабарду на пастбище, что также ставит их в зависимость от черкесов. Когда их жатва обильна и пастбища цветущи, они предпочитают покупать соль в Имеретии и Грузии, или же выпаривают ее в необходимом количестве из соленых горных источников; в эти годы они держат скот при себе всю зиму и не только не идут к кабардинцам, но запрещают этим последним приходить к себе, что порождает частые споры и непрерывные войны. Простой народ не имеет, собственно говоря, никакой определенной религии; они почитают бога, называемого не Аллах, а Тегри, который является творцом блага, а также пророка Илью. Они утверждают, что он часто является на вершине самой высокой горы; они приносят ему с пением и танцами в жертву ягнят, молоко, масло, сыр и пиво. Они также едят свинину и имеют священные источники, в соседстве с которыми не осмеливаются рубить деревья. Я ничего не мог узнать об их обычае предсказывать успех предприятия и вообще будущее, кроме того, что они, как и многие другие татарские народности, бросают лопатки овец в огонь и предсказывают потом будущее по получающемуся рисунку.

Их дворяне были принуждены черкесами принять ислам, однако лишь одни карачаевцы имеют мечети и мулл.

Эти татары, которым черкесы дают имя татар — кушха, т. е. «горные татары» или «жители снеговых гор», а осетины имя «ассу», состоят из различных племен, живущих отдельно по берегам различных рек. Так как сведения, которые я получил о них, были сообщены мне Захаром Ивановичем Чергиловым, армянином из Моздока, проведшим несколько лет среди карачаевцев, то они гораздо подробнее в отношении устройства и образа жизни этого племени; но то, что сказано о нем, относится, за некоторыми исключениями, и ко всем остальным племенам.

Карачаевцы «черные ручьи», а не «караутцы», называются черкесами «каршага кушха», мингрелами и имеретинцами — карачиоли. Татары называют их кара-черкесы, или «черные черкесы», так как они являются подданными черкесов. Грузины средних веков называли также их кара-джикхи, а их страну Караджахетия, так как слова «джикхи» или «зихи» являются синонимами и означают черкесов. Они считают, что покинули Маджары, для того чтобы занять свое теперешнее местожительство, до прихода черкесов в Кабарду. Они производят свое имя «карачай» от вождя, при котором они поселились на берегах Кубани. Паллас слишком расширяет их страну на запад, гранича их на Урупе с башилбаями. Они живут рассеянно по берегу Хурсука, Кубани и Теберды, у северного подножья Эльбруса, называемого ими «Минги-тав». На востоке горы Канджал, Тжалпак и Урди отделяют их от черкесов и абазинов. На западе

они граничат с абазинскими племенами трам, лоу и клыч. Двумя главными их поселениями являются: Карачай, лежащий при впадении Хурсука в Кубань с правой стороны, состоящий приблизительно из 250 домов, и другое селение из 50 домов, лежащее к западу от верхней Кубани на речке Теберде. Последнее было построено в более позднее время бежавшими карачаевцами, покинувшими главное селение из боязни нападения кабардинцев. Путь, ведущий к ним, очень затруднителен, можно ехать лишь верхом, вдоль берегов Кубани и Баксана.

Все карачаевцы были прежде язычниками, подобно балкарам и чегемам; теперь, однако, между ними не встречается другой веры, кроме магометанской. В настоящее время они гнушаются свинины, которую когда-то употребляли в большом количестве. Лишь тридцать лет тому назад они были обращены в ислам Исак-эфенди — кабардинским муллой, находившимся на содержании Порты.

Они не имеют ни малейшего представления о христианстве и соблюдают лишь посты, предписанные Кораном. Однако вне селения Карачай, около одного кладбища, предназначенного для погребения иностранцев, которое они называют Гетмишбаш, можно увидеть много могил и надгробных камней, рассматриваемых ими как католические. Карачаевцы называют своих князей «бей» и тремя наиболее знатными семьями из них являются Крым-Шохали, Урусби и Мудари. Народ не платит никакой подати ни им, ни узденям или дворянам, однако князья имеют право брать у каждого жителя лошадей, необходимых для их нужд, которых они возвращают их владельцам через некоторое время. Зато они обязаны уплачивать некоторые подати кабардинским князьям называемым ими «беки». Все карачаевцы, будь то князья, дворяне или крестьяне, подчинены бекам и рассматривают их как своих сюзеренов. Обычно эти последние получают по пяти овец с каждого дома, но владельцы земель дают им сверх того красивую лошадь, быка, меховые плащи « яматшех», меха, медные котлы и другие предметы.

Хотя карачаевцы ничем особенно не выделяют своих князей, однако уздени должны сопровождать верхом своих князей во время их экспедиций. Когда бей покупает что-нибудь, он обычно отдает часть в подарок своей свите, которая в ответ обязана как можно лучше его кормить и прислуживать ему за столом, угощая его подходящими для его ранга едой и питьем.

Так как они придают большое значение дружбе с кабардинскими князьями, то каждая семья старается оказать услугу одному из самых могущественных, чтобы иметь покровителя и заступника в непредвиденных несчастьях или в случае каких-либо нападений. Тогда никто не осмеливается ни открыто, ни тайно оскорбить ни одного из таких покровительствуемых, часто даже незнатные семьи приобретают влияние и значение благодаря дружбе с кабардинскими князьями. Таким образом, ни

абазы, ни ногайцы не осмеливаются совершать никаких разбоев у карачаевцев, опасаясь возмездия со стороны кабардинцев, напротив того, они стараются сохранить с ними наилучшие отношения.

Карачаевцы принадлежат к самым красивым жителям Кавказа и гораздо больше напоминают грузин, чем кочующих в степи татар. Они хорошо сложены и имеют очень тонкие черты лица, которые еще больше украшают большие черные глаза и белая кожа. Среди них совершенно не встречаются широкие плоские лица и глубоко посаженные, косо поставленные глаза, как у ногайцев, которые бы доказывали смешение с монгольскими племенами.

Обычно они берут лишь одну жену, некоторые, однако, имеют двух или трех, с которыми они живут очень мирно и с которыми, в противоположность другим горским народам, они обращаются очень человечно и внимательно, так что жена у них, как и у европейцев, подруга, а не служанка у своего мужа. Княжеские жены занимают особое помещение и не должны показываться посторонним, а тем более говорить с ними. В течение дня мужу не разрешается посещать свою жену. Он ходит к ней лишь ночью. Этот черкесский обычай соблюдается также и у богатых узденей или дворян, но простонародье живет вместе со своими женами и разрешает посторонним видеть их и говорить с ними.

Их дочери редко выходят из дома, и занимаются прядением золотых и серебряных нитей и шитьем одежд для своих отцов и братьев. Когда девушка выходит замуж, родители, по обычаю других татар, получают калым, называемый здесь «ценой крови». Если жених богат, он посылает своей невесте полное одеяние, которое она должна надеть, когда ее отводят к нему, что случается всегда ночью. В день свадьбы жених собирает в своем доме всех своих друзей мужского пола и задает им большой пир, во время которого много едят и пьют. То же самое происходит в доме невесты, но она приглашает лишь своих подруг. К вечеру молодежь выходит и отправляется к невесте, чтобы отвести ее в дом будущего мужа, вместе со всей компанией. Празднества длятся три дня: танцуют, едят и пьют, и молодые люди знакомятся с девушками селения, в результате чего возникают многие любовные истории, кончающиеся новыми свадьбами. Есть обычай во время свадьбы заводить круговой танец особого рода, в котором принимают участие и юноши и девушки.

Если молодой человек хочет взять себе жену, то он своим родителям ничего не говорит об этом, чтобы они не могли помешать его выбору и испортить дело. Но обычно родители сами подыскивают для него такую жену, которая подходит ему по его положению и богатству. Тогда быстро происходит помолвка, но свадьба часто откладывается на долгий срок; по-

молвленные часто должны ждать от четырех до шести месяцев, а иногда даже целый год. Пока еще брак не заключен, жених не имеет права видеть невесту и говорить с ней; и она также мало может его видеть. Не принято, чтобы жених сидел в присутствии родителей будущей жены, и если он раньше сидел до их прихода, он должен встать. Он также не имеет права беседовать с ними, пока он не вступил в брак с их дочерью.

Если кто-либо опозорит девушку или замужнюю женщину и это станет известно в деревне, то жители собираются у мечети, куда также приводят преступника. Старейшины судят его, и приговор обычно бывает таким, что его изгоняют из страны с самым строгим приказом никогда больше не появляться в Карачае, если он не хочет рисковать жизнью.

Отец выгоняет свою опозоренную дочь, а муж — опозоренную жену из дома, и они никогда больше не имеют права взять их обратно в дом. Часто дело кончается смертью соблазнителя, и тогда опозоренный род уходит из своей деревни, чтобы вдали от своих бывших односельчан скрыть свой позор; однако такие случаи встречаются редко.

Если князь или дворянин не имеет детей от своей законной жены, он приобретает их от одной из своих рабынь. Эти последние называются «тума» или «чанкуа». Мальчики передаются сейчас же после рождения небогатому человеку, который заботливо воспитывает их до смерти их отца; тогда тума наследуют все их права и вступают во владение имуществом, словно они были законными. Однако, если остались другие законные дети от жены и если последние отказываются признать незаконнорожденного своим братом, принять его в дом и уступить часть своего отцовского наследства, они его убивают, так как никто не будет мстить за его кровь, потому что он ни с кем не находится в родстве. Однако нередко случается, что законные дети из уважения к крови отца жалеют незаконнорожденного, признавая его братом и допуская к участию в дележе наследства. Обычно незаконнорожденный берет своего бедного приемного отца к себе в дом и в благодарность кормит его в течение остатка его жизни.

Многие карачаевцы поручают воспитание своих детей муллам, обучающим их чтению и письму. Когда ученики достаточно обучены, они получают звание «тохта» и обязаны распевать Коран в мечетях во время богослужения. По истечении некоторого времени, когда они выполняли эту обязанность, они сами становятся муллами, если они не предназначались к чему-нибудь другому.

Карачаевцы не так пристрастны к грабежам, как их соседи — черкесы и абазины, у них даже редко можно услышать слова «грабеж» и «обман». Они очень трудолюбивы и занимаются главным образом земледелием. Все их население состоит из 250 семей; они слишком слабы для военного дела, в

противоположность кабардинцам, их хозяевам и покровителям. Почва их страны плодородна и производит в изобилии пшеницу и ячмень, просо и травы для корма скота. Однако эта страна имеет в ширину лишь восемь верст, а вся окружающая местность покрыта лесами, в которых часто можно встретить дикие грушевые деревья. Встречается также много кизила, который варят с медом и продают туркам и кабардинцам. В лесах водится много животных, вроде медведей, волков, диких коз двух различных пород, зайцев, диких кошек, мех которых очень ценится, и куниц. Они продают заграничным купцам медвежьи, кроличьи, куньи и кошачьи меха и сохраняют для себя шкуры диких коз для изготовления ковров, которые они расстилают на местах, где преклоняются колена для молитвы. Из шкур диких коз они изготовляют также голенища для сапог и татарскую обувь, или же режут их на очень тонкие полосы, служащие для подшивки. Они держат много овец, ослов, мулов («кадра») и лошадей, которые невелики, но сильны, проворны и превосходны для езды по горам. Масло у них отличного качества, кроме того, из молока они изготовляют очень хороший сыр. Их обычная пища—кефир, вареная баранина или мясо, изжаренное на вертеле (шашлык), и пирожки, начиненные мелкорубленым мясом или чем-либо другим. Их пиво (иссра), подобно осетинскому, лучшее на всем Кавказе и похоже на английский портер. Они перегоняют водку из ячменя и пшеницы; хлеб обычно пекут на золе. Табак, который они сами возделывают, находит среди них широкое потребление, и они имеют его несколько сортов, которые все очень распространены. Они продают его ногайцам, сванам и евреям, которые вывозят его в Кабарду и Россию.

Старым негодным лошадям они обрезают хвост и гриву и пускают их в лес на подножный корм, отчего те очень жиреют. Зарезав их, они сохраняют мясо в сушеном виде до зимы или же отделяют от сухожилий и набивают в кишку. Этот род колбасы считается у них лакомством, которым они угощают друзей. Желудок, печень и другие внутренности и голье они употребляют также в хозяйстве. Кумыс, или опьяняющий напиток из молока, они никогда не приготавливают.

Мужчины носят, подобно черкесам, суконную одежду, похожую на узкий сюртук и называемую «чимек». Они изготовляют сукно, распространенное по всему Кавказу. Женщины, когда они показываются на народе, также одеваются в сукно и меха, но в летнюю жару они носят только легкое нижнее платье из белой бумажной ткани. Молодые покрывают голову шапочкой из серебряной канители и заплетают волосы, которые по черкесскому обычаю, перевязанные белой лентой, свисают у них по плечам. Пожилые женщины носят на голове белый платок.

Они живут в очень чистых, выстроенных из сосновых бревен домах, в которых, однако, нет печей и имеются довольно ма-

ленькие окна. Их главной посудой служат различные медные котлы, которые они подвешивают на крючке над огнем и которые привозятся из Анатолии через Сухум-кале. Кровати делаются из дерева, они только лишь немного возвышаются над полом и покрыты подушками и коврами. Их оружие состоит из ружей, пистолетов, сабель и кинжалов; раньше они имели, кроме того, щиты и два различных сорта маленьких охотничьих копий — «сунге» и «меджура». У них нет экипажей вследствие непригодности для них горных дорог; они перевозят все в лошадиных вьюках.

Если кого-нибудь убьют, его родственники принимают все меры к отомщению за его кровь путем смерти убийцы, что, по их мнению, является единственным средством успокоить душу покойного и свою собственную совесть. Иногда, однако, князь старается примирить обе стороны и приглашает всех родственников с одной и другой стороны; закалывают быка или овцу, которых и съедают, причем выпивают много пива. Дело заканчивается тогда обычно примирением. Если тот, кто должен отомстить за смерть родственника, беден или труслив, или если покойный не имеет родственников, способных наказать убийцу, примирение совершается при помощи всякого рода подарков, ценность которых часто превышает 600 руб. серебром. Это то, что карачаевцы называют «ханбахазэ».

Если же убийство было совершено не преднамеренно, то хотя его и рассматривают, как преступление, но примирения легче достигнуть и оно почти всегда удается.

Карачаевские князья женятся на дочерях кабардинских узденей, а последние в свою очередь берут в жены дочерей их князей. У князей калым, или приданое, превышает по своей стоимости 1000 руб. серебром и выплачивается оружием и скотом.

Воспитание их детей достойно похвалы и очень строгое. Если сын не слушается своего отца и не исправляется, несмотря на повторные увещевания, его ставят около дверей мечети в присутствии всех жителей селения и серьезно приказывают изменить свое поведение. Если и это не удается, родители отказываются от него и выгоняют его из дому. Ему дают с собой самое необходимое, и он больше не смеет показываться в родительском доме. Если же его поведение слишком постыдно, то он изгоняется даже из родного селения, и возвращение туда ему навсегда запрещено.

Измена является у них неслыханным преступлением, название которого им едва известно; и если кто-либо в этом провинится или у них появится чужеземец в качестве шпиона, то для поимки его вооружаются все жители, и ему приходится смертью искупить свое преступление. Его преследователи успокаиваются только после того, как изрубят его в куски.

Всякий раз, как жители Карачая хотят совещаться по важ-

ному вопросу, старейшины собираются у мечети. Если речь идет о заключении сделок, обе стороны принуждены дать присягу и тот, кто нарушит свою клятву, платит селению пять или шесть овец. В случае повторения проступка виновный, уплатив штраф, обязан дать новую клятву, и нет примера, чтобы такая двойная клятва была кем-нибудь нарушена.

Как и все магометане Кавказа, они сунниты и питают большую ненависть к последователям Али. Раньше они ели много свинины и мяса вепря (т. е. дикого кабана), но теперь они питают к нему такое отвращение, что считают всех, кто употребляет в пищу свинину, за «нечистых». Они очень вспыльчивы и даже мелочь, которая покажется им оскорбительной, приводит их в сильнейший гнев против обидчика; однако они скоро смягчаются и легко признают свою неправоту.

Вообще можно сказать с полным правом, что они самый культурный народ Кавказа и что по мягкости нравов они превосходят всех своих соседей. Они очень послушны и относятся с большой почтительностью к своим владыкам, кабардинским князьям, и выполняют все их приказы с точностью и услужливостью. Они помогают беднейшим подарками и собственным трудом, и богатые ссужают им своих быков, а также дают работу, которую оплачивают так, чтобы они могли улучшить свою жизнь.

Карачаевцы не выполняют работ, требующих большого труда и терпения; они получают даже свои ружья, сабли и кинжалы от своих соседей черкесов, из Сухум-кале и от абазин. В их стране нет ни соли, ни железа. Они покупают у черкесов и ногайцев свинец, другие металлы и вообще все предметы, необходимые для них. Для солки мяса, предназначенного на зиму, они употребляют воду ручья, находящегося недалеко от Хурсука, на которой они варят также и свою пищу.

У них мало других напитков, кроме пива и бузы. Они гонят из пшеницы и ячменя очень крепкую водку, но пьют ее редко, так как опьяняющие напитки воспрещены Кораном. Пиво и бузу они изготовляют на зиму. У них нет меда, так как климат слишком суровый, чтобы пчелы могли переносить его зимой. Медом, в котором они нуждаются, снабжают их кабардинцы, но они употребляют его, однако, только для варки кизила и других ягод.

Их горы обеспечивают им селитру и серу, и им не приходится для добывания ее, подобно черкесам, выщелачивать подстилку овечьих стойл и загородок. Их порох мелкий и отличается особенной силой.

Они продают изделия своей промышленности, такие, как сукна (шал), войлок (кииз), чтобы покрывать пол, меха и капюшоны от дождя (башлык) и т. д. частью имеретинцам, частью в Сухум-кале, одну из турецких крепостей, лежащую на Черном море, в которой находится много лавок и где ведется

значительная торговля с Западным Кавказом. Карачаевцы покупают там хлопчатобумажные ткани, шелка, широко распространенные трубки, турецкий табак, иглы, наперстки и шкуры выдр. Их торговля с кабардинцами, у которых они покупают соль и другие продукты России, менее значительна. Турки могут снабжать их всеми предметами, необходимыми им, лучшего качества и по более низкой цене, так как товары приходят из Константинополя водой. С карачаевцами торгуют и сваны, которых бассианы называют эбсе, снабжающие их главным образом свинцом и серой.

При произношении клятвы наблюдается следующий обычай: все собираются в передней комнате мечети, и мулла держит перед собой Коран. Тот, кто произносит клятву, кладет на него руку и призывает бога быть свидетелем правдивости его высказывания, чем и заканчивается церемония, а клятва признается нерушимой.

Если кто-либо умер, то женщины поднимают ужасающий крик, бьют себя в грудь и рвут на себе волосы; а мужчины, сопровождающие покойника, сильно бьют себя кнутом по голове и колют себя ножами в мочки ушей. При возвращении с кладбища они пьют пиво, чтобы заглушить свое горе.

Жители Карачая верят в различные предзнаменования, особенно перед тем, как сесть на лошадь, чтобы отправиться в путешествие или на охоту, они, например, кладут сорок один мелкий предмет, как-то: мелкие камешки, горох, бобы или зерна ячменя по определенным направлениям в несколько кучек, и по их числу и положению между собой они предсказывают благополучный или неблагополучный исход какого-либо дела. Если предзнаменования благоприятны, то они спешат выполнить свои намерения. Если предзнаменования неблагоприятны, то ничто не может заставить их заняться этим делом, потому что они полностью убеждены в правильности предсказания.

Однако среди них имеются многие, которые в это не верят.

Вообще же они, как все народности, живущие в горах, очень суеверны, и рассказывают множество историй о демонах и кобольдах, живущих в горах, о чем, например, свидетельствует следующая история.

В одном лесу жил злой дух в образе женщины с очень длинными волосами, которого они называют на своем языке «салмасти». Один из жителей деревни поймал его примерно двадцать пять лет назад, взял его с собой домой и выдернул у него волосок, который он бережно спрятал, благодаря чему кобольд стал ему подвластен. Однажды его господин приказал ему сварить бузу. Кобольд поставил котел на огонь и сварил просо. Когда напиток был готов, живущие в доме вышли, а в доме остались только двое маленьких детей. Дети попросили кобольда дать им что-либо поесть, и он обещал им это сделать, если дети скажут, где спрятан его волос. Когда дети показали ему

место, где был спрятан его волос, кобольд взял его себе и тем самым освободился от подчинения своему господину. После этого он бросил детей в котел с кипящим напитком и снова убежал в лес, где он и находится сейчас.

Они считают большим преступлением не соблюдать пост, предписанный Кораном, а также не читать вовремя ежедневной молитвы.

В шести немецких милях на юго-запад от деревни Карачай находится гора Джумантай, около которой начинаются жилые поселения суанов. Между этой горой и Эльбрусом на востоке пролегает узкая долина, по которой течет речушка Теберда, тянущаяся вверх до снежных гор, через которые ведет путь по Кавказу к истокам реки Ценисквали и дальше в Имеретию и Мингрелию. Эта долина во многих местах очень узкая и окружена отвесными скалами. С юга, при выходе в Имеретию, она имеет ширину всего восемьсот саженей. Западнее этого места находится деревня Кемме, которая еще принадлежит имеретской провинции и которая состоит из сорока каменных саклей. Должно быть, прежде вход в эту долину был сильно укреплен, и тамошние жители говорят, будто они видели в некоторых местах остатки каменной кладки, и они уверяют, что крепость была построена при помощи толстых железных столбов и балок. И отчасти поэтому, а также потому, что здесь путь прегражден, это место названо Железными воротами. Подобные укрепления в узких долинах, через которые проходит путь в горы, нередки в землях суанов, и П. Ламберти утверждает, что еще сто пятьдесят лет тому назад на севере Мингрелии существовала стена длиной в шестьдесят лье для защиты от нападений народов, живущих севернее Кавказа.

Райнеггс считает, что упомянутая выше долина между Эльбрусом и Джумантау, вероятно, и является той долиной, которую Плиний называл Куманскими воротами. Однако, этот писатель совсем не знает эти ворота, но он говорит, что у Каспийских ворот находится среди скал замок, называемый Кумания, но который не называется Куманскими воротами. А что Плиний называет Куманскими воротами, я покажу по ходу путешествия. Здесь я только хочу заметить, что Куманские ворота являются одним из значительнейших промахов Райнеггса и что на это никто из старых авторов не указывает.

Можно назвать следующие главные княжеские семьи в Карачае, с ныне живущими здесь членами этих семей:

1. Семья Крим-Шохали:
Гилахсан, сын Пинагора,
Асламбег, сын Гилахсана,
Кара, сын Гилагсана,
Ислам, сын Ашагмата,
Мисоасост, или Мисаост, сын Кучука,
Кази, сын Кучука,

Ислам, сын Кучука,
Пинагор, сын Мудара,
Мисоаост, сын Мудара,
Ашагмат, сын Мудара.

2. Семья Хасан (Хасан-улу):
Муса, Асман, Исмаил, Пинагор, Дударук и Мисоаост.

3. Семья Кумык (Кумык-улу):
Омар, Дженай и Асман.

4. Семья Шабан (Шабан-улу):
Махмат, Тау-Султан, Чопал, Хасана, Зуденет.

5. Семья Дотта первого (Дотта-улу):
Омар, Осман и Крим-Шохал.

6. Семья Кочар (Кочкар-улу):
Муртаса, Осман, Омар и Керим.

7. Семья Чочха первого (Чочхалар):
Махмут, Хасана, Осман и Мустафа.

8. Семья Кайсин (Кайсин-улу):
Кайсин, Пекир, Мирза и Осман.

9. Семья Мирза Бега (Мирза Бег-улу):
Мирзабег, Хасана, Джинай и Кочанай.

10. Семья Чочха второго (Чочха-улу):
Кочинай, Хасана.

11. Семья Корхмас (Корхмас-Ларин):
Корхмас, Хасана, Хаджибек, Хагим.

12. Семья Дотта второго (Дотта-улу):
Мирзабег, Дженай, Кайсин, Джамбулат и Мирзай.

13. Семья Потеш (Потеш-улу):
Осман, Мустафа, Хасана и Исмаил.

От деревни Карачай, у слияния рек Чургук с Кубанью, в семнадцати верстах находится каменный мост через реку Кубань, названный у черкесов Миветлемши, а у татар — Ташкопур. Дорога туда проходит вдоль правого берега Кубани и является непроезжей. Чтобы проехать из Карачая в Большую Кабарду, нужно ехать сначала вверх по ручью Чурчук до его истока, а затем через горную цепь Чалпак, так что гора Канджал (Кинжал) остается с правой стороны. Этот путь, протяженностью от шестидесяти до семидесяти верст, очень труден. До подножия Мингитава, или Эльбруса, только пятнадцать верст, которые можно преодолеть за полдня, но его вершина недосягаема.

К карачаевцам принадлежит еще род Урусби, живущий к северо-востоку отсюда, на отрогах горы Чалпак, которая отделяет Карачай от Баксана, насчитывающего сто пятьдесят семей и принадлежащего кабардинскому князю Мисаосту. Кроме постоянных жителей деревни Карачай, там живут еще семья из Дербента и две или три экумюкских семьи, происходящие из местности под названием Эндери.

К востоку от Карачая в Шиферных горах находится татарский округ Баксан, в верхней части обширной реки Баксан и у истоков горного ручья Кулькутджин, которые впадают в Соленое озеро, где зимой берут соль. Жители этого округа, а также и близрасположенного, называются среди черкесов черига.

Чегемы и черига, по-черкесски «чегем-кушха», состоят из 400 семей и населяют самые высокие снеговые и сланцевые горы на берегах Чегема и Шавдана до Баксана на западе.

Деревни чегемцев следующие:

1. Улу-Эльт — в высоких горах у Чегема. В этой деревне находится старая церковь, длиной всего в три сажени, на скале, в которой проделан змеевидный ход, оборудованный по обе стороны железными перилами. Там сохранились остатки книг, из которых Паллас получил несколько страниц, доставленных оттуда под угрозой большой опасности. Первым из этих страниц был листок из Евангелия на древнегреческом языке, а другие — из греческих церковных книг.

В этой церкви беременные женщины дают обет в случае счастливого разрешения от бремени принести в жертву животное и отдать его на торжественное съедение.

2. Чегем — напротив предыдущего селения, на правой стороне Чегема.

3. Табенинджик.

4. Пербеди — дальше вниз, тоже на правой стороне Чегема.

5. Урсундаг.

6. Мимула, еще дальше вниз по правой стороне Чегема, недалеко от впадения в нее слева Шавдана.

7. Аджага, на левой стороне Чегема, немного юго-западнее Пербеди.

8. Черлихе, по обе стороны Шавдана, недалеко от его истоков, у подножья снежных гор.

9. Пюлюнгу, на правой стороне Шавдана, примерно в десяти верстах ниже по течению.

10. Уздуширд.

11. Кам, по обе стороны Шавдана, у впадения Чавдана слева в Чегем.

В долине реки Шавдан залегает железная руда (Темирбаш), которую жители переплавляют и из свинца горы Экаргаджейтау (Свинцовая гора) делают сплав; из этого сплава они льют свои пули. Они также готовят селитру и продают порох.

Из дугорской деревни Маскава туда можно легко попасть на арбе.

Согласно грузинским источникам, их княжеская семья Басиат по своему рангу находится на уровне кабардинских дворян осетинского происхождения; однако это нуждается в подтверждении.

Их деревни следующие:

1. Удумалькар, что значит Большой Малькар, на берегу маленькой реки Пси-Гонсур, впадающей с правой стороны в Черек; главная деревня и местонахождение семьи Басиат насчитывает примерно 180 домов.

2. Гобзарта, на той же реке.

3. Хурдаира.

4. Шаварда, на левой стороне Черека.

5. Юлу, на той же стороне, ниже по течению.

6. Исканта.

7. Аджалга.

8. Мохаула, у впадения Псигона в Черек.

9. Бисинга, деревня со своим особым округом, между реками Черек-хахо, или Низвергающийся Черек, и Мисджик, текущей с запада и впадающей в Черек ниже устья Черек-хахо. Ниже Бисинги ручей Кара-су, т. е. Черная вода, впадает с левой стороны в Черек-хахо.

10. Хулам, на восточной стороне Черек-хахо, большой и прозрачной реки, которая начинается высоко в горах, и впадает в Черек с западной стороны. Ниже устья этой реки на Череке образована глубокая впадина, заполненная прозрачной, но горько-соленой водой — черкесская Черек-яна, т. е. «Мать Черека». Рядом с ней отвесные скалистые берега Черека так близко сходятся друг с другом, что между ними может быть проложен мост, ведущий из Кабарды к Балкарам.

Деревня Хулам населена суанскими семьями, которые одеваются на имеретинский лад и называются сони. Они живут не только здесь, но и разбросаны также в соседних горах Кашка-Тау и подчинены кабардинцам, с которыми они обменивают соль и рожь на свои собственные продукты или на рабов обоего пола.

У них есть князья — «беи», дворяне, «уздени» и крестьяне — «чагары», но последние ни в коей степени не подчинены первым. Они все зависят от кабардинских князей, которые требуют от них время от времени уплаты старинной подати, в которой им часто отказывают с оружием в руках. Они возделывают пшеницу, просо, ячмень и изготовляют прекрасное пиво. Их стада овец значительны, у них много также лошадей, которые невелики и не способны носить большие тяжести, но превосходны для поездок по горам; по этой причине их продают в большом количестве в Имеретию и Мингрелию. У них есть даже род маленьких мулов «кара-катир», представляющих собой помесь лошади с маленьким ослом, обычным также в Грузии. Их мед превосходного качества, но он часто имеет опьяняющее свойство, когда пчелы собирают его с рододендрона и Azalea Pontica. Они принуждены платить подати черкесам, чтобы иметь возможность пасти свои стада в долинах, расположенных более низко, хотя с давних пор они стараются

сбросить это ярмо и подчиниться России, но им это до сих пор не удалось. Поселения чегемов и их соседей балкар называются грузинами Басиана, а не Джикетия, как полагали Гюльденштедт и Паллас, как я отмечал выше. По-видимому, эти места были раньше лучше населены, и до сих пор путешественники находят много развалин старинных каменных церквей в горах.

Балкары, которых черкесы называют «балкар-кушха», называются по-грузински собственно «басиане», сами же они себя называют малкар-аул, или селение Малкар. Их численность — свыше 1200 семей, которые живут отчасти разбросанно или же объединенными в селения в верхних районах сланцевых гор, на берегах рек Черека, Псигон-су и Аруан, или Аргудан. Им принадлежит также территория Биссингэ, в верхнем течении Мишджигка, который впадает с левой стороны Чегема. Их главная торговля производится с Радча и Они на Рионе в Имеретии, которые отстоят на 55 верст от их главного селения, называемого Улу Малхар. Дорога туда ведет через ужасные снежные ущелья, в которых путешественников часто засыпает обваливающимися лавинами. Товары, привозимые ими в Радча и Они, состоят главным образом из войлочных плащей «ямачех», сукон («шалл») светло-желтого и коричневого цвета, считающихся очень хорошего качества, войлока, капюшонов от дождя («башлык») и меха. В обмен они получают хлопчатобумажные и шелковые ткани, нитки для шитья, золотые и серебряные блестки, табак, трубки и всякие мелкие товары. Они закупают, в особенности в Они, большое количество каменной соли в виде продолговатых и четырехугольных кусков от пяти до шести пудов, добываемых в горах, лежащих за Эриванью у Баязинда, откуда соль расходится по всей Грузии и по всему Кавказу. Но они получают соль также и с русской границы, а также от черноморцев; она привозится им евреями и кабардинцами. Другим главным предметом потребления, привозимым из Радча, являются котлы и другая медная посуда, которая вывозится из Эрзерума, через Батум и Поти. Предполагают, что балкары и чегемы покупают много русской медной монеты, которую они переплавляют на блюда и тарелки. На пути из Дугор к балкарам на речке Хасриа-Дон находится гора Исди-хонг, то есть свинцовая гора, называемая так потому, что в ней находится разработка руды, из которой дигорцы добывают свинец, который они плавят у себя.

Своеобразный народ, который у русских называется черкесами, сами себя называют адыге, и населяют теперь так называемую Большую и Малую Кабарду и многие реки, впадающие слева в Кубань, вплоть до Анапы и Черного моря.

Название «черкес» — татарского происхождения и составлено из слов «чер» — дорога и «кефсмек» отрезать. Черкесан или Черкес-джи имеет одинаковое значение со словом Иоль-

Кеседж, которое употребительно в тюркском и обозначает того, кто «отрезает путь», т. е. разбойника с большой дороги.

«Кесех» или «казах» — это имя, которое черкесам дают их соседи осетины. И так как Казахию византийских историков следует искать по нижнему течению Кубани в местностях, населенных черкесами, то это утверждение осетин в какой-то мере оправдано. Это утверждение предполагает, что черкесская нация до прихода кабардинских князей из Крыма называла себя казахами.

Вероятно, татары взяли отсюда в свой язык слово «казак», которое у них не имеет никакого другого значения как чтобы называть им человека, ведущего воинственную и кочевую жизнь, как черкесы.

Однако в старом татарском и родственном с ним тюркском этого слова нет, и многие татары даже не знают этого значения.

Черкесы были распространены раньше больше на север, и их пастбища простирались до Кумы, на их языке Гумши, т. е. Старая Кума.

Еще сорок лет назад ногайцы, кумыки, черкесы и абазы добывали ежегодно соль из Соляного озера Джанзейт, лежащего севернее устья этой реки; этой солью, которую они добывали также из небольшого озера у истоков реки Маныч, они снабжали всю горную местность. Однако из-за распространения русских и, главным образом, после проведения в 1777 году Кавказской линии, они были очень сильно ограничены и отброшены по другую сторону Терека, Малки и Кубани. Их главный переход был через Малку недалеко от теперешней крепости Екатериноград, по плодородной долине, которая называется у татар Беш-Тамак (т. е. «пять устьев») и еще теперь это то место, где обычно переходят через реку в Большую Кабарду.

Происхождение названия Кабарда установить трудно, так как этимологию Райнеггса — от реки Кабар в Крыму и от слова «да» — деревня, — едва ли можно назвать правильной. Еще и теперь называют многих черкесов — «кабарда», а именно узденей (дворян) из рода Тамби у реки Кишбек, впадающей в Баксан; на их языке «кабарджи» обозначает кабардинского черкеса.

Райнеггс и Паллас придерживаются того мнения, что эта нация, первоначально населявшая Крым, была оттуда изгнана в места их теперешнего поселения. На самом деле там находятся руины замка, который называется у татар Черкес-Кирман, а местность между реками Кача и Бельбек, чья верхняя половина, называемая еще Кабарда, носит название Черкес-Туз, т. е. Черкесская равнина. Однако я не вижу в этом оснований для того, чтобы считать, что черкесы пришли из Крыма. Мне кажется более вероятным считать, что они одновременно жили как в долине севернее Кавказа, так и в Крыму, откуда они, вероятно, были изгнаны татарами под предводительством

хана Бату. Иосафат Барбаро, венецианский посланник в Персии в 1474 году, называет уже тогда теперешнюю Кабарду этим именем, а керкетов в этой местности знал Страбон.

Из устных сообщений старейшин этой нации я собрал следующие сведения об их происхождении или, вернее, о происхождении их князей.

Их первого основателя звали Арап-хан, и он, должно быть, был князем из Аравии, давно появившийся оттуда в Шанчир, теперь совершенно опустошенный город, находившийся недалеко от Анапы в земле натухайцев, которой обязаны своим происхождением князья Темиргой и все черкесы. И действительно, там можно было увидеть вал и ров, размерами в поперечнике около полумили, окружавшие этот старый город и тянувшиеся на восток до ручья Псиф, а на запад до Рефиля.

Севернее этого места в заболоченной местности реки Кубани можно заметить много небольших холмов, которые, вероятно, были военными укреплениями.

За Арап-ханом следовал его сын Хурпатайя, оставивший после себя также сына Инала, известного по имени Рэф, т. е. раскосый, который рассматривается князьями из Большой и Малой Кабарды как их общий предок. Он оставил после себя пять сыновей: Тау-Султан, Ахлау, Мудар, Беслан и Комуква, которые после его смерти отделились друг от друга и поделили между собой подданных.

Тау-Султан был самым старшим, и от него происходит княжеская фамилия, носящая то же самое имя, еще и теперь владеющая западной частью Малой Кабарды, которая называется в соответствии с этим Талтостани.

Ахлау и Мудар, владевшие землей вместе, являются основателями двух княжеских фамилий, которые владеют восточной частью, называемой Шлахстани.

Беслен и Комуква, хотя и отделились от своих братьев, были связаны между собой, и от них происходят князья Большой Кабарды, или собственно Кабарды, которые поэтому называются Бесленкей.

Отсюда видно, что это происхождение князей не идет дальше XVI века, а то, что именно они пришли из Аравии, весьма сомнительно, так как именно их предка звали Арабхан, а как раз в духе азиатов выводить имена лиц и местностей из названий различных событий, как мы это очень часто видели в Старом Завете.

Так, однажды один старый татарский мулла объяснял мне совершенно серьезно, что имя «черкес» составлено из персидского «чехар» (четыре) и татарского «кес» (человек), потому что эта нация происходит от четырех братьев.

То, что черкесы жили раньше в тех местностях, мы знаем из истории; и черкесские мамелюки основали в 1382 году в Египте особую династию, которая удерживалась до 1517 года;

в ее рядах имеется уже в 1453 году некий Иналь, который, таким образом, старше, чем третий основатель рода кабардинских князей.

Черкесский народ, собственно говоря, делится на пять классов: первый составляют князья, называемые по-черкесски «пшех» или «пши», а по-татарски «бек» или «бей», которые назывались раньше в русских документах «владельцами», то есть господами, но которые получали звание князя. Второй класс составляют «ворки», или дворяне, которых татары и русские называют «уздени». Третий класс состоит из вольноотпущенников князей и узденей, которые тем самым стали также узденями, но в отношении военной службы они всегда остаются под властью своих прежних господ. К четвертому классу принадлежат вольноотпущенники этой новой знати, а к пятому классу — сервы — «тхокотли», которых русские называют «холопы». Эти последние разделяются на землепашцев и домашнюю прислугу высших классов.

Число князей было раньше гораздо больше, чем в настоящее время, так как последняя чума произвела большое опустошение среди этого народа. К каждой ветви княжеской фамилии принадлежат различные семьи узденей, которые рассматривают крестьян, перешедших к ним по наследству от их предков, как свою собственность, потому что эти крестьяне не могут переходить от одного узденя к другому. Следовательно, князь является верховным сеньором этих дворян, они же в свою очередь сеньорами своих сервов; дворяне часто переходят от одного князя к другому: отсюда последовало быстрое увеличение населения Большой Кабарды. Крестьяне не обязаны платить узденям определенных оброков, в действительности же они должны давать все, в чем последние нуждаются, но это происходит только по необходимости, так как если какой-нибудь уздень слишком прижимает крестьянина, то кончается тем, что он его совершенно теряет. То же происходит между князьями и дворянами: князья требуют от этих последних лишь то, в чем они нуждаются, но не более от числа предметов первой необходимости. Если сделать попытку этому государственному строю дать название, его можно было бы назвать республиканско-аристократическим, но, по правде говоря, у них нет никакого государственного устройства, потому что в настоящее время каждый делает все, что ему вздумается. Раньше могущество черкесских князей распространялось на осетин, чеченцев, абазин и татарские племена, жившие в высоких горах у истоков Чегема, Баксана, Малки и Кубани, но их могущество ослабело, в результате занятия этих районов русскими. Однако эти князья продолжают рассматривать себя как господ этого народа.

Возраст имеет у них наибольшее значение. Когда речь идет о разрешении какого-нибудь дела, старейшины из князей, узденей, а также самых богатых крестьян собираются и выносят

решение, причем всегда с большим шумом и многословием. У них нет ни определенных судов, ни писаных постановлений, ни законов. Определенные штрафы установлены древними обычаями для наказания за воровство и убийство, о чем я буду говорить ниже.

У них в обычае, чтобы князь делал время от времени подарки своим дворянам, которые, так же как и рассказы, почему и по какому случаю они были сделаны, передаются от отца к сыну как в семье того, кто получил, так и в семье давшего. Когда какой-нибудь дворянин оказывается без достаточных оснований подчиниться своему князю, он обязан вернуть ему все подарки, которые он и его предки получили. Уздени должны следовать за князем на войну всякий раз, как это требуется, и снабжать стольким числом своих подданных, в качестве вспомогательных войск, сколько нужно князю и сколько они в состоянии выставить. Когда князь, вследствие слишком больших затрат или неудач, впадает в долги, дворяне обязаны выплачивать их за него. Князь, так же как и дворяне, имеет право жизни и смерти над своими сервами и может даже продавать по своему усмотрению тех, которые прислуживают ему дома. Часто некоторые из этих последних получают свободу; их называют тогда «бегаулиа», и они должны выполнять распоряжения своих господ, направленные как против дворян, так и против сервов. Нельзя продавать отдельно сервов, которые занимаются земледелием. Они обязаны оплачивать долги и случаи воровства своих узденей. Князь предводительствует армией в военное время и со своими всадниками и слугами совершает набеги на русские земли или против осетин, ингушей, карабулаков и часто против народов, живущих возле Кубани.

До того времени, как ислам был введен у черкесов, каждый князь или сын князя имел право брать одну овцу из каждого стада в то время, когда их весной выводили пастись в горы, точно так же и при их возвращении в начале осени. Владельцы стад должны были также давать по одной овце всякий раз, когда во время своих поездок он проводил ночь около загона. Если он приближался к табуну, он имел право выбрать лошадь, которая ему понравилась, сесть на нее и пользоваться ею столько времени, сколько он считает необходимым. Если он ночь проводил около одного из табунов, он мог и потребовать, чтобы ему зарезали жеребенка, и съедал его вместе со своей свитой, так как эти народы еще до сих пор имеют обыкновение есть конину, но только зарезанных, а не павших от болезни лошадей. Шкура лошади или овцы принадлежит тому, кто приготовил обед.

Таковы были права князей с древнейших времен, которые они очень ценили и которые соответствовали их образу жизни, и все-таки они отказались от них при принятии магометанства. С того времени народ также изменил некоторые свои обычаи.

Черкесы, как и все нецивилизованные народы, любили чрезмерное употребление водки, курили и нюхали табак, употребляли в пищу свинину и особенно мясо диких кабанов, которые встречаются в их стране в большом количестве и являются главным предметом их охоты. Теперь, однако, они приучились воздерживаться от водки, от трубки и от свинины, и многие из них, вместо того чтобы носить простые усы, как раньше, отращивают бороды.

Еще около сорока лет тому назад черкесы, хотя называвшие себя мусульманами (по своему произношению «бусурманами») жили почти без религии; они не были обрезаны и не имели ни мечетей, ни священников, кроме нескольких невежественных мулл, которые приходили из Аксая и Эндери. Из религии Магомета они соблюдали лишь воздержание от свинины и вина. Они хоронили также мертвых и справляли свадьбы по магометанскому обычаю. Многоженство было разрешено, но было мало распространено. Князья и самые знатные уздени совершали в определенное время свои ежедневные молитвы по-арабски, хотя и не понимая в них ровным счетом ничего. Простолюдины жили без всяких религиозных обрядов, и для них все дни были одинаковы. У этой народности нет никакого следа греческой христианской веры, которая была распространена в Кабарде во время царя Ивана Васильевича. Тем не менее в этой стране еще встречаются развалины старинных церквей и могильные камни с крестами.

Со времени Кучук-Кайнарджийского мира Турция старалась при помощи посылаемого туда духовенства распространить ислам на Кавказе, в особенности среди черкесов, и имела успех в своих намерениях, по крайней мере у последних, чему особенно помог известный Исаак эфенди, состоявший на жаловании у турок. Их муллы, или священники, обычно из вольноотпущенников князей или узденей, отправляются учиться немного читать и писать к татарам из Табасарана или в Эндери, получают звание эфенди и возвращаются в свое отечество, чтобы работать для удержания народа в магометанской вере и отстранения их от союза с Россией.

Занятие знатных людей — обычно охота и военные упражнения: они часто предпринимают походы, направляясь на несколько дней в леса и горы, где их единственной пищей служит немного проса, которое они берут с собой. Такой образ жизни и свобода имеют для них столько привлекательного, что они ни на что не хотят менять его и охотно отказались бы от всего, чтобы иметь возможность вернуться обратно к настоящему положению.

Так как гордость знати нигде так не проявляется как у черкесов, то у них не бывает неравных браков. Князь берет себе всегда в качестве жены дочь князя, а его незаконнорожденные дети никогда не могут наследовать титул и преиму-

щества своего отца; разве только если они женятся на законной княжне; в таком случае они становятся князьями третьего ранга. Так как абазины были подчинены раньше черкесам, то их князья рассматривались только как кабардинские уздени и могли брать себе в жены только дочерей таких же узденей, так же как абазинские князья могут жениться только на дочерях князя.

Приданое, по-татарски «калым», достигает у князей до двух тысяч рублей серебром. Уздень, которому было поручено воспитание молодого князя, женит его и дает совместно с другими узденями калым в виде ружей, сабель, лошадей, быков и овец; со своей стороны отец будущей жены дарит своему новому зятю несколько сервов.

Если жених узнает, что его невеста не невинна, то он тотчас же отсылает ее обратно к родителям и требует назад свой калым. Женщину же родственники либо убивают, либо продают.

Если же женщина нарушает супружескую верность, то ее муж заставляет ее обрить волосы, оставляя пряди только на ушах, обрезает рукава ее платьев и отправляет ее на лошадях обратно ее родителям, которые ее продают или убивают, соблазнителя же ждет смерть либо от руки оскорбленного мужа, либо его друзей.

Расторжение брака происходит двояким путем: или муж разводится с женой в присутствии свидетелей, оставляя ее родителям калым, и тогда женщина может снова выйти замуж; или муж просто приказывает жене уйти от него, оставляя за собой право через год снова взять ее в жены. Если же он не берет ее в жены в течение двух лет, то отец жены или ее родственники отправляются к мужу и требуют настоящего развода, после чего женщина имеет право выйти замуж за другого.

Обычаи запрещают мужу открыто навещать жену днем, но простые люди, несмотря на это, живут с женой вместе и когда она становится старой.

Как только у князя родится ребенок, устраиваются большие торжества.

Если это мальчик, то уже на третий день отец отдает его на воспитание одному из своих узденей (приближенных), каждый из которых стремится к тому, чтобы ему была оказана эта честь. Мальчик получает тогда кормилицу, которая дает ему имя; обряд обрезания происходит только на третьем или четвертом году его жизни, за что мулла получает лошадь. Отец обычно не видит сына вплоть до его женитьбы, вследствие чего между родственниками возникает равнодушие.

Если у князя справляются о здоровье его жены и его детей, то он, багровея от гнева, не дает никакого ответа и, полный презрения, поворачивается к спросившему спиной.

Сыновья, воспитывающиеся у узденей, живут там до третьего или четвертого года своей жизни и только тогда получают

воспитателя, приличествующего их роду. Родители не платят ему ничего за его старания, ни за питание и одежду ребенка. Но за это, как только его воспитанник вырастет, воспитатель получает от него лучшую часть добычи, захваченной им на войне или во время разбойничьих набегов.

Обычно раньше кабардинцы женились только в возрасте от тридцати до сорока лет, но теперь они вступают в брак в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет, а женщины от двенадцати до шестнадцати лет.

Девушка в возрасте более семнадцати лет редко найдет себе мужа.

Воспитатель ищет обычно жену для своего воспитанника и велит ему ее украсть, если девушка еще не имеет ни к кому склонности и если еще никто не заявил на нее своих прав.

Если же имеются два соперника, то или они сами бьются за невесту, или это делают их друзья, стараясь при этом убить противника. Оставшийся в живых получает тогда девушку.

Если отец умирает, то мать ведет хозяйство, и имущество остается неделимым; после ее смерти ее место занимает обычно жена старшего сына. Если же братья захотят разделить наследство, то это устраивает жена старшего сына таким образом, что старший получает большую долю, а младший — меньшую.

Внебрачные дети не имеют права на наследство, однако семья их обычно кормит.

Мертвых кладут в гроб, сделанный из досок, таким образом, чтобы тело было обращено головой в сторону Мекки.

В случае чьей-либо смерти женщины поднимают ужасающий плач, а скорбящие мужчины бьют себя кнутом по голове, выражая этим свою скорбь.

Раньше мертвому клали в гроб все его имущество, теперь его кладут в гроб только в обычной одежде.

Черкесы носят целый год черную одежду в знак траура. Но погибшие в войне против русских обычно семьей не оплакивается, так как при этом верят, что погибшие попадают прямо в рай.

При погребении мулла читает отрывки из Корана, за что его богато одаряют, и он обычно получает одну из лучших лошадей умершего.

По теперешним законам черкесов, воровство у князя наказывается таким образом, что вор уплачивает стоимость украденного в девятикратном размере и в придачу еще одного раба. Так, например, за украденную лошадь вор должен отдать девять других и одного серва. Если же вор украл у одного из узденей князя, он должен вернуть назад взятое и дать в придачу еще тридцать волов. По распоряжению генерал-лейтенанта Гудовича черкесы должны быть также наказаны за кражу,

совершенную у русских; однако этому закону почти никогда не следуют.

Черкесский язык отличается от других, и на нем говорят в Большой и Малой Кабарде и в племени бесленеевцев, которые живут на Лабе. Другие же черкесские народы, живущие по другую сторону Кубани до Черного моря, говорят на диалектах, более или менее отличающихся от этого языка. В этих языках и диалектах имеется очень много шипящих и цокающих зубных и небных звуков, которые делают их язык совершенно непонятным для иностранца. Я особенно старался собрать из этих языков слова и фразы, которые будут напечатаны в конце II части.

На их языках нет ни алфавита, ни книг; и они в письме пользуются обычно татарским языком, распространенным по всему Кавказу.

В общем, черкесов можно назвать красивой нацией; особенно красиво выделяются мужчины своим высоким ростом и красивым сложением, так как они делают все возможное, чтобы сохранить свою стройную талию. Они обычно среднего роста, очень сильные, мускулистые, но не жирные. Их плечи и грудь широки, таз всегда очень узкий; обычно у них каштановые волосы и карие глаза, удлиненная голова и узкий прямой нос.

Их женщины обычно самые красивые на всем Кавказе. Однако я должен заметить, что повсеместное мнение, как будто бы они являются обитательницами турецких сералей (гаремов), является необоснованным, так как черкесы чрезвычайно редко продают своих соплеменников туркам, обычно только украденных рабов.

Большая часть красивых женщин попадает в Турцию из Имеретии и Мингрелии, в то время как торговля людьми у черкесов обычно ограничивается рабами мужского пола.

Черкесские девушки так затягивают свою грудь узкой кожаной кофтой, что она совершенно не видна. У женщин же грудь, опустошенная от молока младенцами обычно висит.

Женщины у черкесов не так ограничены, как у других азиатов.

Одежда мужчин похожа на татарскую, но более облегченная, из лучших материалов и обычно богаче. Их рубашки («яна») сшиты или из белого полотна, или, по грузинскому обычаю, из легкой красной тафты с застежкой на груди.

Сверху они носят шелковый вышитый жилет, а сверху нечто вроде короткого кафтана — «бешмет» (по-черкесски — «ци», по-татарски — «чекмень»), облегающий верхнюю часть туловища и плотно стянутый на животе. Справа и слева на груди бешмета сделаны специально устроенные карманы для патронов.

Мужчины коротко стригут волосы и только у темени оставляют пряди длиной в палец, которые называются у них «хайдар». Татары же и кисты гладко обривают голову.

Раньше черкесы сбривали бороды, оставляя лишь усы, теперь, наоборот, многие отпускают бороду. И мужчины, и женщины уничтожают волосы на половых органах, частично подстригая их, частично выдергивая, а также применяя различные мази.

На голове они (черкешенки. — *Ред.*) носят небольшие вышитые шапки на вате, по форме напоминающие половину дыни. Свои обычно маленькие ноги они обувают в красные сапоги с очень высокими каблуками, что делает их еще более высокими.

Черкес никогда не выйдет из своего дома невооруженным, по меньшей мере он носит обычно саблю или кинжал у пояса, на плечах у него бурка (по-черкесски — «джако», по-татарски — «ямач» и по-армянски — «япинджи»). Полным вооружением считается, кроме ружья и пистолетов, кольчуга («афе»), небольшой шлем («кипха») или большой («таш»), железные перчатки («аштельт»), нарукавники («абшумбух»). Если они выезжают в поле или наносят визиты, то бывают вооружены луком и колчаном со стрелами. Щит же у них не распространен. Их кольчуги большей частью очень ценны; среди них есть очень хорошо сделанные. Чтобы их испробовать, их кладут на теленка и стреляют из пистолета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается. Под кольчугой они носят на войне еще одежду на вате, от которой пули отскакивают еще лучше. Лучшие кольчуги доставляются из Кубачи в Дагестане, но говорят, что особенно хорошие кольчуги изготовляются только в землях абхазов у Черного моря.

Но казаки умеют особым приемом на быстром скаку приподнимать панцырь острием пики и прокалывать его. Все их оружие вообще прекрасного качества, но очень дорогое. Комплект оружия князя оценивается около двух тысяч руб. серебром.

Одно из основных занятий их состоит в том, что они приводят в порядок и чистят оружие; и действительно, их оружие содержится постоянно в образцовом порядке, очень блестящим и красивым. Уже с раннего утра они опоясываются саблей и кинжалом и проверяют, не пострадало ли остальное вооружение от влажного ночного воздуха.

Во время походов небольшое седло служит им подушкой, лежащий под ним кусок войлока — постелью, а бурка — одеялом. При плохой погоде они делают себе из войлока небольшую палатку, которая подпирается деревянными жердями.

Часть оружия они получают от турок, часть — из Грузии; у них есть большой запас дорогостоящих старых венецианских и генуэзских мечей и пистолетов. Кремни у них очень редки, их они по большей части получают от русских. Порох («гин») они изготовляют сами, как почти все кавказцы. Селитру («гинхуч» или «гин-чух») они часто добывают в горах в натуральном виде, а частично выщелачивают ее из подстилок в стойлах скота и сами варят ее. Ремеслом они занимаются мало; среди

них распространено только изготовление железных и серебряных вещей, среди которых, кроме кинжалов, серпов, удил для лошадей и украшений для оружия, почти ничего другого не вырабатывается. Каждая женщина изготовляет в доме своем необходимую одежду. Мужчины сами приготовляют домашнюю утварь, на которую не идет никакого металла. Из Грузии привозят большие медные котлы, служащие им для кухни. Их жилища совершенно похожи на дома кумыков. Они сплетены из ивовых прутьев, обмазанных глиной снаружи и изнутри. Они отличаются [от кумыкских] по крыше, которая покрыта соломой, так как глина в стране черкесов сохраняется непродолжительное время. Сорок или пятьдесят домов, обычно расположенных вкруг, образуют селение, по-черкесски — «куадже», по-татарски «кабак», в середину которого на ночь загоняют скот, а в случае нападения туда помещают всех неспособных носить оружие. Вне круга на расстоянии двадцати пяти шагов находятся хижины, служащие для отхожих мест. Их изгороди также изготовляются из ивовых ветвей. Зимой они строят около рек и лугов «хутора» или «кутаны», служащие стойлами для овец. В своих жилищах, в одежде и в способах приготовления пищи у них царит величайшая чистоплотность.

К их домашним животным принадлежат лошади, коровы, буйволы, бараны, козы, собаки и кошки. Их лошади всегда ходят свободно в поле, их никогда не держат в стойлах. Лошадей они продают русским и грузинам. Их лошади невысоки и большею частью гнедой или серой масти, я не видел у них вороных лошадей. Самая лучшая порода называется «шалох» и носит особый знак на заднем бедре. Такие лошади, как правило, принадлежат богатой княжеской семье и насчитывают не более 200 голов в табуне. Лошади этой породы чаще всего бурой или белой масти, их содержат постоянно на пастбищах: в жаркие месяцы — между реками Фиаг, Ардон и Урсдон (по-черкесски — Псе-хуш), а в другое время года — на Тереке, в районе между Татартупом и Джулатом. Если такого жеребенка дарят, то его оценивают наравне с рабом. Если же один из них бывает украден, а потом обнаружен, то вор не подвергается штрафу, тогда как при краже другого имущества у князя вор обязан возместить стоимость украденного в девятикратном размере и прибавить к этому еще раба.

Вообще же хорошие лошади не столь часты у черкесов, как обычно думают, а лучшие из них стоят около ста рублей серебром, в то время как за обычную лошадь платят от пятнадцати до двадцати пяти рублей.

Черкесы имеют немногочисленные стада крупного рогатого скота и разводят их лишь для собственного употребления. Они запрягают быков в свои повозки и в плуги. Коровье молоко употребляется ими только в кислом виде; они также изготовляют из него плохой сыр и масло, которые всегда растоплены

и несолены. Они очень редко режут быков для собственного употребления и редко также продают их в Моздок. Буйволы редки; за них платят от 12 до 18 рублей за голову, хотя один буйвол работает больше двух быков, и из их молока получается больше масла, чем от обычной коровы. Овцы составляют почти все богатство черкесов и важнейшую часть их домашнего хозяйства. Мясо их является обычной пищей черкесов, которые едят его в вареном виде без соли и хлеба. Женщины изготовляют из шерсти грубое сукно для одежды мужчин, а также войлок и войлочные накидки по-черкесски — «джако», по-русски «бурки», из овечьих шкур делают себе шубы.

На овец, овчину, шерсть и пряжу у русских и грузин вымениваются соль, полотно, юфта, сера, железо, медная посуда, хлопчатобумажные и шелковые ткани. Черкесские овцы мельче калмыцких и их шкура не так хороша. Курдюк также намного меньше и редко весит больше четырех фунтов. Их мясо вкуснее и приятнее мяса наших овец, его едят с удовольствием.

Цена овцы — шесть аршин грубого полотна примерно по восемь копеек. Овец тоже доят и делают из их молока сыр, часть которого зашивается в полотно и коптится, от чего становится крепче и может употребляться в течение длительного времени.

Летом овец гонят в горы к осетинам и дугорам; в январе и феврале их держат в сараях («хутер») и кормят сеном; остальное время они пасутся в долине и низких предгорьях.

Козы встречаются не очень часто, как правило, они здесь коричневые, содержатся в деревнях.

Собак и кошек черкесы тоже держат у себя. В лесах Кабарды часто встречаются дикие кошки.

Свиней черкесы, будучи магометанинами, не держат.

Олени, косули, дикие свиньи и зайцы имеются в большом количестве.

Земледелие черкесов чрезвычайно простое, так как не применяются удобрения. Весной участок земли, который хотят засеять, поджигают, чтобы вся трава сгорела, это и служит удобрением. После этого земля один раз вспахивается, разрыхляется с помощью стволов деревьев и производится посев. В течение двух или трех лет используется один и тот же участок земли, и когда он становится непригодным к использованию, черкесы переходят на другое место. Таким образом, обойдя на несколько верст вокруг своей деревни, они переселяются со всем своим имуществом на совершенно новое свободное место.

Черкесы возделывают просо и немного полбу. Полбой они кормят своих лошадей, а в случае голода она служит и им самим вместо хлеба, а также они приготовляют из нее полуперебродивший напиток «фада» или «фада-хуш», что значит «белая фада» (по-татарски это «брага»); а также водку — «арка» или «фада-фица», что значит «черная фада». Брага очень употребительна, а водка теперь очень редка.

Квашеное тесто они не знают, а вместо него едят просо, варенное в воде вместе с шелухой и нарезанное затем на толстые куски. Это они называют «паста». «Хатлама» отличается тем, что для ее приготовления берется очищенное просо. В очень редких случаях просо перемалывают, делают из него пресное тесто и пекут лепешки — «метшага», толщиной в палец. Это — три способа приготовления еды из проса, причем первый из них является самым распространенным, так как у черкесов нет водяных мельниц. Они очищают просо от шелухи ручным способом при помощи деревянного чурбана, самодельно изготовленного на манер мельничного жернова, после этого семена размачивают и толкут в толкушке. Чтобы, наконец, получить муку, используются ручные мельницы с небольшими мельничными жерновами, но они имеются лишь в немногих домах.

Черкесы засеивают только необходимое в хозяйстве количество проса, а также обменивают его на соль у русских и грузин; простые люди ее почти не употребляют. Вместо соли они употребляют кислое молоко, в которое во время еды обмакивают мясо.

Просо, молоко, сыр и мясо овец считается их самыми лучшими продуктами питания, а вода и брага их напитками.

В качестве пряностей и приправ им служит турецкий перец, лук и чеснок. Они любят также крутые яйца, преимущественно в блюде «шинкал». Его готовят из кислого молока с небольшим количеством масла, свежего сыра, кусков сваренного на воде особого теста, напоминающего нашу вермишель; затем крутых яиц, разрезанных на четыре части; лука и чеснока. Это блюдо подается на больших пирах и является излюбленным.

«Ширалдама» — плоские обжаренные в масле лепешки из белой муки, замешенной с яйцами и молоком.

«Халива» — небольшие пироги из такого же теста, начиненные свежим сыром и луком. Эти кушанья довольно вкусны и вместо сахара намазываются медом.

Мед используется в разных видах. Мед, смешанный с маслом, называется «фау-тго», и туда окунается мясо.

«Фау-ус» — это вода, подслащенная медом, которая служит напитком.

Пчеловодство является важной отраслью хозяйства черкесов. Пчелиные ульи сплетены из ивовых прутьев, а снаружи обмазаны смесью из глины и коровьего навоза. Они овальной формы, полтора фута высотой и внизу не более фута в поперечнике. Их дно состоит из дощечки, на которую поставлен улей и которая может выниматься, чтобы удалить мертвых пчел и нечистоты, а также вынуть лепешки меда, отложенные пчелами. В полутора вершках над нижним краем есть небольшая круглая дырка величиной не более пчелы.

В каждом улье — от восьми до девяти кусков воска, расположенные вертикально. Зимой ульи вносят под крышу;

вплоть до июня ульи стоят в деревнях, а в июле и августе, когда степные растения высыхают, их доставляют в леса на невысоких горах. Туда и обратно осенью они доставляются на арбах. Те ульи, которые предназначены для непосредственного использования, поджигают снизу, из-за чего пчелы погибают. Соты вынимают, складывают и растапливают в котле, благодаря чему мед стекает вниз, а воск застывает.

Ульи продаются обычно за две-три рубашки. Некоторые пчеловоды имеют до 300 ульев. Мед желтовато-белого цвета и очень приятен на вкус.

Как я уже отмечал, черкесы ходили раньше целыми караванами Астраханскими путями, между Кизляром и Астраханью, к находившимся там озерам за солью, которую они брали там просто так. С тех пор, как проложена Кавказская линия, этот путь для них закрыт, и они должны выменивать у русских соль на скот, платки и другие продукты. Благодаря им также хорошо снабжаются солью осетины и дугоры. В большую арбу с солью запрягают от шести до восьми быков. Рогатому скоту, лошадям и в особенности овцам часто дают лизать соль, поэтому ее используют в большом количестве.

«Бруг» — мало известный у черкесов индийский напиток, приготовляемый следующим образом: берут немного конопляного семени и стеблей конопли, высушивают и толкут в порошок. Этот порошок высыпают в мешочек и окунают в сосуд с водой. Эта вода, подслащенная медом, опьяняет.

«Тушаг-тго» — это другой напиток из воды, в которой растворяется сваренный до твердого состояния сгустившийся виноградный сок, называемый «тушаг». Но это у черкесов гораздо меньше употребляется, чем у персов.

Черкесы обычно сидят на земле с поджатыми ногами; мужчины постоянно ездят на лошадях, женщины на арбах, запряженных быками.

Еда подается на небольших столиках на трех ножках высотой в один фут и шириной полтора фута. Мясо, сыр и паста подаются нарезанными кусками; тарелок, ножей и ложек они не употребляют.

Хотя черкесы довольно ленивы, но бодры и услужливы; однако они очень упрямы и в своих требованиях хитры и, что называется, себе на уме. Их основными занятиями являются война, охота и разбой, и те из них, кто в этом преуспевает, пользуется у них большим почетом. В своих разбойничьих набегах они пользуются тайными языками, которые составлены по взаимному соглашению. Самые употребительные среди них называются «шакобше» и «фаршибше» (а не «зиковшир», как указывает Райнеггс).

Первый из этих языков кажется совершенно особенным, так как его слова не имеют ничего общего с черкесским языком. Я не смог сделать исследования в этих языках, поэтому

я только сравниваю слова, указанные Райнеггсом, с черкесскими.

Шакобше	*Черкесский*	*Значение*
Папхле	Нне	глаз
Бетао	Такхумах	ухо
Кепе	Тше	лошадь
Пшакокаф	Гъем	корова
Ткемеше	Бхан	коза
Негхуне	Мапха	огонь
Аппе	Фис.	женщина
Паше	Ахше	деньги
Шувхе	Джако	бурка
Бруг	Ша	голова
Вуп	Топанг	ружье
Чакоенше	Махше	верблюд
Фогабе	Маль	овца
Шегс	Пфе	вода
Элефсе	Чалах	ребенок
Некуше	Шаква	хлеб

Другой язык, фаршибше, составлен из обычного, в то время как между слогами вставляется «ри» или «фе». Например:

Черкесский	*Фаршибше*	*Значение*
Ша	Иршихари	голова
Тдле	Тларуквари	нога
Иа	Ириари	рука
Такхумах	Таримариквари	ухо
Нне	Иринери	глаз
Пех	Ирипери	нос
Дхе	Иридхери	рот
Бзе	Ирибзериквери	язык
Джаке	Джарикери	борода
и так далее		

Черкесы называют неделю так же, как воскресенье, которое у них ее начинает, а именно тхамахуа. Названия дней недели следующие:

Воскресенье — Тхамахуа
Понедельник — Ближха
Вторник — Губш
Среда — Берешпа
Четверг — Макук
Пятница — Мейрем
Суббота — Шабат

Месяцы у них называются так же, как у татар.
Обычные мужские имена следующие:

Хубджуква — сын серпа;
Байрам-Але — сын праздника Байрама, татарского происхождения;
Иналь — очень распространенное княжеское имя;
Мерерм-Куль — сын пятницы (татарское);

Байтан, Папай, Махумет, Гилахстан, Ботуква;

Девлетуква — сын богатства;
Кандхауа — сын крови, татарское слово с черкесским окончанием;
Мисост
Арслан-Бег — львиный князь, татарское;
Шахмурш — коровье мычание;
Петак — ветвь;
Темур — железо (татарское);
Таушине — горная овца (татарское);
Сасаруква — сын праздника Саса;
Хам-мурза — собачий князь;
Темуруква — сын железа (наполовину по-татарски);
Гойнуква — буквально, сын шкур;
Кельтшуква — сын шерсти;
Койтуква — буквально, сын наизнанку;
Меремаква — сын пятницы;

Келемет, Дударуква, Поташ, Хасан, Доль—раб;

Доль — раб;
Богатур — великан (татарское);
Тахашине — божий теленок;
Хадиаква — собачка без хвоста

Махара — Бурау — Тамаса — Томас — Тагелек — богобоязнь

Тогжуква — сын жира;
Недша — сколько

Дхаумаква — Дхабирей — Шаулех — Тау-Султан

Теваджуква — сын успеха;
Ход — Хусейн — Ходцуг — молодая собака;
Казбулат — гусятник (татарское);
Чехи — Хетшек — Уресай — месяц поста

Таустанши — Канду — Исмаил — Хошбаш
— двойная голова (татарское);

Сагастоква — сын праздника Сага;

Манеджуква

Тамбье — Анзор — Хемнеги — Тероль — Бабаджипа

— утиный клюв;

Джантемир — железная душа (татарское);

Штабас-Гирей, Тшабас (арабское) — сокол.

Из женских имен я записал только некоторые: большинство из них арабского происхождения. Кенха-хан, Девлер-хан, Дженет, что по-арабски блаженство; Теплике, Фатыма, Кистаман, Гошоло-Хурайя — княжеская дочь.

И в конце я хочу дать имена, которыми черкесы называют своих соседей:

Татары	— Ногай
Армяне	— Эрмелей
Крым	— Герим
Персы	— Хадхар
Русские	— Урус
Лезгины	— Ханиош или Хануач

Осетины — Кушха, они называются этим именем, так как населяют самые высокие гребни гор, которые у черкесов называются также кушха.

Дугорцы	— Дигор Кушха
Тагаусские осетины	— Тегей Кушха
Карачаевцы	— Каршага
Татары с Чегема	— Чегем Кушха
Татары с Малки	— Балкар Кушха
Грузины	— Курше
Евреи	— Джут

...Наконец около четырех часов мы переправились через реку и достигли широкой степи, высота которой по отношению к реке достигает здесь около десяти саженей.

Сначала путь шел через лес, а затем перед нами простерлась прекрасная и плодородная долина Малой Кабарды. Проехав двадцать верст, мы достигли покрытого лесом горного хребта Арак, в котором выходят наружу песок, глина и мергель и который полого спускается к северу. На нашем пути примерно одну милю дальше мы увидели опустошенную чумой деревню Ахлау-Кабак или Шлахстани, которая раньше была главным поместьем Шлахстанских князей Малой Кабарды. Она расположена у северного подножья другого хребта, очень по-

хожего на предыдущий, в плодородной долине, орошаемой тремя небольшими горными ручьями Пседах.

Одной верстой дальше слева осталась черкесская деревня Кургоква, собаки которой, когда мы проезжали мимо в темноте, залаяли на нас; и наши казаки, нимало не испугавшись, просили нас быть как можно тише и спокойно ехать дальше.

На южном склоне второго хребта Арак лежал покинутый редут, который называется Григориполис, а слева от него течет ручей без названия. Среди ночи, усталые и мучимые жаждой, так как нигде не могли найти питьевой воды, мы приехали в крепость Григориполь, которая часто называется Кумбалей по названию реки, на левом берегу которой она находится. При переправе через эту реку мы в темноте совершенно промокли и промочили наш богаж.

У Владикавказа кончается степь, известная нам под именем Малой Кабарды. Большая и Малая Кабарда — это разделение народа и страны, о котором сами черкесы ничего не знают и которое употребительно только у русских. Также мало знают они приведенное у Гербера деление на Верхнюю и Нижнюю Кабарду. Они знают только одну Кабарду, и это та часть, которую обычно называют Большой Кабардой и которая на их языке тоже носит это имя.

Малая Кабарда, которая преимущественно нас касается, ограничена на севере Тереком, на востоке — Сунджей, на юге — ручьем Кумбалей и на западе — рекой Лескен, которая, соединившись с Аргуданом, впадает слева в Терек.

Она образует почти правильный треугольник шириной на севере до 140 верст, южнее только 60 верст, а с севера на юг — 70 верст. Ее восточная часть называется Шлахстани (по-татарски Шлахстан) и принадлежит князю Ишахсану, сыну Кайтуко, главная деревня которого, у ручья Пседах, названа русскими Ахловы Кабаки.

Западная часть называется Татлостани (по-татарски Тау-Султан — «горный господин») и принадлежит князю Али Махид Мударек, сыну Алхаса. Он живет в деревне Пши-Ткау у небольших рек Псипша, или Черная вода, которая (деревня.—*Ред.*) называется также Талтостани, а у русских — Кабаки Тау Султана.

Анзори называются деревни богатого узденя (дворянина) между левым берегом Терека и рекой Лескен.

Две цепи узких гор, которые у русских очень хорошо называются «гребень», а у черкесов «арак» или «арек», простираются с запада на восток через большую долину Малой Кабарды, параллельно текущему на восток Тереку, а также направлению Главного хребта.

От Терека до его соединения с Малкой северный гребень, который также называется Ахловише, удален на 10—15 верст

и кончается на западе у Джулата и на востоке — у Брагуна, у впадения Сунжи.

Другой, называемый Беланша, проходит параллельно ему на десять верст южнее, в тридцати верстах на севере от начала Кавказских гор. Он заканчивается на западе у реки Урух и на востоке у Сунджи напротив Четгиенцишской деревни Альда. Он тянется в поперечнике на пять верст. Оба этих хребта возвышаются в самых высоких местах на шестьдесят саженей над водной гладью Терека.

Их остов в основном состоит из грубого песчаника, а покрытие — из серо-желтой глины. Здесь нет никаких следов минералов, за исключением источников нефти и следов серы.

В их средней части нет совсем каких-либо источников и ручьев, их только можно видеть на западе, особенно на втором гребне.

На его северных отрогах в тридцати пяти верстах от Терека на восток протекают следующие девять небольших ручьев:

1. Псугабше
2. Саре-Су (по-татарски «желтая вода»).
3. Мандох
4. Асокай
5. Яман-Кул (по-татарски «плохой крестьянин»), между этими последними находятся деревни Боташова.
6. Курп — самый большой из них и единственный из всех, который не теряется в долине, а течет на север через Ахловишский гребень и возле деревни Александрия впадает в Терек.
7. Кискель
8. Джариква
9. Пседах.

Все эти речки шириной всего в несколько шагов, но их берега отвесны и высотой в несколько саженей. Их дно состоит из желто-серой глины и поэтому их вода мутная.

Навстречу этим рекам течет ручей Киршин, вдоль южной части второго гребня с востока на запад и впадает в Кумбалей недалеко от его впадения в Терек. В него впадают различные источники и в особенности справа ручей Сеюква, воды которого прозрачные.

Между обоими гребнями протекают ручьи Бдайя и Акбаш (по-татарски «белая голова»), стекающие вместе в Терек, воды которых чисты и прозрачны благодаря песчаному грунту. Они известны благодаря имеющимся в них хорошим лососям. И, наконец, ручей Копян, который течет с западного конца более северного гребня и через несколько верст теряется в степи. Между этими гребнями, Тереком и отрогами Главного хребта все плоско и находится так называемая степь. Однако она поднята над горизонтальной поверхностью северо-восточного Терека на пятнадцать саженей и постоянно, хотя и незаметно, поднимается в сторону гор. Эта степь очень плодородна, и в

конце июля все растения в ней еще зеленые и свежие, так как они освежаются благодаря удобрениям, стекающим из многих рек, а также прохладному горному воздуху.

В это же время в долине у северного берега Терека уже все выжжено и высушено жарой и отсутствием влаги.

На берегах упомянутых выше рек растет немного леса, северный гребень в своей западной половине совсем голый, а южный покрыт зато густым лесом, который на северном гребне совершенно отсутствует.

Восточные же отроги этих гор, тянущиеся в направлении Сунджи, наоборот, покрыты лесом, и там растут даже липы.

После этого физико-географического описания Малой Кабарды я хочу описать положение ее деревень, каким оно было до последнего времени (в 1806—1807 годах), так как с тех пор большинство из них покинуты или разрушены; и, вообще, Малая Кабарда потеряла таким образом много населения, так как черкесы ни на что не обращали внимания, поджигая дома, и присваивая себе тут же захваченное добро только что умерших жителей.

У самой южной точки подножия Главного Кавказского хребта лежат деревни Эльмурзина и Барукина; первая у ручья Хиттегибс, который впадает в Ордан (на языке осетов Аре-Дон — Бешеная река), вторая у Пога или Фиага, который у русских называется Фок или Фока.

Самая западная деревня — Анзори у Лескена, у северного подножья северного гребня. Это три самых больших деревни, каждая из которых насчитывает, вероятно, около пятисот семей. На восточном берегу Терека лежат напротив Татартупа три деревни, две из которых удалены друг от друга едва ли на пятьсот шагов. Самая южная из них называется Туфарта, а северная Елтуха. Третья, удаленная от них на двадцать верст к северу, называется Кукулдуквехе. Каждая из них насчитывает, пожалуй, около восьмидесяти семей.

У ручья Бдайя, начиная от его истока вниз на шесть верст, лежат восемь деревень Шалох, находящихся друг от друга на одинаковом расстоянии.

В среднем каждая из них насчитывает по сорок семей; таким образом, здесь живут около 320 семей. Недалеко от ручья Бдайя, двумя верстами севернее, лежит деревня Пщиткау, и еще двумя верстами дальше — деревня Дюшнога; каждая из них насчитывает по сорок семей.

Еще четыре версты севернее лежит у Акбаша деревня Кумдекватше, примерно на сто семей, и она является самой северной.

У подножья южных гребней лежат у ручья Асокай три деревни, удаленные друг от друга на две версты и насчитывающие каждая по пятьдесят семей.

И, наконец, у ручья Яманкул расположены по обеим сто-

ронам большие деревни Боташова, в которых вместе насчитывается около 300 семей; они являются самыми восточными в округе Тау-Султан.

Таким образом, население до последнего времени насчитывало около 2690 семей, теперь, оно, должно быть, уменьшилось вдвое.

Приведенные названия деревень так же непостоянны, как их положение, название дается обычно по имени главной семьи, которая владеет деревней, а чаще они названы по особым именам самого старшего из узденей, после смерти которого деревня называется по имени его наследника.

Положение деревни еще более непостоянно, так как через несколько лет, по мере того, как истощаются поля и вырубаются леса, деревни переносятся на другое место.

Пятьдесят лет тому назад все эти деревни находились немного южнее на реках Кизил, Меремедик, Ордан и Псехуш. Так как они подвергались набегам народов, живущих в горах, то они отодвигались от них все более сначала к южному гребню и наконец передвинулись на другую его сторону.

Ко второму округу Малой Кабарды, который называется Шлахстан, принадлежит только одна главная деревня, называемая черкесами тоже Шлахстан с несколькими соседними поселениями, которая находится у ручья Пседах с северо-восточной части южного гребня. В ней живут княжеские семьи Ахлау и Мудар со своим окружением, а всего в ней насчитывается около пятисот семей.

Русские называли раньше эту деревню Кургокина, по имени князя Кургок Ахлау, а затем Койтукова, по имени князя Койтука Ахлау, а теперь наконец она зовется Ахлови или Ахлау Кабак.

Эта черкесская княжеская семья жила первоначально на Сундже, в долине ручья Насран или Насиран, откуда она переселилась сюда примерно около восьмидесяти лет тому назад, так как ее очень беспокоили набеги соседних с ней чеченцев и карабулаков.

Насиран — маленькая река, текущая с северо-востока, с болотистым дном, с ясной проточной водой, по берегам которой много камыша и кустарников и которая из-за болотистого дна непроходима, кроме тех мест, где имеется брод. Эта река впадает с левой стороны в Сунджу, недалеко от восточных отрогов второго гребня, и имеет по своему течению теплые источники, которые называются Павловскими. Трудности перехода, высокие вершины и сама Сунджа, которая протекает между гор, поросших лесами, образуют здесь очень узкий проход, который после Татартупа является наиболее важным из постов, который мог сдерживать жителей гор, кабардинцев и чеченцев. Он укреплен и получает все необходимое благодаря своему положению в природе.

В нескольких верстах севернее этого ручья, недалеко от западного берега Сунджи, находится надгробный памятник со сводчатой крышей, состоящей из шестиугольной гробницы, каждая сторона которой имеет ширину в одну сажень и высоту полторы сажени.

С южной стороны имеется вход, шириной в три фута и высотой менее человеческого роста. С обеих сторон этого входа сооружены стены, толщиной более чем фут, для защиты от дождя. Внутренний поперечник гробницы составляет около двух саженей, а под нижней частью имеется подземный свод во всю ее ширину и глубиной примерно на семь футов, в его восточной части находится пещера кубической формы, шириной в три фута.

К этому своду ведет открытое отверстие в полу диаметром около трех футов и края которого скошены в одну сторону, чтобы можно было его закрыть каким-нибудь подходящим камнем, отсутствующим теперь.

Памятник сооружен из камней квадратной формы и скреплен по углам твердой известью.

Над входом видна неясная надпись из трех строк, которая, однако, по словам Гюльденштедта, не может быть расшифрована. Исходя из перевода, сделанного одним из сопровождающих его лиц, это надгробье принадлежало известному Малекарии Заноби, а надпись была сделана Али Султаном.

Он нашел в одном из сводов шесть покойников, лежащих друг возле друга, под которыми можно было видеть примерно еще столько же. Их тела лежали в гробах, сделанных из пяти гладких дубовых досок, а именно: одна находилась внизу и по две по сторонам лежали косо одна на другой; с обоих концов они закрывались пятиугольными досками. Тела лежали на спине головой на север, и они почти не разложились; одни сохранились полностью, а у других руки и ноги были выдернуты из суставов. Все они лежали в саванах, покрой которых, однако, уже нельзя было различить. Насколько можно было разобрать, саван начинался от горла и, не закрывая головы, свободно падал к ногам. Некоторые саваны были сделаны из белой хлопчатобумажной материи, а другие были сшиты из шелка, совершенно желтого и красного с пестрыми и золотыми цветами.

Тела принадлежали частично лицам мужского пола и частично женского, они совершенно высохли и представляли собой большей частью скелеты, обтянутые кожей.

С восточной стороны в стене было проделано четырехугольное отверстие, в котором находились лежащие прямо заяц и охотничья собака, высушенные одинаковым способом. Правда, они оба были лишены волосяного покрова, и у зайца была отрезана половина уха, но в остальном они сохранились без повреждений.

Легенда о том, что заяц, преследуемый охотничьей собакой,

хотел спастись в гробнице, а затем они оба сохранились благодаря природе склепа, кажется тем более невероятной, что в этом случае голодная собака должна была оставить зайца невредимым, откусив у него только одно ухо.

Гниению этих тел препятствовали, с одной стороны, совершенно особая худощавая конституция людей, а с другой стороны, особое положение места погребения, сухость почвы и воздуха, а также жаркий климат. Эта традиция, называемая баргунка-кеханах или погребение неразложившихся тел, не сохранилась со времени сооружения этой гробницы. Однако, вероятно, эти покойники были магометанами, о чем говорит надпись арабскими буквами и свидетельствуют имена Малек, Санаби и Али Султан, хотя способ погребения отличается от обычного.

В этой местности в нескольких верстах от этой гробницы, на восточных берегах Сунджи, видны могилы, покрытые грудой камней или плохими каменными сооружениями пирамидальной формы, так как еще восемьдесят лет тому назад здесь жили, как было уже выше отмечено, кабардинцы.

Примерно в десяти верстах в сторону от гробницы в степи, на берегу Сунджи, на небольшом холме находится надгробный камень из песчаника толщиной в несколько вершков, в который вделан крест в форме розы.

Совершенно особенная гробница, по всей видимости, самая древняя в Малой Кабарде, находится на восточной стороне ручья Яман-кул, примерно в трех верстах от Боташова-кабак, в северной долине под вторым гребнем. Эта гробница состоит из камней квадратной формы и вокруг нее имеются еще около 100 небольших холмов земли, так называемые бугры, которые, вероятно, были могилами слуг князей, лежащих в гробнице.

Сооружение имеет восьмиугольную форму, и каждая из его сторон имеет ширину в сажень.

В стенах, обращенных на юг, имеется скошенная дверь. В стенах, расположенных на восток и запад, видны находящиеся друг против друга окошки в полутора саженях над землей. Сами стены имеют высоту в две сажени. В центре сооружения имеется глубокий свод, и здесь можно видеть края отверстия, ведущего в него. Там находится так много камней, что нельзя было увидеть останки покойников.

Западная часть сооружения почти совсем разрушилась, а ее стены имели толщину около двух футов.

На камне, стоящем над дверью, вырублена надпись из трех строк на татарском языке, из которой сохранились только слова: Кабан-Хан, сын Бердибега, в 860 году (1455 год нашей эры).

Бердибег был ханом Хабдтака и сыном Джанибега, после которого он правил в течение 1357—1359 годов.

Если упомянутый в надписи Кабан-Хан действительно был

сыном этого Бердибега, то ему должно было быть тогда более 100 лет, что не является редкостью у татар-кочевников.

Повсюду в Малой Кабарде крестьяне, работающие в поле, и пастухи сооружают по краям полей и пастбищ небольшие земляные укрепления с деревянными помостами для защиты от нападений. Эти сооружения, непреодолимые для горных разбойников, состоят из двойных плетеных стен выше человеческого роста, между которыми насыпана земля высотой в четыре фута и где проделаны бойницы (отверстия для стрельбы). Обычно над всем этим имеется соломенная крыша, под которой можно хранить материал для посева, всевозможные земледельческие орудия, а также спать самому.

Узкий вход обычно загорожен двухколесными татарскими арбами. Для пастухов имеются сооружения из балок, лежащих одна на другой, на четырех столбах, возвышающихся на четыре сажени над землей, которые также снабжены бойницами.

РАФАЭЛЬ СКАССИ

Рафаэль Скасси — коммерсант, пытавшийся установить торговые отношения с прибрежными черкесскими племенами. Впервые Скасси побывал с торговой целью в Черкесии в 1811 г. Главным районом его деятельности стали окрестности Анапы и Суджук-Кале (Новороссийска), где жили натухайцы. Скасси пользовался поддержкой, с одной стороны, русского командования, а с другой — черкесских феодалов. В частности, на первых порах ему покровительствовал комендант Анапы генерал Бухгольц, женатый на черкешенке. Влиятельным кунаком Скасси в Натухае являлся князь Магомет-Индар-Оглы. Одно время он сотрудничал с Тебу де Мариньи. Впоследствии Скасси стал чиновником Министерства иностранных дел и в звании «попечителя» торговли с горцами развернул еще более активную деятельность по вовлечению черкесов в свои коммерческие предприятия. Однако деятельность Скасси натолкнулась на противодействие со стороны Ермолова, командовавшего в то время войсками на Кавказе. Русские власти на Кавказе не доверяли Скасси, который, однако, продолжал пользоваться поддержкой Министерства иностранных дел, возглавлявшегося Нессельроде. В 1828 г., во время русско-турецкой войны, у Скасси произошло столкновение с адмиралом А. С. Меньшиковым, руководившим осадой Анапы. На этот раз Скасси едва избежал привлечения к судебной ответственности и был уволен с государственной русской службы.

Длительное общение Скасси с прибрежными черкесами дало ему возможность узнать многие стороны их жизни и особенно близко ознакомиться с их социально-экономическим строем. Публикуемая ниже записка Скасси представляет как бы краткую сводку всего того, что было известно Скасси о черкесах и прежде всего об их торговых связях с Россией.

I. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСКИ О ДЕЛАХ ЧЕРКЕСИИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ГОСПОДИНОМ СКАССИ В 1816 ГОДУ

Г. Скасси в 1811 году прибыл в Анапу, снабженный рекомендательными письмами от герцога Ришелье к коменданту этого города и к коменданту Суджукале. Он принял намерение проникнуть в Черкесию и склонил на свою сторону кое-кого из черкесов, живших поблизости Анапы и часто приходивших повидаться с генеральшей Буколец, урожденной черкесской княжной: она была захвачена в плен при взятии Анапы графом

Гудовичем и была воспитана графом Коковским. В сопровождении Измаила Базаша, князя Нотокайги (Натухайского) и двух его людей, он перебрался через Анапскую заставу 20 октября 1811 года в 9 час. вечера, перешел через горы, отделяющие Анапу от Суджукале, и посетил наиболее видных князей натухайцев: те были информированы провожавшим его о торговых проектах его и об генуэзском* происхождении и приняли его как друга. Исходя из их потребностей, Скасси искал наиболее подходящих средств, чтобы начать их цивилизовать. Привычка к независимости и привычка безо всякого различия обращать в рабство всех тех, кто имел несчастье попасть в их руки, препятствовали им установить свободную торговлю с цивилизованными народами, и они оставались на первобытной ступени общества. Мало изменения произошло в их нравах со времени Милян. С натухайцами Скасси завел связи главным образом потому, что, обитая по берегу моря, они более подходили к его проектам, а народы, живущие позади их, по необходимости должны были зависеть от их торговли. Установив эти первые связи, Скасси возвратился в Анапу, а потом к герцогу Ришелье, который пригласил его искать средства использовать леса этой страны, чтобы вывозить оттуда. строительный лес для императорского флота. Для этой цели и чтобы приобрести доверие народа, Скасси отправил в Анапу русское судно с грузом соли, железа и других предметов первой необходимости для черкесов да и сам сухим путем направился в Пшад в сопровождении своих первых провожатых. От князя Индакон он получил надежду на добрый прием и судну и его экипажу. По прибытии его жители скоро увидели, что та торговля, которую им теперь предлагали, предпочтительней той, что они видели с турками, и доверие их выросло... *(пропуск в тексте)*. Тем доверием, которое он внушал, он способствовал и тому спокойствию, которое царило в окрестностях Анапы и той торговле, которая там производилась в последний год войны с Турцией (См. удостоверения и сообщения коменданту).

Обещания, данные графу генералу Буколец при эвакуации Анапы по Бухарскому договору, вождями натухайцев жить в добром согласии с русскими, не были обмануты, ибо они не захотели ввязываться в заговор Назира-эфенди и Навронов (вероятно, Навруза) для эмиграции ногайцев Егоровских.

Более ознакомившись с привычками и нравами страны, Скасси несколько раз присутствовал на съездах, случающихся часто, где решают дела одной или нескольких народностей. При одном из этих случаев он предложил обменивать соль и железо на строительный лес. После некоторых дебатов про-

---

* Они знали генуэзцев по преданию. По имени черкесы знали только турок, которым продавали своих девушек, русских и с некоторых времен французов.

изошло соглашение и было позволено приставать с этим грузом всякому судну, которое будет носителем пурконака*. потом он требует срубить 700 бревен в Пшаде, чтобы испытать их добрую волю. Герцог Ришелье по возвращении Скасси в Одессу предложил ему взять на себя поставку строительного леса, нужного для складов Черного моря, и представил о том морскому министру.

В начале 1811 года прибыла в Анапу по приказанию министра комиссия, составленная из трех морских офицеров, чтобы получить понятие о лесах этой страны и о средствах к эксплуатации строительного леса. Эти офицеры вынуждены были вернуться, не получив ни малейших сведений ввиду невозможности проникнуть вовнутрь страны и отказа князей, которые были на этот предмет приглашены в Анапу. Скасси получил самое великое доказательство безопасности, какою он мог пользоваться у этих народов, когда герцог Ришелье поручил ему свезти в Анапу Гуссейну-паше фирман Порты, относившийся к миру 1812 года. Этим фирманом Порта повелевала паше передать России пленников-дезертиров и весь скот, который черкесы угнали с границы. Скасси сел на корабль в Феодосии. Противный ветер препятствовал ему высадиться в Анапе. По его приказанию капитан приблизился к берегу и Скасси вылез на этой земле, негостеприимной для всякого другого. Он был один, одет в местный костюм. Сбежались пастухи, видевшие его высадку. Скасси поименовал им своих кунаков и тогда получил от них всякую помощь, в какой он нуждался для прибытия в Анапу. Паша выяснил ему невозможность выполнить те повеления, которые он ему привез, т. е. Высокая Порта не имела над этим народом никакого авторитета. Одна только торговля могла бы освободить наших русских пленников и было бы на то достаточно чрезвычайно умеренной суммы.

В 1814 году, когда Скасси имел в своем распоряжении судно, предназначенное на перевозку леса, самые замечательные натухайские князья в отсутствие русских авторитетов на границе передали свою полную власть рубить леса и просили через посредство генерала Буколец уверить герцога Ришелье в искренности их обещания и в добром приеме, который они окажут всякому судну, какое пристанет к их берегу с паспортом (пурконаком) от Скасси...

Скасси отправился в Севастополь, где для этой первой экспедиции был приготовлен транспорт «Дунай». Весь город был убежден в нашей гибели — сообразно общему мнению, какое имели об этом народе и главным образом вследствие

---

* Такере или паспорт, адресованный князю того места, где должно пристать судно, и снабженный печатью конаков (кунаков) или князем-покровителем.

рапорта командира корабля «Рион», в котором он предупреждал адмирала, якобы жители Пшада из всех этих народов самые что ни на есть варвары, самые злодеи.

...Мы подняли паруса 11 июня в Каези, чтобы принять немного соли и других товаров, необходимых для обмена на лес. За два дня плавания мы прошли в Пшад. Я переехал на землю в маленькой лодке с одним офицером и шестью матросами. В большом числе сбежались обыватели, дружески нас приняли и, чтобы внушить нам больше доверия , к нам на борт прибыл сам князь пшадский. Офицеры и командир неоднократно ездили вовнутрь страны вместе со Скасси, чтобы обследовать леса и срубленные бревна, их повсюду чествовали, а между тем и в Пшаде и в окрестностях они насмотрелись довольно на своих земляков-русаков в рабском состоянии. Около двух недель мы оставались в Пшаде, где все сошло чрезвычайно спокойно. Сотня людей без оружия работала там спокойно на рубке и переноске подлежащего обмену леса, и нагрузка была закончена.

Князь Индаркан доверил господину Скасси по его просьбе своего сына и еще двух других молодых людей, родственников своих, чтобы показать им Крым и Питер, и как проектировал герцог. Но в виду отъезда герцога в Вену, Скасси доставил молодых людей обратно к родственникам после некоторого пребывания в Крыму.

27-го того же месяца мы вышли из Пшад и через три дня пришли в Севастополь.

Скасси продолжал свои дружеские отношения с этим народом, возил им соль и русские товары первой необходимости, чтобы отвратить черкесов от торговли с турками. Все суда, приходившие с его паспортами, встречали хороший прием.

В 1815 году раздор произошел между шапсугами и карантином в Бугазе. Шапсуги в большом числе собирались за Кубань и вся страна черноморских казаков была в тревоге. Индаркан со своими друзьями по моей просьбе противопоставил свое влияние, чтобы остановить неудовольствие. Генерал Бороздин, губернатор страны, лежащей на границе, приехал в Юугаз и просил Скасси. Все устроилось дружелюбно, и губернатор увидел сам, что может Скасси в делах страны. Эта часть границы никогда не была более спокойная. Дружба этих народов, возможность торговать с ними, положение мира с ними, преимущество рубки у них строительного леса такого качества, какого нелегко было бы найти в другом месте, все это заслуга Скасси.

Натухайцы, атокаи, пшадуки (бжедухи) и малые абазы (абхазы) — все в том же дружеском отношении с Россией. Потребовалось бы много жертв людьми и деньгами, чтобы погубить эти народы, и я даже не убежден в удаче. Находясь меж-

ду Мингрелией, Грузией и Крымом, они перехватывают сообщения между различными провинциями.

Они займут многочисленную и дорого стоящую армию страхом непредвиденных вторжений, если им постоянно не будет противопоставлено внушительных сил. В походы против них тщетно и пускаться. Их положение по месту, их бедность, их умеренность, их мужество, боязнь, чтобы русские не выгнали их в пустыни, опасения, внушенные им турками,— все эти причины сделали все усилия против них бесполезными, и если бы были лучше осведомлены об их обычаях и их привычках, их нравах, то испытывали бы средства более гуманно, чтобы прийти к той же самой цели.

Все мужчины с возраста 13—15 лет и до старости приучены носить оружие. Храбрость у них первая добродетель. Воспитание детей все направлено к тому чтобы внушить им величайшую храбрость, воздержанность, повиновение родителям и почтение к старикам. Вместо закона у них только обычаи, их язык не изображается письменными знаками. Единственное искусство, какое они знают, имеет отношение к их оружию и к украшению их одежды. Правительства у них нет. Князья имеют много влияния на народ, но никакого авторитета. Права собственности там очень незначительны. Их религия есть смешение ксанизма и идолопоклонства. С некоторого времени несколько князей приняли магометанство, чтобы понравиться туркам, но в общем они атеисты. У них нет попов, нет храмов и самые древние те, что совершают моления при всех собраниях. Между собою они гостеприимны.

Какая бы ни была выгода соединить под единую администрацию в Севастополе и складочное место и арсенал в нескольких днях расстояния от неисчерпаемых лесов, значительные издержки на верблюдов стали бы ненужными.

II. КРАТКОЕ ИЗВЛЕЧЕНИЕ. ЗАМЕТКА О ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЯХ С ЧЕРКЕСИЕЙ

Причины настроенности черкесов, их ненависти против России таковы:

1. Дурное поведение запорожских казаков и других чиновников правительства против них.
2. Следствие внутренних войн.
3. Пророчество, существующее между ними, якобы они должны быть погублены Россией.
4. Подстрекательства турок.
5. Надежда захватить пленнников и... (пропуск).

Шапсуги, самые бедные между черкесами, наиболее склонны к набегам. Одна лишь торговля может искоренить эти пред-

рассудки. Только через посещение их просвещаются люди. Момент благоприятен, чтобы отстранить турок и сблизить черкесов с нами,— чума, которую они только что пережили, склоняет их к тому.

В конце сентября 1816 года я в различных местах Кубани через посредство моих друзей собрал самых замечательных людей, и мне показалось, что они очень расположены и переменить свое поведение по отношению к России, и принять на себя обязательства, чтобы пользоваться лимитрофною торговлей и раздобывать себе то, в чем нуждаются, и не были бы более принуждены приносить болезненную жертву своими дочерьми, которых требуют турки.

Они же видели уже пример в моих устроениях в Пшаде и т. д.

Для того, чтобы торговля эта была полезна государству, необходимо ее основать на следующих предложениях.

1. Освободить ее от всяких препон, не необходимых абсолютно для общественного блага.

2. Облегчить русским средства продавать черкесам дешевле, нежели турки, и покупать черкесские товары за более дорогую цену, чем турки.

3. Устроить для русских купцов облегчения, чтобы они могли быть снабжены всем тем, что необходимо для потребления черкесской страны.

Меры, принятые, без сомнения, в пользу казачьей казны, запретили свободу меновых рынков. Их отдали предпринимателям, которые откупили также водку и рыбные ловли. Эти предприниматели пренебрегают деталями рынков и сводят все на одну соль, тогда как черкесам нужны и другие товары. А цена соли ими так поднята, что черкесы предпочитают искать ее на очень большом расстоянии от себя в Анапе. Турки же с очень большими издержками принуждены приезжать с Мраморного моря или из Анатолии закупать русскую же, крымскую соль в Козлове и везти ее в Анапу. И тем не менее они ее продают черкесам дешевле, чем русские. Этой мерой рубится связь, которая могла бы удерживать черкесов в нашем соседстве; таким образом, на плохом понимании основанная скаредность предпринимателей приводит эти народы к тому, чтобы разбоями добывать себе то, чего они не в состоянии закупить за свои продукты. Абсолютно необходимо иметь свободные рынки на границе Кубани и особенно в Бугазе.

Таможню в Бугазе необходимо уничтожить, чтобы привлечь черкесов, а то они идут снабжаться в Анапу всего лишь за 45 верст расстояния. Интересно было бы отвратить их от тех связей, которые там завязываются у них с турками. Открытие порта в Карачи хотя для торговли по черкесскому морю, свободное проникновение к нам черкесских продуктов суть неизбежные меры, сближающие нас с этими народами. Но

эти меры нужно принять в согласии с законами общественного здравия, одинаково соблюдаемого вдоль границ Кубани, Кавказского правительства и в Карачи для морской торговли. Все эти пункты зависят от разных авторитетов, но нужно их подчинить одному надзору в едином лице, которое постоянно могло бы объезжать все эти места. Это легко могло бы привлечь доверие черкесов, которые усмотрели бы в этом гарантию мирных намерений.

Торговые сношения с подобными народами трудно установить в самом их начале, их продукты для спекулянтов не представляют тех же преимуществ, как товары Анатолии, где происхождение их определенное и дела упорядочены. Пока эти сношения не войдут в правильную колею, надобно было разрешить доступ черкесским продуктам безо всяких обложений. Керченский порт, древний центр торговли для этих народов, подходит для этой цели. Кругом соляная добыча. Без расходов и потери правительство может керченской торговле разрешить такие же прерогативы, как и в Козлове. Карантин, удаленный от города на 6 верст, с гораздо большими средствами и меньшим риском, чем в Козлове, может наблюдать за судами, проходящими из Черкесии.

Теперешнее требование таково, чтобы суда, приходящие из Черкесии, разгружали свои товары в Керчи и выдерживали там карантин 42 дня. А потом им разрешают идти грузиться в Керчь солью и другими товарами. Отсюда получается, что ни один капитан не соглашается проделывать эту дорогу, даже за двойное вознаграждение (фрахт), какое он получил бы в Константинополе. Туда и обратно к берегам Черкесии — это дорога, по меньшей мере 13 дней. Как же идти терять шесть недель в Феодосии, чтобы потом грузиться в Керчи? Если бы позволили грузить в карантине в Керчи, как в Козлове, жители Керчи и Еникала повернули бы свои капиталы в эти обороты. Видимость недостаточно убедительна, чтобы решить в пользу сказанной торговли. Продукты Черкесии не довольно значительные и не представляют достаточно выгоды, чтобы идти обычной дорогой с соблюдением систем тарифов и местностей. Значит, нужен свободный доступ без оплаты для черкесских продуктов, снабженных сертификатами о происхождении и пришедших под русским флагом, а равно и уменьшение выходных пошлин на русские товары, идущие в Черкесию.

ЗАМЕТКИ О СНОШЕНИЯХ С ЧЕРКЕСИЕЙ И УСТРОЙСТВЕ ПОРТА В КЕРЧИ

Скасси сделал определение покупать строительный лес. Этот лес был лучшего качества, нежели польский лес, которым пользовались на верфи в Николаеве и Херсоне. Служба кораблей была бы двойной продолжительности.

В 1816 году воспоследовал указ Е. И. В. морскому министру относительно помощи Скасси в этом деле. Для этой цели отпустили контрагенту Скасси 100 000 пудов соли по 5 коп. за пуд из Керченских соляных складов. Расходы по перевозке на его счет. Были даны распоряжения по портовым управлениям Черного моря, чтобы облегчить операции Скасси. Вопреки этим распоряжениям, вопреки покровительству графа Ланжерони и содействию адмирала Грейга, Скасси ничего не встретил, кроме препятствия и препон. Не возлагая никаких надежд на морское министерство, Скасси стал думать о средствах обойтись без адмиралтейства. Он предложил правительству образовать транспортную флотилию.

Флотилия состояла бы из 12 судов-бригов и корветов и 2 лодок и стоила в общем 422 000 руб. Годичное содержание 82—85 тыс. руб., включая радуб (ремонт) и экипаж флота, находившегося в распоряжении графа Ланжерона. Флотилия должна была бы снабжать крепость и гарнизоны Мингрелии и Крыма, которые часто попадали в положение недостатка во всем самом необходимом. Это стоило бы правительству 500—600 руб. в год фрахта за чужие суда. В то же время это было легким средством доставлять лес из Черкесии, сдав провиантскую муку на соседнем берегу.

Морской министр не мог представить никаких возражений против общеизвестной полезности этого проекта, но он все-таки напал на него и достиг своей цели, сославшись на то малое доверие, которое он внушает: высаживая на этот берег русских офицеров и матросов, подвергаешь их опасности, несмотря на дружбу, которую некоторые друзья -де могут питать к г. Скасси лично.

Сношения с черкесами поддерживались на личные пожертвования Скасси.

Казенная соль в 1816 году продавалась в Евпатории на берегу моря по 45 коп. пуд без всяких издержек. Скасси затребовал ее в Керчи, где транспорт к морскому берегу увеличивал, по правде сказать, ее цену на 10—15 коп. Но казалось более выгодным грузить ее именно в этом порту, по причине близости его к берегам Черкесии, не сомневаясь в том, что может быть запрещено грузить соль в карантине, когда в проливе

Кни-Кале со стороны Керчи грузили и разгружали хлеб с борта судов в карантине, приходящих из Таганрога. Никаких облегчений со стороны управления Таганрогского и Феодосийского портов, между которыми разделяется авторитет над городом Керчью.

Привезши соль в Керчь, часть ее Скасси переправил в Камиш-Бурун, потом в Тарк-Буру и Порто-Каравии, где грузились зафрахтованные ими корабли. Все эти перевозки подняли цену соли до 27 с половиной копеек за пуд.

Позиции черноморских казаков на Кубани были в совершенном покое с 1812—1818 гг. (исключая нескольких случаев индивидуального мелкого воровства) и если бы повеление Е. И. В. от февраля 1817 года о водворении нескольких князей на берегах Кубани сопровождалось открытием меновых рынков, проектированных Скасси, то это их спокойствие никогда бы не нарушалось. Но князья-соседи, которые позволили себя уговорить собраться на съезды 1816 г. в Екатеринодар, Чемолеза, Бугаз, чтобы образовать эти учреждения, отдалились в силу неисполнения обещаний, им сделанных, а неблагонамеренные элементы внутренние, подстрекаемые турками, начали возвращаться к прежним привычкам, к разбою.

Берег Черного моря, который даже еще в 1811 г. был столь опасным, стал в своей части гостеприимным. Индар-Оглу, Алихан-Гирей, Джюмбеш-Оглу от Геленджика и до Субеша доставляли всяческую безопасность судам, которые посещали их берег в адреса этих князей, чтобы производить торговлю. Дружеский прием тех, кто туда являлся с 1811 года, дает в том гарантию. Караблекрушение судна Скасси «Морская ласточка» (быстроходное легкое двухмачтовое судно) произошло 28 августа 1820 г., в эпоху, когда все эти народы жаловались на недостатки исполнения обещаний и на отсутствие Скасси. Во время ужасной бури, которая сорвала этот корабль с его якорей, князь Индар-Оглу подавал пример, он со своими сыновьями выехал в лодке, борясь с волнами, на помощь экипажу судна. Все те, кто сбежался на берег, присоединились к Индару. Спасши весь экипаж от опасности для их жизни, эти благородные черкесы расточали им всяческие заботы — одевали их, кормили, провожали их до русской границы через свои горы с проводниками и конвоем на защиту их от шапсугов, как рапортовал офицер, командовавший «Ласточкой».

Для достижения предложенной цели нужно убедить себя в необходимости снять у черкесов их страх перед нападением с нашей стороны, а единственное средство к тому — это ничего не основывать, кроме торговых предприятий.

Потом можно строить и крепости, но с очевидной целью защищать черкесов от нападения со стороны их соседей.

27 русских пленников были выкуплены в мес. октябре в 1816 г. частью на товары всего на сумму 8850 руб.

Общая ус. сумма расходов Скасси по устроению в Пшаде достигала суммы 157 721 руб.

Корабль «Ласточка» ценился в 28 745 руб.

Петербург, 20 июня 1721 года.

ЖАК-ВИКТОР-ЭДУАРД ТЕБУ ДЕ МАРИНЬИ

(1793—1852 гг.)

Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи принадлежал к французской аристократической семье, сильно пострадавшей во время Великой французской революции. В 1809 г. он переехал на Юг России и поступил на русскую службу, которая главным образом протекала на Черноморском побережье Кавказа.

В 1813 г. Тебу де Мариньи был в Анапе, в 1818 г. участвовал в экспедиции к берегам Черкесии. Это позволило Тебу де Мариньи близко ознакомиться с причерноморскими племенами адыгов — шапсугами и натухайцами. Большую помощь ему в этом оказал на первых порах Скасси. В конце апреля 1818 г. Тебу де Мариньи вместе с Скасси отплыл на специально построенном легком судне «Черкессия» из Алушты в Геленджик, куда прибыл 2 мая. Здесь его судно простояло до 16 мая, а затем он отплыл к устью реки Пшады, откуда в конце мая возвратился в Крым. (Керчь). Через месяц Тебу де Мариньи снова повторил этот рейс: 1 июля он был в Геленджике, 11 июля — в устьях Пшада, 22 июля — вернулся в Крым (Феодосия).

Подобно Скасси, Тебу де Мариньи пытался установить дружественные отношения с натухайцами и шапсугами путем развития с ними торговли и обмена. В этом его поддерживал тогдашний херсонский военный губернатор и одесский градоначальник граф Ланжерон. Однако эти планы встретили противодействие со стороны кавказских военных властей, что, по-видимому, заставило Тебу де Мариньи оставить русскую службу.

В 1821 г. Тебу де Мариньи стал нидерландским вице-консулом портов Черного моря; в 1823—1824 гг. по заданию нидерландского правительства он, объезжая берега Черного моря, снова несколько раз посетил Черкесию. В 1830 г. становится нидерландским консулом в Одессе, где оставался до конца своей жизни.

Тебу де Мариньи был активным членом Одесского общества истории и древностей, входил в состав издательского комитета этого общества. Свои путешествия в Черкесию Тебу де Мариньи впервые описал в книге, изданной на французском языке в 1821 г. в Брюсселе (Путешествие 1818 г.), которая была затем переиздана (с включением описания путешествия 1823—1824 гг.) Клапротом с его примечаниями во II томе «Путешествия в астраханские и кавказские степи» Яна Потоцкого (Париж, 1829 г.). Третье издание (также на французском языке) с описанием путешествий

1818 и 1823—1824 гг. вышло в 1833 г. (Одесса и Симферополь); четвертое издание (на английском языке) — в 1837 г. (Лондон).

Дневники путешествий Тебу де Мариньи содержат разнообразный материал по этнографии причерноморских адыгов, ценность которого определяется главным образом тем, что он основан на непосредственных личных впечатлениях автора. Хотя Тебу де Мариньи совершал свои путешествия преимущественно с коммерческими и политическими целями, он уделял большое внимание не только хозяйственному и общественно-политическому строю черкесов, но и их общественному и семейному быту, религиозным верованиями и духовной культуре. По всем этим вопросам читатель его дневников найдет по большей части свежий и оригинальный материал.

ПУТЕШЕСТВИЯ В ЧЕРКЕСИЮ*

Путешествие в Черкесию в 1818 году

Общий взгляд на страну в то время

Черкесские народы населяют сегодня всю страну, расположенную между 43-м и 45-м градусами северной широты и 35-м и 45-м градусами восточной долготы (по парижскому меридиану). На севере она ограничена Кубанью и Тереком, которые отделяют ее от земель казаков-черноморцев и гребенцов; на востоке она граничит с Дагестаном; на юге — с Имеретией, Мингрелией и Грузией; наконец, на западе она выходит к Черному морю. Кажется, она была известна под именем Тур-ан, или Тауран, что должно означать «страна гор» на языке халдеев и финикийцев...

Мы в Европе знали эти народы под общим именем Circassiens. Русские называют их черкесы; некоторые предполагают, что это имя татарское, поскольку Tsher означает «дорога» и Kes «отрезать», что дает имени черкесов значение «отрезающие путь». Осетины и мингрелы называют черкесов «кезехи» или «казахи», что напоминает об употреблявшемся византийскими историками названии «Казахия».

Интересно, что черкесы сами себя называют только «адыги» (Adigheu); мы не находим следов этого имени в том, что оставили нам историки древности. Народности, проживающие за Кубанью и до самых высоких вершин Кавказа, а также те, кто занимает побережье, принадлежат к трем различным нациям: черкесам, абазам и татарам; я думаю, что между Кубанью и Сухум-Кале есть только абазы; их имя можно обнаружить в названии древних «Аббаса», а имя черкесов должно, вероятно, происходить от «керкеты»; возможно, натухайцы (Natoukhaitsi) берут

* Перевод осуществлен с третьего издания.

свое происхождение от ахейцев. Аппиан из Александрии утверждает, что эти последние были греками, которых, когда они возвращались после Троянской войны, забросило бурей в Понт-Эвксинский, где им пришлось много вынести из-за варваров; они послали некоторые из своих кораблей на родину-мать, где их встретили очень плохо и прогнали, что их привело в такой гнев, что они переняли обычай скифов и стали умерщвлять всех чужестранцев, которые приставали к их берегам. Сначала они приносили всех в жертву без различия, потом стали выбирать самых прекрасных и, наконец, еще позже жертвы стали выбирать жребием. Натухаи, которые являются одним из абазинских племен, живут к западу от шапсугов (Chapsoukhe), их территория простирается вдоль Кубани с запада на восток на восемь лье до ручья Кудака, на юге они примыкают к Большой Абазе, которая начинается за Пшадой у натухайцев, а на левом берегу Кубани обосновались татары, или черкесы, бывшие обитатели Таманского острова, который они покинули после занятия Крыма русскими; им дают название «островитян», среди них есть несколько крымских султанов.

Господин Клапрот оценивает население Кавказского побережья в 2 375 487 душ (в том числе:)

Черкесы — 51 130 семей...

Черкесы представляют собой в настоящее время удивительную картину свободного населения, которое остается неизменно в состоянии почти варварском, хотя окружены они более цивилизованными нациями. Они рассеяны вплоть до самых высоких вершин, разделены на народности с различными наименованиями и образуют целый ряд феодальных республик, которые возглавляют несколько князей. Только турки, со времени завоевания Восточной империи, имели с ними торговые отношения; и не сделав попытки завоевать их, удовлетворились обладанием крепостью Анапа на северной оконечности побережья, в восьми лье от устья Кубани, которая служит границей с Россией; они устроили там рынок для торговли с черкесами, у которых они приобретают девочек и мальчиков, некоторое количество зерна, воск, мед, бычьи шкуры, пушнину и т. д. в обмен на товары, ежегодно присылаемые из Константинополя и Анатолии. Эта торговля, которая приносит черкесам чуму и лишает их детей, неизбежно порождает заметное падение численности их населения. Крайняя любовь к независимости, воинственность, которую ничто не может укротить, делают их опасными для их соседей. Привыкшие с самого нежного возраста к суровой закалке тела, к пользованию оружием и управлению лошадью, они не знают другой славы, кроме победы над врагом, и другого позора, кроме отступления перед неприятелем; поэтому их видят нарушающими границы и нападающими на своих соседей, опустошающими их земли, крадущими их скот, забирающими в плен тех, кто избежал смерти. Даже море не является

препятствием для их разбойничьих набегов: на своих утлых барках они зачастую захватывают суда, подходящие к их берегам. Однако обычай, который остается неизвестным большинству людей и который существует у некоторых других варварских народов, должен рассеять опасения путешественника, если он хочет посетить их страну. Он состоит в том, чтобы выбрать себе хозяина, именуемого «кунак» (Konak), и достаточно знать его имя, чтобы обеспечить себе его защиту. С этого момента этот человек по отношению к своим компатриотам становится гарантом всех действий своего протеже, которому он оказывает знаки самого высокого гостеприимства и которого он ограждает от любого оскорбления; несмотря на свойственный им разбойничий дух, эти люди восприимчивы и отзывчивы на дружбу; это заметно особенно у натухаев, которые насчитывают 5350 семей и являются союзниками шапсугов, своих соседей, известных своей храбростью и насчитывающих до 10 тысяч семей.

Дневник моего путешествия

...Когда мы сошли на берег (в Геленджике. — *Прим. перев.*), черкесы окружили нас и, казалось, с нетерпением ждали услышать от нас имя нашего кунака; это должно было служить или залогом нашей свободы, или знаком к нашему порабощению; я сообщил им, что мы — люди князя Мехмет Индар-Оглы; они протянули нам руки и поздравили со счастливым прибытием.

...Их судно, так же как и все те, что я видел ранее, было плоскодонным, без киля, обшивка была прикреплена к очень тонкому каркасу судна гвоздями и нагелями из дерева. На носу возвышалось изображение головы животного, определить которое было бы весьма затруднительно, однако черкесы утверждают, что это была голова козла. Не было ли это сохранившимся на долгие годы воспоминанием о голове барана, изображение которой украшало нос греческого судна, приведшего в эти края Фрикса? Весла на их судах очень короткие, прикреплены к уключинам необыкновенной длины, и имеют поперечные перекладины для рук гребца. Они пользовались рулем и маленьким квадратным парусом. Многие из этих барок достаточно велики, чтобы вместить до шестидесяти человек; именно на таких барках они нападают иногда на невооруженные торговые суда, захватывая их врасплох на небольшом расстоянии от их берегов. Древние называли эти барки черкесов «камара».

Чтобы добраться до берега, я сел в барку вассалов Индар-Оглы, которые скандировали нараспев «арираша», своего рода рефрен, который черкесские гребцы исполняют на два голоса, сопровождая их движением своих весел, причем сила гребка зависит от тона рефрена; к этому скандированию они добавляют

комичные гримасы, что является одним из главных качеств хорошего гребца.

....Мы подошли по одной из тропинок, которые пересекают лес в различных направлениях, к жилищу, состоящему из четырех хижин, окруженных деревьями, и вошли в ближайшее помещение, предназначенное для гостей; оно состояло из одной комнаты, обмазанной глиной снаружи и внутри; в глубине комнаты имелся большой очаг наподобие татарского и с обеих его сторон нечто вроде соф, покрытых циновками. Стены украшали седла, уздечки и оружие...

....В восемь часов утра мы сошли на берег, куда нас пригласили; там мы встретили третьего сына Индар-Оглы, который заехал в Геленджик, узнав о нашем прибытии. Молодой князь по имени Касполет обращал на себя внимание приятной внешностью; мягкие черты лица предрасполагали в его пользу; он был высок, хорошо сложен и тонок в талии, как и все черкесы. Его одеяние, похожее на то, что я видел до этого, не имело ничего отличительного. Он был одет в широкие штаны из полотна, сужающиеся у колена, сюртук или тунику, которая служила также и рубашкой и была покрыта сверху одеждой такого же покроя из серого сукна, имевшей на груди с каждой стороны кармашки из сафьяна, служившие для хранения патронов; на ногах у него были длинные носки из серой шерсти без подошв, завязанные под коленями широкими завязками из фетра, туфли из сафьяна, очень закрытые, без подметок; на голове — колпак из бараньего меха. Его оружие состояло из ружья с маленьким округлым прикладом, висевшее на ремне в шерстяном чехле, очень широкого кинжала, пистолета, отделанного серебром, и сабли с рукояткой из того же металла, без щитка, изогнутой в форме ножа и вложенной в расшитые ножны, сделанные из нескольких кусков сафьяна разного цвета.

Предметами роскоши у черкесов считается прекрасное оружие, за которым они следят с величайшим тщанием; они обривают себе голову, но немногие делают это так же, как турки, и чуб на макушке у них куда больше. Старики сбривают себе бороду, а молодежь только подстригает бороду ножницами таким образом, что большая ее часть остается, чтобы подчеркивать их мужество. Они все носят более или менее длинные усы.

....По дороге мой переводчик рассказал, что у черкесов нет определенных часов для приема пищи и что они едят, когда почувствуют голод, но только кусок хлеба или просяной лепешки. Во время своих путешествий или набегов против соседей им на целый день хватает небольшого количества кислого теста. Эту пищу, которую называют «комил» (Komil), они держат в кожаном мешочке, притороченном к седлу; подобное воздержание прекращается по случаю приезда чужестранцев и в дни праздников: тогда они едят обильно, вкусно и в любое время.

При входе в дом черкесы отдают слугам все свое оружие,

которое тут же развешивается на стенах рядом с оружием хозяина, и оставляют при себе только кинжал, с которым не расстаются никогда. Из уважения к нам они оставались все время на ногах; если бы нас не было, все сидели бы, за исключением хозяина дома. Нам предложили вымыть руки, и сразу же после этого был сервирован обед на восьми маленьких круглых столиках, фута полтора в диаметре, которые с большой скоростью сменяли друг друга. На первом были сладкие и молочные блюда; на втором нечто вроде круглого пирога из просяного теста, посреди которого красовалось прекрасное рагу из курятины, приправленное большим количеством красного перца; я мало ел его, потому что было жарко и нам не хватало вилок; просяное тесто служило нам вместо хлеба. Далее шли соленое мясо, которое едят с медом, пилав, яйца и т. д.; по окончании обеда нам снова предложили вымыть руки.

Для черкеса постыдно есть быстрее иностранца; потому наш хозяин, молодой князь и его остальные друзья не принимали участия в обеде, они лишь ели наш десерт по мере того, как его выносили во двор.

Мы принесли с собой платки и иголки, чтобы приподнести их в качестве подарка хозяйке дома; но так как она не появилась вовсе, я их передал через моего переводчика, который поблагодарил ее и ее мужа за оказанный нам прием.

Мы салютовали князю при его отъезде тремя пушечными выстрелами. Он направлялся, как и другие молодые черкесы, в окрестности Суджук-Кале, где находился его отец, чтобы продемонстрировать ловкость в беге и скачках, которые в обычае по случаю годовщины похорон.

Поминки состоят обычно из молитв на могиле умершего и в большой трапезе для присутствующих. Несколько кусков ткани в руке быстрого всадника служат наградой самым ловким всадникам, которые на своих лошадях пытаются догнать этого всадника и отнять у него приз за скорость; различные упражнения такого рода завершают празднества.

Прекрасный пол здесь, хотя ему и предназначается самая трудовая жизнь, далеко не осужден, как, например, у турок, на вечное затворничество. Особенно девушки допускаются на все празднества, которые они оживляют своей игривостью, и их общество является одним из лучших способов отдохновения для мужчин, с которыми девушки общаются с величайшей непринужденностью.

Как только молодой человек делает свой выбор, он должен договориться о цене за девушку с ее отцом; выкуп состоит чаще всего из кольчуги, сабель, ружей, лошадей и нескольких быков. Когда сделка достигнута, молодой человек является, чтобы ее увезти, в компании со своим другом, который сажает девушку на круп своей лошади, позади себя. Все трое они галопом пускаются к жилищу одного из своих приятелей. Кум представляет

там девушку, которую устраивают в комнате, предназначенной для супругов; там она в одиночестве терпеливо ждет свое будущее, поддерживая огонь в очаге, который им заменяет свечи. Только после того, как все в доме заснут, приятель идет в лес за женихом, чтобы привести его к невесте. Прежде чем отдаться божественным радостям, которые их объединят, молодой супруг разрезает кинжалом корсет, который его супруга носит с пяти или шести лет; он сделан из сафьяна и снабжен двумя деревянными планками, которые накладываются на груди и из-за сильного давления мешают грудям развиваться; поскольку эта часть тела рассматривается как атрибут материнства, считается постыдным для молодой девушки показывать его присутствие. Корсет также очень тесно сжимает бюст от ключиц до живота веревкой, которая проходит через маленькие кожаные петли; часто для этой цели служат серебряные крючки, они его носят на себе даже ночью и снимают его только тогда, когда он износится, чтобы заменить его другим, не менее тесным. Таким образом получается, что черкешенка в день замужества имеет такую же талию, что была у нее в возрасте шести лет.

Никакая другая церемония, кроме увеселений, не служит для того, чтобы узаконить брак. На следующий день, на рассвете, муж покидает свою молодую жену, которая займет особый дом, который муж строит для нее при своем жилище, и где он ее будет видеть только по ночам, или же под строжайшей тайной, так как появление на публике вместе с супругой считается постыдным. Если муж богат, он сразу же уплачивает тестю стоимость, о которой они договорились; в противном случае это делается постепенно, и проходит иногда несколько лет, прежде чем цена будет выплачена полностью.

Обычай не видеть жен проистекает не из презрения черкесов к прекрасному полу; я думаю, наоборот, он изначально возник с целью продлить царство любви между супругами путем создания тех же трудностей, которые испытывают любовники, жаждущие друг друга, и благодаря которым их иллюзии сохраняются столь долго....

Черкесы делятся на три класса: первый — это класс князей, которых рассматривают как высших должностных лиц страны, и чье имущество зависит от числа вассалов, родственников и союзников, которых они могут собрать для участия в набегах, или же для защиты от набегов своих соседей. Их дочери довольно часто передают княжеское достоинство своим супругам, но полученный таким путем титул ниже завоеванного ратными подвигами.

Будучи мало в чем отличными от остальной части нации, они не испытывают стремления подчинить ее себе. Молодой князь, способный продемонстрировать в боях всю гордость, присущую его рангу, решится сесть в присутствии старика только с разрешения последнего. Единственная их прерогатива состоит

в праве дележа захваченной добычи и в получении пошлины с судов, заходящих в их края в коммерческих целях. Одна половина принадлежит им, а другая распределяется между теми, кто их сопровождает в военных походах, или теми, кто в данной местности зависит от них и кого иностранцы избирают для создания рынка для обмена товарами.

Различаюся два вида князей—«хануки» (Khanouks), которые не играют существенной роли, и «пши» (Pchis).

Второй класс составляют дворяне, и некоторые из них становятся очень могущественными благодаря союзам с многочисленными семействами; они являются оруженосцами князя и носят титул «ворков» (Vorks) или «уздени» (Uzdënes); так же, как и князья, они имеют право носить туфли красного цвета.

Вассалы, приблизительно такие же, какие существовали в Европе во времена феодализма, живут от отца к сыну в зависимости у князя, поля которого они обрабатывают в мирное время и которого они защищают на войне. Каждый из них имеет землю и скот, и князь на них не имеет никаких прав; князь не имеет также никаких прав на самого вассала, ни на его семью, причем вассал, если он недоволен своим князем, волен уйти и выбрать себе другого. Только в качестве меры наказания князь может продать своего вассала, и в этом случае дело должно быть разобрано на собрании. Их называют «тфлокотхлами» (Tflokothles).

Представители этих трех классов мало чем отличаются друг от друга в одежде и домашнем быту; даже можно сказать, что между ними царит полное равенство.

К этим трем можно прибавить еще и четвертый класс — рабов, захваченных во время набегов, которых они продают туркам или сохраняют при себе, их дети все обычно становятся вассалами...

Все иностранцы, попадающие им в руки и не имеющие кунака, пополняют ряды рабов; относятся к ним гуманно.

Трудно понять, как эти народы, сами имеющие рабов и считающие свободу первым из благ, могут решиться продавать своих детей; отец имеет такое право по отношению к детям; брат— к сестре, если у них нет родителей; муж также продает свою жену, уличенную в супружеской неверности. Зачастую это бывает единственным пожеланием девушки, если она красива и если она уверена в том, что ей удастся занять место в турецком гареме, что они предпочитают своему существованию в Черкесии. Не так редко они возвращаются на родину, получив свободу; то, что они рассказывают потом о радостях в этих тюрьмах сладострастья, и вид подарков, которые они оттуда привозят, убеждают многих других, которые просят, чтобы и их тоже продали. Однако очень редко своих детей продают князья.

....Черкес, которого я взял с собой, чуть не свалился в море, забираясь по трапу на борт; но, к счастью, я своевременно

ухватил его. Господин Тауш поздравил меня с этим и сообщил мне, что если бы он утонул, мне пришлось бы уплатить его стоимость его родственникам, которые, без сомнения, принудили бы меня к этому. Мое удивление по поводу столь странного образа мыслей побудили его рассказать мне несколько анекдотов относительно тех принципов, на которых строится у черкесов судебная процедура и которые приводятся как примеры величайшей справедливости.

Два черкеса вместе владели участком земли с росшим на нем деревом, с которого один из совладельцев содрал кору; затем, какое-то время спустя этот совладелец уступил своему товарищу свою часть земли, чтобы перебраться на жительство в другой район; дерево засохло, и хозяин, чтобы убрать его, поджег. Пока дерево горело, другой человек, который подошел, чтобы прикурить свою трубку, был убит рухнувшим деревом. Семья погибшего набросилась на владельца участка, требуя, чтобы он уплатил его стоимость как виновник смерти их родственника. Обычай неизменен, и, казалось, собственнику участка нечего было ему противопоставить; однако, созвав собрание, он заявил, что так как он бы не поджег дерево, если бы оно не высохло, если бы бывший совладелец участка не содрал с него кору, то штраф должен быть уплачен не им, а бывшим компаньоном. Все собрание аплодировало ему и вынесло решение в его пользу.

Князь, увидев козла на своем поле, приказал своему вассалу прогнать его; тот, сломав козлу ногу камнем, забинтовал ее куском материи. Животное, по возвращении к хозяину, подошло слишком близко к очагу, в результате чего повязка загорелась. Почувствовав боль, козел с испугу бросился в пшеничное поле на приусадебном участке дома своего хозяина; поле вскоре превратилось в пепелище. Дело разбиралось, и князь, который отдал приказ прогнать козла, был обязан возместить весь ущерб.

Один охотник выстрелил в лисицу, которая, убегая, вспугнула стадо гусей; взлетевшие с шумом и гоготом гуси вспугнули лошадь, которая сбросила и убила седока. Родственники умершего вызвали на суд старейшин хозяина лошади, который легко оправдался, объяснив мотивы, по которым он одолжил свою норовистую лошадь; тогда в суд вызвали хозяина гусей, который в свою очередь отделался счастливо, доказав, что причиной несчастья является охотник, и суд присудил охотника к выплате возмещения.

Почти все дела разбираются в том же роде национальными собраниями, происходящими в лесу под председательством князей и в соответствии с кодексом древних обычаев, ставших для этого народа священными законами.

Эти законы бывают иногда замечательно справедливыми в отношении представителей одной народности или их союзников; но эти принципы совершенно забываются, когда речь заходит

об иноплеменниках, с которыми никто не связан никакими соглашениями; тогда в действие вступают иные принципы и нормы, абсолютно изменяющие представления о справедливости.

Кроме этих соглашений о союзе, которые существуют между семьями внутри одной народности, есть также соглашения, призванные создавать известный баланс сил в их стране в целом и препятствующие возвышению какой-либо преобладающей силы. Каждое племя стремится усилиться за счет союза с другим племенем. Клятва, произносимая по этому случаю соответствующими представителями, налагает на племена обязательство ни в чем не вредить друг другу, быть взаимно справедливыми при урегулировании споров между отдельными членами племен и во всем оказывать друг другу помощь. Личность, посягающая на этот договор, подвергается за это суровому штрафу, а в случае рецидива ее продают туркам как клятвопреступника и нарушителя общественного спокойствия.

Воинственный дух черкесов, их разобщенность, их презрение к мирному труду и их бедность превратили воровство в единственное средство поддержания существования либо путем прямого получения необходимых им предметов, либо путем получения средств платежа за то, что им поставляют турки. Воровство в такой чести, что худшим оскорблением, которое девушка может нанести юноше, это заявить ему, что он не сумел украсть даже коровы. Хотя союзные соглашения запрещают воровство друг у друга, они далеко не всегда твердо соблюдаются теми, кто их заключает, за исключением, однако, захвата людей, что имеет место только между врагами. Обычные кражи, совершенные с ловкостью, вызывают всеобщее восхищение, и гарантировать от них могут только индивидуальные соглашения или узы родства или гостеприимства. Незадачливый вор наказывается, на первый раз, возвращением украденного и возмещением в семикратном размере его стоимости; кроме того, налагается штраф в объеме девяти голов крупного рогатого скота в качестве удовлетворения чести пострадавшего, и все это выплачивается за любую раскрытую кражу, будь украдена хоть курица.

Убийство карается подобным же образом, однако соотносительно с обстоятельствами, которые ему сопутствовали, и в зависимости от личности убитого. Старейшины сочетают должности судьи и посредника при определении суммы, которая должна быть выплачена родственникам убитого. В сумму штрафа входят скот, пушнина, рабы, оружие и другие предметы; подобную сумму штрафа убийца редко в состоянии собрать без помощи своих близких и друзей.

Наконец, черкесские законы осуждают как бесчестье убийство родителей и противоестественный грех.

....Вечером, направляясь с господином Таушем к одному черкесу, который накануне давал в нашу честь обед, мы видели приезд трех не местных жителей, которых принимали с велики-

ми почестями. Это были «ататлыки» (Ataluk) сыновей Индар-Оглы. Аталык означает кормилец.

Очень редко бывает, чтобы мальчик получал воспитание под родительским кровом; право воспитывать его предоставляется первому мужчине, который появляется в доме; если их является одновременно несколько, специальные арбитры решают вопрос о том, по скольку времени каждый из них будет заниматься воспитанием ребенка. Аталык уносит новорожденного (иногда это делается под секретом), поручает его кормилице, и как только ребенок начинает обходиться без ее забот, начинается его воспитание. Оно состоит из всякого рода упражнений для тела, чтобы сделать его сильным и ловким; из обучения верховой езде, борьбе, стрельбе из лука, ружья, пистолета и т. д.; ребенка обучают искусству руководить набегом, ловкости в кражах и умению переносить голод и усталость; стараются также развить в них красноречие и способность к рассуждению, с тем чтобы они могли иметь влияние на собраниях. Подобное воспитание напоминает нам героические времена Греции, и оно пользовалось таким признанием, что татарские ханы древности посылали своих детей в Черкесию, на выучку к аталыкам. Возвращение молодого человека в отчий дом отмечается большим праздником, на который приглашаются все родственники и куда с большими почестями привозят аталыка. Возвращается аталык к себе домой нагруженный подарками и пользуется с этого момента в семье своего воспитанника той степенью родственного отношения, которое сохраняется навечно и не может быть ничем нарушено.

Начиная с того торжественного дня обычай, запрещающий отцу видеться с сыном и даже слышать о нем, теряет свою силу, и отец может свободно проявлять свою родительскую привязанность.

Возвратившись на берег, мы обнаружили поле, где находилось кладбище, на удалении друг от друга виднелись могилы, в изголовьях которых, по турецкому обычаю, были положены камни. Два маленьких деревянных надгробья грубой постройки возвышались над останками двух князей, а в небольшом отдалении было видно несколько коновязей для тех, кто прибывал для участия в похоронах или для поминок по усопшему.

Кажется, все церемонии, принятые по случаю смерти черкеса, ограничиваются несколькими песнопениями в его честь и надгробным словом, произносимым над его гробом. Тело умершего полностью обворачивается в белое полотно и опускается в могилу, над ним делается нечто вроде свода из ветвей, который затем засыпается землей. В течение целого года постель покойного и его оружие сохраняются с самой религиозной заботливостью на том самом месте, где они находились при его жизни. Его родственники и его друзья, которые время от времени посе-

щают могилу, должны рыдать и бить себя в грудь. Вдова покойного также показывает знаки самого безутешного горя.

....Мехмет Индар-Оглы является главой одного из двух семейств, которые с отдаленных времен играют руководящую роль среди народности натухаев. Это семейство называется «шупакуа» (Soupakoua) и делится на тридцать три ветви; ветвь, к которой принадлежит Индар-Оглы, называется «кириакин» (Kiriakine) и в качестве отличительного знака использует «Т», похожее на русское «т»; этот знак используется для маркировки лошадей из их табунов. Эти обозначения, которые русские называют «тавро», выжигаются на бедре лошади каленым железом. У черкесов и татар они играют роль геральдических знаков. У Индар-Оглы я видел его на рукоятке одной из принадлежавших ему сабель.

...Эти дискуссии (на собрании.— *Прим. перев.*) выглядели весьма курьезно в глазах европейца, привыкшего видеть власть в виде внушительного аппарата, занимающего обширные помещения; здесь местом заседаний ассамблей служит лес, и князь находится посреди кружка людей, внимательно слушающих его речь и молча ждущих своей очереди, чтобы высказаться. Ни возраст, ни ранг не влияют на этот выбор: он падает на того, кто среди своих соотечественников выделяется доблестью и талантом красноречия...

...Этот князь (Мехмет Индар-Оглы. — *Прим. перев.*) принимал живейшее участие в том, что касалось нас, и наши дела доставляли ему множество хлопот; святость, с которой он относился к законам гостеприимства, преисполнили меня восхищением; нет сомнения в том, что любой из членов семьи Индар-Оглы, любой из его вассалов не поколебались бы отдать за нас свои жизни. И иностранец, даже если он виновен, находит в лице своего кунака защитника, который никогда не отдаст его на расправу своим соотечественникам...

....Черкесы не имеют никакого представления о письменности; некоторые периоды их истории освещены в песнях и нескольких старых преданиях, большинство из которых носит сказочный характер. В своих деловых отношениях они полагаются только на свидетелей или клятву, приносимую на различных амулетах, что у них является вполне достаточным, чтобы обеспечить скрупулезное соблюдение обязательств, которые они берут на себя. Поскольку у них отношения развиты слабо, редко возникает необходимость что-либо кому-либо сообщить иным путем, кроме как в беседе; если же такая необходимость возникает, используется нарочный. Грамотными являются лишь небольшое число турок, обосновавшихся в Анапе или во внутренних районах страны. Однако создается впечатление, что черкесы чувствуют, что алфавит им необходим....

....К вечеру мы рискнули совершить прогулку в священный

лес, находившийся неподалеку от берега моря. Грубо сколоченный крест, верхняя часть которого сделана в форме трилистника, освящает это место религиозного культа; здесь никто не решится не только срубить дерево, но даже дотронуться до предметов, развешанных на деревьях. Знак христианства достался им в наследство от их предков; сами же они не знают, что он означает; единственное, что им рассказывали турки, так это что один великий пророк должен был быть убит во время купания, к окну подлетели ангелы и сделали ему знак, что таким образом он мог бы спастись; тогда, дотронувшись рукою до лба, он им сказал, что его голова слишком велика, чтобы пройти через окно; однако ангелы ответили, что нет, и тогда он им показал по порядку на свой живот и на свои плечи, которые считал препятствием для своего избавления, что именно от этих знаков и происходит наш крест. Черкесы собираются вокруг этого креста несколько раз в году по случаю торжественных праздников.

Культ черкесов — это машинальное соблюдение смеси из языческих и христианских обрядов, лишившихся их истинного содержания в силу давности и незнания. Мне кажется, что нет ничего достоверного в том, в какую эпоху христианство было занесено на Кавказ и кто были первые проповедники христианства среди этих языческих народов. Существует распространенное мнение о том, что это были крестоносцы, спасавшиеся от невзгод после похода в Святую землю... (Далее автор предлагает еще несколько версий относительно первых проповедников, обращавших кавказские народы в христианство. — *Прим. перев.*).

Каковы бы ни были истоки появления христианства в Черкесии, можно предположить, что его успехи среди народа, не знающего письменности, не были достаточно прочными для того, чтобы избежать возвращения к примитивным верованиям жителей и смешения христианства с ними с того времени, когда этот народ оказался лишен связей с грузинскими властителями и христианами в Крыму. Со времени завоеваний Магомета II татары и турки стали проповедовать среди черкесов магометанство; среди богатых семей есть много обращенных в эту религию, и магометанство, вне сомнения, добивается значительных успехов, поскольку культы черкесов не имеют достаточно глубоких корней, чтобы противостоять давлению со стороны религии, привнесенной господствующим народом. Однако и магометанство в состоянии лишь усугубить религиозные сомнения большинства этих дикарей и сумбур их религиозных представлений.

Во время своих путешествий я обратил внимание на то, что черкесы-магометане весьма равнодушны к своей религии. Я видел, как сыновья и дочери князя Мехмета между собой смеялись над церемониями, принятыми во время молитв, а часто вообще забывали о самих молитвах. Вид маленького крестика, висевшего на шее у одной дамы, как-то сопровождавшей меня в

путешествии в Черкесию, доставил большое удовольствие этой семье (Мехмет Индар-Оглы. — *Прим. перев.*), которая сказала, что у черкесов тоже есть такие крестики. И наконец, те же, кто исповедуют магометанство, отправляют также и религиозные культы своей страны...

....Черкесы признают верховное существо и несколько небесных сил рангом пониже; они верят в бессмертие души и иной мир, где с каждым обращаются в соответствии с его заслугами; но, мало беспокоясь об этом будущем, они думают главным образом о преходящих благах.

Мерисса или **Мереим,** называемая божьей матерью, является покровительницей пчел. Черкесы утверждают, что удар грома однажды уничтожил всех пчел, кроме одной, которую спасла в своем рукаве святая и которая затем воспроизвела весь их род. Праздник в ее честь справляется в сентябре, в этот день все угощают друг друга блюдами и напитками, сделанными из меда. Нет ничего необычного в том, что в стране, где мед является одним из основных продуктов питания, насекомому, которое его производит, дали покровительницу...

Сеозерес был большим путешественником, ему были подчинены ветры и воды. Он особенно в почитании у тех, кто проживает на морском побережье. Ствол сухого грушевого дерева, на котором остаются только обрубки сучьев, олицетворяет его; в каждой семье есть этот ствол, который держат во дворе дома; никто не дотрагивается до него, кроме дня праздника в его честь, который бывает весной; в этот день его опускают в воду, отмывают, насаживают на верхушку головку сыра и украшают маленькими свечками по числу собравшихся в доме гостей. Когда его так украсят, несколько человек берут его, чтобы с церемониями внести в дом, остальные встречают его на пороге дома и поздравляют со счастливым прибытием. Его прибытию предшествуют жертвоприношение и приготовления к большому пиршеству. Едят и пьют в течение трех дней, а в промежутках просят Сеозереса защитить от разрушений, приносимых водой и ветрами. По окончании праздника делят между гостями головку сыра и другие кушанья, дерево выносят из дома; все общество провожает его, желает ему счастливого путешествия, а затем его забывают до следующего года. Он также считается покровителем стад, и у него есть два брата.

Тлебсе, король, покровитель кузнецов. В день его праздника в его честь совершают возлияния над лемехом и над топором.

Наохаче, Схуска, Йемише и Месте — это прочие святые или полубоги, каждому из которых также посвящен особый день.

Черкесы почитают с большим благоговением трех сестер, которые ведают гармонией в доме, согласием между соседями, а также покрывают путника своими защитными крылами. Тот, кто меняет жилище, приносят им жертву по прибытии в свое новое жилище, то же самое при отъезде делает путешественник.

Отношения между тремя сестрами — богинями карающими и ангелами-хранителями — являются новым свидетельством смешения верований, которое составляет религию у черкесов.

В конце октября они поминают мертвых; в это время воспоминаний они обращают свои молитвы, каждая семья в отдельности, к небесным силам с тем, чтобы те не оставляли усопших без своих забот в их вечном пристанище.

У черкесов совсем нет бога грома и молний, но было бы ошибкой полагать, что у них его вообще никогда не было. Гром и молния у них в большом почитании; они говорят, что это ангел, который ударяет того, кого избрало благословение Создателя; тело убитого молнией хоронят с большой торжественностью и, оплакивая погибшего, его родственники в то же время поздравляют себя с той почетной честью, которая выпала на долю их семьи. Этот народ толпами выходит из домов, заслышав грохот, который производит этот ангел на своем небесном пути, а если его какое-то время не слышно, они совершают публичные молитвы, прося, чтобы он вновь навестил их. Его милостям они приписывают дожди, которые орошают их поля, и свежесть и прохладу, которые они приносят во время летней жары.

Новый год, который бывает у них почти в то же время, что и у нас, и начало полевых работ, которое за ним следует, также отмечаются двухдневным праздником; но самым торжественным праздником является Пасха; церемонии, которыми сопровождается этот праздник, а также время, в течение которого он отмечается, не могут оставить никакого сомнения в его происхождении. С начала марта они воздерживаются от употребления в пищу яиц, прекращают давать взаймы или одалживать, брать или отдавать какие-либо вещи; не берут даже огня у своих соседей. Праздник начинается в конце марта месяца, и обычай, предписывающий быть в этот день у себя дома, делает праздник довольно скучным, если все начинают его отмечать в один и тот же день. Поэтому каждый район выбирает свой особый день. Из главного дома начало праздника возвещают рано утром пальбой из оружия; соседи сбегаются на шум, и все направляются в священный лес, чтобы начать торжества обычными религиозными обрядами; однако количество жертв, которые приносятся, пропорционально числу приглашенных, к этому добавляются все яйца, которые сохранились за время своеобразного поста, соблюдавшегося в течение марта. Праздник заканчивается стрельбой из ружей; мишенью служит яйцо, а призом для победителей — шкуры жертвенных животных.

Право адресовать всевышнему пожелания и просьбы нации принадлежит наиболее старым и достойным. В Черкесии священнослужители отнюдь не представляют собой какой-то обособленной касты: в молодости они проливают кровь в боях, да и

в старости, при появлении неприятеля, они вновь берутся за оружие. Они совершают богослужение с непокрытой головой, облаченные в «бурку»; стоя перед крестом, они начинают службу с искупительной жертвы в виде барана или козла; в особо торжественных случаях в качестве жертвы приносится бык, и прежде чем его убить, старец с помощью одной из маленьких свечей, прикрепленных у основания креста, выжигает на его шкуре место, куда должен быть нанесен удар, а на голову животного льют бузу. За старцем почтительно выстраиваются несколько молодых людей, главным образом из числа рабов, которые держат в руках чаши с этим напитком и куски пресного хлеба, начиненного внутри сыром. После принесения жертвы старец берет чашу с напитком и хлебец, чтобы сделать приношение всевышнему, благословляет их одновременно и передает их самому старейшему из присутствующих, который их потребляет. Молодые люди передают священнослужителю очередные кубок и хлебец, которыми он делает приношение Мериссе и передает затем следующему старейшине. Та же самая церемония повторяется в честь каждого из божеств, которому адресуются молитвы; закончив эти церемонии, священнослужитель по своему усмотрению назначает день нового собрания, которое обычно бывает один раз в неделю: в субботу, воскресенье, понедельник или вторник, но никогда в остальные три дня недели. Священнослужитель сообщает также, какие вещи или предметы были потеряны или найдены, однако сообщения о находках бывают крайне редко, так как черкесы предпочитают сохранять их за собой. Наконец, мясо жертвенного животного идет на угощение, к чему каждая семья добавляет принесенную с собой пищу; все это обыкновенно сопровождается танцами, играми и соревнованиями; голова жертвенного животного насаживается на ветку дерева или на шест невдалеке от креста и посвящается Создателю; шкура животного предназначается священнослужителю.

Внимательно изучая характер этих церемоний, нельзя не узнать языческие обряды и слабые представления о христианских таинствах, которые, будучи перемешаны друг с другом, образуют своеобразный религиозный культ, продукт невежества этих народов. Помимо этих еженедельных торжеств они, как я уже говорил выше, отмечают в определенные дни праздники, посвященные божествам более низкого ранга. Весьма необычно видеть тех из жителей, кто исповедует магометанство, демонстрирующими самое высокое почтение к этим празднествам и принимающими в них самое активное участие.

....Я уже говорил выше, что черкес может видеть свою жену только ночью; если они встречаются днем случайно, они незамедлительно поворачивают в разные стороны. Этот обычай, столь удобный для разного рода амурных историй, легко, как мне подумалось, может сделать женщину мишенью для всяческих соблазнителей, и я поэтому поинтересовался, чем рискует

соблазнитель в случае обнаружения его проступка. Для любовника риск ограничивается соответствующей суммой штрафа за нанесенное мужу оскорбление; муж не решается посягнуть на жизнь своего соперника, поскольку в таком случае он будет обязан заплатить за убийство штраф его родственникам. Жен же в качестве наказания бьют или продают; бывают иногда такие свирепые мужья, которые отрезают своим женам носы или уши, но немногие из мужей решаются на подобные крайности, так как они при этом рискуют штрафом, который может потребовать семья жены, и в зависимости от обстоятельств, этот штраф может оказаться довольно-таки значительным.

...Проделав около трех лье, мы спешились у Индар-Оглы, который вместе с сыном Ногаем вышел нас встречать к воротам своего двора и проводил нас в гостевое помещение, где стены были украшены саблями, кинжалами, луками, стрелами, пистолетами, ружьями, шлемами и большим числом кольчуг. При входе с нас также было снято оружие, после чего нас усадили. Сыновья князя, а также прочие черкесы оставались на ногах. После непродолжительных разговоров нам принесли воду, чтобы мы вымыли руки, и вскоре был сервирован обед на пятнадцати маленьких столиках, которые сменяли один другой по мере того, как мы пробовали находившиеся на них блюда. Я обедал вместе со штурманом и нашими двумя комиссионерами, которых я просил сесть за наш стол, хотя это противоречит черкесским обычаям, так как они считались принадлежащими к дому Индар-Оглы. Я просил их передать князю, насколько я сожалею, что не могу кушать за одним столом вместе с ним; он мне отвечал, что этого требует церемониал, но что он надеется, что я вскоре буду включен в число членов его семьи, и тогда он получит возможность обращаться со мной с большей свободой. Я просил его поверить в чувство дружбы, которую он мне внушал, и считать меня с этого момента за его собственного сына. Затем мы выпили за здоровье друг друга несколько стаканов водки, и он дал знак, чтобы нам начали подавать обед.

Во второй половине дня я попросил у него разрешения пойти засвидетельствовать уважение его супруге; такое разрешение было дано, а пока она готовилась нас принять, мы обошли жилище Индар-Оглы, которое выстроено в том же духе, что и виденные уже мною, оно состояло из двенадцати домиков, сделанных из плетеных прутьев, обмазанных глиной и крытых камышом. В домике никогда не бывает больше одной комнаты, и служат в качестве жилых помещений для семьи князя, дворян и вассалов, прислуживающих семье князя. Это жилище окружено довольно редким палисадом и расположено у основания живописного холма в излучине речки, берега который покрывают фруктовые сады и посадки льна и кукурузы. Позади домиков имеется густой лесок, где прячут женщин, детей и скот во время набегов враждебно настроенных племен в эти края.

Внутри ограды каждого жилища производится все, что необходимо для его обитателей. В частности, женщины там заняты тем, что делают из светлой пряжи сукно, напоминающее фланель; бурки, седельные подушки, полотно, одежду, обувь, галуны, ножны для сабель, чехлы для ружей и пистолетов. Как и в произведении Гомера, черкесские княжны вовсе не освобождены от этих работ; наоборот, для них славой является выделиться, опередить в своем искусстве других. Мужчины занимаются плотничеством, налаживают ружья, льют пули, делают довольно неплохой порох, а также дубят весьма несовершенным образом кожи, прокатывая их между двумя кусками древесины. Кузнечное дело и обработка серебряных и золотых изделий являются единственными профессиями, которыми занимаются небольшое число ремесленников; первые выковывают ножи, топоры и гвозди; большая часть наконечников для стрел и прекрасных кинжалов, которыми они пользуются, делается далеко проживающей народностью кумыков. Серебряных дел мастера украшают оружие, рожки для пороха, пояса и т. п. Трудно представить себе степень совершенства этой работы, красоту и правильность рисунков, наносимых на металле чернью с помощью кислоты. Обычно турки поставляют черкесам дула ружей и пистолетов и лезвия сабель, которые черкесы затем налаживают на свой манер. Я видел много оружия производства европейских мастеров, между прочим, много венецианских и генуэзских сабель, кроме тех, что приходят к ним по торговым путям, причем у них есть старинное оружие, большинство из них найдены в могилах, и легко можно определить время их службы, если видишь, что их ширина зачастую уменьшилась на одну треть. Шлемы, кольчуги и луки приходят к черкесам из Персии и Константинополя; они покупают их мало, и те, что у них имеются, переходят от отца к сыну и являются одним из главных предметов наследства. Их количество, я думаю, можно оценивать в двадцать тысяч единиц.

Приблизительно через час нас провели к княгине. Господин Тауш, за которым я следовал, сказал мне, чтобы я повторял все, что будет делать он, чтобы не нарушить церемониал общения с прекрасным полом. При нашем появлении все женщины встали; мы проследовали один за другим вдоль противоположной стены твердым, но медленным шагом, опустив в знак уважения на всю длину рукава нашей одежды. Мы приветствовали их, со значительным видом приложив правую руку к головному убору. Как только мы сели, женщины семьи Индар-Оглы вновь заняли свои места на софе, в то время как с десяток женщин из их свиты остались стоять на ногах. Княгиня-мать в возрасте около пятидесяти лет производила впечатление красотой и особенно одухотворенностью лица. На ней было длинное платье, открытое спереди и застегнутое от груди до пояса, похожее на верх-

нюю одежду* турецких женщин. На ней были также широкие «шальвары» (charvar)** из полосатой ткани и на голове — большое белое покрывало, скрывавшее часть корпуса. Под платком ее волосы почти не были видны.

Юные жены князей или оруженосцев весьма изобретательны по части причесок: они носят под покрывалом красную ермолку, украшенную спереди маленькой лентой из черного сафьяна и серебряными кнопками, которая очень им идет; из-под шапочки спадают их волосы, заплетенные в длинные косички. Бюст дочерей Индар-Оглы был исключительно сжат, и их верхнее платье было снизу доверху застегнуто серебряными пряжками. На поясе старшей дочери висело множество брелоков из того же металла; форма их головного убора была не слишком изящной, они были сделаны из шести суконных полосок разного цвета, сшитых в форме долек дыни, и несколько галунов были приделаны так, чтобы закрыть швы. Девушки более низкого происхождения носили просто круглые и одноцветные шапочки. Две юных княжны, не слишком красивые, но с приятными лицами, звались: старшая — Гваша, младшая — Чапсин. Я забыл значение этих двух имен; имена, которые дают новорожденным, имеют одно значение; я видел двух женщин, одну из которых звали «львиный взор», а другую «талия лани».

....Черкесы нисколько не стесняются попросить то, что им нравится, и было бы смешно им отказывать, так как любой имеет полное право попросить у них то, что у них есть.

Этот обычай, который иногда в условиях нищеты, лени и жадности вырождается в нечто вроде попрошайничества, рассматривается черкесами как дружеские подношения, как обмен сувенирами между двумя лицами, которые будут служить им приятными напоминаниями друг о друге; естественно, что при общении с иностранцами к этому примешивается расчет, поскольку те могут предложить им больше таких предметов, которых у черкесов не хватает. Во время моих двух путешествий я постоянно подвергался осаде толпы людей, которые набивались ко мне в друзья, чтобы получить вследствие этого право требовать от меня подарков; в конце концов я остался без большей части моего багажа и мебели в моей каюте на шхуне.

После этих рассказов меня непременно станут спрашивать о том впечатлении, которое произвели на меня черкешенки, которых я видел. Если бы я попытался судить о их красоте, столь расхваливаемой восточной красоте, сразу же по прибытии в их страну, мне было бы затруднительно сделать это беспристрастно, поскольку на меня влияли бы европейские представления об этом предмете; также и мое пылкое воображение при виде страны, с которой связано так много романтических представлений,

---

* Турецкое платье, открытое спереди, наподобие капота у наших дам.
** Верхние штаны.

могло ввести меня в заблуждение; но, привыкнув к их именам, имея время изучить их, я могу уверить европеек, что они им ни в чем не уступают.

Черкешенки из племени натухайцев имеют овальное лицо, черты их лица обычно крупные; глаза у них чаще всего черные, красивы; они осознают это в полной мере и считают глаза своим самым сильным оружием; брови у них красивого рисунка, и черкешенки, чтобы сделать их менее густыми, выщипывают. Их бюст, который, как я уже говорил, лишен у девушек своего основного украшения, чрезвычайно тонкий и гибкий, зато у многих женщин нижняя часть корпуса очень большая, что почитается за большую красоту на Востоке и что мне показалось уродством у некоторых из них. Тем из женщин, кто пропорционально сложен, нельзя отказать в благородстве в осанке и в большой привлекательности. К тому же их костюм, особенно у замужних женщин, очень красив. Но, чтобы восхищаться ими, их нужно видеть только вписанными в интерьер их дома, так как когда они выходят из своего дома, их медленная походка и ленивый вид, налагающий отпечаток на все их движения, поражают взгляд европейца, привыкшего к живости и элегантности наших дам. Даже их длинные волосы, которые так приятно видеть разбросанными по груди и плечам черкешенки, это покрывало, которым они драпируются с тем искусством, что свойственно желающему понравиться прекрасному полу во всех странах, даже, наконец, их платье, которое, сжимая вначале их талию, затем разделяется и открывает шальвары, которые также не лишены привлекательности,— все это вдруг превращается в смешные и стесняющие атрибуты, когда черкешенка покидает свою софу. Они в целом не лишены ума; у них живое воображение, они способны на большие чувства, они любят славу, и у них вызывает гордость слава их мужей, добытая в боях.

....Как только мы поднялись на борт, я поспешил поинтересоваться у м-ль Е. (спутница Т. де Мариньи по путешествию. — *Прим. перев.*) относительно деталей черкесского быта. Она рассказала мне, что княжны встретили ее на берегу и, подав ей руки, прижали ее затем к своей груди; ...бессчетное число жителей, чье любопытство было возбуждено ее появлением, окружили ее и проводили до повозки, запряженной двумя быками, куда она была помещена вместе с двумя дочерьми нашего кунака и еще одной молодой княжной из племени шапсугов; другие женщины сопровождали их пешком. По пути их встречали многие семьи и выражали свое удовольствие видеть их.

Жена Индар-Оглы вышла встречать ее на некотором расстоянии от дома в сопровождении всех своих вассалов. После общепринятых церемоний ее провели в гостевой дом. Вскоре после ее прибытия последовал обед, сервированный на двенадцати маленьких столиках. Княжны, которые постились по случаю рама-

зана*, занимались во время обеда тем, что резали мясо и хлеб, чтобы делать из них бутерброды. После обеда ей принесли воды, чтобы вымыть руки, а затем ей вымыли ноги, что является знаком большого расположения. Остальная часть дня была посвящена тому, что м-ль Е. развлекали играми и танцами. Индар-Оглы, возвратившийся вечером, был рад видеть, в каких дружеских отношениях она была с его семьей, и просил ее считать свой дом как ее собственным. Ей понравились их обычаи, которые она успела узнать. Ее хотели сделать похожей целиком на черкешенку, и был отдан приказ сшить для нее черкесский костюм, над которым работали всю ночь.

Главный из обычаев, который не понравился м-ль Е., была обязанность женщины вставать при появлении любого мужчины или любой более пожилой женщины, будь она даже из числа прислуги; мужчины поступают точно так же в отношении обоих полов; сесть можно только после того, как лицо, ради которого все поднялись, дает об этом знак словом «тизе» («садись»). Эти люди никогда не пренебрегают этим обычаем, и даже в семье они остаются ревностными приверженцами этого неудобного обычая.

Час, указанный Кораном для ужина, был возвещен для всего жилища выстрелом из ружья, произведенным по приказу князя. М-ль Е. хотела поужинать вместе с молодыми княжнами, но обманулась в своих ожиданиях. Черкесская семья никогда не собирается за столом; отец и мать ужинают отдельно, так же как и дети, которые разделяются в зависимости от пола и возраста и отправляются съесть свою порцию в уединенном месте. Мудрая Тамара, старая рабыня-турчанка, которой было поручено повсюду сопровождать м-ль Е. и делать все, чтобы ей было приятно, председательствовала за ужином и приготовила для нее роскошную постель, украшенную дорогостоящим покрывалом. Эту женщину в молодости любил Индар-Оглы, купивший ее за большую цену по причине ее красоты. Впоследствии она заслужила титул домоуправительницы и пользовалась большим уважением всей семьи. Гваша пришла разделить ложе с м-ль Е. и бодрствовала всю ночь, чтобы ничто не беспокоило ее сон.

На следующий день м-ль Е. облачили в черкесские одежды, и княгиня-мать по этому случаю сделала ей несколько подарков в обмен на те, что были вручены ей; подарки состояли из серебряных застежек и гарнитура из пуговичек, которыми украшают переднюю часть головного убора замужних женщин.

...Как я уже говорил, в некоторых случаях воровство запрещается, особенно когда два князя дают друг другу обещание, клятву взаимно уважать имущество друг друга. Наш кунак, основываясь на вере в силу такого договора, заключенного с одним из князей шапсугов, направил к нему одного из своих вас-

---

* Очень строгий пост у мусульман.

салов с кое-какими поручениями. Шапсуг, в нарушение своих обязательств, сделал того своим рабом. Через несколько дней брат этого князя проезжал неподалеку от жилища Индар-Оглы, где трудился один человек, который, сделав вид, что ему ничего не известно, пригласил его в свой дом, где связал. Новость об этом скоро распространилась, с одной и с другой стороны направлялись представители, которым, однако, так и не удалось примирить двух князей, и дело приняло такой оборот, что, казалось, могло кончиться столкновением...

Князь, который приехал нас навестить, вынужден был вернуться к себе раньше, чем обычно, потому что шапсуги вооружались и грозили его жилищу...

В полдень один человек прибыл сообщить, что все вассалы Индар-Оглы собрались, чтобы защитить его от шапсугов, которые приближались к его жилищу. Я весьма сожалею о том, что подобный случай не был предусмотрен в данных мне инструкциях, так как я хотел бы прийти на помощь нашему достойному кунаку. Я не решался поступить таким образом, с тем чтобы не вызывать сомнений относительно того, что подобные малые войны используются Россией для того, чтобы привлекать на свою сторону какого-либо из враждующих между собой черкесских князей...

Утром у нас была ложная тревога, тем более неприятная, что наши переводчики отсутствовали и на борту не было никоко, кто знал бы черкесский....

Господин Тауш, который присутствовал при атаке шапсугов, сообщил, что они, общим числом в 200 человек, отступили, не начав боя, и решили передать дело на рассмотрение национальной ассамблеи. Все их конфликты обычно заканчиваются таким образом, хотя начинаются они самым воинственным образом. Дворяне и вассалы вооружаются под крики человека, которому поручено распространять новости о продвижении противника, что он делает, носясь на полном скаку по всей округе, и они выходят из своих жилищ, чтобы собраться вокруг дома князя, который их возглавляет; но в тот самый момент, когда обе стороны, казалось бы, готовы начать жестокую битву, выступают нейтральные лица, готовые стать посредниками в их тяжбе, и все кончается несколькими выстрелами в воздух из ружей или пистолетов с одной или с другой стороны. Только походы против удаленных народностей, когда во имя успеха предприятия объединяются несколько князей, бывают кровопролитными. Единственная неприятность, которой обернулось это столкновение, было уничтожение поля со льном, засеянным княжной Гвашей; она была этим очень огорчена и с трудом согласилась на то, что отец не стал настаивать на компенсации за этот ущерб.

...Перед своим отъездом я просил господина Тауша порыться в маленьких курганах, которые встречаются в разных уголках долины, и особенно по соседству со священным лесом, ко-

торый я посещал. Черкесы считают, что это могилы какой-то великой нации, проживавшей до них в этих краях...

...Восхищение, которое я испытывал по отношению к этой стране, заставило меня задуматься о том, как мне здесь устроиться и добиться доверия ее обитателей, чтобы они видели во мне одного из своих. Дружба, которую мне оказывали некоторые из князей, была, по моему убеждению, недостаточной для того, чтобы предпринять то, что я хотел; мне нужна была мощная поддержка, и прежде всего мне нужно было, став членом их общества, рассеять те подозрения, которые еще могли иметься на мой счет. Я узнал, что существует обычай, отвечающий моим желаниям и дающий мне возможность стать приемным членом черкесской семьи. Церемония приема состоит в том, чтобы на какое-то время губами дотронуться до груди женщины; с этого момента она и ее муж становятся аталыками, которые включают чужестранца в число своих законных детей. Так как это требует вручения семье известных подарков, а я в тот момент не был в состоянии их сделать, я отложил осуществление этого проекта до следующего путешествия. Натурализованный таким образом иностранец, если он хочет обосноваться в Черкесии, не встретит никаких трудностей с женитьбой и окажется вдруг союзником множества семей, так как ответвления родства там весьма обширны и накладываемые этим обязательства — преследовать одни и те же интересы — дают ему силу и уважение, которое было бы трудно получить без этого средства.

...Мы ненадолго задержались у одного больного черкеса, которого хотел навестить мой друг. Меня удивил производившийся там шум. Молодые люди и дети развлекались самыми различными и самыми шумными играми, в то время как лекарь, сидевший с важным видом подле больного, лишь изредка произносил одно-два слова. Его место свято; никто не занимает его, пока он отсутствует; тот, кто сделает попытку осквернить его, должен будет заплатить лекарю значительную сумму. Они врачуют больных с помощью целебных трав и амулетов; что касается некоторых видов горячки, они весьма верят в целебную силу некоторых старинных могил и развалин античных монументов, куда они отправляют больных на несколько ночей. Во время моего первого путешествия в Геленджик один черкес попросил у меня лекарство или какую-нибудь молитву, чтобы помочь своему отцу, которого в течение долгого времени мучила болезнь, однако название ее мне он толком объяснить не мог. Поскольку на борту у меня не было никакого лекарства, я решился дать ему молитву, которая вредной ему быть не могла, а, напротив, вполне удовлетворила. Вручена она ему была со всей докторальной важностью и принята была этим человеком с должной почтительностью, он даже не знал, как выразить мне свою признательность. По возвращении из Крыма я и думать позабыл об этом забавном приключении, когда мне о нем на-

помнил тот же человек, принесший мне в качестве дара яйца и сыр от своего родителя, который совершенно поправился. Хотя я и был крайне этим удивлен, я счел себя в праве позволить себе еще немного шарлатанства и заявил ему, что был заранее уверен в таком исходе.

В отношении раненого церемония здесь несколько иная. При нем не должно быть никакого оружия, на пороге его дома ставится миска с водой, куда опускают яйцо, а сбоку кладут лемех от плуга; прежде чем войти к нему, кончиками пальцев нужно трижды постучать сверху и, окунув пальцы в воду, брызнуть в сторону комнаты. Молодые люди и девушки играют, поют песни в честь раненого и развлекаются также тем, то стараются надкусить круглый пирог, подвешенный к потолку на веревочке.

Этот обычай производить шум в комнате больного можно видеть и у других, более цивилизованных, чем черкесы, народов, которые надеются таким путем изгнать злых духов.

...После обеда князь пригласил меня навестить свое семейство. Пока я там был, жена Ногая скрылась через окно, чтобы не встретить своего мужа, о приходе которого было сообщено. Создается такое впечатление, что черкесы избегают всего того, что напоминает им о их привязанностях и удовольствиях; поступать иначе у них считается признаком человеческой слабости; у них даже считается неучтивым говорить о детях, особенно о маленьких. Я поставил в неудобное положение Ногая, показав ему на одного из его сыновей, мальчишку лет четырех, который, мне показалось, проявлял задатки такого же характера, что и у его отца. Только с возрастом они освобождаются от этого стоицизма, и старик, утвердивший свою храбрость в молодости, может свободно проявлять свою сентиментальность в кругу семьи; Индар-Оглы виделся с женой и ласкал своих детей.

...Княжны сделали все, чтобы сделать еще более трудным наше расставание; проявляя тысячи знаков внимания, старались предугадать все, что могло бы доставить нам удовольствие. Я присутствовал при исполнении танцев в сопровождении своего рода скрипки с тремя струнами; они были в азиатском духе, довольно грустные, но маловыразительные; па танцев состояли из маленьких прыжков, лишенных грациозности; их исполнение весьма затруднительно, потому что ноги почти постоянно обращены носками внутрь. Другие их инструменты напоминали флажолет и баскский тамбурин. Их песни не более веселы, чем танцы, хотя некоторые мелодии весьма приятны на слух. Их песни совершенно не рифмованы и по своему содержанию призваны прославлять достоинства и осуждать дурные поступки; в них обычно караются порочные люди. Они спели в моем присутствии несколько песен, и среди них одну, представляющую собой жалобу юноши, которого хотели изгнать из родных краев за то, что он один вернулся из похода против русских, где погибли все его

соратники. Это было лишним подтверждением того, что в истории этих народов постоянно видишь черты, напоминающие героические времена античной Греции.

Поэты посвящают свои песни также тому, чтобы увековечить воспоминания о самых замечательных событиях. Эти песни можно использовать для того, чтобы попытаться проникнуть сквозь плотную завесу, которая скрывает историю кавказских народов. Мне хотелось получить перевод одной из этих маленьких поэм, но, несмотря на все старания господина Тауша, который знал несколько их, я был лишен этого удовольствия. Он перевел мне одну песню несколько иного рода, чья оригинальность заставляет меня поместить ее здесь. Я знал князя Джамбулета, о котором идет речь в песне: это был человек, известный своей храбростью; он умер во время эпидемии чумы 1816 года.

«На перекрестке дорог Пака* приказала поставить коновязь, чтобы было где привязать лошадей всадникам, которые приезжали полюбоватвся ее несравненной красотой.

Ворираша, ворира ма Пака!

Науруз-оку — Давлет-Мурза начинает танец, Бацеше-оку присоединяется к нему; наконец, появляется Райде — Мелиш-оку.

Ворираша, ворира ма Пака!

Кудесник Хас-оглы, с нетвердой походкой,— Хаут-оглы Гаун-оку, Бацеше, Гатхе Калабат мудрый, который во всем устанавливает порядок.

Ворираша, ворира ма Пака!

Какова цель этого шумного сборища? Это все та же прекрасная Пака, которая привлекает тех, кто считается ее любовником, так как все они не могут им быть.

Ворираша, ворира ма Пака!

На перекрестке появляется ее брат Джамбулет, он вынимает свою саблю и убивает всех тех из ее любовников, кто позволил себе плохо говорить о его сестре Паке.

Ворираша, ворира ма Пака!

Их огонь постепенно затухает и узы, которые соединяли их с Пакой, рвутся, и Пака остается целомудренной. Она выходит замуж за князя из племени бжедухов.

Ворираша, ворира ма Пака!

* Что означает «курносая».

...Я решил воспользоваться оставшимся до отплытия временем, чтобы навестить священный лес и совершить религиозную церемонию, которую я задумал уже давно. Существует обычай, что черкес, который ведет торговлю в этих краях, который возвращается из успешного набега, или который берет на себя какой-либо обет, делает приношения кресту; в этих целях к кресту или к поддерживающему его дереву прикрепляются предназначенные для этого предметы. Ни один житель не решается их тронуть, и их могут украсть только враги, которые совершают набеги в эти края; хотя они исповедуют ту же религию, они не соблюдают святость этого места и грабят все, что там находят. Церемония приношения обычно сопровождается пиршеством, на деревьях развешивают головы животных, убитых по этому случаю. Различные дела, которыми я был занят во время нашего пребывания в этих местах, помешали мне осуществить это благое намерение с той пышностью, как мне хотелось бы; пришлось ограничиться тем, что вместе с м-ль Е., частью экипажа, несколькими дворянами и нашими комиссионерами мы пришли, чтобы прикрепить к кресту несколько кусков материи; первой подала пример м-ль Е., за ней последовали и мы, остальные. У черкесов, которых мы не предупреждали о цели нашей прогулки, это зрелище вызвало такую радость и восторг, что их трудно описать; они с силой жали нам руки и обещали повсюду рассказать о нашей набожности и о том почитании, которые мы оказали их религии. Наше возвращение к старому князю вылилось в своего рода триумф.

Путешествие на побережье Черкесии, совершенное в 1823 и 1824 гг.

...Ежедневно в Анапу прибывает приблизительно до пятисот черкесов, которые на маленьких повозках, а чаще всего на спине собственной лошади привозят различные продукты для обмена на предметы, в которых они испытывают нужду. Нужно иметь привычку к такого рода сделкам и, особенно, редкостное терпение, чтобы иметь с ними дело, потому что большинство этих горцев привозит с собой слишком мало товаров: например, пару заячьих шкурок, маленький сыр и меру ячменя; каждый из них хочет за это получить не меньше дюжины мелких предметов, которые ему нужны и ради которых ему придется обойти не менее тридцати мест, чтобы заполучить их в Анапе. Я частенько видел подобные торги, которые длились по целым дням, в течение которых черкес никогда не упускает возможности описать охоту на зайца; корову, которая дает молоко, из которого делается сыр; свое поле, тяготы труда на нем, семена, урожаи и прочая. Бесполезно говорить после этого, что иностранцы вынуждены предпочесть торговать в Анапе через посредство ту-

рок, которым оставлена почетная миссия иметь дело непосредственно с черкесами.

Вне зависимости от того, как протекает каждодневная коммерческая деятельность, в определенные моменты торговля заметно оживляется благодаря прибытию больших транспортов с товарами из внутренних районов, которых турки называют «кервен» (караван); караваны приходят в апреле, августе и октябре. Первый, от калмыков, привозит много шкур быков, коров, буйволов, зайцев, а также сала и воска. Наибольший размах торговля приобретает чаще всего весной. Турки тоже не ограничиваются тем, что ожидают в крепости прибытия черкесов; они отправляются в горы, где закупают товары и делают из них небольшие склады у своих кунаков.

...Иногда между турками и черкесами происходят бурные ссоры, угрожающие спокойствию Анапы и даже ее торговым делам; зачастую причиной для этого служат события, которые у цивилизованных народов взволновали бы самое большее жителей данного квартала; вот пример: артиллеристы гарнизона злоупотребили доверием одного черкеса, изнасиловав его жену; целый ряд районов поклялись за это отомстить и заявили Паше, что они будут нападать на всех турок до тех пор, пока за это глубочайшее оскорбление не будет уплачено соответствующее вознаграждение; они добавили также, что война их нисколько не пугает, и что если у турок есть крепость, то у них есть горы. Паша засадил виновника в тюрьму вплоть до объявления приговора, который должен возложить на него штраф в виде оружия, тканей и скота.

...Господин Тауш совершил зимой путешествие в страну абазехов, известную европейцам под названием Абазии, она показалась ему более богатой, чем страна натухайцев, и он уверял меня, что иностранец, имеющий рекомендации Индар-Ку, будет встречен там очень хорошо. У жителей этой страны свой особый язык, который господин Тауш едва понимал; они говорили ему, что у них имеется несколько старинных строений, пользующихся славой святых мест, и что в этих зданиях хранятся священные книги, фигурки и орнаменты большой ценности. Они служат убежищем для преступников, где их никто не решается тронуть. Несомненно, это церкви, о существовании которых у абазов известно, что свидетельствует о пребывании среди них христиан; кажется, античная история там также оставила свои ценные следы в виде барельефов, статуй, подписей, останков фриз и колонн...

В своем первом «Путешествии в Черкесию» я рассказывал о нескольких горных вершинах, знаменитых своей формой и исторгающимися из их недр вредоносными испарениями. Во время своего путешествия господин Тауш слышал рассказы о том, что есть очень высокая гора, возможно Эльбрус, на вершине которой имеется ужасающий провал, откуда иногда слышится

звон цепей и стоны. Абазехи рассказывают, что один человек из их народности утверждал, что он спускался туда и обнаружил там гиганта, прикованного к скалам, который сказал ему: «О ты, житель земли, пришедший меня навестить, что там делается наверху? зеленеет ли по-прежнему трава? царит ли мир в семьях? преданы ли жены своим мужьям? подчиняются ли дочери матерям? сыновья отцам?» Черкес отвечал, что да, и тогда гигант сказал: «Хорошо, мне еще долго остается пробыть здесь».

Эта сказка имеет определенное отнощение к легенде о Прометее, и мне приятно было обнаружить следы именно в той стране, куда его помещали античные поэты, что свидетельствует о том, что эта легендарная личность должна иметь исторические корни, свет на которые, не исключено, можно пролить, внимательно изучив горные вершины Кавказа.

...1 июня черкесы прибыли снова требовать удовлетворения за оскорбление, которое артиллеристы нанесли их женщинам; жители Анапы были этим весьма обеспокоены и предложили 1200 пиастров, или виновного для продажи, но на этом дело не кончилось...

Путешествие в Редут-Кале, Трапезонт, Пшаду и Анапу

...Между жилищем Индар-Ку и берегом речки имеется несколько строений, которые я осмотрел; их всего шесть, и они показались весьма старинными; каждое из них выстроено из пяти каменных плит, четыре из которых составлены в форме параллелограмма, и пятая сверху, в виде перекрытия, выступающего над вертикальными гранями. Эти оригинальные сооружения имеют двенадцать футов в длину и девять в ширину; поскольку они вросли в землю, их подлинную высоту определить было невозможно. Камни имеют в толщину четырнадцать дюймов; плита, представляющая собой фасад, отступает на аршин в глубину, образуя таким образом нечто вроде открытого вестибюля. В том же камне, в его нижней части, имеется круглое отверстие, диаметром самое большее три фута.

Черкесы рассказывают, что эти своеобразные монументы были построены «гигантами» с целью укрывать от непогоды малорослое племя людей, у которых не хватало сил для того, чтоб построить себе жилище; для верховой езды эти люди использовали зайцев. Таково сказочное предание, но я думаю, что эти монументы, до сих пор хорошо сохранившиеся, служили могилами какому-то народу, населявшему Кавказ в давно минувшие времена...

...Я зарисовал... амбар для зерна, очень любопытный благодаря устройству, которым он снабжен, чтобы мешать крысам и другим грызунам проникать туда. С этой целью он поставлен на столбы высотой в три—четыре фута, имеющие сверху широ-

кие плоские камни, образующие своего рода карниз, недостаточно широкий для того, чтобы кто-либо из грызунов мог перебраться со столба на этот карниз и затем в амбар.

Новый священный лес был сделан в этой части долины с тех пор как обитатели ее перессорились с жителями на другом берегу речки; в их распоряжении остался старый лес, где в 1818 году я делал приношение черкесским богам. Я был очень удивлен, увидев там вместо креста сооружение, напоминавшее по форме виселицу, которую черкесы наряду с крестом используют в качестве знака своей религии.

«Тау» в форме буквы «Т» иногда замещает крест, и, как мне говорили, постепенно, со временем к нему и другим знакам добавляются недостающие детали, чтобы превратиться затем в крест; знак без нескольких деталей служит свидетельством древности. Комиссионеры не смогли мне рассказать ничего удовлетворительного об этих особенностях, да и черкесы, сопровождавшие нас, казалось, знали об этом не больше. Неопределенность, которая царит в религиозных представлениях этих народов, с каждым днем все более увеличивается, и последние остатки христианства, которые вскоре совсем исчезнут, уступят место религии Магомета, уже сейчас делающей и без того слишком быстрые успехи.

...Беседуя на религиозные темы, я узнал название дней недели по-черкесски:

1. Понедельник — Плёпё (Pleupeu) — «начало»
2. Вторник — Губткхе (Goubtkhe) — «косарь»
3. Среда — Перезкеси (Perezkesi) — «малый пост»
4. Четверг — Меафек (Meafeuk) — «посредине»
5. Пятница — Перезкекуше (Perezkekouche)—«большой пост»
6. Суббота — Мефезеакеа (Mefezeakeua) — «единственный день»
7. Воскресенье — Т'хаумаф (T'haoumaf)—«день бога»

Воскресенье черкесы празднуют так же, как и мы.

Довольно забавны названья среды и пятницы —«малый» и «большой пост», хотя черкесы их вовсе не соблюдают, а также то, что их названия имеют отношение к «параскеви», что по-гречески означает «подготовка», т. е. название пятницы, потому что евреи в этот день готовились праздновать следующий день.

Путешествие в Анапу в 1824 году

Уже давно возникли другие меновые рынки, которые были учреждены казаками-черноморцами на правом берегу Кубани, под специальной инспекцией их «атамана» (вождя казаков); их всего восемь, а именно:

1. Талызин. 2. Кара-Кубань. 3. Великолагерной.

Расположены напротив народности шапсугов, которые после того, как избавились от своих князей, чья власть стала тирани-

ческой, теперь управляются старейшинами и дворянами; наиболее известны из них сейчас Атулла-лазе, (Atoullah-laze), Хаут-Берзетче (Khaoute-Berzetche), Цакемуко (Tsakemouko) и Читагойе (Tchitagoje). Абазехи спускаются со своих гор и привозят на эти три меновых рынка много пушнины, воска, меда, каштанов, различные фрукты и особенно прекрасную древесину — дубовую и липовую; они уплачивают шапсугам натурой за право прохода через их земли.

4. Екатеринодар.

Напротив народности бжедухов (Bzedoukhe), которой управляет князь Алкасс (Alkasse) и его брат Мехмет-Магам-Черей (Mehmete-Maghame-Tchereï): Алкасс — семидесятилетний старик, который в дар от Екатерины II получил саблю.

5. Малолагерной.

Напротив народности киркинеев ((Kirkinei) под управлением князя Пшекуи-Могу-Корков (Pchekoui-Moghou-Korkov) и дворянина Дударука (Doudarouke), который является вождем одного района.

6. Редутской. 7. Усть-Лабинской.

При слиянии Кубани и Лабы, истоки которой находятся в горах Кавказа, напротив народности темиргоев (Demirghoi), которая признает в качестве своих сеньоров князя Тау-Султана-Бейзруке (Thau-Soultane-Beïzrouke) и его брата Джанбулат-Айтека (Dzanboulate-Aitek). Их отец был убит несколько лет назад в бою, где он выступал на стороне русских против абазинцев. Тау-Султан довольно миролюбивый князь, он склонен держаться стороны России, в то время как Джанбулат не перестает нападать на ее владения.

8. Константиновской.

Напротив народности хатукаев (Khatoukaï), подчиненной князю Джан-Гери-Аслан-Гери (Dzan-Gereï-Aslane-Gereï).

За исключением шапсугов, все эти народности платят своим князьям десятину, чтобы иметь право вести торговлю с черноморцами.

Соль является единственным предметом, который меновые рынки предлагают черкесам. Казаки получают соль из соляных озер, которых у них много на Бугазе и на берегу Азовского моря; они ничего не платят правительству за ее добычу; добычей соли может заниматься любой. В стране ее продают от 15 до 20 копеек за пуд; на меновом рынке стоимость соли установлена атаманом в 50 копеек за пуд.

Прибыльной торговлей с черкесами занимаются также армяне из окрестностей Таганрога, но они не ограничиваются меновыми рынками, а пересекают Кубань и везут в горы разнообразные товары, большинство из которых русского производства; они их обменивают на черкесские продукты, которые они затем перевозят в Ростов, Нахичевань, Таганрог и т. д.; другие армя-

не, проживающие на Кавказе, также имеют право импортировать их в Россию.

Разумеется, возможно использовать эту торговлю для установления дружеских отношений между русскими и народностями Кавказа. Меня уверяли, что, несмотря на ее плохую организацию и отсутствие достаточных способностей у казаков, ее обмен уже достигает миллиона рублей. Та торговля, которую ведут армяне, должна быть приблизительно того же объема; к тому же казаки-черноморцы не упоминают в своих отчетах различные ценные товары, которые они получают от кавказцев, такие, как меха медведей, волков, лис, куниц, каменных куниц, диких котов, тигров и т. д.; абазехи продают им также много каштанов.

...В течение июля в Анапе состоялись две ассамблеи черкесских князей, и паша Сеид-Ахмет (турецкий командующий крепостью Анапа. — *Прим. перев.*) совершил поездку в глубь страны на расстояние 8 лье от крепости. Он старался выполнить важную миссию — добиться, чтобы народности, живущие вблизи от Кубани, принесли присягу на верность султану и подчинение турецким законам; чтобы достичь этой цели, он льстил попеременно наиболее преданным Порте князьям и вассалам тех князей, которые вовсе не хотели иностранного ига; он поэтому поддерживал жалобы вассалов против злоупотреблений властью со стороны их сеньоров, говоря им, что князья — бездельники, проводящие все время в седле и пользующиеся плодами их труда. Именно Сеид-Ахмету приписывают падение власти князей-шапсугов. Этому паше удалось добиться принятия присяги кабардинцами (Kabartaï), абазехами и бжедухами, и во время моего пребывания в Анапе он назначил турка для управления ими; это событие с помпой было сообщено обитателям Анапы, собравшимся у него 2 августа...

21 Заказ 6231

РОБЕРТ ЛАЙЭЛЛ

(1790—1831 гг.)

Роберт Лайэлл родился в Шотландии; образование получил в Эдинбургском университете, где изучал медицину. Вскоре после окончания университета Лайэлл покинул родину и переехал в Россию, где при поддержке лейб-медика Александра Крейтона занялся врачебной практикой, главным образом в аристократических домах Петербурга и Москвы (1815—1821 гг.). В 1822 г. совершил путешествие в Крым и на Кавказ, сопровождая в качестве врача и секретаря трех богатых и знатных иностранцев (маркиза Пуччи, графа Сала и эсквайра Пенрина).

Путешествие Лайэлла по Северному Кавказу было весьма кратковременным, заняв в общей сложности около двух недель в первой половине июня 1822 г. Поэтому оно не могло дать ему достаточного материала для сколько-нибудь серьезного и подробного описания жизни местного населения. Видимо, сознавая свое недостаточное знакомство с краем, Лайэлл и не пытается составлять на основании своих путевых впечатлений систематических этнографических очерков отдельных народов Северного Кавказа. Даже о черкесах, которым большинство путешественников по Северному Кавказу уделяет обычно большое внимание, Лайэлл ограничивается лишь краткими и беглыми заметками, отсылая читателя «за дальнейшими,—как он выражается,— деталями» к трудам Палласа, Клапрота и Кларка. И, действительно, по сравнению с этими авторами, Лайэлл сообщает в общем очень мало нового.

Из путевых заметок Лайэлла для нас наибольший интерес представляет описание находившейся близ Пятигорска шотландской колонии Карасс. Лайэлл, будучи родом из Шотландии, естественно уделил своим землякам, поселившимся на Северном Кавказе, особое внимание. В Карассе Лайэлл имел случай лично познакомиться с Шорой Ногмовым, который на него, как и на всех других иностранцев, встречавшихся с этим выдающимся человеком, произвел сильное впечатление: «Я вступил с ним в длительную беседу,— пишет Лайэлл,— и был также поражен его знаниями и его сильной манерой рассуждения».

Готовя к печати свои путевые заметки, Лайэлл довольно широко использовал предшествующую ему литературу. В частности, и в главе, посвященной описанию Карасса, Лайэлл неоднократно цитирует Глена — английского миссионера, совершившего в 1821 г. поездку из Астрахани в Карасс.

Его «Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию» было издано в 1825 г. в Лондоне на английском языке.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ, КРЫМ, КАВКАЗ И ГРУЗИЮ

Глава X

Добравшись до деревни Карасс, мы, после обычных формальностей, были пропущены казачьей охраной внутрь плетеной изгороди. Эта шотландская колония удобно расположена на отлогом склоне на расстоянии около двух миль от подножия Бештау, или Пятигорья, на восточной опушке красивого леса. Она представляет собой две широкие улицы, пересекающиеся под прямым углом. Посреди главной из этих двух улиц протекает чистый ручей, который в любое время года в изобилии снабжает население свежей водой. Дома здесь, хотя они построены главным образом из дерева, имеют скромный вид, но огороды, фруктовые сады и обработанные поля, окружающие со всех сторон деревню, радуют глаз и свидетельствуют о том, что это место является центром полезного промысла. Наиболее примечательными строениями являются маленький домик настоятеля, солдатские казармы и плетеные конюшни для лошадей казачьей сотни. Посередине деревни находятся маленькое караульное помещение с часовым, вышагивающим вдоль его стен, и заряженная артиллерийская пушка с внушительных размеров факелом, пылающим рядом с ней...

...Большую часть первых миссионеров в Карассе и их жен унесла дизентерия 1804—1805 гг.; однако в целом климат здесь здоровый. В этих местах, так же как и в Георгиевске, самая распространенная болезнь — малярия, зачастую сопровождаемая водянкой. Туберкулез легких мало известен как в самой колонии, так и в ее окрестностях. В 1804 г. в ближайших от колонии окрестностях чудовищные опустошения произвела чума. «Это счастливая скучайность,— сказал г-н Глен,— которую долго с благодарностью будут вспоминать все миссионеры, что, будучи в окружении чумы, жертвой которой пали тысячи местных жителей, ни один из них не погиб. Султан Катти-Гери Крим-Гери, который в то время находился у них на излечении, имел реальную возможность расстаться с жизнью, но счастливо поправился, я надеюсь, на благо своих соотечественников».

Мы не посетили кладбища, которое лежит в полуверсте к северу от деревни. Там захоронены останки многих бриттов, мужчин и женщин, наиболее выдающимся из которых был преподобный Генри Брантон. В беседе со мной ныне покойный доктор Роджерсон сказал много лет тому назад, что если бывают люди, самой судьбой избранные для того, чтобы творить добро в качестве миссионеров, то одним из них несомненно был г-н Брантон; о талантах этого джентльмена он говорил с восхищением. Судя по всему, мнение доктора было вполне обоснованным. Г-н Глен отдал дань уважения памяти Брантона, сказав, что он был «человеком сильного ума и знаний в области европейской

священной литературы, обладавший обширными познаниями в области догм магометанства (Коран он мог читать в подлиннике на арабском языке), проявивший поразительные способности в изучении многих живых и мертвых языков, имевший проницательный, живой и предприимчивый склад ума; вследствие этого (в том, что касается природных способностей и обширной эрудиции) прекрасно подготовленный для деятельности в качестве христианского миссионера. Он умер 27 марта 1813 г., закончив перевод на татаро-турецкий язык Нового Завета, получивший распространение среди татар и прочих народностей по обеим сторонам русской Линии»...

Все гражданские дела в колонии Карасса «подлежат решению на основе ее собственных законов, но уголовные дела подлежат общеимперской юрисдикции, или, говоря точнее, юрисдикции русских судов. Высшая судебная инстанция в колонии — миссионерский комитет, которому подчинен Untergericht, или низший суд, составленный из трех немцев. Колония состоит главным образом из немцев; однако, по словам г-на Глена, им, за исключением нескольких семейств, приказано покинуть эти места и поселиться где-либо еще...

...В 1822 г. население колонии состояло только из трех семейств шотландцев, включая сюда и семью настоятеля, и из двадцати-тридцати немецких семейств.

Количество пахотной земли, впоследствии установленное указом правительства, составляет 2500 десятин, что, если считать одну десятину равной приблизительно трем акрам, дает около 7000 акров, не считая примерно 1000 десятин, поросших кустарником и камышом. Почвы на землях колонии и по соседству — это богатый чернозем, который при условии хорошей обработки дает очень высокие урожаи любого вида зерновых, хотя немцы находят более выгодным выращивать табак, картофель и тому подобное; в то же время остается достаточно много земель под пастбищами для выращивания крупного рогатого скота. Немцы выращивают в больших количествах прекрасную капусту, которая на рынке в Георгиевске или в деревне у источников Константиногорска идет по высокой цене, будучи признана лучшей в этих краях...

...Несколько выдержек из книги г-на Глена иллюстрируют взгляды племен, окружающих шотландскую колонию.

Во время спора с кабардинским старшиной деревни против г-на Глена был выдвинут аргумент, что «для народа в их краю бог дал Коран, который призывает к высокой морали и осуждает любое проявление безнравственности», следовательно, было бы глупо со стороны миссионеров воображать, что им удастся обратить кого-либо из них в христианскую веру, за исключением того случая, если в первую очередь увенчаются успехом их попытки «обратить в свою религию их мулл и эфенди». В продолжение спора тот же самый старшина признал в общих выра-

жениях чистоту помыслов миссионеров; но вместо того, чтобы слушать их, он на протяжении доброго отрезка времени держал их припертыми к стене путем весьма искусного использования argumentum ad hominem, взывая не к разуму, но к чувствам, как будто вознамерился отомстить им за то, что они постоянно прибегали к тому же приему, проповедуя среди их собратьев-магометан. «У вас есть религия,— говорил он,— которая, как вы утверждаете, лучше, чем любая другая, и вы проповедуете, что, просвещая по поводу этой религии, вы поступаете по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы они поступали по отношению к вам. Именно так вы говорили вначале. Вы пришли сюда, вы занимали нас красивыми речами, пока вы не отобрали у нас наши земли и не присвоили их себе. Разве это означает поступать по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы они поступали по отношению к вам? Кто, как вы думаете, поверит в ваши проповеди после того, как вы поступили подобным образом?» Миссионеры отвечали ему, что земли были переданы им правительством, которое имеет право распоряжаться ими; что он должен признать что, как соседи миссионеры относятся к ним лучше, чем их соотечественники, не говоря уже о том факте, что в своем личном пользовании они имеют лишь малую толику земли, в то время как большая часть земли находится в руках у немцев, что ему и другим его соотечественникам в свое время было позволено пасти свой скот, косить сено и т. д. и т. д., без всякой платы. «Ни немцы, ни какие другие чужестранцы,— отвечал старшина,— не рискнули бы обосноваться в этом диком краю, если бы вы не показали им пример». По этому пункту я предоставляю читателю самому решить, кто из спорящих приводил наиболее убедительные аргументы».

«В беседе с кабардинским узденем, — пишет г-н Глен, — мы использовали возможность показать ему превосходство истин Евангелия и рекомендовали их его вниманию; однако, признав справедливость и полезность этих истин, он тут же заявил о своей решимости придерживаться той религии, в которой он был воспитан с детства; он прибавил, что он и г-н Галлоуэй всегда были хорошими друзьями, и если в чем и расходились, то только в вопросах религии, относительно которых, он уверен, они никогда не придут к общей точке зрения, а поэтому для них лучше будет избегать дискуссий и поклоняться богу каждый на свой манер». Как бы различны ни были наши воззрения на предмет, нельзя не восхититься терпимостью подобной доктрины — быть ли язычником, магометанином или христианином.

В другом месте г-н Глен пишет: «Беседуя с нами, один из татар, мирза (но в стесненных обстоятельствах), взял на себя инициативу и роль главного оратора. Он постарался четко изложить свою точку зрения, совпадающую с мнением большинства его соотечественников и состоящую в том, что бог дал каждому народу наиболее подходящую для него религию и каждый из

них должен быть удовлетворен своей собственной верой. Он долго был во внутренних районах России и ознакомился с религией русских; он был также в Германии, Франции и других частях Европы, где имел возможность наблюдать формы вероисповедания; впечатление, которое он вынес от всего виденного, суммировалось в том, что религия, отправляемая в каждой из виденных им стран, хороша для ее жителей. Религия Магомета в том виде, как она исповедуется его соотечественниками, вполне для них хороша, и всякое изменение ее установившихся норм было бы неуместным, а если говорить точнее, не слишком необходимым нововведением».

Нельзя не огорчиться, прочтя следующую выдержку. Миссионеры «к своему немалому удивлению и печали обнаружили, что многие магометане делали свою коммерцию, прося Завет без малейшего намерения прочесть его, но, насколько можно было удостовериться, с единственной целью обзавестись обложками, причем по недорогой цене, для Корана и других книг, рекомендованных их наставниками, причем божественный текст, который они обещали усвоить, безжалостно уничтожался или выбрасывался как ненужная бумага; теперь миссионеры изменили тактику и редко отдают на сторону копии Завета до тех пор, пока путем расспросов и наведения справок о просителе они не получат минимальной уверенности в том, что он действительно намерен пролистать Завет, причем они в этом случае берут обещание, что ни в коем случае божественное слово не подвергнется уничтожению».

Я приведу еще одну маленькую цитату, иллюстрирующую общее впечатление племен, соседствующих с Карассом. «Миссионеры,— считают местные жители,— очень добрые и услужливые люди, но это люди опасные, поскольку их главным занятием являются проповеди, направленные против Пророка».

Если сказанное выше может произвести удручающее впечатление относительно успешности усилий миссионеров, приятно отметить, с другой стороны, большой энтузиазм миссионеров, надеющихся преодолеть все трудности и приобрести новых последователей христианской религии.

Миссионеры в последнее время выкупают меньше детей у своих соседей-полуварваров, чем им того хотелось бы, так как многие дети сбегают или выкрадываются после того, как за них получен выкуп. Однако читатель увидит, что не все потеряно и некоторые из детей становятся христианами...

...Другой уздень, или дворянин, Шора, который также примкнул к нам в Константиногорске и сопровождал до деревни, занимался выделыванием кнутов, и мы купили у него большое число черкесских нагаек за 4, десять и даже пятнадцать рублей; у самых дорогих нагаек в рукоятке имеется кинжал. Все они прекрасной работы...

...Мы нашли его [Шору] умным интеллигентным человеком;

он одинаково хорошо говорил и писал по-русски; его занятия говорили о том, что, человек небогатый, он обладал благородным складом ума и, вероятно, только ожидал случая, чтобы отличиться. Г-н Джек (шотландский миссионер.— *Прим. перев.)* информировал нас, что он несколько раз был близок к тому, чтобы принять христианскую религию, а однажды даже согласился принять крещение, но потом снова впал в свои магометанские воззрения и догмы. Я вступил с ним в длительную беседу и был так же поражен его знаниями и его сильной манерой рассуждения.*

Хотя шотландская колония не посещается пока местными жителями с тем успехом, на который можно было бы рассчитывать, г-н Джек питает большие надежды на успех в решении задач, стоящих перед миссией. Он находится в прекрасных отношениях, чему мы неоднократно были свидетелями, как с татарскими, так и с черкесскими старшинами. Завоевав их доверие и уважение, он, видимо, стал им полезен; к тому же, хотя он обосновался в Карассе всего два года тому назад, он уже добился того, что местные жители стали к нему прислушиваться и не отказываются вступать в беседу.

Все горские племена на Кавказе, кажется, имеют очень много общего и стремятся продолжать тот образ жизни, который вели их предки. Мало занимаясь земледелием, они поддерживают себя охотой, скотоводством и грабежами. Они устраивают засады и сразу бросаются на своих жертв, или же нападают маленькими группами, когда уверены в победе. Их главной целью является захват высокопоставленных пленников, за которых они могут получить большой выкуп, и они обращаются с ними строго, даже жестоко с тем, чтобы они имели повод жаловаться своим друзьям на невзгоды, а их письма они любой ценой доставляют адресатам. Поскольку выкуп зависит от жизни пленника, они особо внимательны к тому, чтобы он оставался в живых. С тех пор, как русские овладели Грузией, они захватили много пленных и получили от них большие выкупы; однако в последние годы охрана горных перевалов была усилена и стала проводиться строгая, даже варварская политика в отношении горцев, которая значительно напугала их. Раньше у русских был обычай направлять в черкесские горы банды казаков для отмщения за набеги горцев; однако, к несчастью для них, они занесли к себе чуму, болезнь, которая частенько свирепствует в горах и против которой не применяется никаких средств: горцы, наподобие татар, являются подлинными последователями магометанства и питают сильнейшую веру в фатализм...

* О Шоре говорится также у г-на Глена (стр. 84). Он производит впечатление очень хитрого человека; не исключено, что он извлекает определенную выгоду из общения с миссионерами.

...Значительное число черкесских семейств, переселившихся на северную сторону Кавказской оборонной линии и называемые **дружественными черкесами,** хотя и не являются в полном смысле слова **подданными** России, все же в значительной мере могут рассматриваться как таковые. Они сохраняют свои древние обычаи, образ жизни и манеры, но не решаются пересекать Линию без разрешения русского правительства и посещать, даже имея разрешение, города без подчинения правилам карантина. Черкесские священнослужители и даже крестьяне совершают посещения Мекки, привозя оттуда чуму, которая производит сильнейшие опустошения и понижает численность населения на Кавказе. Никто из них не решается в открытую заниматься грабежами, но существуют серьезные подозрения, что они иногда делают это тайком; они также поддерживают связь со своими собратьями по ту сторону Линии и снабжают их информацией, которая ведет к новым набегам...

...Киммель сообщал, что в 1812 г. он знавал двух кабардинских князей на русской службе, один из которых имел чин полковника, а другой — майора, мы также, будучи в Константиногорске, слыхали об одном черкесском дворянине с высоким чином в русской армии.

Образ правления среди этих горских племен феодальный; местные жители разделены на три класса — князей, дворян и крестьян, не считая священнослужителей. У дворян есть рабы, переходящие к ним по наследству, но которых они редко решаются продавать. Крестьяне работают на дворян и стерегут их скот. Дворяне способствуют поддержке князей, поставляя им лошадей и скот.

Паллас и Клапрот дали интересные сведения о черкесах; в определенной мере о них пишет и доктор Кларк, так что я отсылаю читателя за дальнейшими деталями к этим авторам.

ЖАН-ШАРЛЬ ДЕ БЕСС

(Родился до 1799 г. — умер после 1838 г.)

Жан-Шарль де Бесс — венгерский ученый, занимавшийся изучением этногенеза и древней истории венгров. В 1829 г. предпринял поездку на Северный Кавказ в поисках следов пребывания предков венгров на этой территории.

Выехав в мае 1829 г. из Вены, Бесс через Одессу проследовал в Крым и на Кавказ. Переправившись через Керченский пролив в Тамань, Бесс проехал вдоль Кубани в Екатеринодар (Краснодар), а затем в Ставрополь, бывший тогда военно-административным центром Северного Кавказа. Узнав в Ставрополе, что командующий войсками на Кавказской военной линии генерал Эммануэль организовал экспедицию с целью восхождения на Эльбрус, Бесс поспешил присоединиться к этой экспедиции: в составе этой экспедиции был и ряд других членов Российской Академии наук. Бесс находился в базовом лагере экспедиции во время подъема на Эльбрус кабардинца Килара, единственного из участников этого восхождения, достигшего 10 июля 1829 г. вершины величайшей горы Кавказа.

Возвращаясь с экспедицией генерала Эммануэля, Бесс проехал по территории Карачая, что дало ему возможность ознакомиться с жизнью и бытом карачаевцев, почти неизвестных в то время европейской этнографической науке. Считая карачаевцев (так же, как и балкарцев и осетин-дигорцев) народом, родственным венграм, Бесс уделил их описанию особое внимание. Все сообщения Бесса основаны главным образом на личных наблюдениях и потому представляют для нас большой интерес. Несмотря на свою краткость, путевые заметки Бесса в ряде случаев существенно дополняют описания предшествующих путешественников по Северному Кавказу. Бессу, в частности, принадлежит одно из немногочисленных известий о молодом Шоре Ногмове, которого он встретил в Нальчике в качестве учителя местной Горской школы. Отмечая высокую образованность Шоры Ногмова, которого он по ошибке причислил к осетинам-дигорцам, Бесс сообщает, что Шора «с одинаковой легкостью говорит и пишет по-персидски, по-турецки, по-татарски и по-русски».

Свои путевые заметки Бесс издал в 1838 г. на французском языке отдельной книгой в Париже под названием «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.».

ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ, НА КАВКАЗ, В ГРУЗИЮ, АРМЕНИЮ, МАЛУЮ АЗИЮ И В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

в 1829 и 1830 гг.

Глава VIII

Тревога среди горцев при нашем приближении. Баснословный рассказ о мадьярском князе

При приближении экспедиции жители соседних гор, встревоженные видом войск, направили депутацию, чтобы узнать о цели этих военных приготовлений. Первыми представились карачаевцы, сопровождаемые их муллой; их вскоре успокоила ласковая, дружественная и располагающая манера поведения генерал-аншефа. Эти депутаты более не покидали нас, ограничившись тем, что был отправлен назад мулла с поручением успокоить пославших их; они сопровождали нас до границ своей территории.

Я беседовал с ними в присутствии переводчика экспедиции, который говорил по-турецки и по-русски, хотя сам был по происхождению из черкесов. Я немало подивился той радости, которую они проявили, узнав, что я — мадьяр и что моей целью являются розыски колыбели моих предков; но еще больше меня поразили их заверения в том, что они вовсе не принадлежат к племени древних мадьяр, что некогда они занимали, по преданиям их страны, плодородные земли от Азова до Дербента. Они добавили, что их нация проживала за Кубанью, в степях, занятых ныне казаками-черноморцами; что в те времена они соседствовали с могущественным народом, который угнетал их и требовал с них дань в виде одной белой коровы с черной головой или, за неимением таковой, трех обычных коров с каждой семьи, что, измученные поборами их соседей, они решили перейти на левый берег Кубани и укрыться в неприступных горах, чтобы вести там независимое существование; что, наконец, они пришли к нынешним местам своего пребывания, предводительствуемые вождем по имени Карачай, по имени которого вся их народность приняла свое название и сохраняет его до сих пор, хотя семейство Карачай уже угасло. Они сказали далее, что в трех днях пути от нашего лагеря есть пять деревень, или народностей, которые происходят от мадьярского корня: это Оруспие (Orouspie), Бизинги (Bizinghi), Хулиам (Khouliam), Балкар (Balkar) и Дугур (Dougour); что эти народности говорят на языке, совершенно отличающемся от языка других обитателей Кавказа; что они проживают в самых возвышенных горах и поддерживают связи с соседями осетинами и имеретинцами.

Во время наших бесед с карачаевцами, думая сделать им приятное, я им сказал, что в Венгрии есть семейство, носящее

такое же имя, что один генерал Карачай служил в армии австрийского императора, нашего нынешнего государя, и что, возможно, это венгерское семейство связано кровным родством с их древним вождем Карачаем [1]. При этих словах я заметил, что они переглянулись между собой с обеспокоенным видом, а затем неожиданно покинули нас, не попрощавшись с присутствующими; лишь через несколько часов я узнал причину их тревоги.

Переводчик генерал-аншефа, который присутствовал при наших беседах, отправился сообщить ему, что карачаевцы, покинув мою кибитку, принялись совещаться между собой, выказывая признаки величайшей обеспокоенности; чтобы узнать причину их жестикуляции и перешептывания, он приблизился к ним и вскоре понял, что их дебаты касались того страха, который вызвало у них мое появление в такой близости от их территории, так как, судя по тому, что я сказал, моей целью не может быть ничто иное, как требовать наследство семейства Карачай в пользу Карачаев из Венгрии. Он прибавил, что мои речи породили подобное подозрение у депутатов и что необходимо рассеять их заблуждения.

Генерал, которого этот рассказ весьма позабавил, просил меня больше не говорить с ними на этот предмет, но постараться объяснить им их ошибку, что я и сделал спустя какое-то время, навестив их в их палатке. Они казались весьма удовлетворенными тем объяснением, которое я дал своим предыдущим высказываниям, а также моими проявлениями дружбы в отношении их, поскольку через несколько часов они нанесли мне повторный визит и, спокойно попивая свой чай, снова отрицали, что мы суть соотечественники; с этого момента они непрестанно называли меня «кардаше» (kardache) и пожимали мне руку при каждой нашей встрече.

По этому поводу старшина (chef) оруспиевцев. Мурза-Хул, которого русские называют «князь» (knjes), бодрый и крепкий старик, несмотря на свой почтенный возраст, рассказал мне следующую историю, которую, по его словам, он слышал из уст своего отца и многих старейшин своего племени, пересказывавших ее всякий раз, когда речь заходила о их предках, мадьярах, господствовавших,— еще раз повторил он,— над краями от Кумы до Каспийского моря и в северной и западной частях Кавказа вплоть до побережья Черного моря.

Легендарная история мадьярского князя

«Жил когда-то,— сказал Мурза-Хул,— молодой мадьяр, сын вождя, правившего страной, протянувшейся до Черного моря; звали его Тума-Мариен-Хан. Этот молодой человек страстно любил охоту; как-то раз, увлеченный любимым занятием в компа-

нии молодых людей, он преследовал зверя до самого берега Черного моря, он заметил на некотором расстоянии маленький корабль, украшенный флагами и вымпелами, развевавшимися на ветру. Корабль, подгоняемый к берегу легким бризом, малопомалу приближался, и Тума-Мариен тоже направился вместе со своими спутниками к берегу; каково же было их удивление, когда они увидели на палубе одних только женщин, одетых в богатые одежды и знаками умолявших о помощи. Молодой князь тотчас же приказал прикрепить конец веревки к стреле, которую выпустили так удачно, что она упала прямо у ног женщин, которые, торопливо схватив веревку, привязали ее к хрупкой мачте своего суденышка, охотники же, ухватившись за другой конец веревки, в мгновение ока выволокли корабль на сушу.

Князь помогал спуститься на берег одной из девушек, к которой ее спутницы, по всей видимости, питали большое уважение; он взглянул на нее с обожанием, не в силах вымолвить ни слова, столь глубокое впечатление на его сердце произвела необычайная красота чужестранки. Затем, оправившись от своего удивления, он проводил ее и ее спутниц в резиденцию своего отца, который, узнав о высоком рождении и истории молодой особы, согласился женить на ней своего сына.

Вот удивительная история этой молодой чужестранки: ее звали Алемелия, и она была дочерью греческого императора, правившего в то время Византией. Этот своенравный монарх приказал воспитывать свою дочь в одиночестве на одном из островков Мраморного моря под наблюдением почтенной женщины; четырнадцать молодых девушек были у нее в услужении, и монарх строго-настрого запретил дуэнье, чтобы к его дочери когда бы то ни было приближался какой бы то ни было мужчина.

Принцесса становилась с каждым днем все прекраснее и приобретала все более невыразимое обаяние; ее прелесть в сочетании с невинностью и добротой порождали обожание со стороны ее спутниц по изгнанию.

Однажды, когда принцесса спала на диване, полог над которым был раскрыт, лучи солнца, как никогда яркие в тот день, проникли к ее ложу и произошло чудо: принцесса забеременела. Ее беременность не могла долго оставаться незамеченной ее отцом, императором; оскорбление чести привело его в страшный гнев. Чтобы скрыть бесчестье от своих подданных и не давать повода для разговоров об императорском семействе, он принял решение убрать дочь с глаз всего света, изгнав ее за пределы империи. С этой целью он приказал построить маленький корабль, нагрузить его золотом и бриллиантами, посадить на него свою дочь с ее служанками и дуэньей и отдать эти невинные существа на волю ветра и волн. Однако море, всегда столь гневно обрушивавшееся на непрошенных возмутителей спокойствия его вод,

смилостивилось к принцессе, и легкий ветерок погнал кораблик к гостеприимным берегам мадьяров.

Принцесса не замедлила разрешиться от бремени сыном, а вслед затем подарила своему супругу Тума-Мариен-Хану двух других сыновей. После смерти отца молодой князь наследовал ему и прожил счастливую жизнь. Он воспитал первого своего сына от принцессы Алемелии под родительским надзором. Перед своей смертью он приказал сыновьям жить в союзе и мире; но они, став хозяевами после смерти отца, поссорились из-за престола, и разгорелась гражданская война. Эта междоусобица среди мадьяр привела к разрушениям и расколу внутри этой некогда свободной и могущественной нации, от которой,— со вздохом прибавил рассказчик,— у нас сохранились лишь воспоминания о ее былом величии, воспоминания, которые мы храним среди этих скал, превращенных нами в убежище нашей независимости, единственного наследия наших отцов, ради которой всегда готовы отдать жизнь мы и наши дети».

Так закончил этот интересный старик свой рассказ, сопровождавшийся исключительно уместной жестикуляцией. Хотя я едва понимал его слова, я с особым интересом слушал его рассказ, постепенно переводимый на турецкий язык. Мурза-Хул вел свой рассказ с легкостью и живостью, очаровавшей слушателей. Что касается меня, то я затруднился бы передать те ощущения, которые породил во мне рассказ князя, ставшего с того момента объектом моего пристального внимания. Этот приятный старик не покидал нас до самого Эльбруса.

Карачаевцы во главе со своим «вали»[1] (vali) Ислам-Керим-Шовхали также сопровождали экспедицию. Все эти люди были чисто одеты на черкесский манер, в костюмы, которые были переняты не только всеми жителями Кавказа, но также и казачьими офицерами на Линии. Они превосходно держались в седле и лихо правили своими лошадьми, можно сказать, не только лихо, но и с изяществом; они очень ловки и прекрасные стрелки.

Эти люди отличаются прекрасной осанкой, выразительными чертами лица, приятной внешностью и гибкостью стана. Я заметил, что в этом отношении никакая другая нация не похожа так на венгров, как карачаевцы и дугуры, которых я встречал позже на Нальчике... У них татарский язык и магометанская религия, которую они исповедуют кому как нравится, за исключением молодежи, скрупулезно соблюдающей все обряды. Я думаю, сделать из них новообращенных не составило бы большого труда.

Многоженство дозволено, но у них редко бывает больше одной жены. Они имеют репутацию хороших мужей и хороших отцов. К тому же их не следует рассматривать как полуварваров: они

---

[1] *«Вали»* (князь) — титул, присваиваемый исключительно карачаевским старшинам.

показывают достаточно много ума, легко воспринимают принесенные извне искусства и их, кажется, трудно чем-либо поразить. Я заметил, что у мужчин ноги маленькие и правильной формы, что должно быть отнесено за счет легкой обуви без каблуков и их привычки мало ходить пешком и почти всегда быть верхом на лошади.

Земля в их краю — одна из самых хороших и плодородных, она дает пшеницу, ячмень и особенно просо; травы вырастают там до высоты почти в два фута и их более чем достаточно для прокорма скота. В этой стране прекрасные и обширные леса, где водится много животных; в их числе можно отметить куницу и дикую кошку, мех которых высоко ценится. Склоны и долины орошаются тысячью различных источников, освежающих зелень и умеряющих летнюю жару.

Карачаевцы разводят лошадей прекрасной породы; среди них есть такие, которые в Европе стоили бы до двух тысяч франков[1]. В большом количестве там водятся волы и овцы. Как правило, жители питаются бараниной; они также выделывают весьма хорошего качества масло и сыр.

Глава XVIII

Костюм черкесов

Поскольку черкесы представляют собой многочисленный, храбрый, сдержанный, отважный, но мало известный в Европе народ, я думаю, что не лишено смысла добавить здесь несколько слов к тому описанию этого народа, которое я намерен предложить в главе 53-й. Мои предшественники, писатели и путешественники, утверждали, что слово «черкес» происходит из татарского языка и составлено из «tcher» («дорога») и «kesmek» («перерезать»); но им не приходило в голову придать этому слову более естественный и более подходящий к характеру этого народа смысл. Нужно заметить, что «tcher» в персидском языке означает «воитель», «мужественный», а «kes» означает «личность», «индивидуум», «один из», aliquis. Из этого можно заключить, что именно персы дали название, которое сейчас носит этот народ. Я льщу себя надеждой, что ориентологи найдут подобную этимологию справедливой и не противоречащей их взглядам.

---

[1] Г-н Клапрот утверждал со слов наемных переводчиков, что в этих краях лошади низкорослые; в действительности же лошади здесь обычно того роста, который пригоден для использования в легкой кавалерии. Кстати, они легки на ходу, и я не знаю другой породы лошадей, которая была бы более подходящей для езды по крутым скалистым склонам и более неутомимой.

Одежда черкесов, перенятая в настоящее время всеми жителями Кавказа, легкая, элегантная и наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов. Они носят рубашку из белого полотна или тафты белого, желтого или красного цвета, застегивающуюся на пуговицы на груди; они называют ее «яна». Поверх рубашки они носят куртку из вышитого шелка любого цвета, называемую «каптал», а поверх нее — сюртук длиной чуть повыше колен; у них он называется «циех», у татар — «чекмень», «чимек» или «бешмет»; этот сюртук затягивается поясом с металлическими застежками высокого качества. У сюртука на груди с обеих сторон имеется по восемь нашитых карманчиков, или вернее, по одному кармашку с восемью отделениями для патронов. Я позволю себе заметить, что этот сюртук имеет много сходного с венгерским сюртуком, который называется «одежда а ля Аттила». Панталоны у них очень удобные, они опускаются до пят поверх обуви; по швам они украшены серебряными или золотыми галунами, чем также похожи на венгерские. Эти панталоны абсолютно той же формы, что сейчас носят в Европе, и не такие широкие, как у казаков. Обувь, называемая «шарак», шьется из кожи или сафьяна черного, желтого или красного цвета; чаще всего они с большим вкусом украшены вышивкой, которую, как и другие вышивные работы, обычно делают женщины. Их колпак, «борк», напоминает по форме половинку дыни; женщины шьют его из сукна, а затем обшивают по краю бараньим мехом, шерсть которого мягка как шелк.

Когда черкесы одевают парадную форму, они носят кольчугу, называемую «афех», маленький шлем, «кипха», их манто, «бурка» делается из мохнатого войлока; черкесы называют его «джако», а татары — «ямаче»; простолюдины носят кусок козьего меха, чтобы укрываться от дождя; в плохую погоду они носят на голове своеобразный капюшон, именуемый «башлык». Свои ружья, «молоток» они носят на ремне и укрывают в кусок козьей или барсучьей шкуры, не пропускающей воду и влагу. К поясу, «каес», они прикрепляют единственный пистолет; спереди на поясе висит длинный кинжал, а на боку — сабля. Подобное черкесское вооружение перенято даже офицерами черноморских казаков и на всей Кавказской линии.

Вот уже несколько лет при дворе императора Николая находится черкесский эскадрон, исполняющий функции императорской стражи; его численность достигает, должно быть, человек пятисот. Уверяют, что их военная форма великолепна и привлекает взоры всех в столице. Действительно, у черкесов воинственный вид, особенно хороши они в седле, так как с детства они носят оружие и садятся на горячих скакунов, причем иногда проводят в седле весь день; они никогда не выходят из дома без оружия, как минимум, без сабли, которую они называют «фодж» (fodj), и кинжала на поясе. Как правило, их оружие

превосходно, но очень дорого, оно всегда содержится в чистоте и сверкает. Лошади у них всегда ухожены, а седла, похожие на венгерские, элегантны.

Во время моего пребывания в Константиногорске я имел возможность беседовать с двумя черкесами, недавно возвратившимися из Санкт-Петербурга; они служили в императорской гвардии в течение года, то есть в течение оговоренного срока, после которого они возвращаются на родину и заменяются другими. Я спросил у этих двух людей, понравилось ли им пребывание в Санкт-Петербурге; они отвечали, что тысячу раз предпочли бы великолепию столицы свои родные очаги; не то чтобы они были недовольны обращением с ними в столице, но, как они повторили, для них в тысячу раз дороже их родина и независимое существование.

Глава XIX

Примечательный банкет

3 августа генерал-аншеф давал большой обед, чтобы отпраздновать один из дворцовых праздников, которые так часто случаются в течение года, и одновременно чтобы отпраздновать именины своей супруги. Помимо генералов на службе в Константиногорске и гостей его превосходительства во время экспедиции на Эльбрус, на этом банкете, весьма примечательном разнообразием костюмов и языков, присутствовали следующие князья и уздени:

Султан Мингли-Герай, потомок крымских султанов, в настоящее время генерал-майор русской службы.

Кучук-Янбот, старшина Большой Кабарды и почетный полковник, то есть не находящийся на действительной службе, но получающий оклад полковника.

Миссаост-Атажука, кабардинский князь.

Безлен-Хутедленов, то же.

Темрука, то же.

Махомет Доксукин, то же.

Махомет Атайука, то же.

Темруко-Ашло, князь Малой Кабарды.

Безлен-Ашло, его брат.

Мурза-Хул, старшина уруспиевцев из племени мадьяров.

Алакай Мансуров, султан татар-ногайцев.

Ислам-Керим-Шавшале, «вали» племени карачаевцев.

Арслан-Бег-Кайтука, местный князь.

Керим-Герай-Лоу, абазинский уздень.

Абулов, сын одного из черкесских князей.

Майор Сардан, черкес по происхождению, секретарь суда в Кабарде, кавалер персидского ордена Солнца.

Это было редкостное зрелище — видеть столько разнообразных костюмов вперемешку с богатыми мундирами русских генералов и французскими костюмами. Выше упомянутые местные князья вовсе не казались не у места в этом многочисленном собрании; я любовался их прекрасной осанкой и ловкостью, с которой они управлялись с вилкой и ножом: каждый из них так умело копировал действия своего соседа-европейца, настолько хорошо, что можно было подумать, что они уже не впервые присутствуют на подобном празднестве...

Глава XXI

Нальчик. Опасность. Школа для местных жителей

...Оставив позади нас Чегем, мы увидели перед собой прекрасную долину; ее оживляли кабардинские деревни, расположенные вблизи друг от друга, среди них деревня, в которой проживал Мурза-Миссаост, имела вид вполне европейский; дома в ней были построены лучше, чем это обычно можно видеть у черкесов; с удовольствием я смотрел на поля с кукурузой, горохом, бобами и фруктовые сады. Этот князь, которого я уже упоминал выше, является владельцем шестидесяти деревень, более трех тысяч лошадей и не меньшего количества голов крупного рогатого скота; тем не менее, как бы богат он ни был, его образ жизни очень прост. При нашем последнем свидании в Нальчике я спрашивал его, почему старшины народностей не выделяются более удобными, более просторными жилищами и не позволяют себе роскоши, соответствующей их положению. Он отвечал мне, что таковы обычаи, существующие у них, и он не решится нарушать их, чтобы не раздражать узденей и народ, которых муллы убеждают, что ужасающие последствия чумы, эпидемия которой разразилась у них двадцать лет назад, были наказанием за роскошь, которой кичились князья, и если князья вновь возвратятся к прежнему образу жизни, бог снова покарает их с такой же беспощадностью.

...На следующий день комендант любезно привел ко мне семнадцать детей в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, выходцев из семей старшин карачаевцев, кабардинцев, дугуров и пр. В этом форте русское правительство распорядилось построить на государственные средства школу, где детей обучают бесплатно под надзором учителя-магометанина и под непосредственным руководством коменданта форта. Детей обучают читать, писать и говорить по-русски; их мэтр, или ходжа (khodja), некто Сора, дугур по национальности, а, следовательно, мадьяр; он говорит и пишет по-персидски, турецки, татарски и русски с оди-

наковой легкостью; у него располагающая физиономия и приятные манеры... (leur maitre est nomme Sora, Dougour de nation, par consequent Magyar; il parle et ecrit le persan, le turc, le tatare et russe avec une egale facilite; il a une physionomie agreable et de belles manieres).

Правительство, устраивая эту школу, имело в виду весьма мудрый политический расчет. Дети местных жителей, меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей неприязни к русским, возвратятся к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам. Легкость, с которой учатся эти дети, необычайна, самый старший из них читал передо мной русскую книгу очень бегло и внятно, хотя пробыл в школе всего один год — срок, после которого родители забирают своих детей, чтобы прислать на их место других. На протяжении всего периода времени, что они находятся в Нальчикской школе, детей вполне прилично содержат, кормят и одевают по образу жизни в их стране. Они соблюдают под надзором их магометанского муллы предписанные Кораном посты, и русские далеки от мысли, чтобы обращать их в христианство. Со временем, вероятно, это может произойти, поскольку жители Кавказа, будучи невежественными в вопросах религии, доверяют духовное руководство своим муллам, которые не обладают другими знаниями, кроме умения читать по-арабски, не понимая смысла текста.

Часы занятий, приема пищи и прогулок четко установлены; время от времени родители учеников приезжают их навещать, и у них нет причин жаловаться на манеру обращения с их чадами...

...После обеда ко мне пришел ходжа Сора, чтобы сообщить мне некоторые отрывки из Дербенд-Намеха, истории Дербенда, в котором имеются описания многих народов Кавказа, и в особенности мадьяр. В этой истории упоминается город Маджары, который населял народ того же названия. Там говорится также о городе Кизляр, построенном и населявшемся мадьярами...

Глава LIII

Справка о черкесах

Вот краткая, но точная справка о черкесах, о которых до настоящего времени путешественники говорили лишь поверхностно.

Эта многочисленная и храбрая нация образует десять республик, или народностей: 1. Натухайцы; 2. Шапсуги; 3. Абадзехи; 4. Бжедухи; 5. Убыхи; 6. Хаттукайцы; 7. Абазы; 8. Бесленеевцы, которые считают себя потомками мадьяр. Эти народности, зачастую пребывающие во вражде, всегда объединяются при

приближении опасности, способной угрожать их независимости. Каждая из этих республик приносит клятву, в случае грозящей опасности, выступать только в интересах общего дела, будь то оборона или нападение на врага. Клятва, приносимая в подобных обстоятельствах, соблюдается нерушимо. Клятвопреступление наказывается самым ужасающим образом. Связанная этими нерушимыми узами, каждая народность представляет собой надежный оплот союза. Князья являются хранителями подобного общественного договора по праву своего превосходства, праву, которое религиозно соблюдается их подданными. Старики у черкесов в большом почете, даже среди молодых людей, которые не могут себе позволить сесть в присутствии стариков, не будучи приглашены сделать это.

С рабами обращаются с большой гуманностью; их используют как домашнюю прислугу и в полевых работах. Их хозяева зачастую выделяют им участки земли, где они трудятся, отдавая своим хозяевам часть урожая.

Князья не имеют никакой иной власти, кроме права принимать вместе с узденями, или дворянами, участие в дележе украденного или награбленного. Случаи кражи между ними передаются на суд старейшин, и обычно вор наказывается штрафом в семикратном размере от суммы украденного. Убийство наказывается в зависимости от сопутствующих ему обстоятельств и положения личности убиенного.

В большом почете среди черкесов гостеприимство, которое уважается и рассматривается как священное право. Когда чужестранец становится кунаком (гостем) одного из их семейств, он огражден от любых попыток покушения на его честь, так как его хозяин в ответе за него. Несмотря на любовь к грабежам, черкесы склонны к доброжелательству и даже дружбе; они горды и довольно тщеславны. Среди этих народностей нередки примеры приемства: если чужестранец желает натурализоваться, жена его хозяина дает ему свою грудь, и таким образом приемство осуществляется, что дает чужестранцу право обосноваться в стране и жениться на местной девушке.

Легкость, с которой магометанские муллы, почти все невежды, распространили здесь заветы Корана, свидетельствует о податливости черкесов; нет никакого сомнения в том, что в настоящее время, когда влияние турок в этой стране полностью ликвидировано, с такой же легкостью здесь может быть распространено христианство. Непростительно безразличие Рима, который до сих пор не удосужился направить в эти края своих миссионеров, которые во многих местах здесь обнаружили бы крест, до сих пор почитаемый черкесами как символ культа подлинного бога. До сих пор еще можно встретить прекрасно выполненные и тщательно сохраняемые кресты в районе истоков Кубани и особенно вблизи **Каменного моста**, а также уви-

деть древнюю церковь за Кубанью, чудесно сохранившуюся; о ней шла речь в первой части книги.

Что касается их религии, то они верят в верховное существо, а также в божеств второго ранга, которых они почитают как апостолов. Они верят в бессмертие души, леса служат им храмами, и крест у подножья дерева освящает алтарь, на котором приносятся жертвы. Один из старейшин общины выполняет функции жреца. Стоя рядом с крестом, одетый в войлочное манто и с непокрытой головой, он открывает церемонию принесением жертвы, обычно козла или барана, за исключением больших торжеств, требующих принесения в жертву быка. Старик берет свечу, стоящую под крестом, и выжигает на шкуре животного то место, куда будет нанесен удар, выливая при этом на голову животного немного бузы; после краткой молитвы животное убивают. Голова его посвящается божеству, ее насаживают на шест неподалеку от алтаря. Шкура принадлежит приносящему жертву, а остальное идет на приготовление пира для присутствующих. После принесения жертвы жрец берет в одну руку чашу, а в другую — кусок хлеба; воздев руки к небу, он в таком положении просит верховное существо проявить милость к собранию. Благословив пиво и хлеб, он передает их для употребления самому старшему из присутствующих. Помощники передают ему другую чашу и кусок хлеба, и жрец повторяет ту же церемонию, обращаясь к матери божества, а затем передает чашу и хлеб другому старейшине, и так далее. Прежде чем отпустить помощников, жрец назначает дату церемонии принесения новой жертвы, что случается раз в неделю; выбирается воскресенье, понедельник, вторник, среда или суббота; остальные дни не благоприятны для принесения жертвы. Судя по этим церемониям, нельзя не заметить разность источников происхождения подобного культа: с одной стороны, заметно влияние идолопоклонства, а с другой — слабые представления о христианских таинствах; смешение этих культов порождает новую религию.

Кроме этих еженедельных празднеств, черкесы отмечают целый ряд других: день Мереим, богоматери, приходится на сентябрь. Неизвестно, почему она почитается как богоматерь, так как ее история не имеет к этому никакого отношения: **Мереим** всего-навсего покровительница пчел.

Весной отмечается день апостола **Созериса.** Черкесы утверждают, что он был большим путешественником, которому подчиняются ветры и воды. Особым почитанием он пользуется у тех, кто живет на берегу моря. Черкесы почитают еще трех божеств — это сестры, ...которые охраняют домашнее спокойствие, мир между соседями и покрывают путников своими покровительственными крылами. Сходство этих трех божеств, наличие карающих и охраняющих божеств, лишний раз свидетельствует о смешении различных течений в черкесской мифологии.

В конце октября отмечается день поминовения усопших. Этот день отмечается каждой семьей в отдельности. Несколько дней спустя начинается праздник молнии и грома; этому божеству приписывают милость ниспослания на землю дождя и освежения воздуха после летней жары. Молния весьма почитается у черкесов; быть убитым молнией считается признаком божественного отличия.

Новый год у них совпадает с нашим и с периодом возобновления работ на полях; он отмечается два дня; однако с наибольшей торжественностью празднуется пасха; церемонии, которыми сопровождается этот праздник, не оставляют никакого сомнения относительно его происхождения. С началом марта они прекращают употреблять в пищу яйца. Они не дают и не берут в долг, ничего не принимают и даже не возьмут огня у соседа.

Другими черкесскими апостолами являются: Ноакаташ, Сшанка, Телебс, Йемиш и Мезит; у каждого из них есть свой день. Только в лесу и по случаю принесения животных в жертву черкесы позволяют себе употреблять в пищу мясо, а также еще и в том случае, если у них гостит чужестранец. В этом последнем случае они разнообразят свое меню рагу, которое они умеют приготовлять только с солью, молоком, медом и перцем.

Черкесы очень сдержанны; они умерены в пище и, за исключением торжественных случаев, обычно питаются вареным и подсоленным просом. Пища у них подается на турецкий манер; гость ест в одиночку, а хозяин дома и домочадцы, за исключением женщин, из уважения к гостю остаются на ногах. Гость оказывает честь, передавая то одному, то другому куски пищи, которую ему подносят. Женщины едят в отдельном помещении. На стол подаются только деревянные ложки. Рабы подают воду для мытья рук до и после приема пищи; за стол никогда не садятся, не вознеся предварительно молитвы богам.

Общепринятая среди черкесов умеренность служит им хорошую службу во время их походов. Их обычный напиток—«буза», они также варят крепкое пиво, которое по крепости и вкусу напоминает английское. Всадник, отправляющийся на несколько дней в поездку, удовлетворяется маленьким мешочком просяного теста, который приторачивается к седлу. Благодаря своей умеренности черкесы не знают многих болезней и доживают до глубокой старости, не зная тягот почтенного возраста, что не редкость у других народов. Других напитков, кроме бузы и пива, они не употребляют.

У мужчин обычно хорошая, статная и гибкая фигура: в этом смысле они не отличаются от своих предков, как их аттестует Абу-Эль-Касим, арабский историк, совершивший путешествие в страну черкесов, или **Кашакию**, как он ее называет. Это,—пишет он,— самая прекрасная порода людей среди всех кавказских народов; они отличаются особенно правильными чертами и белизной лица, а также высоким ростом.

Женщины довольно красивы, но они не заслуживают той репутации, которую им приписывают армяне, которые до взятия Анапы русскими продавали их на невольничьем базаре в Константинополе. Из-за преувеличений армян европейцы оставались в своем заблуждении относительно красоты черкешенок[1]. Однако следует признать, что они красивы, у них легкие и тонкие фигуры, красивейшие в свете глаза, брови красивого рисунка и длинные ресницы. Своим тонким станом черкесы обоего пола обязаны тому, что с самого раннего возраста они туго перетягивают фигуру — мужчины ремнем, а женщины корсетом; девушки снимают корсет только в замужестве; в первую брачную ночь супруг разрезает корсет острием кинжала.

При заключении брака черкесы платят родителям жены приданое; это приданое состоит из скота, оружия, верблюдов, лошадей, рабов и других предметов в зависимости от состояния родителей. Когда двое молодых людей хотят соединиться, молодой человек запрашивает через посредников согласие родителей своей возлюбленной; если он его получает, его отец отправляется к родителям невесты, чтобы обсудить вопрос о приданом, половина которого выплачивается сразу же, а вторая половина выплачивается в установленный по договоренности срок. Когда предварительные обсуждения закончены, молодой человек назначает своей возлюбленной свидание ночью, приезжает к ней в компании своих друзей и обычно отвозит свою невесту в дом жены общего друга обоих семейств.

Родители молодой на следующий день отправляются к родителям жениха и, изобразив разгневанный вид, требуют сообщить причину тайного похищения. Те отвечают, что их сын, желая жениться, поступил в соответствии с обычаями страны и что, следовательно, родители невесты должны дать согласие на этот союз. Хотя соглашение по всем пунктам достигнуто заранее, обычай требует, чтобы этого не показывали и чтобы пригласили арбитров для решения спорного вопроса; однако судьи всегда выносят приговор в соответствии с договоренностью двух сторон.

На следующий день празднуется свадьба, на которую собираются все родственники и друзья — одни у соседей, где находится невеста, другие — у молодого человека; они сопровождают жениха, чтобы он во второй раз похитил свою невесту, в то время как первые поджидают их там, чтобы помешать ему сделать это. Все они вооружены палками и изображают баталию, во время которой невеста появляется в дверях дома, поддерживаемая двумя подругами; увидев ее, жених бросается вперед и уносит ее на руках. Молодые девушки заводят победную песню, и все

---

[1] Грузинки, значительно превосходящие их по красоте, всегда продавались на Константинопольском базаре под именем черкешенок. Ошибочны обвинения в адрес отцов за то, что они продают своих дочерей; нет сомнения в том, что их крали евреи, армяне или турки.

«сражавшиеся» объединяются и сопровождают счастливых жениха и невесту.

Свадьба продолжается пять-шесть дней, но молодой муж не присутствует на торжествах, так как обычай требует, как мы видели выше, чтобы новобрачные не находились вместе в одной компании; вследствие этого он прячется в течение дня по соседству, а ночью его друзья приходят за ним в его убежище и провожают в апартаменты его жены, однако на рассвете он должен вновь скрыться. Такую жизнь он ведет приблизительно два месяца, избегая в особенности встречи со стариками. Такое же поведение требуется во время родов жены: с того момента, когда ему сообщают, что он будет отцом, он покидает дом и в течение нескольких дней решается появляться там только ночью. Рождение ребенка не имеет какого-либо религиозного характера; появление на свет ребенка отмечается небольшим праздником, а имя ему дают повивальные бабки по своему усмотрению.

Что касается черкесских костюмов, я их описал в главе XVIII, поэтому я здесь буду говорить только о женщинах. Они носят одежду из сукна различной окраски, и шубу, когда они наносят церемониальные визиты; во время же летней жары на них нет ничего, кроме легкого платья из хлопчатобумажной белой ткани, наподобие одежды татарских женщин в Крыму. Самые молодые заплетают волосы в косички, которые падают им на плечи. Поражает их искусство вышивания; они также занимаются шитьем и делают головные уборы для семьи. Помимо этих занятий на их плечи почти исключительно ложится забота о пчелах.

Черкесам принадлежит самая красивая часть Северного и Западного Кавказа. Земли там очень плодородны, имеются обширные пастбища с превосходной травой. Однако сельское хозяйство у них ограниченное и примитивное; они не обрабатывают землю под пары и ограничиваются лишь тем, что весной сжигают траву на участках, которые будут засеяны. Это единственный вид удобрений. Один и тот же участок земли обрабатывают в течение трех лет подряд, и когда земля истощается, переходят на другой участок. В целом они выращивают только просо, которое иногда дают в корм лошадям. Их стада не многочисленны; буйволов впрягают в плуг и в повозку. С большой заботой выращивают лошадей, которые у них прекрасной породы и очень ловкие. Овцы у них мелкорослые, но мясо у них высокого качества. Из овечьего молока делают сыр весьма приятного вкуса.

Черкесы рассказывают про одну гору, где прячутся духи, и которая поэтому считается прибежищем богов; ее называют Большой Храм. По всей вероятности, причиной этих преувеличенных рассказов являются суеверия и невежество. Эта гора расположена в группе высоких гор, но ниже остальных; эти горы образуют почти прямоугольник между Анапой и берегами

Кубани, приблизительно на равном удалении в двенадцать лье от этих пунктов. Густая роща украшает вершину этой горы, а посредине плоской вершины прячется пещера, вход в которую затенен единственным в этом месте деревом. Птицы облетают это место, скот никогда не приближается к нему, а преследуемый зверь предпочитает отдаться в руки охотников, нежели укрыться в этой роще. Недавно трое черкесов решились преодолеть этот барьер и проникнуть в пещеру; двое из них стали жертвой собственной смелости, а третий, избежавший этой участи, рассказал, что он там видел, а через несколько дней впал в безумие.

У подножия этой горы находят античные изделия из золота, серебра, меди и керамики, но дотрагиваться до них строжайше запрещено, и в силу суеверия этот запрет соблюдается. Окрестности очень плодородны и полны диких фруктовых деревьев и виноградника. Говорят и о других подземельях, служащих сюжетом для подобных сказок; одна пещера находится неподалеку от Пшада, резиденции князя Мехемет-Ехандар-Оглы; к ней никто не решается приблизиться, так как считается, что она служит убежищем для злых враждебных духов. Народная молва гласит, что этот злой дух прикован там и осужден оставаться в этом состоянии до тех пор, пока не будут устранены на земле все людские пороки.

В этой стране встречаются монументы кубической формы, производящие впечатление весьма старинных. Природа в этих краях прекрасна, здесь без всякого ухода произрастают различные плодовые деревья. В южной части произрастает в изобилии дикий виноград; его засушивают в лозах на зиму, а также делают простейшее вино, сохраняя его в глиняных бочках. Весь край покрыт лесами, и толщина стволов многих деревьев говорит об их почтенном возрасте.

У черкесов смерть мужчины в результате ранений, полученных в бою, сопровождается самыми трогательными выражениями горя. О его кончине возвещают плач и крики находящихся в доме женщин, и новость быстро распространяется по округе. Подруги и соседки матери и жены воина, покончившего земные счеты, присоединяют свои рыдания к плачу несчастной семьи. Целью этих посещений не является принести утешение, но поплакать вместе, чтобы выразить уважение покойному. Труп сейчас же обмывают, сбривают всю растительность, одевают во все совершенно новое и укладывают на землю на циновку; на другую циновку рядом с телом складывают одежду покойного; оружие покойного выставляется у входа во двор как символ семейного горя, и проходя мимо оружия, посетители начинают издавать рыдания. Мужчины, однако, не выражают свое горе в такой же бурной манере; они появляются с покрасневшими глазами, но прикрывают их рукой, а другой рукой наносят сильные удары себе в грудь. Они бросаются на колени на циновку рядом с те-

лом покойного и замирают в этом положении, сдерживая рыдания до тех пор, пока их не заставят подняться, сказав: «Довольно».

После этого им подают воду для обмывания рук и лица, и они направляются излагать соболезнования домашним. Обычай требует, чтобы покойник был предан земле в течение суток. Пока в доме готовятся искупительные жертвы, непременным компонентом которых является мясо домашних животных, несколько молодых людей идут готовить могилу. Во главе похоронной процессии идут старики и читают молитвы; сразу же за ними несут гроб, окруженный родственниками, друзьями и соседями покойного; шествие замыкают женщины с платками на шее, которые они держат за кончики и перемещают то вправо, то влево, издавая при этом горестные крики. Супруга, мать и ближайшие родственники покойного вырывают на себе волосы и расцарапывают лицо так, что на нем долго остаются следы.

После захоронения на могилу складывают часть мяса жертвенных животных, а также «пасту» и «бузу», предоставляя их для прохожих. Те, кто принимал участие в похоронной процессии, возвращаются в дом родственников покойного, где для них готовится тризна. Церемония завершается стрельбой из ружей, при этом наградой наиболее ловким служат шкуры животных

Память о покойном увековечивается в песне, которая содержит биографию, и она переходит из поколения в поколение, если покойный был достоин высокого уважения... Песни превращаются в легенды, рассказывающие об истории страны. На следующий год празднуется годовщина похорон, и по этому поводу родственники покойного демонстрируют всю щедрость, на которую они способны. Они приготовляют для этой церемонии различные блюда. Число животных, приносимых в жертву, иногда доходит до пятидесяти; помимо этого огромного количества мяса каждая семья, принимающая участие в церемонии, приносит с собой еще несколько блюд. О праздновании годовщины извещают за несколько недель с тем, чтобы те, кто проживает в отдалении, могли быть своевременно предупреждены. Со всех сторон собираются гости и рассаживаются на поле мертвых, которое представляет собой обширное пространство, на котором разбросаны надгробья. У могилы находятся одежда, оружие и боевые кони покойного. Здесь же раскладывают куски ткани в зависимости от состоятельности родственников покойного. Если они очень богаты, они добавляют к этим предметам еще несколько лошадей, рабов и даже кольчугу: все это предназначено стать призами на скачках.

День протекает в играх и застолье; любой прохожий может принять в нем участие. На первых скачках, которые проводятся по этому случаю, проявляется известная галантность по отношению к прекрасному полу со стороны тех, кто оспаривает призы, с тем, чтобы презентовать свой приз даме как дань ее красоте.

Действительно, черкесы проявляют достаточно много внимания к прекрасному полу по разным поводам. Если всадник встречает на дороге женщину, он спешивается, предлагает свою лошадь женщине, и если та отказывается, он идет пешком рядом с ней до ее жилища; но подобная галантность вовсе не мешает тому, что женщины обязаны делать самую черную работу наряду с рабами. Они демонстрируют много вкуса и мастерства в своей работе. Украшения одежды и обуви, выполняемые из галуна, золотых и серебряных нитей, поражают своим совершенством. К тому же черкесские женщины весьма далеки от того, чтобы быть обреченными на заточение, что так часто бывает на Востоке, они не отделены от общества мужчин и пользуются полной свободой, но не злоупотребляют ею: чувство целомудрия, в отличие, например, от острова Таити, доминирует обычно в этой стране, одном из самых прекрасных уголков земли. Хотя у этих горцев полигамия в обычае, большинство их имеет только одну жену.

Черкесские женщины пользуются в Европе репутацией редких красавиц, но здесь впадают в ошибку. Действительно, среди них есть очень красивые женщины, но их нельзя сравнивать с женщинами Грузии, Имеретии и Мингрелии, в числе которых особенно красивы грузинки. Черкесские женщины воспитываются далеко не в изнеженности; до сих пор они не знают искусства защищать цвет лица от лучей жаркого солнца; их привычки просты, они далеки от увлечения модами, и к тому же их образ жизни существенно отличается от образа жизни грузинок, которые являются христианками и поддерживают отношения с очень элегантными русскими женщинами, копируя их самые изысканные туалеты. Одним словом, привычки, более тонкое воспитание, более изысканная пища, непрестанное желание нравиться— все это увеличивает красоту грузинских женщин и дает им превосходство в этом смысле над черкесскими женщинами. До взятия Анапы в предгорьях Кавказа крали совсем молоденьких девушек, продавали их в Константинополь, а работорговцы выдавали их обычно за черкешенок.

Черкесский язык весьма распространен на Кавказе; кроме того, на этом же языке говорят и абазы; эти народы, с течением времени, могут завязать оживленную торговлю с европейцами; поэтому я счел полезным для путешественников и коммерсантов поместить маленький словарь, содержащий наиболее необходимые слова.

Ягненок	шина	china
Игла	мазтах	maztah
Сейчас же	игисту	ighustou
Душа	пзах	pzah
Осел	шидд	chidd
Дерево	п”ха	p’kha

Сегодня	ноба	noba
Вперед	дапеге	dapeghe
Борьба	дшаке	dchake
Корабль	кух, куаффа	koukh, kouaffa
Красивый	дахе, даихе	dakhe, daikhe
Масло	т' ха	t'kha
Пиво	зирре	zirre
Голубой	меше	meche
Пить	иефен	iefene
Хорошо	пфише	pfiche
Рот	дше, ийа	dche, ija
Овца	мелл, малл	mell, mall
Огниво	цетла-мапха	tsetla-mapha
Пояс	каес	kaies
Жара	ингупл, хваба	iegoupl, khwaba
Уголь	тхамише, фамише	thamiche, famiche
Кошка	геду	ghedou
Дуб	ийан, иана	ijan, iana
Собака	кха	kha
Воск	шеху	chekhou
Сердце	губ	goub
Рог	биакох	biakoh
Спать	солшиндж	solchindj
Нож	сех, сах, сези	seh, sah, sezi
Кожа	моску	moscou
Бог	тхка, тха	tkha, tha
Уснуть	сее, сечиян	see, setchian
Завтра	пшедие	pchedie
Палец	абхуомбе	abhouombe
Плясать	хаффех	khaffeh
Я даю	изот	izot
Я сплю	согие	soghie
Водка	арка	arka
Ребенок	чадле, чаллах	tchadle, tchallah
Надеюсь	согугех	sogougheh
Женщина	фезише, физ	feziche, fiz
Огонь	мафе, мафа	mafe, mafa
Холод	чеа, цаа	tchea, tsaa
Ружье	молток, фок, шонки	moltok, fok, chonki
Мука	хажига	khajiga
Дочь	сиспасе, п'ху	sipsase, p'khou
Брат	делтки, сис	deltki, sis
Фрукт	хус, джилгай	khous, djilgai
Кнут	камче	kamtche
Большой	жин, гин	jin, gin
Жирный	пшерр	pcherr
Война	зао, заво, зеби	zao, zawo, zebi
Человек	цух, дзиг	tsouh, dzigh

Зима	дуззах	douzzah
Счастливый	сахад	sahad
Желтый	хгоше	hgoche
Щека	таикайа	taikaia
Луна	махзе	mahze
Молоко	чех, чаа	tcheh, tchaa
Язык	ббзе, бзек	bbze, bzek
Медленно	хомба	khomba
Урод	айа	aia
Заяц	тагмугех	tagmougheh
Тяжелый	ондог	ondog
Есть	шин, сёйшеньет	chin, seuicheniet
Умереть	тлаз	tlaz
Мать	ана	ana
Мед	фаох	faoh
Бурка	джако	djako
Месяц	змаза	zmaza
Гора	куша, бги	koucha, bgi
Мул	кадир	kadir
Болото	пшип, пцах	pchip, ptsah
Утро	пшеджис	pchedis
Полночь	кжесси, гухке	kjessi, goukhe
Рука	вуна	wouna
Черный	фица, пица	fitsa, pitsa
Туча	дедиа	dedia
Не надо	чеп	tchep
Ночь	гехесс, шеше	ghehess, cheche
Гусь	каз	kaz
Ноготь	абеина	abeina
Ухо	тахумах, таком	tahoumah, takom
Кость	кушеха, кубжха	koucheha, koubjha
Да	ма, аго, онхо	ma, ago, onho
Глаз	нне, на	nne, na
Медведь	мишех	micheh
Пистолет	тапандже, пишету	tapandje, pichetou
Нога	т' ле, слако	t'le, slako
Шкура	тфех, фа	tfeh, fa
Камень	мимвех	mimweh
Голубь	таррекох	tarrekoh
Свинец	пзабпзах	pzabpzah
Перо	куц, дама	kouts, dama
Порох	гин, гине	ghin, ghine
Трубка	чибук	tchibouk
Кинжал	кинжал	kindjal
Панталоны	хосег, гонсек	hoseg, gonsek
Крестьянин	пшилер чо' хотл	pchiler, tcho'hotl
Мост	т' лемише	t'lemiche
Прошу	кассет	kasset

Колодец	пшител	pchitel
Король	кодгхва, серазиз	kodghwa, seraziz
Красный	плише	pliche
Роса	ушебз	ouchebz
Сабля	пшахох	pchahoh
Кровь	т' лих, т' лех	t'lih, t'leh
Неделя	тхамакхуа	thamakhoua
Змея	ббл''ех, кагаффа	bbl'eh, kaqaffa
Шелк	дана	dana
Туфля	чако	tchako
Пот	пшантепс	pchanteps
Один	дзее	dzee
Солдат	жабдже	jabdje
Земля	чех, чи	tcheh, tchi
Сосцы	биц	bits
Убить	скукише	skoukiche
Буря	зхувае	zhouwaie
Время	хигох	khigoh
Всегда	магвохкасс	magwohkass
Иди, уходи	кха, куо, ко	kha, kouo, ko
Жизнь	допзох, псонго	dopzoh, psongo
Девственница	хайхебз	haihebz
Город	дгилер	dgiler
Лицо	нап, напа	nap,-napa
Вижу	сешир, секизохоше	sechir, sekizohoche
Ваше	зефиа	zefia
Иду	сокур	socour
Продать	ишенгет	ichenghet
Пчела	бзех	bzeh
Люблю	чичасас	tchitchasas
Трут	пхус	pkhous
Год	ит' лчессе	it'lchesse
После	бетанех	betaneh
Серебро	дшин	dchine
Осень	уппеге	ouppeghe
Овес	зантх	zantkh
Вниз	тлаишех	tlaicheh
Сражаться	иевово	iewowo
Баран	те	te
Скотина	псауха	psaoukha
Белый	хонше	khonche
Буйвол	ве, вох	we, woh
Лес	пха	pha
Колпак	пе, пако, борк	pe, pako, bork
Мясо	топ, хорле	top, khorle
Уздечка	сшохо	schoho
Утка	бабише	babiche
Раб	шах, блана	chah, blana

Верблюд	макше	makche
Плуг	пхашек	pkhacheh
Дорога	хабе	knabe
Лошадь	нигдге	iigdge
Небо	вхапех	whapeh
Свинья	хё, кашека	kheu, kacheka
Петух	адека	adeka
Шея	пше	pche
Резать	пизувехе	pizouwehe
Ложка	бземидрех	bzemidrekh
Двор	кваше	kwache
Просить	иеупс[?]	ieoups
Давать	нет	iet
Зуб	дзех, дза, эбзег	dzeh, dza, ebzegh
Сукно	циех	tsien
Пустыня	кекуша	kekoucha
Дайте мне	саре ксет	sare kset
Вода	пси	psi
Далекий	жижех	jijeh
Лето	гамакох	gamakoh
Рак	сакох	sakoh
Железо	хгуче	khgoutche
Сено	маук	maouk
Пшеница	годз	godz
Я делаю	с'оче	s'otche
Сын	сисау	sisaou
Лес	мес	mes
Сыр	ткуйа	tkouia
Дым	баха, ухо	baha, oukho
Левый	замаувгех	zamaouwgheh
Стекло	милл, мел	mill, mel
Крупный	гум	goum
Дворянин	ворк	vork
Одежда	сугён	sougheoun
Час	самакох	samakoh
День	машвуе	machwouie
Молодой	це, ца	tse, tsa
Кобыла	жибс	jibs
Шерсть	ци	tsi
Кислое молоко	чеху	tchehou
Легкий	пшинчах	pchintchah
Он	ари	ari
Место	чеппа	tcheppa
Длинный	уйджех, кехаг	ouidjeh, kehag
Баран	сшумне[?]	schoumne
Плохой	загес, ббзагех	zaghes, bbzagheh
Море	че, кхи, усаха	tche, khi, ousaha
Полдень	саггех	saggeh

Просо	пху	nkhou
Я	се, за, зер	se, za, zer
Мое	сезие	sezie
Муха	бзух, бац	bzouh, bats
Я ем	сооше	sooche
Муж	т' ех, зиттил	t'ekh, zittil
Врач	хачме, азе	hatchme, aze
Дом	тташ	ttach
Нос	пех, фех, па	peh, feh, pa
Нет	акам, шакам	akam, chakam
Плавать	эуззур, осс	eouzzour, oss
Снег	уас	uoas
Яйцо	йедикке	iedikke
Птица	бга, кодабзу	bga, kodabzou
Золото	дишешалх	dichechalh
Ячмень	ха	kha
Где, куда	тодугоре	todougore
Темный	кепф	kepf
Лук	пшин	pchin
Открывать	соог	soog
Хлеб	чакве, джаха	tchakwa, djaha
Отец	жаддах, иада	jaddah, iada
Маленький	цук, цикуше	tsouk, tsikouche
Кремень	фокишета	fokicheta
Плакать	сог	sog
Дождь	уошех	oucheh
Рыба	бжех, пзе	bbjeh. pze
Курица	кгед	kghed
Весна	хгадке	hgadke
Солома	кук	kouk
Страна	чер	tcher
Перец	бурц	bourts
Пыль	сапа	sapa
Князь	пшех	pcheh
Говорить	кхуи	khoui
Отвечать	кездшева	kezdchewa
Скала	курче пзанах	kourtche pzanah
Солнце	дегра, дигга	degra, digga
Селитра	гин, суг	ghin, soug
Соль	суг	soug
Чувствовать	собит	sobit
Сестра	клепхсу, шиог	klephsou, chiog
Сера	мвашегох	mwachegoh
Мышь	дзуго	dzougo
Седло	уан	uan
Вечер	шехаша	chehacha
Часто	чегчекоо	tchegtchekoo
Голова	з' ха, ч' ха	z'ha, tch'ha

Дыра	жуана, уана	jouana, ouana
Поздно	уйджеб	ouÏdjeb
Замок, храм	медж-гит	medj-ghit
Ты	уо, уор	ouo, ouor
Оборот	дишашах	dichachah
Мясо	лле	lle
Старик	тт' лише, жжех	tt'liche, jjeh
Деревня	куадже	kwadje
Вино	шишир, шагир	chichir, chaghir
Быстро	чех, чак' хо	tcheh, tchak' ho
Повозка	гку, гух	gkou, gouh
Вы	фехрр	fehrr
Долина	кумб, кох	koumb, koh
Хочу	сехуеше	sehoiuieche

Основные цифры

1	зе	ze
2	ту	tu
3	ши	chi
4	птише	ptiche
5	тху	thou
6	хи	khi
7	бле	ble
8	га, ге	ga, ghe
9	бгуше, боро	bgouche, boro
10	пше	pche
100	шех	cheh
1000	ши-пше, мин	chi-pche, min

Дни недели

Воскресенье	тхе-махуа	the-mahoua
Понедельник	блиша	blicha
Вторник	губж	goubj
Среда	бережиа	berejia
Четверг	махук	mahouk
Пятница	меирем	meirem
Суббота	шабат	chabat

ИВАН ФЕДОРОВИЧ БЛАРАМБЕРГ

(1800—1878 гг.)

И. Ф. Бларамберг — генерал-лейтенант русской службы. Родился во Франкфурте-на-Майне. Высшее образование получил в Гессенском университете. В 1823 г. переселился в Россию. В 1827 г. окончил Институт инженеров путей сообщения, и с этого времени начинается его военная служба. В 1830 г. был причислен к Генеральному штабу и назначен офицером в штаб Отдельного Кавказского корпуса, что дало ему возможность близко и основательно ознакомиться с народами Кавказа. Бларамберг во время своей службы в Кавказской армии лично посетил многие районы этого края, в том числе несколько раз побывал на Северном Кавказе (1830, 1835, 1837, 1840 гг.). Участвовал в походе против черкесов в Закубанье (1830 г.) и в ряде других военных экспедиций против кавказских горцев (кистин, тагаурцев, дагестанцев, закавказских лезгин).

Будучи высоко и разносторонне образованным офицером Генерального штаба, Бларамберг в 1833 г. получил ответственное задание составить сводное описание народов Кавказа на основании имеющихся в штабе Отдельного Кавказского корпуса сведений. Бларамберг с большой добросовестностью отнесся к этому заданию; он не только тщательно использовал все штабные материалы, касающиеся народов Кавказа, но пополнял их своими личными наблюдениями и данными, почерпнутыми из литературных источников (как русских, так и иностранных). В результате двухлетней напряженной работы им было составлено (на французском языке) фундаментальное трехтомное описание Кавказа в историческом, топографическом, статистическом, этнографическом и военном отношениях. Этот выдающийся для своего времени научный труд, посвященный энциклопедическому описанию Кавказа, остался, к сожалению, до сих пор неопубликованным. По своему замыслу и содержанию «Описание» Бларамберга предвосхищает обобщающий этнографический очерк народов Кавказа, данный Н. Дубровиным в первом томе его известного сочинения «История войны и владычества русских на Кавказе». Рукопись труда Бларамберга, хранившаяся в Военно-ученом архиве Генерального штаба, была использована Дубровиным в числе других архивных источников.

В настоящее время эта рукопись хранится в Центральном Государственном Военно-историческом архиве в Москве. Там же хранятся и другие рукописные работы Бларамберга, посвященные описаниям отдельных областей и народов Кавказа («Описание народов, обитающих на пространстве земель по левую сторону Военно-Грузинской дороги», «Описание Абхазии» и др.).

ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ, СТАТИСТИЧЕСКОЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ ОПИСАНИЕ КАВКАЗА

Часть I

Черкесы

Черкесы (адыге, адехе) населяют северные склоны Кавказа, а также долины от крепости Анапа до слияния Терека с Сунджой. Границами их страны являются: на юго-западе — Абхазия и Черное море; на юге — Малая Абхазия и Осетия; на севере реки Кубань, Малка и Терек отделяют их от России; на востоке Терек и Сунджа служат границей между черкесами и народностью кистов. Черное море омывает западные границы Черкесии от устья Кубани до речки Агрипш.

Черкесов можно разделить на две ветви, а именно: кубанские черкесы и кабардинские черкесы, которых также называют кабардинцами; эти последние заселяют местности между Кубанью, Малкой, Тереком и Сунджой.

Издревле Кабарду населяли басианцы и карачаевцы; преследуемые черкесами, они вынуждены были искать убежища в высоких, труднодоступных и покрытых снегом горах Кавказа, где они осели и все еще остаются данниками своих извечных преследователей.

Часть II

Кубанские черкесы

Название

Черкесы,... которых европейцы называют неправильно, сами себя именуют адыге, или адехе*. Этот примечательный народ делится на две народности — черкесов кубанских и черкесов кабардинских; последних называют также кабардинцами. Первые населяют берега речек, которые являются левыми притоками Кубани или впадают в Черное море; вторые населяют Большую и Малую Кабарду. Некоторые утверждают, что название «черкесы» — татарского происхождения и составлено из слов «чер» (tcher), то есть «дорога», и «кесмек» (kesmek) — «перерезать». Таким образом, Tcherkessan или Tcherkess-sidji должно быть синонимом Jol-kessidji слова, еще существующего в турецком языке и означающего человека, который перерезает

* Некоторые писатели утверждали, что это название происходит от татарско-турецкого ada, то есть «остров»; подобная этимология черкесам неизвестна, и в их языке слова «остров» нет.

дорогу, то есть разбойника. «Кесех» (Kesseh), или «казах» (Kazakh) — это имя, которое дают черкесам их соседи осетины, и подобно «Казахии» (Kazakhia) византийских историков, этот народ и страну следует искать в местах, расположенных за Кубанью, которые сейчас населены черкесами. Возможно, осетины правы в своем утверждении, поскольку они рассказывают, что до появления кабардинских князей, пришедших из Крыма, народность черкесов именовала себя «казахами»*. Черкесских князей мингрелы до сих пор называют «кашах-мепхе» (Kachakh-Mephe), что означает «царь кашахов».

Вначале мы опишем кубанских черкесов.

Граница

Страна, населенная кубанскими черкесами, простирается вдоль левого берега Кубани от ее истоков до впадения в Черное море, и от ее левобережья, до склонов Главного Кавказского хребта. Ее границами являются: на юго-западе — Абхазия и Черное море, на юге — Малая Абхазия и земли карачаевцев, на севере и востоке — река Кубань, которая отделяет их от русских территорий и земель ряда ногайских, абазинских и кабардинских племен. С юго-запада и запада земли черкесов омывает Черное море от устья Кубани до границ с Абхазией. Обитающие на побережье племена — это натухайцы, гусинцы и убыхи. Площадь этого края может быть приблизительно определена в 24 тыс. кв. верст.

Наименование племен, занимающих северные склоны Кавказа от крепости Анапа до истоков Кубани

1. Натухайцы (натохайцы)	Natoukhoitch
2. Шапсуги	Chapsoughs
3. Абадзехи (абедзехи)	Adebzekhs
4. Туби	Toubis
5. Убыхи	Oubioukhs
6. Саше	Saches
7. Бжедухи (бзедухи):	Bjedoukhs
а) Хамыши	Khamischs
б) Черчинеи	Tchertchineis
8. Хаттукаи	Hattoukois
9. Темиргои	Themirgois
10. Эгеркваи	Egherkouois

* Арабский географ Массуди писал в 947 г. н. э.: «В Требизонд, расположенный на берегу Константинопольского моря, ежегодно приезжают магометанские купцы из Рума, Армении и страны кашеков».

11.	Жане	Jnes
12.	Адеми	Ademis
13.	Мохошевцы	Mokhochs
14.	Хегайки	Khegdiks
15.	Беслепеевцы	Bezlcnie

Натухайцы, шапсуги, абедзехи, туби, убыхи, саше, бжедухи, хаттукаи, темиргои, эгерkваи и жане имеют демократический образ управления, а адеми, мохошевцами, хегайками и бесленеевцами управляют князья «пши» и дворяне «ворки».

Натухайцы (Natchkwadja, Nathoukaitch) расселены от побережья Черного моря и устья реки Кубань на восток до маленькой речки Небеджея (Nebedjeia), берущей начало в горах Маркотх (Markotkh), от ее истоков до впадения справа в Атакум и вдоль ее левого берега до Кубани. Их долины окружены скалами и покрыты редким лесом. Земледелие у этого племени развито незначительно, зато благодаря своим прекрасным пастбищам они имеют возможность больше заниматься скотоводством. Беспрерывные войны, которые они ведут, и их склонность к разбою оставляют им мало времени для того, чтобы заниматься хозяйством.

Шапсуги (Chapsough, Chapsikhs) населяют лесистые склоны гор, которые тянутся до предместий Анапы и вдоль речек Антхир, Бугундир, Абин, Афис, Шебс и Бакан; их территории простираются от речек Небеджея и Атакум до вершин Тезогир и Псаф (в горах), а в долинах до маленьких речек Догая (берет начало на горе Псаф), Пшиша, Афипс и реки Кубань. Две деревни Абат (Abat) принадлежат дворянину, носящему то же имя, и расположены по берегам Антхира и Бугундира... Большинство шапсугов живут семьями, у них мало скота и они мало обрабатывают землю; главным источником средств к существованию для них служит разбой. У них совсем нет князей. Предводителем у них является либо глава самой многочисленной семьи, либо самый отъявленный разбойник. Шапсуги говорят на испорченном диалекте черкесского языка. Их земли простираются на западе до гор, откуда берет свое начало Бакан и которые черкесы называют Chag'alech (по-русски Пчеболеза), что означает на их языке «белая старуха», поскольку они сложены из белых камней; эти горы пересекает дорога, ведущая к крепости Анапа, удаленной от этих мест на сорок верст. Позднее мы еще вернемся к шапсугам, наиболее знаменитому племени кубанских черкесов.

Абедзехи (Abedzekhs, Abazekhs). Границами этого племени на западе служат владения шапсугов, на востоке — земли бесленеевцев, на юге — главная цепь Кавказского хребта, на севере — территории, занимаемые бжедухами, темиргоевцами и мохошевцами. Ранее абедзехи населяли снеговые горы Запад-

ного Кавказа. Поскольку их численность беспрерывно возрастала, они постепенно спустились до сланцевых и черных гор и усилились за счет захвата людей, которых они обращали в своих пахарей. К ним присоединилось также большое число беженцев из других племен, в результате чего произошло такое смешение, что сейчас только их дворяне являются подлинными абедзехами. Утверждают, что свое название «абадзехи» они получили по имени черкесской красавицы, некогда жившей среди них, поскольку по-черкесски Abazekh-dakhe означает «красавица».

Поля у них не слишком обширные, а деревни состоят всего из нескольких дворов. У каждого есть свой собственный участок земли, небольшой лесок и выгон для скота, находящиеся в пределах одной ограды. Каждый житель носит имя своего хозяина. Их земли покрыты лесами и пересечены многочисленными речками и ручьями. У них есть также превосходные пастбища по обоим берегам Лабы. Собственно говоря, у них нет никакой религии и они употребляют в пищу свинину. Многие из их узденей исповедуют исламизм, но их веру не назовешь крепкой. Они очень гостеприимны по отношению к своим друзьям и готовы пожертвовать для них всем. Среди них много русских пленных и солдат-дезертиров.

Туби (Toubis) являются одним из абадзехских племен и говорят на том же языке. Они являются большими разбойниками и занимают наиболее возвышенные и труднодоступные районы вблизи речек Пчега и Сгагваша и вплоть до снеговых гор...

Убыхи и Саше (Oubouikhs? Saches). Южную часть снеговых гор и долины на побережье Черного моря до речки Гагрипш населяют племена убыхов и саше, которых называют также джикеты (Djiketis), пшави (Pchawis), ясхипсы (Yaskhipsis), иналкупы (Inalkoupis), свадзвы (Swadzwis), артаковцы (Artakowtzis) и марьявы (Marjawis). Черкесы называют их Kuch'hazir Abazi, что означает «загорные абазы», однако на самом деле они адыгейского происхождения. Они не имеют над собой князя, но охотно подчиняются хорошему всаднику, хорошему вору, что в их понимании является свидетельством выдающихся талантов. Земля у них плодородна и не требует особой обработки. Все они выращивают виноград, особенно убыхи и выделывают из него хорошее и в больших количествах вино, которое они называют «сана». У них также много фруктов, таких как яблоки, вишня, груши, персики (по-татарски «шафталу», что обычно произносится как «чептала»). Как и в Мингрелии, у них можно видеть своеобразный, прессованный и твердый мед, который они употребляют в виде напитка, размешивая его в воде. В их землях много кустарников невиданной густоты. Живут они в домах, поселениями в три-четыре двора, выстроенных в лесу.

Бжедухи (Bjedoukhs или Bzedoukhs). Занимаются сельским хозяйством, у них также есть некоторое количество скота, но они большие любители воровства, и часто совершают грабежи и набеги на черноморских казаков. Их пастбища расположены вблизи их домов. Бжедухи делятся на две ветви — хамыши и черчинеи.

Хамыши (Khamischs) проживают между Афипсом, Псекупсом, Кубанью и большой дорогой.

Черчинеи или Киркенеи (Tchertchineis, Kirkeneis) проживают между Псекупсом и Пшишем по обеим сторонам большой дороги, а именно: с правой стороны дороги в часе езды в сторону гор, и с левой стороны — до Кубани; отсюда следует, что хамыши и киркинеи, то есть бжедухи, занимают пространство между речками Афикс и Пшиш от Кубани до владений абедзехов.

Хаттукайцы (Hattioukais, Gatioukais, Hattikwahe) проживали ранее к западу от Кара-Кубани по речкам Убин, Зиль, Азипс до кубанских плавней, ограниченные с юга Яман-су, между черноморскими казаками и шапсугами, но под давлением последних они покинули свои прежние жилища и теперь проживают между Пшишем и Сгагвашей от Кубани до владений абедзехов. Сейчас они покорены (стали «мирными»)*.

Темиргоевцы (Temirghois, Kemourkwache) делятся на два племени. Мирные **темиргоевцы,** которых именуют также «келекюевцы», проживают между Сгагвашей и Лабой, от Кубани до большой дороги, а...

Эгеркваевцы (Egherkouais) занимают территорию с правой стороны дороги до владений абедзехов, границы которых не определены какими-либо естественными границами. Это — банда разбойников под предводительством темиргоевца Джамболета.

Темиргоевцы являются самыми богатыми и чистыми из всех племен кубанских черкесов. Их деревни в большинстве своем укреплены; эти фортификации состоят из палисадников или двойного ряда больших перекрещенных кольев. Внутреннее пространство между этих двух рядов заполнено землей, а верхняя часть утыкана рогатками, которые представляют собой непреодолимое препятствие для их врагов туби и убыхов, которые проживают в горах и с которыми темиргоевцам приходится частенько сражаться. Темиргоевцы содержат свой скот зимой в загонах вблизи от деревень, а летом — выгоняют на пастбища на обеих берегах Лабы.

Жане (Janes, Janis). У них всего лишь шесть деревушек. Ранее они проживали на правом берегу Кубани выше Копыла (Kopyl), но при приближении русских в 1778 году укрылись на левом берегу реки вместе с жителями Тамани и осели в на-

* С тех пор они уже покорены и перенесли свои аулы ближе к Кубани.

стоящее время недалеко от Кубани на обоих берегах реки Пшиш.

Адемы (Ademis) маленькое черкесское племя, обосновавшееся на речке Сгагваша, поблизости от Кубани.

Мохошевцы (Mokhochs или Moukhochs) проживают у подножия черных лесистых гор, откуда стекает множество ручьев, которые, напоив влагой плодородный край, впадают затем в Яман-су или Фарс. Главными речками, берега которых они занимают, являются нижний Фарс, нижний Псисур и нижний Чехурадж. Мухошевцы богаты скотом, занимаются сельским хозяйством и живут в укрепленных деревнях. Зимой они держат свой скот в загонах, летом выгоняют его на пастбища на левом берегу Лабы, а весной и осенью — вблизи Кубани. Чтобы добраться до них, нужно по дороге от Прочного Окопа пересечь Кубань и вершины между этой рекой и Чалбашем, впадающим справа в Лабу, затем нужно переправиться через речку Шограг.

Хегайки или Схегахи (Khegaiks, Shegakchs). Маленькое черкесское племя, которое проживает на Бугре и его притоках, вблизи и ниже крепости Анапа. Их название — черкесское и означает «люди, проживающие у моря». («Skhe» — означает «море»). Ранее они проживали на том месте, где сейчас стоит Анапа. Их число значительно уменьшилось в результате набегов натухайцев и опустошений, произведенных чумой.

Бесленеевцы (Bezlineis или Bezlenie) занимают территорию от истоков речки Псисур, текущей с горы Хагваре на восток до устья речки Геген, которая впадает в Воарп, и на юг почти до снеговых гор. Зимой бесленеевцы держат свой скот вблизи жилищ, в загородках из плетней; весной и летом они выгоняют его на пастбища на берегах Урупа, Большого Инджика и солевого озера Касма, воды которого стекают в Кубань. Они богаты скотом, особенно овцами. Их горы неприступны; живут они в постоянной вражде с другими горцами...

Беглые кабардинцы. Со времени волнений в Кабарде в 1807 году значительная часть этой народности укрылась в Кавказских горах. Те, кто искали убежища у кубанских черкесов, занимают в настоящее время долины верхнего Урупа и Верхнего Улу-Инджика. Именно эти беглые кабардинцы всегда возглавляют ватаги разбойников, совершающих набеги на русскую территорию; связи, которые они сохранили со своими соотечественниками, проживающими в долинах, облегчают эти нападения.

Султанеевцы (Sulthanie). Независимо от этих народностей в районах, расположенных за Кубанью, укрылись некоторые потомки крымских султанов; однако их сторонники немногочисленны. Татары и черкесы объединяют их под общим названием «султанеевцы».

Семья Мурад-Герей-Хаз-Герей обосновалась вблизи Лабы

за Навруз-Аулом. Их подданные проживают не более чем в сорока жилищах.

Семья его брата Девлет-Герей-Хаз-Герей живет у абедзехов. в черных горах, на речке Курчипс. В зависимости у них осталось не более сорока семейств.

Дети покойного султана Аслан-Герей и братья генерал-майора Менгли-Герей находятся вблизи от Большого Зеленчука вместе с ногайцами-мансуровцами. Они живут в нищете.

Потомки султана Казил-бега рассеялись по разным народностям.

Все эти султаны не имеют никакой власти и когда они отправляются в набег, они не могут принудить никого следовать за ними; их сопровождают только добровольцы...

За Кубанью существует еще ряд мелких черкесских племен, о которых мы не будем говорить. В целом эти племена, вполне вероятно, получили свое название по имени главы первых семейств, которые некогда существовали, да и сейчас еще существуют в этой стране: так, по традициям черкесов название даже шапсугов происходит от некоего Шапсуга и его потомков Коббе, Сханета, Гоаго и Соотоха, семейства которых до сих пор существуют среди этой народности. Натухайцы ведут свой род от братьев Натхо, Нетахо и Гусие. Бжедухи — от своего Бжедуха и его сыновей Хамала и Черчаны, по имени которых бжедухи до сих пор делятся на две ветви: хамыши и черчинеи. В наше время имеются примеры мелких племен, частично русского происхождения, как, например, племя Пцаше, которое ведет свое происхождение от русского рыбака, захваченного в плен шапсугами. Он остался среди них, женился, и его потомки насчитывают сейчас до тридцати семейств, которые все носят имя Пцаше, что по-гречески означает «рыбак». Что касается племен, населяющих горные долины, большинство их называется по названию мест, где они раньше проживали, как, например, убыхи — по местечку под названием Убых и тому подобное.

Облик жителей

Черкесы в целом красивая нация; мужчины у них отличаются хорошей и стройной фигурой, и они делают все, чтобы сохранить ее гибкой. Они среднего роста, очень живые и редко бывают полными. Плечи и грудь у них широкие, но нижняя часть корпуса у них очень узкая. У них карие глаза и темные волосы, удлиненная голова, прямой и тонкий нос. У них выразительные и одухотворенные лица. Их князья, которые ведут свое происхождение от арабов, отличаются от простого люда черными волосами, более темным цветом кожи и некоторыми различиями в строении лица. Простолюдины имеют более светлый волос, встречаются среди них даже блондины, и цвет лица

у них более белый, нежели у их князей. Женщины у них самые красивые на всем Кавказе и всегда пользовались такой репутацией*. У них черные глаза, они шатенки, у них греческий нос и маленький ротик. У кабардинских женщин кожа на лице — белая, с легким налетом кармина. Если к этому добавить стройную и гибкую фигуру и маленькие ножки, можно получить представление об образчике черкесской красоты; однако не все отвечают этому идеалу, и мы должны сделать замечание, что необоснованным является общераспространенное мнение, что черкешенки населяют главным образом гаремы турок, так как черкесы очень редко продают туркам представителей своей нации, разве что это будут украденные рабы. Большинство прекрасных черкешенок, которые появлялись в Турции, привозились оттуда из Имеретии и Мингрелии**. Черкесы продают главным образом рабов мужского пола. Черкесские девушки стягивают свою грудь столь тесным корсетом, сделанным из кожи, что ее едва можно различить; у женщин же в период кормления она остается свободной, так что грудь вскорости становится отвисшей. В остальном нужно сказать, что у черкесов женщины не находятся в таком заточении, как у других азиатских народов.

Замечание. Господин Тэбу де Мариньи, который посещал черкесов в районах, прилежащих к Геленджикской бухте, в 1818 году, таким образом описывает прекрасный пол этих краев:

Черкешенки из племени натухайцев имеют овальное лицо, черты лица — обычно крупные; глаза у них, чаще всего черные, красивы; они осознают это в полной мере и считают глаза своим самым сильным оружием; брови у них красивого рисунка, и черкешенки, чтобы сделать их менее густыми, выщипывают. Их бюст, который, как я уже говорил, лишен у девушек своего основного украшения, чрезвычайно тонкий и гибкий, зато у многих женщин нижняя часть корпуса очень крупная, что почитается за большую красоту на Востоке и что мне показалось уродством у некоторых из них. Тем из женщин, кто пропорционально сложен, нельзя отказать в благородстве в осанке и большой привлекательности. К тому же их костюм, особенно у замужних женщин, очень красив. Но, чтобы восхищаться ими, их

---

* Массуди, арабский автор, который писал в 943 году, уже говорил о кашаках (черкесах): «Среди народов, живущих между Кавказом и Румом (Черным морем), нет ни одного, где бы мужчины отличались бы столь же правильными чертами лица, прекрасным цветом кожи и гибкостью фигуры. Говорят, что их женщины удивительной красоты и очень соблазнительны».

** Султанша Валида, мать несчастного султана Селима III, была черкешенкой.— Эта позорная торговля черкесами, мингрельскими и прочими рабами полностью прекращена с тех пор, как Россия овладела восточным побережьем Понта Эвксинского.

нужно видеть только вписанными в интерьер их дома, так как когда они выходят из дома, их медленная походка и ленивый вид, налагающий отпечаток на все их движения, поражают взгляд европейца, привыкшего к живости и элегантности наших дам. Даже их длинные волосы, которые так приятно видеть разбросанными по груди и плечам черкешенки, это покрывало, которым они драпируются с тем искусством, что свойственно желающему понравиться прекрасному полу во всех странах, даже, наконец, их платье, которое, сжимая вначале их талию, затем разделяется и открывает шальвары, которые также не лишены привлекательности, все это вдруг превращается в смешные и стесняющие атрибуты, когда черкешенка покидает свою софу. Они в целом не лишены ума; у них живое вооображение, они способны на высокие чувства, они любят славу, и у них вызывает гордость слава их мужей, добытая в боях.

Одежда и оружие

Одежда мужчин весьма похожа на мужскую одежду у татар-кумыков, но сделана из более легкой, более высокого качества ткани и обычно более дорогая. Рубашка (уапа) застегивается на груди; шьется она из хлопчатобумажной ткани или легкой красной тафты на грузинский манер. Сверху на рубашку надевается легкий шелковый жилет, обычно украшенный вышивкой, а на него — своеобразный сюртук, очень короткий, который у черкесов носит название «цши», а у татар — «чекмень»; он едва доходит до середины бедра; они его очень плотно затягивают на поясе; на груди с обеих сторон имеются маленькие карманчики, обычно с отделениями для хранения патронов. Мужчины бреют голову или очень коротко стригут волосы, оставляя на макушке клок волос длиною в палец. Этот клок волос именуется «хайдар» (haidar). Раньше черкесы носили только усы, теперь же нередко можно встретить черкесов, которые отпускают и бороду. И тот, и другой пол не оставляет волос на половых органах, либо срезая волосы, либо выщипывая, либо уничтожая их с помощью едкого вещества, состоящего из негашеной извести и аурипигмента. На голове они носят вышитый колпак на вате, форма которого напоминает половину дыни, отороченный мехом или просто бараньей шкурой. Их штаны (шальвары), широкие вверху и узкие, начиная с колена, бывают обычно серого или бурого цвета. На ногах они носят элегантные красного цвета туфли с очень высокими каблуками, благодаря чему кажутся значительно выше, чем они есть на самом деле; вместо этих туфель они носят мягкие туфли без подметок; казаки в Гребенском также привыкли к ним и называются они «чирики».

Никогда черкес не выходит без оружия, или, как минимум, без шашки, кинжала на поясе и без манто из мягкого фетра на плечах; это манто называется по-черкесски «джако», по-татарски — «ямаче» и по-русски — «бурка». Чтобы дополнить описание их вооружения, нужно кроме того упомянуть ружье и пистолет, кольчугу (affch), маленький шлем (kip'ha) или большой шлем (tach), латные рукавицы (achtew) и налокотники (abkhoumoukh). Когда черкес при полном параде на лошади выезжает, например, делать визиты, он берет свой лук и колчан со стрелами; черкесы не знакомы со щитом. Стрелы у князей украшены белыми перьями, выдернутыми из хвостового оперения орла; дворяне и простолюдины не имеют права украшать свои стрелы подобным оперением под угрозой строгого наказания. Можно было бы подумать, увидев воина, настоль перегруженного оружием, что его движения должны быть стесненными и неуклюжими, однако черкес на коне со всем этим оружием являет собой пример подвижности, ловкости и прекрасных качеств всадника. Во время войны черкесы одевают под кольчугу нечто вроде жилета из ваты, эластичность которого заставляет пули еще лучше отставать от корпуса. Они достают свои лучшие кольчуги из аула Кубачи в Дагестане; некоторые, правда, утверждают, что кольчуги очень хорошего качества производятся также в Абхазии на побережье Черного моря. Однако черноморские казаки приспособились приподнимать кончиком копья край кольчуги и протыкают пикой черкесов на полном скаку. Оружие у черкесов обычно превосходное, но стоит очень дорого; полное обмундирование, например, князя стоит не менее двух тысяч рублей серебром. Одним из главных занятий черкесов является чистка и приведение в боевой порядок оружия; поэтому оружие у них всегда чистое и сверкающее. С раннего утра черкес опоясывается шашкой и кинжалом и проверяет, не пострадало ли от ночной сырости остальное его оружие. Во время походов подушкой им служит маленькое седло, находящийся под седлом кусок фетра они используют в качестве постели, а накрываются своей буркой. Во время плохой погоды они делают небольшую палатку из фетра, которую натягивают на ветки деревьев; во время путешествий они укрываются от дождя, натягивая на голову своего рода капюшон, называемый «башлык». Остальную часть своего вооружения черкесы получают из Турции (по крайней мере получали до 1830 года) и из Грузии; вместе с тем у них имеется еще много старинных сабель и пистолетов венецианской и генуэзской работы, которые у них в большой цене. Поскольку у них мало кремней для ружей, большую часть их поставляют им русские. Как и большинство других кавказских народов, черкесы сами производят порох («гин»). В горах они добывают селитру («гин-хуш» или «чин-шух», то есть «пороховую соль»); они также делают порох, выщелачивая подстилку в загонах для скота.

Главная роскошь у черкесов состоит в их оружии; хотя их особенно интересует само качество оружия, они все же неравнодушны и к богатому украшению оружия. Их сабли, кинжалы, пистолеты, ружья, сбруя и так далее покрыты украшениями из серебра и золота превосходной работы. Седла и ножны шашки украшены галунами. Они никогда не продают свое лучшее оружие, и оно обычно переходит по наследству от отца к сыну. Когда им достаются европейские сабли, они их снова закаливают и затачивают таким образом, что ширина клинка сокращается на одну треть, и он теряет всякую гибкость.

Одеяние женщин мало отличается от мужского, за исключением цвета: женщины предпочитают белое, тогда как мужчины никогда не используют ни красный цвет для своих колпаков, ни белый цвет в своей одежде. Молодые женщины из княжеских и дворянских семей носят под покрывалом красную шапочку, украшенную спереди полоской из черного сафьяна с серебряными кнопками, которая очень им идет, а волосы они заплетают во множество свободно падающих косичек. Платья у них длинные, спереди открытые, с застежками от груди до пояса, наподобие турецких «антери» (это открытое спереди платье напоминает капоты наших дам). Они носят широкие шальвары и красные сафьяновые туфли без подметок («чирики»), напоминающие мужскую обувь того же рода. Женщины из простонародья носят шапочки любого цвета, за исключением красного, и вместо туфель они носят деревянные сандалии, а чаще всего ходят просто босиком. Выходя из дома, они надевают покрывало, которое скрывает их лицо.

Девушки носят обычно длинную рубашку, которую вместо пояса они стягивают лентой или полоской кожи; у них длинные широкие панталоны и красные шапочки; волосы они убирают в одну косу, которая свободно лежит на спине. Их праздничное одеяние состоит из полукафтана из шелка или хлопчатобумажной ткани, поверх которого надевается длинная одежда из сукна с открытыми рукавами. Первый вид одежды более легок и красив, поскольку он обрисовывает стройную и гибкую фигуру и соблазнительные формы, которыми так гордятся черкесские девушки. Чтобы сохранить у девушки фигуру, в княжеских и дворянских семьях девочке в возрасте до десяти лет одевают на бюст корсет, который останется на ней до первой брачной ночи, когда ее избранник вспарывает его кинжалом. Корсет делается из кожи или сафьяна и снабжен двумя деревянными дощечками на груди, которые своим давлением на грудь мешают ей развиваться; считается, что эта часть тела — атрибут материнства, и молодой девушке зазорно позволять видеть его. Корсет также сжимает очень плотно бюст от ключиц до пояса благодаря веревке, которая проходит через дырочки в корсете (иногда для этих целей используются серебряные крючки); девушки носят этот корсет даже ночью

и снимают его только тогда, когда он износится, и то лишь для того, чтобы немедленно заменить его новым, таким же тесным. Таким образом, получается что черкесская девушка в день свадьбы имеет такой же бюст, какой она имела в возрасте девяти лет; в остальном прекрасная фигура черкешенок сохраняется благодаря скромной жизни и частым упражнениям на воздухе, так что даже крестьянские девушки сохраняют стройную фигуру, хотя они вовсе и не носят кожаных корсетов. Девушкам разрешается красить себе ногти почти темно-красной краской, которую черкесы добывают из цветка, по-черкесски называющегося «кина» (balsamina).

В общем идея красоты у черкесов состоит в том, чтобы иметь широкие плечи, выпуклую грудь и тонкую фигуру. Мужчины, хотя они и надевают на себя несколько сюртуков, один на другой, стягивают пояс так, чтобы не показать ни одного недостатка фигуры, и молодые люди одевают очень тесные чирики, чтобы не дать расти их и без того маленькой ноге.

Пища

Пища черкесов состоит главным образом из проса, молока, сыра и баранины; они редко убивают быков для употребления говядины в пищу. Просо они едят в виде каш на воде. Они делают мучные лепешки из пшеничной муки или проса, называемые «чурек», которые во всей Азии служат заместо хлеба. Летом они питаются дичью, зимой — бараниной, либо вареной, либо жареной. Из проса они делают также наполовину перебродивший напиток, который называют «фада»(phada) или «фада-хуш» (phada-khouch), что значит «белая фада»; татары называют этот напиток «брага». Брага — общераспространенный напиток. Коровье молоко они потребляют только в кислом виде; из него они делают также плохой сыр и масло, всегда подтаявшее и несоленое. Также они делают медовый напиток «фада-плиш» (phada-plisch или «красная фада»), куда они иногда добавляют хмельной мед. Этот последний напиток приводит к головным болям и потере сознания на несколько часов, поэтому его пьют только по большим праздникам и с умеренностью. Водки они пьют мало. У них нет заквашенного хлеба, вместо него они употребляют немолотое просо, которое варят, затем режут на толстые куски.

«Хатлама» (hatlama) делается таким же образом, но из перемолотого проса. Если просо помолото, что бывает редко, его замешивают без дрожжей, и из него делают лепешки толщиной в палец («меджага» medjaga). Первый из трех перечисленных способов готовки распространен, потому что у черкесов очень мало водяных мельниц. Они размалывают зерно с помощью кусков дубовой древесины, после того как зерно уже слегка обмолото с помощью цепа.

Наконец, чтобы сделать просяную муку, зерно мелют с помощью маленьких ручных мельниц с каменными жерновами, однако они есть только в небольшом числе домов.

Они приправляют свои блюда длинным перцем (capiscum) луком и чесноком; они также любят крутые яйца, особенно в блюде, называемом «хинкали», которое приготовляется из кислого молока с небольшим количеством масла, свежего сыра, лапши, сваренной в воде и напоминающей наши макароны, крутых яиц, разрезанных на четыре части, лука и чеснока; это деликатесное блюдо часто готовится по случаю больших пиршеств. «Ширалдаш» — плоская лепешка — делается из пшеничной муки, яиц, молока и масла. «Халива» (Khaliva) — маленькие пирожки из того же теста, начиненные свежим сыром и луком. Все эти блюда довольно вкусны; есть их предпочитают с медом вместо сахара. Мед часто употребляют с маслом; это блюдо называется «тау-тго» (tau-tgo); оно используется как соус к мясу. Простолюдины едят мясо, обмакивая его в кислое молоко, и потребляют мало соли. «Тау-кус» (tau-kus) делается из воды с медом и является напитком.

Во время приема пищи черкесы обычно усаживаются на землю, поджав под себя ноги. Блюда сервируются на маленьких столиках на трех ножках, высотой не более фута и шириной фута полтора: на них ставится мясо, сыр и разрезанное на кусочки тесто. Они не пользуются ни тарелками, ни ножами, ни вилками.

Черкесская семья никогда не собирается за столом, чтобы вместе откушать; мать и отец делают это отдельно, так же как и дети, которые делятся в зависимости от пола и возраста и каждый отправляется съесть свою порцию в отдельный уголок. Для черкеса постыдно есть перед чужеземцем и тем более за одним с ним столом; поэтому хозяин дома остается все время на ногах из уважения к своим гостям.

Когда черкес отправляется в набег, он берет с собой в кожаном мешочке провизию, которая состоит из просяной муки и нескольких кусков копченой козлятины или баранины. Небольшое количество этой муки он смешивает с водой, лепит лепешку и жарит ее у огня, а потом поедает с небольшим количеством копченой козлятины или баранины; провизии этой хватит черкесу на две-три недели; для сравнения скажем, что такого количества провизии русскому солдату едва ли хватило бы на пару-тройку дней. Зато когда у черкесов праздник или гости, они убивают быка, сервируют на стол зажаренных целиком баранов, добавляя к этому дичь или домашнюю птицу, и наедаются до такого состояния, что больше уже не в силах что-либо еще есть.

Жилища

Жилища черкесов очень просты и облегченной конструкции. Их дома, «сакли» (sacli), строятся в форме параллелограмма, в основании которого стоят толстые столбы, связанные вместе поперечинами, а между ними пространство перекрывается плетеными стенами, которые обмазываются снаружи и изнутри; крыша делается из соломы или тростника. Стены изнутри побелены; в одном углу помещения имеется очаг, а напротив — очень низкий деревянный диван, покрытый войлоком или ковром, над диваном развешивается оружие, кольчуги и тому подобное. С одной стороны сложены матрацы, постельные принадлежности и другие предметы первой необходимости в быту. Таково жилище как самого богатого князя, так и самого последнего крестьянина. Привычка почти постоянно бывать на открытом воздухе и под дождем приучила черкеса довольствоваться самым минимальным укрытием. Несмотря на все это, черкесы живут куда чище других горных народностей. Каждый черкес, независимо от степени состоятельности, имеет обширный квадратный двор, где стоят отдельно друг от друга три домика: один общий, другой — для женщин и третий — для гостей, или «кунацкая». В деревнях дворы удалены друг от друга и не вытянуты в линию и не образуют улицы; напротив, они разбросаны беспорядочно. С обоих концов деревни имеются две башни, плетеные и обмазанные глиной, поднимаясь на которые жители по очереди несут караульную службу. Черкесские деревни занимают обширное пространство, поскольку домики, расположенные обычно кучками, находящимися друг от друга на значительном удалении, далеко один от другого. Если в деревне становится слишком много отбросов и навоза, жители переносят свои дома на другое место, дабы не утруждать себя расчисткой дворов.

Сельское хозяйство

Черкесские князья и дворяне с самых отдаленных времен ведут тот образ жизни, какой в Европе вели феодалы до цивилизованных времен. Их единственным занятием является охота и разбой, в то время как их крестьяне обрабатывают землю и т. д. Их хозяйство можно разделить на три основные отрасли: земледелие, коневодство и разведение крупного рогатого скота и овец; к этому можно еще добавить пчеловодство.

Земледелие

Земледелие у черкесов весьма примитивное, так как они не удобряют землю. Весной выжигают траву на участке, который должен быть засеян; пепел в данном случае служит единственным видом удобрения; затем землю вспахивают, высевают семе-

на и боронят с помощью ветвей дерева с листвой на них. Их плуг похож на тот, что применяется на Украине; в плуг впрягают несколько пар быков. Один и тот же участок земли обрабатывается в течение двух-трех лет подряд, а когда земля истощается или падают урожаи, переходят на другой участок. Как только будет опробована земля вокруг деревни радиусом в несколько верст, жители со своим скарбом перебираются на новое место, на неиспользовавшиеся до сих пор земли.

Они выращивают главным образом просо, немного полбы и «турецкой пшеницы», или кукурузы. Просом они кормят своих лошадей, и сами употребляют в пищу вместо хлеба; просо они выращивают только в количестве, необходимом для собственного потребления; вместе с тем они обменивают просо у русских на соль; русские дают им две меры соли за одну меру зерна. Они косят пшеницу с помощью обычных серпов и молотят ее с помощью доски с наложенным на нее грузом, при этом впрягают в эту молотилку быков или лошадей, как это делается в Грузии и в Ширване. Солому с примесью отрубей или зерна скармливают лошадям. Что касается пшеницы, то они ее складывают в земляные ямы, изнутри обмазанные глиной. Они выращивают также репу, свеклу, капусту, лук, арбузы и тыквы; кроме того, каждый черкес имеет особый участок, где выращивает табак.

Во время уборки урожая и сенокоса черкесские князья и дворяне, вооруженные до зубов, объезжают верхом свои поля как для того, чтобы проследить за работами, так и для того, чтобы защитить своих крестьян; в течение месяца или двух они остаются на полях, принимая всевозможные военные предосторожности.

Коневодство

Поскольку черкесы являются превосходными всадниками, они уделяют много внимания разведению лошадей. У каждого князя есть свой небольшой табун. Лучшая порода называется «шалох», однако порода лошадей одного старика из племени альтикезек ни в чем не уступает им, эта порода прозывается «трамкт». Черкесские лошади среднерослые, масть большинства лошадей — гнедая или серая в яблоках; вороной масти у них не бывает. Эта порода лошадей происходит от чистокровных арабских скакунов и черкесских кобылиц; есть любители, которые до настоящего времени приобретают чистопородных турецких и персидских коней для поддержания табуна. Черкесы кастрируют жеребцов из опасения, как бы те не выдали их своим ржанием во время набегов на вражескую территорию; поэтому они выезжают только на меринах, которых они приучают быть спокойными. Черкесские лошади известны в России под общим названием «горские лошади», они в той или иной мере используются

в табунах. Их основные отличительные качества — легкость, неутомляемость, а также очень крепкая нога. Черкесы никогда не используют лошадей в возрасте до пяти лет; до этого времени они пасутся на свободе в лугах и в горах, оседлывают их лишь после достижения необходимого роста и возраста. Лошади породы шалох отличаются особой формой копыта, которое не имеет выемки сзади. Для каждого табуна имеется своя особая марка, выжигаемая на шкуре лошади и именуемая по-русски «тавро»; тот, кто клеймит лошадь фальшивым тавром, подлежит суровому наказанию. Следует также сказать, что далеко не все лошади в Черкесии высокопородистые, как это обычно принято представлять; действительно лучшие лошади стоят от 100 до 150 рублей, остальные — от 15 до 30 рублей; владельцы табунов получают большие доходы и ежегодно продают большое число голов в Россию и в Грузию.

Животноводство

Черкесы содержат большие стада крупного рогатого скота и овец; по числу голов скота и лошадей здесь оценивается богатство семьи. Рогатый скот мелкорослый, но сильный и неприхотливый. Быков запрягают в повозки («арбы») и в плуг, их используют также для езды под седлом. Буйволы встречаются редко; за одного буйвола дают от 12 до 18 рублей серебром; буйвол заменяет в работе более чем двух быков, а буйволицы больше, чем обычные коровы, дают молока для выделки масла.

Овцы составляют почти все богатство черкесов и являются самой важной основой их хозяйства; мясо их едят без хлеба и соли. Черкесские овцы мельче калмыцких, их шкуры менее красивы, а курдюки менее толсты, редко весят более двух фунтов. ...У черкесских овец мясо более светлое и более вкусное, чем у наших. Частое употребление баранины в пищу не вызывает пресыщения. Овец доят, и из их молока делают сыр; молоко собирается в мешочки, которые коптят, благодаря чему сыр становится более плотным и компактным и лучше сохраняется. Летом овец выгоняют на пастбища в горы; в январе и феврале их содержат в загонах —«хутерах», где их кормят сеном; в остальное время года их выгоняют на пастбища в долинах или предгорьях.

Козы менее многочисленны в долинах; они обычно бурого цвета; их содержат вблизи деревень. Жители высокогорных деревень, или, как их называют черкесы, «абадзе» или «абаза»*, куда беднее черкесов в долинах и предгорьях, и поскольку у них нет пастбищ, они содержат только ишаков и коз, которые питаются мхом и листвой кустарников.

---

* Черкесы в долинах презирают своих соотечественников, проживающих в высоких горах; если равнинный черкес хочет оскорбить своего соседа, он называет его «абаза».

Черкесы держат у себя во дворах кур, мясо которых очень нежное, гусей, уток, а также индеек необычайных размеров и красоты.

В домах у них есть также собаки и кошки. Черкесы выращивают прекрасную породу кроликов. Их религия не позволяет им держать свиней; также нигде не видно голубей.

Пчеловодство

В Черкесии имеется весьма значительное число ульев...

Разведение шелковичного червя

В последнее время некоторые черкесские народности, в том числе убыхи, начали заниматься разведением шелковичного червя, тем более, что в их краях тутовое дерево водится в изобилии. То небольшое количество шелка, которое они получают в настоящее время, используется черкесскими женщинами для собственных нужд.

Культура винограда

Земли, которые занимают убыхи, чепсоны (одно из племен шапсугов) и гусие, облагодетельствованы природой, потому что они дают человеку самые разнообразные фрукты, не требуя от людей особых затрат труда. Среди этих даров природы есть также и виноград, причем в таком необыкновенном количестве, что люди обычно не дают себе труда заботиться о том, чтобы собирать его весь, до ягодки. Хотя черкесы и магометане, они не слишком строго соблюдают законы, предписывающие воздержание, и в отличие от своих соседей абхазцев весьма склонны к пьянству. Они делают посредственное по вкусу и качеству вино, а также водку, некоторые сорта которой по своим добрым качествам приближаются к французским.

Охота и рыболовство

Черкесы отдают много времени охоте на диких животных и дичь, которые в изобилии водятся в их лесах и в долинах. Они едят их мясо, а меха и шкуры продают русским. Помимо оленей, косуль, кабанов и зайцев в лесах у черкесов водятся медведи, волки, лисы, куницы, а среди птиц — куропатка и фазан, однако последний в незначительном количестве. Рыбной ловле они уделяют мало внимания, тем более, что в их краях мало рек, где водится рыба, так что если они и занимаются рыбной ловлей, то только для собственного потребления. Больше занимаются рыболовством черкесы, живущие в устье Кубани и на побережье моря.

Разработка полезных ископаемых

Судя по образу жизни черкесов можно было бы подумать, что эти народности должны заниматься разработкой полезных ископаемых весьма серьезным образом, поскольку для них оружие — это единственная ценность и главное средство обогащения; однако, так как они не имеют представления о геологической разведке и эксплуатации шахт, они используют только такие минералы, с помощью которых можно получить металл без особого труда. На территории абадзехов имеется самородное железо в форме крупного песка у подножия горы **Ногокоссого;** абадзехи собирают его и без особого труда выплавляют в виде слитков, пригодных для использования в различных целях. В недрах земли черкесов имеются также медь, свинец и серебро, но в малых количествах. Нет никакого сомнения в том, что эти горы содержат богатые залежи руд металлов, но до тех пор, пока специалисты не получат возможности в спокойной обстановке обследовать их, эти богатства так и останутся сокрытыми в недрах гор.

Язык

Черкесский язык полностью отличается от других известных языков; на совершенно чистом черкесском языке говорят в Большой и Малой Кабарде и в племени бесленеевцев, которые проживают вблизи Лабы; другие же черкесские народности, обитающие за Кубанью и вплоть до побережья Черного моря, говорят на диалектах, в большей или меньшей мере отличающихся от коренного языка. Произношение в черкесском языке является одним из самых трудных в мире, и выразить полностью все имеющиеся в нем звуки невозможно с помощью ни одного из известных мне алфавитов. Особо трудным является то, что этот язык требует во многих буквах прищелкивания языком, которое невозможно имитировать, а также имеет бесчисленное множество модификаций гласных и дифтонгов. В ряде диалектов существует большое число губных и нёбных звуков, которые произносятся с присвистом, а многие согласные произносятся настолько гортанным голосом, что ни одному европейцу не дано разбирать и повторять эти звуки; тем более нужно учитывать, что неточное произношение или ударение на гласной придают слову совершенно иной смысл.

У черкесов нет ни книг, ни рукописей на их языке; у них нет ни малейшего представления о письменности; некоторые страницы их истории освещены в песнях и в нескольких старинных преданиях преимущественно сказочного характера. В делах они прибегают только к помощи свидетелей и клятвы, которая дается над каким-нибудь амулетом или Кораном, что для чер-

кесов, не знакомых с крючкотворством, вполне достаточно для скрупулезного выполнения взятых на себя обязательств. Поскольку они не имеют развитых и обширных связей, то редко нуждаются в ином способе передачи своих мыслей кроме разговорной речи, а если обстоятельства принуждают их к этому, они прибегают к помощи гонца или же используют письменный арабский или татарский язык; последний широко распространен по всему Кавказу.

Религия

Выше мы уже говорили, что черкесские народности, так же как и абхазцы, некогда исповедовали христианскую религию (по греческому обряду). Вторжение татар и влияние крымских ханов на народности, проживающие в районе Кубани, привели постепенно к проникновению исламизма. Несмотря на старания грузинских царей с целью сохранить христианскую религию у черкесов и осетин, что совпало по времени с усилиями русских царей, которые начиная со времен Ивана Васильевича нередко направляли в эти края проповедников, преуспеть в этих замыслах не удалось в силу как невежества и дурного поведения некоторых миссионеров, так и непреодолимых препятствий, воздвигавшихся татарами. Тем не менее черкесы всегда склонялись более в пользу христианской религии, поскольку у них до сих пор сохранились руины древних церквей, которые до сегодняшнего дня почитаются как священные и неприкосновенные убежища. Не более века тому назад князья начали принимать магометанство, и народ стал следовать их примеру, не имея достаточно ясного представления об этой религии и ее обрядах в силу нехватки проповедников. В 1785 г. среди чеченцев появился лжепророк Ших-Манзур. Это был дервиш, направленный Оттоманской Портой к кавказским горцам под предлогом распространения исламизма, но с секретной миссией поднять их на мятеж против России*. Этот фанатик дервиш, называвший себя пророком, с таким рвением выполнял свою двойную миссию, что через шесть лет чеченцы и черкесские народности превратились в ревностных магометан и находились в тот период в состоянии открытой вражды с Россией. В это время они понастроили мечети, а число их проповедников значительно возросло; эти последние под именами «кади», «мулла» и «имам» приобрели большое влияние как в делах отправления правосудия, так и в решении политических вопросов. Черкесы относятся к секте суннитов и вследствие этого должны все свои дела решать в соответствии с Кораном, который для мусульман является как

* Этот лжепророк захвачен в 1791 г. в плен в Анапе и умер в тюрьме на острове Соловецкий.

духовным, так и светским законом. Вместе с тем они сохранили свои древние обычаи, которые представляют собой, если так можно сказать, неписаный гражданский кодекс, который они твердо соблюдают. Народ в целом привержен менее магометанской религии, нежели князья и уздени, и нет никакого сомнения в том, что народ, если появится к тому возможность, охотно возвратится к своим прежним верованиям, чему всячески препятствуют князья и уздени из боязни того, что Россия может завладеть этой страной путем налаживания религиозных связей с их подданными.

Вот несколько черкесских обычаев, свидетельствующих о том, что у них существовала христианская религия.

Когда они везут груженые арбы или перевозят домой собранную пшеницу и когда случается так, что они вынуждены в силу каких-то обстоятельств покинуть свои повозки или свои скирды и им некого оставить посторожить их, они укрепляют деревянный крест на повозке или на скирде в твердом убеждении, что их никто не посмеет тронуть и что их имущество таким образом становится неприкосновенным.

У черкесов много праздников в честь Пресвятой девы, которые падают на те же дни, что и у русских, хотя у них совершенно нет календаря и они определяют день праздника в соответствии со своими обычаями. Они называют четверг днем «малого поста», пятницу — днем «большого поста», а воскресенье — «господним днем», и в эти дни они не занимаются никакой большой работой. Известно, что часть черкесов соблюдает большой пост, наподобие того, как это делается у русских, после чего у них наступает праздник — такой же, как у русских пасха. По случаю этого праздника они делают друг другу подарки, едят яйца, и это единственный день в году, когда женщины могут молиться богу вместе с мужчинами. Среди прочих увеселений во время этого праздника есть стрельба из лука в цель, причем мишенью служит яйцо, и попавший в него получает подарок от хозяина дома. Черкесы называют этот праздник днем появления бога.

Они празднуют также первый день нового года почти в то же время, когда это делаем и мы. В каждом доме, где еще не окончательно восторжествовал исламизм, на одной из стен имеется дощечка, на которую повешено полотенце и поставлен кусочек воска; в каждый праздник делается свечка, зажигается и все молятся перед дощечкой, стоя на коленях и с непокрытой головой. Когда воск кончается, добавляют еще.

Чтобы увериться в преданности христиан или солдат-дезертиров, перешедших к черкесам, их заставляют принести клятву, которая состоит в следующем: один из старейшин деревни или христианин приводит беглеца, в присутствии многих других жителей деревни чертит своим кинжалом крест на земле, кладет щепоть земли на ладонь беглеца и обязывает ее съесть.

Среди божеств, которым они поклоняются и культ которых смешан с остатками язычества, главным является **Мерисса** *, ...чей культ и чье имя, вполне возможно, в настоящее время оказались искаженными.

Она — главным образом покровительница пчел. Этот народ утверждает, что в свое время, когда все пчелы погибли, спаслась лишь одна, которая нашла убежище в рукаве платья Мериссы, и та ее сохранила, и потом эта единственная оставшаяся в живых пчела произвела на свет всех ныне существующих пчел. Ее праздник отмечается летом. Имя этого черкесского божества несомненно произошло от **Мeликсса.** Нет ничего необычного в том, что в стране, где мед является одним из основных продуктов питания населения, насекомому, которое его производит, дали покровительницу. Гораздо более удивительным может показаться то, что у черкесов прижилось это греческое слово.

Сеозерес** олицетворен в молодом грушевом деревце, которое черкесы вырубают в лесу и которое после того, как у него обрубают ветви таким образом, что остаются одни сучья, приносят к себе и почитают как божество. Оно есть почти в каждом доме; к осени, в день его праздника, его с большими церемониями вносят внутрь дома под шум различных инструментов и радостные крики обитателей дома, которые приветствуют его по случаю счастливого прибытия. Оно украшено маленькими свечками, а сверху насажена головка сыра; вокруг него пьют бузу, едят, поют, после чего с ним прощаются и переносят во двор, где оно проводит оставшуюся часть года, прислоненное к стене, без всяких признаков божественного почитания. **Сеозерес** — покровитель стад.

Тлиебсе — король, покровитель кузнецов. В день его праздника совершают возлияния на лемехе и топоре.

Плерс — бог огня.

Мезитха — бог лесов.

Зекутха — бог путешественников.

Шибле — бог молнии.

Молния в большом почитании у черкесов; они говорят, что это ангел, который ударяет того, кого отмечает своим благословением Вечность. Если кого-либо убивает молнией, считается, что это божья благодать, и это событие празднуется с большой помпой; оплакивая умершего, его родственники в то же время поздравляют себя с выпавшей на их долю честью. Мертвого кладут на своеобразный помост и целую неделю отмечают это со-

---

* Ее называют также **Мереим,** и ее считают матерью бога. Это, вне сомнения, искажение от **Мириам,** или **Марии.**

** **Сеозерес,** или **Сюзерес** был большим путешественником, которому подчинялись ветры и воды. Это покровитель моряков, и он в особом почитании у тех, кто живет на побережье моря.

бытие; те, кто в эти дни окружают помост, складывают к его основанию головы быков, баранов и коз, которых приносят в жертву богу **Шибле**. Позже на могилу умершего кладется шкура козла или козы черного цвета. Кроме того, раз в год собирается праздник в честь всех тех, кто умер убитый молнией; по ходу праздника делаются жертвоприношения богу **Шибле.** Черкесы толпами выходят из своих жилищ, заслышав шум, производимый ангелом молнии на его небесном пути, и если проходит какое-то время, а он все не появляется, они совершают громкие молитвы, прося его показаться.

Среди них есть народности, которые поклоняются солнцу, а также вышеперечисленным божествам в священных рощах; места эти являются запретными, и убийца не может искать там убежища от мести родственников убитого.

Из всего сказанного выше видно, что у черкесских племен существуют: магометанская религия, которая является господствующей; некоторые обряды христианской религии, обряды культа Зороастры и, наконец, языческие обычаи. Древние языческие обычаи все более забываются и исчезают. В зависимости от времени и от обстоятельств следует ожидать, что либо исламизм пустит там еще более глубокие корни, либо христианская религия вновь будет воспринята всеми этими народами.

Образ жизни

Занятиями выдающихся представителей жителей этих краев является охота и военные упражнения; они зачастую предпринимают походы на несколько дней в леса и горы, где их единственное пропитание составляет небольшое количество проса, которое они захватывают с собой. Этот образ жизни имеет для них столько привлекательного, что они не желают его изменять и что они охотно откажутся от всего, лишь бы сохранить это состояние свободы и независимости. Есть много примеров того, что князья, воспитывавшиеся в России, совершенно забывают благоприобретенные ими привычки, как только возвращаются на родину, и ведут совершенно такой же образ жизни, как и их соотечественники, которые считают военную службу позорной, а свою привольную бродяжническую жизнь высшим счастьем. Как правило, черкесы не любят работу, и их главными занятиями являются война, охота и разбой: те, кто в этом отличается, пользуется среди них самым большим уважением. Когда они собираются в грабительский набег, они пользуются между собой особым, обусловленным между ними языком. Два наиболее распространенных среди них жаргона — это «шакобше» (Chakobche) и «фаршипсе» (Farchipse). Первый из них представляется оригинальным, поскольку не имеет ничего общего с черкес-

ским языком; по крайней мере, таково мнение Клапрота... Мужчины всегда путешествуют на лошади, а женщины — в двухколесных тележках с впряженными в них быками.

Деление на классы

Черкесская нация делится, в сущности говоря, на пять классов или каст: первый составляют князья, именуемые по-черкесски «пшех» (Pcheh) или «пши» (Pchi), а по-татарски — «бег» или «бей», которые ранее в русских актах именовались не иначе как «владельцы», то есть сеньоры, но которые получили титул «князя».

Второй класс составляет «ворки» (works), или старинные дворяне, которых татары и русские называют «уздени» (Ousden).

Третий класс — отпущенники князей и узденей, которые тем самым сами стали узденями, но которые в отношении военной службы всегда остаются в подчинении у своих бывших хозяев.

К четвертому классу принадлежат отпущенники этих новых дворян, и к пятому классу — крепостные, по-черкесски именуемые «тхокотлы» (Tcho'khotles), а по-русски — «холопы»; эти последние делятся еще на пахарей, пастухов и домашних слуг высших классов.

Раньше число князей было куда больше, чем в настоящее время, что объясняется огромными опустошениями, которые произвела среди этого народа чума. Каждая ветвь княжеских домов имеет у себя в зависимости различные семейства узденей, которые рассматривают своих крестьян как собственность, право на наследование которой передано им их предками, так как эти крестьяне не имеют права переходить от одного узденя к другому. Князь, таким образом, является сеньором-сюзереном своих дворян, а те в свою очередь выступают в качестве сеньоров своих крепостных. Крестьяне не платят своему узденю зафиксированный оброк; на практике они должны поставлять ему все, в чем он нуждается, но здесь речь идет о предметах первой необходимости, так как если уздень будет слишком обременять своего крепостного, он рискует потерять его навсегда.

Так же обстоит и в отношениях между князьями и дворянами: первые требуют то, в чем они испытывают нужду, но ничего сверх того, что им абсолютно необходимо. Если этому порядку нужно дать какое-либо правовое определение, этот строй можно назвать **аристократически-республиканским**, хотя, по правде говоря, там нет никакого строя, поскольку каждый делает что ему заблагорассудится. В прежние времена могущество черкесских князей распространялось также на осетин, чеченцев, абазов и татарские племена, проживавшие в высоких горах у истоков Чегема, Баксана, Малки и Кубани, но сейчас их влия-

ние почти полностью сошло на нет в результате постепенных успехов России; тем не менее черкесские князья по-прежнему рассматривают себя в качестве хозяев этих народов.

Наибольшим уважением среди них пользуются старшие по возрасту; поэтому когда возникает необходимость решить какое-нибудь важное дело, собираются старейшие из князей, узденей и даже наиболее богатых крестьян, чтобы высказать свое суждение; эти собрания проходят обычно с большим шумом и многословием. У них нет ни постоянного суда, ни приговоров, ни писаных законов. Наказания, о которых мы будем говорить дальше, у них установлены древними обычаями для случаев воровства и убийства.

Обычай требует, чтобы князья время от времени делали подарки своим дворянам; как сами эти подарки, так и истории о мотивах и обстоятельствах, при которых эти подарки были преподнесены, передаются от отца к сыну — и в семье получившего подарок, и в семье подарившего его. Если уздень, без достаточных на то причин, отказывается подчиняться своему князю, он обязан возвратить все подарки, полученные им и его предками. Уздени обязаны следовать за своим князем на войну всякий раз, как он того потребует, и поставлять ему в качестве вспомогательного войска столько своих подданных, сколько они могут. Если князь, в силу слишком больших расходов или в силу стечения обстоятельств, делает долги, его уздени обязаны оплатить их. Князь, так же как и дворянин, имеет право распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных и даже по своему усмотрению может продавать тех, кто занят в его домашних службах. Крепостные весьма часто обретают свободу, и тогда их называют «бегаулия» (Begaoulia); в этом случае они обязаны выполнять приказы своего бывшего хозяина, направленные против дворян и крепостных. Нельзя продавать отдельно крепостных, занятых в земледелии; крепостные обязаны оплачивать долги и штрафы за кражу своих узденей. Во время войны князь командует войском и в окружении своих узденей и слуг совершает набеги на русскую территорию или против своих соседей.

Раньше, до того как среди черкесов получил распространение исламизм, любой князь или сын князя имел право взять по овце из каждого стада, которое выгоняли весной на пастбище, и по овце из каждого стада во время их возвращения с горных пастбищ осенью. Он получал также овцу всякий раз, когда во время своих поездок проводил ночь вблизи стада. Если он приближался к табуну лошадей, то имел право выбрать понравившуюся ему лошадь, оседлать ее и пользоваться ею сколько ему заблагорассудится. Если он проводил ночь у табуна, он мог потребовать жеребенка, которого съедал вместе со своей свитой, так как эти народы до сих пор сохраняют обычай потреблять в пищу конину, но они выбирают для этого лошадь, которую уби-

вают, и воздерживаются от мяса лошади, павшей от болезни. Шкура лошади или овцы принадлежит тому, кто готовит пищу.

Таковы были права князей с самых отдаленных времен, они были им так же дороги, как и их образ жизни; однако от части своих прав они вынуждены были отказаться с принятием магометанской религии. С этого времени во многих отношениях изменились и обычаи народа. Черкесы, как и все нецивилизованные нации, злоупотребляли водкой, они употребляли в пищу свинину, особенно мясо кабанов: это животное часто встречается в их краях и служило главной мишенью на охоте. В настоящее время они воздерживаются пить водку и есть свинину; многие из них вместо общепринятых ранее усов стали отпускать теперь также и бороду и т. д.

Нравы и обычаи

Твердо установленный порядок в доме выполняет у черкесов роль отсутствующих законов, как это обычно имеет место у нецивилизованных народов. Слепое подчинение родителям и глубокое уважение к старшим по возрасту соблюдаются у этих народов самым скрупулезным образом. Сын не имеет права сесть в присутствии своего отца, то же самое не может себе позволить младший брат в присутствии старшего; они не могут разговаривать со старшими в присутствии постороннего. Точно так же молодые люди, находящиеся в компании людей более зрелого возраста, не осмеливаются ни громко говорить, ни смеяться, они лишь обязаны почтительно отвечать на адресованные им вопросы. Обычай требует, чтобы все вставали при появлении мужчины или женщины старшего возраста, будь они даже ниже по своему положению. Сесть можно лишь тогда, когда лицо, ради которого все встали, даст на то разрешение словом «тизе» («садись»). Здесь никогда не пренебрегают этим правилом и даже в семье остаются ревностными хранителями этого неудобного обычая.

В своей частной жизни черкесы — неплохой народ, не лишенный здравого смысла; они гостеприимны, предупредительны, щедры, умеренны и скромны в пище и в употреблении напитков, постоянны в дружбе, храбры и предприимчивы на войне. Однако этим положительным качествам противостоит немалое число пороков: они в целом недоверчивы и подозрительны, если их обидеть или оскорбить, они подвержены вспышкам страшного гнева и могут думать лишь о мести. При удаче они преисполняются гордостью и в общем весьма тщеславны, особенно князья, которые гордятся своим происхождением и не желают признавать, что кто-либо может быть равным им. Они мошенники и плуты и весьма коварны, проявляют большой интерес и склонность к разбою, что на языке горцев называется «жить

умеючи и обладать ловкостью». Требования, предъявляемые к князю, следующие: уважение к старости, импозантная внешность и физиономия с правильными чертами, физическая сила и особенно неустрашимость; не обладающий этими качествами не может рассчитывать на уважение своих соплеменников и могущество.

Остается непостижимым, как эти народы, для которых свобода является величайшим из благ, могут пойти на то, чтобы продавать своих детей. Отец имеет такое право в отношении своих детей, брат — в отношении сестры, если они остаются без родителей; также и муж может продать свою жену, уличенную в неверности. Зачастую быть проданной является единственным желанием молодой девушки, уверенной в том, что ей удастся занять место в гареме где-нибудь в Турции, что они предпочитают существованию в родном краю. Некоторые из них, после нескольких лет пребывания в гареме, получали свободу и возвращались на родину с небольшим состоянием. Однако князья чрезвычайно редко продают своих детей; этим обычно занимаются бедняки, вернее, занимались, поскольку эта позорная торговля была прекращена после подписания Адрианопольского мира.

Что касается черкесских женщин, они, как правило, не лишены ума, у них живое воображение, они способны на большие чувства, тщеславны и гордятся славой своих мужей, добытой в боях. У них мягкие нравы, они очаровательны в обхождении, покорны, трудолюбивы, любят наряжаться, но весьма ревниво относятся к тому, что говорят на их счет, и любят поболтать, когда собираются вместе.

Воспитание

В соответствии с обычаем, который сохранился с отдаленных времен, князья не имеют права воспитывать своих сыновей ни в своем доме, ни под своим наблюдением, а должны как можно раньше, чуть ли не с самого рождения, отдавать их на воспитание в чужой дом. Каждый уздень делает все возможное, чтобы предпочтение было отдано именно ему, и тот, на которого падает выбор князя, рассматривает это событие как знак особого доверия. Избранный таким образом воспитатель называется «аталык» (atalik); он должен обучать, одевать, кормить своего воспитанника вплоть до того дня, когда он должен быть возвращен в отчий дом, что, как правило, бывает не раньше, чем он достигнет возмужания, и его воспитание можно считать завершенным. Воспитание состоит из различного рода .физических упражнений, призванных развить силу и ловкость, — верховая езда, обучение искусству воровства, военные походы, стрельба из лука, ружья, пистолета и тому подобное. Воспитанника также обучают красноречию и умению рассуждать здраво, что должно

помочь ему обрести должный вес на собраниях. С самого юного возраста аталык приучает своего воспитанника к упражнениям, которые закаливают его тело и развивают в нем ловкость; с этой целью он предпринимает с ним небольшие вылазки за добычей, учит его ловко воровать сначала у своих крестьян—барана, корову, лошадь, а позже посылает его к соседям воровать их скот и даже людей. Поскольку на всем Кавказе члены княжеских семей являются неприкосновенными для низших классов, причем не только на своей, но и на вражеской территории, неудивительно, что молодые князья широко этим пользуются и не встречают непреодолимых препятствий в осуществлении своих проказ. Если молодого князя преследуют во время его набега люди, среди которых нет ни одного из княжеского семейства, они не решаются напасть на него, а лишь просят его проявить милость и возвратить то, что он у них захватил; им таким образом удается зачастую получить обратно украденное; но если среди преследователей имеется князь, это кончается боем, а частенько и убийством. Известно, что черкесы нередко отвечают на жалобы своих соседей по поводу разбойничьих набегов таким образом: «Это наверняка напроказили наши молодые сорви-головы».

Вся добыча, которую удается захватить воспитаннику, принадлежит его воспитателю. До тех пор, пока воспитание не завершено, отец только изредка может видеть своего сына, и для него было бы большим стыдом заговорить с ним в присутствии постороннего. Когда, наконец, воспитанник достигает отроческого возраста, или, как выражаются черкесы, он постигает искусство воина, воспитатель возвращает своего подопечного в родительский дом и передает его отцу в присутствии всех родственников; после этого устраивается пышный пир, и воспитатель получает почетное вознаграждение оружием, скотом и лошадьми. Аталык до своей смерти пользуется большим уважением со стороны всей семьи своего воспитанника, и его принимают как одного из членов семьи. Раньше крымские султаны всегда воспитывались у черкесов, и вследствие дружеских связей, которые они поддерживали с черкесами, находили прибежище в их краях, если были недовольны своим ханом. Точно также князья Большой Кабарды охотно отдают своих сыновей на воспитание к узденям Малой Кабарды, с тем чтобы установить с ними связи и тем самым иметь возможность ослабить власть князей Малой Кабарды.

Сыновья узденей остаются в родительском доме до трех-четырехлетнего возраста; после этого им дают воспитателя, который не обязательно должен быть того же ранга; родители не оплачивают ни расходов воспитателя, ни содержание своего ребенка, но до тех пор, пока воспитанник находится у своего наставника, уздень отдает ему лучшую часть добычи, какую он может захватить во время разбойничьих набегов или на войне. Раньше черкесы и кабардинцы женились в возрасте тридцати-

сорока лет; теперь они женятся в пятнадцать-двадцать лет; девушек отдают замуж в возрасте двенадцати-шестнадцати лет; девушка старше восемнадцати лет имеет мало надежды выйти замуж.

Дети простого люда воспитываются в доме родителей или приемных родителей, людей того же положения, и их приучают скорее к труду пахаря, нежели к искусству воина; это делается из политических соображений — чтобы они не стали опасны для своих князей, которые стремятся сохранить их на положении рабов.

Крестьян довольно часто берут в разбойничьи набеги или военные походы, но это бывает в крайних случаях и делается для того, чтобы увеличить число воинов; поскольку у крестьян нет ни хорошего стрелкового оружия, ни умения им пользоваться, они никогда не бывают прирожденными воинами в отличие от своих князей и дворян.

У князей представительницы прекрасного пола также воспитываются вне родительского дома; их придирчивым воспитанием занимаются жены узденей; они держат их в слепом повиновении и обучают их шитью золотом и серебром и другим ручным работам. Они не решаются заговаривать с посторонними, за исключением своих родителей; однако их не подвергают затворничеству и им позволено из вежливости ответить несколько слов незнакомцу, если он к ним обратится, но при этом они должны стоять вполоборота и с опущенными глазами.

Молодые люди обоих полов, за исключением отпрысков княжеских семей, свободно общаются друг с другом в общественных местах в присутствии родителей; они проводят время в танцах, состязаниях и различных играх; таким образом они знакомятся друг с другом на манер древних спартанцев.

Браки

Ни у одной нации не развито так чувство дворянской гордости, как у черкесов, и потому там никогда не бывает случаев неравного брака. Князь женится только на дочери князя, и рожденные вне брака дети никогда не могут унаследовать прерогативы их отцов, если, как минимум, они не женятся на законных княжнах; в этом случае они становятся князьями третьего ранга.

Поскольку абхазцы ранее были подчинены черкесам, их князья рассматривались как уздени черкесов; они могли жениться только на дочерях узденей; последние, в свою очередь, могли вступать в браки с абхазскими княжнами. Князь, который женится на дворянке, покрывает себя меньшим позором, чем князь, который выдает свою дочь замуж за дворянина.

Приданое, по-татарски «калым», или, как здесь говорят,

«баш» (bach), достигает у князей 2000 рублей серебром и выплачивается либо деньгами, либо пленниками, крепостными, оружием и скотом. Приданое невесты зависит от отца, который определяет его по своему усмотрению и передает жениху вместе с невестой; однако главный подарок, который считается частью приданого, делается после рождения первого ребенка; одновременно с подарком отец молодой женщины вручает ей повязку и покрывало, составляющие неотъемлемую часть наряда замужней женщины.

Когда молодой человек намерен жениться, он сообщает об этом своим родителям и друзьям; для этого он собирает их всех вместе; они делают ему подарки оружием, лошадьми, быками и прочими предметами. Созванные молодым человеком его друзья направляются к дому той, которой он добивается, чтобы сообщить о намерениях молодого человека отцу и братьям девушки; они обговаривают с родственниками условия, и жених таким образом может заполучить свою избранницу сразу же после уплаты «баша».

Если жених не в состоянии сразу уплатить весь «баш», он может выплатить его постепенно после женитьбы. Надо сказать, что жених может действовать и без посредников и украсть свою невесту, причем отец и братья последней не имеют права отнять ее у него, но он все равно должен уплатить «баш»— или сразу, или постепенно. Этот последний способ обзаведения женой наиболее распространен и не имеет ничего постыдного в их глазах. Молодой человек приезжает красть свою любимую в сопровождении друга, который сажает невесту на свою лошадь и сам пристраивается сзади на крупе. Таким образом они все втроем скачут к жилищу одного из своих свойственников. Приятель представляет там невесту, которую сразу же устраивают в комнате, предназначенной для новобрачных. В одиночестве она терпеливо ожидает свое будущее, поддерживая огонь в очаге, служащем единственным источником света. Только тогда, когда все в доме, как считается, уснули, друг ищет молодого мужа в лесу, чтобы привести к ней. Жених, прежде чем отдаться радостям, уготованным господом для соединения супругов, вспарывает кинжалом корсет, который его супруга носит с восьми лет и о котором шла речь выше.

Никакая иная церемония, кроме кое-каких увеселений, не служит для узаконения брака. На рассвете следующего дня муж покидает свою супругу, которая должна перебраться в отдельный домик, выстроенный для нее супругом при жилище, где отныне он будет видеть ее только ночью или под величайшим секретом, поскольку появляться на людях с женой считается своего рода бесчестьем. Только простолюдины живут вместе со своими женами, когда те постареют.

Обычай совсем не видеть своих жен вовсе не имеет причиной презрение черкесов к прекрасному полу; скорее может пока-

заться, что наоборот этот обычай был придуман для того, чтобы продлить царство любви между супругами подобно тому, как трудности, которые испытывают любовники, мечтающие принадлежать друг другу, способствуют зачастую продлению их иллюзий...

Цена за невесту составляет у князей и дворян до 30 «башей» и около 18 — у простого народа. Вот каковы «баши» для князей и дворян:

1. Мальчик
2. Одна кольчуга
3. Шлем
4. Боевые перчатки и налокотники
5. Одна шашка
6. Восемь быков
7. Конь, равный по стоимости как минимум двум быкам (но если есть лучше, обязательно должен быть дан лучший)
8. Обычная лошадь.

Эти первые восемь «башей» являются обязательными и требуются неукоснительно; что касается остальных двадцати двух, то их обычно выплачивают в виде двадцати быков, ружья и пистолета.

Главные «баши» для простолюдинов следующие:

1. Лучший конь
2. Ружье с серебряной насечкой
3. Два быка
4. Двадцать баранов и десять коз
5. Медный котел стоимостью не менее двух быков
6. Обычная лошадь.

Остальные «баши» могут быть заменены и выплачены в виде рогатого скота в возрасте не менее трех лет; одна голова скота в этом случае приравнивается к одному «башу».

Очень редко у черкесов бывает больше одной жены, хотя их религия позволяет им иметь несколько. Браки заключаются между равными по положению, как мы уже говорили выше; выйдя замуж, женщина переходит в полное подчинение к своему мужу, и с этих пор для нее начинается трудовая жизнь — удел черкесских женщин, к которому ее заранее готовят ее родители.

Воспитатель молодого князя подбирает ему невесту и организует ее кражу, по крайней мере, в том случае, если у него нет другой привязанности, или же она уже не отдана другому. Если встречаются два претендента-соперника, они дерутся между собой или за них бьются их друзья, чтобы решить, кому достанется девушка.

Выше уже говорилось, что черкес может видеть свою жену только ночью; если они случайно встречаются днем, они немедленно поворачивают в противоположные стороны: обычай, весьма благоприятствующий амурным историям и делающий женщину мишенью для соблазнителей. Застигнутый на месте ухажер

должен заплатить сумму, соответствующую мере оскорбления, нанесенного мужу. Муж не осмеливается покуситься на жизнь своего соперника, поскольку в этом случае он должен будет оплатить его смерть родственникам. Что касается женщины, нарушившей супружескую верность, то муж отрезает ей волосы и рукава платья и отправляет ее в таком виде на лошади к ее родителям, которые ее убивают или продают. Бывают и такие мужья-варвары, которые отрезают провинившейся жене нос или уши, но немногие из них решаются на подобные крайности, которые влекут за собой выплату, на что может претендовать семья жены и которая бывает весьма значительной в зависимости от нанесенных увечий. Если молодой муж замечает, что его жена не девственница, он ее тут же отправляет к родителям и сохраняет за собой калым, но девушку ее родственники продают или убивают. Существует два вида развода: иногда муж расстается со своей женой в присутствии свидетелей и оставляет калым ее родителям; в этом случае она может вновь выйти замуж; но если он просто приказывает ей покинуть его, он еще имеет право взять ее обратно по прошествии года; если он не берет ее обратно после двух лет, отец или родственники жены идут к мужу, чтобы оформить действительный развод, после чего бывшая жена может взять другого мужа.

Какой бы ужасной ни представлялась в Европе тираническая власть мужчины над женщиной в Азии, ее следует признать необходимой для сохранения порядков, существующих в доме черкесов. Муж — хозяин и судья своей жены, она — первая рабыня в доме: именно жена готовит пищу, делает войлок, шьет одежду для мужчин, и зачастую именно она ухаживает и оседлывает коня мужа. Муж имеет право на жизнь и смерть своей жены и отвечает за это только перед ее родителями. В силу того ли, что эти обычные законы так повлияли на нравы, или же того, что у черкесов много личных добродетелей, однако известно, что мужчинам почти никогда не приходится прибегать к своим правам в этом смысле. Вместе с тем прекрасный пол, хотя и обречен на трудовую жизнь, отнюдь не осужден здесь на вечное заточение, как это имеет место у турок и персов; они свободно принимают у себя гостей обоего пола, за исключением молодых женщин, которые в первые годы замужества не имеют права покидать свой дом. Если жена принимает гостей того или другого пола, муж не имеет права при этом присутствовать. Девушки допускаются на все праздники, которые они украшают своим присутствием. Осведомляться у кого-либо о здоровье жены или дочерей считается неприличным и даже может быть воспринято как обида; это дозволено только близким родственникам жены, которые не должны задавать подобные вопросы в присутствии посторонних.

Влияние женщин

Черкесские женщины не только пользуются репутацией изумительно красивых и образцово преданных; они пользуются также важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа; мы хотим сказать об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам. Если женщина с распущенными волосами без покрывала бросается в гущу сражающихся, кровопролитие прекращается, и тем скорее, если это женщина в возрасте или из известной семьи. Достаточно того, чтобы мужчина, которого преследуют враги, укрылся в помещении женщин, или чтобы он дотронулся до какой-нибудь женщины, как он становится неприкосновенным. Одним словом, никакая кара, никакая месть и тем более убийство не могут быть совершены в присутствии женщин; их откладывают до другого случая. Вместе с тем, между лицами одинакового положения считается постыдным отдавать себя под защиту прекрасного пола, поэтому к ней прибегают только в крайних случаях и чтобы избежать неминуемой смерти.

Дружба

В горах Кавказа для дружбы имеется свое особенное слово «кунак», или друг, означает у черкесов то же самое, что «побрат» (побратим) у босняков или «крестный брат» у древних пруссаков, то есть друг, для которого они готовы пожертвовать всем своим состоянием и самой жизнью. Если один кунак гостит у другого, его угощают самым наилучшим образом, в его распоряжение предоставляется все, что только есть у хозяина, который снабжает его всем, что тому необходимо, а в случае, если он не в состоянии удовлетворить нужду кунака, хозяин приглашает его на грабеж и отдает ему все, что только сможет украсть. Эта странная манера оказывать помощь своему кунаку за счет кого-то третьего бытует среди всех народностей Кавказа с самых отдаленных времен и лежит в основе их политических взаимоотношений. Действительно, каждый старается иметь кунака в отдаленных краях, к помощи которого он может прибегнуть в случае необходимости; таким образом, посредством этих индивидуальных связей все самые различные народы сближены, или, как минимум, имеют возможности для этого. Лучший способ для путешественника (горца, а не европейца), вознамерившегося пересечь внутренние районы Кавказа и не быть при этом ограбленным,— это выбрать себе доброго кунака, которого всегда можно найти за умеренную плату и который проведет путешественника повсюду, отвечая за его жизнь и имущество. Несмотря на то, что существует большая разница между куна-

ком, преданным за деньги (по-черкесски он называется «гаче» (gatche), и прочными интимными связями, которые объединяют под тем же названием горцев, обычай тем не менее требует, чтобы кунак, благоприобретенный ценою денег, защищал того, кто ему доверился, ценой собственной жизни, если он не хочет потерять свою репутацию, что служит для путешественников надежной защитой от любого нападения со стороны горцев, которые обычно стараются получить добычу, не рискуя при этом расстаться с собственной жизнью. Русские, живущие в пограничных с Кавказом районах, и особенно казаки на Линии имеют кунаков среди черкесов, чеченцев и других народностей, с которыми они поддерживают дружеские отношения в мирное время.

Тот, кто хочет путешествовать во внутренних районах страны адыгов, должен прежде познакомиться с кем-нибудь из этого народа, кто, взяв путешественника под свою защиту, проведет его через территорию племени, к которому он принадлежит, обеспечивая ему приют и пропитание во все время путешествия совместно с ним: в этом случае покровитель и покровительствуемый получают звание «гаче». Если путешественник хочет двигаться дальше, его «гаче» поручает его одному из своих друзей из другого племени, по территории которого намерен проехать путешественник; тот становится новым «гаче» путешественника и так далее. Таким образом, любой путешественник-горец, охраняемый своим «гаче», может пресечь без опасности всю страну, населяемую черкесами, и даже весь Кавказ, не делая никаких затрат, за исключением подарков, которые он в знак признательности должен делать каждому из своих «гаче».

Гостеприимство

Так же как и у всех, в общем, горских народностей, гостеприимство является одной из первых добродетелей у черкесов. Они принимают от доброго сердца иностранцев, сердечно предоставляют уют всем путешественникам, не говоря уже об их друзьях. Бродяжническая жизнь и рыцарский дух, свойственные черкесам, видимо, и породили этот священный закон гостеприимства. С того момента, как незнакомец входит в дом черкеса, он пользуется там всеми правами гостя, то есть он находится под особым покровительством хозяина дома, который обязан накормить гостя, уложить его спать, позаботиться о его лошади и проводить его по надежной дороге, или же, в случае опасности, провести его к одному из своих друзей в ближайшей деревне.

Прибытие гостя или путешественника — приятное событие для всех обитателей дома, каждый старается быть ему полезным и от всей души стремится выполнить свои обязанности. Часто

случается, что знакомство, вытекающее из обязательств гостеприимства, перерастает в дружбу, а хозяин дома и путешественник становятся кунаками. Но с другой стороны, если тот же гость немного позднее встретится случайно с тем, кто совсем недавно так любезно с ним обращался, он может остаться без багажа, а то и в плену у своего бывшего гостеприимного хозяина, причем все это проделывается без излишней щепетильности.

Споры. Цена крови.

Черкесы не терпят оскорблений или грубых эпитетов в свой адрес. Если подобное случается между двумя князьями или дворянами, они вызывают друг друга на дуэль, но человек более низкого происхождения или крестьянин могут поплатиться своей жизнью. Обычно в своих речах они соблюдают большую вежливость, особенно в отношении высокопоставленных лиц; хотя они люди сильных страстей, в обращении друг с другом они стараются их спрятать. На своих общественных собраниях, где часто происходят довольно сильные споры, они сохраняют благопристойность до тех пор, пока им не начинают угрожать, и часто эти угрозы претворяются в действие. Среди оскорблений наличествует и слово «вор», но здесь оно скорее означает неумелость кого-либо в этом занятии, того, кто допустил, чтобы его поймали с поличным, или признался в краже. Среди выражений, к которым они прибегают, есть одно, которое стоит привести: «Дай бог, чтобы ты не знал, что делать, и не желал прислушиваться ни к чьим советам»...

Здесь не устанавливают ни времени, ни места поединка — там, где два соперника встретятся в первый же раз после ссоры, они слезают с лошадей, вынимают из-за пояса пистолеты и тот, кто подвергся оскорблению, стреляет первым; его обидчик стреляет вслед за ним. Если случается так, что встреча двух соперников происходит в присутствии лиц более высокого положения, то из уважения к ним соперники стреляют в воздух, а дуэль таким образом откладывается до следующей встречи. Если один из двух соперников будет убит, его противник должен скрываться и искать убежища от кровной мести. Этот закон мести, такой же, какой существует у арабов, называется у черкесов «тхлуаса» (thlouassa), то есть «цена крови»; у татар же он называется «канглех» (от слова «кан», кровь). Он существует у всех кавказских народов и является обычной причиной происходящих между ними войн.

Их неукротимая ненависть к русским частично объясняется именно этими мотивами, так как кровная месть передается от отца к сыну и распространяется на семью того, кто первым обратил на себя действие этого закона, совершив убийство.

Развлечения

Скачки на лошадях и танцы составляют главные способы времяпрепровождения у черкесов. Скачки у них означают соревнование за то, чтобы прийти первым к намеченной цели, или же военные упражнения, представляющие собой стрельбу в цель из ружья, пистолета или лука на полном карьере, метание «джерида» (легкой палки длиной три фута) и другие упражнения, призванные продемонстрировать ловкость и меткость всадника и качества его лошади. Есть безрассудные всадники, которые приучают своих лошадей бросаться на полном карьере с крутого берега в воду или совершать гибельные прыжки с крутых обрывов, причем проделывается это без малейшей остановки на скаку. Подобные штуки, которые каждый раз ставят под угрозу жизнь всадника и его лошади, очень часто выручают их в крайних обстоятельствах, спасая от неминуемой смерти или пленения.

Черкесские танцы, исполняемые под музыку на своеобразной скрипке с тремя струнами, в азиатском духе, довольно грустные и маловыразительные: па состоят из маленьких прыжков, но надо сказать, что положение ног, почти всегда повернутых внутрь, делает их очень трудными. По наблюдению Палласа, один из их танцев весьма напоминает шотландский. Два танцора становятся лицом к лицу друг к другу с оттянутыми назад руками и выделывают прыжки и различные движения ногами с удивительной ловкостью и легкостью; в это время зрители отбивают ладонями ритм и напевают следующим образом: «а-ри-ра-ри-ра».

Другие их музыкальные инструменты — нечто вроде флажолета и баскского барабана. Песни их не более веселы, чем танцы, хотя некоторые из них довольно приятны. Их песни не рифмованы, и зачастую служат для восхваления благодеяний и осуждения пороков. Черкесские женщины и девушки часто проводят вечера вместе, занятые своим рукоделием и напевая песни.

Болезни

Основные болезни среди черкесов, как и вообще среди горных народов, это офтальмия и катаракты, которые ведут к слепоте. Эти болезни следует приписать рефракции солнечных лучей в снеговых горах во время большой жары летом, что ведет к ослеплению и воспалению глаз у жителей. Время от времени страна черкесов подвергается также эпидемическим лихорадкам и чуме; эту последнюю к черкесам все время заносят турки. Также большое число народа уносит оспа, так как черкесы не делают прививок против нее, что в Грузии, например, практикуется уже давно. От головных болей они лечатся тем, что плотно

завязывают платком лоб и не снимают повязки до тех пор, пока головная боль не пройдет. Они не знают болезней, происходящих от праздной и беспорядочной жизни. В комнате больного производят шум в то время как врачеватель, с важным видом сидящий у постели больного, время от времени произносит каких-нибудь одно-два слова. Место его священно, и когда он встает, его никто не занимает. Тот, кто попытается святотатствовать и занять место врачевателя, должен будет уплатить ему значительную сумму. Больных врачуют с помощью амулетов и народных средств. Для излечения некоторых видов лихорадки они верят в исцеляющую силу древних могил и развалин античных монументов, и больного отправляют к ним спать в течение нескольких ночей. В отношении раненого церемониал несколько другой. В его комнате не должно находиться никакого оружия, а на пороге его дома ставится миска с водой, куда опускается яйцо. Прежде чем войти в дом раненого, следует трижды постучать по лемеху плуга. Юноши и девушки играют при входе в жилище раненого и поют песни, сложенные в его честь. Этот обычай — производить шум в комнате больного — можно наблюдать у некоторых других народов, более или менее цивилизованных, нежели черкесы; утверждают, что это необходимо для того, чтобы изгнать из комнаты злых духов. Для лечения ран, язв и тому подобных заболеваний у них имеются прекрасные средства, искусство изготовления которых передается в семье от отца к сыну. Их ветеринары весьма знамениты своим искусством лечить лошадей. К изложенному выше следует добавить, что черкесы весьма редко доживают до глубокой старости.

Похороны

По случаю смерти отца или мужа вся семья выражает свое горе: женщины испускают душераздирающие вопли, расцарапывают до крови лицо и грудь; мужчины считают постыдным плакать, особенно проливать слезы по своим женам, но иногда родственники покойного бьют себя по голове кнутом, чтобы показать свою скорбь, причем синяки, символизирующие их скорбь, долго остаются видимыми. Мертвых хоронят по магометанскому обычаю, с лицом, обращенным в сторону Мекки; покойного, полностью обернутого белой тканью, провожают в последний путь ближайшие родственники обоих полов. По прибытии на место покойника опускают без гроба в могилу; иногда устраивается нечто вроде свода из ветвей деревьев, который затем засыпают землей; сверху на могилу кладут большие плоские камни. Раньше вместе с покойником в могилу опускали все, что ему принадлежало, а также подарки, полученные им от его родственников и друзей; сейчас так делается крайне редко. В течение года постель покойного и его оружие сохраняются с самой

религиозной заботливостью, на том же самом месте, где они находились при его жизни. Родственники и друзья навещают в определенное время могилу, и там они должны выражать свою боль, ударяя себя в грудь. Вдова также должна выражать признаки самого сильного уныния. Черкесы носят траур (черную одежду) в течение целого года; траур не соблюдается по погибшим в сражениях против русских, поскольку считается, что они отправляются прямиком в рай. На похоронах мулла зачитывает несколько отрывков из Корана, за что получает богатое вознаграждение и, кроме того, обычно еще и одну из лучших лошадей покойного. Для могил людей из богатых семейств выбирают возвышенное место, или под их могилой насыпают холмик, который украшают большими длинными каменными плитами прямоугольной, пятиугольной, шестиугольной и так далее формы. Строятся также небольшие сводчатые часовни, покрытые плитками или черепицей. Эти могилы были подробно описаны у Гюльденштедта, Палласа и Клапрота, к которым мы и отсылаем читателя на этот предмет.

Науки

У черкесов совершенно нет своей письменности; с тех пор, как они восприняли исламизм, они пользуются арабским алфавитом и пишут на татарском наречии, называемом «тюркю» (Turku), которое среди них распространено; арабский алфавит не подходит для написания слов на их языке по причине наличия в нем большого числа дифтонгов, гортанных звуков, прищелкивания языком и так далее, о чем мы уже говорили выше.

Судя, по тому, что написано о воспитании и образе жизни этого народа, невозможно представить, чтобы они имели склонность к наукам; у них нет ни желания, ни времени этим заниматься. Многие из их князей не умеют ни читать, ни писать. Все их научные знания, ограниченные умением толковать Коран, сосредоточены в руках духовенства.

С другой стороны, было бы весьма легко дать образование этому народу, учитывая его природные наклонности и интеллектуальные способности, если бы удалось искоренить его предубеждение против всякого рода науки. Доказательством этому служит то, что многие черкесские и кабардинские князья научились читать и писать по-русски, так сказать, без чьего-либо участия и помощи и говорят на этом языке настолько правильно и с таким правильным произношением, что их можно принять за настоящих русских.

Промыслы

Количество промыслов у этого народа ограничивается его малыми потребностями. В пределах жилища производится все то, что необходимо для его обитателей. Женщины там заняты главным образом тем, что выделывают сукно из светлой пряжи, напоминающее фланель, бурки, войлок, ковры, колпаки («шапка»), туфли («чирики»), золотые и серебряные галуны для украшения верхней одежды («чекмень») и головных уборов, ножны и чехлы для сабель, ружей и пистолетов. Как и представительницы благородных семей, что описаны у Гомера, женщины в черкесском княжеском доме не освобождены от этих работ; даже наоборот, для них является честью прославиться своим мастерством среди прочих женщин. Из шерсти диких коз они прядут длинные нити, но тканей из этой пряжи не делают, вероятно, потому, что шерстяные ткани не получили у черкесов широкого распространения.

Мужчины занимаются плотничеством, собирают ружья, льют пули, выделывают довольно хороший порох и тому подобное. Они также изготовляют мебель и прочую домашнюю утварь, причем на это не идет ни кусочка металла. Их седла и другие изделия из кожи знамениты своей долговечностью и легкостью, так что казаки на Линии стараются обзавестись рамами от черкесских седел («арчег» — arthegh). Наподобие всех горцев они изготовляют ремни, разрезая сырую бычью или козью шкуру на длинные полоски, которые они прикрепляют одним концом к дереву или какому-нибудь другому предмету и затем протягивают между двумя деревянными брусками, которые они сильно сжимают руками. После неоднократного повторения этой операции ремень становится таким же мягким, как если бы он был сделан из лучшей дубленой кожи, и таким прочным, что его почти невозможно разорвать. Кузнечное дело и работы по благородному металлу являются единственными отраслями, которые находятся в руках небольшого числа профессиональных мастеровых; первые делают топоры, ножи, гвозди, удила для лошадей, наконечники для стрел и прекрасные кинжалы. Золотых и серебряных дел мастера украшают золотом и серебром оружие, пороховницы, пояса и так далее. Трудно себе представить совершенство их работы, красоту и правильность рисунка, который они наносят чернью на металл с помощью кислоты.

Доходы

Доходы черкесских князей поступают от продажи пленников, лошадей, крупного рогатого скота и в виде налогов, которые они получают со своих вассалов и крестьян. У узденей тоже есть свои доходы, но налогов они не собирают; зато они полу-

чают всю прибыль от сельского хозяйства, имея в виду, что им принадлежит большая часть поголовья крупного рогатого скота, овец и лошадей; князья же считают зазорным для себя заниматься подобными трудами. Князь ежегодно получает от каждой крестьянской семьи барана и кое-какую провизию, предназначенную для его дома, поскольку гордость любого князя требует, чтобы у него был всегда готов стол для приема гостей. Помимо этих поступлений он еще получает небольшие суммы денег от продажи пленников и лошадей. Богатые черкесские князья совершенно не проявляют интереса к своему добру. Их собственность и их богатство составляют прекрасная лошадь, доброе оружие и то воображаемое счастье, которое зависит от удачного исхода предпринимаемых ими походов и разбойничьих набегов.

Законы

У черкесов нет писаных законов, за исключением Корана, который, для какого бы народа он ни был составлен, все же применим здесь во многих случаях. Но приговор кади не является для черкеса окончательным в той же мере, что и для турка. Чтобы решить дело по справедливости, здесь собирают воинов и устраивают битву, иначе этот приговор останется недейственным для двух могущественных противников. Законы, пользующиеся куда большим уважением у черкесов,— это их древние обычные законы, которые мы постараемся перечислить ниже.

1. Князь имеет право подвергнуть одного из своих узденей за очень серьезное преступление смертной казни, или лишить его права собственности на его крестьян, стада и все его имущество.

2. Князь имеет право приказать убить одного из своих крестьян за предательство, неподчинение или наглое поведение, или вместо этого разрушить его дом и продать всю его семью. Эта последняя мера наказания, будучи более выгодной, могла бы привести к злоупотреблениям со стороны князей, если бы месть со стороны крестьянина не рассматривалась как позор для князя.

3. Князь не имеет права вмешиваться в дела своего узденя при условии, что этот последний выполняет обязанности вассала, платит налоги, а его крестьяне не жалуются на него князю за притеснения.

4. Уздень может покинуть своего князя вместе со всей семьей, но в этом случае он теряет свое имущество и состояние. Крестьяне не имеют права покидать своих хозяев, но они иногда делают это, доведенные до отчаяния притеснениями. Чтобы разрешить эти домашние неурядицы, мир восстанавливается по решению арбитражного суда, создающегося из числа князей, узде-

ней и старейшин из народа. Если обе стороны приходят в той или иной форме к согласию, они дают торжественную клятву забыть прошлое; по этому случаю существуют и другие местные обычаи, как, например, приносят в жертву барана, после чего каждый должен дотронуться языком до окровавленного лезвия кинжала, с помощью которого была принесена жертва,

5. Князь имеет право даровать свободу своему крестьянину и сделать его узденем в награду за его услуги.

6. Если уздень убивает не принадлежащего ему крестьянина, он платит штраф в размере девяти рабов.

7. Если кто-либо решится напасть на чьего-либо кунака, он должен дать хозяину дома, в котором нашел приют гость, одного раба; тот, кто убьет чьего-либо кунака, должен дать девять рабов. Этот штраф является компенсацией за оскорбление, нанесенное дому, где совершено нападение на гостя; что касается убийцы, то свои счеты с родственниками убитого он должен урегулировать сам.

8. Между людьми низкого происхождения убийство в зависимости от обстоятельств улаживается посредством денег, имущества, скота и так далее; но между князьями и узденями убийство редко улаживается с помощью денег; обычно требуют кровь за кровь. В этом случае кровная месть передается от отца к сыну, от брата к брату и тянется до бесконечности, пока не будет найден способ примирить два враждующих семейства. Лучший способ прийти к этому — это чтобы обидчик выкрал ребенка в семье пострадавшего, взял его к себе в дом и воспитал его до возмужания. После того, как ребенок возвращен в родительский дом, все старые обиды обрекаются на забвение с помощью двухсторонней клятвы.

9. Право гостеприимства распространяется и на преступников, но из этого числа исключаются те, кто украл помолвленную невесту или замужнюю женщину, а также те, кто нарушил супружескую верность, убил родителя или совершил противоестественный грех. Эти преступления, надо сказать, совершаются редко и караются смертной казнью; тот, кому удалось избежать наказания, не может более оставаться среди черкесов и должен бежать в Россию или Грузию. Убийца всегда остается под охраной гостеприимства до тех пор, пока его родственники не уладят дело с семьей убитого. В ожидании этого убийца должен прятаться подальше от мест, где проживает семья убитого; к себе он возвращается после того, как дело улажено, и платит «баш»— или сразу, или по частям. Цена за убийство князя, узденя и крестьянина установлена много веков назад и остается в силе до наших дней.

За убийство князя полагается 100 башей, в том числе:

а) семь рабов, каждый из которых считается за один баш;

б) лучший конь;

в) один шлем,
г) одна кольчуга;
д) одна шашка.

Эти баши выплачиваются неукоснительно; остальные — частью движимого и недвижимого имущества убийцы и его родственников. За убийство дворянина первого ранга платят пятьдесят башей; дворян второго и третьего рангов — тридцать башей, за крестьянина — двадцать пять башей. Помимо этого, чтобы окончательно примирить два семейства, нужно, чтобы в семье убийцы воспитали ребенка из семьи убиенного. У шапсугов, абедзехов, натухайцев, убыхов и гусие за убийство дворянина платят двадцать два баша и за убийство простолюдина — двадцать башей.

10. Во всех классах общества, за исключением рабов, отцы и мужья являются абсолютными хозяевами жизни своих детей и жен.

11. Если отец умирает, не успев высказать своей последней воли, сыновья делят между собой имущество поровну и дают каждой дочери по одному рабу; если рабов нет или не хватает, каждая дочь получает лошадь и скот пропорционально состоянию покойного. Побочные дети не имеют никаких прав на наследование имущества, но семья обычно кормит их. Что касается матери, если она переживет своего супруга, она получает определенную долю наследства.

12. Кража, совершенная у князя, наказывается возмещением стоимости украденного в девятикратном размере и, сверх того, еще дают одного раба; таким образом, за одну украденную лошадь дают девять лошадей и одного раба. За кражу у узденя — возмещают стоимость украденного и сверх того дают тридцать быков. За кражу, совершенную в своем племени, наказывают строже, чем за кражу в другом племени. Так, если шапсуг крадет коня у натухайца и его уличают в воровстве, он должен возвратить этого коня и дать еще одного в придачу в качестве меры наказания; но если шапсуг крадет коня у шапсуга, он обязан возвратить этого коня и еще семь лошадей в придачу; в отношении любого украденного предмета соблюдается те же самые пропорции.

Кража, совершенная умело, не имеет в глазах черкесов ничего предосудительного, поскольку это считается такой же заслугой, как у нас удачно проведенная военная операция. Это — одно из первых качеств этого народа, его главное умение и цель всех их предприятий. Самое большое оскорбление, какое девушка может нанести молодому человеку, это сказать ему, что он до сих пор не сумел украсть даже коровы. Если кто-либо уличен в воровстве, он обязан возвратить украденное владельцу лично, уплатить полагающийся штраф и сверх того должен уплатить одного-двух рабов его князю или узденю.

Чтобы объяснить подобную строгость, которая кажется противоречащей природной склонности черкесов к этому пороку, нужно сказать, что лично возвратить украденное его владельцу считается за величайший стыд у этого народа; вместо того, чтобы лично возвратить украденное его владельцу и тем самым признаться в содеянном публично, вор предпочел бы уплатить стоимость украденного втройне, лишь бы его поступок не получил широкой огласки. Итак, эта строгость служит скорее мерой наказания вору за его неумелость; будучи выставлен на всеобщее осмеяние, незадачливый вор своим примером учит остальных быть более ловкими. Кража между князьями наказывается ответными репрессиями, которые по-черкесски называются «баранта» (baranta); это означает нападение на территорию обидчика, угон его людей и скота и так далее. Однако и здесь существуют свои правила — добыча, которую захватывают во время этих ответных набегов, не должна намного превышать по стоимости то, что было захвачено ранее напавшим первым. Между тем, право собственности уважается среди людей, которых связывают узы родства, дружбы, гостеприимства или какие-либо иные.

Организация власти

Выше мы уже говорили об образе правления у черкесских народов, среди которых **кабардинцы, бесленеевцы, хатукаи, бжедухи и жане** находятся под властью князей («пши») или дворян, а прочие имеют демократическую форму правления. Мы хотим сообщить некоторые детали на этот счет.

В 1795 или 1796 году **натухайцы, шапсуги** и **абедзехи** избавились от гнета своих князей и узденей и создали демократические органы власти. Князья этих трех народностей при поддержке кабардинских князей из племени **хамышей** предприняли попытку удушить эту революцию, но успеха не имели и отправили к императрице Екатерине посольство с просьбой оказать помощь против своих мятежных подданных. Послами этими были хамышский князь **Бачарей** и шапсугские князья **Султан-Али** и **Девлет-Герей.** Последний умер в Москве, а двое других возвратились в страну, имея разрешение взять в **Черномории** одну пушку и сотню казаков для совместных действий с их сторонниками против восставших. Битва, которая состоялась вблизи от речки **Афипс** в местечке, именуемом **Бжиок**, обернулась поражением для мятежников, но, даже потеряв шестьсот человек, шапсуги не смирились и остались свободными, так же как натухайцы и абедзехи, и таким образом власть их князей была навсегда уничтожена. С тех пор шапсуги питают непримиримую ненависть к семейству Шертлук, к которому принадлежали послы Девлет-Ге-

рей и Султан-Али. Этот последний, будучи изгнан вместе со своими сторонниками, вновь отправился в Санкт-Петербург в период правления императора Павла I просить покровительства, и ему, а также детям умершего в Москве Девлет-Герея было разрешено обосноваться в Черномории.

Эти три племени, сделавшись свободными, создали у себя своеобразный суд присяжных, именуемый по-черкесски «Турко-Хас» (Turko-Khass). Их территория поделена на округи, и в каждом округе имеется суд («Хас»), формируемый из числа старейшин: в этих целях избирают наиболее опытных людей невзирая на их положение; тот, кто добился всеобщего уважения своими добродетелями и заслугами, избирается в члены суда пожизненно. Все общественные дела, такие, как война, мир и тому подобное, обсуждаются этими судами, и их решение приобретает силу закона. Заседания суда происходят обычно в лесу, где оратор выступает в центре круга внимательных слушателей, терпеливо дожидающихся своей очереди, чтобы высказаться. Ни возраст, ни положение не влияют на этот выбор, который падает лишь на того, кого выделяют среди сограждан личные качества и дар красноречия. Каждый член суда должен дать клятву, что он обязуется судить по совести и беспристрастно. В каждой деревне имеется по одному члену суда, которые по своему усмотрению решают жалобы и незначительные дела, могущие возникнуть между жителями деревни. Кроме того, каждый житель имеет право вынести свою жалобу на решение судьи другой деревни или даже другого округа, и никто не будет на него за это в претензии.

Взаимоотношения, которые существуют в черкесском обществе, суть следующие: 1) связь через посредство принятия детей на воспитание; 2) связь через усыновление (удочерение); 3) связь на основе клятвы в братстве; 4) связь через брак; 5) торговые связи.

Воспитание детей

Если кто-либо из племени желает вступить в близкие отношения с семьей князя или дворянина (что делается всегда для того, чтобы иметь поддержку), он обращается к третьему лицу, которое уже состоит в подобных отношениях с искомым князем или дворянином. Этот посредник сообщает самому старшему из семейства о желании такого-то вступить в близкие отношения с семейством путем принятия на себя заботы о воспитании одного из сыновей или дочерей. В подобной просьбе никогда не отказывают. Зачастую бывает так, что ребенок, еще находясь в утробе матери, уже имеет множество претендентов на роль воспитателя. В этом случае ни мать, ни отец не вмешиваются, а

все проблемы, связанные с правами на воспитание, решаются между самими претендентами. Тот, на кого падает выбор, заблаговременно направляет в дом будущей матери повивальную бабку, а тем временем приемный отец начинает готовить праздник, который будет продолжаться три дня после рождения его воспитанника, после чего он забирает его к себе и обеспечивает все необходимое для того, чтобы его вырастить и воспитать; иногда, если его семья не в состоянии обеспечить достойный уход, ему приходится платить за няньку, которая следит за ребенком в самом раннем возрасте. Родители девочки или мальчика, отданных на воспитание, считают постыдным для себя справляться о своем ребенке у воспитателя за все время нахождения ребенка у него. Вообще создается впечатление, что черкес старается избегать всего, что говорит о его привязанностях или радостях, видя в этом проявление слабости; считается даже неприличным говорить с ним о его детях, особенно когда они маленькие. Только с возрастом можно позволить себе право забыть об этом стоицизме; старик, который проявил все свое мужество в молодости, может в кругу своей семьи проявлять сентиментальность.

Приемный отец возвращает ребенка родителям по достижении им отроческого возраста; по этому случаю устраивают торжественные празднества; с этого момента и впредь семья приемных родителей связана самыми интимными узами с семьей воспитанника.

Приемство

Те, кто претендовал на право воспитать ребенка, имеют возможность стать его приемными родителями и позже, что может быть сделано в любое время, даже тогда, когда этому приемному ребенку стукнет десять, двадцать, тридцать, сорок, а то и более лет. По этому случаю приемный отец устраивает празднество, где соблюдаются различные обычи, как, например, приемный сын должен на какое-то время прикоснуться губами к соску груди приемной матери, а приемная мать — дотронуться до порога дома отца приемного сына. Посредством таких церемоний связи между двумя семьями становятся нерушимыми. Нет ничего удивительного в том, что эти приемные или воспитанные у других дети остаются более привязанными к своей приемной матери, чем к своей родной, поскольку матери очень редко занимаются воспитанием собственных детей. Подобные обычаи, в результате которых все адыги суть родственники и связаны между собой, так сказать, как братья, в значительной мере уменьшают склонность к разбою в отношении друг друга, так как каждый пострадавший находит множество защитников, что яв-

ляется сдерживающим моментом для их сильных страстей. По-черкесски защитник называется «шпур» (pchour), а приемный отец, как и воспитатель — «аталык» (atalyk).

Братство

Братская связь через посредство клятвы является священным обычаем у черкесов. Он увеличивает численность населения в горах, поскольку любой беглец или нарушитель закона находит убежище у шапсугов, натухайцев и абедзехов — племен, которые в большинстве своем состоят из такого рода перебежчиков. Такой перебежчик, который хочет обосноваться в горах и пользоваться теми же правами, что и прочие жители, должен сразу же по прибытии в горный аул искать себе протекцию, заявляя о своей готовности принять все обычаи черкесов и жить как они. В том случае, если ему оказывают покровительство, он должен дать клятву соблюдать все обычаи края, приложив ко лбу Коран; таким образом он становится собратом по клятве и рассматривается всеми как брат и соотечественник.

Связь через брак

Брак в не меньшей степени служит средством установления близких связей между различными народностями. Молодой человек из числа натухаев, шапсугов, абедзехов или любого другого племени может беспрепятственно жениться на девушке из кабардинцев и пр., лишь бы они занимали одинаковое положение. Мы уже говорили об этом детально выше.

Торговля

Внутренняя торговля осуществляется обычно армянами, которые со своими товарами объезжают земли различных племен, платя соответственным князьям налог за право заниматься торговой деятельностью. Эти армяне находятся в близких отношениях со многими черкесами вследствие своих торговых отношений; зачастую они выступают в качестве шпионов, будучи в курсе всего того, что происходит на Кавказской линии; поскольку у них есть лавки как в различных местах вдоль границ, так и в горах, они имеют возможность предупреждать черкесов о намерениях русских, и наоборот. Они занимаются тем, что выкупают русских пленных, платят за них своими товарами, а затем за определенную плату передают их русскому правительству, кстати говоря, с большой для себя выгодой, уверяя при этом, что поступают из соображений чистой гуманности и платят за плен-

ных ту же цену, что требуют от правительства. В свое время они перепродавали выкупленных таким образом пленников туркам в Анапе.

Торговля, осуществляемая между черкесскими племенами и русскими, незначительна; она происходит вдоль всей Кубани и идет либо через армян, либо через казаков на линии и на побережье Черного моря. Продаются им следующие товары: полотно, хлопчатобумажные ткани, персидские хлопчатобумажные ткани (Bourmet), нанкин, сукно в штуках и кусками, русская кожа (юфта), красный и черный сафьян, тиковая ткань, большие медные и чугунные котлы, сундуки, украшенные белым металлом, кувшины (cruches), кубки (coupes), шелк, иглы, расписные деревянные блюда, стеклянная посуда и тому подобное. В обмен черкесы дают: волчьи, медвежьи, бычьи, овечьи шкуры, лисьи, куньи, выдровые, заячьи меха, мед, воск, лошадей, рогатый скот, овец, шерсть, сукно (чекмень) и одежду того же наименования, войлочные манто (бурки), масло, фрукты и другие натуральные продукты. Турецкие купцы раньше привозили им из Константинополя и Требизонда соль, кожи, сафьян, среднего качества хлопчатобумажную ткань, порох и так далее, которые обменивали на мед, воск, самшитовую древесину, а главным образом на рабов обоего пола.

Торговля черкесов с русскими происходит прежде всего в станицах **Прочный Окоп, Усть-Лабинск** и в городе **Екатеринодар;** торговля бывает меновая или на деньги. Кроме тех товаров, о которых мы говорили выше, самым большим спросом у черкесов пользуется соль; они потребляют ее в большом количестве, так как они ее дают и в корм скоту — лошадям и особенно овцам. Русские добывают этот продукт в соляных озерах Маджары и в районе Фанагории и продают черкесам по умеренной цене. С этой целью вдоль Кубани устроены «меновые дворы», где соль продается за деньги или обменивается на товары. Горцы привозят свои товары не караванами, а в малых количествах и в неопределенное время; поэтому армяне возят свои товары в горы под защитой кунака или «гаче». Чтобы получить право повсюду продавать свои товары, эти армяне обязаны подносить подарки соответствующим князьям, как мы уже говорили выше, и кроме того платить им налог, размер которого зависит от воли князя. Сумма продаж и покупок в среднем за год не превышает ста пятидесяти тысяч рублей, что ясно говорит о незначительности этой торговли.

Во введении к этой работе мы излагали причины этого явления, которые суть бедность, леность жителей Кавказа, их предубеждение против торговой деятельности вообще, почитаемой здесь постыдной, когда избытки товаров идут на продажу лишь в случае крайней нужды. Между собой они также обмениваются излишками продукции, что является средством взаимного общения между разными народностями.

Однако Пейсоннель дает любопытные замечания относительно процветающей торговли, имевшей место в его время между Крымом и черкесами Кубани и Кабарды. Он рассказывает, что в то время (с 1753 по 1760 годы) черкесы экспортировали через Тамань в Каффу до десяти миллионов фунтов шерсти, ста тысяч штук черкесского сукна (чекмень), пяти-шести тысяч штук одежды, шестидесяти тысяч пар суконных шальвар, двухсот тысяч бурок, пяти-шести тысяч бычьих шкур, 500—600 тысяч фунтов хорошего меда, 50—60 тысяч фунтов абхазского хмельного меда, семи-восьми тысяч «ока» (равняется трем фунтам) воска; 50 тысяч куньих шкур, 100 тысяч лисьих шкур, трех тысяч медвежьих шкур, пятисот тысяч овечьих шкур, и все это не считая рабов обоего пола и лошадей. Объем такой торговли должен был достигать восьми миллионов рублей.

Представляется, что политические события, происшедшие с тех пор в Крыму, на Таманском полуострове и у кубанских черкесов, привели к упадку этой значительной торговли; возможно, причиной этому в какой-то мере стало изменение характера торговых отношений, которые существовали между полностью мусульманскими народами, бывшими, вероятно, лучше приспособленными к нравам и интеллектуальным способностям этих разнородных наций. Как бы там ни было, однако нет никакого сомнения в том, что только развитие торговли позволит цивилизовать и умиротворить народы за Кубанью.

Население

Мы уже говорили, что определить численность населения кавказских народов весьма трудно, имея в виду, что эти народы сами не знают его точно и к тому же стараются убедить нас и ввести нас в ошибку, преувеличивая действительное число жителей. Тем не менее таблица, которая следует далее и составлена по сведениям, данным старыми черкесами капитану **Новицкому** во время его пребывания в Анапе в 1830 году, а также по более свежим данным, полученным Генеральным штабом в Тифлисе в 1833 году, позволяет составить о нем приблизительно верное представление.

Замечание. Именно капитану Новицкому (ныне подполковнику Генерального штаба) мы обязаны топографическими и статистическими сведениями о черкесских народах; этот блестящий офицер объехал все эти края под видом слуги, рискуя ежеминутно быть разоблаченным и расстаться с жизнью. Он и господин Тауш, весьма достойный человек, атташе Коллегии иностранных дел, который прожил десять лет среди черкесов (о нем весьма уважительно отзывается Тебу де Мариньи в своих «Путешествиях в Черкесию») и прекрасно знал их язык и обычаи, оказали большую услугу в изучении этих краев.

Название племени	Число дворов	Численность жителей
Натухайцы	6800	55000
Шапсуги	25000	200000
Абедзехи	15800	160000
Туби	900	7000
Убыхи	700	5000
Саше	1200	9000
Бжедухи	1200	9000
Хаттукаевцы	1150	8000
Темиргоевцы	1200	10000
Эгерквaевцы	500	2500
Жане	60	600
Адеми	180	1800
Мохошевцы	600	5000
Хегайки	700	5000
Бесленеевцы	3000	25000
Беглые кабардинцы	2000	15000

Итак, если принять во внимание, что каждая черкесская семья занимает обычно большой двор с несколькими строениями, можно общее число черкесов принять за шестьсот тысяч душ.

Воины

Судя по числу семейств, которое мы показали в помещенной выше таблице, общее число воинов, которое эти народы могут выставить в случае необходимости, можно оценить более чем в шестьдесят тысяч человек. Мы здесь исходим из расчета один воин от одной семьи; однако учитывая образ жизни и нравы этих народов, которые покрывают глубочайшим позором того, кто остается дома в то время, как его соотечественники сражаются с врагом, можно с уверенностью сказать, что это число должно быть значительно больше. К счастью, они никогда не могут собрать эти силы воедино по причинам внутренней вражды и полнейшего отсутствия дисциплины и средств для содержания в течение определенного времени такой массы людей. Не будь этих препятствий, они представляли бы большую угрозу для своих соседей, имея в виду также и их воинственный характер; они были бы просто непобедимы в своих краях.

Артиллерия

До появления русских войск в 1828 году, организовавших осаду Анапы, черкесы получили от турок восемь пушек, которые еще находятся у них; но по уверениям некоторых из их соотече-

ственников они не умеют ими пользоваться, и эта артиллерия не представляет для них никакой пользы — ни во время их набегов, ни для защиты их территории.

Способ ведения войны

Хотя в начале этой работы уже говорилось об образе ведения войны горцами в целом, мы сочли полезным добавить здесь некоторые детали, говорящие об особенностях военного искусства черкесских племен.

Если они готовятся к вторжению в отдаленные земли, или же к защите своей территории от агрессора, они избирают одного из князей на роль главного вождя; этот выбор определяется не знатностью происхождения, но исключительно признанием личной храбрости и всеобщего доверия. Подобный выбор порождает огромное уважение к этому вождю, которое сохраняется до конца его дней и придает ему самый большой авторитет на народных собраниях. В течение всей экспедиции он имеет право осудить за тяжкий проступок на смертную казнь любого — без предварительного разбирательства и без различия рангов; тем не менее стараются не прибегать к такой мере в отношении членов княжеских семей во избежание вражды и кровной мести. Стремление действовать всем вместе одновременно порождается скорее обстоятельствами и степенью опасности момента, нежели твердой волей и дисциплиной, о которой горцы не имеют ни малейшего представления. Их военная организация и система набора рекрутов весьма просты. Каждый уздень обязан поставить определенное число воинов в зависимости от числа семейств крепостных, принадлежащих ему, а также от потребностей момента. Как только все эти мелкие отряды соединятся, самый старший из глав дворянских семейств ведет их за собой на врага, сохраняя вместе с тем командование над своим собственным отрядом. Каждый отряд состоит из воинов, облаченных в тяжелые кольчуги, из легкой кавалерии и пехотинцев. Князья и уздени в кольчугах и шлемах вместе со своими оруженосцами образуют ядро, элиту кавалерии; остальные — это легкая кавалерия и пехота, в которой служат только крестьяне; пехота занимает позиции и ведет ружейный огонь. Когда они отправляются в набеги, их не смущают никакие реки, так как их лошади обучены их переплывать. Для этого черкесы раздеваются, складывают оружие в непромокаемый бурдюк, одежду узлом на дуле ружья, берут под руки по бурдюку, надутому воздухом, бросаются вместе со своими лошадьми в реку и переправляются через нее, будь она даже широка и с быстрым течением. На противоположном берегу они снова одеваются, и таким образом их одежда и оружие никогда не промокают. Атаки совершаются плотным или рассредоточенным строем (надо ска-

зать, что они боятся артиллерии); с шашками в руках они бросаются на пехоту или артиллерию, обращают ее в бегство, преследуют, иногда, наподобие древних парфян, стремятся заманить противника в засаду, проводя ложное отступление. Опыт показал, что черкес, обращенный в бегство,— это еще далеко не побежденный воин; кавалерия этих народов превосходит любую кавалерию в мире. Князья показывают образцы храбрости, они всегда в самых опасных местах боя, и для них было бы большим бесчестьем, если какой-нибудь уздень, а тем более простой крестьянин превзошел бы их в храбрости и доблести. Все же при всей своей храбрости они ничего не могут поделать с русской пехотой; они решаются атаковать русских на равнине только при условии внезапности, чаще же стараются заманить их в леса и ущелья, где русские могут наделать массу ошибок, если не будут знать все их хитрости и действовать неосмотрительно.

Мы уже отмечали, что на время своих экспедиций много провизии черкесы с собой не берут; они запасаются большим количеством провизии только в том случае, если приходят на помощь бедному племени; во всех прочих случаях они питаются за счет жителей племен, которые принимают их как своих гостей и родственников. Так, во время осады Анапы в 1828 году восемь тысяч черкесов, которые принимали участие в сражении, находились полностью на обеспечении у племени натухайцев, на территории которого происходили бои. Поскольку они не признают ни дисциплины, ни субординации (за единственным исключением, если они нанимаются служить за деньги или если они обязуются быть под чьим-то началом в течение определенного времени), каждый волен отправиться к себе домой, когда ему заблагорассудится, что они частенько и проделывают, особенно если их отряды находятся неподалеку от их жилищ. Из этого следует, что черкесы никогда не могут сконцентрировать в одном месте все свои силы, но, с другой стороны, их никогда нельзя победить окончательно и полностью, так как они постоянно появляются и исчезают. Разрушение их аулов не приносит много пользы, так как у них всегда есть под рукой материал, чтобы построить новые, на что уходит не более пары дней. На это время их жены, дети, имущество, скот укрываются в лесах и горах, где остаются до тех пор, пока противник не покинет их территорию.

Они более не совершают массовых вторжений на чужие территории, поскольку русские не дают им такой возможности. Зажатые в районе Кубани и ее левобережья, черкесы совершают набеги на территории русских только малыми группами, которые обнаруживаются обычно в момент переправы через Кубань. Все их набеги преследуют одну цель — захватить внезапно стадо коров, овец или табун лошадей, сжечь хутор или увести в плен людей, которые им повстречаются. Можно рассчитывать, что этот разбой вскоре вообще будет прекращен, имея в виду

энергичные меры русского правительства с целью усмирить и приобщить к цивилизации эти народы, на протяжении веков жившие разбоем.

Пиратство

Убыхи, чепсуи, гусие, занимающие устья речек Пейсва, Шиаке и Зуазе, впадающих в Черное море, научились у своих соседей абхазцев заниматься пиратством. Эти необузданные варвары нападают иногда на торговые суда, которых задерживает в море безветрие на этих широтах. Они уходят на двадцать-тридцать верст от берега на барках, которые берут на борт сорок — сто человек и даже более. Если начинается шторм или если их преследуют, они укрываются в маленьких бухтах или в устьях речек, которыми изобилует восточное побережье Черного моря и где их практически невозможно захватить. Надо заметить, что они стараются нападать на неподвижные суда только ночью и внезапно и берут их на абордаж при том условии, что их силы значительно превосходят экипаж судна. Если их удается удержать на расстоянии с помощью нескольких выстрелов из пушки, судно спасено, но если они идут на абордаж, то чаще всего берут верх.

Превосходство шапсугов над другими черкесскими племенами

Племя шапсугов — самое могущественное среди всех черкесских племен; оно постоянно укрепляется за счет притока новых беженцев, которые здесь натурализуются, как мы об этом уже говорили выше. Шапсуги гордятся тем, что они свергли иго своих князей и узденей; они известны своей непримиримой ненавистью к русским и упорным нежеланием подчиниться или жить в мире с этой державой. Благодаря этим качествам они пользуются у своих соотечественников славой непобедимых. Их политическое влияние на другие черкесские племена очень велико.

Многие черкесы утверждают, что если России удастся подчинить себе шапсугов либо силой оружия, либо иным путем, все прочие черкесские племена последуют примеру шапсугов. Если шапсугов удастся подчинить мирным путем, то они благодаря своему влиянию могут склонить к подчинению России и другие племена; если их подчинить силой оружия, то все прочие адыге, увидев падение столь могущественного племени, не окажут никакого сопротивления и перейдут в подчинение к победителям шапсугов.

Могущественные семейства

Мы уже говорили о том уважении и почитании, которыми пользуются княжеские семейства у горцев вообще; здесь мы хотим дать перечисление правящих князей («владельцев») у адыге.

1) **У бжедухов**	а) князь Алкас Хаджемокор Хамыш и его брат Магмет (Alkass Khadjemokor Khamich, Magmet).
	б) князь Ахегиаконор Пшихуе— Akheghiakonor Pchikhouie.
2) **У натухайцев**	князья Тлестан и Джангерий— Tlestan, Djangheri.
3) **У жане**	князь Пшихуе Цюхук — Pchikhouie Tsioukhoukh.
4) **У адеми**	дворянин Дегузиок — Deghousiok (Адеми принадлежат к племени темиргоевцев, но у них есть свои привилегии и они, так сказать, независимы).
5) **У темиргоевцев**	князья Айтекокор, Болеток Шумаф, Джангерий и Татлостан — Aitekokor, Boletok Choumaf, Djangheri, Tatlostan.
6) **У мохошевцев**	князья Богарсоко Байзерок, Хатурузук. — Bogansoko Baizerok, Khatougouzouk.
7) **У бесленеевцев**	князья Ханоко Мурзебек Песвие, Ханоко Хадже Тархин и Пшишаф, братья — Khanoko Mourzebek Pesvie, Khanoko Khadje Tarkhin, Pchichaf.

Что касается остальных черкесских племен, то в силу демократического устройства власти у них имеются лишь старейшины. Хотя у нас есть полный список наиболее уважаемых у них семейств, мы не будем приводить его здесь полностью во избежание излишних длиннот и ограничимся лишь первыми семействами каждого племени.

У **натухайцев**—семейства:	Супако	Soupako
У **шапсугов** — семейства:	Абат	Abat
	Шерстлуг	Cherstlough
	Нешире	Nechire
	Цух	Tsoukh
	Гаркоз	Garkoz
У **абедзехов** — семейства:		
	Инсшок	Inschok
	Едиге	Edighe
	Анцох	Antsokh
	Бешон	Bechon
	Чанкет	Tchanket

К абедзехам принадлежит также небольшое племя Туби.

Деревня, как это принято у черкесов, обычно получает название по имени семейства, которому она принадлежит. Поскольку жилища черкесов разбросаны на большом расстоянии друг от друга вдоль течения речек и ручьев, зачастую получается так, что одна деревня занимает целую долину и тянется на пятнадцать-двадцать верст, что весьма затрудняет их точное описание и перечисление.

Кабардинцы

Исторические сведения о кабардинцах

Ранее уже приводились исторические сведения о черкесах в целом; несмотря на это мы сочли целесообразным добавить некоторые сведения отдельно о кабардинцах, имея в виду, что здесь имеются весьма любопытные детали и что история этого черкесского племени, можно сказать, отличается от истории остальных черкесских племен.

Из всех горских племен кабардинцы завоевали наиболее громкую известность благодаря своему рыцарскому и воинственному духу, храбрости, проявленной ими в борьбе против крымских татар и в других исторических ситуациях, а также в силу того главенствующего положения, которое они занимали по отношению к своим соседям. В русской истории они известны под именем «пятигорских черкесов», которое происходит от названия горы Бештау (по-русски Пятигорье), в окрестностях которой они проживают. Существует множество преданий о происхождении кабардинцев, и мы приведем здесь некоторые из них, воздерживаясь, однако, от каких бы то ни было заключений.

По черкесским преданиям одно из их племен покинуло Кабарду в VI веке по мусульманскому летосчислению, оставило свои родные поселения на берегах Кубани и продвинулось на север до Дона; однако вскоре оно покинуло и эти места,

отправилось далее и обосновалось на южном побережье Крыма и на равнине между реками Кач и Белбик; верхняя часть этой долины сохранила название «Кабарда», а от татар получила название «Черкес-тус» («Черкесская долина»). В этих краях сохранились развалины замка, называемые «Черкес-Кермен».

В 883 году, по упоминанию Константина Порфирогенета, во время внутренних волнений среди хазар, три их племени под именем **«кавары»** или **«кабары»**, будучи побеждены своими соплеменниками, укрылись у **маджар**, или **угров** и создали под именем **кавары** восьмое угорское племя, принесли с собой хазарский язык и сами восприняли угорский язык. Эти кавары благодаря своей необычайной храбрости получили привилегию первыми нападать на врага в любом сражении. Страна, где в то время обитали угры, находилась в междуречье Буга и Дуная и называлась **Альтекуза**; что касается территории хазар, то она простиралась не только по Северному Кавказу, но и захватывала часть горных районов и достигала западного побережья Каспийского моря.

Это упоминание о кабарах наряду с черкесскими преданиями, утверждающими, что они якобы некогда проживали на Крымском полуострове, дало основание для предположения о том, что эти предания говорят о кабардинцах, которые в этом случае должны быть племенем хазарского происхождения, тем более, что слово «козак», присущее черкесскому словарю, очень часто употреблялось вместо «хазар» или «хозар». Указание на их пребывание в свое время в Крыму имеется как в народных преданиях, так и в географических названиях, которые сохраняются до настоящего времени в Крыму, о чем мы уже говорили выше.

На карте Средиземного и Черного морей, подготовленной в 1497 году Фредутио д'Анконе и хранящейся в библиотеке Вольфенбуттеля, можно прочесть название «Kabardi», написанное красными буквами несколько к востоку от Таганрога, что указывает на местоположение страны каваров, о которой говорит Константин Порфирогенет, и в то же время племени кабардинцев, которые в VII веке по мусульманскому летосчислению снова покинули Крым и обосновались на острове, образованном двумя рукавами Кубани при ее впадении в море; татары называют это место «Кызыл-таш»; но кабардинцы долго там не оставались, а, став могущественным племенем, направились под водительством своего князя **Инала** далее на восток — в земли за Кубанью и вплоть до нынешней Кабарды, где они подчинили себе все прочие черкесские племена. Это тот самый Инал, которого считают первоосновователем рода всех кабардинских князей.

Осетины говорят, что до появления кабардинских князей в Крыму черкесы сами себя называли «казахами», и это назва-

ние закрепилось за ними в осетинском языке; действительно, осетины называют до сих пор кабардинских князей «кашакмепхе» что означает «царь кашаков». Сведения Константина Порфирогенета совпадают также и с этими преданиями, так как он называет страну черкесов на берегу Черного моря **Зихией,** а страну выше, расположенную по берегам Кубани и граничившую с землями аланов (осетин), **Казахией**; это очень точно, так как по сведениям грузинских географов осетины оставались на территории нынешних Большой и Малой Кабарды вплоть до вторжения Бату-хана, когда они вынуждены были уйти в горы.

В архивах Коллегии по иностранным делам хранятся документы, которые показывают:

1) что в древние времена кабардинцы занимали часть Украины и Малороссии, а затем обосновались в верховьях реки Кумы в окрестностях Бештау, откуда они получили название «пятигорских черкесов»;

2) что это край принадлежал России и что пятигорские черкесы исповедовали христианскую религию (по греческому обряду).

В 1282 году татарский хан **Баскак** из Курска привел черкесов из района Бештау, или Пятигорска, и построил пригород, где поселил их, назвав «казаками». Грабежи и притеснения, творившиеся черкесами, послужили поводом для многочисленных жалоб населения, что вынудило в конце концов курского князя **Олега** разрушить их поселение с разрешения хана. По этому поводу было множество убитых, а оставшиеся в живых черкесы разбежались. Эти последние вместе с русскими беглыми крестьянами творили повсюду беспорядки, скрываясь в лесах от преследователей. Только с большим трудом удалось их прогнать, а частично умиротворить. Значительная часть их обосновалась в нижнем течении Днепра, ниже порогов, где они построили городок Черкасск, получивший такое название вероятней всего потому, что большую часть этих людей составляли выходцы из черкесских племен; там они основали разбойничью республику, ставшую знаменитой под названием «Запорожские казаки».

По народным преданиям самих кабардинцев в древние времена Кабарда зависела от князя по имени **Инал,** который выдавал себя за потомка Кеса, выходца из Аравии, правившего черкесами. Как известно, в середине VIII века по мусульманскому летосчислению **Мослем,** брат халифа Этциде III, изгнал хазар из Мидии и Армении, победил их в их собственной стране и утвердил господство арабов в горах Кавказа; таким образом, эти предания не лишены основания.

Инал разделил Кабарду между пятью сыновьями. С тех пор стали возникать междоусобицы, вследствие которых боль-

шая часть наиболее известных князей вынуждена была искать убежища в России. Князья из семейств **Сунчалеевых** и **Келеметевых** были в их числе; они покинули Кабарду в конце XVI века и стали известны в России под именем князей **Черкасских.** Те, кто остался в Кабарде, разделились на три группы: земли тех, кто остался, как и в старину, на Баксане, стали называться **Большой Кабардой**; переселившиеся в район Татар-тупа стали называть свой край **Малой Кабардой** и, наконец, та часть, что перешла Кубань, стали называться **бесленеевцами** по имени одного из сыновей Инала. Большая и Малая Кабарда отошли к России, а бесленеевцы — к крымским татарам.

Деление на Большую и Малую Кабарду объясняется еще и так, что эти названия идут от двух братьев по имени **Кабарти-бек,** которые поделили между собой эту землю...

(Далее де Бларамберг приводит генеалогическую таблицу кабардинских князей по Клапроту с замечаниями из Потоцкого и Палласа).

Границы

Кабарда расположена к югу от Георгиевска и Моздока, параллельно, так сказать, этим городам. Ее ширина — от тридцати до восьмидесяти верст вплоть до черных гор Кавказа и протяженность — двести верст от правого берега Подкумка до левого берега Сунджи напротив Наура. Ее границами на севере являются Георгиевский и Моздокский уезды, на востоке она граничит с народностью кистов, от которой ее отделяют реки Сунджа и Комбулеевка; на юге она граничит с землями осетин, балкарцев и чегемов, и на западе — с Малой Абазой.

Территория, которую кабардинцы занимали ранее, простиралась до устья реки Сунджи, вдоль обоих берегов Терека и Малки, включая сюда значительную часть нынешних Александровского и Георгиевского уездов, до реки Уруп: в XVII веке они уступили абазинцам, которые ушли тогда из Большой Абхазии, чтобы обосноваться на северных склонах Кавказа, часть своей территории между правым берегом Урупа и левым берегом Подкумка; впоследствии в результате территориальных захватов чеченцев на востоке и русских на севере их территория сократилась до нынешних размеров...

Большая Кабарда

Границами Большой Кабарды с трех сторон являются верхнее течение реки Подкумок, реки Малка и Терек; на юге она граничит с землями осетин, балкарцев и чегемов. Реки, кото-

рые орошают Большую Кабарду, следующие: Малка, Бакзан, Чегем, Нальчик, Терек, Урух, Ардон и другие. Северная часть Большой Кабарды гористая, с многочисленными ущельями и долинами, которые понижаются к северу, куда текут реки; узкие и труднодоступные ущелья, проделанные в горах Бакзаном, Чегемом, Тереком и другими реками, служат для жителей местом убежища в случае опасности. Земля в долинах и на равнине — плодородный чернозем, вполне пригодный для земледелия и с хорошими пастбищами.

Кабардинцы привыкли переносить свои деревни, или аулы, с места на место по мере того, как территория аула загрязняется навозом и другими отбросами. Примитивность их хижин, сделанных только из плетеных сучьев, облегчает переезды. Эта привычка, столь полезная для здоровья жителей, в то же время затрудняет точное описание их поселений.

1. Вдоль **Малки** расположены следующие посты и аулы: Пост-Каменной.— Аул Темир-Бугат.— Аул Аликона.— Бубабуква.— Аул Траму, или Трамкт.

2. Вдоль **Бакзана:**

Алицах-Мисостов.— Ислан Абажукин.— Кубатов.— Хутатов.— Пост Бакзан.

3. Пост Чегем на потоке того же названия.

4. Редут Нальчик на реке того же названия.

5. Пост Урванской на речке Урван.

6. Пост Черек на речке Черек.

Помимо упомянутых здесь аулов имеется еще аул **Атажукин** в верховьях Бакзана.

Аулы **Мисостовых** находятся в среднем течении реки Бакзан; главная резиденция этой фамилии —в окрестностях местечка Кип-бурун.

Аулы **Джембулатов** расположены в низовьях Бакзана, особенно на реке Бакзаниш. Главная резиденция этого семейства — на потоке Чегем, вблизи горы Кошкатау.

Аулы **Татархановых** разбросаны вдоль потоков Мишгик, Черек и Нальчик.

Аулы **Куденетов** находятся на потоке Шалуко.

По всей Кабарде до сих пор сохраняются многочисленные посты и редуты. Их главное назначение — обеспечение коммуникаций и наблюдение за горцами. Основными из них являются: Ухурской, Ардонской, Архонской на речках с тем же названием, посты Пришип, Минарет, Кисловодск и Константиногорск.

Малая Кабарда

Границей Малой Кабарды на западе служит Терек (некоторые называют его еще Ардуган); на севере она граничит с Моздокским уездом, граница там также проходит по Тереку.

Северный левый берег Сунджи отделяет ее от чеченцев и левый западный берег той же реки — от земель ингушей; эта река образует восточную границу Малой Кабарды; на юге она граничит с территориями осетин и ингушей. Ее ширина и протяженность почти одинаковы: от Моздока до предместий Владикавказа около восьмидесяти верст; от правого берега Терека до горячих источников Святой Екатерины («Екатерининские теплицы») также около восьмидесяти верст.

Реки Терек и Сунджа образуют почти всю границу Малой Кабарды; по ее территории проходят только речка Курп, или Курпи, а также нижнее течение речки Комбулеевки. Эта речка течет в северо-западном направлении и впадает в Терек семью верстами выше Татар-тупа. Вместо рек в Малой Кабарде имеется большое число ручьев и источников, так что можно сказать, что этот край изобилует лесом и водой. Ее пересекает хребет Арак-Алагарек, который тянется с запада на восток от Терека до устья Сунджи. Этот хребет по большей части покрыт лесами; его северные склоны покаты, там есть залежи песка, глины и мергеля. Земля в Малой Кабарде очень плодородная и пригодна для развития земледелия и животноводства. Однако этот край по сравнению с его размерами очень слабо заселен, так как горцы используют все эти плодородные земли только под пастбища, тогда как они могли бы прокормить куда большее население, если оно занималось бы земледелием. Европеец, путешествующий в этих краях и судящий по своим меркам, нашел бы эти степи пустынными, в то время как горцам зачастую не хватает здесь земель под пастбища для их скота.

Вражда, которая сохранилась с древнейших пор до настоящего времени между князьями Большой и Малой Кабарды, привела к опустошению Малой Кабарды, и она уже давно подчинилась России. Князь Малой Кабарды **Коргока Канчокин** перешел с 1759 года на русскую территорию по левому берегу Терека, спасаясь от репрессий князей Большой Кабарды. Он принял христианскую религию и стал основателем города Моздока, расположившись там со своей семьей и подданными.

В Малой Кабарде господствуют два княжеских семейства, ведущих свой род от Инала, основателя родословной кабардинских князей — это семейство **Тау-Султана** и **Галеслана,** или **Гелеслана.** Все жители края, от крестьянина до узденя, подчиняются либо тому, либо другому семейству.

Аулы Тау-Султана расположены вдоль правого берега Терека вниз по его течению начиная от Татар-тупа и насчитывают в общей сложности до 1000 дворов. Главная деревня семейства Гелеслана называется «Малая Кабарда», или «Ахловы Кабаки» и расположена в двадцати пяти верстах к югу от Моздока. Двумя верстами дальше на ручье Псидахе есть еще три аула, принадлежащие семье **Кайтукина,** тоже из рода Ге-

леслана. Раньше Малая Кабарда могла выставить три тысячи вооруженных всадников; теперь ее силы значительно меньше, да и численность населения сократилась. Жители Малой Кабарды живут в дружбе с ингушами, но враждуют с чеченцами; у них частенько бывают столкновения с осетинами по поводу пастбищ. Нужно также сказать, что они более преданы русским, чем их соотечественники в Большой Кабарде.

Хотя мы уже и говорили об образе жизни и нравах черкесов вообще, которые вполне одинаковы и у кабардинцев, мы все же вынуждены дополнить изложение некоторыми деталями, особенно по поводу образа правления у кабардинцев.

Сельское хозяйство

В Кабарде производится все, что нужно для жизни, кроме соли, которую получают из России. Плодородная земля позволяет выращивать любые сорта зерновых культур, но кабардинцы выращивают только просо, ячмень, полбу и пшеницу. У них нет ни садов, ни огородов из-за того, что они часто меняют места своих поселений. Зимой их провизия состоит из копченой баранины или говядины и рыбы, которую они очень любят. Их напитками является «балбуза», приготовляемая из просяной муки и меда и настаиваемая на травах. Этот напиток становится опьяняющим, если его подержать несколько дней в хорошо закупоренном кувшине: «брага» из просяной или полбяной муки пьянит меньше.

Главной отраслью сельского хозяйства являются табуны лошадей и стада овец; крупный рогатый скот имеется здесь в меньшем количестве, они отдают предпочтение выращиванию буйволов.

В Кабарде насчитывается до двадцати табунов по сотне косяков в каждом. Слово «косяк» означает часть табуна с определенным количеством кобылиц, которых нужно покрыть; в среднем число кобылиц в косяке до двадцати. Эти табуны в последнее время в значительной мере утратили свою былую репутацию. Лошадей породы «шалох» в табунах Тау-Султана в Малой Кабарде, считающихся лучшими, сейчас осталось немного.

В начале лета в Большой Кабарде отправляют табуны лошадей и стада овец к истокам Малки и Подкумка, где они содержатся на пастбищах в течение всего летнего сезона. В Малой Кабарде пастбища находятся вблизи от деревень. Когда стада покидают в Большой Кабарде равнину и отправляются на горные пастбища, уздень получает от каждого из своих крепостных по жеребцу из каждого косяка и по барану из каждого стада. В обмен на это он обязуется обеспечить охрану стад и табунов. Кабардинцы занимаются также пчеловодством, и их мед — один из лучших на Кавказе.

Промыслы

Они выделывают у себя сукно и войлок, мастерят арбы и рамы для седел, которые используют в хозяйстве или обменивают на соль и другие необходимые им товары — полотно, хлопчатобумажные ткани, железо, медные кувшины и тому подобное.

Язык

Кабардинский язык представляет собой один из диалектов черкесского языка, на котором говорят также бесленеевцы и темиргоевцы и который остальные черкесские племена понимают с трудом; говорят, что кабардинский язык — это самый чистый черкесский язык. Помимо этого, у кабардинских князей есть свой особый язык, на котором они говорят только между собой.

Религия

Они все магометане из секты Омаров. Их духовенство пользуется большим уважением и оказывает серьезное влияние на народ. Кади получают с каждой семьи установленную плату в пшенице, меде и баранах. В Кабарде совершенно нет красивых мечетей, поскольку исламизм был привит здесь всего лишь лет шестьдесят тому назад, да к тому же у кабардинцев вообще нет постоянных жилищ.

Нравы

Кабардинцы горды и высокомерны, но в то же время вежливы по отношению к чужестранцам и очень гостеприимны. Они строго соблюдают между собой приличия, соответствующие возрасту и положению, их очень сердит, если чужестранцы забывают о необходимости соблюдать эти приличия. Самый старший по возрасту или самый высокий по положению князь — единственный человек, кто имеет право сидеть; остальные могут позволить себе сесть только по его приглашению. Во время обеда ему первому подают кушанья, затем обслуживают кади, а затем идут прочие князья и уздени в порядке их положения и возраста.

Князья Большой Кабарды с древнейших времен обладают определенными правами в отношении Малой Кабарды, так что жители этой последней частенько страдали от притеснений князей Большой Кабарды. То же самое имело место и по отноше-

нию к другим их соседям, таким как ингуши, осетины, абазинцы, бесленеевцы и так далее, причем некоторые из этих племен платили им ежегодную дань и очень боялись их немилости. Хотя сейчас их могущество совершенно сошло на нет вследствие бесконечных войн, которые они вели либо против своих соседей — горцев, либо против русских, кабардинские князья все еще считают себя, в силу своего происхождения и былых подвигов своих предков, первыми по благородству крови не только среди черкесских племен, но и вообще всех горских народностей. И им действительно нельзя отказать в этом превосходстве. За исключением тех качеств, которые у них могут оспаривать другие народы, кабардинцы отличаются благородством характера, учтивостью, а также чистотой своих одежды и жилищ. Все эти качества свидетельствуют о том, что кабардинцы находятся на более высокой ступени цивилизации, чем прочие горские народности.

Они имеют дружественные связи со всеми закубанскими народами, особенно с бесленеевцами, которых роднит с ними общность происхождения. Балкарцы, чегемы, карачаевцы и абазины признают их превосходство. Осетины — их враги, за исключением дугоров; они не позволяют им покинуть их горы. То же самое имеет место в отношении ингушей. Здесь, как и при любой вражде, возникающей между горскими народами, господствует право более сильного.

Общим для всего Кавказа является обычай, когда хозяин дома, если он моложе гостя по возрасту или занимает менее высокое положение, должен сам снять упряжь с лошади гостя и снять с него оружие при посещении гостем его дома; даже, например, абазинские князья должны принять лошадь и оружие не только у кабардинских князей, которые к ним приезжают в гости, но и у кабардинских узденей, имея в виду, что происхождение абазинских князей менее высокое, чем у кабардинских узденей. Этот обычай строго соблюдается.

Образ правления и порядки

Кабардинцы делятся на пять классов или сословий:
1) князья;
2) дворяне, или уздени;
3) духовенство;
4) крестьяне;
5) рабы, или ясыри (Ya'ssirs).

Шесть княжеских семейств господствуют над Большой и Малой Кабардой: Мисоста, Атажуки, Бек-Мурзы, Кайтуки, или Кайтукина правят Большой Кабардой; семейства Тау-Султана и Гелестана — Малой Кабардой. Два первых семейства — **Мисоста** и **Атажуки** — с давних пор сформировали **кабардинцев с Баксана**; семейство **Джембулета — кабардинцев с Каш-**

катау. Это последнее семейство позже подразделилось на две ветви — **Бек-Мурзы** и **Кайтуки**. У каждого семейства есть свои собственные земли, сюзерены и крестьяне. Самой могущественной и многочисленной можно считать ветвь **Атажуки.** Между истоками Подкумка и рекой Чегем расположились территории князей **Мисоста** и **Атажуки**; от Чегема и по течению Ардугана земли князей **Бек-Мурзы** и **Кайтуки**; от Ардугана до Курпа — земли **Тау-Султана,** и от Курпа на запад — владения **Гелестана.** В Кабарде всего насчитывается пятьдесят князей и около тысячи узденей.

Уздени, или **ворки,** подразделяются на три категории: первую составляют перворoдные дворяне Кабарды, которые являются, так сказать, крупными вассалами какого-либо князя; вторую категорию составляют дворяне не менее благородного происхождения, не имеющие, однако, в полном объеме власти и прав дворян первой категории; наконец, дворяне третьей категории в силу своей бедности подчинены другим дворянам, эта категория напоминает по своему положению мелкую шляхту в Польше; называют их «узденями узденей». Наиболее известные дворяне Большой Кабарды происходят из родов **Гнардуковых** и **Анзоровых.** К первому принадлежат семейства **Куденетов** и **Тамбиевых;** ко второму — семейства **Баруков, Зареков и Эльмурз.** Кабардинские дворяне обладают всеми вассальными правами и платят **дань** пшеницей и скотом за пожалованную им землю. Большая часть крестьян принадлежит дворянам. Тем не менее и эти крестьяне ежегодно платят князю по одному барану с каждой семьи помимо оброка, которым их облагают дворяне и который составляет десятину от каждого урожая пшеницы.

Простой люд Кабарды, или крестьяне, называемые по-черкесски «тхокотлы» (Tchokhotl), находятся под господством князей и дворян с древних времен по праву захвата. Они труженики, прикрепленные к земле, но, хотя они подвергаются сильному угнетению, они вовсе не являются рабами, поскольку продавать их, за редкими исключениями, ни целыми семьями, ни по одиночке — никто не имеет права. Большинство их, как уже было сказано, принадлежит узденям, остальные находятся в непосредственной собственности князей. Кроме этих крестьян у князей и узденей есть еще фермы, на которых заняты отпущенники, колоны и их собственные люди, которых называют «бегаули», или «бегаулья» (Begaouli, Begaoulia). Первые являются фермерами и платят арендную плату (le bail), вторые находятся в услужении у князя или дворянина; и те, и другие пользуются определенными правами.

Ясыри, которых покупают или берут в плен, являются рабами и собственностью князей и дворян.

Духовенство делится на **мулл,** которые наряду с богослужением являются также судьями, и на **имамов,** которые нахо-

дятся при мечетях, где выполняют функции наших дьяконов. Кроме них имеются еще и **кади**, избираемые каждый год из мулл на роль верховного судьи во всех делах. Каждое из шести вышеупомянутых княжеских семейств имеет при себе одного такого кади. По законам Корана духовенство освобождено от всяких повинностей и налогов; и ему еще платят подати в виде пшеницы, баранов и т. п.

Из всего изложенного выше следует, что образ правления у кабардинцев представляет собой своего рода феодальную иерархию, наподобие той, которую осуществляли в свое время тевтонские рыцари в Пруссии, Курляндии и Лифляндии. Князья и уздени стремятся всеми средствами сохранить свое господство над простым народом, который несет свое ярмо далеко не со смирением. Одновременно князья стремятся привязать к себе узденей, которые являются источником их богатства и политической значимости и которые могут покинуть своего князя в случае недовольства им.

В серьезных случаях, когда созываются собрания, там бывают представлены только три первых сословия: князья, уздени и духовенство. Князья из самого древнего рода и старшие по возрасту занимают там первые места, и им принадлежит первый голос; за ними вслед выступают представители духовенства, толкующие законы; наконец, далее идут уздени из самых древних фамилий и самые старшие по возрасту; остальные должны слушать и молчать. Эти собрания называются «шариад» (Chariad). В чрезвычайных случаях на них приглашаются старейшины из народа, но подобные собрания, проходящие обычно в накаленной и шумной обстановке, чаще всего расходятся, не приняв никакого решения.

Императрица Екатерина II пыталась привить среди них лучший образ правления, чтобы прежде всего устранить «право кулака», это самое разрушительное следствие феодальной системы. С этой целью она распорядилась учредить в Моздоке в 1793 году судебную палату, состоящую из кабардинских князей, под председательством коменданта этой крепости; кроме того, в обеих частях Кабарды были учреждены несколько судов: три — для разбирательства дел княжеских семей и три — для узденей и крестьян. По-кабардински они назывались «меге»; однако кабардинцы никогда не соглашались подчиняться решению этих судов, поскольку право кулака оставалось наиболее близким и понятным им. Только в горниле цивилизации можно будет изменить нравы этого народа, которому, вместе с тем, нельзя отказать в тысяче самых добрых качеств. Благодаря стараниям русского правительства их нравы начинают смягчаться; дети князей и узденей воспитываются в России, затем поступают на службу, где начинают понимать все прелести и преимущества цивилизации.

Примечание. Подобное положение вещей существовало до 1808 года. В том году имела место революция; крестьяне, измученные непереносимым гнетом, взяли в руки оружие и уничтожили или изгнали большую часть своих князей и дворян; феодальная система, господствовавшая до тех пор, уступила место полнейшей анархии. Чума, которая последовала за этими внутренними волнениями, довершила ликвидацию дворянства, бывшего некогда столь блестящим и могущественным: большое число кабардинцев ушло к черкесам, как об этом уже говорилось выше.

Население

Население той и другой Кабарды значительно уменьшилось вследствие беспрерывных внутренних и внешних войн, которые вел этот народ, а также чумы. По подсчетам, проделанным в 1804 году, в Большой Кабарде проживало 30 тысяч семей и в Малой Кабарде — 15 тысяч семей. В 1807—1808 годах значительная часть кабардинцев ушла в горы к кубанским черкесам и чеченцам, чтобы продолжать там свою независимую и бродяжническую жизнь. В 1810—1811—1812 годах страшные бедствия принесла чума, в результате чего численность населения Кабарды стала равной не более чем 30 тысячам душ, из коих 24 тысячи проживают в Большой и 6 тысяч — в Малой Кабарде; из этого числа может быть выставлено три-четыре тысячи воинов, главным образом всадников.

Воины

Сотня кабардинских дворян составляют в настоящее время эскадрон горной гвардии императора России; личный состав этого эскадрона обновляется каждые три года с целью предоставить возможно большему числу кабардинских дворян шанс увидеть столицу и приобщиться к европейскому образу жизни.

Примечание. В настоящее время Большая Кабарда, балкарцы и чегемы находятся под началом командующего Кабардинской линией. Малая Кабарда подчинена командующему левым флангом Кавказской линии. Балкарцы и чегемы почти независимы; что касается кабардинцев, то они усмирены.

* * *

Прежде чем закончить описание Кабарды, будет не лишено интереса упомянуть о нескольких достопримечательностях, относящихся к средним векам, которые там находятся и развалины которых можно еще видеть до сегодняшнего дня.

Джулад

Развалины Джулада находятся в западной оконечности горной цепи, которая заканчивается у Терека в трех верстах ниже Белой и приблизительно на полпути между редутами Урухским и Ардонским.

Джулад — это древний город, который по Дербенд-Намеху* существовал уже во втором веке по мусульманскому летосчислению и находился под властью управителя, подчинявшегося Хакану из Делет-Капчака.

Этот город упоминается также под названием Джулат Шерифэддином в его истории Тимура**. Этот завоеватель весной 1397 года покинул свой лагерь на Самуре и отправился в поход против кипчакского хана Тохтамыша, пришел в Дербент, уничтожил банду кайтагских татар, направился на Тарку, переправился через Койлу и Сунджу, где он стал лагерем, чтобы дождаться подхода оставшейся в арьергарде части своей армии. Тохтамыш в это время находился неподалеку в укрепленном лагере. Тимур хотел на него там напасть, но Тохтамыш отступил к Куре (ручей неподалеку от станицы Старопавловской). Тимур нашел место для переправы через Терек, однако отсутствие продовольствия вынудило его подняться вверх по течению Терека до окрестностей Джулада, где продовольствие имелось в изобилии. Тохтамыш, который внимательно следил за армией Тимура, вынудил его окопаться на высоком берегу Терека, вероятно, в районе Городища, о котором уже шла речь выше. В пятницу, 22 числа месяца Джумадзульцани 799 года по мусульманскому летосчислению (1397 г. н. э.), обе армии сошлись в бою. Потерпев полное поражение, Тохтамыш обратился в бегство.

Руины Джулада представляют собой минарет и остатки мечети, от которой теперь виден только фундамент; его длина с двух сторон — пятьдесят шагов и ширина — по двадцать пять шагов. С северной стороны еще имеются остатки стены с некогда сводчатой дверью высотой четырнадцать футов и шириной десять футов. На этой стене к востоку от двери находился минарет высотой шесть саженей (42 фута). Минарет имеет в основании квадратный пьедестал шириной десять футов и высотой четырнадцать футов, а выше поднимается башня цилиндрической формы диаметром десять футов. Внутри башня имеет диаметр шесть футов; на ее верх можно подняться по лестнице из 55 ступеней. Нижний вход повернут на юг. Все строение прекрасно выполнено из очень твердых кирпичей, скрепленных прочным раствором.

---

* *Клапрот.* Путешествие на Кавказ, т. I, стр. 179...

** Персидский манускрипт № 70 из библиотеки короля Франции.

Эти развалины стоят в юго-восточном углу квадратной площади с длиной стороны двести футов. Западная ее сторона обращена к низине, омываемой Тереком. Это пространство занято могилами, более, однако, современными, чем сама мечеть. Доподлинно неизвестно, когда она была построена; тем не менее черкесы утверждают, что могилы оставлены здесь татарами-ногайцами не очень давно; одна из их орд, подчиненная князьям Малой Кабарды, обосновалась в этом районе, откуда их потом изгнали калмыки, приблизительно столетие тому назад. Когда Клапрот был в этих местах в 1808 году, он смог лишь обнаружить арабские надписи на двух могилах, но и они были почти полностью стерты. Отчетливо можно было разобрать лишь даты — 1130 и 1133 годы по мусульманскому летосчислению, что соответствует нашим 1717 и 1721 годам.

Терек протекает на удалении в две трети версты от вершины, на которой расположен Джулад, но маленькая протока этой реки змеится по долине к северо-востоку от Терека, прежде чем снова слиться с основным течением; ее берега заросли тутовником, черным и белым, высотой в человеческий рост и хорошо ухоженным. Эти деревья несомненно были насажены древними жителями этого города, так как ни черкесы, ни татары, которые проживают в этих краях, не имеют представления о культуре шелковичного червя. Здесь же видны кусты винограда, плоды которого, по утверждению черкесов, более крупные и сладкие, чем те, что имеются в диком виде по берегам Терека; вероятно, эти виноградники — также остатки древней культуры. На берегах Кояна, ручья протекающего на восток от Джулада, также можно встретить кусты винограда, туговые, яблоневые, грушевые деревья куда лучшей породы, чем обычно в этих краях.

Вблизи от уже упоминавшегося минарета виден участок большой военной дороги, которая пересекает долины Кабарды; это место обычно называют «пост Минарет». Отсюда открывается самый прекрасный вид на Кавказский хребет, если, конечно, погода не туманная.

Татар-туп

Развалины Татар-тупа находятся на западном берегу Терека напротив деревни Йелетуква в семи верстах выше устья речки Комбулеевка. Эти руины, название которых означает «Татарская долина», представляют собой три минарета, удаленные друг от друга на несколько сот шагов и полностью похожие на минарет в Джуладе; там есть также две церкви совершенно в русском стиле. На внутренних стенах изображены фигуры святых; эти изображения, вероятно, относятся к XVI веку, то есть к периоду, когда после блестящих завоева-

ний царя Ивана Васильевича русские миссионеры обратили черкесов в христианство; однако черкесы утверждают, что эти церкви были построены «френги», то есть европейцами, которые жили в Татарии. Гюльденштедт с большой точностью описал руины Татар-тупа, которые в его времена были в менее плачевном состоянии, нежели сейчас. Возможно, Татар-туп и есть то самое место, которое упоминается в истории Дербенда под названием «Шешери-татар» и у которого были свои правители: он является частью империи хазар, а потому не лишено правдоподобия, что здесь могли одновременно проживать и магометане, и христиане. С давних пор это место опустело; современные ногайские могилы, одна из которых относится к 1159 году по мусульманскому летосчислению (1746 г. н. э.) и была описана Гюльденштедтом, еще не служат доказательством того, что эти края были в то время заселены, потому что в этих местах лет девяносто тому назад проходили орды кочевых ногайцев. Эти могилы могли также принадлежать черкесам-магометанам.

Кабардинцы очень почитают развалины Татар-тупа, которые являются неприкосновенным местом убежища для всякого, кто совершил убийство. Раньше любые клятвы и обещания приносились именно рядом с этими руинами, что придавало им особую крепость. Здесь же происходили большие собрания («шариады»).

В горах Бештау вблизи ручья Етока, в долине под названием Темир-Кубчек, можно видеть каменную статую высотой $8^2/_3$ фута, которую черкесы называют Дука-Бег. Она изображает мужчину, вооруженного на черкесский манер; на ней видны надписи, сделанные греческими и славянскими буквами. Статуя сделана из темно-серого песчаника. Кабардинцы, живущие по соседству, совершенно не имеют представления о возрасте и истории этого каменного изваяния. Создается впечатление, что это место погребения, которое обязано своим происхождением скорее какой-то битве, нежели долговременному пребыванию в этих краях какого-либо племени. Несколько крестообразная форма, в которой воздвигнута эта статуя, говорит о том, что ее создание — дело рук христиан, а надпись, скопированная Гюльденштедтом, в еще большей мере говорит в пользу этого предположения. Этот автор так переводит надпись:

«До второго пришествия господа нашего
Иисуса Христа здесь упокоился Теодатус,
сын Ноа, ...мая....»

Гульденштедт, Потоцкий и Клапрот описали и зарисовали эту статую.

В этих краях иногда встречаются деформированные изваяния, сходные с Дука-Бегом, которых русские называют «ба-

ба»; возможно, они имеют отношение к ламаизму, который татаро-монголы проповедовали здесь до обращения в исламизм. Встречаются здесь также и надгробные камни с надписями на греческом языке.

Карачаевцы

Название

Карачаевцев («черный ручей») черкесы называют «каршага куш'ха» (Karchaga-Kouch'ha), мингрелы и имеретинцы—«карачиоли» (Karatchioli), татары—«кара-черкес» (Kara-tcherkess), то есть «черные черкесы», поскольку они являются подданными черкесов. В средние века грузины назвали их «кара-джики» (Qara-Djikis), а их страну Кара-Джахетией (Qara-Djakhethi), поскольку «Djiki» и «Zikhi» суть синонимы, обозначающие черкесов. По их собственным утверждениям они пришли на свою нынешнюю территорию из Маджара еще до того, как черкесы пришли в Кабарду. Свое название они производят от Карачая, их вождя, при котором они обосновались на берегах Кубани.

Границы

Они живут разбросанно по берегам **Хурзука, Кубани** и **Теберды,** в северной части подножия Эльбруса, который они называют «Мингитау». Они отделены от черкесов горами **Канд-жал, Чалпак** и **Урди** и на севере горами **Аварзеч, Кечерган, Бармамут** и **Мара;** на западе они граничат с абазинскими племенами **трамкт, лоу** и **клич.**

Природные богатства

Земля в их краю плодородная и родит пшеницу (budai). ячмень (arpa), просо (tari), на ней произрастает достаточно много трав для прокорма скоту. Однако этот край имеет всего лишь пятнадцать верст в ширину: он окружен лесами, в которых произрастают дикие грушевые деревья и кизил. В лесах водится большое количество зверя, такого, как медведи, волки, зайцы, дикие кошки, серны и куницы, мех которых очень ценится. Карачаевцы разводят много овец, ослов, мулов (kadra) и лошадей; лошади у них мелкой породы, но сильные, живые и очень хорошо приспособлены для езды в горах. Недра их гор дают селитру и серу; им не нужно, как черкесам, выщелачивать подстилку из овчарен и загонов для скота, чтобы извлекать из этого селитру.

Внешность

Карачаевцы представляют собой один из красивейших кавказских народов; они скорее похожи на грузин, чем на татар-кочевников из степей; они хорошо сложены и имеют красивые черты лица, что сочетается у них с большими черными глазами и белизной кожи. Среди них не увидишь широких и плоских лиц, как у ногайцев, или глубоко посаженных раскосых глаз, что указывало бы на смешение с монгольской расой.

Одежда

Мужчины, как и все черкесы, носят суконную одежду, похожую на узкий сюртук и называемую «чимек» (tchimek). Они сами у себя делают сукно, которое ценится на всем Кавказе. Женщины также носят суконные одежды и накидки, если они появляются на людях; летом же, в большую жару, на них нет ничего, кроме легкого платья из белой хлопчатобумажной ткани. Более молодые из них покрывают голову шапочкой с серебряными блестками; волосы заплетают на черкесский манер в косички, в косы вплетают белые ленты и свободно распускают косы по плечам. С определенного возраста женщины начинают носить на голове белое покрывало.

Оружие

Их оружием являются ружье, пистолет, шашка и кинжал; в прежние времена у них были щиты (kalkan) и два различных вида пик (sounghe и moudjoura).

Жилища

Дома у них очень чистые и построены из сосновой древесины; у них нет в домах печей; окна довольно маленькие. Их главной домашней утварью являются различных размеров медные котлы, развешанные на крючках над очагом. Кровати у них сделаны из дерева, немного приподняты над полом и украшены подушками и коврами. У карачаевцев нет повозок по причине отсутствия подобающих дорог, и они все перевозят на спинах лошадей.

Пища

Их обычную пищу составляют «кефир» или вареная баранина, или «шишлик»—мясо, поджаренное на палочках, а также лепешки с начинкой из рубленого мяса или чего-либо еще.

Когда их лошади стареют и непригодны более к работе, они им отрезают хвосты, гриву и отпускают пастись в лес, где эти животные быстро жиреют; после этого их убивают, а их мясо сушат про запас на зиму или режут на маленькие кусочки, из которых делают колбаски, считающиеся большим лакомством и изысканным угощением для друзей; в пищу употребляют также рубец, печень и другие конские внутренности. Для засолки мяса на зиму пользуются водой из источника вблизи Хурзука. Они делают масло и сыр (bichlik); сыр этот превосходен. Их пиво (sra), так же как и у осетин, является самым лучшим на Кавказе; оно напоминает английский портер. Они гонят водку из ячменя и пшеницы, но никогда не делают кумыса, этого опьяняющего напитка из молока; водку они пьют очень редко, поскольку Коран запрещает употреблять опьяняющие напитки. Их повседневным питьем являются пиво и буза. У них нет меда, потому что зимой их климат слишком суров для пчел, соответственно они и не умеют разводить пчел. Мед, который им нужен, они получают от кабардинцев; они его употребляют только для того, чтобы засахаривать рябину и подобные ей ягоды и фрукты. Хлеб они чаще всего пекут на угольях. Они очень любят курить и выращивают табак; табак у них разных сортов и очень ценится; они его продают ногайцам, сванам и кабардинцам.

Язык

Язык, на котором говорит это племя, родственен языку балкарцев и чегемов и имеет много общего с языком татар-ногайцев. Кроме того, они говорят также на черкесском языке.

Религия

Раньше все карачаевцы, так же как и бассиане, были язычниками; теперь они магометане и воздерживаются от употребления в пищу свинины, которую раньше потребляли в больших количествах. Они были обращены в исламизм только в 1782 году Исааком-эфенди, кабардинским муллой, который находился на содержании у Порты. Они не имеют ни малейшего представления о христианской религии; однако вблизи деревни Карачай, у кладбища, предназначенного для чужестранцев и называющегося Гетмишбаш (или «устье ручья Гетмиш»), можно видеть могилы, которые они считают могилами «френги».

Предписание Корана соблюдать пост в определенные дни строго соблюдается карачаевцами. нарушение этого рассматри-

вается как серьезное преступление; это касается и ежедневных молитв. Они сунниты, как и все жители Кавказа, и питают большую ненависть к последователям секты Али.

Характер и нравы

Характер у карачаевцев вспыльчивый; малейшая причина может привести их в гнев, но они довольно быстро успокаиваются и всегда готовы признать свою ошибку. В целом можно сказать с полным основанием, что они относятся к числу наиболее цивилизованных народов Кавказа и что благодаря своему мягкому нраву они оказывают цивилизующее влияние на своих соседей. Они выказывают исключительное смирение и уважение своим владыкам князьям Кабарды. Их приказы они выполняют с готовностью и точностью. Они помогают бедным чем могут. Богатые одалживают бедным быков, дают им работу и хорошо за нее платят, чтобы обеспечить им достойное существование. Они не так увлекаются разбоем, как их соседи черкесы и абхазцы; у них даже нечасто можно услышать о воровстве или обмане. Они очень трудолюбивы и занимаются главным образом сельским хозяйством.

Обычаи и порядки

Карачаевцы называют своих князей «би» (Ву). Самыми известными у них являются семейства Крым-Шошали, Уруз-би и Мудари. Народ не платит им никаких налогов — ни им, ни узденям-дворянам. Вместе с тем князь имеет право взять у любого жителя лошадей для своих нужд, которых он возвращает по истечении определенного времени. Карачаевцы, с другой стороны, обязаны платить дань кабардинским князьям, которых они считают всех без исключения своими союзеренами и называют «беками». Эти беки получают обычно одну или несколько овец от каждой семьи; однако землевладельцы дают им кроме того по хорошему коню, быку, войлочной бурке (yamatiche) и тому подобное.

Хотя карачаевцы ничем особенным своих князей не отличают, уздени все же должны сопровождать «би» верхом во время его экспедиций. Если би что-либо покупает, он делится этим частично со своей свитой, за что те в свою очередь обязаны его хорошо кормить, прислуживать ему за столом и подавать ему блюда, приличествующие его рангу.

Поскольку они придают большое значение дружбе с князьями из Кабарды, каждая семья стремится оказать услугу наиболее могущественному из них, чтобы иметь покровителя и защитника на случай непредвиденного несчастья или нападения. Никто не решится обидеть публично или тайно лицо, пользую-

щееся такой протекцией; зачастую незаметные семейства приобретают авторитет и известность благодаря именно завязавшейся дружбе с кабардинским князем. В результате ни абазинцы, ни ногайцы не рискуют совершать разбойничьи набеги на карачаевцев из опасения навлечь на себя гнев со стороны кабардинцев, с которыми они стараются постоянно поддерживать нормальные отношения.

Если кого-нибудь убивают, родственники убитого делают все возможное, чтобы отомстить за его кровь и убить убийцу, что, по их мнению, является единственным средством, чтобы успокоить душу покойного и свою собственную совесть. Иногда, однако, кто-либо из князей старается примирить стороны; он приглашает всех родственников той или другой стороны, убивают быка или барана, съедают его, запивая большим количеством пива, и таким образом почти всегда удается достичь примирения. Однако, если тот, кто должен отомстить, беден или труслив, или если у покойного не остается родственников, которые в состоянии отомстить за его смерть, примирение достигается всякого рода подарками, стоимость которых зачастую превышает шестьсот рублей серебром. Карачаевцы называют это «канбахазе». Если убийство совершается без злого умысла, оно от этого не перестает рассматриваться как преступление, однако примирение по этому поводу устраивается легче, и его почти всегда удается достичь. Если кто-нибудь повинен в измене, или если к ним засылают шпиона, все жители берутся за оружие, чтобы его схватить, и совершивший такое преступление платит за него своей головой. Обыкновенно преследователи успокаиваются только тогда, когда изрубят преступника на куски.

Каждый раз, когда карачаевцам нужно принять решение по важному вопросу, возле мечети собираются старейшины. Если речь идет о соглашении, которое должно быть заключено между сторонами, обе стороны обязаны поклясться соблюдать его; тот, кто нарушит свою клятву, платит деревне от пяти до десяти овец; в случае рецидива он, после уплаты штрафа, должен принести новую клятву. Случаев повторного нарушения клятвы не бывает. Вот как происходит церемония принесения клятвы: все собираются при входе в мечеть, где стоит мулла с Кораном в руках; тот, кто дает клятву, кладет руку на книгу и призывает бога в свидетели правдивости того, что он собирается произнести; по окончании церемонии клятва считается нерушимой.

Браки

У карачаевцев обычно бывает одна жена; лишь некоторые из них имеют двух или даже трех жен, с которыми они живут самым мирным образом; в отличие от других горцев они пи-

тают большую привязанность и человечно относятся к своим женам; по своему положению жена у них, как и у нас, подруга, а отнюдь не рабыня своего мужа. Жены князей занимают отдельные апартамены и не имеют права ни показываться чужестранцам, ни говорить с ними. Муж не может видеться со своей женой в течение дня, а только ночью: этот черкесский обычай соблюдается богатыми узденями; однако люди из народа проводят время вместе со своими женами и позволяют иностранцам видеть их и разговаривать с ними. Их дочери редко выходят на люди: они занимаются дома золотым и серебряным шитьем и шьют одежду для своих отцов и братьев. Когда девушка выходит замуж, ее родители по обычаю всех татар получают калым, который здесь называется «ценой крови». Если жених богатый, он посылает своей невесте в подарок полный костюм, который она надевает прежде чем как ее приведут к будущему супругу, что бывает только ночью. В день свадьбы жених созывает всех родственников и задает большой пир; то же самое происходит и в доме невесты, но туда приглашаются только женщины. К вечеру молодые люди собираются у дома невесты, чтобы проводить ее к супругу. Празднества длятся три дня; все танцуют, едят и пьют. В это время молодые люди знакомятся с девушками из деревни, завязываются связи, которые ведут впоследствии к новым бракам. По свадебному обычаю исполняется особый круговой танец, в котором принимают участие молодые люди обоих полов.

Если молодой человек вознамеривается жениться, он своим родителям ничего об этом не говорит из опасения, что они не одобрят его выбор и будут чинить препятствие для его женитьбы; обычно же невесту для молодого человека выбирают его родители, исходя при этом из положения и состояния невесты. Помолвка отмечается без промедления, но свадьба откладывается на более поздний срок, так что жениху с невестой приходится ждать четыре-шесть месяцев, а то и дольше. До свадьбы молодому человеку запрещается видеться или говорить со своей будущей супругой. Жених не имеет права сидеть в присутствии родителей невесты; если он сидел до их прихода в помещение, он обязан встать; он даже не имеет права вступать с ними в беседу до той поры, пока он не станет законным супругом.

Если кто-либо покусится на честь девушки или замужней женщины и если это дело выплывает наружу, все жители деревни собираются у мечети, куда приводят также и виновного. Приговор выносят старейшины; обычно в таком случае мерой наказания является изгнание навсегда из деревни с запрещением когда-либо еще появляться в окрестностях Карачая под угрозой смерти. Отец изгоняет дочь из дому, муж — свою провинившуюся жену, и ни тот, ни другой никогда не соглашаются простить и вернуть грешницу. Зачастую соблазнителя уби-

вают, а семья виновной покидает родные края и поселяется в отдаленных местах, чтобы скрыть позор от своих соотечественников. Однако подобные случаи исключительно редки.

Карачаевские князья женятся на дочерях кабардинских узденей, те же в свою очередь женятся на дочерях карачаевских князей; в этом последнем случае калым превышает по стоимости тысячу рублей и выплачивается оружием и скотом.

Воспитание

Воспитание детей поставлено очень строго и достойно всяческого поощрения: сын, который не подчинился воле отца и не исправился несмотря на его неоднократные увещевания, может быть приведен к дверям мечети, где его в присутствии всех жителей деревни начинают самым серьезным образом уговаривать изменить свое поведение. Если это не приводит к желаемому результату, родители изгоняют его. При этом ему дают только самое необходимое для жизни, и он уже больше не имеет права ступить ногой в родительский дом; если его поведение особенно скандально, его могут даже изгнать из деревни и запретить когда-либо снова появляться там.

Многие карачаевцы поручают воспитание детей муллам, которые обучают их чтению и письму. Когда их достаточно обучат, они получают титул «тохта» (Tokhta) и обязаны читать Коран в мечети во время богослужения: после того, как они в течение определенного времени выполняют эти функции, они становятся муллами, если, разумеется, они не пожелают избрать иное поле деятельности.

Если князь или дворянин не имеет детей от своей законной жены, но имеет их от одной из своих рабынь, то таких детей называют «тхума» (Thouma)или «чанкуа» (Tchankoua). Мальчиков с самого момента рождения передают на воспитание какому-нибудь бедняку, который заботливо воспитывает их до смерти родителя; после его смерти «тхума» наследуют полные права и вступают во владение имуществом своего отца, как если бы они были законными детьми.

Но если у покойного остаются дети от его жены и если эти дети отказываются признать незаконнорожденного в качестве своего брата и уступить ему часть родительского наследства, они его убивают, поскольку у него нет родственников, чтобы отомстить за его кровь. Однако законные дети из уважения к крови своего отца чаще всего прощают незаконнорожденного, признают его в качестве брата и допускают к дележу наследства. Обычно незаконнорожденный сын берет приемного отца в свой дом и в знак признательности заботится о нем до конца его жизни.

Суеверия

Карачаевцы прибегают к гаданию, особенно перед тем, как сесть на коня и отправиться в путешествие или на охоту. Они берут определенное число маленьких камушков, горошин, бобов или зерен ячменя, складывают их в кучки в соответствии с известными правилами и по их расположению по отношению друг к другу предсказывают счастливый или неудачный исход их предприятий. Они настолько убеждены в непогрешимости этих предсказаний, что если знаки благоприятные, они спешат исполнить их предначертание, но если они неблагоприятны, ничто не в силах их разубедить. Однако есть много людей, не придающих никакой веры этим трюкачествам. Все же в целом они суеверны, как и все горцы, и рассказывают великое множество небылиц о демонах, домовых и духах, которые обитают в горах, особенно в окрестностях Эльбруса.

Похороны

В случае чьей-либо смерти женщины испускают душераздирающие вопли, расцарапывают себе груди и вырывают волосы; мужчины в похоронной процессии наносят себе сильные удары хлыстом по лицу и надрезают ножами мочки ушей. Церемония похорон у них такая же приблизительно, как у черкесов. По возвращении с кладбища они напиваются пивом, чтобы умерить боль утраты.

Промыслы

Карачаевцы избегают всякий труд, требующий энергии или терпения; даже ружья, пистолеты и сабли они получают от своих соседей черкесов и абхазцев. В их краях нет ни соли, ни железа. У черкесов и ногайцев они покупают свинец, другие металлы и вообще все, в чем они испытывают нужду. Они продают на внешних рынках шкуры медведей, зайцев, диких котов и куниц; козьи шкуры они оставляют у себя, чтобы использовать в качестве ковров, на которые они становятся на колени во время молитвы. Из этих шкур они делают на татарский манер завязки для обуви или разрезают их на очень тонкие полоски, используемые вместо ниток для шитья. Имеретинцы покупают у них продукты их промыслов — такие как сукно (chal), войлок (kiis), которыми они покрывают полы в жилищах, меха, капюшоны (bachlik) и тому подобное. Раньше они получали от турок из Сухум-Кале хлопчатобумажные ткани, шелк, трубки, турецкий табак, иглы и так далее; сейчас этими товара-

ми их снабжают русские. Сваны, которых бассиане называют Ebze, также торгуют с карачаевцами и продают им главным образом свинец и серу.

Население

Две их главные деревни — это **Карачай**, расположенная при слиянии Хурзука и Кубани, на левом берегу Хурзука и состоящая примерно из 250 дворов, и еще одна деревня из 50 дворов на реке Теберда, к западу от верхнего течения Кубани; эта деревня была построена беглыми карачаевцами, скрывавшимися от набегов кабардинцев. Все население карачаевцев оценивают в 24 тысячи душ, число же воинов у них — до пяти тысяч человек.

Бассиане

Историческая справка

Название бассиане производят от самого знаменитого семейства этого народа, которому грузинская география приписывает осетинское происхождение. По старинному преданию, сохранившемуся среди них, они давно проживали в Кумских степях вплоть до Дона, но они не могут точно указать этот период. Их столица, которая, как утверждают, была великолепной, называлась **Кирк-Маджар**, что на их языке означает «сорок каменных строений». Они говорят, что развалины **Маджара** и есть то, что осталось от их столицы. Там жили многие из их князей. В начале второго века по мусульманскому летосчислению они вели непрерывные войны со своими соседями, которые их в конце концов изгнали; они ушли в Большую Кабарду, откуда также были выбиты черкесами. Разделенные на отдельные группы, они были вынуждены обосноваться в самых высоких горах*. Некоторые из них оставались вблизи Малки и только позже переселились к истокам Черека, чему они обязаны своим названием «малкары» или «балкары». Какое-то время они спокойно прожили в своем новом краю, но в 1207 году грузинская царица Тамара, покорившая осетин и другие кавказские народы, подвергла той же участи и бассиан. Она повсюду ввела христианство, некоторые остатки которого сохранились до сих пор у этих татар вкупе с древними церквами в их горах. Они соблюдают семинедельный пост весной и девятинедельный пост в конце лета: в этот период они воздерживаются от всякого мяса, масла и молока.

* По некоторым другим указаниям это переселение произошло не более 460 лет тому назад.

Кажется, что со времени завоевания Грузии монголами бассиане обрели свою свободу, но позже они попали в зависимость от кабардинцев и оставались в этом положении до самого последнего времени.

Эти татары, которым черкесы дали название «татар куш-ха» («горные татары» или «обитатели вершин»), а осетины — «асы», состоят из нескольких племен, живущих изолированно на берегах различных потоков. Это — **балкары,** или собственно бассиане, **чегемы и бакзанцы** (по-русски «уруслеевцы»).

Балкары

Балкары, которых черкесы зовут «балкар куш-ха», сами себя называют «Малкар-аул» или «малкарские деревни». Они живут изолированно или деревнями в верхней части высоких снеговых гор, на берегах **Черека, Псигон-су** и **Арвана**; они занимают также территорию Бисинги, или Бесанги в верховьях **Мишджика,** впадающего слева в Черек.

Основная масса народа не имеет никакой определенной религии; они почитают бога по имени **Тагрес,** а не Аллах, как первотворца всех благ, а также пророка **Эли.** Они утверждают, что этот последний появляется иногда на вершинах самых высоких гор. В его честь вместо ритуальных пений и танцев они приносят в жертву ягнят, молоко, масло, сыр и пиво. Они питаются свининой. У них есть священные источники, в окрестностях которых они никогда не дотрагиваются до деревьев.

Они ездят торговать до **Рачи** и **Они** на реке **Риони** в Имеретии, мест, удаленных по некоторым сведениям на 55 верст от их главной деревни, называемой Улу-Малкар: в эти места можно попасть, лишь перейдя ужасающие ущелья посреди снегов, где путешественники часто гибнут под снежными лавинами. Товары, которые они везут, это главным образом войлочные бурки, коричневое и светло-желтое сукно, считающееся очень хорошим, войлок, башлыки и меха; обменивают они их на хлопчатобумажные и шелковые ткани, иглы, золотые и серебряные блестки, табак, трубки и галантерею.

В Они они покупают много каменной соли в виде больших продолговатых кусков, которую добывают в шахтах **Колпи** за Араксом, у подножия Арарата, и которую потребляют во всей Грузии и на всем Кавказе. Соль, которую они получают с Кавказской линии, им привозят кабардинцы. На зиму они отправляют свой скот в Кабарду, что ставит их в зависимость от кабардинских князей. Когда у них вызревает хороший урожай, а пастбища стоят тучные, они предпочитают покупать соль в Имеретии и в Грузии; в этом случае они хранят свои стада у себя даже зимой и не приходят к кабардинцам, от которых они зависят даже в смысле возможности прохода в свои края,

что порождает частые споры и непрекращающиеся войны. Утверждают, что балкары и чегемы покупают много русской медной монеты, из которой выковывают блюда и тарелки. По дороге на Дугор или Дигор, к балкарам, поблизости от **Хасриа-Дона** есть гора **Издихонт**, или «Свинцовая гора», называемая так потому, что в ней имеется много мест по добыче свинца. Дигоры добывают там свинцовый блеск, из которого получают металл. От дигорской деревни Маскуава туда можно легко добраться на арбе.

Численность населения балкар доходит до тысяч четырех душ, а число воинов — около пятисот. Вот их главные деревни:

1. **Улу-Малкар**, или Большой Малкар на речке Псигон-су, которая впадает справа в Черек; это их главная деревня и резиденция их князя Бассиата; в ней насчитывается до ста восьмидесяти дворов.
2. **Гобсарта**, на той же речке.
3. **Хурдаира.**
4. **Шаварда**, на левом берегу Черека.
5. **Улу**, на той же реке, но ниже по течению.
6 **Исканта.**
7. **Аджалга.**
8. **Мохаула**, при слиянии Псигон-су и Черека.
9. **Бисинга**, или **Бесанга**, деревня, у которой есть своя отдельная территория между Черек-Хахо (Быстрый Черек) и **Мишджиком**, который берет начало в высоких горах и впадает в Черек. Ниже Бисинги в Черек впадает Қара-су, или «Черная вода».
10. **Хулам**, на западном берегу Черек-Хахо, где проживают сванские семьи, которые до сих пор одеваются полностью поимеретински и называются «сони». Сваны еще встречаются в соседних горах под названием Қашкатау; они в зависимости у кабардинцев, у которых они получают соль и пшеницу в обмен на их продукцию.

Чегемы

Джики, или чеpигаи (по-черкесски «чегем куш-ха») живут в самых высоких снежных горах по берегам Чегема и Шавдана до Баксана на западе. У них есть свои князья («би»), дворяне («уздени») и крестьяне («чагоры»); но последние ни в коей мере не подчинены первым; они все зависят от князей Қабарды; эти последние время от времени требуют уплаты старинной дани, в чем им частенько отказывают с оружием в руках. Чегемы выращивают пшеницу, просо и ячмень, они делают превосходное пиво; у них большие стада. У них также мно-

го лошадей, низкорослых и неспособных перевозить большой груз, но прекрасно приспособленных для езды в горах; их потому продают в больших количествах в Мингрелию и Имеретию. У них есть еще своеобразные мулы, называемые «каракатыр» и получаемые от скрещивания лошади и осла мелкой породы, которые водятся также и в Грузии. Мед у них прекрасного качества, но он бывает опьяняющим, если пчелы садятся на цветы рододендрона и azalia pontica. Они вынуждены платить кабардинцам налог за право пасти свой скот в долинах. Население достигает двух тысяч душ, из которых может быть выставлено триста воинов.

Вот названия их деревень:

1. **Улу-Эльт,** в высоких горах вблизи Чегема. Там на небольшом расстоянии можно видеть старинную церковь длиной в три сажени. Она выстроена на скале; в скале вырублен проход — лестница с железными поручнями по бокам. Там еще сохраняется то, что осталось от книг, упоминаемых Палласом. Клапроту во время его пребывания в этих краях удалось с большим трудом получить несколько листков, которые оказались страницами из греческого евангелия и ритуальной книги западногреческой церкви. Беременные женщины молят в этой церкви о счастливом разрешении; церемония состоит в том, что убивают животное и съедают его мясо с большой торжественностью.

2. **Чегем** — напротив Улу-Эльта на правом берегу Чегема.

3. **Табенинджик.**

4. **Бербеди,** немного ниже по течению, также на правом берегу Чегема.

5. **Урсундат.**

6. **Мимула,** еще ниже на правом берегу Чегема, на небольшом расстоянии от места впадения Шавдана на его левом берегу.

7. **Аджага,** на левом берегу Чегема немного к юго-востоку от Бербеди.

8. **Чермех,** по обоим берегам Шавдана у его истоков и подножия снеговых гор.

9. **Бюлунгу,** на правом берегу Шавдана, верст на десять ниже по течению.

Создается впечатление, что раньше эти места были более населены; здесь еще можно встретить много старинных шахт и каменных церквей в горах. В долине, по которой протекает Шавдан, имеется железорудная шахта («темирбаш»), которую еще эксплуатируют жители. Они добывают свинец в горе Каргачей, или Карганчитау («Свинцовая гора»), которая находится в верховьях Чегема, и льют из него пули. Они также получают селитру и продают порох.

Бакзанцы

К востоку от Карачая расположен маленький татарский уезд Бакзан, что в верховьях крупного потока того же названия и у истоков ручья Кулкуджин, впадающего в маленькое соленое озеро, где зимой добывают соль. Черкесы называют этих татар «черига», а русские «уруслеевцы». Численность населения не достигает и восьмисот душ.

Историческая справка

Доподлинно неизвестно, в какой период времени три татарских племени (карачаевцы, балкарцы и чегемы) пришли на занимаемые ими сейчас места. Вероятно, это относится к периоду до 1552 года, то есть до того, как ногайские орды покорились России, поскольку название Малкар, или Балкар, совершенно не упоминается в наших старинных хрониках и архивных документах. К этому предположению можно еще добавить, что ногайцы, пришедшие в эти места после упоминавшегося выше периода, сохранили старые названия своих племен, тогда как балкарцы, карачаевцы и чегемы изменяли свои первоначальные названия в зависимости от тех мест, которые они последовательно занимали на Кавказе; по образу жизни, по обычаям и тому подобное они настолько схожи с соседними народами, что их можно отличить от коренных кавказских народностей только по языку; язык у них татарский, сходный с ногайским диалектом; это должно с достаточностью говорить о том, что они все одного происхождения.

В 1650 году, когда царь Алексей Михайлович направил посольство к царю Имеретии Александру, послы Толочанов и Иевлев проезжали дважды через территорию балкар. Они их называли «болхарами», откуда можно заключить, что уже в тот период они занимали свои нынешние земли.

Князья Большой Кабарды, видимо, по праву завоевателей считают эти три племени своими подданными и в силу их зависимого положения требуют с них по одной овце с каждой семьи ежегодно. Балкары подчинены князьям из фамилии Джембулатов, чегемы — Мисоста и Атажуки, а карачаевцы подчинены самому старинному княжескому роду Кабарды; многие из них с радостью избавились бы от этого гнета, но поскольку они зависят от пастбищ в Кабарде, они вынуждены смириться.

Чегемы и балкары находятся в ведении командующего Кабардинской линией, но они считают себя независимыми и редко ему подчиняются.

28 Заказ 6231

Описание названий племен и их численности

Кубанские черкесы

Шапсуги	200 000
Натухайцы, Шегаки	60 000

Бжедухи

Камаридзе, Черченецы	9 000
Хатукойцы	8 000

Кемиргоевцы, или темиргоевцы

Собственно темиргоевцы, Адемы, Жане, Егерукаевцы	15 000
Абадзехи, или абедзехи	160 000
Беслеиеевцы	25 000
Мохошевцы	5 000
Убыхи	7 000
Саше	5 000
Ардона	7 000

(Последние три племени известны также под названиями: джикеты, пшоавы, ясхипсы, свадзвы, иналкупы, артаковцы, марьявы).

Кабарда

Большая	24 000
Малая	6 000
Чегемы	2 000
Балкарцы	4 000
Карачаевцы	24 000

ФРЕДЕРИК ДЮБУА ДЕ МОНПЕРЕ

(1798—1850 гг.)

Фредерик Дюбуа — родом из французской Швейцарии. Известный ученый-геолог, натуралист и археолог. В 1833 г. совершил путешествие в Крым и вдоль Черноморского побережья Кавказа, останавливаясь в ряде прибрежных пунктов (Геленджик, Пшад, Джуба, Вардане, Гагры и т. д.), проехав далее в Грузию. Во время этого путешествия он подробно ознакомился с жизнью адыгов (черкесов) и абхазов.

Дюбуа вел подробный дневник своего путешествия, тщательно записывая все то, что слышал и видел. Одновременно он старался на месте проверить все сведения, которые он почерпнул из существовавшей литературы. Готовясь к путешествию, Дюбуа почти с исчерпывающей полнотой изучил известия античных, средневековых и современных западноевропейских и русских авторов о народах Кавказа, в частности об адыгах. Не довольствуясь этим, Дюбуа установил личные связи с теми учеными, которые изучали Кавказ, получая от них дополнительные сведения, не появившиеся еще в печати.

Таким образом, труд Дюбуа представляет собой не только дневник путешествия, но и научное исследование, в котором автор обнаруживает большую эрудицию и научную добросовестность. Этот фундаментальный труд, состоящий из 6 томов, был в свое время высоко оценен научной общественностью и премирован золотой медалью французским Географическим обществом.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КАВКАЗУ, К ЧЕРКЕСАМ И АБХАЗЦАМ, В КОЛХИДИЮ, ГРУЗИЮ, АРМЕНИЮ И В КРЫМ

Посещение Ацесбохо

(...) В Ацесбохо я получил представление о черкесском ауле. Нет ничего более живописного, чем их жилища, разбросанные там и сям среди деревьев — дубов, ясеней, грушевых и сливовых, прекрасных вязов, грабов, — которых не тронул то-

пор и которые освежают все вокруг своей тенью в жаркий сезон.

Главный дом выстроен из дерева или переплетенных прутьев, обмазанных жирной глиной; крыша сделана из досок, покрытых сверху соломой, прикрепленной длинными жердями: со стороны входа крыша вытянута вперед на три-четыре фута, образуя крытую галерею, как в домах крымских татар, жилища которых наиболее близки по своему типу к черкесским[1].

С одной стороны этой галереи, в дальнем углу дома, есть проход в маленькую, довольно узкую конюшню, сделанную в форме решетчатого забора, вход в которую может быть забаррикадирован изнутри дома.

Внутри дом состоит из одной или двух комнат, не имеющих другого пола, кроме утрамбованной земли; стены вымазаны изнутри жирной глиной, потолком, на татарский манер, является крыша дома. В каждой комнате имеется одна или даже две наружных двери, комнаты также сообщаются между собой. Самая большая комната имеет размеры пятнадцать футов в длину и двенадцать — в ширину. Полукруглая печная труба прикрепляется к стене с внешней стороны, сделана она из плетеных прутьев и оштукатурена и возвышается над крышей дома на пять-шесть футов; нижнее отверстие печи не более четырех футов, сам очаг свободно установлен на три земляных подставки.

Вокруг очага на полках хранится домашняя утварь; оружие и одежда развешиваются на деревянных крюках.

В тридцати шагах от основного жилища шесть кольев длиной в четыре фута поддерживают шесть больших плоских камней шириной два с половиной фута, шесть маленьких камней расположены в центре; сверху наложены четыре крепких балки, которые удерживают все строение: это у черкесов амбар. Изнутри амбар поделен на четыре части, как клеть у курляндцев; каждое отделение предназначено для различных видов зерна. Крыша амбара — из соломы, скрепленной жердями.

Третье строение зачастую пристраивается к одному из двух первых: это длинный хлев для овец и коз.

Все три строения находятся на одном дворе, окруженном глухим забором с воротами. Тут же рядом расположены огороженные участки, где черкесы выращивают пшеницу, рожь, овес и особенно просо. Эти участки окружены деревьями или лесами, и даже посреди полей то тут, то там оставлены отдельные, самые красивые деревья, так как для черкесов деревья и леса являются первой необходимостью.

---

[1] См. Атлас, 2-я серия, лист 5, рисунок дома черкеса из Ацесбохо.

История черкесской нации

Черкесов обычно представляют себе как некое сборище разбойников, дикарей, не имеющих ни веры, ни закона; это мнение ошибочно. Нынешнее состояние Черкесии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской, средневековой аристократии, или героической аристократии в античной Греции.

Устройство общества чисто феодальное: кастовый дух так же силен, как некогда во Франции или Германии. Князья, древняя знать, отпущенники, крепостные и рабы образуют пять четко разделенных классов общества.

Титул князя — пшех или пши по-черкесски — приобретается теперь только по праву рода. В силу этого князья очень щепетильны при бракосочетании, с тем чтобы сохранить незапятнанной генеалогию. Браки заключаются только между представителями княжеских родов, и неравный брак считается большим бесчестьем. Их могущество зависит от числа вассалов, родственников и союзников, которых они могут собрать под свои знамена на случай войны. Их дочери, в случае отсутствия сыновей, передают иногда княжеский титул тем, за кого выходят замуж, но такой титул ниже по своему достоинству, чем тот, который завоеван ратными подвигами.

Второй класс — это знать, дворяне, часть которых становится весьма могущественными, объединяясь в многочисленные роды. Они являются оруженосцами князей и прислуживают им за столом.

Класс отпущенников включает в себя крепостных, получивших свободу за те или иные заслуги, или тех, кто, будучи продан в рабство, вернулись впоследствии на родину с небольшим состоянием и благодаря ему приобрели себе вотчину. Права свободных переходят у них по наследству, и они пользуются равными с дворянами правами.

Четвертый класс, то есть вассалы или крепостные, сходные с теми, которые существовали в Европе в эпоху феодализма, живут от отца к сыну в зависимости у князя или дворянина, поля которых они обрабатывают в мирное время и которых защищают во время войны. Каждый из них имеет землю и скот, на которые их сеньор не имеет никаких прав; сеньор не имеет также никаких прав на своего вассала и на его семью, которые могут, если они недовольны своим сеньором, уйти свободно в другое место. Только в качестве наказания и после суда сеньор может их продать, причем в этом случае дело должно рассматриваться на общем собрании племени.

Эти четыре класса мало отличаются друг от друга в том, что касается одежды и домашнего быта; между ними даже царит полнейшее равенство, можно сказать, настолько мало ощу-

тимо влияние, которое князь или дворянин оказывает на своего вассала; это влияние определяется доверием, патриархальной убежденностью; всякая власть осуществляется в силу древних обычаев.

Пятый — это класс рабов, тхо'хотлов. Всякий иностранец, пускающийся в путешествие по этим краям и не могущий назвать своего кунака или своего хозяина, который его принимал, рискует оказаться в положении раба; князья и дворяне каждодневно увеличивают число своих рабов в результате набегов на русскую территорию; рабы — предмет богатства для их собственников, которые продают их туркам или сохраняют у себя и, женив их, увеличивают таким образом число своих вассалов.

Все князья, а также дворяне равны между собой. Среди этого обширного населения, способного, как я уже говорил, выставить до 100 тысяч воинов, нет ни одного влиятельного человека, который мог бы образовать коалицию или выработать генеральный план наступления или обороны; каждый князь, каждый дворянин, даже каждый отпущенник — сам себе хозяин и подчиняется только самому себе. Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво относящихся друг к другу, ревниво оберегающих свою свободу, а зачастую разделенных навсегда ужасным законом крови, законом кровной мести, в результате чего между племенами и родами в течение веков живет ненависть друг к другу.

Этот дух независимости и недоверия сказывается на их нравах, их законодательстве, их жилищах.

В Черкесии, как и во времена Интериано, нет ни городов, ни поселков, ни деревень в собственном смысле слова. Страна на первый взгляд кажется очень лесистой. Каждый черкес, стремясь жить изолированно и в своей вотчине, выбирает место для своего жилища подальше от соседей, стараясь расположить дом среди прекрасных деревьев, которых так много в этих краях, и невдалеке от леса, где его семья могла бы скрыться в случае нападения.

Жилище строится из дерева или плетеных прутьев, обмазанных глиной, крыша делается из досок и покрывается соломой, прикрепленной жердями; все черкесские жилища более или менее похожи на то, что я описал выше. Единственным украшением стен жилища князя является оружие всех видов, кольчуги, луки, стрелы и т. п., развешанные как в комнате Улисса на гвоздях. Могущество князя определяется также количеством его домов, так как князь, его семья, его оруженосцы и вассалы, его гости каждый имеют отдельный дом, где они предоставляют или пользуются гостеприимством.

Черкес расчищает участок вокруг своего жилища для посевов проса и пшеницы, стремясь при этом сохранить вокруг своего поля полоску деревьев, чтобы они охраняли его и давали прохладу, необходимую в этом климате. Даже посреди

поля он оставляет несколько самых красивых отдельных деревьев. Поэтому, если смотреть с моря, нет ничего живописнее этих спускающихся к берегу лесистых долин с полями всех оттенков зелени. Только очень редко можно заметить скрывающиеся в листве строения.

Несколько таких жилищ, разбросанных там и тут, в силу ли зависимости от одного и того же князя, или же объединенные одними интересами или обстоятельствами, получают название, чаще всего по названию реки, протекающей по соседству.

Жилище называется «унех»; я интересовался, есть ли у натухаев другой термин, обозначающий поселение или деревню; похоже, что такого слова нет, и они используют слово «унех» также и для обозначения понятия деревня. На Северном Кавказе слово «аул», позаимствованное у татар, используется как собирательное для обозначения нескольких объединенных жилищ. В долине Кубани, в Кабарде и у части черкесов-горцев пользуются также термином «кудже», «кваджe» (koudje, kwadje) (по-татарски «кабак») для обозначения сорока-пятидесяти жилищ, построенных по кругу.

Обязанности крепостного

Крепостной трудится на поле своего князя и облагается, в силу древних обычаев, определенными повинностями; я не знаю, настолько же они велики, как у кабардинцев, у которых каждый крепостной обязан уплатить четырнадцать мешков проса за каждую пару волов, которых он использует.

Главная обязанность крепостного — сопровождать и защищать своего сеньора.

Черкесский дворянин

Воспитание делает черкесского дворянина воином, предводителем шайки разбойников. Высшей доблестью для натухаев, шапсугов, абедзехов (альбедзехов) является вернуться из похода, нагруженными добычей и с толпой пленников; будь то князь или вассал, это их единственное занятие и талант. Когда принимается решение о походе — против русских ли, или против черкесов, с которыми они во вражде, — сборище, которое объединяется в этих целях, выбирает себе предводителя, который является таковым только на время похода; выбор этот свободный и падает на самого смелого, на князя или дворянина, которого находят наиболее достойным для выполнения этой задачи.

Все в нравах черкесского князя или дворянина несет на се-

бе отпечаток этой необузданной страсти к приключениям и грабежу — поведение, занятия, чувства, воспитание. Более ничто иное не составляет предмета гордости черкесской знати, а самым большим бесчестьем является неравный брак.

Брак

Как в Лакедемоне[1], женатый мужчина не решается показываться на людях вместе со своей супругой, он может навещать ее только без посторонних; узнавать что-либо или говорить с мужчиной о его супружеской жизни — большая бестактность. Только с возрастом эти строгие правила могут быть в какой-то мере смягчены.

Воспитание

Князья имеют обыкновение поручать своих сыновей в юном возрасте вассалам, которые поселяют их у себя и обучают их всевозможным телесным упражнениям, верховой езде, различным хитростям, необходимым в опасных походах; это вызывает в памяти пример Пелеи, отдавшей Ахиллеса на воспитание кентавру Хирону. С этим обычаем встречаешься еще и сейчас, как и во времена Интериано[2]. Подобная система воспитания существует также у абхазцев и у части грузин. Родители не оплачивают воспитателю, «аталыку» по-турецки, ни его труды, ни содержание ребенка; но когда ребенок достигает юношеского возраста, он отдает своему аталыку, пока он находится в его доме, лучшую часть добычи, которую он может захватить во время грабительских набегов или на войне. Воспитатель преподает также своему ученику великое искусство красноречия и рассудительности, чтобы тот мог блистать на собраниях или импровизированных местных советах, где обсуждаются интересы нации.

Зачастую он же занимается женитьбой своего воспитанника. Найдя подходящую для воспитанника невесту, он выкрадывает ее с помощью своих друзей и платит на паях с ними калым, или приданое, который должен быть вручен родителям в качестве платы за их дочь; этот калым, который полюбовно обговаривается сторонами, состоит из ружей, сабель, быков,

---

[1] Спарта в Древней Греции.

[2] Райнеггз сообщает весьма любопытные детали относительно того, каким образом осуществляется этот вид отчуждения, а также стараний аталыка, которые он предпринимал с помощью семи свидетелей с тем, чтобы иметь возможность доказать подлинность ребенка, находившегося на воспитании у него в доме, в связи с возвращением юноши в родительский дом.

лошадей и т. д. Вместе с тем воспитатель отвечает своей головой, если он опозорит воспитанника неравным браком.

Супруг, обнаружив, что женщина, на которой он женился, не была невинной, имеет право, сохраняя за собой калым, возвратить ее родителям, которые ее убивают или продают.

Как правило, отец вновь встречается со своим сыном не ранее того, как тот женится; к этому времени сын возвращается в родительский дом. Это событие отмечается большим праздником, на который приглашаются все родственники; после праздника аталык щедро вознаграждается и пользуется в семье своего воспитанника такой степенью родства, которую ничто не в силах подорвать: если аталык крепостной, его возводят в дворянский ранг. К тому же воспитанник сохраняет нерушимую привязанность к своему воспитателю, которую нетрудно понять, принимая во внимание ту холодность, которая должна существовать между отцом и сыном, так поздно узнавшими друг друга.

Дочери кабардинских князей воспитываются так же, как и сыновья: их отдают воспитательницам, которые обучают их всему необходимому для их пола и выдают их замуж, заботясь о том, чтобы подобрать им приличествующего супруга, поскольку также отвечают за это головой. Мне неизвестно, принята такая система воспитания дочерей также и у народностей на морском побережье или нет.

Черкесы с побережья довольно высоки, у них элегантная и хорошо сложенная фигура, и они постоянно стремятся еще более подчеркнуть эту красоту, стягивая талию кожаным поясом. Их походка грациозна и легка. Голова у них овальной формы; как магометане, они обривают волосы, оставляя усы и черную, не слишком густую бороду. Глаза у них тоже черные и глубоко посаженные; нос не длинный, тонкий и хорошей формы. Кости челюсти длинные и четко обрисованные[1].

Не являются также редкостью каштановые волосы и борода того же цвета.

Они хорошие всадники и хорошие пешеходы. Их костюм до настоящего времени — облегающие штаны и сюртук, сходные с одеждой представителей древних германских рас и с сермяжьем современных литовцев; это костюм, который можно увидеть на памятниках древнего Пантикапея[2].

Под сюртук они надевают рубашку из крашеного полотна, шелка или хлопчатобумажную, которую не снимают до тех пор, пока она не превратится в лохмотья. Штаны из сукна бурого цвета или из полотна застегиваются под рубашкой, как у русских; штаны плотно облегают икры, образуя складки под

---

[1] Г-н Эдвардс полагает, что ему удалось подсмотреть общие черты в фигурах черкесов и людей, изображенных на памятниках Пантикапея.

[2] См. 4-ю серию, лист 24, рис. 1 и лист 17 той же серии.

коленями. Низ штанов заправляется в мягкие туфли из мягкого коричневого войлока, поверх которых надеваются сапоги, сшитые из целого куска и обрисовывающие форму ноги; в средней части голенищ сапог проходит шов, а под коленом вместо застежки у них имеются завязки, сделанные из двух кусочков сыромятной кожи.

Сюртук — также «чок» или «циш» — сжимает талию, у него совсем нет воротника: это в точности тот же покрой и форма одежды, которую носит тот терракотовый скиф или сармат, что я изобразил в 4-ой серии, лист 24, или рис. 1-й 17-го листа. На груди с двух сторон имеются два маленьких кармашка или чаще два ряда маленьких коробочек или патронных гильз, сделанных из дерева, камыша, кости или металла. У более богатых крышечки патронташей прикреплены к плечам серебряными цепочками.

В глазах черкеса богатство олицетворяют только оружие и лошади. Этот черкес, который едва имеет во что одеться и крышу жалкой лачуги над головой, может быть обладателем ружья стоимостью в несколько сот рублей и соответствующих сабель, кинжалов и ножей. Выходя из дому, он украшает себя этим оружием. Его сабля, или «шашка» по-турецки, висит у него на боку; изогнутый клинок вложен по эфес в ножны, обычно отделанные серебром. На плече черкес носит ружье, вложенное в черный фетровый чехол, прикрепленный двумя кольцами из красной кожи к ремню. На поясе черкес имеет кинжал; там же у него прикреплены кроме того тесак-отвертка, кожаный кошель, где хранятся трут и ружейный кремень, нож в ножнах, или бахчисарайский «печак», кисет с табаком и, наконец, прекрасно выполненная из черненого серебра маленькая коробочка с салом, которым натираются пули для того, чтобы они лучше скользили в стволе. В руке черкес держит маленькую подставку из двух деревянных реек; на эту подставку кладется ствол ружья при стрельбе.

Такова амуниция у почти всех кавказских народов; кольчуги, стальные шлемы, налокотники и наколенники из того же металла, так часто встречающиеся у кабардинцев, очень редки у западных черкесских племен. В качестве головного убора черкесы носят своеобразный колпак, именуемый «пахо», отороченный широкой полосой каракуля с длинной шерстью, падающий на лицо. Фригийский колпак в том виде, каким мы его находим изображенным на памятнике древнего Пантикапея, — с капюшоном и двумя более или менее длинными свисающими концами — сохранился главным образом у убухов, сахов, абхазцев. Турки называют его «башлык», абхазцы — «гетаф». Известно племя огоров, знаменитое своим прозвищем «черниколпак» («черный колпак»), так как они носят этот башлык черного цвета. Литовцы носили их вплоть до наших

дней, но без свисающих концов и именно такие, какие изображены в 4-й серии, лист 24, рис. 1[1].

Чтобы дополнить описание черкесского костюма, следует упомянуть манто из фетра, которое они носят во время путешествий и которое является не чем иным, как хламидой древних. Его черкесское название — «джако»; им пользуются все народности Кавказа и Армении под названием «бурка», «жапунджи» и т. д.

Одежда и внешность женщин

Черкесские женщины соперничают в красоте с грузинками, и трудно решить, кому же отдать предпочтение. Тэбу, который видел первых больше чем я, говорит, что у них продолговатое лицо и что черты лица у них обычно крупные и правильные[2], глаза у них в большинстве случаев черные, блестящие и с красивым разрезом, это, как они считают, одно из их самых сильных оружий. Брови у них красивого рисунка; цвет лица слегка оливковый.

Девушки с очень раннего возраста, лет с десяти-двенадцати, носят корсет или широкий кожаный пояс, надеваемый прямо на тело; девушки из знатных семей скрепляют его серебряными застежками. Этот корсет настолько стягивает талию, что нет женщин с более тонкой талией; корсет также сдавливает бюст таким образом, чтобы не допустить его развитие. Молодые незамужние черкешенки имеют совершенно плоскую грудь, чем весьма поражают. Только в день свадьбы супруг имеет право распороть корсет кончиком кинжала. Идеал красоты у черкесов требует от женщины серьезных жертв, и чтобы сохранить тонкую талию, молодых девушек очень плохо кормят: им дают только молоко, лепешки, просяную кашу.

Если выше бедер женщина должна иметь тонкую талию, то нижняя часть корпуса должна быть крупной, живот выпуклым, что нам может показаться уродливым.

Волосы они заплетают в косы как татарки; костюм их состоит из рубашки, которая подвязывается шнурком, и широких панталон, которые выглядывают из-под верхней одежды; к поясу может пристегиваться передник.

Женщины начинают носить костюм замужней женщины только после первых родов; с того же времени они начинают накрывать голову белым покрывалом, которое без складок облегает лоб и завязывается под подбородком.

---

[1] См. *Паллас*. Путешествие на юг России, атлас. См. также мой атлас, 3-я серия, лист 26.

[2] Паллас рисует точно такой же портрет, т. 1, стр. 433.

Г-н Тэбу де Мариньи не слишком похвально отзывается об их походке, которая ему показалась медлительной и апатичной, но мне думается, что здесь мы впадаем в опасность судить по отдельным исключениям. Он находит их весьма неглупыми, у них живое воображение, способность к высоким страстям; они тщеславны и гордятся славой своих мужей, добытой на полях сражений.

Воспитательницы (аталычки) обучают девушек вышивать, делать позументы, шить платья, плести корзинки, соломенные циновки и выполнять другие работы, присущие их полу. Черкесские девушки вовсе не обречены на заточение, как на Востоке; напротив, они принимают участие в тех же развлечениях, что и юноши; они не стеснительны и не робки; они прислуживают иностранцам, находящимся в гостях у их родителей.

Черкесские танцы нисколько не отличаются от танцев других кавказских народностей; танцоры перенимают друг у друга всевозможные па и антраша, как и казаки, которые, не исключено, позаимствовали свои излюбленные танцы именно у черкесов. Их музыка — это трехструнная скрипка, флажолет и бубен, как у ногайских татар; все это сливается в гармонию, которую трудно отнести к числу самых приятных.

У черкесов есть свои трубадуры или сочинители, «кикоакоа», уважаемые во всех слоях общества и даже среди воров. Их инструмент — двух- или трехструнная гитара, и достаточно им показать ее, чтобы быть пропущенными беспрепятственно повсюду. Их песни совершенно не рифмованы; они являются хранителями многих эпизодов истории страны и древних преданий, какими были барды у франков и кельтов, а также в древней Ирландии.

Черкес, к какому бы классу он ни принадлежал, ленив и не любит обременять себя мало-мальски тяжелой работой; он предпочитает опасности разбойных походов занятиям, которые приносили бы ему хлеб насущный. Это относится главным образом к натухаям (натухаджам), шапсугам, убухам и ко всем тем горным народностям, которых земля не слишком балует плодородием. Там крестьянин оставляет почти все заботы по дому на женщин, которые даже выходят обрабатывать поле с мотыгой, поскольку они совсем не знают плуга. Выходя в поле, эти труженицы оставляют дома даже панталоны, чтобы не порвать их, и остаются в одних рубашках.

Можно заметить, что женщина у черкесов, как и у всех народов, славу которых составляют грабежи, находится в полном подчинении у мужа и является скорее его рабыней, нежели подругой.

Я говорил уже, что здесь покупают женщин, уплачивая за них значительный выкуп, достигающий нескольких тысяч франков; от этого обычая всего лишь один шаг к обычаю продавать своих дочерей или племянниц.

Во все времена древняя Зихия (Цихия), нынешнее побережье Черкесии и Абхазия были рынком работорговли; это длится уже тысячелетиями; можно сказать, что миллионы жителей были таким образом проданы и увезены в другие края. Если бы я смел судить о путях господних, я бы сказал, что Провидение пожелало возродить, обновить другие, деградировавшие расы, смешав их с прекрасной черкесской расой; но нам ли судить о деяниях высшего разума.

Страбон, Прокоп, Интериано и все современные авторы говорят об этой работорговле. Подобная торговля стала необходимостью у этих народов, однако существуют известные пределы, которые черкесы не переступают.

Никогда ни один князь и ни один дворянин не продаст свою дочь или своего сына, по крайней мере, если та или тот не дают серьезного повода для его гнева. Тем не менее отец имеет такое право в отношении своих детей; однако в обычай это вошло только у бедных людей, зачастую вынужденных пойти на подобный шаг из-за нищеты, или же очерствевших в силу постоянного разбоя. Молодая девушка не всегда смотрит на этот варварский акт отца под таким углом зрения: если она красива, она надеется суметь получить место в гареме в Турции. Подобные романтические мысли ее успокаивают; та или иная из ее подруг, кто был продан подобно ей, получили впоследствии свободу и вернулись на родину с небольшим состоянием; их рассказы о блестящих покоях гарема утешают девушку.

Брат также имеет право продать свою сестру, когда они остаются без родителей; муж может продать свою жену, уличенную в супружеской неверности.

Но черкес не продает другого черкеса; его страшит закон крови, закон мести, который будет к нему в данном случае так же беспощаден, как к убийце: я утверждаю, что даже князь не может продать своего крепостного, разве что в качестве наказания за измену, или же по приговору, вынесенному племенным собранием.

Черкес имеет такое право только в отношении своего раба и пленника, но продает он их не всегда. Черкесы любят иметь пленниками русских, потому замечают их предприимчивость и трудолюбие; поэтому черкес, сумевший оценить эти качества, вовсе не жесток в обращении с пленниками, как только он заметит их добрую волю; напротив, в своих собственных интересах он относится к пленнику с вниманием, готов даже отдать ему одежду с собственного плеча, чтобы уговорить его остаться, особенно он старается женить его, полагая, что жена и дети удержат его куда надежнее, чем любые другие узы; в подобной женитьбе преследуется и другая цель: поскольку дети раба являются также рабами, для черкеса это — богатство, которым он может распоряжаться по своему усмотрению, и он

делает это безо всяких угрызений. Судьба детей пленников, когда они становятся красивыми, хорошо сложенными — быть отнятыми у родителей их хозяином, который воспитывает их дальше, чтобы затем продать туркам; эти несчастные являются основным фондом работорговли. Ниже мы найдем этот варварский обычай, распространенный также среди абхазцев; то же самое продолжали бы делать и мингрелы, и грузины, если бы русские не навели надлежащий порядок своими строгими мерами.

За чем черкесы надзирают очень строго — это чтобы их рабы и пленники никогда не имели оружия.

Законодательство

Законы черкесского рыцарства, как его именует Паллас[1], базируются на трех основных принципах: гостеприимство, уважение к старшим и право мести.

Я уже сообщал, что говорил Интериано об этом черкесском гостеприимстве в его времена, т. е. в начале XVI века; ничто не изменилось с тех пор, и нерушимость гостеприимства остается все той же. Хозяин защищает гостя ценой жизни своей и своих близких, он не отпустит его, не обеспечив конного эскорта и не поручив его своим союзникам; и убийство человека, которому было предоставлено гостеприимство, будет отомщено с такой же жестокостью, как и убийство близкого родственника[2]. Чужестранец, отдающий себя под защиту женщины, или тот, кто сумел коснуться губами ее груди, немедленно получает гарантии как брат, будь он даже врагом семьи или более того убийцей одного из родственников.

Это своеобразное усыновление, о котором сообщает Паллас, все еще освящено у натухаджей (натухаев), как об этом рассказывает г-н Тэбу де Мариньи и как это подтверждал мне г-н Тауш.

Уважение к старикам, или наконец ко всякому человеку, который старше вас по возрасту, таково, что, когда он входит, все обязаны встать, будь даже этот человек ниже вас по положению. Это практикуется как среди мужчин, так и среди женщин, и сесть можно лишь только после того, как человек, из-за которого все встают, прикажет об этом словом «тизе» («садись»). Черкесы никогда не пренебрегают этим, и даже в семье они являются преданными блюстителями этого неудобного обычая.

---

[1] *Паллас.* Путешествие в южные края и т. д..., т. I, стр. 440.

[2] Это черкесское гостеприимство восходит к героическим временам Греции: читайте о Диомеде, встретившем Главка в бою у стен Трои и объясняющего, как их объединяют священные узы гостеприимства. Илиада, песнь VI, стр. 107.

Закон крови

Известно, что такое закон крови, который у нас называется талия, но нигде этот карательный закон не выполняется с такой жестокостью, с такой строгостью, как у черкесов и у других кавказских народов. Пролитая кровь должна быть отомщена; самый близкий родственник при своем рождении наследует обязательство уничтожить рано или поздно обидчика, совершившего покушение на его родственника; хозяин должен отомстить за гостя, либо путем применения открытой силы, либо хитростью, в противном случае ему грозит изгнание за трусость. Эта ненависть, передающаяся из поколения в поколение, становится иногда делом целого рода или племени,... и если во время этой борьбы ради отмщения виновный умирал, месть на этом не прекращается, вина перекладывается на ближайшего родственника умершего, и так продолжается до тех пор, пока жажда мести не будет утолена, или пока цена крови не будет уплачена в соответствии с решением арбитров, или пока дело не будет решено женитьбой.

Именно этими ужасными принципами объясняется состояние постоянной войны, страха, подозрительности, которое царит между черкесскими племенами и семьями. Никто не выходит без оружия. Особенно свирепствуют в своей мести князья и дворяне, посколькy они никогда не соглашаются на «тхлил уасса», то есть плату цены крови[1], а всегда требуют кровь за кровь.

Этот антихристианский принцип мести, на первый взгляд, странным образом противоречит любви к гостеприимству и уважению к старшим; на самом же деле он является их непосредственным продолжением: именно вследствие утрированного уважения к гостю или к родственнику, к другу черкес считает себя обязанным мстить его обидчику и смыть обиду кровью.

Таковы основные принципы права у черкесов; у них нет писаного свода законов. Любое административное дело передается на решение народного собрания или совета, которое происходит в лесу и на котором наиболее пожилые имеют большее влияние: князья, дворяне, даже крепостные имеют там решающий голос[2]. Никакой постоянный суд, никакая полиция, никакая власть не вершит здесь правосудия и не уполномоче-

---

[1] «Жестокий! Нередко человек соглашается на уплату цены крови, прощает убийство своего брата или даже своего сына; убийца, пожертвовав часть своих богатств, остается жить в том же самом городе; что до тебя... и т. д.» Так говорит Аякс, обращаясь к Ахиллу. Илиада, п. IX, стр. 165, перевод Битобе. Мы видим, насколь древними являются принципы мести, которые замещали закон в те времена, когда господствовало право кулака.

[2] Это напоминает собрания греческих героев перед Троей.

на преследовать виновного или осуществлять законы. Спорные вопросы, распри между семьями, племенами, кражи, убийства и т. п. разбираются и решения по ним выносятся на народных собраниях, которые заранее не готовятся; в зависимости от важности дела избирается определенное число судей, например, для разбирательства убийства избирается до пятнадцати судей; эти судьи занимаются разбирательством только данного конкретного дела[1]. Мы видим, таким образом, что нет больших республиканцев, чем черкесы, несмотря на законы феодализма, которые весьма четко делят этот народ на касты. Сам князь обязан всегда советоваться со своим собранием по всем вопросам, не касающимся внутренних дел его семьи и его хозяйства.

Обычай требует, чтобы обнаруженная кража наказывалась возмещением в многократном размере стоимости украденного; нераскрытая же кража — это дело доблести, как в Лакедемоне, и самая большая обида, по г-ну Тэбу де Мариньи, какую девушка может нанести юноше, это сказать ему, что он до сих пор не сумел украсть даже коровы. Однако право собственности уважается между людьми, связанными узами дружбы, гостеприимства или родства.

Убийство отца или матери осуждается как величайшее бесчестье; наказание за неверность зависит от мужа, который может пойти на кровавую месть, искалечить свою жену, отсечь ей уши, обрезать ей волосы, оторвать рукава одежды и отправить ее в таком виде обратно к родителям, а может пойти на мировую с соблазнителем за известную сумму денег... Довольно редко муж идет на крайности, т. е. на убийство виновника и калечение своей жены, так как, несмотря на справедливость своего гнева, он отдает себе отчет в нежелательности уплаты цены крови родственникам виновных, как за их убийство, так и за искалечение того или иного члена.

Религия

Весьма трудно сказать определенно, какую религию исповедуют черкесы, настолько свойственно им смешение христианства, мусульманства и язычества.

В одиннадцатом и двенадцатом веках русские князья Тьмутаракани и грузинские цари обратили их в большей или меньшей мере в христианство. Кабардинские и черкесские князья и их единоплеменники, пришедшие из Крыма и покорившие часть Черкесии в начале пятнадцатого века, были мусульманами. С

[1] Смотри оригинальные приговоры, выносимые этими собраниями, в книге Тэбу де Мариньи «Путешествие в Черкесию», изд-во Клапр., т. I, стр. 291, а также: Потоцкий «Путешествие...»

середины шестнадцатого века соперничество между Россией и татарами-мусульманами в Черкесии привело к открытой борьбе между христианством и исламом в этой стране; каждая из двух могущественных сторон стремилась влиять на народ посредством религиозных идей, и эта борьба продолжалась вплоть до наших дней. Но к каким результатам она привела?... Результатом было явное безразличие как к той, так и к другой религии и полный возврат к древним суевериям.

История не знает примеров того, чтобы одна религия заменила другую в чистом виде, без заимствований у своей предшественницы; всегда новая религия прививается на старую, и проповедники новой системы вынуждены мириться с подобным смешением из политических соображений, чтобы не напугать население, не склонное сразу же воспринимать нововведения. Тот, кто внимательно проследит развитие христианства, увидит, что оно видоизменялось на тысячу ладов несмотря на свою кажущуюся ортодоксальность, и каждый народ добавлял к нему некоторые свои древние праздники, древние обряды, упоминания о древних культах. Не составит труда проделать такой анализ развития христианства у некоторых народов, которые я изучал во время своих путешествий.

У черкесов только князья и знать являются мусульманами и соблюдают его обряды, но делают они это для очистки совести, без всякого рвения и зачастую посмеиваются над этими религиозными церемониями.

Народ же фактически является языческим.

Черкесы с побережья все еще по традиции празднуют Пасху, хотя уже не помнят, в честь чего этот праздник, и за пятнадцать дней до праздника, наподобие поста, воздерживаются от употребления в пищу яиц. У них есть деревья, отмеченные крестом, которые они почитают и которых никогда не касался топор; эти деревья находятся в священных рощах, пользующихся всеобщим уважением; в определенные дни перед этими деревьями бывают религиозные празднества. Г-н Пейсонель среди прочих упоминает одно такое дерево, росшее в центре страны и называвшееся «Панагия-сан»[1], однако же культ, который отправлялся у этого дерева, был совершеннейшим идолопоклонством.

Г-н де ля Мотрей, который путешествовал в этих краях в 1711 г., рассказывает, что черкесы-горцы устраивали шествия с зажженными факелами вокруг этих священных деревьев и у их подножья приносили в жертву различных животных — быков, баранов, ягнят, козлов и овец. Их жрецы или священники, избираемые из числа старейшин, раздавали присутствующим мясо и относили его больным и беднякам, отсутствовав-

[1] *Панагия* — небольшая икона, которую носили на шее православные епископы.

шим на церемонии. Эти жрецы не умели ни читать, ни писать и ограничивались тем, что повторяли некоторые формулировки из молитв, которые они затем передавали своим преемникам в том виде, в каком они слышали их от своих предшественников.

Во все времена народы Кавказа склонялись к друидизму[1], то есть во все времена они питали наибольшее уважение к старым деревьям, поскольку считали, что в них обитают невидимые божества.

В большей или в меньшей мере это сохранившееся с античных времен уважение и поклонение деревьям соединялось с христианством. В Колхиде нет ни одной церкви или часовни, которую бы не окружали и не прятали в своей тени деревья. Абхазцы, которые сохранили больше черт христианства, чем черкесы, также имеют священные деревья.

Можно допустить, что апостолы христианства, использовав это уважение к деревьям, вырезали на коре деревьев кресты; не исключено, что построенные поблизости деревянные часовни исчезли, и таким образом получилось, что обычаи христианства ассимилировались с древним друидизмом.

Еще сегодня, если верить рассказу Тэбу де Мариньи[2], в окрестностях Геленджика священники, одетые в простую «бурку» (накидка из фетра), простирая руки к кресту, освящающему лес, посреди толпы, хранящей глубокое молчание, шлют свои молитвы создателю, прося его охранить их поля, дать богатый урожай и избавить их от чумы. К кресту прикрепляется множество маленьких свечей. С помощью одной из этих свечей священник слегка прижигает шерсть быка и льет ему на голову бузу; этот бык приносится в жертву; приношением богу является также буза и пресный хлеб с сыром внутри. Церемония завершается пиршеством, на которое каждый житель приносит яства по мере своих возможностей, затем следуют танцы и игры.

Эти жертвоприношения представляют собой одну из особенностей христианства у всех народностей Кавказа; ими сопровождаются все большие праздники в Осетии, Раче, Мингрелии, Абхазии; даже армяне сохранили этот обычай; это не есть в прямом смысле слова жертвоприношение: поскольку все эти праздники предваряются длительным постом, принесение быка в жертву в день праздника рассматривается как своего рода благословение первого мяса, которое будет съедено; то же самое делают греки, католики в Литве, Польше и т. д.

У черкесов есть подчиненные божества, или своего рода святые, привитые к языческим божествам. У них есть **Мерис-**

---

[1] Прокоп де Белло Гот., кн. IV, стр. 471, недвусмысленно утверждает, что абасгины в его времена еще поклонялись лесам и полянам, причисляя деревья к числу богов.

[2] Тэбу де Мариньи, изд-во Клапр., т. I, стр. 308 и далее.

са, защитница пчел. Они утверждают, что когда все пчелы погибли, в живых осталась только одна, которая спряталась в рукаве Мериссы, и та ее спасла, после чего от той пчелы произошли все пчелы, которые сейчас существуют. Этот праздник отмечается летом[1].

Это божество называется также **Мереим**, и ее считают матерью бога.

Сеосерес был великим путешественником, которому подчинялись все ветры и воды. Он особенно почитаем у шапсугов и натухаев. Его образ — молодое грушевое дерево, которое черкесы вырезают в лесу, обрубают сучья и хранят в доме как божество, охраняющее стада. Почти в каждой семье имеется эта реликвия; к осени, ко дню его праздника, образ Сеосереса с большими церемониями вносится внутрь дома, его счастливое появление встречается грохотом различных инструментов и радостными криками всего населения. Грушевая ветвь украшена маленькими свечками, сверху на нее надета головка сыра; вокруг нее пьют бузу, едят, поют, после чего ее спроваживают, устраивают во дворе, где она проводит остаток года, прислоненная к изгороди, без всяких признаков почитания.

Тлиебсе, король, покровитель кузнецов. В день праздника в его честь совершают возлияния на лемехе и топоре.

Ноакаче, **Йемик** и **Месте** — вот еще святые или полубоги, каждому из которых посвящается свой особый день.

Черкесы, у которых нет бога-громовержца, считают смерть от удара молнии признаком святости: этот знак благословения приносит ангел, и погибшего от молнии хоронят самым торжественным образом, а родственники умершего поздравляют друг друга с выпавшим на их долю счастьем. Люди толпами выбегают на улицу, заслышав шум, который производит этот ангел на своем пути в небесах, и когда он долго не дает о себе знать, люди обращают к нему молитвы, прося его вернуться.

Похороны

Ритуал похорон у черкесов меняется в зависимости от местности и, как и повсюду, от степени зажиточности умершего.

У натухаев тело, обернутое в белое полотно, после песнопений в честь умершего и своего рода надгробного слова опускают в могилу, схожую с теми, которые я описывал выше; тело укладывают головой к востоку и на бок как у мусульман.

В церемонии принимает участие мулла, если таковой имеется. В течение года постель покойного и его оружие сохраняются в

[1] Тэбу де Мариньи, изд-во Клапр., т. I, стр. 308 и далее.

священной неприкосновенности, на том самом месте, что и при жизни покойного. В установленное время родственники и друзья умершего собираются, чтобы рыданием и ударами в грудь выразить свое отчаяние: вдова выражает свою скорбь, расцарапывая до крови лицо и руки[1].

Один из дней предназначается для большого пиршества, которое должно обязательно сопровождать похороны: богатые, у которых все имеется в изобилии, организуют его вскоре после погребения; менее же состоятельные откладывают его иногда на несколько месяцев, пока не соберут достаточное количество провизии. Пища готовится в самом обильном количестве; на подобных пиршествах собираются иногда до четырех сотен приглашенных; пиршество проводится в священном лесу, под деревьями, где, как я уже говорил, проводятся и все другие религиозные церемонии... Большинство людей готовят только мясо и просяную кашу: в этом и состоит все пиршество, но и это следует уже считать большой роскошью, так как черкесы обычно воздержанны в пище и удовлетворяются кашей или запеченным в форме лепешки тестом с просяной кашей.

Пиршество сопровождается играми и розыгрышем призов, устанавливаемых в память об усопшем, как на похоронах Патрокла; несколько кусков ткани, которые держит в руке быстрый всадник, становятся наградой самым ловким всадникам, которые на своих лошадях стараются его догнать и отнять этот символ признания их превосходства в скорости. Соревнования бегунов и подобные упражнения завершают празднество[2].

Райнеггз сообщает еще об одном обычае, распространенном среди черкесов,— приносить в жертву душам усопших родственников и друзей пленников и рабов, как делал это Ахилл на могиле Патрокла[3]. Разумеется, такого обычая более не существует, и мода на него прошла со времен этого путешественника, который уверяет, что черкесы из числа его друзей убеждали его в том, что считают пролитую кровь весьма благотворной для успокоения душ усопших.

Тела погибших на войне выкупаются; этим занимаются пос-

---

[1] Кабардинцы, чтобы оставить следы, напоминающие о пережитой ими утрате, наносят себе удары хлыстом по лицу: проливать кровь для демонстрации душевной боли — обычай, широко распространенный у народностей Кавказа. Считают, что древние скифские племена в Крыму имели обычай наносить на тело раны острыми кусками кремня, которые бросали затем в месте захоронения; впоследствии их находили в курганах на месте захоронения.

[2] Среди подобных игр Интериано называет одну, существовавшую во времена его путешествия, которую я не решаюсь здесь описать, настолько она может шокировать наши нравы; те, кто хотел бы знать о ней, пусть прочтут об этом — Рамузио, Ракольти ди Вьяджи, статья Интериано, т. II, стр. 197.

[3] *Райнеггз,* т. I, стр. 259.

ланцы, которые приезжают обсуждать сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы: здесь можно вспомнить еще Гомера, который описывает сцену выкупа тела Гектора.

Письменность

Черкесы знакомы с письменностью не лучше, чем во времена путешествия Интериано; их традиции и воспоминания о выдающихся событиях в их истории сохраняются в песнях. Имея лишь слабо развитые торговые и экономические связи, они не ощущают потребности в этом великом средстве коммуникации, нарочный служит для них живым письмом... Когда это средство связи оказывается недостаточным, они обращаются к помощи турецких мулл, которые живут среди них и оказывают им эту услугу. Единственные иероглифы, известные черкесам, это те, что используются для клеймения лошадей.

Кроме черкесского языка князья и дворяне страны, которые собираются в сентябре вместе со своими приближенными в набеги, пользуются в разговорах между собой для конспирации совершенно особым языком, который они называют «шакобза» и который не имеет никакого сходства с черкесским. Простому народу говорить на этом языке не разрешается. Райнеггз (т. II, стр. 248) — единственный, кто приводит несколько объяснений выражений из этого жаргона, который, вполне вероятно, может оказаться самостоятельным языком и служить, таким образом, для нас доказательством того, что в черкесской нации существуют несколько этнических элементов и что черкесские князья и знать являются пришельцами...[1] Но откуда они пришли?

Промыслы. Торговля

Промыслы и торговля почти полностью отсутствуют у черкесов. Отношения, которые они имели до сих пор с турками, представляли собой не более чем товарообмен в зачаточном состоянии. Его основной статьей всегда были рабы; я не буду повторять то, что я уже говорил выше по этому вопросу. Основное занятие черкеса до настоящего времени касается того, как бы раздобыть денег на хлеб насущный — либо посредством набегов на территории русских или враждебных племен, либо пиратством на море. Это последнее средство остается все тем же, что и во времена Страбона, хотя с тех пор прошло вот уже скоро девятнадцать столетий. Военное судно, на борту которого я был принят и которым командовал капитан Вульф, дважды получа-

---

[1] *Потоцкий Ян.* «Путешествие...», т. I, стр. 168.

ло приказ преследовать черкесские галеры и пиратов на них, так что я имел удовольствие их наблюдать собственными глазами. Единственное изменение, которое я заметил, это то, что галеры стали больше и число людей на борту обычно также больше: их набирается человек до 60—70[1]. Они идут только на веслах и скользят вдоль берега, чтобы не быть замеченными: порт Мамаи, еще в древности известный своими пиратами, все еще остается главным пристанищем черкесских корсаров.

В каждой семье женщины занимаются изготовлением предметов первой необходимости в хозяйстве: из светлой пряжи они ткут нечто вроде сукна буроватого или серого цвета, они умеют также выделывать фетровые манто (бурка по-русски или джако по-черкесски); они шьют обувь и одежду ; они занимаются даже выделкой седельных подушек, привязных ремней, ножен для сабель и чехлов для ружей.

В целом потребности черкесов не слишком велики.

Ввоз товаров

В чем они испытывают острую нужду — это в соли, которую они могут получить только в Керчи, так как в их стране нет ни малейшего признака этого продукта. Со времени начала войны, которую им объявила Россия, они совершенно не имеют соли и начинают, как говорят, привыкать обходиться без нее, однако сильно раздражены этим лишением.

Турки ввозят к ним грубые полотна, шелковые ткани, хлопчатобумажные ткани, порох, свинец, ружья, сабли, пистолеты, сафьян, поскольку черкесы не производят сами ни одного из этих предметов.

Единственный промысел, который у них развит довольно высоко, это выделка золотых и серебряных изделий. У них есть очень искусные мастера, особенно по обработке серебра и рисунку на черненом серебре; черненым серебром они покрывают рукоятки пистолетов, сабель, ножны кинжалов; они умеют также насекать узоры (выделывать дамасскую сталь) на стволах ружей... Они делают прекрасные табакерки, бляшки к поясам, пряжки, перстни, кубки, чаши и т. п.

Искусство выделки кож не развито дальше протягивания кож между двумя бревнами; кожи натираются жиром для смягчения; такая кожа служит на все случаи жизни, из нее делают портупеи, обувь и т. п.; кожа эта исключительно прочна и долговечна.

---

[1] Эти галеры называются по-черкесски «каф» или «куафа», а также «камара»; по-абхазски «ахбат», по-ногайски — «гемет».

Вывоз товаров

С берегов Черкесии вывозятся мед, воск, бычьи и козлиные шкуры, пушнина, зерно — рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, которые турки транспортируют в Анатолию. Во многих местах побережья произрастают прекрасные строительные леса, такие, как дуб, бук, сосна. В районе Гагры широко встречается самшит.

У черкесов много скота — лошадей, быков, коров, овец и особенно коз. Некоторые собственники имеют более тысячи овец, пятисот лошадей, но все они мелкорослы. У них есть также овцы с большим курдюком (чамтухом), различной окраски и с полутонкой шерстью. То здесь, то там встречаются отдельные головы крупного рогатого скота, украденного в Анапе, но использовать этот скот черкесы не умеют.

В больших количествах у них встречаются дикие грушевые и яблоневые деревья. У них есть также дикие сливы, но совершенно нет вишни. Повсеместно растет дикий виноград, дающий мелкие плоды; натухаи не делают вина; только ближе к Абхазии, у убухов, сахов и других племен эта отрасль хозяйства получила развитие; вино, которое делается у этих племен, хорошего качества.

Пища

Обычная пища у черкесов — густая просяная каша (panicum miliare), сходная с полентой или кашей, употребляемой в пищу у поляков и вообще славян[1], которую дополняет жареная лепешка из пресного теста, как в Грузии. В качестве напитков используются буза[2], мед и кислое молоко. Однако по большим дням рацион дополняется вареным или просто поджаренным мясом[3].

---

[1] Есть одна примечательная вещь, которую следует отметить — удивительное сходство основных блюд в рационе всех кавказских и славянских народностей, расселившихся вплоть до побережья Адриатики; это сходство можно даже проследить до Индии. Весь центр Азии, до Армении и Грузии, использует в качестве основного блюда в своем рационе вареный рис в форме плова. Народности Колхиды питаются густой кашей из итальянского проса (panicum italicum), называемой «гоми». Черкесы употребляют обычное просо (p. miliare); все казацкие и польские народности употребляют подобное же блюдо, «кашу», но из пшена или гречихи; литовцы и летты используют в пищу более жидкую кашу из ячменной крупы («дишгрюц»). Южные славяне, проживающие в районе до Иллирии, также употребляют эту «кашу» или «гоми» из пшеничной муки из Турции; повсеместно это — основное и национальное блюдо.

[2] *Буза* — просяное пиво.

[3] Один из способов приготовки жареного мяса — мясо режется на кусочки, нанизывается на маленькие железные вертела и поджаривается над горячими угольями. Татары называют это блюдо «чишлик» (tchislik).

У князей вкусы более утонченные; они едят плов (plaf), различного рода рагу, блюда из меда и масла и т. д... Однако ни у одних, ни у других нет определенных часов для приема пищи: всяк ест, когда почувствует голод — отец с одной стороны, мать — с другой, а дети каждый в своем углу; только когда в доме чужие, прием пищи приобретает более церемонный характер. Следует сказать, что черкесы, блестяще принимающие гостей, считают постыдным и невежливым приступать к еде раньше гостя.

Во время путешествий черкесы необычайно воздержанны в пище: немного кислого просяного теста, замешанного на меде, в кошеле, притороченном к седлу, служит им для пропитания в течение нескольких дней.

Черкесы неприхотливы во всем, не только в пище. Простой народ спит прямо на земле, подстелив бурку, которая заменяет им постель; зимой располагаются у огня; места поближе к теплу являются почетными и предназначаются для главы семьи и для иностранцев, остальные спасаются от холода кто как может[1].

Как много общего в нравах с античной Грецией, Грецией Гомера находим мы у черкесов!

Разве не сходны феодальные порядки Скептухов (Skeptoukhes) в Древней Греции с порядками в сегодняшней Черкесии? разве не одинаков феодальный строй, основу которого составляли рабы и пленники? Агамемнон, Улисс, Ахилл, которые на своих быстроходных судах обрушивались внезапно на богатые города, чтобы ограбить их и увести их жителей, обнаружили бы множество своих живых портретов среди современных черкесов из Маман или Джубуху.

Парис, похитивший Елену и сидонянок, поступал так же, как поступают и доныне в Черкесии.

Все, что я говорил о воспитании мужчин и женщин, о женском труде, о постыдности для мужчины появиться на людях со своей женой, о пище, похоронах, могилах, о друидизме и т. д., все это возвращает нас в Грецию и заставляет согласиться с тем, что должна была быть колонизация в какой-то форме, должны были быть частые связи в античные времена для того, чтобы черкесы могли сохранить столько черт примитивных нравов греков. Но, как я уже говорил, вопрос в том, какая из наций оказывала влияние и какая была восприемницей? (..)

Амазонки

Наконец, не покажется ли необычным обнаружить у черкесов это столь странное разделение между мужчинами и жен-

[1] Лаэрт, отец Улисса, также спал зимой, завернувшись в драный плащ, в окружении рабов, в пыли у огня.— Одиссея, п. XI, стр. 189.

щинами, здесь, в этом краю, который в античные времена принято было считать прибежищем амазонок и покоренных гуннами савроматов.

Какой бы абсурдной ни показалась эта история или сказка об амазонках, для нее должны быть какие-то основания; Страбон уже убежден в ее правдивости, а сохранившиеся у черкесов предания также служат ей подтверждением. Вот это предание, сообщенное Райнеггзом (т. I, стр. 238), которое правдолюбец Ян Потоцкий дал себе труд проверить.

В те времена, когда наши предки, рассказывают кабардинцы, жили на берегах Черного моря, они часто воевали против эммечей, народа женщин, который занимал горный район между Черкесией и Сванетией вплоть до нынешней маленькой территории Кабарды. Они совсем не желали иметь среди себя мужчин, но принимали любую смелую женщину, которая хотела принимать участие в их походах и войти в их сообщество. После длительной, с переменным успехом войны две армии вновь встретились, чтобы начать битву, как вдруг командующая эммечей, которая обладала даром прорицания, потребовала секретной встречи с главой черкесов Тхульмом, обладавшим тем же даром. В поле между двумя армиями поставили шатер; прорицатель и прорицательница встретились там; несколько часов спустя прорицательница вышла из шатра и объявила своим соратницам, что она была побеждена, что хочет взять Тхульма себе в супруги и что, прекращая вражду, она советует поступить таким же образом и выбрать каждой себе по мужу во вражеском стане. Так и было сделано, и черкесы, наши предки, радостные возвратились в свои жилища с новыми подругами.

Это предание о существовании эммечей подтверждается фактом, который сообщает П. Ламберти[1]: в его времена Дадиан, ведший войну против высокогорных народностей в районе к западу от Эльбруса, обнаружил среди мертвых противников большое число женщин, вооруженных и одетых в латы. Дадиан предлагал большую награду тому, кто приведет живьем одну из этих воительниц.

---

[1] *П. Аршанж Ламберти.* Сборник о путешествиях на Север, т. VII, стр. 180—181. Сравните также то, что рассказывает о черкесских женщинах де ля Мотрей, т. II, стр. 84.

ДЖЕМС БЕЛЛ

Джемс Белл — английский политический агент, представлявший наиболее агрессивные круги английской буржуазии, заинтересованные в захвате причерноморских земель, в том числе и Черкесии. Белл в 1837—1839 гг. прожил среди черкесов, пытаясь организовать их борьбу против России. Белл главным образом жил среди шапсугов, патухайцев и убыхов, то есть среди причерноморских племен Черкесии, и только наезжал в более восточные области Черкесии, населенные бжедугами, темиргоевцами и другими адыгскими народностями, обитавшими по северным склонам Главного Кавказского хребта, между Кубанью и Лабой. Трехлетнее пребывание в Черкесии позволило Беллу детально и всесторонне изучить быт, общественный и хозяйственный строй черкесов. В этом отношении Белл оказался лучше осведомленным, чем кто-либо из его современников. Опубликованный Беллом по возвращении в Англию дневник его пребывания в Черкесии представляет собой исключительно важный и ценный источник для изучения культуры и быта адыгов первой половины XIX в.

Хотя Белл не имел специальной этнографической подготовки, он широко интересовался всеми сторонами жизни черкесов, обнаружив большую наблюдательность и умение выбирать из окружающей его действительности самые значительные и характерные для черкесского быта факты. Поэтому его дневник представяет по разнообразию содержащегося в нем конкретного материала подлинную энциклопедию тогдашней черкеской жизни.

В приводимых ниже обширных выписках из книги Белла читатель найдет богатейший материал по этнографии черкесов.

Перевод сделан по первому, английскому, изданию книги Белла, вышедшей в 1840 году в Лондоне. Книга Белла была также переведена на французский и немецкий языки.

ДНЕВНИК ПРЕБЫВАНИЯ В ЧЕРКЕСИИ В ТЕЧЕНИЕ 1837, 1838, 1839 гг.

Том I

Письмо первое

Суббота, 15 апреля 1837 г. Один из черкесов и его друг с орлиным взором, с наслаждением, по-видимому, предаются игре на очень простом инструменте — вид гобоя. Это небольшой

ствол дерева, около 2-х футов длины, выдолбленный до самой коры и просверленный у нижнего конца тремя отверстиями. Верхний конец не имеет рупора, но играющий, закрывая наполовину отверстие трубки губами и языком, дует в остальную часть отверстия и таким образом производит несколько очень нежных звуков, иногда сопровождая их нечленораздельными звуками. Одна из любимых мелодий этого черкеса имеет всего 8 нот, кроме фиоритуры (фаса), причем три последних играются октавой ниже остальных.

Гассан аккомпанирует ему своим голосом и за каждой отдельной нотой отбивает отчетливо такт. Некоторые мелодии значительно длиннее, чем та, о которой я упомянул. Обычно — это жалобные напевы, но некоторые — живые мелодии, и, если бы мне ничего не было о них известно и меня спросили, что они представляют, я, возможно, ответил бы: «Старые шотландские песенки». Я только что узнал, что этот сельский музыкант — черкесский пастух, который побывал в Турции, стараясь найти там работу, но не успев в этом, пробирается домой за счет милосердия. Он выглядит как тот, кто любит использовать выгодное положение, но черты лица у него приятные и зубы прекрасные...

Письмо второе

Субеш, 24 апреля 1837 г. Мой дорогой Гассан оказался одним из первых на берегу; ничто, кроме его крепкого телосложения, не могло бы выдержать натиска яростных приветствий и объятий его земляков: они тащили его, сотрясали, сжимали в своих объятиях — и все это самым необычным образом. В продолжение этого первого взрыва радости, я оставался в стороне — на носу корабля, повернутого кормой к берегу. Лука, по моему распоряжению держал мой багаж наготове на случай, если бы обстоятельства потребовали быстрой его выгрузки на берег... Как только представился удобный случай, он сообщил некоторым из присутствующих знатных лиц — кем я являюсь; один или двое тотчас же выступили вперед и пригласили меня сойти на берег, оставив мое имущество под их охраной. Я охотно согласился на это предложение. Меня направили в загороженное поле и указали там на укромное место, где я мог бы спокойно подождать, и туда была перенесена каждая принадлежавшая мне вещь, при этом ни одним словом не было упомянуто о плате за труд. Один случай, который произошел в это время — в тот момент, когда я впервые вступил на черкесскую землю — убедил меня в том, что ее обитатели, хотя в общем и приняли веру турок, все еще отказываются следовать их доктрине фатализма — во всей их абсурдной неуклонности. Я заметил некоторое смятение или, по крайней мере, замедление в действиях, связанных с

нашей высадкой, и я пришел в восхищение, когда узнал, что это объяснялось некоторыми карантинными правилами, установленными здесь вследствие которых, даже в наших условиях, нам не разрешалось сообщаться с теми, кто находился на берегу, пока наш капитан не даст клятвы на Коране в том, что в порту, откуда он прибыл, не было моровой язвы. Но несмотря на это свидетельство все выгруженные вещи были немедленно отнесены (их несли при помощи кольев, на которых их подвешивали) к зданию, поставленному отдельно для этой цели, и там окурены дымом. Этот страх перед моровой язвой и заставлял принимать подобные предосторожности и побудил воинов, что отплыли от берега нам на подмогу, остаться в своей лодке вместо того, чтобы взойти на борт нашего судна и помочь нам грести до берега. Вследствие той же причины я должен был ожидать довольно долгое время на клочке земли, мне указанном, прежде чем мне предоставили помещение; избранный, наконец, дом представил новое доказательство их осторожности. Это был дом для приема гостей, принадлежавший семье, все члены которой, за исключением одного сына, отсутствовали,— они отправились, по обычаю страны, принять участие в оплакивании умершего родственника семьи.

Имя этой семьи — Арслангаер; семья эта, хотя и небогатая, пользуется большим уважением, а мой настоящий хозяин — молодой человек, приблизительно 28 лет, чрезвычайно внимателен и мягкого обращения. Он почти ни на минуту не покидает меня и спит здесь ради большей безопасности моих вещей. Наша еда приносится из дома для семьи, и мой хозяин никогда не прикоснется к ней, пока я не кончу есть. Гостеприимство народ здесь, по-видимому, понимает, очень широко. Третьего дня вечером Гассан, мой спутник в путешествии, пришел навестить меня и провел здесь ночь. Вчера вечером у нас был дорогой гость, которого я принял почему-то за брата моего хозяина, но, как я сегодня утром обнаружил, последний об этом посетителе ничего не знает, хотя и предоставил ему приют и накормил. Вечером, в день моего приезда, мой хозяин, строгий мусульманин, спросил меня — пью ли я вино или водку. После того, как я дал отрицательный ответ, я заметил, что он отослал обратно кусок бумажной материи, принесенный им, несомненно, из дома семьи с целью обменять на вино.

Этот край представляет прекрасную нагорную страну, подобную Шотландии, и весь берег от Анапы до Сухум-Калэ, как мне говорили, имеет сходные черты: непрерывный ряд лесистых гор, с горными долинками, раскрывающимися то там, то здесь. В этой местности холмы приближаются к морю в виде отдельных кряжей, похожих на громадные непрерывные стены, но дальше, в других местах, горы принимают коническую форму или, лучше сказать, самые разнообразные формы. Почти все эти холмы до самых своих вершин покрыты лесами, преимущественно дубо-

выми; деревья сейчас распускают свои первые нежные листья. Горы состоят, насколько я могу судить на основании очень спешного и поверхностного исследования, из ломкого глинистого сланца; продукты разрушения горных пород заполнили глубину многочисленных лесистых ложбин и оврагов, глубоким слоем прекрасной почвы, о чем достаточно ясно говорят растущие там во множестве дубы. Узкая долина горного потока Субеш, на берегах которого я в настоящее время пребываю, кажется особенно богатой и прекрасно обработана. Деревья многочисленны, и самые крупные из них обвиты гирляндами громадных виноградных лоз; я слышал, что из винограда этих лоз многие жители приготовляют прекрасное вино и очень хорошую водку. Низкие холмы обрамляют долину и там, где земля не возделана, они покрыты плодовыми деревьями и чудесным ковром травы и диких цветов. В долине не видно домов; они ютятся группами в лесистых ложбинах выше, вследствие, вероятно, состояния войны, в котором так долго находится это побережье. На половине высоты одного из этих холмов и на расстоянии около 1,5 мили от берега стоит та хижина, которую я сейчас занимаю. Передо мною раскрывается с зеленой площадки перед домом восхитительный вид на холмы с обеих сторон, часть долины и дельту реки Субеш и расстилающееся вдали море. Коттедж, как и все другие по соседству, покрыт соломенной крышей, опирающейся на стены из крепких столбов, пространства между которыми заполнены плетнем, обмазанные внутри и снаружи глиной, покрытой тонким слоем белой или скорее бледно-зеленой водяной краской.

Пол также глиняный и тщательно выметен и поливается водой несколько раз в течение дня. В одном конце комнаты (дом состоит только из одной комнаты — с примыкающим хлевом) находится очаг,— это круглое, сделанное в полу, углубление; над ним помещена полукруглая труба, приблизительно в пять футов в диаметре — у основания, через которую выходит дым наружу. С одной стороны этого камина возвышается маленький диван, уютно уложенный подушками — для моего удобства; огонь непрерывно поддерживается большими дубовыми поленьями, что в настоящее время очень приятно, так как апрель — дождливый месяц, и в продолжение последних двух дней у нас были проливные дожди с буйным холодным ветром. Этим объясняется, почему я так много времени уделяю письмам.

Один из слуг — русский, захваченный в плен на одном из многих кораблей, которые попали в руки черкесов. Он входит свободно, наравне с другими в мое помещение, дверь которого держат открытой в течение всего дня для того, чтобы дать доступ свету, и также свободно вступает в разговор; он очень хвалит черкесов и, в особенности, эту семью и говорит, что он был бы совершенно счастлив, если бы у него только были деньги, чтобы приобрести жену.

Понедельник, 24 апреля 1837 г. Семья вернулась, и можно уже заметить изменение к лучшему в еде, хотя и раньше ничего нельзя было против нее возразить. Это объясняется более заботливой внимательностью со стороны женщин. Такая внимательность грозит стать для меня тягостной, если я не сумею найти хорошего применения для того коня, что всегда держат наготове для верховой езды. Новые порции—пасты и мяса (тушеного или жареного), пасты и козьего молока или хлеба из маиса с медом,—присылаются мне непрестанно и до пресыщения. Меня также навестила одна из дочерей, очень хорошенькая девушка, как мне сказали, приблизительно 16-ти лет, с большой чашкой мелких и грецких орехов. К несчастью меня не было дома в это время. Будем надеяться, что это посещение было совершенно бескорыстно, так как по совести я должен сказать, что накануне меня посетила дочь соседнего дворянина, которая здесь гостит (очень хорошая девушка, голова и грудь которой были в изобилии украшены галунами и другими серебряными украшениями); она тоже принесла чашку мелких и грецких орехов, и я подарил ей пару ножниц. Обе эти молодые девушки пламенно желают быть отправленными в Стамбул, чтобы испытать там свое счастье,— то, что мы называем быть проданными в рабство. Отец этой семьи, очень добрый старик, застал меня вчера вечером, после захода солнца, в долине, где я сбился с пути среди многочисленных маленьких холмов и тропинок, и привел меня домой.

Вскоре после этого он вошел в мой дом, сел рядом со мной и сказал: «Ты мой сын и этот дом уже больше не мой дом, а твой!»...

Среда, 26 апреля 1837 г. Моя комната, кажется, представляет время от времени излюбленное место свидания молодых леди из семьи моего хозяина и их гостей, всех привлекает мой музыкальный ящик и другие редкости, а также сладости. Тот или другой из старых джентльменов обычно сопровождает их.

По принятому обычаю в этой семье живут на полном содержании два мальчика — ради их хорошего воспитания. Один из них — сын дворянина, прибыл вчера, а другой, приблизительно девяти лет, возвращается вскоре домой, закончив, очевидно, свое образование: он скромен и услужлив, прекрасный наездник и, как говорят, один из лучших стрелков в долине...

Во время моей прогулки сегодня утром по склонам одного из холмов я видел там буйно растущие орешник, ежевику, дикую розу, душистый шиповник — сейчас в цвету — и густые заросли папоротника; короче говоря — не увидел ничего, что могло бы вызвать во мне изумление, как чуждое убранству наших собственных горных местностей в Англии, за исключением буйной роскоши растительности. Как говорят, климат здесь не отличается ни чрезмерной жарой, ни чрезмерным холодом. Собаки на черкесских усадьбах, по-видимому, совершенно однородной по-

роды с английскими в гористых местностях, и в одинаковой степени негостеприимны, но их хозяева неповинны в подобной угрюмости и неприветливости; так, например, крестьянин одной из этих усадеб, когда я попросил указать мне дорогу, прошел со мною большую часть моего пути. Это было кстати, что я совершил хорошую прогулку, так как возвращаясь, я узнал, что мои хозяева закололи козленка, а это помогло им приготовить настоящий завтрак, достойный горца. Я опишу этот завтрак подробно, как пример изобилия, которое наблюдается здесь, тем более, что я нахожусь в семье, по мнению других, только средней зажиточности.

Прежде всего была подана сладкая лепешка с молоком; затем на чистом деревяном подносе, на четырех ножках, обильная порция густой пасты; в середину этого блюда была вставлена деревянная чашка, наполненная соусом, приготовленным из молока, орехового масла и стручкового перца; между тем вокруг пасты (на подносе,— здесь нет тарелок) были разложены куски вареной молодой козлятины, из которых один из сыновей хозяина выбрал для меня самые лакомые. Потом появился большой кувшин с виноградным соком, что преподнесли мне, как незаменимое средство для пищеварения после употребления жирного мяса; затем последовала чашка молока, с примешанной к молоку пастой; я уже более, чем насытился, когда была сервирована большая миска прекрасного, приправленного бобами и пр., бульона из козлятины, который, я также вынужден был попробовать. После меня начали завтракать посторонний турок и мой слуга; после них — отец семейства, но прежде, чем приняться за еду, он протянул два больших куска своему русскому рабу, и затем сыновья унесли, что осталось, в свой дом, чтобы там позавтракать.

Вардана. Четверг, 27 апреля 1837 г. Вчера мой дневник приостановился в то время, когда меня известили о приходе Мейсурби из Киссы. Это очень благопристойного вида старик; когда я был ему представлен, он сказал мне, что если я пожелаю, он может завтра же утром прислать коней, чтобы отвезти меня, моего слугу и багаж на его усадьбу. Я поблагодарил его за это любезное приглашение и принял его, но условно — в зависимости от того, застанет или нет мой посланный Ахмета дома. Но старый джентльмен едва успел повернуться к нам спиной и выйти, как мне доложили о другом посетителе — о том черкесе, который сопровождал нашего соотечественника мистера Спенсера в продолжение всего его путешествия; его искренняя и приветливая манера держать себя и красивые приятные черты лица сразу расположили меня к нему. Он пришел, окруженный толпой своих приближенных и друзей, просить меня отправиться с ним в его дом...

...Когда мы были уже в нескольких милях от Вардана, Ахмет поскакал вперед для того, чтобы сделать приготовления

для моего приема*; и, когда мы въехали в его долину, такую же прекрасную, как и другие, один из его главных приближенных обернулся лицом ко мне и приветствовал меня на территории своего князя.

Долина Вардана окаймлена низкими холмами, в значительной мере обработанными и частично лесистыми; долина эта замкнута по направлению к востоку высокими, густо поросшими лесом, горами, из которых самая высокая еще покрыта снегом.

Термометр сегодня в полдень показывал 58°. Снова мне был отведен дом для приема гостей, и братские узы были заключены между мною и хозяином. Затем был подан обильный горячий ужин. Глиняные стены моего жилья еще совсем влажные, и я думаю, что постройка этого дома и было тем занятием, которое помешало моему знатному хозяину посетить меня.

Моя комната имеет в длину около 30 футов и в ширину — 12 футов, во всем остальном она однородна той, что я занимал в Субеш, за тем исключением, что крыша, кажется, непроницаема для воды и сама комната лучше оборудована,— имеет маленькое, хотя и без стекол, окно, которое можно закрывать ставней; диван расположен как раз поперек одной из стен комнаты, в непосредственной близости от очага. Стены над диваном покрыты циновками прекрасной работы. Вокруг комнаты, по ее стенам — ряд тесно расположенных деревянных колышков для того, чтобы вешать на них оружие гостей. На диване — одна из самых лучших циновок и снабжен он подушками, покрытыми темного цвета шелком, и моя постель, приготовленная на этом диване, оказалась прошлой ночью безукоризненной.

У меня был мягкий матрац, обшитый по краям бархатом, бархатные подушки, стеганое шелковое одеяло и, что лучше всего, чистые белые простыни. Остальная обстановка комнаты заключалась в скамье, поставленной поперек комнаты в ближайшем к выходу ее конце — для молодых людей и лиц низшего ранга; в то время, как циновка и подушки, разложенные вдоль стены, находящейся напротив двери, очага и окна, предназначались для старейших и лиц знатных.

Я был приятно изумлен, когда сегодня утром из небольшого сундучка достали красивый сервиз (две позолоченные ложечки представляли не последнее его украшение) и меня пригласили выпить чашку прекрасного чая, которым наш щедрый хозяин потчевал всех присутствующих такой широкой рукой, что его запас сахара вскоре истощился. К счастью в моей власти было пополнить этот недостаток, вызванный перерасходом. Чайный сервиз был найден на борту русского корабля, захваченного черкесами. Ахмет — состоятельный человек, в его хозяйстве не менее пятидесяти двух лиц. Это был главный комиссионер по

---

* Автор, очевидно, забыл упомянуть, что Ахмет присоединился к нему где-то в пути (прим. ред.).

найму судов для лорда Чарльза Спенсера, и его спекулятивные склонности, кажется, так же сильно в нем говорят, как и раньше.

Пятница, 28 апреля 1837 г. ...Сын моего хозяина — прекрасный, тихий мальчик двенадцати лет. Этот молодой дворянин и я стали большими друзьями, но все же мне не удалось убедить его сесть на диван рядом со мной, даже когда мы были с ним наедине,— настолько привито здесь уважение к старшим и чужестранцам! Меня поразило количество красивых людей среди собравшихся. Их отличительные черты — это высокий рост, широкая грудь, могучие плечи, узкие бедра, небольшая нога и пронзительные живые глаза. С полным основанием можно сказать, находясь здесь: «мужчина — это самое благородное творение, какое только дарит эта страна»...

После заката солнца и молитв нам подали мясное блюдо и пасту. Когда разговор стал уже замирать и мы дремали вокруг горячей золы и пламенеющих углей большого очага, мое внимание было привлечено чем то вроде музыки, доносившейся из далекого и затемненного конца комнаты. Это было пение мальчика лет четырех; этому пению вторил человек, который держал мальчика между своимим коленами. Каковы были слова этой песни, я не знал, но они взбудоражили всю остальную нашу большую компанию и вызвали взрывы смеха. За этим последовал своеобразный, но очень живой, увлекательный квартет мужских голосов. Временами это напоминало фугу, но мне все же никогда не приходилось слышать ничего подобного, в особенности что касается врывавшегося то и дело в пение аккомпанемента баса.

Когда это выступление закончилось, началось другое, значительно более продолжительное и еще более замечательное: высокий, долговязый сумрачного вида человек (свойственник хозяина), дремавший и гревшийся у самого огня, запел фальцетом и очень быстрым речитативом, и через каждое мгновение трое или четверо других, сидевших сзади в тени, присоединяли несколько красивых нот тенора или баса — будто вздымающиеся и падающие звуки органа. Эта долгая песня воспевала прелести необыкновенной красавицы из семьи Зазиоку и рассказывала о судьбе многочисленных, отвергнутых ею поклонников. Эта песня в большом ходу, хотя ее героиня теперь уже замужем.

Так протекал наш вечер, приблизительно, до половины одиннадцатого, когда подали обильный ужин, где не было недостатка в вине, а также и в водке (для тех, кто из-за религиозной совестливости предпочитал ее вину), и около полуночи были принесены и разложены на полу циновки и постельные принадлежности для Гассен-бея, восьми или десяти других вождей, между тем как они настояли на том, чтобы весь диван я оставил за собой. Никаких титулов здесь не употребляют при разговоре: даже подчиненные обращаются к своим вождям, называя их по имени..., но при этом никогда не нарушается закон совершенного уважения к старшим по возрасту или по рангу. Неизмен-

но, когда старейшина или даже владелец небольшой собственности входит в комнату, каждый делает движения, чтобы встать.

Если входит пожилой человек, они поднимаются и остаются стоять до тех пор, пока тот не сядет.

Я забыл упомянуть о замечательной чести, оказанной мне нашим хозяином вчера вечером. После молитв хозяин с несколькими свидетелями (между ними был мой переводчик), отправились к одной из прилегающих к дому построек, где Ахмет (хозяин дома. — *Ред.*) своей собственной рукой принес в жертву молодого быка, в знак скрепления братских уз между нами, и мне говорят, что я теперь должен считаться во всех отношениях одним из членов его семьи, которого они обязаны как такового почитать и защищать...

Суббота, 29 апреля 1837 г. ...Я хочу рассказать об одном очень характерном инциденте, который произошел за обедом: мне поднесли кубок вина и, когда я отклонил этот кубок, его передали старику-рабу в самых изодранных лохмотьях, стоявшему там и двое из сидевших за столом протянули ему в то же время часть той пищи, которую они ели; после этого ему подали второй кубок вина. Младший сын нашего хозяина обслуживает в доме для гостей (т. е. кунацкой.— *Ред.*) всех, кто занят едой — как вождей, так и подчиненных. Раб, как мне говорили, не может быть продан без его собственного согласия, и если господин плохо с ним обращается, раб может оставить его и выбрать себе другого. Рабы здесь считают удачей для себя быть проданными туркам, в особенности из Константинополя, на который, разумеется, здесь смотрят, как на великий город. Этим объясняется такое сильное стремление, наблюдаемое в особенности среди женщин, быть отправленными в Константинополь, чтобы испытать там свою счастливую судьбу.

Письмо третье

Вторник, 2 мая 1837 г. ...Дом для семьи здесь находится на очень близком расстоянии от предназначенного для гостей — только легкая плетеная перегородка разделяет их. До сих пор я видел черкесских леди мельком и случайно. Но мне прислали образец их в лице дочери Гассана, живой четырехлетней девочки, очень нарядно одетой, с тюрбаном из кисеи оранжевого цвета на голове, в шароварах и жилетке с выпущенными широкими рукавами из белой материи, ярко расшитыми шелком и золотыми нитками.

Гассан рассказал мне, что его семья родом из Турции, и он не имеет притязаний на то, чтобы его причисляли к местным знатным людям, или вождям, хотя по своему имущественному состоянию он может поспорить с большинством из них. Я заметил по некоторым признакам, что состояние это у него основа-

тельное. Вчера вечером нас угостили чаем с рафинированным сахаром в фарфоровом сервизе с позолотой, при этом кипяток мы получали из красивого медного сосуда, в форме вазы, с краном. Затем последовал изобильный ужин прекрасной турецкой кухни; украшением служили красивые ножи с рукоятками из слоновой кости, а также массивные подсвечники с накладным серебром. Привлекательности ужина также содействовало весьма недурное местное вино и еще лучшего качества водка,— как то, так и другое лилось рекой среди многочисленных гостей. Между тем, в ответ на кое-какие подарки, сделанные ему и его жене, он заставил меня взять пороховой рог для запала и ящик для патронов, который подвешивается десятью массивными цепочками и обит резным чеканным позолоченным серебром; при этом он просил меня снова вернуться к нему и провести столько времени в его доме в Кисса, сколько мне захотелось бы, обещая, что я найду этот дом более удобным, чем тот, в котором он сейчас помещается. И действительно здешний дом плохо вяжется с тем, о чем я только что упоминал: это очень скромная хижина, с соломенной крышей и стенами из плетня, обмазанного глиной. Гассан показал мне седло, покрытое русской кожей, с чеканными серебряными украшениями, и уздечку, так же ярко разукрашенную; все это составляло один из пятнадцати подобных наборов, которые, вместе с таким же числом лошадей, он собирается подарить вождю азров, чей сын привел ему грузинского коня и пятнадцать рабов.

Субеш. Четверг, 4 мая 1837 г., вечером. Ахамиш Хаджи Али, утонченной внешности старик, только что прибыл, чтобы выразить мне свое уважение. Слуги, как обычно, подбежали к нему, чтобы освободить его от оружия. Когда он вошел, я встал, и мы пожали друг другу руки; и затем знаком я пригласил его сесть на диван, напротив очага, и показал ему пример, садясь первым. Судя по отсутствию серебряной расшивки на его верхней одежде, я подумал, что он, быть может, не принадлежит к дворянскому роду и что это и послужило причиной его колебания и нерасположения принять мое приглашение сесть; с другой стороны я объяснил это обычаем, который предоставляет мне право, как иностранцу, сесть первому. Как бы то ни было, но я в данном случае нарушил правила приличия, или поведения,— хотя я и являюсь более важным посторонним человеком, чем старик, все же этого недостаточно было с моей стороны, чтобы указать ему место приглашая его сесть, и самому сесть первому, но я обязан был стоять, пока он займет это место — дань уважения, которую оказывают здесь всем старым людям, каково бы ни было их общественное положение...

Джубге. Понедельник, 8 мая 1837 г. После ужина, за которым мы засиделись, окруженные целым сборищем людей, прислуживающих нам, а также зрителей, я начал размышлять о том, как провести остаток вечера, когда я к своему удовольст-

вию увидел, что образуется круг, чтобы начать увеселение. Прежде всего началось равномерное хлопанье в ладоши; затем прозвучало несколько низких нот, которые постепенно перешли в оживленный мотив, исполнявшийся почти всеми стоявшими вокруг, и, наконец, один из них, самого дикого вида, в длинном изорванном кафтане, в охватившем его порыве смелости, выступил на открытое пространство вблизи костров и начал свой танец. Пение, становившееся все громче и громче, все более яростное хлопанье в ладоши, в соединении с выкрикиваниями и взвизгиванием, вскоре привели танцора в такое возбуждение, что его быстроте, ловкости и причудливым вывертам позавидовал бы самый знаменитый европейский танцор; многие из фигур его танца были неплохие, но главное — это прыжки, стоя на самых кончиках пальцев ног, и кружение вокруг своей собственной оси с необычайной быстротой. В конце одного из таких пируэтов танцор упал ничком на траву и, издавая странные звуки, подобные звукам чревовещания, начал жалобно стонать, как будто бы ему уже недолго оставалось жить. Мне не нужно пытаться изобразить последовавшую сцену шутовства, выполненную им очень удачно,— я не сомневаюсь, что его экспромты, вызывавшие взрывы смеха вокруг, составляли лучшую часть его выступлений. Но его подражания мяуканью кошки, лаю собак и т. д. были превосходны в своем роде; он воспользовался привилегией шутов, когда, приблизясь к шалашам, он обратился к знатным людям с речами, возбуждавшими большое веселье, которое еще более усилилось, когда он наградил своего господина Али, чьим рабом он является, двумя, тремя хорошими ударами палкой по плечам...

Проехав около одной мили вверх по горной долине, мы свернули немного вправо и у подножья низкого лесистого холма увидели многочисленные жилища, принадлежавшие семейству Зизи-оку и расположенные в пределах обширного, хорошо огороженного пространства; при въезде в него нам салютовали двумя выстрелами из пушек. Дом для гостей превосходит все, какие я только видел до сих пор; старший брат Махмет принял меня со всей сердечностью и обратился ко мне с выражениями изысканной вежливости, между которыми было следующее: «Отныне будет считаться, что у нас был один отец и одна мать», с чем я согласился, но с некоторой мысленной оговоркой. В то же время Махмет попросил меня поменяться верхней одеждой с ним для того, чтобы я стал более походить на черкеса, и таким образом он втиснул свои широкие мускулистые плечи в мой изящный сюртук, между тем как я блаженствовал, чувствуя себя совершенно свободно в широком одеянии из сукна коричневого цвета, отделанном серебряными галунами по бортам и краям рукавов, с нашитыми на груди маленькими карманчиками для гильз.

По другую сторону рощи, как и в других подобных местно-

стях по этим берегам, я видел поставленные деревянные кресты; они различной формы: иногда поперечная часть расположена поверху другой, вертикальной, в других случаях — значительно ниже. Как те, так и другие украшены, в большей или меньшей степени, резьбой. Судя по словам членов семьи Махмета, поклонение этим крестам было раньше очень распространено, и к ним стекалось множество людей, но в последнее время культ этот почти прекратился — проявления этих обрядов стали очень редкими, и многие не только не одобряют этот культ, но и высмеивают его.

Письмо четвертое

Пятница, 12 мая 1837 г. По всей Черкесии, как мы говорили, имеются братства и обширные союзы, или объединения таких небольших братств. Главная особенность этих братств заключается в том, что входящие в братство обязываются взаимно защищать друг друга и участвовать в выплате штрафа, налагаемого на тех, кто совершит убийство или другое преступление, но так поступают только в том случае, если преступление совершается в первый раз или два раза; если же проступок снова повторяется, то все общество берет на себя обязанность наказать виновного и иногда предает его смерти. Братство обязано также помогать каждому из своих участников, если он попадет в трудные материальные условия. Путешествуя, они входят в дом друг к другу так свободно, как будто бы они были действительно братьями. Участник братства не может жениться на дочери кого-либо из своих «братьев», сотоварищей по объединению, и братство особенно следит за тем, чтобы ни один брат не обесчестил себя женитьбой ниже своего положения — в какой бы то ни было стране, так как имеются братства людей знатных, или дворян разного ранга, свободных, но есть и братства, куда входят и рабы. Каждому братству присвоено особое имя, или название.

Семья Индар-оку поклоняется кресту, и рассказ о том, как выражается это поклонение, который мой слуга слышал от местного русского раба, очень отличается от рассказа о том же Мехмета, который, вероятно, придал своему описанию окраску своих религиозных убеждений. Русский говорит, что поклонение кресту происходит по воскресеньям, но не каждого месяца, а через месяц и что, если мы останемся до следующего воскресенья, то сможем увидеть, как старый Индар-оку и его семья со многими другими черкесами спускаются на берег бухты к кресту, чтобы поклониться ему. Обряд, как мне говорили, заключается в следующем: собравшиеся становятся на колени на небольшом расстоянии, напротив креста и произносят свои молитвы, после чего два старика приближаются к кресту, неся в руках

хлеб или «пасту» и сосуд с перебродившим напитком, называемым «шуат», или «базэ»; они молятся о том, чтобы благословение снизошло на хлеб и напиток, а затем все это распределяется между присутствующими. Если представится удобный случай, я постараюсь получить более точные сведения по этому поводу.

Мой слуга Лука постоянно выражает восклицаниями свое крайнее изумление, встречая повсюду так много русских и поляков. В усадьбе Индар-оку находятся трое или четверо русских.

Сейчас мое внимание привлекла живая, прекрасная гнедая лошадка, привязанная к дереву, и я пошел посмотреть на нее поближе и узнать, что она может стоить. Лошадке шесть лет, а мне предложили ее за 500 пиастр (немного меньше 5 фунтов), и, если существует некоторая аналогия между барышничеством лошадьми здесь и в Англии, то, разумеется, лошадь может быть приобретена за сумму значительно меньшую, чем та, что с меня спросили.

Письмо пятое

Цемес. 18 мая 1837 г. Тот человек, что был ранен на Абине, как я писал, принадлежит к старинному греческому роду; кажется, он очень хороший мастер по седельному делу и помогает своим искусством моему хозяину, но для меня интереснее то открытие, что он один из лучших музыкантов в окружающей местности. Это я узнал по его игре на своем незатейливом инструменте, своего рода маленькой скрипке; размером этот инструмент почти со скрипку танцевального скрипача; верхняя доска почти плоская; задняя — полукруглая и просмоленная для того, чтобы править смычек; эта скрипка имеет только две струны из конского волоса, на колышках и мостике, как и на наших; смычок почти в виде арки, или лука, струны натянуты слабо и подтягиваются рукой игрока, когда необходимо; основание инструмента опирается, как у виолончели, в пол или землю, причем скрипач сидит на полу или земле (так как здесь нет стульев) и, играя, повертывает инструмент (у которого нет выемки посередине) для лучшего исполнения вариаций; он перебирал пальцами и вибрировал так же, как и мы, и с такими слабыми средствами он, однако, захватил меня и возбудил к своей игре живой интерес, в особенности одной шумной мелодичной арией, которая показалась мне очень похожей на военную музыку «сбора», но ни одна военная ария горцев Шотландии, с ее неправильным темпом и вариациями, которую мне только приходилось слышать, не может сравниться по красоте с этой музыкой. Затем последовала несколько монотонная и жалобная мелодия с аккомпанементом голоса; это была элегия в честь Али-бея, недавно убитого в бою. Старый Шамуз, сидевший ря-

дом с музыкантом, облокотясь спиной на стенку, присоединился к пению, и вскоре по его смуглым щекам потекли крупные слезы. Здесь существует непререкаемое соглашение — не оплакивать тех, кто пал в бою за свою родину, но в некоторых случаях «природа берет свое».

Прошлую ночь младший сын моего хозяина, десяти лет, провел в горах, где он стерег лошадей: это составляет как бы предмет воспитания, так как здесь, кажется, много слуг. Мальчик был уже на войне так же, как и его брат, четырнадцати лет... Оба сына находятся здесь со своими аталыками, и они, кажется, без всяких ограничений (как некоторые утверждали) пользуются правом входить в дом своего отца, но они никогда не садятся в его присутствии и, если едят, то только повернувшись к нему спиной и уткнув голову в один из углов комнаты. Время от времени кто-либо из гостей или других присутствующих протягивает им кусок какого-либо печенья или пирога, то они всегда едят, как я описал; и, если мальчик, получивший кусок пирога, держит зажженный факел из расщепленного елового или соснового дерева, то другой освобождает его от факела, чтобы он мог пойти в угол и поесть. Этот обычай, по-видимому, связан с другим установленным правилом, ни хозяин, ни кто-либо из его домашних не должен есть в присутствии посторонних, причем хозяин остается стоять...

Агсмуг. Понедельник, 22 мая 1837 г. Наш вчерашний путь, хотя и длившийся только от четырех до пяти часов, дал нам чрезвычайно много интересного и прекрасного. Мы пересекли горную долину по диагонали в направлении на север и затем поднялись на один из холмов замыкающего ее горного ряда; с вершины этого холма открывался необыкновенный вид на долину, горы и круто вздымавшийся мыс Ачимша. Поднимаясь к покрытой травой верхушке, мы проехали мимо большого стада быков, пасшегося там; и здесь наш греческий черкес, нога которого была ранена (невозможно было заставить его поберечь свою ногу и остаться дома), а также сын моего старого хозяина, чтобы скрасить время долгой езды, затянули одну из своих песен, которые они обычно поют в пути; эта песня, подобна песням гребцов, состоит из двух перемежающихся партий — их поют поочередно: одна представляла нечто вроде шумного речитатива, другая — хоральной фуги. Боюсь, что из-за своего незнания музыкальных терминов, я смогу дать только слабое представление о музыке, которую я нашел полной новизны, романтизма и чрезвычайно мелодичной. Поднявшись на гору, мы увидели небольшую горную долину, замкнутую покрытыми лесом горами; по склону одной из них мы спустились по очень узкой пешеходной тропинке, совершенно скрытой под сводами больших деревьев. Эта долина казалась хорошо обработанной, а ограды из плетня, обмазанного глиной, выглядели основательными и красивыми.

Мы расположились на отдых на краю прекрасного пастбища, среди больших стад коз и овец (многие из последних черные), ожидая, когда прибудет остальная часть нашей компании: я забыл сказать, что наша группа выросла и обратилась в довольно значительную, вследствие присоединения различных старейшин — вождей и их приближенных.

За этой долиной мы стали подниматься, проезжая не густым лесом, среди которого встречались жилища с роскошными хлебными полями; хлебные посевы на некоторых из них, так же как и в Сунджуке, достигают, я уверен, шести футов высоты; теперь поля в полном цвету. Затем начались подъемы и спуски, на протяжении которых не встречалось ничего замечательного, исключая, правда, подробностей, связанных с земледелием: оно было здесь таким общим делом, и поля были так чисты от сорных трав и хорошо огорожены, что я мог бы подумать (если бы не было много другого, что мешало этому впечатлению), что нахожусь в одном из наиболее культивированных районов Иоркшира. Один участок, засеянный льном, тщательно пололи пять женщин, с лицами, покрытыми чадрой. Мы проезжали среди этой богатой, прекрасной природы (черные и блестящие глаза молодых женщин и девушек, выглядывавших из-за углов хижин и тотчас же прятавшихся, как только я поворачивался в их сторону, представляли немалую прелесть в общей картине) и, спускаясь чудесным лесом из дубов и кленов, выехали на открытую часть горы; с ее вершины открывался по направлению к северу великолепный вид; у наших ног громоздились холмы с множеством полей, постепенно уменьшаясь в высоте и, наконец, сливаясь почти с ровным обширным пространством, ограниченным только горизонтом. Там находится, как мне сказали, Кубань. В то время, как я старался открыть ее вдали, мое внимание было привлечено приближающейся с левой стороны группой всадников,— я видел издали, как они ехали, гарцуя по гребню соседней горы. Как только они подъехали на расстояние нескольких шагов от нас, они спешились и приветствовали меня... Самый замечательный из них, на мой взгляд, был среднего возраста человек, с очень приятными чертами лица; это был первый человек, на котором я увидел кольчугу—с пластинами полированной стали на спине и сзади рук. Мехмет-эфенди поспешил осведомить меня, что это мулла; еще раньше он говорил мне, что муллы в Черкесии не только побуждают других браться за оружие и идти в битву, но и сами дают этому пример. Стоило мне, по словам Мехмета-эфенди, обратиться к жителям его края, и они все подтвердят, что никогда еще этому мулле не случалось отсутствовать на поле битвы, не то что турецкие муллы, которые проповедуют другим блаженство мученичества, но сами избегают ему подвергаться. После того, как мы обменялись приветствиями, мы все вместе двинулись вперед, составляя теперь отряд в 40—50 всадников. После небольшого спуска

мы снова оказались среди деревьев и полей и вскоре у селения. красиво и уютно расположенного с его маисовыми полями у подножья двух холмов. Как только наш авангард подъехал к изгороди поселка, были даны с нашей стороны один или два выстрела; в ответ раздались выстрелы со стороны усадьбы, затем среди криков людей и топота лошадей последовали другие и, если бы я был менее знаком с обычаями этой страны, я мог бы предположить, что происходит схватка с неприятелем, но, к счастью для моих нервов (здешние люди должны иметь крепкие нервы), я знал, что стрельба знаменовала наш приезд на ночлег, в резиденцию моего друга красивого старого Чуруга — крупного купца и вместе с тем храброго воина. Вожди и другие спешились во дворе, но что касается меня, то я должен был доехать до двери дома, предназначенного для приема гостей, где мой крепкого сложения хозяин, улыбаясь, встретил меня и повел в небольшое, но прекрасно обставленное помещение; кроме богатой обивки дивана, здесь висел яркий турецкий ковер, занимая всю стену, у которой стоит диван...

Вторник, 23 мая 1837 года. Я имел намерение представить перед вашим взором картину нашего вчерашнего обильного и разнообразного ужина, но с той поры я наблюдал еще большие чудеса в этом роде и поэтму я расскажу вам лучше о нашем френологического свойства развлечении.

Мой слуга имеет непреодолимое влечение к этой науке, и так как он убедил меня испытать мое искусство в одном или двух случаях, то слава об этой замечательной науке путешествовала с тех пор вместе с нами повсюду, и я вынужден время от времени удовлетворять любопытство кого-либо из тех, кто хотел узнать свои прирожденные свойства. Но вчера вечером мне не пришлось, с моими скудными познаниями в этой области, бродить в потемках, так как его преосвященство Мехмет-эфенди, который не прочь посмеяться, решил сыграть шутку над моим хозяином и другим пожилым джентльменом, живущим в этом селении. Он сообщил мне заранее сведения о характере обоих: первый был неравнодушен к прекрасному полу, а другой — проводил много времени, выполняя искусные, тонкие работы из серебра. Затем Мехмет-эфенди, обращаясь ко мне, громогласно попросил меня высказать свое необыкновенное искусство по отношению этих двух лиц, а наш жизнерадостный хозяин, после некоторого колебания и смущения, выступил вперед с таким, озаренным сияющей улыбкой, красивым лицом, при взгляде на которое, как мне казалось, даже у самых молодых женщин должны были растаять сердца, и добродушно уселся на корточках на циновке передо мною. Его яркий тюрбан был снят (обычная баранья шапка ведь плохо гармонировала бы с чертами его лица или пристрастием к женскому полу); и когда я закончил перечислять все особенности его нрава и ума, я сказал о его главном свойстве, стараясь изобразить, насколь-

ко возможно естественнее, свое недоумение по этому поводу, что вызвало взрыв искреннего долгого смеха по его адресу, в чем он сам от души принял участие. Что касается другого, то я должен сказать, что он очень хорошо починил мой музыкальный ящик, сломанный в доме одной семьи — на юге, хотя я и мало надеялся на то, чтобы можно было починить этот ящичек в Черкесии.

Наш сегодняшний обед или вернее обеды совершенно затмили наш вчерашний ужин. Кроме Чуруга здесь есть еще более молодой черкес по имени Хатуг-Усук; он живет в этом селении и вместе с другими принимает участие в торговых делах, а его жена полагает, вероятно, что и она должна блеснуть своими приготовлениями. Поэтому мы должны были принимать участие в двух обедах с промежутком только приблизительно в полчаса, и каких двух обедах! Я пытался в течение некоторого времени вести счет блюдам, но потерял им счет, и мой слуга говорил мне после, что я видел только часть их, так как многие блюда задержали и не подали, когда убедились, что мы не с достаточным аппетитом ели некоторые из них; слуга мой утверждает, что он видел ряды блюд, расставленных будто в боевом порядке и что один обед состоял из сорока двух, а другой из сорока пяти блюд. Я удивляюсь, что наша хозяйка не постаралась получить более правильные сведения о количестве блюд, которые другая намеревалась приготовить. Мне казалось, я заметил торжествующую улыбку на лицах расторопных слуг в то время, как они переглянулись между собой, видя, что мы были побеждены обедом и только ради приличия прикасались к тому или другому из их самых избранных приготовлений, так как уже не в состоянии были отдать им честь. Большинство блюд состояли из пирогов, начиненных мясом, творога и меда, превращенных, после всевозможных терзаний, которым они подвергались, в различного вида кушанья.

Адагум. Четверг, 25 мая 1837 г. Я имел случай наблюдать, что здесь, как и повсюду, соблюдаются различия общественного положения,— все знатные лица имеют свои места на совещаниях, а также за столом во время трапез, которые всегда предупредительно им указываются и уступаются...

Письмо шестое

Анихур. Среда, 31 мая 1837 г. На нашем пути мы встретили одного вождя, одетого в кольчугу; этот вождь, с внешностью самой воинственной, и его свита спешилась, чтобы приветствовать нас (о нем я расскажу подробнее дальше), и вскоре к нам присоединился молодой человек, которого я еще раньше отме-

тил как выделяющегося, даже среди своих соотечественников, своим могучим сложением и вместе с тем гибкостью и живостью... Этот молодой человек показал перед нами, кроме замечательного искусства управлять лошадью и уменья на всем скаку вынуть ружье из чехла, поднять курок и выстрелить в шапку, брошенную на землю, еще и другое проявление ловкости, которое мне еще не приходилось ранее видеть, а именно, выпрыгнуть из седла на землю и почти в то же мгновение зарядить ружье и выхватить саблю из ножен.

Среда, 7 июня 1837 г. Вечером, в то время как наши спутники и некоторые из обитателей селения расположились на нашей лужайке, появились две двухструнные скрипки и из восьми или девяти человек, там находившихся, четверо, как мы убедились, могли играть на скрипке очень хорошо. По-видимому, почти в каждом доме для приема гостей имеется своя скрипка...

...Не так давно князь Пшемаф получил двести голов рогатого скота как возмещение штрафа за убийство его прадеда. Братства, или же общества, о которых я говорил ранее, по-видимому, сильно содействовали в последнее время введению системы штрафов взамен закона «кровь за кровь»...

Верхний Пшад. Вторник, 16 июня 1837 г. ...Между прочим, несколько слов о пчелиных роях: случайно я увидел рой пчел вокруг улья и, приблизясь к этому улью, я оказался на пасеке — большом овальном пространстве, обнесенном плетнем; на этом участке было заключено не менее семидесяти семи ульев, между тем как большое количество ульев было приготовлено для новых роев. Ульи эти сделаны из ивовых прутьев, покрыты слоем глины, затвердевшим на солнце. Мне говорили, что мед достают, не избивая пчел.

Письмо седьмое

Цемес. Среда, 21 июня 1837 г. Вчера мы отправились вместе с другими обитателями этой усадьбы — мужчинами — на похороны, которые должны были происходить на одном из хуторов по дороге в Анапу, но вся та часть церемонии, свидетелями и участниками которой мы были, состояла в истреблении продуктов дюжиной отдельных групп, расположившихся на траве под деревьями у небольшого холма. Самая многочисленная группа состояла из женщин; голова и плечи каждой из них (как это принято у турок) были покрыты белыми вуалями; к тому же они находились на слишком почтительном от нас расстоянии, чтобы мы могли рассмотреть их или увидеть, чем они заняты. В продолжение пиршества двое или трое всадников ездили на своих конях, чтобы следить — хорошо ли обслуживают гостей.

На одном из наших столов* находилась превосходного качества задняя часть баранины, что всегда предназначается черкесами тем, кому они считают своим счастьем выказать уважение. Бараны здесь обыкновенно представляют породу с курдюками, и жир этого большого разрастания имеет чрезвычайно тонкий вкус. Лица, посторонние семье, не приглашаются на эти пиршества, но в назначенный день все соседи (и даже прохожие) идут туда, при этом само собою разумеется, что в благодарность за угощение они помолятся за успокоение души умершего. Скачки и стрельба в цель, в особенности на погребении какого-нибудь вождя, составляют обыкновенно часть церемонии...

Среда. 28 июня 1837 г. ...В продолжение этой последней недели мы были почти совершенно предоставлены самим себе: наш хозяин отсутствовал, а князь Пшемаф, живущий здесь, и все остальные мужчины отправились с нашего одобрения на свадьбу — неподалеку отсюда. Общественное положение жениха и невесты считали недостаточно высоким для того, чтобы нам принять приглашение присутствовать на свадьбе, и поэтому мы послали нашего представителя в лице моего верного грузина Луки, и он, захватив с собой небольшой подарок для невесты, отправился на торжество, но случилось так, что Лука изменил назначение подарка и пожаловал его другой, еще более прекрасной девице, которая высказала явное расположение к нему. Песни, пляска мужчин и женщин, скачки, стрельба в цель и игра в чурки — вот развлечения, которым предавались на этой свадьбе. Мой Лука утверждает, что он одержал победу над своей красавицей благодаря своей ловкости и отваге, проявленным во время последних упражнений, но я полагаю, что он обязан своей победой серебряным цепочкам своего патронташа, медным ножнам его сабли и английскому двухствольному пистолету, который я одолжил ему для этого торжественного случая. Но Лука отвергает мое предположение и уверяет, что решительно все девицы здесь ценят доблесть больше богатства,— он не только слышал об этом, но и сам наблюдал множество тому доказательств; между тем, по его словам, и песни, которые они все слушали с таким наслаждением, были также посвящены прославлению доблести. Как бы то ни было, но отец молодой девицы в прошлую субботу приходил сюда, чтобы привести Луку к себе в дом, повидаться с его дочерью (говоря вскользь — он довольно красив). Они обедали вместе, и за их столиком никого кроме них не было, и она продолжала уверять его в своей преданности и снова выражала свою готовность сопровождать его в Константинополь. Лука в полном восхищении от одержанной

---

* Черкесский «стол» равносилен нашему блюду; каждый столик (чаша или поднос на ножках) убирают, как только с кушаньем, поданным на нем, расправятся (прим. автора).

им победы; его приводило также в восторг то открытие, что здесь наблюдается несравненно большая свобода нравов и обращения, чем у турок, среди которых он провел большую часть своей жизни и только последние шесть лет не вращался между ними.

Один из окрестных жителей два раза приносил нам блюдо белых тутовых ягод, мне доставило большое удовольствие увидеть эти ягоды, так как я считаю, что в этом кроется один из источников богатства в будущем для этой страны — в разведении шелковичных червей; эти ягоды доказывали, что тутовое дерево, или шелковица — прирожденное местное дерево, и для обитателей многих горных местностей не может быть занятия более выгодного, чем разведение этой культуры. Я отправился осмотреть тутовое дерево, находившееся неподалеку — оно оказалось очень больших размеров... В этой местности растет немного тутовых деревьев и совсем нет шелковичных червей. Но, однако, в Пшате, Туапсе и повсюду по направлению к югу шелк уже производится...

Письмо восьмое

Цемес. 1 июля 1837 г. Здесь находился в течение нескольких дней Хаджи Измаил, судья Адагума, и у нас с ним было много интересных бесед: это человек хотя и не очень глубокого, но живого, деятельного ума. Согласно его словам, приблизительно шестьдесят лет тому назад в этой стране были введены некоторые общие религиозные установления и некоторый общественный порядок. До этого времени внутренние раздоры и войны господствовали повсюду и беспрерывно. Единственное подобие религии заключалось в нескольких незначительных обрядах, которые выполнялись перед крестом. Говоря о настоящей черкесской религиозной системе, он ссылался на четыре книги, как на основу системы, а именно: первое — библия или, насколько я мог понять, часть Ветхого завета; второе — псалмы Давида; третье — произведения евангелистов; четвертое — Коран. Но он утверждал, что откровения Магомета, как полученные непосредственно от самого бога, заслуживают большего преклонения, чем откровения Христа, пришедшие от архангела Михаила. Мы не возражали против его положений (прозелитизм не входит в нашу миссию) и даже признали, что Корану можно воздать похвалу за правила нравственности и нравоучения, рассеянные по всем его страницам, а Магомета похвалить за то, что он ввел здесь лучшую религию, чем то жалкое извращение христианства, которое преобладало здесь. Это настолько придало ему храбрости, что он попытался выдвинуть другое соображение, а именно: знания, которые дает Коран, вполне достаточны и нет необходимости ни в каких других книгах. Так

как это представляло поле менее опасное для атаки, то мы напали здесь на Хаджи и заставили его отступить...

Хаджи Измаил привел нам затем примеры равенства, к которому стремятся низшие слои населения в согласии с установлениями Корана; так, они возвели свои штрафы до пределов штрафов, принятых для дворян, а именно: двести голов быков за убийство, двадцать четыре за обольщение и т. д. Но я был огорчен, когда узнал, что этот воинственный черкесский народ не возвысился еще до истинного значения более нежного пола, так как штраф, налагаемый за убийство женщины, который ввиду ее беззащитности должен был бы, несомненно, превосходить штраф за убийство мужчины, назначен вдвое меньшего размера!

Я узнал о некоторых, новых для меня, установлениях среди братств, а именно: после смерти одного из членов братства его вдова, представляющая собственность братства, как приобретенная на средства одного из его членов, отдается в жены, без всякого выкупа, другому члену братства при том условии, чтобы он взял на себя заботу об ее детях, если они у нее имеются, но если она слишком стара для замужества, общество обязано поддерживать ее. Если женщина — вдова получит разрешение вступить в брак с кем-либо из другого братства, она должна расстаться со своими детьми, и они остаются в братстве своего отца.

Шамуз недавно отпустил на волю одного из немногих оставшихся у него рабов вместе со всей его семьей. Такие поступки милосердия часто здесь наблюдаются, это делают «ради души»— по принятому здесь выражению... Шамуз дал свободу также и его отцу, теперь покойному, за его долгие годы верной службы. Рабства, как мы понимаем это слово, здесь не существует, и не этот термин следовало бы употреблять, говоря об условиях, в каких находятся низший класс в Черкесии. Если человека подобного общественного положения передают от одного землевладельца другому, то последний за право пользования его трудом должен заплатить скотом или другим имуществом, стоимостью, в настоящее время от 15 до 20 фунтов стерлингов, но такая передача не может состояться без согласия слуги, причем он получает убежище, содержание, одежду и ежегодно какой-либо подарок за его службу; если он пожелает жениться, его хозяин должен заплатить выкуп за его возлюбленную; между тем, что касается детей, то мальчики остаются слугами хозяина. Когда же девушка выходит замуж, деньги, заплаченные за нее, делятся между хозяином и ее отцом. Если хозяин ударит работника-раба или проявит свое дурное с ним обращение другим поступком, то слуга имеет право настаивать на том, чтобы его продали другому хозяину; он имел право также купить себе свободу, что оценивается в настоящее время приблизительно в тридцать быков. Штрафы за проступки слуги должны уплачиваться хозяином, — так, наш хозяин заплатил

недавно двести быков за убийство, совершенное одним из его крепостных, и в настоящее время он должен заплатить шестьдесят быков за того же человека, так как он бежал в Россию с женой другого.

Эти люди обрабатывают землю, ходят за лошадьми и скотом и прислуживают в домах для приема гостей, но рубить дрова и носить воду, что считается более низким трудом, предоставляется обыкновенно русским пленникам. Черкесского крепостного хозяин не может принудить идти на войну, и во время поездки считается более достойным брать с собою свободного человека, а не подневольного.

Я упоминал уже о низкой цене русских пленников. Когда происходит обмен пленников, тот, у кого есть родственник в плену, которого он хотел бы выкупить, приобретает русского раба для обмена. Пользование землей здесь, кажется, самого первобытного свойства: ни у кого, кажется, среди этого простодушного народа никогда не явилась мысль назвать своей землю за пределами того участка, который он с пользой может занять — по существу не больше того, что он огородил для непосредственной обработки. Пастбища — общие с соседями и редко огораживаются. Каждый, кто найдет незанятую землю, может осесть на ней и тотчас же огородить. Земля, по существу, считается национальной собственностью, и пользование землей — это только временное право данного лица на владение известным участком; за пользование ничего не платят никаким властям.

Единственный случай нарушения обычного права пользования землей, о котором я слышал, заключался в следующем: один богатый человек снабдил средствами, необходимыми для обработки земли, более бедного, и затем продукты делились между ними поровну.

Общественное мнение и установленные обычаи — вот что, кажется, является высшим законом в этой стране; в общем, я могу только поражаться тем порядком, который может проистекать из такого положения дел. Случаются насильственные жестокие поступки и явные преступления, но все это является, главным образом, результатом ссор или их последствий и происходит сравнительно редко. Немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью — всем тем, что отличает этот народ в его повседневных взаимных сношениях. Если общий уровень бытовых условий здесь и невысок, то, по крайней мере, его стараются достичь и большинство достигает. Крайности роскоши и нищеты, изысканности и презренного существования в одинаковой степени здесь неизвестны.

Ячмень, овес и рис, посеянные осенью, уже десять дней тому назад были готовы для серпа, в особенности ячмень, и пора жатвы для этих злаков, наконец, настала. Пшеница (мне случи-

лось видеть только одно поле под этим хлебом), маис, просо— посеяны только весной и я думаю, что маис и просо созреют не ранее, как через месяц.

Какими бы правами и властью ни обладал прежде древний род Басти-Ку Пшемафа, князя этого края, я не вижу никакого намека на подобные прерогативы, кроме, впрочем, почетного места за столом или на диване. На советах этот князь, а также другие равного с ним положения, если только они сами не старые люди, всегда уступают первенство тем, кто старше, а также тем, кто может выступить во время общих обсуждений.

Среда, 5 июля 1837 г. Вчера, по приглашению, полученному десять дней тому назад, мы отправились на свадьбу, или скорее помолвку сына одного из соседних богатых купцов. Этот хутор находится в центре долины, но данная пирушка происходила в небольшом ущелье, неподалеку от нашей усадьбы, вероятно, по тем соображениям, что устроенное на открытом месте празднество способно было привлечь гораздо больше гостей, чем могли позволить запасы продуктов. Мы отправились туда — леди и все прочие (но не вместе) между девятью и десятью часами, и к этому времени там уже собралось большое общество, причем мужчины и женщины с увлечением танцевали, образуя обширный тесно сплоченный круг. Но в этом развлечении, как я должен с сожалением сказать, черкесы, насколько я мог до сих пор наблюдать, не выказывают большой изобретательности или красоты движений. Круг состоял из мужчин и молодых девушек; каждый мужчина держал как бы под руки девушек, между которыми он находился, переплетая с ними пальцы. Распорядитель танцев, с длинной палкой в руке — для поддержания порядка — музыканты и другие мужчины, из которых некоторые присоединяли свой низкий голос как аккомпанемент к музыке, все они помещались в середине круга. Инструментами служили род флейты с тремя отверстиями для пальцев и двухструнная скрипка, которую я уже ранее описывал. Что касается танца, то он состоял только из ритмических движений тела назад и вперед (вся цепь танцующих в то же время медленно движется кругообразно), как будто бы они все готовились мягко вспрыгнуть вверх, стоя на кончиках пальцев ног; иногда только часть круга делала движение вверх, придавая остальным словно волнообразные движения. Иногда все танцоры одновременно как бы устремлялись вверх. Когда время от времени какой-нибудь более нежного сложения девушке становилось тяжко от давки, жары и пыли, она выходила из круга и присоединялась к ближайшей группе женщин, стоявших вблизи; между тем другая девушка выдвигалась своей матерью для замещения свободного места, и в выборе этих мест, как мне казалось, проявлялось много материнской осторожности и предвидения. Этот танец исполняли все время, пока мы там оставались, и мог бы, вероятно, продолжаться до самого заката солнца, так как эта пляс-

ка имеет такое непреодолимое обаяние для черкесских молодых людей, какое оказывает «первая кадриль» еще и сейчас на молодых людей Англии. Но даже к такому, казалось бы, мирному развлечению, должно всегда здесь примешиваться нечто воинственное: так ежеминутно раздавались выстрелы из пистолетов над кругом танцующих, и непрестанно этот круг находился под угрозой быть прорванным под натиском всадников (некоторые вожди принимали в этом участие, но никто из них в танцах), которых, однако, сдерживает кучка молодых пеших людей, старающихся визгом и ударами ветвей пугать коней. Но все это, по-видимому, не оказывает ни малейшего влияния на нервы дам, как молодых, так и старых. Даже значительно более потрясающий случай, один из тех, что здесь, я боюсь, происходит нередко, не вызвал тех крикливых проявлений страха и волнения, которым так легко поддаются женщины запада по малейшему поводу. Этот случай, происшедший здесь, заключался в следующем.

В то время, как я с мистером Лонгвортом смотрели на танцующих с пригорка, мы заметили как кто-то среди небольшой группы зрителей поднял внезапно длинную белую плоскую дубину и опустил так добросовестно или, вернее, недобросовестно, на голову одного из гостей, что удар свалил его мгновенно с ног. Пляска была прервана, так как мужчины-танцоры бросились, чтобы окружить зачинщика, увидев, что начинается яростная схватка. Между тем женщины удалились, а мы спустились с холма, чтобы посмотреть на пострадавшего: это был высокий молодой человек, лежавший под деревом, куда его отвели,—из его раны на голове текла в изобилии кровь. Но удар, к счастью, пришелся сбоку головы, где бараний мех их шапок образует хорошую защиту — иначе череп был бы раскроен, если только черкесский череп не крепче нашего. Молодой человек не произнес ни одного слова жалобы. Единственно, что мы могли уловить в перекрестном огне объяснений, это то, что молодой человек — родственник Чурук-Оку Тугуза и в присутствии этого молодого человека, одним из рабов Тугуза был застрелен родственник зачинщика данного нападения; последний тем более заслуживает порицания, что хозяин торжества в самом его начале заявил (согласно обычаю) о необходимости забыть на время вражду, если вражда и существовала между кем-либо из присутствующих. Мы выразили свое возмущение по поводу поведения зачинщика раздора и с твердостью заявили о своей решимости покинуть празднество, если виновный не будет удален; но он был настолько предусмотрителен, что удалился раньше, чем его об этом попросили бы. Мало-помалу женщины стали возвращаться из соседних домов, куда они скрылись, и празднество продолжалось без всякой дальнейшей помехи, если не назвать помехой поданный обильный обед. Для нас картина происходившего обеда представляла немало интереса: здесь присутст-

вовало от трехсот до четырехсот человек, разделенных по своему общественному положению или по своему усмотрению на дюжину, приблизительно, групп; трое или четверо конных и столько же пеших человек летали по всем направлениям со столиками, деревянными досками, заменявшими тарелки и т. д. Женщины обедали отдельно внутри домов, и их частое медленное величавое хождение, как будто процессиями, между домами, представляло самую привлекательную часть всего представления. Скачки и стрельба составляли другую неотъемлемую часть развлечения. Мы удалились вскоре после трапезы, послав сначала подарок невесте. Другое пиршество будет устроено, когда состоится свадьба.

После дальнейших наших расспросов относительно причины, вызвавшей нападение, свидетелями которого мы были, выяснилось, что пострадавший молодой человек (он был здесь с тех пор и, по-видимому, чувствует себя ничуть не хуже, чем до повреждения) присутствовал и участвовал вместе с тридцатью или сорока членами двух братств в причинении смерти человеку, признанному за неисправимого вора, и родственник последнего считал, что на нем лежит долг отомщения за его смерть, так как на суде, на котором разбиралось это дело и был внесен приговор, не были соблюдены необходимые установления: на суде отсутствовали старейшины или руководители братств. Установленный порядок требует, чтобы каждый человек, виновный в каком-нибудь проступке, судился (как я об этом расскажу позднее) старейшинами двух заинтересованных братств и был наказан своим собственным братством. За первое и второе воровство назначаются небольшие штрафы, но за третье назначается штраф в 200 быков или виновный приговаривается к смерти. Но если смерть налагается не своим братством, а другим, то в пользу братства и семьи казненного должны быть переданы 200 быков, предоставляемых теми, кто участвовал в незаконном разборе дела.

Молодого человека все порицали за то, что он явился на празднество в то время, когда вражда, возникшая несомненно из-за судебных неправильностей, допущенных его братством, не затихла,—он должен был ожидать, что кто-либо из принадлежащих к противоположной стороне может также оказаться на празднестве.

Находящийся здесь богатый армянский купец является аталыком одного из сыновей Мансура, что, до некоторой степени, доказывает свободомыслие мусульман в этом крае. Я слышал, однако, что эти обстоятельства вызывают порицание по отношению к Мансуру, но кажется, что порицание основывается, скорее, на разногласиях общественного свойства...

Вторник, 11 июля 1837 г. Здесь происходил сегодня суд по поводу случая кражи. Собрание состояло из местного судьи (с большой книгой турецких законов и обильных разъяснений к

ним), нашего уважаемого хозяина и нескольких других старейшин — в качестве заседателей. Число последних колеблется в зависимости от важности случая, но шесть от каждого из заинтересованных братств составляет наименьшее число. Проступком в данном случае являлась кража топора, но так как проступок был совершен виновным второй раз, то он должен был подвергнуться более строгому наказанию. Сначала согласились на том, чтобы назначить штраф в 20 быков, но ввиду бедности виновного в краже, штраф после долгих дебатов был сбавлен до 15-ти быков.

На подобные суды вызываются свидетели. Сначала свидетелей расспрашивают, какой они придерживаются веры, а затем предлагают, если свидетель — мусульманин, произнести клятву на Коране в том, что он будет говорить правду. Но свидетельство их, несмотря на клятву, имеет вес только в меру доверия; которым данное лицо пользуется, и свидетельство человека с плохой репутацией отвергается — считается недопустимым. Виновного подвергают также допросу, и ему разрешается защищать себя и подвергать перекрестному допросу свидетелей. Судебное следствие, как и можно предположить (судя по тому, что репутация свидетелей иногда служит поводом для обсуждения), часто протекает очень томительно, продолжаясь несколько дней и иногда недель, и в течение всего этого времени, если случай настолько важный, что люди вызываются на суд из дальних мест, жалобщик и обвиняемый должны содержать на свой счет и своих свидетелей и заседателей. Сторона, выигравшая дело, должна выплатить судье известную долю из того, что она получает, в размере от 2 до 4%. На братства возлагается приведение приговора в исполнение, и каждое братство должно помогать семьям своих членов (в рамках известной установленной пропорции) в выплате штрафов, будь то убийство (какого бы то ни было характера) или другие сознательные или невольные преступления. Часто дается довольно большой срок виновному или его семье для уплаты определенной части присужденного штрафа, но если в случае убийства выплата чрезмерно замедляется или не производится в определенный срок, то виновный предается смерти или какому-нибудь другому суровому воздействию.

Каждый человек (не исключая рабов) входит в то или иное братство, так как со дня своего рождения каждый принадлежит к тому братству, членом которого является его отец.

Крепостные, часто отпускаются на волю, и тогда они могут войти в братство, клятвой обещая выполнить его установления и платить свою часть штрафа. Каждое братство возглавляется своими старейшинами и при этом избрания не происходит: посеребренная сединой борода в соединении с хорошей репутацией — вот единственные основания, чтобы пользоваться общим уважением, а также превосходством как на советах, так повсю-

ду. В других отношениях царит полное равенство между членами каждого братства, и как бы ни были эти братства многочисленны, члены их семейства не могут вступать между собою в брачные союзы,—такой брачный союз рассматривается как кровосмешение.

Штрафы, как я сказал раньше, смягчаются, если виновный— бедняк, за исключением случаев нанесения вреда лично человеку,— в таких случаях назначенный штраф должен быть выплачен полностью. Братства могут быть различной численности — от пятнадцати, двадцати членов до двух или трех тысяч. Небольшие братства часто объединяются в одно крупное. Хотя братство всегда выплачивает штрафы за смертоубийства, совершенные его членами, но после совершения двух или трех убийств одним и тем же человеком, его обычно предают смерти или же наказывают продажей в рабство. Такого же рода наказания налагаются также и в других случаях неисправимой преступности. При выполнении смертного приговора осужденного бросают в море или реку со связанными руками... Штрафы за преступления общественного характера пополняются членами братства стороны виновной (нанесшей оскорбление) и делятся между членами братства стороны обиженной; человек пострадавший или, если дело касается убийства, родственник убитого получает только немногим больше, чем другие члены братства. Человек, присужденный к смерти своим собственным братством, может, если он сумеет это сделать, спастись бегством — бежать к кому-нибудь из членов другого братства и приобрести в его лице кунака, и последний вместе с его сообществом (т. е. братством. — *В. Г.*) обязаны защищать его или заплатить за него штраф. Люди низших слоев недавно повысили штрафы за убийство простого смертного до уровня штрафов дворян — до 200 быков. За убийство князя еще недавно взимался штраф в десять раз больший, чем за убийство простого смертного, как и сейчас еще делается на восток отсюда; между тем до сих пор, кажется, остается неопределенным размер штрафа хана или султана.

Как говорят, эти братства относятся к очень глубокой древности, и мне кажется очень странным, что такие необыкновенные черты черкесского общественного строя не упоминались, насколько мне известно, ни одним автором, писавшим об этой стране. Братства, по существу, являются правлением Черкесии, и всякое улучшение, которое пожелали бы ввести в это правление, должно быть произведено на основе братств и привито к ним, так как братства глубоко вкоренились в привычки и психологию черкесов.

Чужестранец, если он приобретает себе кунака среди обитателей страны, может не только по праву требовать от него защиты и гостеприимства (так же ненарушимого среди черкесов, как и среди арабов), но и все братство его кунака отвечает также за его безопасность и благополучие, притом все члены этого

братства считают себя обязанными воздавать возмездие за каждое оскорбление или вред, причиненные ему. Если он заслужит особое уважение семьи, ему предоставляется право захватить губами сосок груди матери, и с той поры он уже рассматривается как один из ее сыновей.

Здесь, так же как и повсюду, трудно заставить черкесов оценить физические упражнения, к которым они прибегают только ради определенной неизбежной цели. Для них наши ежедневные прогулки — это только способ изнашивания обуви или напрасное утомление для лошадей. Другая несообразность их быта — это отсутствие определенного времени для еды. У нас две главных трапезы и иногда две еще добавочные; из двух главных утренняя еда происходит в промежуток времени, начиная от девяти утра до четырех часов пополудни, а вечерняя — в любые часы от семи вечера до одиннадцати. И это не составляет особенности только данного хозяйства.

Я полагаю, что люди здесь изумляются, с каким безрассудством мы употребляем ежедневно мясную пищу,— здесь большинство как богатых, так и бедных довольствуется растительной диетой и молоком. Мы попробовали, когда у нас не было посетителей, а хозяин отсутствовал, питаться тем же, но наши британские желудки восстали против такой диеты, и когда мы приобрели несколько баранов, то это послужило достаточным мерилом для определения наших привычек в отношении питания.

Письмо девятое

Понедельник, 24 июля 1837 г. Кроме наших слуг — грузина, грека, турка и двух черкесов, нанятых нами за определенную плату, и многих случайных прислуживающих нам людей, в усадьбе нашего хозяина имеются трое, услуги которых в настоящее время, кажется, посвящаются исключительно тем, кто находится в доме для приема гостей. Ни в одной стране мне не приходилось видеть служителей-мужчин более безукоризненных с точки зрения всех главных требований, предъявляемых к ним, честности, чистоты, порядка, почтительности и внимания,—почти во всех больших усадьбах, которые я посещал, мне приходилось встречать таких хороших слуг, что каждый с первого взгляда согласился бы их пригласить к себе на службу.

Суббота, 29 июля 1837 г. Следует заметить, к чести этих провинций, что хотя наследственные вожди в значительной доле потеряли власть, которой обладали их предки и что вследствие этого народ не подчиняется власти, основанной на праве давности, но управляется только теми, кто приобрел влияние на общественное мнение, мы никогда не наблюдали, чтобы этой властью наделялись люди, которые ее не заслуживали бы своей опытностью, мудростью, энергией и честностью характера.

Все эти влиятельные люди — немолодых лет, и богатство, кажется, в этом случае, не пользуется своим обычным значением. Следует при этом заметить, что хотя здесь нет быстрой исполнительной власти и выполнение решений судебных собраний (о которых я уже говорил раньше) проводится медленно, нет примеров, насколько я мог установить, разбойничества. Воровство происходит часто, но когда оно разоблачается, то, как я уже рассказывал, строго наказывается, и только если воровство совершается где-нибудь вдалеке и с ловкостью выполняется, то к этому черкесы относятся или, вернее, относились с той же снисходительностью, какую проявляли наши шотландские горцы лет сто тому назад. Армянские и турецкие купцы в сопровождении только своих людей путешествуют по стране во всех направлениях с большими запасами товаров и никогда не подвергаются ни грабежам, ни насилиям...

Понедельник, 31 июля 1837 г. Вчера нас пригласили проехаться вниз долины, чтобы присутствовать при начале сенокоса нашего хозяина, а также князя,— они ведут хозяйство на половинных началах, так как Шамуз вынужден был перевезти сюда скот, орудия и все свое усадебное достояние из своих владений вблизи Анапы. Мы увидели от 60-ти до 70-ти человек,— они с усердием косили и пели при этом веселую песню; но когда мы подъехали ближе, они прервали свое пение и, издавая дикие крики, старались напугать наших лошадей и предоставить нам, таким образом, удобный случай для проявления своего умения управлять лошадьми. Группа косцов затем набросилась на нашего бедного Луку и, стащив его с коня, похитили как пленника, для того, чтобы потребовать за него выкуп. Мы сговорились на том, что они получат от нас (согласно принятому обычаю в таких случаях) за пленника барана, и вскоре, действительно, баран был доставлен и притом не какой-нибудь, но хороший, жирный, чтобы мы могли внести свою долю в устройство сегодняшнего пира—вместе с медом, который мы раньше предоставили им для бозэ. Угощение только и составляет вознаграждение за работу целого дня, и этот обычай применяется здесь для того, чтобы получить помощь, если работы по уборке сена больше, чем могут выполнить свои собственные слуги.

Размер косы составляет немного больше половины длины наших кос, и большая часть из них сточена до самого основания. Работа выполнялась, на мой взгляд, весьма непроизводительным способом: так, вместо того, чтобы начать с одной стороны обширного луга и от одного края идти к противоположному, скашивая траву правильными рядами, косцы бродили группами по лугу и нападали с своими косами, как им вздумается, на самые густые массы травы, повергая ее ничком, но при этом оставляя неприкосновенными все углы. Были между ними двое или трое, которые косили с размахом, несколько похожим на

широкий размах английских косарей, остальные, казалось, истребляли скорее сорные травы, чем косили сено. Большею частью трава здесь чрезмерно разросшаяся и грубая, и во многих местах луговую траву заменила другая — длинная, стеблистая (от восьми до десяти футов высоты) с светло-голубыми цветами вроде цикория; траву эту очень охотно едят лошади. Временами встречается белый и красный клевер. Скошенная трава оставляется на поле, и на следующий день я видел, что часть сена была сложена в стога.

Письмо десятое

Цемес. 25 августа 1837 г. Во время свадебного пиршества, которое недавно состоялось в местности между Пшадом и Геленджиком, присутствовал Георгий (слуга мистера Лонгворта); он рассказывает, что большая часть гостей направилась к древнему кресту и там, сняв шапки, прикладывались к нему устами. Утверждают, что только небольшая часть народа представляет правоверных мусульман, и я склонен верить этому, так как мало я вижу людей, которые совершали бы свои молитвы.

Письмо одиннадцатое

25 сентября 1837 г. Я воспользуюсь этим случаем (похоронами убитого уорка. — *Ред.*), чтобы дать вам описание церемоний, связанных с этим обрядом. Когда тело (как это и было в данном случае) не выставляется, у одной из стен комнаты помещают подушку на циновке; на подушке и вокруг нее кладется одежда умершего, а на стене, непосредственно над подушкой, висит его оружие. Комната полна женщин-родственниц и женщин — друзей семьи; все они сидят, а у двери стоит вдова. По обеим сторонам подушки сидят дочери и молодые женщины или девушки, как те так и другие — родственницы. На лужайке перед дверью собираются мужчины. Один из них приближается к двери, издавая громкий жалобный крик, которому вторят женщины внутри; они встают и стоят, пока он тихо входит, закрывая глаза руками и становится на колени перед подушкой, прикладываясь к ней лбом. Молодые девушки, по обеим сторонам подушки помогают ему встать и он медленно удаляется. Остальные следуют один за другим, пока все не исполнят этой церемонии. Но старые люди обычно, вместо того чтобы издать жалобный крик, произносят несколько фраз утешения или призыва к бодрости и смирению, подобных: «На то воля бога». Это большое сборище мужчин и женщин продолжается три дня, но женщины, принадлежащие к семье, и ее близкие родственники должны в продолжение двух недель принимать таким образом плакальщиков, между тем одежда и другие реликвии умершего остаются нетронутыми до более значительного пиршества, которое устраи-

вается или через шесть месяцев, или в годовщину смерти. Самый неимущий черкес не преминет устроить поминки в тот или другой памятный день, но богатый устраивает тризну через неделю, две недели, сорок дней после смерти. Если одежда ко времени смерти оказалась недостаточно хорошей, то изготовляется новая, и родственники добавляют различные предметы, как например, обувь, гетры, мешки, сшитые из кожи (для путешествий) и т. д.; все это кладут на циновку вместе с другими вещами и постепенно отдают соседнему мулле или тем, кто участвовал в церемониях. Семья ничего не может взять себе, кроме оружия, которое умерший носил, и коня, на котором он ездил. Коня из уважения к памяти покойного держат на конюшне в течение шести месяцев и при этом его хорошо кормят. Если кто-либо умирает своей смертью дома, его тело сейчас же моют, завертывают в новую белую бумажную или льняную простыню и хоронят не позднее, чем через три, четыре часа, и в первой части обряда оплакивания участвуют ближайшие соседи. Если это убитый в бою, но не в набеге ради добычи (определенная черта проводится между тем и другим), его хоронят в одежде, в которой он был убит, и не подвергают омовению, так как предполагается, что он без промедления будет принят в рай, как павший, защищая свою родину. Но если воин проживет несколько дней после своего ранения, то считается, что он успел за это время согрешить (быть может, сожалея о ранении или выразив нетерпение по поводу раны) и поэтому должен быть омыт и одет для своего путешествия в вечность. Те же церемонии производятся после смерти женщин или ребенка, но при менее многочисленных сборищах.

К началу этого месяца дикий виноград (мелкий красный и с приятным ароматом) уже созрел, но его большую часть склевали птицы. Я не сомневаюсь, что можно было бы с выгодой разводить здесь виноград; находил я также хмель, который в других местах, как говорят, встречается в изобилии; растение это здесь отличается сильной приятной горечью.

Турецкий титул «бей» дается очень немногим и только потомкам султанов и лицам княжеского происхождения. Между тем как дворян называют по их личным именам. Даже обращаясь к князьям, редко употребляют их княжеский титул.

30 сентября 1837 г. Аталык сына Сафер-бея (ему около 12-ти лет) сопровождал «ханум» (княгиню) в ее поездке сюда; аталык спал, по своему собственному выбору, на подмостках, устроенных между деревьями напротив нашего дома и представлявших излюбленное место для многих как днем, так и ночью; он привязал свою лошадь насколько возможно ближе к себе, но на следующий день лошади не оказалось и ее не могли нигде найти, и ему пришлось, таким образом, идти домой пешком. Предполагали, что конь украден; конокрадство — самое обычное явление в этой стране. Насколько правильно было это предполо-

жение, мне неизвестно, но лошадь впоследствии была найдена. Это наводит меня на мысль рассказать о некоторых подробностях, связанных с подобным воровством.

Хозяин гостя, у которого пропала лошадь, обязан заплатить за лошадь, если потерпевший этого требует. Если вор уличен, он должен или вернуть лошадь или же возместить ее стоимость, которая поступает в пользу хозяина, если он заплатил за лошадь. Если похититель задержан, сидя верхом на уведенном им коне, его оружие и все то, что находится на коне, становится собственностью лица, задержавшего данного похитителя. Ответственность хозяина распространяется на все другие виды собственности, но, кажется, с него не всегда взыскиваются убытки за пропавшее имущество гостя. Обычный размер штрафа 600 пиастр, независимо от стоимости украденного предмета.

Аталык не только кормит, одевает и воспитывает доверенного ему мальчика бесплатно, но предоставляет ему коня и оружие, словом, аталык, по-видимому, во всех отношениях заменяет ему отца, пользуясь бо́льшим уважением, чем родной отец. Аталык, ожидая получить вознаграждение, после того как воспитание юноши закончится, полагается на подвиги и военную добычу своего приемного сына, а также на благодарность как со стороны самого воспитанника, так и его семьи. Воспитание под руководством аталыка продолжается шесть-восемь лет. Многое зависит от умения отца выбрать аталыка для своего сына. Я не слышал о каких-либо злоупотреблениях или дурных поступках аталыка. Но один дворянин из Адагума, обратившийся ко мне с просьбой помочь ему восстановить голос, который он потерял,— это несчастье, по его словам, случилось с ним изза бедности его аталыка, так как воспитанник лишен был хорошей одежды. Случается, что и девочек таким же образом отдают на воспитание, но это не представляет явление обычного.

Понедельник, 23 октября 1837 г. В это время года в течение двух недель совершается праздник, называемый Мерем. Молодые люди переходят группами, в последовательном порядке, из дома в дом и проводят время в танцах, пении, пьют бозэ и т. д. Часть церемонии состоит в том, что кучка людей, в то время как они держат в руках пироги с запеченным сыром и раскачивают ими, вместе с окружающими громкими криками взывают к Мерем и просят ниспослать им счастье, здоровье и изобилие во всем. На севере Нотуач этот праздник уже не в обычае, за исключением данной местности, но еще распространен на юге и востоке. Черкесы утверждают, что праздник этот установлен в те времена, когда в Черкесии господствовало христианство, в честь матери Христа!

Письмо двенадцатое

Сумал. Суббота, 4 ноября 1837 г. Если человека убивает в ссоре (повод для большинства убийств) член его собственного

братства, то рассчитывают, какая доля штрафа досталась бы на долю семьи убийцы, если бы он принадлежал к другому братству (которое должно было бы в этом случае заплатить штраф в 200 быков), и только эта часть и выплачивается семье убитого. В некоторых братствах в тех случаях, когда убийство происходит в пределах одного и того же братства, причем один член братства убивает другого случайно, выплачивается половина упомянутой доли, между тем в других братствах в таких случаях не требуют никакой платы. Смерть, причиненная при единоборстве, рассматривается как убийство, если только оба сражающихся не получат разрешения на дуэль от своих братств.

...В песне, которую мы здесь слышали, о прекрасной сестре братьев Зази-оку, один из покинутых ею возлюбленных между многочисленными упреками, с которыми он обращается к ней, называет ее такой же недотрогой, как английский порох. Мне очень хотелось бы собрать большое количество черкесских песен, так как такие свидетельства являются наилучшими иллюстрациями для понимания общественных условий, которые наблюдаются здесь. Но для меня представляет большую трудность найти декламатора, который мог бы проявить терпение, необходимое для того, чтобы я мог сделать перевод. Отрывок, который я хочу привести сейчас, вот все, что я смог получить на этот раз.

«Без единого колебания, с саблей в руке, бросайся в битву,
Герой тот, кто захватит добычу на войне.
Павший в битве становится мучеником, а тот,
Кто не убит, услышит, как зазвучит вокруг него похвала.
Они связали повода своих коней и, образуя четырехугольник (каре) сражались.
Черный военный конь Хуз-али, шатаясь от усталости, вынес своего властителя из гущи врагов...»

Адагум. 17 ноября 1837 г. ...Мы выехали рано, так как нам следовало присоединиться к большому сборищу людей, созванных по случаю поминального пиршества — за несколько миль отсюда... Но мы успели проехать только первую ограду, как воинственные крики и выстрелы из пистолетов заставили нас броситься защищать наш багаж и арьергард, что являлось целью атаки (шуточной, как это оказалось вскоре) со стороны хаджи и большого отряда пеших; но нападающие были отброшены среди взрывов смеха и криков, между тем нам пришлось встать на защиту нашего авангарда, проникшего в лесную чащу, против засады, поджидавшей их появления. Здесь часто предаются таким развлечениям, и это хорошая тренировка, по крайней мере, для лошадей.

Собрание людей на поминальном пиршестве было очень многолюдное, и происходило это пиршество на широком склоне холма, где на суровом ветру с востока, несшем туман, мы должны были занять наши места на циновках под деревьями, лишен-

ными листвы, в то время как небольшой костер с колеблющимся пламенем горел у наших ног, придавая нам бодрость для того, чтобы с терпением выносить состояние скуки из-за промедления, которая здесь, как и везде, служит наказанием тому, кто принимает участие в многолюдном обеде. Но такая медлительность на траурных пиршествах еще меньше заслуживает оправдания, так как мясные блюда подаются всегда в холодном виде и почти всегда однородно приготовленные.

Во время перерыва в течение некоторого времени происходили скачки и соревнование в стрельбе из лука в центре того большого пространства, на краю которого мы собрались...

В соревновании в стрельбе из лука не было ни одного попадания в цель, но еще удивительнее было бы, если бы в цель попадали, так как задача эта должна быть очень трудной; очень маленького размера мишень слегка выдавалась на верхушке высокой мачты, составленной из нескольких связанных между собой кольев; два всадника, один впереди другого, находясь на небольшом расстоянии от мачты, пускали своих коней во весь опор и, во время приближения к цели, тот, кто был вторым, или преследователем, натягивая свой лук, наклонялся по левую сторону лошади (мачта находилась справа от него) и изогнувшись, обратив лицо назад и смотря вверх из-под своей приподнятой левой руки, взвивал свою стрелу вверх по направлению к цели. Много раз стрела поднималась вертикально, пролетая очень близко от цели.

Письмо тринадцатое

Верхний Хабль. Понедельник, 27 ноября 1837 г. Едва не произошла трагическая сцена — незадолго до отъезда из Хабля, Шахан Гери, очень храбрый, деятельный и необыкновенно красивой наружности дворянин, приехал сюда, чтобы присоединиться к нам, и здесь встретил одного из сыновей Шамуза (которого отец прислал к нам), а также слугу семьи Шамуза... Сын Шамуза и слуга тотчас же схватились за ружья, увидя Шахана, но им помешали выстрелить другие лица, принадлежащие к нашему эскорту, заставив их обоих обещать никогда не прибегать к мерам насилия по отношению друг к другу, тем более что, как им сказали, причина ссоры и вражды между двумя семействами составит предмет обсуждения и делу будет дано правильное решение*.

Двадцать лет тому назад, приблизительно, Шахан женился на сестре Шамуза, но последний, по своей обычной щедрости и великодушию, не потребовал подарков, которые принято дарить в подобных случаях. Прожив со своим мужем около пяти

---

* Это, по всей вероятности, и объясняет отсутствие самого Шамуза (прим. автора).

лет и родив ему уже несколько детей, она попросила отпустить ее, чтобы навестить свою семью. Это здесь в обычае и часто жена возвращается к себе с подарками такой же ценности, как и подарки, врученные семье ее родных во время свадьбы. В данном же случае не только подарки не вернулись, но не вернулась и жена, и с тех пор она живет у брата в Семезе, где она стала, как я думаю, своего рода монахиней. Шахан много раз требовал возвращения своей жены, и Шамуз два раза отсылал свою сестру в его дом, но она каждый раз возвращалась и, наконец, ей позволили остаться в семье брата навсегда. Шамуз, однако, говорил Шахану, что он, все же, готов был вернуть ему свою сестру, но с тем условием, чтобы она была принята в дом и они продолжали бы жить как муж и жена. «Нет,— ответил Шахан,— она оставила меня и оставалась вдали от дома без всякой причины. С этой поры я взял себе другую жену, но пришлите ее ко мне и ей отведен будет отдельный дом, и она получит все, что соответствует ее рангу». Все оставалось неизменным до тех пор, пока Шахан не воспользовался пребыванием слуги Шамуза неподалеку от его усадьбы и не отнял у него оружие и лошадь, вознаградив себя, отчасти, за потерю своей жены-беглянки.

Здесь нет недостатка в сведущих в подобных делах людях, облеченных достаточной властью, чтобы умиротворить как эту ссору, так и многие другие подобные случаи вражды, вселяющие раздор между семьями и, что еще хуже, между братствами, что составляет, при данных условиях, одну из главных причин слабости черкесов, но водворение порядка насильственными мерами, кажется, преобладающий грех черкесов...

...Наряду с другими мерами, о которых я говорил, предполагают принять меру пресечения обычая, переданного черкесам их предками, а именно — воровать друг у друга, что рассматривается здесь как хорошая школа для выработки военных навыков... Этот обычай почти исчез на севере Нотухая и на западе этой провинции, где присяга была принята населением три года тому назад...

Нижний Випс. Пятница, 2 декабря 1837 г. На усадьбе, где мы сделали последнюю остановку, разбирали дело между Шахан Гери и Шамузом. Шахан Гери, там находившийся, был присужден к выплате штрафа в виде тринадцати волов за то, что лишил слугу его оружия и лошади. Таким образом, можно считать, что вражда закончилась, и сыновья Шахан Гери и Шамуза уже в самых дружеских отношениях между собой. Между тем, может возникнуть другое дело, связанное с тем же раздором: обычно тот, кто приобретает жену ранга равного тому, каким пользовалась сестра Шамуза, обычно дарит подарки семье жены. Так как Шахан Гери подарков семье жены не послал, то на вручении их настаивает теперь Индар-оку — двоюродный брат Шамуза ради соблюдения чести их брат-

ства. Кажется, я уже говорил по другому поводу, что Индар-оку является поборником черкесских обычаев, между тем другой вождь — Кери-ку, по-видимому, расположен к введению обычаев Турции.

В первый раз я ел здесь вареную тыкву и нашел, что это очень вкусно с молоком и напоминает бататы. Местная тыква должна быть очень питательна, судя по ее сладости и мучнистым свойствам. Но сейчас не время для потребления сладостей, так как уже четыре дня, как начался рамазан, одно из установлений которого мы решили соблюдать вместе с черкесами, а именно — есть ночью, не желая, с одной стороны, нарушить их порядка, с другой — оскорбить их религиозные чувства. Мы были бы тяжелым бременем для каждой семьи, куда бы ни отправились, если бы несчастным женщинам пришлось приготовлять еду для нас днем, а для своих соотечественников — ночью. Кроме того, мы не могли бы, как это всегда делается, наделять ниже стоящих по положению — на две-три ступени — людей оставшейся частью наших блюд — до тех пор, пока не останется ничего, что можно было бы отнести в главный дом семьи, кроме «столиков». Сейчас это не представляет для нас большого неудобства ввиду того, что дни этого месяца самые короткие. Как только солнце зайдет, приносят полдюжины столиков для утоления первого острого чувства голода. Вторая трапеза подается в девять часов, а третья — в три часа ночи.

Письмо четырнадцатое

7 декабря 1837 г. Среди мусульман соблюдается еще пост в настоящем смысле слова: от восхода до захода солнца все, кроме больных и детей, соблюдают самое строгое воздержание в пище, не смачивая даже губ ни одной каплей воды. Но что больше всего вызывает во мне интерес и сочувствие — это курильщики, вечные курильщики. Как только медленно спускающееся солнце, наконец, скроется за горизонтом, они бросаются со своими трубками к огню, подобно пилигримам в пустыне, бросающимся к фонтану воды. Достойны сожаления в эти дни также и те, кто имеет при себе часы,— к ним беспрерывно обращаются, чтобы узнать, какое сейчас время, в особенности, когда приближается вечер.

14 декабря 1837 г. Приведение к присяге происходит очень оживленно, но все же, кажется, это дело потребует больше времени и усилий, чем мы раньше предполагали. Все — даже крепостные,— начиная от пятнадцати лет, должны подвергнуться присяге, и каждый, совершивший кражу, обязан не только вернуть украденное, но еще уплатить штраф в шестьсот пиастр (около шести фунтов стерлингов) за каждый подобный просту-

пок, причем деньги, вырученные от штрафов, употребляются для вознаграждения судьи и других членов суда.

Разумеется, что те, которым приходится, таким образом, вернуть обратно то, что они захватили, и вдобавок заплатить штраф, выказывают нерасположение к такой мере и неудовольство; тем более это понятно, если вспомнить, что согласно наследственному предрассудку, передававшемуся из поколения в поколение, искусно выполненная кража заслуживает одобрения. Однако Субеш (один из черкесов нашего эскорта), находившийся в восточных пределах провинции и только что оттуда вернувшийся, подтверждает ранее полученное сообщение о том, что обитатели тех мест с нетерпением ожидают того времени, когда их приведут к присяге, и уклоняющиеся от присяги плохие люди обузданы. Следует надеяться поэтому, что когда будет покончено с этой обширной соседней территорией, с населением особенно порочным, дело пойдет быстро и гладко.

15 декабря 1837 г. «Тлеуш»— вот слово, обозначающее «братство», «община»; слово это обозначает также «семя», или происхождение, род, потомство*. Согласно традициям члены каждого «тлеуш» происходят от одного и того же рода или предка, и таким образом эти братства можно рассматривать как родовые общины, или кланы с той особенностью, что, подобно семенам, или зернам, все члены считаются равными. Не только своего рода двоюродным братьям и сестрам — членам одной и той же общины,— запрещается заключать брачные союзы между собой, но и рабы и рабыни могут вступать в брак между собою только в том случае, если они принадлежат к различным братствам, и там, где, как это часто бывает, несколько братств входят в один общий союз, этот закон имеет силу по отношению всех братств в целом.

Все же, кто, таким образом, связаны воедино, могут посещать друг друга на правах братьев, что мне кажется, только осложняет дело, если только «братья» не приучат себя относиться к женщинам своего братства как к своим истинным сестрам; в противном случае это право свободного посещения между членами отдельных семейств должно было бы служить источником для множества случаев безнадежной и поэтому преступной страсти.

Один случай предстал здесь перед нашими глазами, убеждающий в том, что к таким именно последствиям должен вести этот запрет браков между молодыми людьми, принадлежащими к одной общине. Вот этот случай.

Приближенный и доверенный нашего хозяина, управляющий его хозяйством, Токов бежал из Нотуача и искал у своего настоящего хозяина защиты: он полюбил женщину из своего брат-

* Однако, общеупотребительным словом равного значения является слово «ашиш»; так, например, при встрече с посторонним спрашивают — к какому «ашиш» он принадлежит (прим. автора).

ства и женился на ней, и должен был подвергнуться наказанию за нарушение черкесского закона. Между тем его братство состояло, быть может, из нескольких тысяч членов. Ранее такой брак рассматривался как кровосмешение и виновные наказывались потоплением. Сейчас штраф в двести волов и возвращение жены в дом ее родителей — вот все предъявляемые к виновному требования. Поэтому нарушения этого закона в настоящее время нередки.

Письмо пятнадцатое

Чикахуз. 21 декабря 1837 г. Здесь находился мулла — дворянского происхождения; его нанял наш хозяин, чтобы совершать моление в продолжение рамазана. В это время, где бы ни помещался мулла, мужчины со всего селения собираются при заходе солнца в усадьбе, чтобы вместе с ним вознести свои молитвы. Подобная сцена происходила раз или два в нашей большой комнате в Хабле, представляя живописную картину; с одной стороны стоял человек с горящим факелом из сосновых лучин; в углу помещался старый мулла, стоя на своей циновке, с лицом, обращенным по направлению к Мекке, между тем сзади него располагалось по диагонали два тесных ряда молящихся, между которыми более молодой мулла выполнял роль муезина, возглашая нараспев, вместо пролога, тот призыв к правоверным, что раздается обычно с минаретов; вслед за ним старший мулла начинал петь, довольно мелодично, молитвы богослужения, и все, в подражание его примеру, то опускались на колени, то поднимались.

...В провинциях на востоке князья и высший класс дворян до сих пор еще обладают большой властью над своими рабами, которая заходит так далеко, что дает им право жизни и смерти над ними, а также передавать в другие руки путем продажи, если они совершат какой-либо проступок.

Князья и дворяне высшего ранга присутствуют на судах и определяют размер и свойство штрафов, налагаемых на виновных, но штрафы эти, а также выручка от продажи виновных в рабство, распределяются по тому же установленному порядку, как и здесь. Они не облагают налогами население, но некоторые из этих вождей еще пользуются одним из древних преимуществ своего сословия, а именно собираться в отряды для грабительских набегов будь то в соседние провинции или в Россию (несмотря на их будто бы мир с нею), при этом из боязни быть узнанными они надевают маски и кроме того говорят между собой на непонятном для других языке или, быть может, на своем особом жаргоне — с той целью, чтобы помешать вторжению в круг их интересов непосвященных. Братства этих провинций построены почти на тех же началах, как и братства здесь.

Говорят, что вожди в Абадзехии, Шапсугии и Нотухае никогда не пользовались такой властью, какой пользовались вожди в восточных провинциях (о власти и значении последних я упоминал выше), но я не склонен верить этим утверждениям токавов; тем более, что против них говорят свидетельства местных дворян. Нет сомнения, однако, что какой бы властью ни обладали вожди, в особенности двух последних провинций, в течение уже значительного времени власть эта все более и более приходила в упадок, чему в значительной мере должен содействовать анапский паша своими увещаниями следовать примеру турецких мусульман и установить полное равенство в согласии с учением Корана о том, что все люди равны перед богом.

Здесь я наблюдаю строгое соблюдение одного мусульманского установления, которое бесспорно находится в связи с вышеупомянутой истиной, а именно: выделять в это время года часть своего достояния в пользу неимущих. Эти дары собираются муллами (но всегда в виде добровольных приношений и, следовательно, как доказательство верности исламизму), которые оставляют некоторую часть в свою пользу. Честно ли муллы распоряжаются остающейся частью—я не сумею сказать, но жертвователи могут выбирать хранителями даров тех мулл, к которым они чувствуют больше доверия.

Агсмуг. Рождество. [*25 декабря 1837 г.*] Стремясь получить свободу, раб ищет защиту у токава и старается побрататься с ним, причем эта дружба, возведенная в степень братства, закрепляется взаимной клятвой, после чего раба нельзя принудить вернуться к своему хозяину. Но, согласно установленному порядку, раб должен возместить ущерб, причиненный хозяину, и внести за себя выкуп. Для этой цели он должен сначала умудриться извлечь из рук своего прежнего хозяина достаточную для выкупа долю своего имущества, какое только может ему принадлежать. Получив таким образом свободу, он уже находится под защитой братства токава, содействием которого он заручился. Если же раб освобождается его хозяином, он остается под защитой братства, к которому принадлежит хозяин.

Хабль. Суббота, 6 января 1838 г. Я убедился, что среди черкесов принято, если кто-либо умрет в семье, чтобы женщины некоторое время носили черное. Это может служить, возможно, одним из лишних доказательств преобладания христианской веры здесь в былые времена, так как этот обычай запрещен для правоверных мусульман, как не согласный с учением Корана.

...Князь Джанат повторил нам историю происхождения названия «черкес». История эта—сказочная (или, по крайней мере, смешанная с легендами или сказками), но она имеет такое всеобщее распространение (Потоцкий в 1797 году слышал часть этого предания в Кабарде), что заслуживает некоторого внима-

ния. Черкесы, албанцы и курды, гласит легенда, являются потомками трех братьев князей Арабистана. Один из этих братьев каким-то образом лишил одного человека глаза и последний отказался от всякого другого удовлетворения кроме «око за око». Дело было представлено на суд калифа Омара, который решил, что потерпевший имеет право требовать соблюдения закона возмездия «око за око». Вследствие такого решения все братья бежали из своей страны в Кара-Хисса (Малая Азия). Там до них дошла весть из Арабистана о том, что они могут вернуться в свою страну, так как изувеченный человек согласен на всякое возмещение за причиненное ему зло, какое они предложат, но братья, однако, решили искать счастья в других местах. Когда они покидали дом, где они обрели себе убежище, каждый повторял слово, от которого и произошло имя его народа.

Когда я заметил князю, что никогда не видел в этой стране картофеля, он стал уверять меня, что картофеля здесь очень много. На следующий день он принес нам образцы своего картофеля, который оказался ничем иным как прекрасными иерусалимскими артишоками,— по-видимому, этот насущный продукт питания здесь неизвестен, как и морковь, репа и многие другие ценные овощи; по существу — здесь разводят только фасоль, лук, свеклу и капусту; последние два вида овощей солят и едят с медом!

Стоимость вола здесь в настоящее время, если судить по расценкам штрафов, приблизительно равна десяти шиллингам. Зерновой хлеб — в чрезвычайном изобилии; но сейчас не так дешев, как в Нотуаче. Сеют здесь, главным образом, просо, рожь, ячмень, овес (перечисляю в пропорциональном порядке), в небольшом количестве маис и в очень малом — пшеница. Шапсугия — значительно больших размеров, более плодородная и заселенная, чем Нотуач, так как холмы, в особенности на востоке, постепенно отступают к югу. Судя по рассказам, можно думать что среди диких животных, укрывающихся на заросших камышами и необработанных прериях Кубани, имеются лоси.

Письмо шестнадцатое

Цемес. 29 января 1838 г. Два или три дня тому назад меня попросили навестить опасно больного в соседней усадьбе; это была молодая женщина в тяжком состоянии, как я определил, из-за плеврита. Благодаря кровопусканию и другим средствам она сейчас почти совсем здорова. В первый же вечер моего посещения, обнаружив, что у больной очень высокая температура, я дал ей лекарство для сна; в то же время я поручил пожилой, на вид умной женщине, не отходить от больной и следить, чтобы никто, ни в каком случае, не тревожил ее. Все же на следующий вечер, когда я спросил, как больная спала, маленькая девочка, которая тогда смотрела за больной, наивно сказала мне,

что больной не позволяли спать, и ради этой цели с больной просидела женщина всю ночь! Я особенно настаивал на своем предписании не беспокоить больную, так как мне известно было, что в отношении раненых черкесы старательно соблюдают это обыкновение и не позволяют им спать, если только, как я полагаю, человек не заснет вечным сном. Я убедился также, что моя пациентка страдала от сильной жажды, хотя я с намерением растворил предназначенное ей лекарство в большом количестве жидкости, но те, кто ухаживали за больной, сами уверяли меня, что ей не позволяли пить! И это также делалось на основании вкоренившихся ложных представлений черкесов о пользе больного. Желая предупредить повторение таких фатальных ошибок, я вышел, чтобы объяснить мужу больной, какой опасности подвергается его жена, но натолкнулся на третий предрассудок. Лука, мой слуга, напомнил мне, что муж не должен знать, что происходит в комнате его жены, а потому входить мужу в комнату жены во время ее болезни или вмешиваться в ее лечение совершенно против всяких установленных правил. Если бы муж высказал тревогу за участь своей жены, то на это посмотрели бы как на крайнее малодушие с его стороны. Но в короткое мгновение нашей встречи с ним и беседы я, с чувством удовлетворения, увидел, что природа заявила свои права несмотря на этот предрассудок: пока я говорил ему об опасности, которой подвергали его жену (кстати говоря — она замечательно красива) ухаживавшие за ней люди, слезы стояли в его глазах, а принужденный смех и несколько слов, сказанных некстати, обнаруживали всю силу внутренней борьбы, которую он испытывал.

30 января 1838 г. Хлопчатобумажные ткани всех сортов. цветные или одноцветные, в особенности машинного производства, составляют главный предмет обращения, или товарного обмена, в этой стране. А как дополнение к этому — черная, желтая и красная кожа и, в малом количестве, шелковые ткани. Самая незначительная наша покупка становится делом чрезвычайно спорным из-за долгих разговоров и споров по поводу качества и ценности товаров. Но жизнь здесь не дорогая: когда наши фонды находились в плачевном состоянии, один армянин принес нам довольно издалека и, как он говорит, по распоряжению одного из наших слуг, пшеничной муки, проса, бупу (крупа, которую употребляют для приготовления пилава) и фасоли на сумму 289 фунтов стерлингов. Мой самый младший соотечественник воскликнул (раньше мы не покупали подобных продуктов): «Мы разоримся!» Но после того, как мы поторговались и подвели итог нашей торговой сделке, оказалось, что стоимость всех продуктов была равна пятнадцати шиллингам и восьми пенсам или, правильнее, семи шиллингам и десяти пенсам, так как цена наших бумажных тканей по крайней мере на 100% выше их стоимости в Англии.

Письмо семнадцатое

Цемес, 1 марта 1838 г. Клапрот в своей работе определяет количество домов в этих двух провинциях (Натухе и Шапсугии. — *Ред.*) только в 15 350, гарантируя приблизительную точность этой цифры как взятой из «подлинных документов». Если исходить из его исчисления — девять человек на два дома, — то общий итог количества жителей был бы равен 69 075 человек. Но из моего последнего письма, как можно убедиться, следует, что на краткий вызов, который циркулировал в течение трех-четырех дней среди населения на пространстве, несомненно, не более одной трети провинции Натухай и только на границах Шапсугии (наиболее населенной из этих двух провинций), отозвалось и собралось от 4000 до 5000 добровольцев, поэтому можно поставить под сомнение точность данных «подлинных документов», откуда автор почерпнул свои сведения относительно численности населения Кавказа *.

Здесь, как и везде, переворот, который произошел в системе ведения войны, как следствие развития торговых сношений, вызвал коренные изменения в общественных делениях на классы. Кольчуга, шлем и лук составляли вооружение князя или дворянина; если допустить, что этим вооружением и разрешалось пользоваться простым смертным (утверждают, что это им не разрешалось), то все же эти предметы стоили слишком дорого, чтобы они могли стать общим достоянием, ни один из них не изготовлялся в стране. Многие из этих кольчуг были непроницаемы для пуль, и в то время, когда еще огнестрельное оружие мало употребляли, один храбрый и сильный человек был сам себе господином; кроме того его защиты должны были искать все, кто находился по соседству и кто не пользовался правом иметь такое оружие или не имел средств, чтобы вооружиться, как и он. Но те две причины, которые я привел, вызвали большие изменения. Кольчугу, за которую приходилось отдавать от 10 до 200 быков (в зависимости от качества), можно теперь приобретать за половину ее прежней стоимости (ввиду того, что теперь, как убедились, она не может служить защитой от пушечных выстрелов), вместе с тем лук — значительно менее действенное и к тому же более дорогое оружие, чем ружье и пистолет. Сейчас каждый пастушок обладает или ружьем или пистолетом, а иногда и тем и другим. Многие из токавов и даже рабов стали путем торговли (заниматься торговлей всегда считается унизительным для двух других сословий) значительно богаче, чем большинство дворян и князей, и поэтому имеют возможность приобрести все, что необходимо для своей защиты...

...Взгляд на землю как на собственность, принадлежащую

* Можно, однако, найти эти данные Клапрота в «приложении».

всем, следует считать, по моему мнению, одной из первых причин многих особенностей общественного строя черкесов; на основании этого взгляда на землю можно, по моему мнению, вывести заключение, что отдаленные предки этого народа были кочевниками равнин, которые предпочитали разведение стад овец и баранов, а также крупного рогатого скота постоянному занятию земледелием, введенному между ними, по всей вероятности, в более поздние времена. Мы видим к тому же, что при определении и выплате штрафов, а также при каких-либо сделках мерилом служит то или иное количество голов скота, что, однако, может быть заменено, по взаимному соглашению, другими ценностями.

...Являются ли рабы потомками пленников, захваченных во время войны, или же первоначальных обитателей страны, покоренных и обращенных в рабов — я не имел возможности узнать. Здесь, на севере, число рабов значительно меньше, чем число свободного населения, что, кажется, ведет к первому положению, между тем как, начиная от Вардане к югу, мы встречаем обратное явление. Достояние человека расценивается там согласно числу рабов, которыми он владеет, между тем на севере богатство определяется размерами стад баранов и крупного рогатого скота.

...Клапрот был введен в заблуждение, считая, что тфокотлы являются крепостными; все согласны в том, что они никогда не были ими, хотя и признают, что «пше» (князья) и «ворки» (дворяне) обладали большей властью, чем в данное время, по отношению к подчиненному им объединению тфокотлов. Почти единственными следами прежней власти высших сословий, сохранившимися до настоящего времени, является, как я уже говорил, некоторое проявление почета, которым их окружают. Даже при обращении к «пшэ» титул никогда не употребляют; их собственные слуги, обращаясь к ним, называют их «ауишен»— ласкательное слово, употребляемое аталыком при обращении к своему воспитаннику. Во время национальных собраний потомки ханов садятся на землю первыми, затем садятся «пшэ» и, наконец, тфокотлы. Те, кто принадлежит к более низкому рангу, всегда остаются стоять до тех пор, пока все выше их стоящие не подадут им пример и не сядут.

Недавно здесь были двое беглецов из Анапы — мужчина и женщина. Те, что захватили их, хотели их разъединить, но они сказали, что они муж и жена, и поэтому их решено было не разлучать.

19 марта 1838 г. Здесь нет ни портных, ни сапожников, ни шапочников, и все, что необходимо для одежды мужчины, изготовляют ему женщины — его родственницы или знакомые. И действительно, единственные ремесленники, которых я наблюдал или о которых слышал, — это серебряных дел мастера, оружейники, мастера, изготовляющие телеги, и редко встречающиеся

бондари. Каждая семья строит своими силами свой дом или свои дома. Единственная обстановка в домах — это сделанные домашним способом скамьи и табуретки; остальное движимое имущество состоит из сундуков, а также матрацев, подушек, стеганых одеял (все это получается из Турции или изготовляется дома), циновки с берегов Кубани, где тростник растет в изобилии, чугунные горшки, небольшие трехножные столики или, вернее, подносы, и некоторые другие предметы. Таким образом, можно легко себе представить насколько переезд семьи, в случае необходимости, является делом несложным.

Один токав этой долины похитил недавно невесту без согласия ее родителей, не заключив при этом договора относительно выкупа; теперь он вынужден заплатить за свою возлюбленную дороже, а именно: он должен дать двух мужчин-рабов и двух женищн-рабынь, кольчугу, саблю и револьвер, украшенный серебряной резьбой, кроме того баранов и быков стоимостью около двухсот фунтов стерлингов; между тем в обычном порядке он обязан был бы заплатить около половины этой стоимости. В том и другом случае, однако, дается значительное время, иногда несколько лет для возмещения выкупа.

Мне было забавно узнать, сколько стараний проявляет наша красавица-хозяйка, чтобы обратить на путь истины моего молодого красивого грузина: она убеждает его, что вера, которой он следует, только для этого мира, но он должен подумать также и о другом мире, куда его могут позвать не сегодня-завтра, или даже через час. Но считая недостаточными эти, хотя и красноречивые доводы, она прибавляет, что, если он станет мусульманином, он будет жить в ее семье как ее родной сын и получит часть наследства и, что превыше всего, прекрасную, молодую жену! Пусть наши прекрасные покровительницы миссионерских обществ призадумаются над этим примером...

Письмо восемнадцатое

Псид. 29 марта 1838 г. ...Различия в оттенках религий и обычаев, на которые религия везде оказывает большое влияние, весьма значительны, как я убедился, в зависимости от местности. Вокруг Анапы, на значительное расстояние, а также вдоль реки Кубани, где вели торговлю, главным образом, бывшие турецкие жители крепости, вследствие влияния и примера этих торговцев-магометан приобрела преобладание магометанская вера и она сохранилась здесь во всей неприкосновенности.

Между тем, как начиная от Геленджика до Вайа, приблизительно, и на некоторое расстояние внутрь страны к мусульманству примешались явные следы христианских обрядов. Великий пост, пасха (с ее крашеными яйцами), масляница находят отражение в примитивных обрядах, совершаемых в то время, на которое падают данные христианские обычаи и празднества.

В долине Чопсик мы встретили большой отряд мужчин, среди которых было много молодых людей, на конях и пешком,— все они возвращались с одного из подобных празднований. Начиная от Вайа и до Суча, где турки всегда вели довольно оживленную торговлю, магометанство снова начинает преобладать, и можно найти в этой части побережья примеры тому, что в отношении брачных союзов учение это одержало верх над различиями в общественном положении, между тем как в других местностях эти различия строго соблюдаются. Так, например, один богатый токав из Шамтоача женился на дочери одного пшэ, или князя. Старинная привычка пить вино удержалась среди большей части населения этого края и, я полагаю, будет процветать еще долгое время, несмотря на упреки в неверности со стороны правоверных мусульман, так как привычка сильнее всяких предписаний. На юг от Суча снова встречаются следы христианства, между тем по направлению к высоким горам внутри страны многие, как говорят, чужды какой бы то ни было религии.

Шепл. 2 апреля 1838 г. ...Убитый токав был необыкновенно богат и еще более увеличил свое богатство благодаря тому, что у него жили турецкие купцы. Все это вызывало зависть среди его соседей, в особенности тех, кто принадлежал к семье Карзек; когда по одному случаю токав обратился с резкими упреками к своим соперникам и между ними возникла ссора (из-за преобладания влияния той и другой стороны), то мать одного из членов братства Карзек побудила сына к отмщению за нанесенное оскорбление. Сын отправился к усадьбе токава и выстрелил в него в то время, как он полулежал на диване. Последний прожил недолго и, умирая, просил, чтобы его братство не соглашалось на уплату штрафа за его убийство, но твердо стояло на выполнении закона «кровь за кровь». Карзеки предложили уплатить установленный штраф—200 быков или же наложить наказание на виновного, но при этом они добавили, что если будет убит тот или другой член их братства, то они отомстят тем же. Таким образом, дело и остается пока в неопределенном состоянии.

Том II

Письмо девятнадцатое

1 мая 1838 г. Моя хозяйка и высокая молодая красавица-девушка, приезжавшие навестить этого человека (раненого молодого человека.—*Ред.*), уехали сегодня в Сочи, чтобы посетить воспитателя дочери, первостепенного дворянина, который, как и многие другие, был ранен 25 апреля упавшим на него в лесу деревом. Этот обычай посещать больных женщинами господствует повсюду. Посещение девушки с блестящими глазами моло-

дого раненого воина сильно способствовало к поднятию его мужества. Я видел несколько раз двух молодых девушек, сидящими у ложа моего больного, из которых одна, сестра Гасан-бея, обмахивала его и оказывала всякие другие нежные знаки внимания. Она причесывала или, вернее, много раз поправляла хохолок на макушке его головы, который обыкновенно носят молодые люди. Я совсем не намеревался его лечить, как врач, но он был в таком восторге от действия данного мною лекарства, что он тотчас же отказался от вызванного сюда врача и просил меня занять его место. Таким образом он сбережет несколько сотен пиастров, предназначавшихся на лечение его ног, раненных ружейными пулями.

10 мая 1838 г. Как кажется, в Сочи происходит большой спор по поводу снятия некоторых старинных крестов, из которых три особенно почитаемы. Один висит на дереве, а два других стоят. Кроме того есть еще много других крестов железных и несколько позолоченных.

Письмо двадцатое

Кисса. 14 мая 1838 г. Современное положение и нравы черкесских женщин произошли из смешения турецких и черкесских обычаев, только, кажется, что первые преобладают для замужних женщин, а вторые для незамужних, причем они являются полной противоположностью европейским обычаям, особенно в высших классах.

Дом и общество женщины недоступны ни для кого, как и в Турции, исключая мужчин ее собственной семьи, аталыка, ее детей, членов братства и мужа, которые всегда имеют к ней свободный доступ. Когда она идет к подругам в гости, то она тщательно закрывает голову и лицо густой вуалью, вся покрывается ею вроде манто. Она должна избегать встречи с мужчинами, но если это случается и если только это не рабы, она должна почтительно встать в сторонке, пока они не пройдут.

Девушка же, у которой узко стянут корсет, покрытый спереди серебряными аграфами*, также как и шапочка, украшенная серебряными пуговицами и галуном,— имеет воинственный вид, как будто ее невинность вооружена во всю и неуязвима для всех атак, в то время как волнистые локоны ее длинных волос, ее развевающееся платье и ее скромная походка, придают ее фигуре женственность, а если она высокого роста, то достоинство и грацию; девушка, повторяю, выходит без покрывала и если случается, то она смешивается с толпой мужчин без всякой робости.

---

* Нарядная пряжка или застежка (Прим. ред.).

Взрослая красавица-девушка, которую я часто вижу входящей сюда в кунацкую, полную мужчин, чтобы навестить больного воина, заставляла меня много раз думать об Орлеанской деве, исполнявшей вместе с этой обязанностью и свой воинственный долг в отношении своих товарищей по оружию.

Хотя таким образом и скрыты прелести замужней женщины от постороннего взгляда, но не нужно думать, что этим у них совершенно заглушена главная характерная черта их пола (и, конечно, не менее свойственная им, чем другим) — желание нравиться, потому что покрывало, которое они носят, обыкновенно бело, как снег, и ниспадает широкими складками, часто оно сделано из тончайшего муслина или из самой лучшей ткани, какую они только могут достать, а накидка или плащ, одна из самых дорогих частей костюма черкесской женщины, бывает из очень широкого куска европейской шерстяной материи, красота и стоимость которой зависит от средств владелицы. Управление семейными делами находится в руках отца, но я здесь достаточно видел и слышал, чтобы убедиться, что это главенство, как и в других странах, зависит от степени интеллигентности, и если женщина обладает им, то скипетр переходит в ее руки.

...Я не знаю, какой путешествующий или странствующий по свету парижанин внушил черкесам мысль улучшить божье создание стягиванием бедер юных девушек тугим кожаным поясом с находящимися в нем косточками китового уса, носимый ими до самой свадебной ночи, когда жених имеет право разрезать его своим кинжалом. Этот обычай существует и теперь, но несколько лет тому назад его разумно сделали шире и уничтожили совершенно китовый ус.

11 июня 1838 г. ...Мой хозяин, один из богатейших людей побережья и состояние которого равняется приблизительно 6000 фунтам, был недавно ранен и его поместье беспрестанно наводняется многочисленными толпами его друзей, прибывающими, чтобы выразить ему свое почтение в кунацкой, где он, как это бывает всегда в таких случаях, положен в полном наряде для их приема. От 15 до 20 человек проводят обыкновенно с ним ночь, большая часть которой проходит в пении, танцах и других развлечениях и, как они говорят, все это для того, чтобы развлечь его. Находящиеся в доме, и такое же количество людей вне дома, пели попеременно, а иногда отвечая одни другим. Вблизи дивана лежал лемех и в него ударяли от времени до времени молотом с такой силой, что о сне и думать не приходилось. Огромный огонь, горевший в очаге, освещал это безумие. И все это происходило около человека, пульс которого делал 90 ударов в минуту. О количестве гостей можно иметь представление, если принять во внимание, что за шесть дней было убито и съедено 5 буйволов, коза и ягненок. Вначале я в качестве хирурга прекращал их пение и танцы (для которых каждый вечер приходила группа молодых девушек), крепостные были, между про-

чим, единственные, принимавшие в них участие. Потом постепенно я уменьшил и остальной шум, пока, наконец, мой больной не смог проводить в полном покое всю ночь. Но я боюсь, что пройдет немало еще времени, пока совершенно исчезнут эти смехотворные обычаи, потому что мой хозяин и посетители, кажется, находили неразумными меры, урезавшие полагающиеся в таких случаях увеселения, которые они считали самыми лучшими для него, потому что предрассудок состоит в веровании, что черт может причинить больному много зла, если тот заснет ночью. Железный лемех поставлен у его кровати для того, чтобы каждый из вновь входящих гостей ударял по нему три раза молотком и обмакивал бы свои пальцы в то же время в воду, находящуюся в сосуде, в который положено яйцо, и которой он кропит простыни, что служит средством охранения от злого глаза. Для этой же цели проводился круг внутри жилища и вокруг стен чистым коровьим навозом и клался Коран на подушку больного.

Вера в злые действия, которые может причинить дурной глаз, одно из самых глубоко вкоренившихся суеверий у черкесов и турок, которое освящено Кораном.

Письмо двадцать третье

19 августа 1838 г. Вечером, пересекая маленькую долину Квафф, ища убежища на ночь, я заметил толпы людей, расходившихся в различных направлениях к своим жилищам. Мы подъехали к столбу, довольно высокому и хорошо укрепленному в землю, на его вершине была прикреплена голова козы, кожа, привязанная к перекладине, развевалась как знамя, около нее был сделан из четырех столбов балдахин, плоская крыша которого состояла из густо сплетенных зеленых веток и обнесена круглой солидной изгородью. Это, как я узнал, было священное место, где коза погибла святой смертью — от молнии и ее останки, кроме головы и шкуры, лежали под балдахином. Вблизи этих трофеев находилась круглая большая травяная площадка, которая была совершенно вытоптана. На ней развлекалась молодежь этой местности, мужчины и женщины, в течение трех дней танцами, празднуя память посещения этой долины Шибле, духом грома. Хотя эти реликвии древнего верования совершенно исчезли в мусульманских областях этого прибрежья, но употребление слова Шибле, как выражения заверения, очень ходко на всем побережье. В местности от Пщада до Вайи более чем где-либо в другом месте встречаются следы христианства, смешавшиеся с другими верованиями этого же рода, говорят, что и на побережье Азра их встречается также много.

12 сентября 1838 г. Лука присутствовал на празднике почитания одного из многочисленных крестов, существующих в этой

части страны, причем, кажется, каждый из них имеет свой специальный день. Церемонии представляют собой смесь христианства с другими верованиями. В данном случае присутствовало только 50 человек; это все были главы семей и каждый из них принес с собой один или несколько столов для принятия пищи. Кроме принесенной провизии, две или три козы были принесены в жертву; в момент жертвоприношения были зажжены факелы, которые держали у изголовья жертв и у креста. В небольшом отдалении от креста были поставлены столы и все, проходившие мимо, снимали шапки; но никто не подходил к кресту за исключением трех или четырех лиц, громко произносивших молитвы. Они призывали божество отвратить от них войну, чуму и все другие несчастья и послать им богатую жатву и счастье. Приближаясь к кресту и произнося молитву, один из них держал в одной руке кусок, взятый им со стола, а в другой бокал, полный национального напитка шуат, а затем то и другое раздавалось всему собранию. Эта реакция в пользу обычаев старой веры произошла, кажется, не только здесь, но и в других местностях на севере. Многие люди громко заявляют, что с тех пор, как стали пренебрегать старыми обычаями, их стали посещать несчастья. В Цемесе незадолго до этого был совершен, только гораздо торжественнее, такой же обряд, посвященный Шибле — духу грома, по случаю убитых трех лошадей и дерева, сожженного молнией.

Так как мои соотечественники были недовольны некоторыми здешними дворянами (как, например, Шупако Индар-Оку), благодаря их жадности к подаркам, то я старался селиться в течение последних трех недель у кого-нибудь из класса тфокотль и имею много причин быть этим довольным.

Когда мой хозяин Цеквахац-Оку Киртянц узнал, что я желал бы здесь пробыть некоторое время, он не только высказал свое пожелание, чтобы я остался здесь на целые годы, но тотчас же перевел меня на житье из кунацкой в красивый маленький домик недалеко от своего, находящегося посередине аула, стараясь изо всех сил быть внимательным ко мне...

Несмотря на то, что жизнь черкесов проходит большей частью вне их дома, я наблюдаю ее достаточно, чтобы иметь о ней ясное представление.

Вокруг меня хижины четырех семей (две из них принадлежат вдовам); все они родственники между собой и, кажется, живут в полной гармонии. В середине нашего луга находится длинный высокий дом, который служит кухней (где по большей части готовится пища для кунацкой), а во время дождей или жары для сортировки продуктов, получаемых из садов, лежащих вокруг нас. Из всего окружающего здесь мне интересна та свобода, с которой две дочери двух вдов принимают днем и до глубокой ночи посещения мужчин, как молодых, так и ста-

рых, предпочитающих эти две семьи всем другим, где нет девиц.

В их поведении по отношению к более любимым среди их посетителей совсем не замечается приличной сдержанности, которую можно было бы ожидать по выдержанной и скромной манере черкесских девушек вне дома. Я думаю все-таки, что эти молодые люди или двоюродные братья, или члены одного и того же братства (число которых, как я уже говорил, насчитывается тысячами), причем брак между ними строго запрещается и молодые девушки по черкесскому закону должны смотреть на них, как на братьев, общим именем которых их часто всех называют.

Природа, над которой в данном случае насмехаются, часто заявляет о своем законном праве в этой позволяемой близости столь далеких двоюродных братьев, и бегства обоих молодых людей, которым обычай позволял так свободно развивать их взаимную страсть, под защиту более отдаленного братства указывают, насколько человеческие законы ничтожны перед законами природы...

Семьи этого аула, кажется, очень искусны и трудолюбивы. Мужчины занимаются уходом за лошадьми и земледелием; старшие женщины занимаются ежедневными заботами по хозяйству, приготовляют пищу, присматривают за садами, обрабатывают шерсть, лен, коноплю для изготовления одежды; молодые же девушки занимаются также прилежно шитьем, стиркой, пряжей и тканьем и другими подобными работами. Одна солидная женщина, которая живет в настоящее время здесь, часто посещает девушек, и я заметил, что как только она приближается к ним, сидят ли они перед хижиной или внутри ее, они всегда встают и стоят до тех пор (несмотря на то, что они родственники и друзья), пока она не сядет. Эту вежливость они соблюдают и по отношению ко всем мужчинам, которые их посещают, когда те входят в дом, также и в отношении меня, если я прохожу даже в некотором расстоянии от их окна.

Перед моей хижиной проходит прямая тропинка, ведущая к двум другим, но женщины, благодаря этикету, запрещающему проходить мимо мужчин, теперь редко пользуются ею, а делают неудобный крюк позади моей хижины. Так, однажды обе девушки, после нанесенного ими мне утром визита, ждали до тех пор, пока стоявшие у ворот мужчины не отошли настолько, чтобы они могли пройти позади них. Та или иная из девушек, а иногда и все наши женщины всегда провожают до границ земли своего аула тех, кто приезжает к ним в гости, и никогда не разрешается возвращаться молодой девушке или женщине одной домой. По всему тому, что я видел, я смотрю на черкесов в массе как на самый вежливый от природы народ, который я когда-либо знал или о котором я когда-нибудь читал.

23 сентября 1838 г. Вчера я в первый раз присутствовал на

богослужении... Около полудня я отправился в сопровождении моего хозяина вместе со всеми другими мужчинами нашего и других аулов, и пока мы спускались по нашей долине, мы встречали еще многих других жителей по соседству, некоторые из них несли на голове маленькие столики с хлебом и пастою. Молодой человек был послан вперед, чтобы положить камни во множество изгибов речки, сильно вздувшейся благодаря равноденственным дождям. Эта предосторожность была сделана специально для меня — единственного, который был обут. После Пшадской долины мы пришли в старинную часть ближнего дубового леса, среди которого собрались старики (не менее почтенные, чем эти древние дубы, которые окружали нас), помимо молодежи всех возрастов, так что всего было около 120—130 человек. Одни из них сидели на поваленных деревьях, другие — на ветвях, которые покрывали землю и образовали две стороны четырехугольника в небольшом отдалении от самого большого дерева. Около него был воздвигнут крест, к стволу его было прислонено много других, служивших раньше для святой цели и предоставленные теперь «медленно точащему зубу времени». При нашем входе в священную загородку все сидевшие встали и оставались стоять до тех пор, пока я не занял назначенное для меня место... Многие из приходивших после нас приветствовали нас, снимая шапки, вместо того, чтобы прикладывать по обычаю правую руку ко лбу.

Перед крестом стояло около 40—50 маленьких столиков, которые, как я уже говорил, были покрыты хлебом и пастою в изобилии. Позади над огнем висело на поперечном бревне много больших котлов, около которых вплотную стояли две козы, жертвы дня, крепко связанные и ожидающие терпеливо своей участи. Стая собак (в надежде, что они смогут чем-нибудь поживиться) бегала взад и вперед, доставляя молодежи немало забот, держать их в отдалении от столов.

Сначала люди стояли на самом месте сбора, затем мало-помалу одни стали расходиться, чтобы поговорить о своих частных делах, другие же (настолько мало развито чувство благоговения у этих детей природы) занялись приготовлением ремней для седел, а мой сосед Касполет исправил мне тут портупею. А затем жертвоприношение проводилось так же, как и на празднике креста. Следившие за столами с непокрытой головой стали призывать духа грома, чтобы он не оставлял их своей защитой и отвратил бы от них и их семей молнию и всякие несчастья. Вскоре после этого мне принесли два больших простых хлеба и бокал, полный шуат (напиток, состоящий из перебродившего меда и просяной муки), а затем хлеб и шуат были разделены между всеми присутствующими вплоть до самых младших мальчиков. Напиток продолжал обходить время от времени круг до тех пор, пока содержимое котлов варилось. В течение этого времени старики все вместе держались несколько в

стороне — казалось, они поучали одного более молодого; наконец он подошел к нам и сообщил о приближении трех следующих праздников, а также о числе нужных жертв (коз и быков), столько-то для креста, столько-то за моление об изобилии, столько-то для отвращения чумы.

Затем последовал опять долгий перерыв, пока не было готово содержимое котлов... Главный священник (если можно только так назвать человека в рубашке и кальсонах, занятого у столов) разрезал мясо на разные части по числу столов. На столе, назначенном для меня и Касполета, положили около полдюжины великолепных хлебов, которые, за исключением одного разрезанного, мой хозяин получил разрешение взять для меня домой.

Эти празднества происходят очень часто в это время года... Они служат поводом к частым дружеским сборам всего народа и доставляют возможность питания мясной пищей тем, которые ее имеют очень редко; потому что кроме того, что те из беднейших семей, которые бывают на праздниках и кушают ее (т. е. мясную пищу. — *Ред.*) здесь, они уносят с собой в свои семьи большие порции мяса; раздача пищи среди бедных составляет одну из главных частей этого праздника, предписываемого священным обычаем.

Письмо двадцать четвертое

Псеомуц. 1 октября 1838 г. ...Сегодня утром я поехал, чтобы присутствовать на одном из религиозных праздников, который особенно возбуждал мое любопытство, частью благодаря своим особенностям, частью благодаря соединению людей обоего пола, которое бывает обыкновенно в таких случаях. Этот праздник можно было бы назвать «принесением даров». Кто любит аналогии, тот мог бы отнести этот праздник к еврейским и считать его установленным в память жертвоприношения Авраама, потому что по здешнему обычаю каждый мальчик после известного возраста как бы посвящается богу и за него приносят в жертву животное. Этот обычай пользуется таким уважением, что даже те, которые выдают себя за магометан и имеют известное отвращение ко всем таким обычаям, не записанным в «их книге», все подчиняются ему частью в силу привычки, частью в силу влияния мнения большинства. Так и мой приветливый хозяин Цеквахцах-Оку, принадлежащий к ним, тем не менее посвящал своего сына. Местом общего собрания служил опять луг в Пшадской долине, где группа почтенных дубов составляла один из тех естественных храмов, которые возносят душу к почитанию природы. Посредине этой маленькой рощи находился крест, к которому были прислонены другие, изношенные временем, и снова перед ним стояли столы, покрытые хлебом и пастой, принесенными жителями соседних ау-

лов. Я заметил, что многие (но не из приносивших и передававших их мулле) снимали шапки, становились на колени перед крестом и касались лбом земли.

В небольшом отдалении от этого святого места с одной стороны была устроена палатка для меня, а с другой стороны — для женщин, которые стали приходить вскоре после меня; всего их было около 60 человек, старых и молодых, причем пожилые располагались на поляне около огня, а молодые на опушке около рощи.

Эта церемония была более торжественна, чем предыдущая, хотя она началась также с короткого моления «великому богу» о даровании всякого рода благ, от избавления от всех несчастий.

Главный священник, произнося молитву, простирал правую руку с деревянной чашей (такой же точно формы, какие употребляются у нас в церковных богослужениях), наполненную шуатом, к кресту, а в левой держал пресный хлеб. Затем он передавал хлеб и чашу тем, кто находился около него, принимая от них новые чаши и хлеба, и каждый раз произнося благословение, которое громко повторяли все присутствующие, стоявшие позади него рядами с непокрытыми головами и на коленях; при окончании каждого благословения (он раз 5—6 принимал хлеб и чаши) все они касались земли головой. Женщины делали то же самое. Шуат и хлеб затем были розданы всем присутствующим. Жертвы же, а именно теленок, овца и две козы, были приведены к кресту, причем каждую жертву держало два человека; над каждой из жертв священник произносил благословение, проливал на голову несколько капель шуата из одной из чаш, ожигая затем несколько волосков на стоящей у подножья дерева, позади креста, горящей восковой свече. После этого скотину увели на убой, и это послужило сигналом к тому, что можно расходиться. Молодежь проделала это довольно шумно; некоторые пошли помогать резать скот и готовить мясо для котлов, другие развлекались беготней, прыганьем и т. д., в то время как пожилые заполняли это время беседами. Что же касается первосвященника, исполнявшего свое дело с большим достоинством, то он оставался все это время с непокрытой головой перед крестом и столами, с буркой на плечах, посохом в руках, и оказывал своим молодым сотрудникам немалую помощь в их занятиях, среди которых распределение мяса среди бесчисленных столиков было нелегким делом. Над каждым столиком он произносил благословение, прежде чем тот был поставлен перед сидящими (в форме круга) мужчинами и женщинами, причем шуата было сколько угодно.

Как и в первый раз, едва наше пиршество началось, как те, которые доставили нам в пищу животных, стали обходить вокруг столов и собирать мясо и хлеб и едва оно кончилось, как все общество разошлось. Число присутствующих было до 400

человек. Мне рассказывали, что в прошлом году собрания эти были в пять раз больше и по окончании церемонии были танцы, джигитовка, скачка, стрельба в цель и т. д. Уменьшение числа присутствовавших на этом празднике было вызвано тревогами войны...

Доказательством того, насколько охотно мусульмане, из которых состоит большинство жителей этого аула, соблюдают эти древние обычаи, может служить следующий случай. Перед вышеописанным праздником я хотел выпить после обеда и взять с собой в эту экскурсию на священную гору шуат, который мой хозяин готовит лучше всех и который, за отсутствием лучшего, мне нравится. Но затем я узнал, что большого запаса свежесделанного шуата, также как и огромного количества пресного хлеба, приготовленного для праздника и лежащего на кухне, нельзя касаться до тех пор, пока избранный для этого старец не благословит их для жителей (как мужчин, так и женщин) всего аула. Поэтому я просил не нарушать ради меня обычая и попросил воды, чтобы утолить жажду. Но мой внимательный хозяин уже послал за стариком, который тотчас же пришел, чтобы совершить эту церемонию. Меня просили не присутствовать при этой церемонии, потому что иначе все замужние женщины должны были бы удалиться. Церемония же вся состояла, как я слышал, из одной молитвы о ниспослании счастья для всего дома или скорей для всех жителей аула, произносимой над шуатом и хлебом. После чего мне принесли и то и другое.

Шуат — национальный напиток черкесов, подается обыкновенно в огромных деревянных чашах, вырезанных из одного целого куска дерева...

27 октября 1838 г. ...У нас здесь были устроены большие поминки в память брата одного из владельцев этого аула. Три дня и три ночи напролет наш аул был переполнен женщинами, пришедшими помогать в приготовлениях: пекли хлеб, варили шуат, а многие принесли еще в день трапезы продукты: хлеб, пасту, мед, шуат, баранину и т. д.

В назначенный день собралось народу гораздо больше сотни, потому что я насчитал 40 только женщин и девушек, которые шли в процессии по соседнему полю (в то время, как другие оставались в ауле), чтобы вместе с мужчинами (которых было гораздо больше) присутствовать на могиле умершего при совершении молитв муллой. Причем согласно обычаю этой части страны должны были принести на его могилу его обнаженную шашку и разрядить его ружье и в то же время обвести его лошадь три раза вокруг могилы, а затем обрезать у ней ухо в память покойного хозяина. Но так как его брат выдавал себя за мусульманина, то после некоторого спора эти ритуалы были отставлены.

Праздник по обычаю праздновался под открытым небом, не-

смотря на то, что погода была очень холодная. В поле, о котором я говорил, в самом возвышенном углу, стояли женщины, впереди пожилые, здесь же были собраны съестные продукты: целые горы хлеба и 6 или 8 больших котлов полных мяса. Мужчины же стояли на некотором расстоянии немного ниже. Для этого поминовения было убито 13 овец и одна корова, причем мясо, как и все другие припасы, должны были быть разделены так, чтобы их могли на месте поесть, а беднейшие еще унести их с собой домой. Я не присутствовал на празднике, но я мог видеть все, что происходит, из моей хижины, куда мне прислали великолепный кусок баранины, печенья и кружку меда.

Тотчас же после окончания еды собрание разошлось домой, потому что многие приехали издалека. На этот раз я мог наблюдать все гораздо лучше и любовался той грацией, с которой прощались женщины; сначала они обнимали друг друга правыми руками, а затем пожимали друг другу правую руку...

6 ноября 1838 г. Нездоровье задержало меня здесь; это дало мне возможность познакомиться поближе со здешними религиозными обычаями. Сегодня празднуется четвертый и последний день праздника Марии. Вечером, 2-го [ноября], приготовили для празднования его шуат, пирожное из пресного теста и положили в нашей кухне; один старец прочел над ними благословение, после чего их дали каждому из нас. Я рано лег спать, ничего не предполагая. Около полуночи я был разбужен шумной музыкой и когда я быстро открыл ставни моего окна, то увидел на лужайке нашего аула собравшимися около ста человек мужчин и детей, некоторые наводнили кухню, чтобы подкрепиться хлебом, шуатом и пирожными, в то вермя как молодежь предавалась различным играм на лужайке при свете луны, а те, которые имели право входа, шли в помещение женщин, которые все были одеты и на ногах. Приблизительно после часа хористы удалились со своими товарищами и долго еще раздавались их голоса в других аулах нашей маленькой долины (которых, как я узнал, к моему изумлению, было 45), куда они отправились, распевая гимн Мэрем. Лука затесался в их компанию, но он мог уловить только несколько слов этого гимна; вот они: «твои длинные развевающиеся одежды блестят, как серебро, ты — владычица неба и покровительница молодых девиц. О, благослови нас богатым урожаем, ниспошли мир и счастье». Таким образом, были проведены 4 лунных ночи этого месяца, тогда как в продолжение дня этих 4-х дней совершались жертвоприношения (устраивались трапезы и раздача пищи бедным, т. е. самым бедным, потому что здесь нет никого, кто бы совершенно был лишен средств к существованию). На второй день Лука отправился на праздник в соседнюю долину. По случаю праздника хозяин дал каждому из собравшихся в большой хижине гостей по маленькому кусочку печени убитой им коровы, призывая на каждого благословение, которое ниспошлет Мэрем.

На следующий день и у нас было проведение тех же самых ритуалов, но только в меньшем размере и на меньшем пространстве, так как мой хозяин исповедует ислам...

Вчера небольшая группа женщин посетила две главные семьи нашего аула, сопровождая красивую молодую, только что вышедшую замуж женщину, которая совершала объезд своих родных для сбора подарков по местному, хотя и не всеми принятому обычаю, но не содержащего ничего в себе позорного. Она встретила здесь радушный прием, получала от всех тех, к кому она обращалась, то, что она просила, и отправилась дальше в следующие аулы в сопровождении наших двух молодых женщин.

Письмо двадцать пятое

Псеомуц. 8 ноября 1838 г. Второй праздник поминовения усопших позволил мне взглянуть на древние религиозные обычаи этой страны. Поминки справляли по умершему рабу; 9 овец и бык были принесены в жертву. Лука присутствовал при этом и слышал, как лицо, которое их резало, каждому из них говорило имя умершего и прибавляло: «Не бойтесь, это приведет вас на небо». Такие же поминки устраиваются всем теням умерших, даже рабам-иноверцам — полякам и русским. Я получил тоже свою часть от праздника, несмотря на то, что я находился на расстоянии более полумили; ко мне прислали двух людей с великолепным куском баранины, паштетом и т. д.

Письмо двадцать шестое

Суа Озерек. 15 декабря 1838 г. Здесь возник странный спор в отношении пошлин на ввозимые товары; так их можно вполне назвать, потому что по существующему обычаю каждое судно должно уплачивать от 16 до 60 масс соли (2 массы = 1 килограмму) в зависимости от количества ввозимых товаров. Эта соль тотчас же равномерно распределяется среди семей ближайшей местности; причем те, которые помогают довести судно до берега или дают приют и содержание корабельщикам, приезжающим издалека, оплачиваются особо. На другие товары пошлина не распространяется. Обыкновенно соль принадлежит капитану (или капитанам, потому что часто бывает, что одно и то же судно имеет двух капитанов), или матросам, которые привозят с собой маленькие партии свинца, пороха, стали, иголок и т. п., и, как кажется, имеют равные с капитаном голоса при составлении путевого плана; но все же на море наблюдается величайшая субординация. Я должен еще отметить, что при вывозе не взимаются пошлины; но здесь су-

ществует обычай, что каждый чужеземный купец семье, у которой он остановился, делает подарок в 5 штук (на севере, а на юге 10) товара (причем цена каждой штуки равняется 20 пиастрам или 1/3 гульдена). За каждого раба, которого купец увозит с собой, платят 400 око меду, соленого масла или сала; эта сумма равняется стоимости раба. Семья же со своей стороны предоставляет купцу и его крепостным квартиру, содержание, также как и помощь при разгрузке товаров и помещение для их хранения до тех пор пока купец остается на берегу. Случай же, о котором я упоминал, произошел так: судно, которое тащили к берегу, наткнулось на подводный камень и почти вся соль погибла...

Озерек. 16 декабря 1838 г. В настоящее время я гость верховного судьи Хаджи-Оку Махмета. Когда я проезжал долиной Озерек, единственной большой долиной между Цемесом и Анапой, имя которой носит и вся соседняя местность, я заметил с неудовольствием, что судя по толпе людей, покрывавшей лежащую перед нами возвышенность, угону скота и ружейным выстрелам, суд окончился, а здесь как раз разбирался случай убийства и постановление гласило, что за кровь можно заплатить рогатым скотом и другими вещами. 200 быков, как я уже говорил, законная плата за убийство, но так как немногие семьи владеют большим количеством быков, то в уплату предложены были другие вещи и они были приняты. Такого рода собрания составляют суды, которые не только судят преступников, но также определяют стоимость предметов, предлагаемых взамен недостающих быков.

Когда мы въехали во двор временного суда, то упала сгоревшая соломенная крыша, что явилось для нас еще одним доказательством того, что суд окончился... (*Далее Белл узнает о некоторых решениях суда.—Ред.*).

В данном случае присужденный к смерти был ненормальным, потому что он убил мальчика и ранил двух лиц одной семьи, которая, как он считал, оскорбила его; затем он прокрался в дом одного из своих соотечественников, с намерением убить его. Братство по обычаю приговорило убийцу к смерти, сбросив его в море со связанными руками; и все же семья убийцы и его родня, согласно понятиям черкесов, обязаны были предоставить законное возмещение за его преступление. Приходится думать, что такие осуждения, хотя и сильно расходятся с нашими понятиями о справедливости, служат все-таки гарантией порядка, потому что каждая семья обязывается следить за поведением всех своих членов, так как в противном случае она несет наказание за совершенные преступления. В данном случае плата в возмещение равнялась 200 быкам за убитого мальчика, 30 быкам за ранение молодого человека, и двум быкам за ранение женщины, так как она была ранена неопасно. Причем выплачен был только первый штраф

(т. е. за мальчика.—*Ред.*), родители мальчика получили 60 быков, а их родственники все остальное. Выплата двух остальных частей назначена на следующее лето и будет разделена пропорционально между родителями и родственниками. Причина такого деления штрафа лежит в том, что как родители, так и родственники в подобных обстоятельствах являются поручителями.

Агсмуг. 19 декабря 1838 г. После моего восьмидневного отсутствия, я снова устроился на моей прежней квартире, последние четыре дня были посвящены такому же празднованию Байрама, как и первые четыре в ауле судьи, где я нахожусь теперь, и в двух прилегающих к нему аулах. Все это произошло вследствие спора о первом дне луны среди старейшин, что вполне понятно, потому что люди, лишенные астрономических вычислений, часто должны его угадывать во время пасмурных дней. Праздник продолжается три дня, в течение которых ничего не делают или очень немного; молодежь же проводит время в хождении из дома в дом по гостям. Самый главный день—первый день праздника; в этот день, после богослужения, когда позволяет погода и местность, проводятся скачки, стрельба в цель и другие подобные упражнения...

22 декабря 1838 г. До сих пор я думал, что люди здесь веселятся единственно только на свадьбе, но я был в этом приятно разочарован. Вчера утром мой молодой грузин попросил у меня разрешения проводить молодых женщин этой долины на танцевальную вечеринку в соседнюю долину... Вечер был снежный и холодный, термометр показывал ночью около 15 градусов ниже нуля. Но это не удержало этих нетерпеливых молодых людей от перехода в три мили через обледенелые возвышенности... Аул был полон посетителями, большинство танцевало в бесконечном круге на толстом слое сена вокруг пылающего костра, пропорционально величине круга, остальные развлекались пением и разговорами в хижине, ожидая своей очереди. В полночь вернулся мой слуга, который благодаря многолетнему пребыванию в Константинополе немножко отвык от родных обычаев, усталый и довольный, заявив, что, собрание еще не думает расходиться, потому что назначенная для пира овца при его уходе была только еще зарезана. Но все же танцы кончились, и наши молодые девушки, вернувшиеся рано утром, должны были вместо отдыха отправиться в другом направлении, чтобы там отдать последний долг умершему одному из соседей, долг, для выполнения которого за ними пришли ночью...

Письмо двадцать седьмое

Агсмуг. 11 января 1839 г. ...Здесь я получил очень любопытный пример уважения к старшему брату. В нашем доме живут два брата, жена старшего имеет много общего с домаш-

ним драконом и желает управлять всем — и вещами и людьми, даже и своим добродушным и спокойным супругом. В ее распоряжении находятся все ценные вещи... и она их так крепко держит, что жена младшего брата ходит едва прилично одетая... Лука, который в высшей степени справедлив (потому что в случае раздела все делится между братьями поровну), упрекнул ее за то нищенское положение, в котором она держит свою сноху, и сказал (это он умышленно выдумал), что я считал ее сноху за рабыню, но его намек не имел никаких последствий. Затем он обратился с этим же к младшему брату, на что тот возразил: «Что же я могу сделать? На Вардана (старшего брата. — *Ред.*) я смотрю, как на отца, и было бы позором, если бы я с ним вступил в ссору, он видит наше положение, он может его улучшить или ухудшить, это как ему будет угодно». Но это послушание только десятая часть, к чему его обязывает его «сыновья» почтительность, потому что его полуголая супруга — это его вторая жена, а с первой он развелся, потому что она не смогла покориться тирании этого домашнего черта. Вскоре после этого она вышла замуж второй раз и по соседству живут ее многие дети. Ты видишь из этого, что развод здесь не встречает никаких затруднений. И действительно, когда муж разводится с женой, единственная потеря, которая происходит при этом, если не замешана любовь, это половина платы за добывание невесты; но если женщина сама уходит и если родные ее принимают, то они должны, несмотря даже на самое скверное обращение с ней мужа, или вернуть ее к нему, если он ее требует, или уплатить все и даже гораздо больше, чем выкуп. Последнее происходит чаще со сварливыми мужчинами, которые богатеют от этого. В этом доме старший брат обедает обыкновенно с моим переводчиком и с теми людьми, которые едят после меня, а младший брат и русский раб прислуживают, а затем что остается относится на кухню, где они и кушают остатки вместе; они и работают вместе...

14 января 1839 г. ...Сначала я тебе расскажу о некоторых особенностях свадебного этикета, сообщенных мне, потому что они помешали мисс Диссепли окончить работу, заказанную мною. Несколько дней тому назад ее брат привел домой жену, получив от меня и от некоторых других друзей подарки, которые он должен был отдать родителям в счет платы, которую придется позднее выплатить за нее. Сегодня мисс Паак отправилась со своими замужними и незамужними подругами к ним оказать честь невесте, взяв с собой пирожные и гутзель. Невеста не имеет права показываться до свадьбы нигде, кроме своей комнаты, сидит в ней и принимает визиты и поздравления женщин; это продолжается обыкновенно 10—14 дней, а иногда и месяц после того, как она покинула свой дом. Считается неприличным, чтобы невеста много говорила и потому за

нее должна отвечать на все вопросы и поздравления женщин ее сноха, т. е. мисс Диссепли, присутствующая все время в комнате. В течение этого времени бедный жених не имеет права видеться со своей невестой, и если он хочет ее навестить, то должен это делать только ночью. Жених изгоняется до свадьбы даже из общества своих родителей, и лишь после того, как он является к ним с подарком в виде буйвола, овцы или козы для пира и после поцелуя руки, он получает разрешение посетить свою жену, что ему разрешается делать только ночью. При рождении первого, да и последующих сыновей, повторяется та же церемония, но, к сожалению, я должен заметить, что этого никогда не бывает по случаю рождения девочки. В течение нескольких лет молодого отца не должны видеть вместе с его детьми, ни даже разговаривающим с его родителями, если при них находятся его дети. Этот этикет существует для всех классов, но обыкновенно правил этого обычая строго придерживаются только ворки и князья. Они-то и заботятся обыкновенно о том, чтобы их дети (особенно мальчики) тотчас же после рождения передавались бы на попечение аталыка на 10 или 12 лет. Так поступают тоже некоторые из самых богатых и влиятельных тфокотль, другие же классы стараются оставить детей дома, пока они не станут помощниками, и отдают их только в том случае, когда хотят избежать издержек, так как аталык дает ребенку все. В прежние времена, как говорит Потоцкий, аталык, если умирал его «пкур», или воспитанник, приговаривался к лишению ушей, но этот обычай давно уже вывелся...

17 января 1839 г. ...Около 15 лет назад одна вдова из благородного псадугского (бжедугского.—*Ред.*) рода после смерти своего мужа получила разрешение от его семьи навестить своих родных. Затем вместо того, чтобы вернуться обратно, как ей приказывал долг, она осталась в родной провинции и вышла замуж без разрешения и не считаясь с тем, что за нее было заплачено. Тогда Шупако потребовали беглянку, как собственность семьи их братства, обратно; и так как на их заявление не было дано ни ответа, ни удовлетворения, то они призвали на помощь агуджипсис, чтобы отомстить за такое оскорбление. Призыв прогремел по холмам и долинам до самых отдаленных ущелий Абадзак и нашел отклик в сердцах 4—5 тысяч воинов, собравшихся в долине против Кубани под предводительством двух опытнейших предводителей — Керику и Калабатоку из Шупако. Они отправились во вражескую провинцию. Жители ее тоже быстро вооружились и чтобы лучше отразить натиск, обратились за помощью к другим адыгам, но, узнав настоящую причину, те потребовали, чтобы делу придали законный ход и предоставили псадуг их судьбе. Последствием этой войны было сожжение нескольких аулов и смерть одного из их

князей вместе с некоторыми другими. Только тогда согласилась оскорбленная сторона передать дело суду...

19 января 1839 г. ...Недавно умер один из рода Сефер-Бея и мне представился случай познакомиться с обрядом траура, полагающегося для особы этого класса.

Тот, который желает выразить сочувствие, должен сойти со своего коня на таком расстоянии от аула, чтобы были слышны его плач и его жалобные крики, и по мере его приближения они становятся еще громче. Босой, без всякой одежды, кроме разорванного бешмета и плохих шаровар, с непокрытой головой, приближается он к дому, бросаясь от времени до времени на землю в знак печали, к нему навстречу выходят члены семьи и поливают голову водой, чтобы охладить пыл его печали. Во всем остальном ритуал похорон производится так же, как и у других классов.

В золотые времена этих князей, они выезжали в сопровождении большой свиты дворян и других людей. И только некоторые разряды дворянства имели право обедать с ними, и всегда один из дворян должен был занимать гостей разговором, потому что самому князю декорум не позволял, чтобы он много говорил.

Письмо двадцать восьмое

Псегаз. 28 января 1839 г. Вследствие особого приглашения я очутился вблизи совета судей и имел возможность получить представление об образе действий их судебного производства... Могу сказать, что на медлительное производство суда здесь пожаловаться нельзя. Как только судья приезжает в тот округ, где должны находиться преступники, то они собираются все у тамады вместе с другими, на общественной площадке, защищенной до известной степени от ветра, и пусть с севера идут снега и морозы, а с юга ливни, работа этих отважных горных судей все же будет подвигаться вперед. Если земля сухая, то самые пожилые садятся на разостланную солому, если нет этого, то они стоят в кругу, в то время как назначенные им в помощь (палка с вырезами служит их признаком и никто из них не имеет права покинуть поля правосудия без разрешения трех членов суда) сидят вокруг на лошадях или внимательно прислушиваются к тому, что говорят, или джигитуют на своих лошадях; во всяком случае они должны быть наготове каждую минуту, чтобы привести силой сюда всякого, который будет признан виновным и почему-либо отказывается явиться. Как только обвиняемый появляется, он допрашивается и если его признание совпадает с обвинениями, то он тотчас же приговаривается к уплате наложенного на него штрафа. Уплата производится сейчас же, непосредственно после приговора, и

самая трудная обязанность судей состоит в том, чтобы произвести оценку вещей, лошадей, оружия, товаров и тому подобного, взимаемых вместо определенного количества быков...

Когда приносят присягу, то укрепляется Коран на двух мускетах у самого круга вождей, и тот, который должен ее приносить, отправляется туда с тремя или четырьмя старцами, в присутствии которых он давал свои объяснения, берет Коран в свои руки и говорит: «Это книга бога, и я заявляю и т. д....». Присяга двух свидетелей необходима, чтобы осудить обвиняемого, потому что этим взвешивается и присяга обвиняемого, а если утверждение, подкрепленное присягой, отрицается только одним свидетелем, то устанавливается как бы равновесие между обоими показаниями и тогда только с согласия трибунала из судей самых старых восьми братств может быть вынесен ему приговор. Но если они даже и приговорили виновного к смерти, то его братство может, если оно верит еще, что он все-таки не заслуживает высшей меры наказания, выкупить его уплатой 200 быков. Я должен сказать, что в каждом братстве выбирается известное число тамад или старейшин, известных по своей честности, мудрости и опытности; они торжественно приносят присягу в том, что будут совершать суд по совести без лицемерия и что они не позволят себя подкупить дарами-вознаграждениями. Их называют «тарко-кхас»—«присяжные правосудия». В судебных и других заседаниях разрешается говорить каждому присутствующему, но редко прислушиваются к другим, кроме тарко-кхас или к старейшим. После того, как дело открыто обсуждалось и дебатировалось, тарко-кхас отходят к сторонке, совещаются о приговоре, затем возвращаются к трибуне и открыто объявляют о своем решении через выбранного ими самими президента...

При воровстве преступник судится обыкновенно судом из выборных стариков его собственного братства и из братства обокраденного; но последнему разрешается, если собрался судебный конгресс, передать свое дело туда. В первом случае штрафы (которые равняются 7 быкам, кроме стоимости украденной вещи, а при повторении преступления — 42 быкам) делятся среди судей обоих братств; в последнем случае штрафы поступают в общую кассу судящих старейшин и их помощников.

Если же речь идет о закоренелом преступнике, то он приговаривается за свое преступление или своим собственным братством (что случается чаще всего) к смерти и казнится, или осуждается на смерть судьями других 8 братств, причем тогда его братству предоставляется выбор: выкупить его или нет.

Теперь я могу еще кое-что сообщить о законах, потому что за это время я узнал много нового и если даже я в чем-нибудь буду повторяться, то прошу меня извинить ввиду важности сообщения.

Согласно старого обычая цена крови считалась «головами»; раб, хорошая лошадь, хорошая панцирная рубашка, хороший боевой лук, 60 овец и т. д. считались за одну «голову». 100 таких «голов» составляли цену за кровь пши или князя (цена крови за потомка султана была неопределенной), 30 — за уорка или дворянина, 20 — за тфокотля или свободного человека; 15 — за пшитль, или раба. Позднее тфокотли повысили цену крови до 28 «голов» и тогда же по совету Гасан-Паши (турецкого коменданта крепости Анапы.— *Ред.*) цена крови трех высших классов была повышена и установлена в 200 быков. Эта сумма равняется 30 «головам», т. е. стоимости крови дворянина. Но по отношению рабов закон не мог искоренить установившегося обычая и цена его крови так и осталась равной 15 «головам», т. е. половине крови дворянина. Я так и не мог узнать, касается ли это мероприятие свободных граждан, убивающих своих рабов. Когда я спрашивал об этом, то все отвечали, чо создавать такой закон совершенно излишне (это все равно что мешать человеку поджечь свой собственный дом), заявляя при этом, что они не помнят ни одного подобного случая. Во всяком случае «головы», о которых идет речь, не все одинаковой стоимости; она менялась в зависимости от класса и лица, чья кровь должна быть оплачена, составляя от 60 до 80 быков за князя и 8 быков за свободного гражданина (тфокотль). В первом случае требовалось, чтобы в числе «голов» было 16 юных рабов известного роста (около 6 пядей высоты); среди «голов» двух остальных классов существовала тоже большая разница цены в зависимости от класса и даже в самом классе некоторые мужчины ценились дороже других. Эти условные «головы» находятся и сейчас еще в употреблении с теми же самыми вариациями при добывании невест различных классов. Причем они оставляют широкий простор свадебным переговорам; потому что разница состоит не в числе голов или единиц, назначенных для каждой ступени, но в отношении «единиц» троякой цены для каждой из трех ступеней, о которых принимающий должен договариваться. Число голов за невесту князя равняется 50—60, за невесту дворянина —30 и за невесту свободного гражданина —25.

Рабам же господин добывает жен по разным ценам и платит за них от 60 до 80 быков, а иногда и больше в зависимости от молодости, красоты, талантливости, но если раб приводит свою невесту домой прежде, чем заключен договор, то за нее платится еще больше; и я знаю случай, когда за невесту раба красавицу девушку было заплачено 110 быков. Точно также и у свободного класса удваивается цена за приведение жены в дом раньше заключения договора. В прежние времена князь пользовался здесь той привилегией, что его вассалы приносили ему подарки, соответствующие стоимости его невесты, и каждый, кто имел замужнюю дочь, приносил ему в дар одну из голов—

«единиц», полученных за нее. Но и князь, со своей стороны, по обычаю должен был помогать своему вассалу подарками при покупке им невесты. В этих трех провинциях (т. е. Натухае, Шапсугии и Абадзехии.— *Ред.*) эти привилегии князя вместе с некоторыми другими совершенно уничтожены, хотя они обязаны делать подарки тем, которые приезжают к ним из дальних областей за помощью, но я склонен думать, что в провинциях восточнее Шапсугии эти привилегии сохранились еще в некотором отношении, исключая разности расчета «голов» за цену крови, которая у всех до самых далеких кумыков равняется 200 быкам, исключая только цену крови рабов. Чужестранец также охраняется этой мерой штрафа, потому что если он будет убит, то его защитник имеет право требовать за него это вознаграждение. Ужасно думать, что в каком-то уголке человеческого общества после хладнокровного обсуждения приходят к заключению позволить человеку убивать другого при условии заплатить столько-то и столько-то за удовлетворение своей злобы или своей мести. Но я не думаю, что с этой точки зрения можно подходить к рассуждению о создавшейся цене за кровь. Чтобы справедливо судить об этом, надо иметь в виду, что этот обычай не существовал в числе первых примитивных постановлений черкесского общества, а к этому средству стали прибегать безусловно в более позднюю эпоху, чтобы предупреждать затягивание враждебных отношений и бесконечное пролитие крови. Мне кажется, что за это говорит то, что теперь происходит гораздо большее число судебных разрешений таких дел, чем это было раньше и что большая часть из них касается преступлений, совершенных давно, иногда 15—20 лет тому назад. И нужно заметить, что все эти дела принадлежат к категории, которую мы определяем словом смертоубийство, т. е. убийство, совершенное в пылу ссоры. Не надо ни в коем случае забывать, что родственники убитого имеют право отказаться от всякой компенсации, требуя кровь за кровь, что и бывает иногда. Было бы полезно для страны, чтобы ее высший трибунал установил и разницу между различными видами убийств и уничтожил бы обычай, по которому люди, совершившие преступление, могли переходить в другое братство. Но все-таки здесь существует закон, каков бы он ни был — он один для всех, чего нет у их больших соседей России, Персии и Турции. Конгресс прошел в течение одного или двух дней в высшей степени характерных обсуждениях. Когда шапсуги узнали, что собрались дворяне из этих областей страны, то они приехали из своей провинции в большом количестве, чтобы придать ему более весу и получить свою долю добычи. Главный судья Махмет оказался этим проявлением усердия, а вместе с тем и перспективой уменьшения вознаграждения очень недоволен, и так как число помощников (людей с большим влиянием) дошло уже до 50, то со стороны моих здешних

друзей последовало предложение, которое они и заявили «этим мудрым мужам Востока», а именно, что здесь вполне достаточное количество хороших людей, чтобы бодрствовать над плохими и что их народ в них более нуждается, чем здешний, и пусть они спокойно разъезжаются каждый в свою провинцию, если только их помощь не понадобится в каком-нибудь другом месте.

Спор (в который я тоже немного вмешался) кончился добродушным согласием на эти предложения, и шапсуги освободили от своего присутствия перегруженные аулы... Исключая только верховного судьи Махмета, который (несмотря на возраст, ловкость и фирман, которым султан назначил его верховным судьей) пользуется здесь очень ничтожным влиянием, все-же остальные тарко-кхас, о которых я говорил, в высшей степени дельные люди, выбранные своими гражданами вследствие своего возраста, честности и способностей к ведению дела. Они и составляют, как вожди одного большого рода или как собрание родов, правление и судопроизводство страны. В общем они служат только из почета, потому что они получают при подобных, упомянутых выше, затруднительных судебных случаях официальное вознаграждение, причем их доля превосходит другие настолько, насколько это будет угодно назначить другим. В общем действующий закон состоит из двух частей: одна часть основана на старочеркесских обычаях, вторая —это турецкий закон, книга, которую Махмет таскает всюду за собой (что делают и другие судьи) и находит в ее списке наказаний то, которое подходит под каждый совершенный проступок. Что касается черкесских судов, то эти открытые собрания вождей являются в то же время школами (или, вернее, учебными заведениями для изучения справедливости или так называемого права), в которых, кто только пожелает, может легко получить исчерпывающие сведения о простых законах своей страны. Те, которые гордятся своими толстыми книгами законов, выслушают, может быть с презрительной улыбкой, короткие и простые записи такого судопроизводства и правления. Но если они соблаговолят вникнуть в них, то они увидят, что дурное и хорошее более равномерно распределено во всех черкесских обществах, чем это может показаться сначала. В отношении правительственных форм сравнение между «демократией» цивилизованной Америки и Черкесией представляет яркий контраст: в первой стране бесконечно путаная организация получает свое решение почти непосредственно от чувств и страстей толпы, что и составляет господствующий принцип; здесь же чувства и страсти толпы проходят сквозь опыт и мудрость всех старцев, которым все общественные дела после обсуждения поступают на заключение и решение согласно старым соблюдаемым обычаям справедливости...

...Что касается торговли, то как турки, приезжающие сюда,

так и черкесы, ведущие торговлю между собой, имеют обыкновение привлекать к себе покупателей тем, что дают им на год, а то еще и на больший срок в кредит... Из-за этого, конечно, происходят споры, во время которых продавца никогда не заставляют принимать присягу, но покупателя и свидетеля продавца — всегда; но если у продавца два свидетеля, то достаточно его устного заявления, чтобы долги были признаны действительными и тогда назначается новый срок для уплаты. Но иногда, хотя и редко, употребляется все же насилие при взыскании, которое состоит в том, что кредитор исходатайствует себе право и помощь от тарко-кхас братств обоих заинтересованных сторон, взять в уплату его долга имущество покупателя.

Письмо двадцать девятое

Агсмуг. 25 февраля 1839 г. Когда я говорил с моим докладчиком Наврузом (который наследовал от отца интерес как к истории, так и к юриспруденции) о братствах, чтобы как можно больше собрать материала по этому вопросу (дабы мое уважение к восточным формам правления имело бы более основательный фундамент), то наконец-то мне стало ясным все, что раньше было непонятно, а именно: очевидное первенство одних братств над другими, причина по которой многие из них находились под началом одной главы, а вместе с тем все они считались равными друг другу. Так, я узнал, что при назначении людей, которые по рекомендации Дауд-Бея должны были составить правительство, были выбраны представителями 16 старейшин, по 2 от каждого из 8 братств, в них (т. е. в эти 8 братств.— *Ред.*) должны были включаться все маленькие братства токавов обоих провинций (т. е. Натухая и Шапсуга.— *Ред.*) до Киссы или Вардане. Все же я нахожу, что эти 8 братств, несмотря на указанное преимущество, не имели фактически никакого превосходства, потому что на них на всех смотрели как на равных; также не было и никакого особого названия для этого, поэтому нужно и нам принять их общее имя Тарко, или объединенные клятвой. Это различие происходило единственно потому, что вся сумма населения токавов была разделена на 8 больших родов, члены которых, также как и их рабы, не могут заключать браков между собой и, кроме того, все эти лица выбирались ради их братств, имевших якобы какие-то преимущества. Но что их собственно разделяет, то это принадлежность их к различным родам; разделение это наблюдается только в запрещении заключения браков как между членами братств, так и между их крепостными, на которые разделен весь народ токавов; при этом эти люди выбирались ради их способностей, а не ради каких-либо преимуществ их братства.

Таким же точно образом братства дворян разделены на 5 ступеней родства или таркос, но в государственных делах они довольствуются одним единственным представителем для всех...

28 февраля 1839 г. Несколько дней тому назад у меня в гостях был Хаджи Измаил, один из судей, и мне удалось узнать о здешнем воспитании, которое находится еще в зачаточном состоянии. Единственными учителями здесь являются муллы, которых люди, живущие вблизи мечетей, награждают по доброй воле: 1% меду, 10% зерна, 30-й коровой или быком, 40-й овцой или козой за то, что они совершают богослужение, напутствуют умирающих. Кроме этих обязанностей, муллы должны учить детей, мальчиков и девочек, родители которых этого пожелают, и даже учить первым навыкам тех, кто со временем должен стать судьями. Измаил, который недавно вступил в свои обязанности (потому что он, как и другие, свободен в перемене места жительства), имеет только 16 аулов, которые и посылают ему 12 юнцов. По его словам нужно только 3 года учения, чтобы стать муллой, но для кади или судьи необходимо от 15 до 20 лет. Нужно иметь некоторые знания арабского или персидского языка, но турецкий язык нужно знать в совершенстве. На севере обеих провинций, т. е. восточнее и севернее Геленджика, должны находиться по подсчету Измаила около 40 школ, таких же, как и его, причем каждая посещается от 10 до 60 человек учеников. Если взять в среднем 20, то число детей, обучающихся в них, равно 800. Я думаю, что и у остального населения подобное обучение ведется в той же пропорции.

Я не сомневаюсь в том, что Мариньи в своих примерах о черкесском правосудии повторил слово в слово то, что ему рассказал Тауш, но по отношению к достоверности этого происшествия нужно подойти осторожно, потому что когда я рассказал о нем Хаджи-Оглу Махмету, то тот принял это за шутку; и тотчас же поделился ею с другим стариком и оба от души хохотали над ней. Но когда я все-таки спросил, уживались ли когда-нибудь приведенные примеры с черкесскими обычаями, то он ответил мне: «Что было прежде, я не знаю, но о таком законе я ничего не слышал». Он рассказал мне действительно похожий на тот пример их закона, который произошел недавно. Один человек хотел заколоть буйвола и попросил соседа помочь ему, когда тот неосторожно подошел к буйволу, привязанному к колу, этот выбил ударом рога ему глаз. Тогда пострадавший потребовал полного вознаграждения и передал жалобу судье, надеясь получить 100 быков в награду, но судья сказал, что таковое он мог бы получить только в случае намеренного увечья, но этого со стороны соседа, просившего его о помощи, не могло быть; но все же он присудил ему за это корову (как покаянную жертву) и так как пострадавший был беден, то судья обещал походатайствовать перед соседом, что-

бы тот ему еще что-нибудь прибавил. Но потерпевший остался недоволен таким приговором, и процесс до сих пор не кончился. И теперь, когда я написал, то вижу, что я должен на все посмотреть, как на действительное, или прибавить дальнейшее пояснение, но как верный летописец я считаю лучшим сделать последнее, так как оно послужит разъяснением того переходного состояния, в котором находится закон данной страны. Я определенно думал, что доказательство верховного судьи должно быть самым верным и непоколебимым; но с тех пор, как я написал вышеупомянутое, я говорил с сим благородным другом Наврузом и заметил, что Махмет судья выказывает большую любовь к турецким законам, превосходство которых он, как я предполагаю, хотел показать своим ответом, причем он мало подумал о том, чтобы дать мне ясное определение на мои вопросы о черкесских законах.

Навруз, который, мимоходом сказать, горячо защищает в некоторых отношениях превосходные законы страны, утверждает, что тот, котороый потерял глаз, попал в несчастье, потому что другой позвал его на помощь, и что этот по законам страны обязан вознаградить его самым низким штрафом, может быть в двойном размере в 50 быков. Судя по этому, кажется, что высшей аксиомой черкесского закона считается, что лишение жизни, или члена, или важного органа должно вознаграждаться тем, на чьей службе потерпевший получил его или тот, кто доставил несчастную случайность; 200 быков за намеренное убийство, а 100 за случайное (причем закон оставляет наказание кровь за кровь, если на этом настаивают родственники), 100 быков за умышленное вредительство и 50 за случайное повреждение члена или важного органа и половина штрафа, если потерпевший раб. И я уверен, что данный случай с выбитым глазом вызовет только смех у наших юристов. Что же касается случая г-на Мариньи, то Навроз того же мнения, что и верховный судья, причем он прибавляет, что может быть давно когда-нибудь в южной области был человек, разложивший под деревом огонь, благодаря которому упавшее дерево убило случайно проходившего другого человека и поэтому он должен был заплатить за его смерть родственникам.

Письмо тридцать первое

12 июня 1839 г. ...Во время ссоры со своим кузеном один из князей убил случайно его вместо раба, в которого он стрелял. Нужно было урегулировать цену крови. Сводный брат, родной по отцу убитого, настаивал, что в этой части страны никогда не было введено уравнение стоимости крови и поэтому требовал, чтобы в данном случае придерживались древнего обычая. Приспосабливаясь к сделанному заявлению, уста-

новили и вознаграждение в 18 рабов, 18 лошадей, 18 ружей, 18 сабель и все первого сорта. Но так как он был только сводный брат (от разных матерей), то получил только половину вознаграждения, причем он уже отпустил двух рабов. После этого решения, к которому пришли после трехдневных споров, он и его брат поклялись на Коране, что они удовлетворены приговором...

В этом деле, как и во всех местных делах или, вернее сказать, во всех тех делах, где решается спор двух сторон, два посредника все время без перерыва перебегали от конгресса к аудитории, собравшейся вокруг князя (который сидел на некотором расстоянии под деревом от нас), и от аудитории к конгрессу, передавая слова одних другим по обычаю во всю силу своих легких...

15 июня 1839 г. Мне говорили, что многие жители держат свиней и едят их мясо, но я думаю, что это делается тайком, потому что я сам ничего подобного не видел ни в одном из тех многочисленных аулов, которые я проезжал или в которых я жил... Хаджи, так же как и другие тамада конгресса, смотрят на это как на величайший грех и употребляют все свое влияние, чтобы уничтожить их. И мне однажды с торжеством рассказывали, что они уничтожили огромное количество домашних свиней с согласия их владельцев...

В одной деревянной гробнице, где я провел несколько дней, я увидел повешенными над могилой лохмотья одежды и рог для пороха, принадлежавший умершему воину, покоящемуся под ней; вокруг другой, тоже деревянной, могилы были обмотаны волосы неутешной вдовы. Подобные знаки ослабляют то нелестное мнение, которое стараются мне внушить об этом народе мусульмане, среди которых я нахожусь в данный момент...

Письмо тридцать второе

22 августа 1839 г. ...Лука возбудил мое любопытство по поводу возвращения пхура (воспитанника. — *Ред.*) в свою семью, сказав, что это восстановление сопровождалось многими церемониями, и поэтому я помчался во всю, чтобы присутствовать при ней и я был счастлив, догнав Али-Бея* с его свитой на лугу на берегах этой реки, где они ожидали приезда дам и дворянина, у которого я провел предыдущую ночь и который меня сопровождал на следующий день. Когда мы все съехались, то мы двинулись в путь под предводительством двух пожилых дворян. Дамы следовали сзади в легкой тележке, тащимой быками; в середине ехал воспитанник в полном

---

* Белл называет его вождем Адлера (Прим. ред.).

военном вооружении на горячем грузинском коне, одетый в тунику из европейского сукна, великолепно украшенной, так же как и седло и чепрак, серебряными галунами. Около него вели прекрасного белого коня, седло и чепрак которого были также богато украшены — все это было подарено ему его аталыком. Находясь приблизительно в 2-х милях от места нашего назначения, весь отряд, доходивший до 40 человек, начал петь и по обычаю стрелять из пистолетов в воздух; это был сигнал для сбора зрителей — мужчин и женщин — на возвышенности у дороги, где находилось много деревьев. Когда мы подъехали поближе, то все молодые люди нашего отряда вооружились очень внушительными ветками деревьев, срывая их тут же с деревьев; их поведение вскоре объяснилось. Едва мы въехали в проход между деревьями, как на нас набросилась целая толпа жителей, вооруженных точно так же, с ужасной яростью, поднимая вой и крики, чтобы испугать наших лошадей, колотя изо всех сил как их, так и людей своими большими тяжелыми сучьями. Наша партия, хотя и оказала отчаянное сопротивление, все же должна была отступить, чтобы собраться с силами. Во время второго боя, причем самые сильные образовали охрану около женщин, мы пробили себе проход. Но это сражение было только началом целой серии среди других стычек, которые продолжались весь остаток пути, и в одном из них я получил несколько сильных ударов по плечам. Я могу считать, что я счастливо отделался, так как я видел, как у многих лилась кровь с головы и всякое уважение к личностям на время было совершенно забыто. Я беспокоился особенно за женщин, так как видел несколько раз, что их чуть не опрокидывали и боялся также за тот небольшой багаж, который был со мной для покрытия моих расходов, он был завязан прямо в бурке и, конечно, погиб бы для меня безвозвратно, если бы они добрались до него; к счастью, он был поручен здоровому малому из крепостных, он защищал, угрожая пистолетом, и выказал вообще много сообразительности. Он держался то фланга, то тыла, вообще подальше от места главного побоища. Как хорошо, что над женщинами была натянута палатка. Наконец мы достигли желанного аула. Али-Бей в сопровождении своего воспитанника, белой лошади, дам и некоторых своих близких друзей въехали галопом по главной улице в аул и среди новой ружейной стрельбы он передал молодого человека его семье; в это время остальной караван, в том числе и я, подъезжали к дому хозяев, где находились, уже опередившие нас, наши только что бывшие враги и где сравнение полученных ран, производившееся среди шуток и смеха обеими сторонами, закончило эту странную прелюдию, которую Лука и называл «большой церемонией». Что же значил такой враждебный прием? Единственный ответ — таков обычай страны, и жители имели право отобрать у нас все, чем только

они сумели бы завладеть. За все время, что я провел с Али-Беем и его свитой, единственно о чем стоит упомянуть — это то, что большая часть провизии, которую мы уничтожили, была привезена аталыком. Он дал, между прочим, 10 коров и быков, 13 овец и взял взаймы некоторые товары у меня, чтобы доставить масло для кухни, и вся наша сторона, включая и рабов, делали подарки семье воспитанника, каждый по своим силам, в надежде получить обратный подарок, когда семья воспитанника и ее родственники будут делать таковые Али-Бею в благодарность за прекрасное выполнение им обязанности аталыка; так как обмен подарками здесь происходит везде.

Чтобы члены братства могли участвовать в выполнении обряда вежливости, пкур на следующий же день отправился в путь, чтобы объехать их всех. И с тех пор музыка (скрипки), танцы и пение не прекращались в течение долгих и жарких дней для развлечения нашей партии и так будет продолжаться до 26 августа, когда в течение 3 дней будут происходить церемонии, только я думаю, что там будет прелюдия иного рода. Если я пробуду здесь, то опишу ее. В ожидании же ее я отправился в аул, расположенный от нас в 10 милях на запад, у подножья гор, чтобы побывать у горячего серного источника, воду которого я пил и где я купался несколько раз и после чего, как мне казалось, я почувствовал себя лучше. Около 12 источников выбиваются из-под земли в углу лесной опушки под большой скалой красного мелкозернистого песчаника и образуют ручей, который смог бы менее чем в минуту наполнить большую винную бочку. Ванны состоят из камня и досок, которые расположены вокруг источника так, что они представляют достаточную глубину для горизонтального погружения. Температура в этой ванне 111° по Фаренгейту (около 35° по Реомюру), другой 142° (45° по Реомюру) и мне она казалась более всех насыщенной серой; я взял трубку, которую я позже проанализирую. Ванны посещаются, но, насколько я заметил, немногими (но многие ли их посещают, не знаю), я думаю, что здесь все удивляются, что я пью воду этих источников, вкус которых в высшей степени отвратителен. На камнях, находящихся вблизи источников, имеется бело-желтый, безвкусный налет и вода источника, прозрачная при блеске солнца, принимает голубовато-молочный оттенок в тени, который она сохраняет до соединения с Псекупсом (находящимся на небольшом расстоянии от источников) и оставляет на поверхности легкую пену. Воздушные пузыри в немалом количестве имеются во всех источниках. Все их тотчас же признают сернистыми, потому что все серебряные части моментально чернеют, как только их подержат над ними.

30 августа 1839 г. Церемонии начались 26 августа, продолжались только 2 дня и по сравнению с такими же церемониями, были не очень многочисленны. Но присутствующих бы-

ло тем не менее 300—400 человек обоего пола. Главное развлечение молодых людей были танцы в кругу, у въезда в аул (очень монотонные, которые я уже раньше описывал), в самую жару днем. Вокруг танцующих был другой круг, состоящий из мужчин, вооруженных ветками деревьев, которые от времени до времени, по мере того как всадники собирались, чтобы посмотреть на танцы, их разгоняли также. Они отъезжали на расстояние, собирались и под предводительством начальника снова нападали на противника. Забава, хотя по нашим понятиям и довольно жестокая, является прекрасной школой для лошадей, подготовляющей их к встрече с пехотой. Кроме этих развлечений, было еще преследование всадника, везшего белое знамя, которое было скоро отобрано и изорвано в куски, Затем последовал обильный ужин из мяса, пасты и напитка юга, который предлагался каждому в течение двух дней и все торжество кончилось черкесской джигитовкой. Для этой цели заставляют поститься в течение трех дней несколько лучших скакунов, потом к вечеру их посылают в назначенное место, откуда они возвращаются во весь опор. Победителем оказалась одна из моих кабардинских лошадей. И хотя мой драгоман, ехавший на ней, ожидал получить в награду жирного быка и награды меньшей ценности были обещаны приехавшим вторым и третьим, но никто из них не получил ничего. И я узнал, что со стороны семьи и ее друзей нашего воспитанника сделаны такие жалкие подарки, что все надежды на прибыль, ожидаемую Алибеем и его свитой, совсем разлетелись и теперь же поговаривают об отъезде, не принимая предложенных подарков, которые состоят из 5—6 невзрачных лошадей и двух плохих кольчуг, несмотря на то, что в течение двух дней, пока продолжались церемонии, ходили герольды, крича повсюду открыто, что каждый должен явиться без опоздания, неся с собой свою долю благодарности аталыку и его друзьям.

Главная причина этого состояла в том, что токавы — самые богатые и в таких случаях и самые щедрые — находятся в ссоре с семьей дворянина и с братством, к которому принадлежит отец пхура, по случаю только что введенного уравнения цены крови. Данное братство не приняло этого, требуя чтобы вернулись к старинному черкесскому обычаю, который составлял цену в 13 рабов за кровь дворянина и 11 за кровь токава...

Письмо тридцать третье

Макупса. 4 ноября 1839 г. Этот округ я должен причислить к тем, в которых встречаются еще следы христианской религии; обычай празднования в честь почитания Марии, который я уже раньше описывал, наблюдался мною здесь во время

пребывания. Статистический подсчет, сделанный вдоль побережья между Анапой и Гаграми, показал бы, как мне кажется, что население делится на равное число исповедующих старую веру и ислам. Которая же из них будет господствующей — зависит от политической судьбы страны.

...По всем вероятиям мое пребывание среди этого народа подходит к концу. Поэтому меня должны извинить за то, что я хочу остановиться еще на некоторых особенностях, способных осветить лучше их странную торговлю подарками. Среди других вещей, которые я оставил моему последнему хозяину в Кхисса, была великолепная кабардинская лошадь, кроме прекрасной серой лошади, которую я ему дал еще раньше. После этого его жена отправилась с этими двумя лошадьми к их другу Али-Бею, тому, которого я сопровождал в Абадзах, когда он отвозил своего пхура. Само собой разумеется, что Али-Бей принял жену своего друга с распростертыми объятиями, и подарок, который она привезла, вызвал со стороны Али-Бея похвалы, которых заслуживало прекрасное состояние лошадей. Но он прекрасно знал, что и от него ждут подарка и, как дворянин более высокого ранга, он должен сделать подарок более ценный, чем тот, который он получал. А при возвращении домой его постигло несчастье, умерла его старшая дочь. Сейчас же вслед за этим у него сбежало двое рабов и по недосмотру погонщика пропало девять быков... Поэтому он дал понять жене своего друга, что такое внимание с ее стороны сейчас несвоевременно, что несчастья последнего времени выбили его из физического и морального равновесия, и он не в силах сделать подобающего подарка. Тем не менее в нужный момент он одарил свою красавицу-гостью двумя молодыми рабынями. и парой буйволов, что стоило ему большей части дохода, полученного в Абадзах.

ДЖ. А. ЛОНГВОРТ

Лонгворт — корреспондент лондонской газеты «Таймс», побывавший вместе с Беллом в 1839 г. в Черкесии. Лонгворт прожил среди черкесов целый год и посетил примерно те же районы, что и Белл. Книга Лонгворта «Год среди черкесов» является как бы дополнением к книге Белла. Вышла она на английском языке в Лондоне в 1840 году, т. е. почти одновременно с книгой Белла, и посвящена примерно тем же вопросам и сюжетам.

ГОД СРЕДИ ЧЕРКЕСОВ

Том I

Глава II

...Прибытие на побережье Черкесии...

...После того, как мы сошли на берег, нас провели в маленькую хижину, выстроенную из плотно сплетенных прутьев и крытую соломой. Она должна была служить временным прибежищем для моряков, которые туда вошли. В одном углу хижины был постлан коврик, куда с большим почетом был помещен я, оставшуюся нижнюю часть пола в комнате заняли черкесы, которые поочередно большими группами входили и выходили из комнаты, все время повторяя приветствие «Уза Паша», поднимая при этом правую руку к уху, как у нас принято прикладывать руку к шляпе, и останавливаясь затем передо мной на несколько мгновений в уважительном молчании и с серьезным и смиренным видом. Однако эта смиренность, как я вскоре обнаружил, сочеталась в них с полнейшей независимостью характера и основывалась, как и у всех наций, склонных к церемонностям, на уважении к самому себе, когда другим тщательно отмеривается та степень уважения, которую требуют и для себя. Одеждой этим людям служил хорошо известный кавказский костюм: колпак из бараньей шкуры, сюртук без воротника с просторными свисающими рукавами, плотно облегающий фигуру, застегнутый спереди на крючки и снабженный на груди с обеих сторон десятью патронными гильзами, расположенными в ряд.

Штаны, сверху широкие, книзу сужались и плотно облегали колено и икры, до середины икр они закрыты разноцветными, с

яркими завязками носками; туфли, замечательно изящные, без подметок, сделаны из красного сафьяна с отделкой из серебряного шитья, ремешков из черной кожи или бычьей кожи. Их оружие — ружье, висящее за спиной в чехле, единственный пистолет, обычно отделанный серебром и заткнутый за пояс спереди, «кама» (cama), или широкий обоюдоострый кинжал, также висящий спереди, и сабля в деревянных ножнах, рукоятка которой, без какого бы то ни было щитка, сделана из черного дерева или покрыта серебром; ножны обтянуты красным или черным сафьяном и украшены серебряной чеканкой. Вся эта амуниция придает мужчине решительно воинственный вид и весьма выгодно подчеркивает прямую мужественную фигуру. Есть, однако, одно обстоятельство, которое особенно заслуживает внимания: это поразительное единообразие их костюма, не только в целом, но и в мельчайших деталях и нюансах, что, придавая им сходство как членам одной семьи, вместе с тем является внешним выражением родства их чувств и обычаев, которое в действительности делает их единой семьей. «Колпак» (calpac) является, возможно, единственным исключением из этого однообразия, хотя даже в этом —

«— Facies non omnibus una
Nes diversa tamen»

и в зависимости от материала, из которого он может быть сделан — из каракуля, бараньего или козьего меха, мелко или крупно завитого, плотного и густого, длинного и косматого, — придает специфически индивидуальные черты — будь то мягкость, жестокость или хладнокровие, — и как я часто замечал, может быть принят за показатель, раскрывающий нам преобладающие черты вкуса, если не склонностей носящего этот головной убор. Одежда шьется из тканей местного производства — темных тонов, главным образом серого, желтоватого или коричневого цвета и самой грубой выработки; одежда черкесов, даже если она расшита серебром, оставляет общее впечатление далеко не блестящее; даже наоборот, в облике первых встречавших нас чувствовался решительный налет бедности: многие из них несмотря на все то достоинство, с которым они носили свои лохмотья, показались настоящими оборванцами...

...Черкесы в целом образец прекрасной человеческой породы: они среднего роста, конечности у них хорошо развитые; черты лица трудно поддаются описанию, но правильной формы.

Хаджи (сопровождающий Лонгворта. — *Прим. перев.*), который отсутствовал в течение часа, чтобы урегулировать вопрос относительно «кунака» (konag), вернулся с сообщением, что все улажено, и, когда были поданы три верховые лошади с прекрасными ходовыми качествами, мы покинули лачугу.

Собираясь оседлать свою лошадь, я был поражен оригинальной формой седла, отличной от всего того, что мне когда-либо

приходилось встречать. Оно состоит из легкой деревянной рамы, обтянутой красным сафьяном, с плоской продолговатой подушкой сверху. Подушка толщиной два дюйма, набита шерстью, обтянута черной и красной кожей и разукрашена серебряными пластинами. В передней части седла имеется вертикально поставленный кусок древесины, отполированный, с черными краями, высотой четыре дюйма, приподнятый над серединой седельной луки; в задней части седла имеется совершенно аналогичное возвышение. Не говоря уже об опасности напороться на один из этих выступов, я, садясь впервые между ними, в значительной мере рисковал из-за коротких стремян, которые подняли мои ноги на уровень седла, при первой же демонстрации искусства верховой езды запросто вылететь из седла. В отличие от турецких седел это не оставляет свободного места для ноги, так что единственными точками контакта с боками лошади остаются ляжки и пятки. Через какое-то время я привык к нему и по достоинству оценил его преимущества как боевого седла. Черкесы поворачиваются в нем с величайшей легкостью и могут, подобно древним парфянам, стрелять назад на полном скаку, а также, держась за передний деревянный выступ, могут перегнуться почти под брюхо своего скакуна и на полном карьере поднять все что угодно с земли. Их посадка на спине лошади по сравнению с тяжелым турецким или плоским европейским седлом кажется игрушечной; то же можно сказать и об их весе, который составляет половину первого и треть второго: на это обстоятельство обратил мое внимание Хаджи во время нашего пути к кунаку; он также указал мне на легкость их узды, сделанной из хорошо обработанной бычьей кожи. Он сказал мне, что во время утомительных походов и набегов, которые они совершают, несколько фунтов больше или меньше веса всадника и упряжи могут иметь серьезное значение.

В сопровождении большой группы пеших людей, которые почтительно указывали нам путь, мы проследовали по скрытой тропинке через кустарник или обсаженную аллею, своего рода естественный сад, полный диких фруктовых деревьев в цвету и благоухающих кустов. По пути мы оставили слева усадьбу, состоящую из нескольких домов или квартир; здесь это одно и то же...

Глава III

Гостевой дом. Обед по-черкесски...

Наш «кунак-бей» (Konag Bey) стоял готовый принять меня и, подведя лошадь к гостевому дому, помог мне спуститься на землю. Затем он ввел меня в дом, собственными руками снял с меня оружие и развесил его на стене. В углу комнаты, по одну сторону от очага мне была поставлена шелковая кушетка, на ко-

торой лежала груда подушек; за исключением этой кушетки, циновки и положенной для Хаджи подушки, другой мебели в комнате не было; однако стены представляли собой нечто большее, чем голую поверхность, поскольку на них сверкало развешанное оружие гостей. Какое-то время все, кроме меня, стояли на ногах; после короткого молчания состоялся обмен приветствиями, после чего возникла новая пауза. Наш хозяин пожелал затем, чтобы главные гости сели, сам же он в первое время не хотел садиться ни в какую; после настоятельных уговоров он, наконец, устроился на полу на почтительном расстоянии. Я тем временем входил в подробности всех этих церемоний, поскольку ими отмечается прием чужестранца в каждом доме в Черкесии. Сама комната была продолговатой формы, размерами восемь ярдов на четыре; стены были выстроены из кольев, перевитых прутьями и обмазанных светлой глиной; пол представлял собой утрамбованную землю, которую, как я обратил внимание, время от времени поливали и подметали. Верхнее соломенное покрытие, поддерживаемое тремя стропилами в форме треугольника, свисало с крыши выступающими карнизами, которые летом служат в качестве веранды. От стены почти до середины комнаты выступал полукругом диаметром два ярда большой очаг, нижнее отверстие которого расположено на высоте три-четыре ярда от уровня пола; очаг сужался кверху, образуя форму колокола, и выходил наружу своей трубой через конек крыши, возвышаясь над ней на несколько футов.

Эти очаги настолько обширны, что нет почти ни одного без ласточкиного гнезда, откуда птицы, досаждаемые снизу огнем, оживляют помещение своим щебетаньем. Стенки очагов делаются из того же материала, что и стены дома; фактически любые строения, включая сюда ульи и ватерклозеты, делаются из плетеных прутьев. Их можно быстро уничтожить огнем, и с помощью друзей, которые никогда не отказываются протянуть руку помощи, их можно быстро восстановить. С такими соседями, как русские, это наверное даже хорошо, что в области архитектуры не отмечается большого прогресса. В подобных условиях человек не испытывает особой жалости, покидая собственный дом и поджигая его собственной рукой в случае необходимости, тогда как в более цивилизованных странах стремление сохранить родное жилище весьма часто в качестве цены влечет за собой лишение свободы.

После того как мы посидели некоторое время, хозяин поднес мне большую чашу с напитком, который татары называют «буза» (boza), а черкесы «суат» (souat); это смесь из перебродившего просяного зерна и меда, густая и мутная, и крайне тошнотворная, как мне показалось, хотя я и пил ее из вежливости по отношению к хозяину, который внимательно следил за мной, чтобы я не пропускал, и в течение вечера вновь наполнял мою чашу никак не менее дюжины раз.

Обед, или говоря точнее, ужин, который считается у черкесов основным, был сервирован после захода солнца. Он состоял из нескольких блюд, которые поочередно подавались на круглый трехногий стол, размерами что-то вроде приставной табуретки. Специально для нас забили овцу, и баранину нам подавали на тонкой просяной лепешке вместо тарелки. Эта лепешка, мягкая и влажная, легко принимает требуемую форму, то есть в центре делается углубление для соуса, ограниченное валиком, а по краям кладутся приличные куски баранины или говядины.

Хаджи и я начали атаку на эти фортификации, будучи оснащены в этих целях маленькими ножами, которые черкесы, между прочим, носят в дополнение к своим кинжалам на поясе. Кинжалы никогда не применяются для приема пищи, а вот эти маленькие ножи служат одновременно как для нарезания пищи, так и для бритья голов. За мясом последовал мясной отвар, разлитый в большие деревянные миски, скорее даже резервуары необъятных размеров; поверхность отвара подобно Ледовитому океану была покрыта слоем, но не льда, а жира; однако, окупув по образцу моего Хаджи (тут par parenthes, в скобках, я должен от имени моих друзей выразить протест против выдвигавшегося утверждения, что они иногда окунают туда руки) туда ложку резким движением, я обнаружил, что могу отправить ее в рот в состоянии удовлетворительной чистоты. Последовавшие затем блюда состояли главным образом из лепешек, «каймака», или крема, ватрушек, паштета, завернутого в виноградные листья, и, наконец, большой чаши «йогхорта» (yoghort), или свернувшегося молока, которое как «пилаф» (pilaff) в Турции, неизменно завершает пиршество. Вначале я удивился, не видя на столе овощей, но впоследствии узнал, что хотя в этих краях их существует множество видов, черкесы редко, если вообще когда-либо едят их.

Однажды черкес, обедая у Скодра Паши в Албании, отказался есть овощи, которые турки, кстати сказать, обожают в той же мере, в какой черкесы не могут их переносить, а потому делают овощи гвоздем обеда среди сменяющих одно другое блюд; его настойчиво уговаривали отведать овощей. Черкес в конце концов сказал Паше с большой naiveté, наивностью, что в Черкесии никто кроме скотины зелени не ест.

Наблюдая в течение нашего обеда как Хаджи протягивал зрителям и слугам куски мяса и паштета, в полном согласии с обычаем, я сам стал проявлять за счет нашего хозяина такую же щедрость. Счастливчик, получивший объедки, с величайшей скромностью удалялся в уголок и, повернувшись спиной к честной компании, тайком их пожирал. После того как все столы были убраны, остатки яств перешли к слугам, а после того, как те насытились, остальное было отдано толпе голодных, ожидавших за дверями. Часа три спустя после захода солнца были принесены дополнительные кровати и покрывала для меня

и моих слуг, которые, устроившись, заняли весь пол. Позволю себе добавить, что мое покрывало было сделано из парчового шелка, и все было турецкого происхождения...

...Своеобразие образа жизни здешних людей сохранилось в силу исключительного характера существующих у них порядков, которые на протяжении веков были решительно против допущения чужеземцев в их горы и которые превратили черкесов вследствие этого в хранителей не только старых доспехов и костюмов, но также и устарелых норм и обычаев.

Только с того времени, когда Россия приложила свои непрошенные усилия, чтобы усугубить это систематическое отчуждение, организовав блокаду побережья, черкесы из естественного духа противоречия стали допускать иностранцев в свои края, что позволило изучить их и создать картину нравов, природу которых долгое время не понимали те, кто сводит прогресс цивилизации лишь к определенному уровню материального интереса. Что, например, может показаться более романтическим и невероятным, чем тот факт, что при каждом жилище на Кавказе, будь оно самым богатым или самым бедным, имеется гостевой дом, где пришельца (то есть, черкеса или турка) принимают и угощают бесплатно самым щедрым образом, и что хозяин, каково бы ни было его положение и какой бы степени уважения к себе он ни требовал в иных обстоятельствах, в собственном доме обязан лично прислуживать гостям и ждать их разрешения, чтобы сесть самому?

Эта церемония и, мы бы сказали, усложненная вежливость, их безграничное гостеприимство; преданность слуг своим хозяевам, щепетильность в отношении рангов феодальной аристократии, что соблюдается строже, чем того требуют все прочие и, возможно, более существенные различия; скрупулезное и всеобщее уважение к старшим по возрасту — все эти добродетели — старомодные добродетели, если хотите, — слишком наивные для богатства и роскоши, слишком обременительные для суматошной торговой деятельности, все еще бытуют на Кавказе: в его тенистых уединенных местах, в жилищах воинов и горцев они продолжают жить и сохранять свое первозданное очарование, что мы стали бы напрасно искать где бы то ни было еще.

На следующий день рано утром нам нанесли визиты все уважаемые люди, жившие по соседству. Ходили слухи, что русские готовились к захвату их края и якобы уже избрали Пшаду в качестве вероятного объекта для нападения. Однако как бы они ни были взволнованы этими слухами, их поведение отражало обычную вежливость и этикет, которые, казалось, не смогла бы поколебать никакая опасность, как бы велика она ни была...

...Среди тех, кто пришел в это утро засвидетельствовать мне свое уважение, был Ислам Гери Индар Оглу. Это был первый «уздень» (ouzden), или дворянин, которого я увидел, и я был

сразу же поражен его спокойствием и осознанным чувством собственного превосходства. Вместо ружья у него были арбалет и колчан со стрелами, оружие, которое даже среди черкесов служит скорее для украшения, чем для практического использования, а в глазах европейца ассоциировало его владельца с давно ушедшими веками, призраком которых явился этот воин во всем великолепии своей амуниции. Все это вместе с дамасским мечом, который, как я заметил, неизменно надевается с прочим старинным оружием, было при входе в мою комнату снято с хозяина его слугой, или оруженосцем, и развешано на стене, после чего оруженосец молча занял место подле своего хозяина. Хотя Ислам Гери не обладал, по утверждению шевалье де Мариньи, энергией своего старшего брата, гордого и хитрого Ногая, он все же пользовался большим уважением за свою непритязательную мудрость и прозорливость. Мягкие и меланхоличные черты его лица сразу предрасположили меня в его пользу; памятуя о том, как дружески представлял его семью в своем повествовании шевалье де Мариньи, я был счастлив с ним познакомиться. Однако мои авансы были встречены с его стороны, как мне показалось, с некоторым отчуждением и стеснительностью, причину которых я вначале не мог объяснить; однако, очень скоро я понял, что он и его семья чувствовали себя обиженными и в какой-то мере встревоженными тем, что на время пребывания в Пшаде я не захотел воспользоваться его гостеприимством в знак уважения, к которому обязывало их положение в здешних краях.

Однако Хаджи, чьему руководству я по необходимости подчинялся, будучи чужестранцем в этих краях, как нежелательно ни было для меня подчинение такому ментору, в развитие безнравственных намерений, которые он питал по отношению к моему имуществу, поместил его у человека, который, хотя и был вполне состоятельным, по своим нравственным качествам мало чем отличался от самого Хаджи. Его оправдания, почему он не привел меня в дом Индара Оглу, которого он обвинял в том, что тот является тайным сторонником русских, не показались обоснованными даже «токавам» (Tocavs), или отпущенникам, хотя они были настроены наиболее враждебно к этому семейству. «Господина (Bey), — сказали они, — впервые приехавшего в страну, должно поселить тоже у господина; не годится подыскивать ему кунака, как какому-нибудь турецкому торговцу». Естественно поэтому, что упомянутая семья должна была почувствовать себя униженной тем, что выглядело как умышленное неуважение со стороны англичанина и как поощрение худших инсинуаций со стороны их врагов, особенно в тот момент, когда их угрозы завладеть долиной возродили в них всю их злонамеренность.

С 1818 года, когда Россией были предприняты безуспешные попытки с помощью де Мариньи и других эмиссаров, несом-

ненно, с последующими политическими целями наладить здесь торговые отношения, семейство Индар Оглу непреднамеренно стало орудием этих поисков и вместе с тем в какой-то мере их жертвой. Филантропические взгляды и не вызывающие подозрения высказывания того, кто оказался инструментом русской политики, делали его еще более опасным; тем не менее, хотя русским и удалось уговорить Индара Оглу с помощью, как мне говорили, богатых подарков от имени императора, им не удалось обмануть других, более бдительных жителей края.

Если, по предположениям поздних путешественников, черкесы происходят от троянцев (хотя в том, что касается их характера, среди греков можно найти более подходящие прототипы), они показали себя совершенно в противоположном свете в одном отношении. Хотя они и были готовы принять подарки, однако проявили разумное недоверие к этим «dona ferentes»; в еще меньшей степени намеревались они покинуть свои оборонительные рубежи, мощные сооружения, доверенные им самой природой, путем принятия деревянного коня в форме торговых выгод. По этому случаю, завязав сразу дела с русскими и справедливо разделив их соль, они превратили затем их склады в превосходные костры. Вмешательство со стороны семейства Индар Оглу с целью их защиты только навлекло позор на них: если они не смогли спасти свою собственность, то как они могут обеспечить личную безопасность своих протеже. Русские поэтому стали «музафирами» (musafirs) не только семьи Индара Оглу, но и всего могущественного клана чипаков (chipakows), которые обязаны теперь были предоставлять им убежище, — таков закон гор, единый в каждом сердце, перевешивающий все прочие соображения, в том числе и понятия патриотизма. Впоследствии, когда я спросил Кери Оглу Шамиз Бея, члена клана, который способствовал побегу одного из пленных русских, почему он укрывал русского, он ответил: «Когда я сделал это, я думал, что у него честные намерения; но будь он даже в десять раз большим предателем, чем он был на самом деле, однако раз он «музафир» нашего рода, я был обязан защитить его».

Естественно, эти обстоятельства ослабили, если не подорвали окончательно влияние Мехемета Индара Оглу; поскольку это произошло в тот момент, когда повсеместно власть знати стала ослабевать, это воодушевило торжествующих токавов, то есть средний класс, которые начали оспаривать у него все оставшиеся привилегии. Всего лишь несколько лет тому назад он присвоил себе право взимать пошлину со всех судов и грузов, прибывающих в порт Пшады. Однако токавы решили на совете и подкрепили это решение своими ружьями, что это узурпация и что ни один человек, какое бы положение он ни занимал, не имеет право взимать пошлину в Черкесии. Лишенный былых прерогатив, серьезно подозреваемый соотечественниками (не исключая даже членов своего рода) в заигрывании с русскими,

оказавшись в состоянии почти открытой вражды со своими соседями в Пшаде, Мехемет, старейший, богатейший и влиятельнейший из черкесских узденей, оказался вынужден по настоящее время защищать свои земли от посягательств врагов.

Сотня вассалов обрабатывала его поля и объединялась при необходимости под его началом; четыре его прекрасных сына, в расцвете мужества, известные своей храбростью и умом, также объединились, чтобы удержать уходящие богатства их дома...

...Со своей стороны я поспешил объяснить ему, что только по чистейшему недоразумению я не выбрал его дом в качестве своего пристанища и что никто более меня не убежден в том, что все обвинения в его адрес являются необоснованными, порукой чему могут служить даже рекомендации де Мариньи. После этого объяснения мы начали становиться с каждым днем все большими друзьями, и в конце концов он обещал сопровождать меня повсюду и служить мне «аталыком», то есть наставником в том, что касается обычаев страны.

Перед моим отъездом во внутренние районы страны женщины в семье готовили для меня кое-какие вещи из черкесского наряда — туфли, шальвары (shalvar) и тому подобное, которые, как считалось, могли мне понадобиться. Предполагалось, что мне следует подарить им что-либо в знак признательности, и поскольку мне дали понять, что эти подарки я должен был бы вручить им лично, я, разумеется, решил воспользоваться этой возможностью, чтобы самому убедиться в том, насколько верны или, наоборот, преувеличены рассказы о хваленой красоте черкесских женщин. Само по себе приглашение, сформулированное как «пойти и посмотреть», а не «нанести визит леди», уже является любопытным комментарием относительно их социального положения; и когда мы проходили из гостевого дома в помещение, занимаемое его «женской половиной», манера, в которой хозяин говорил о своих женщинах, почти заставила меня подумать, что мы направляемся в его конюшню, но отнюдь не в гарем.

Когда вам рассказывают о их существовании и при этом много жестикулируют и многократно упоминают суммы стоимости, вы, естественно, предполагаете, что речь идет о домашнем скоте. У черкесов весьма оригинальные суждения на этот счет: и мужчины, и женщины у них имеют свою стоимость, как и любое прочее имущество на Кавказе, и для женщин может в какой-то мере служить утешением то, что при наличии намека на красоту их стоимость возрастает раз в десять по сравнению с мужчиной.

Когда меня ввели в комнату, жена и дочь хозяина, сидевшие на маленьком диване в углу комнаты, встали, чтобы встретить нас; вновь занять свои места они смогли лишь после того, как я, совершив насилие над моими европейскими понятиями о convenance, приличии, сел первым. К тому же я вскоре заметил, что

обычай приветствовать гостей вставанием не был предназначен только мне; так же как и при нашем появлении, женщины должны были повторять ту же церемонию при появлении любого другого существа с бородой вне зависимости от его возраста и положения: это знак уважения, который все черкесские женщины обязаны отдавать любому, пусть даже самому заурядному работнику в их хозяйстве лишь в силу того, что тот является созданием господним; не могут они также никоим образом сидеть в его присутствии, пока его благоволение на сей счет не будет им сообщено.

Дочь, Хафиза, оказалась живой хорошенькой девушкой лет шестнадцати-семнадцати, казавшейся застенчивой, что естественно для первой встречи, но ни в коей мере не дурного нрава; действительно, у нее не было для этого причин, поскольку она была, как я думаю, убеждена в том, что ни одна другая девушка в округе не могла рассчитывать на большее внимание, или на большую цену, чем она; короче говоря, хотя она была далека от beau ideal, прекрасного идеала, каким мы себе представляем неземную красоту, она, тем не менее, по понятиям этой страны вполне могла быть причислена к черкесским красавицам. У нее были правильные и милые черты лица, голубые глаза и прекрасный цвет лица; светлокаштановые волосы были заплетены во множество косичек, падавших ей на плечи из-под шапочки алого цвета, отделанной перекрещивающимися широкими серебряными полосками; эта шапочка несколько напоминает албанскую ермолку.

Она была высокого роста и хорошо сложена, хотя несколько худовата и держалась, как и все черкесы, мужчины или женщины, очень прямо. Что касается женщин, то вследствие того, что с раннего детства они носят (корсет? — пропуск в тексте. — *Прим. перев.*), тесно сжимающий их бюст, их фигура в какой-то мере теряет изящество из-за того, что спереди и сзади становится излишне выпуклой, а их осанка делается напряженной, особенно при ходьбе. Ее костюм, как и у всех черкесских девушек, состоял из шапочки из алой ткани, которую я уже описал, рубашки из голубого шелка с рядом серебряных кнопок спереди, кушака, застегнутого очень низко большими серебряными застежками в форме раковин, пониже передника из полосатого шелка виднелись свободные турецкие шальвары; из них выглядывала пара белых нежных ножек, которые по принятой моде в помещении оставались босыми, при выходе же из дома на них надевались разукрашенные деревянные сандалии или шлепанцы из сафьяна.

Вот набросок портрета, хотя далеко не совершенный, дочери; что касается ее матери, которая стояла рядом с дочерью, укутанная по самые глаза на турецкий манер в широкий халат из клетчатого миткаля вместо «фериджа» (feridge), лицо доброй женщины закрывал белый «хасмак» (khasmak), или чадра;

одним словом, «свидетель, ничего не видев, ничего не может сообщить». Это различие между замужней женщиной и девушкой, первая из которых носит чадру, а вторая — нет, соблюдается повсеместно на Кавказе, то ли в силу того, что, переняв частично мусульманские обычаи, они полагают слишком большой жертвой прятать от посторонних глаз товар, которым они могут распоряжаться, или же потому, что женщина в их понимании становится сокровищем, которое нужно скрывать от чужих, только после его приобретения. Поскольку в нашем распоряжении не было общего языка, на котором мы могли бы изъясняться, я распорядился внести в комнату музыкальную шкатулку и запустил ее, чтобы развлечь дам. Они все, а дамы в особенности, были поражены и очарованы шкатулкой: Хафиза в детском восхищении даже совершенно забыла о приличиях, которые она должна была разыгрывать в присутствии «Инглис Бейзаде», английского господина, при его первом посещении. Их удовольствие достигло апогея, когда я сложил к их ногам свои подарки, состоявшие из набора иголок и некоторого количества сафьяна; обычай запрещает им принимать подарки в собственные руки. После беглого осмотра комнаты, которая так же как и моя собственная была лишена мебели, за исключением груды коробок, где они хранят свои постельные принадлежности, ткацкого станка, на котором они ткут ткани для собственной одежды, несколько веретен и некоторых других орудий женского труда, я сделал «салям» и удалился.

По рекомендации одного из моих друзей, которому были знакомы обычаи страны, я перед своим отъездом наполнил большой чемодан подарками, которые, как я думал, будут приемлемы для моих будущих хозяев, — такими, как английские пистолеты, шпаги, часы, коробки с порохом высокого качества; также иголки, шкатулки, украшения, парижские металлические цепочки для женщин. Набитый таким образом чемодан, как я, естественно, предполагал, упаковывая его, послужит тем cornucopia, рогом изобилия, из которого я буду сеять дары, чтобы затем пожать их в виде наилучшего ко мне отношения где я только ни появлюсь. Такова тщета человеческих расчетов! — он превратился, наоборот, в самый настоящий ящик Пандоры, сея вокруг меня зависть, ненависть, алчность, и самые дьявольские страсти. Те из вождей, которым достались подарки, смотрели меньше на позитивную и больше на их сравнительную ценность, а сравнения, как мы знаем, вещь гнусная; те, кому ничего не досталось, а таких было огромное большинство, чувствовали себя очень возмущенными и обиженными; и до тех пор, пока мои сокровища не были исчерпаны — о, счастливый момент! — они подвергались посягательствам, которые я никак не могу назвать слишком для себя приятными.

Глава IV

Черкесские древности...

Все, что может быть найдено в окрестностях Пшады, или, я бы сказал, в Черкесии, относящееся к древностям, может быть суммировано в нескольких словах. Это — разваливающийся деревянный крест на возвышении неподалеку от берега моря, который, когда он еще, вероятно, свидетельствовал об усердии грузинской царицы Тамары, положившей немало трудов, чтобы пролить свет христианства на этих берегах, уже давно перестал отражать малейшее представление черкесов о христианстве или хотя бы о луче его света. Правда, сопровождавшие нас сняли свои колпаки при приближении к нему, но когда их спросили, почему они это делают, они отвечали, пожав плечами, что до них так делали их отцы. К древесине были прикреплены лоскутья одежды, которые, как мне сказали, служили подношениями по обету, а также для того, чтобы избавить тех, кто повесил здесь свои тряпки, от одолевающих их болезней. Как бы больно ни было для христианина видеть символ своей веры, превратившийся в «безмолвное свидетельство забвения жертвы», такова судьба, которая ожидает любой памятник древности в этой стране. Похоже, что на все здесь наброшено покрывало забвения.

Далее следуют описания могил двух видов, которые здесь можно увидеть: первая — курган или пирамида, большая груда грубых камней, в отдельных случаях большой высоты и окружности основания; другая — кенотафий, гробница, вокруг которой не было обнаружено никаких останков, сложенный из громоздких плоских камней — четырех в квадратном основании, высотой пять-шесть футов, и одного сверху. В одном из вертикально стоящих камней имеется отверстие диаметром приблизительно в один фут, сделанное в форме правильного круга с тщательно обработанными краями: внутри все пусто. Эти строения, держащиеся благодаря самому весу поистине циклопического материала, дают местным жителям, которые потеряли всякое представление о том, для каких собственно целей они были построены, пищу для всякого рода историй, что они якобы были построены гигантами в качестве жилищ для пигмеев — не «маленькой пехоты, бившейся собственными головами», а нации легких всадников, ездивших не на лошадях, а на зайцах. Они, как утверждают черкесы, первоначально населяли Кавказ. В отношении других руин или останков, крепостей, памятников или часовен у черкесов один ответ: «Это Gennyvis, генуэзское»; этим ответом они удовлетворяются и от вас не ожидают дальнейших расспросов на эту тему. Здесь, как и в Турции, ответ на вопросы о руинах возлагается на Геную (вне зависимости от того, насколько она в действительности приложила руку к этим

строениям); «единая матерь мертвых империй», она ответственна за всех за них...

(По дороге из Пшады в Адхенкум. — *Прим. перев.*) ...Поднимаясь, как и до этого, вдоль потока на протяжении нескольких миль, мы, наконец, повернули в сторону и двинулись по левой тропе, которая извивалась среди склонов холмов. Холмы справа имели более рельефные и четко выраженные контуры, и на один из этих холмов, более причудливой формы, нежели остальные, обратил мое внимание Хаджи. «Этот холм, — сказал он, — этот странно выглядящий холм, подпирающий небо вон там, слева, принадлежит дьяволу». «Да, — продолжал он, видя, что я принимаю его сообщение за шутку, — дьяволу принадлежит каждый фут этого холма; и хотел бы я видеть того человека, который принесет хоть прутик из лесу на его вершине или посеет что-нибудь на его склоне».

Пока он рассказывал мне об этом народном суеверии, я, естественно, внимательно рассматривал пик или выступ, который породил это суеверие. Самой примечательной чертой его было то, что на его гребне возвышалось нечто похожее на горб на спине верблюда, вернее даже не возвышалось, а было исторгнуто из его недр и повисло, напоминая развевающейся листвой огромный завиток кудрей. Время от времени со стороны этого леса раздавался странный шум. Стоны, вопли, звяканье цепей перемежающиеся время от времени раскатами дьявольского хохота, — все это убеждало жителей окрестностей холма в том, что именно там происходят самые дикие оргии, вульгарно именуемые «дьявольскими игрищами»; короче говоря, никто — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок ни на секунду не могли усомниться в том, что именно здесь находится убежище демонов! Тот, кто рисковал — а среди них были даже такие, кто решался проникнуть на пирушку дьяволов, никогда не возвращались обратно и потому не могли описать ее, если же им удавалось вернуться, то они подобно Балли Боттому «странно изменялись» — подбородок у них смещался к затылку, а лица, постоянно повернутые куда-то в сторону, начинали при приближении других людей делать гримасы в одно и то же время ужасающие и вызывающие смех.

Среди других чудес, в которые верят так же нерушимо, был упомянут расположенный в середине зачарованного леса большой бронзовый котел, как легко можно догадаться, тот самый, в котором кипит «адская смола»; лужайка, где находится котел, как утверждают, не горит и нет никакой возможности поджечь растущую на ней траву. Однако это еще не все: в определенные промежутки времени можно видеть белую лошадь, галопирующую самым диким образом взад и вперед по склонам холма. Не то, чтобы белые лошади были редкостью в этих краях, или же их не приручили в этой стране для подобных скачек: просто

«та» лошадь, скакун чудовищных размеров, была не земного, и уж совсем наверняка, не кавказского происхождения (а, между прочим, лошади здесь довольно мелкорослые)...

...Черкесы, — большие любители поболтать; после принятых по обычаю приветствий первым же следует вопрос: «Кхаберми?» («Какие новости?»),и здесь нужно признать, что они редко теряются в подобной ситуации; меня частенько развлекала та серьезность, с которой они, за отсутствием стоящей информации, выслушивали друг от друга самые чудовищные небылицы...

Глава V

...«Меджилис», или национальный совет...

Место, где мы провели ночь, представляло собой скопление из дюжины или около того домиков, что можно было бы назвать деревней, если не принимать во внимание то обстоятельство, что они принадлежали одной семье, или скорее различным ветвям этой семьи, до второго, и третьего поколения, процветавших совместно и принадлежавших к одному и тому же родственному древу. В западных провинциях я ни разу не видел, чтобы разные семьи жили в одном месте; я думаю, что эта изоляция вызвана самим гористым и пересеченным характером этого края, благоприятствующим этому ревнивому стремлению к независимости, которое заставляет каждого человека предпочитать быть монархом на своем собственном клочке земли, чем стать членом взаимозависимого сообщества.

В силу отсутствия указанных причин, в Задузе и Данигоке, областях главным образом равнинных, можно встретить большие деревни.

Мы продолжали таким образом наш путь и часов около десяти вечера остановились в доме, находящемся, как мне сказали, в часе езды от того места, где собрались мистер Белл и вожди племен. Стремясь как можно скорее встретиться со своим соотечественником, который был теперь совсем рядом, я, естественно, считал эту остановку несвоевременной; однако я вскоре узнал, что хотя дорога была ровной и довольно легкой, между нами возникло препятствие (как минимум, в понимании черкесов такое же большое и труднопреодолимое, как Эльбрус) и этим препятствием были соображения этикета. Выяснилось, что они никак не могут прийти к заключению, кто из нас двух — мистер Белл или я — был более важной персоной; и будучи ярыми приверженцами обычаев, какими, говорят, были мидийцы и персы в отношении своих законов, они не могли решить (по вопросу, который может показаться так же трудноразрешимым, как известная история с Магометом и горой), кто из нас

первым должен ехать к другому... я сразу же отмел подобные смешные притязания, заявив им, что мы оба находимся на службе у своего правительства и что подобные различия у нас на родине неизвестны. С тех пор, однако, на основе принципа старшинства по возрасту я неизменно уступал мистеру Беллу полагающиеся почести, если не единственную почесть, состоявшую в том, что ему причиталось место сбоку очага, считавшееся более почетным и отличавшееся от прочих тем, что оно возвышалось над полом на целых три дюйма.

Я настаивал на том, чтобы продолжить наше путешествие как можно скорее, но обнаружил, что совершенно невозможно покинуть дом нашего хозяина, не убедившись предварительно в самых существенных доказательствах его гостеприимства: выглянув во двор, я был буквально ошарашен при виде боевых порядков столов и блюд, которых было никак не менее сорока, установленных на столах от одного конца к другому. Предполагалось, что всему этому я должен был если не дать генеральную баталию, то, как минимум, боевой смотр: следя за тем, чтобы я не манкировал своими обязанностями, здесь же находился хозяин собственной персоной, плотный человек квадратного телосложения, наряженный в элегантную тунику из грубой ткани, украшенной, как и у всех местных денди, в избытке серебряным шитьем; безобразное выражение его лица, исполненное свирепости и хитрости, почти нейтрализовало любезное, чуть ли не бескорыстное желание доставить удовольствие. Более того, конфиденциальным шепотком многие из присутствующих убеждали меня в том, что он был «керкин! игит!» (kerkin! iguit!) — одни из немногих турецких слов в черкесском словаре, обозначающие «смельчак, храбрец» и имевшие в данном случае, без всякого сомнения, смысл намека на то, что хозяин был бесспорным объектом, на который должна была быть обращена моя щедрость.

...Теперь мне стало ясно, что Адхенкум, место нашей встречи, которое я представлял себе в виде городка или деревни, был на самом деле не чем иным, как горным потокам, впадавшим в Кубань и давшим, наподобие многих других горных речушек, свое название нескольким домикам, расположившимся на его берегах.

Кроны деревьев, росших вдоль его русла, окаймляли горизонт перед нами, и когда мы отъехали на несколько сот ярдов, наша кавалькада остановилась. Мне объяснили, что мы ожидаем другую группу всадников, которая должна в качестве почетного эскорта проводить нас к дому нашего кунака; сейчас нас известили, что эта группа прибывает во главе с Хаудом Оглу Мансур Беем. Хаджи торопливо сообщил мне, что этот вождь является одним из самых выдающихся в стране и что поэтому я должен считать большой честью для себя, что он снизошел до того, чтобы лично приветствовать меня; по правде го-

воря, я ощущал всю значительность момента, и его предстоящее появление производило впечатление, граничащее с благоговением, пожалуй, большим, чем могло вызвать появление самой выдающейся личности в Европе. Вот, казалось, главное лицо в Черкесии — «его голос в совете, и на войне его меч», обязанный своим возвышением не случайным обстоятельствам или благосклонности правителя, а единственно свободному, хотя и молчаливому выбору его соотечественников, право на который он завоевал личной храбростью и прозорливостью, природным красноречием, то есть качествами, которые правят этой свирепой демократией в горах, и своим превосходящим умом, который превратил их всех, грубых и мало готовых к подчинению людей, в невольных подданных своей воли.

Однако у меня было мало времени для подобных размышлений, поскольку лицо, к которому они имели отношение, появилось во главе другого кортежа всадников, окруженный с обеих сторон узденями, или дворянами. Едва они появились в виду, как значительная часть всадников из нашей собственной группы с короткими пронзительными криками понеслись им навстречу, словно они собирались их атаковать. Они были встречены с такой же решимостью всадниками с другой стороны, ружья и пистолеты были разряжены в воздух, и вдруг обе группы смешались, лошадь к лошади, человек к человеку, с такой видимой доброжелательностью и дружелюбием, что спервоначалу я, ошеломленный и удивленный, не знал, что делать. Однако это было не что иное, как церемония представления друг другу, как это принято в Черкесии между друзьями, что является, пока они этим не пресытятся, их излюбленным занятием; все это делается для того, чтобы отметить встречу уважаемых людей молодежью, и эта банда башибузуков и сорвиголов продемонстрировала старшим свою преданность, как стая охотничьих псов.

Однако пока на обоих флангах происходила эта буйная церемония, главные группы в центре продолжали так же неспеша и степенно продвигаться вперед. При сближении по примеру Мансур Бея все присутствующие спешились, и я теперь смотрел на этого вождя, который, приветственно приложив руку к колпаку в обычной манере, стоял напротив меня в полном молчании, не скрывая интереса к моей персоне... Его оружие отличалось элегантностью и превосходной отделкой, но в его одежде, хотя и опрятной, но сшитой из самого простого и грубого материала, не было ничего, способного вызвать зависть у беднейшего из его соотечественников...

...Пока я рассматривал его, Мансур Бей, как можно предположить, не без внимания присматривался ко мне; видимо, он остался доволен результатами этого изучения, поскольку он шагнул вперед с той непринужденностью, которая была в нашем положении одновременно приятной и многозначительной, и сердечно обнял меня. после чего мы вновь поднялись на ло-

шадей и направились бок о бок к кунацкой, где... должен был происходить большой совет, или «меджилис» (medjilis).

Собравшиеся по этому поводу не являли собой многочисленной толпы, поскольку почти вся молодежная часть населения, или «охотничьих псов» в то время ожидала русских визитеров; тем не менее здесь была представлена значительная часть аристократии, богатства и ума двух черкесских областей — шапсугов и натухаев (Shapsook, Natukvatch): «tamatas», «effendis» и «ouzdens», то есть старейшины, судьи и дворяне. Коротко говоря, собрание было достаточно представительным, чтобы придать полномочный характер своим решениям. Подобные советы действительно приобретают характер верховного органа власти при том, однако, важнейшем условии, чтобы все черкесы были убеждены в том, что это собрание по своей представительности и составу участников является подлинным выразителем народной воли, поскольку никакому другому органу они подчиняться не будут. Казалось бы, что для достижения этой цели наилучшим образом подходит постоянно действующая представительная система, однако черкесы предпочитают неразбериху и неопределенность, господствующие при их нынешних порядках, ущемлению своих собственных интересов, к которому могло бы привести введение постоянной системы. Эти независимые люди настолько ревниво относятся к власти, что ни один из них не желает выпустить из своих рук хотя бы часть ее или передать ее даже формально, на время, другому лицу или избранным представителям...

И все же, несмотря на их крайнюю независимость, нет никакого сомнения в том, что черкесы **фактически** имеют представителей своих интересов. Возраст, опыт, доблесть и красноречие имеют должный вес и влияние, и хотя они приспособлены и облачены в одежды, отвечающие предрассудкам народа, они превращают своих носителей в непререкаемых выразителей общественного мнения. Ранее это влияние, господствовавшее на народных собраниях, принадлежало в значительной мере представителям определенного района или племени; однако давление извне, вызванное амбициями России, привело к более широким комбинациям и к выражению уже общенациональных интересов, к превращению советов в большей мере в руководящие органы; в связи с расширением сферы влияния оно, естественно, стало преобладающим со стороны тех племен и тех районов, где влияние начало приобретать представительные формы.

Не то чтобы любой свободный человек в стране утратил свое право лично присутствовать на этих советах и влиять, в меру своих возможностей, на их решения; но в силу тех неудобств, которые вытекали из забвения ими своих домашних дел, а также сбора в одном месте слишком большого числа советников, они стали обычно удовлетворяться тем, что на советах присутствовали люди, которых они если не делегировали в

буквальном смысле слова, то во всяком случае питали к ним наибольшее доверие. Необходимость в национальных советах возникала, как я уже говорил выше, из-за общей опасности: поскольку ощущение опасности росло, советы приобретали все более важное значение...

...Таковы были характер и состав настоящего собрания, и много «эффенди» в тюрбанах, много морщинистых и седобородых оракулов прибывало из удаленных долин и с горных потоков и, обменявшись своими «салям алейкум», глядя вокруг с большим волнением, чувствовали, что благодаря их числу и представительности, их решения должны стать законом для двух вышеупомянутых областей (т. е. Натухай и Шапсуга. — *Ред.*).

...Когда мы подъехали к дому нашего кунака, взглянув налево, я начал понимать, что из себя представляет палата национального собрания Черкесии — превосходная дубовая роща, полностью очищенная от подлеска, в тенистой и прохладной сени которой, вокруг поросших мхом стволов, служивших как бы опорами массивной крыше из листвы, сидели на дерне таматы, или старейшины, по-видимому, захваченные серьезными дискуссиями. Оружие было снято, и повсюду виднелись лошади, привязанные к сучьям деревьев (под седлом и взнузданные).

Однако пока коллективная мудрость страны собиралась в тени, на соседнем лугу происходили не менее интересные, хотя и другого рода, споры; речь идет о воинских и конных соревнованиях, которые не могли не начаться, учитывая, что здесь собралась молодежь из разных уголков страны и особенно из соседних районов...

Глава VI

...Замечания по поводу совета...

Выйдя, наконец, во двор перед домом, покрытый травой, мы увидели, что он заполнен тесной толпой, посреди которой было отведено место для нас, где в центре были разложены циновки и подушки. После нашего появления там вокруг нас расселись наиболее уважаемые лица, что, кажется, является общепринятой формой организации совещаний. Судя по числу голов, покрытых тюрбанами, среди присутствующих находились чуть ли не все старейшины и судьи этого района.

...Сцена, которую я только что описал, позволяет составить некоторое впечатление о характере этих собраний, на которых, добавил бы я, царят порядок и приличие. Шум, крики, брань никогда не допускаются, и язык, к которому прибегают для красноречия — дословно «tatlu dil» («сладкий язык»), ясно указывает, что они отдают предпочтение убеждению, а не брани и угрозам. Как я уже говорил, каждый имеет право, если он того по-

желает, обратиться к собранию, но это привилегия, которой пользуется далеко не каждый. Молодежь здесь отличается скромными манерами по отношению к старшим по возрасту; для личного опыта в странах, подобных этой, нужно иметь куда больший вес, чем там, где благоприятные условия для чтения и учения приносят свои отрицательные плоды.

Редко бывает, чтобы кто-нибудь в возрасте моложе сорока лет вмешивался в обсуждение; и только с появленим достаточного количества седых волос в бороде, говорящих о зрелой мудрости старейшины, оратор может рассчитывать на внимание аудитории. Ежели объявляется личность, более чем другие любящая послушать сама себя, у них есть весьма своеобразный способ заставить ее замолчать; они не кричат петухами и не издают ослиных воплей, как в некоторых других, более цивилизованных странах; они применяют метод, который делают специфически для них приемлемым форма и просторность их дома собраний — «al fresco», то есть «без стен». Незадачливый оратор может обнаружить, что его аудиторию составляют единственно соседние деревья и кусты, тогда как те, к кому он обращался, давно уже рассеялись и вновь собрались вне пределов слышимости, где их можно видеть слушающим кого-либо, кто имеет большие основания привлечь их внимание.

За исключением подобных случаев терпение, настроение и выдержка этих собраний могут служить прекрасным образцом; в случаях, когда обсуждались проблемы местного интереса, мне частенько доводилось, по возвращении вечером из экскурсии, заставать круг собеседников ненарушенным, на том же самом месте и под тем же самым деревом, где я их покидал утром.

День за днем они будут продолжать дискуссии, во время которых люди, чье мнение они уважают, могут говорить часами; но что, вне сомнения, заставляет их продлевать свои заседания, так это необходимость прийти к единогласному мнению — для решения какого-нибудь вопроса простого большинства недостаточно; если они не пришли к единому мнению, они расходятся, не приняв никакого решения, так как ни один из них не будет подчиняться мнению, которое он не разделяет.

Среди тех, кто дожидался возвращения мистера Белла, я увидел двух князей высшего ранга, которые именуются «пши» (pchee), рангом выше «узденей». В былые дни князья этого ранга обладали значительными привилегиями; у них были вассалы, чьих услуг они могли требовать во время войны, и которые в мирные времена поддерживали достоинство своих сюзеренов.

Но в трех провинциях натухаев, шапсугов и абадзехов, как я уже упоминал, в последние годы появилась тенденция, — привнесенная, я думаю, магометанством, — аннулировать эти различия; и единственные привилегии, насколько я мог за-

метить, на которые еще могут претендовать люди этого класса, — это первенство в бою и на празднествах, где им в равной мере уступается право быть в первых рядах — как за столом, так и на поле боя. К этим прерогативам они добавляют еще одну, столь же отличную — первыми садиться и любезно позволять всем прочим занимать место вслед за ними. Здесь в это время было трое выходцев из этого класса: первый — Сефер Бей, которого я часто упоминал, поскольку он выступал в качестве черкесского посла в Турции; второй — Шимаф Бей, князь Семеза, о котором я буду иметь возможность рассказать дальше; и третий — Селим Бей, князь Ваны, которого позволю себе представить моим читателям. Как и князь Шимаф, он не обладал большим влиянием в совете или на поле боя, и вместе с первым был избран, чтобы принять нас как почетных гостей, «музафиров» страны. Раньше Селим Бей занимал значительный пост при серале в Константинополе и командовал полком императорской гвардии. Но после смерти своего брата, храброго Пшукои, павшего на поле брани, он вернулся в Черкесию, чтобы уладить семейные дела, пришедшие в беспорядок, и так здесь и остался. Он видел свет больше основной массы своих соотечественников; в его манерах было меньше принужденности, а его беседа была живой и завлекательной. Он был, как он сам нам сказал, европейского происхождения, поскольку кровь в его жилах была генуэзской, — утверждение, которому подтверждением могли служить тонкие, типично итальянские черты его лица...

...Два дня были проведены за обсуждением внутренних дел. С одной стороны можно было видеть старших членов совета, занятых мирными дискуссиями; тогда как в другом конце молодые люди с удовольствием продолжали свои занятия спортом. Главным из видов спорта была гонка, а скорее даже охота, когда одного всадника на полном скаку преследовали несколько других всадников, а тот стремился увернуться от них, используя для этого не только скоростные качества своего скакуна, но и различного рода хитрости, уловки, а также неровности местности. Чтобы доказать талант хорошего стрелка, они упражняются в стрельбе на длинную дистанцию, стреляя с подпорки, а также ведут стрельбу на полном скаку, сбивая на землю шапку, причем искусство состоит в том, чтобы моментально выхватить ружье, висящее за спиной в фетровом чехле; то же самое упражнение проделывается и с пистолетом. Стрельба из лука, хотя она и не в такой моде, как ружейная стрельба, также имеет своих любителей. Мишень укрепляется на шесте на высоте около пятидесяти ярдов и они стреляют в нее из седла, полностью разворачиваясь в нем, чтобы прицелиться, когда они скачут мимо. К этим упражнениям следует добавить борьбу и толкание больших камней.

...В этих двух областях (шапсугов и натухаев. — *Примеч. ред.*)

население было весьма благоприятно... настроено в пользу того, чтобы урезать права дворянства, которое, не имея ни вассалов, ни богатства для того, чтобы удержать свои привилегии, были вскоре вынуждены отказаться от единственной привилегии, которая, несмотря на то, что была лишена реального содержания, все еще сохранялась за ними.

Убийство человека здесь искупается штрафом, и жизнь узденя оценивалась раньше выше, чем жизнь обычного человека; штраф теперь был уравнен, и двести быков теперь уплачиваются за благородную и низкую кровь без различия...

...Есть три качества (как рассказывал мне старый Осман, мой оруженосец), которые в этих краях дают человеку право на известность, — храбрость, красноречие и гостеприимство; или, как выразился он, «острый меч, сладкий язык и сорок столов».

Я уже говорил о Хауде Оглу Мансур Бее; он стал настолько популярен, что я часто слышал, как его величали «королем страны» — остроумная гипербола, сама по себе доказывающая, что никто нимало не опасался, что он может стать таковым в действительности.

Вторым по степени уважения шел за ним Кери Оглу Шамиз Бей; все в один голос хвалили его и, что особенно важно для репутации политического вождя, хвалили его советы; его деятельность скорее ощущалась, чем была видна; сам я его видел в течение месяца после моего прибытия; когда мне его представили, я увидел человека скромного, но полного достоинства, с длинной белой бородой, высокого, худощавого и прямого. Всю свою жизнь он провел в войнах и приключениях, начав свою карьеру при осаде Измаила... Короче говоря, он был весь покрыт шрамами и рубцами, памятками о боях, о многих из которых он уже давно забыл. Если для нас черкесский Нестор был в какой-то мере слишком во многом напоминанием о прошлом и слишком в малом свидетелем настоящего, то для своих соотечественников его личный опыт был тем, чем для нас служат описания путешественников и исторические исследования, и они, кажется, никогда не уставали слушать его...

Когда я как-то выразил свое удивление хладнокровием, которое он проявил в тяжелых обстоятельствах, он ответил: «Грудь у Шамиза очень большая, там спрятано так много такого, о чем другие не имеют представления даже!» На брань и оскорбления он обычно отвечал спокойным сарказмом или презрительным «рек-ее» («очень хорошо»). Но бывали случаи, когда его подлинная натура раскрывалась с несокрушимой силой; когда, например, защищая клиента, он поднял меч на анапского пашу. Это было в то время, когда турки, которые были хозяевами страны... Один из турок, находившийся под протекцией Шамиза, был приговорен к смерти пашой; старый ры-

царь-уздень случайно оказался в городе и счел своим долгом прийти незамедлительно к нему на помощь; он ворвался в «селамлык», загородил собою пленника и, обнажив свой ятаган, заявил удивленному паше и его мюридам — пусть они попробуют его тронуть. В этом штрихе мы, возможо, скорее увидим нечто, достойное восхищения, а не осуждения; но я могу привести множество других случаев, когда он действовал под влиянием иных, далеко не таких благородных импульсов — из спеси и мести, страстей, которые сильный интеллект учит его скорее избегать, чем подчиняться им. Именно в этом отношении он отличался от Мансура; и хотя его спокойный и сдержанный нрав, стоицизм и лицемерие, возведенные в привычку, могли заслуживать уважения, будучи созвучными представлениям его соотечественников, эти качества не могли вызвать к нему любви в отличие от естественной искренности и благородной простоты последнего. Однако между ними не было соперничества или недоброжелательства, поскольку Мансур с готовностью оказывал внешние знаки уважения к старику, чего требовали его возраст, а другой с равным тактом и благоразумием признавал его действительно большую влиятельность; оба они взаимными уступками поддерживали значение и роль своего клана Чипаку (Chipakous), признаваемые со времени изгнания абатов (abats) в равной мере шапсугами и натухаями.

Членами этого знаменитого клана, состоящего самое большее из шести-семи семейств, были также Мехемет Индар Оглу и судья Хаджи Оли. К ним можно добавить Арслана Гери, храброго и известного воина в расцвете сил, не менее, однако, известного и своей скромностью; действительно, его застенчивость крайне контрастировала с его мужественной наружностью, грудной клеткой и плечами Геркулеса и тем, что мы слышали о нем со слов тех, кто видел его в бою, когда он со своей мощью прокладывал себе путь среди русских рядов подобно Ростану; все это скорее всего предрасполагало людей в его пользу. Он, очевидно, был человеком действия, и вместе с тем посредственным собеседником.

Среди наиболее влиятельных лиц, присутствовавших на собрании, был также Кериак Оглу Али Бей, из клана Куцуков (Kutsuk), человек, который вызывал уважение не только своими физическими данными, поскольку был высок, худощав и мускулист, как гигант, но и природной силой характера, церемонной и вызывающей доверие речью, благодаря чему он прокладывал свой собственный путь в стране. Немногие решились бы обидеть человека его роста и решительности; и его соседи, особенно армяне, неизменно уступали вежливым просьбам, которые время от времени, в соответствии с обычаями страны, он направлял им в отношении скота и товаров.

Судя по именам, которые я здесь упоминал, можно заключить, что главными лицами в этой области были во время мо-

ей поездки почти все дворяне. Однако среди них было несколько человек из народа, которые своим влиянием поддерживали честь своего класса. Среди них надо упомянуть Дазика Оглу Шупаша, наиболее выдающегося представителя черкесских «токавов», земледельцев — подлинный патриот, сердечный и гостеприимный хозяин, твердый в своих привычках, учтивый в манерах, скрупулезно опрятный в одежде и снаряжении; в таком состоянии совершенства были не только его личные вещи; как всякий хозяйственный «токав», он содержал также в прекрасном состоянии свою лошадь и лошадиную сбрую. Среди зимы, так же как и летом, мы находили у него самый сердечный прием, причем весь дом шел ходуном, и хотя ему уже стукнуло семьдесят, он выскакивал зимой на снег, чтобы встретить нас со всеми удобствами. Строгое соблюдение всех церемоний, обычаев и обрядов, что является целью воспитания под наблюдением «аталыка» (atalik), делали его образцовым «охотничьим псом» в стране; наряду с этим его изысканная любезность, веселость, молодость души делали его наиболее выдающимся образцом. Редко случалось, чтобы его в компании всадников не признавали по общему молчаливому согласию предводителем; и когда в позапрошлом году русские во время очередного набега сожгли его дом и увели его скот, ему более чем компенсировали утрату благодаря усердию и добровольным взносам его друзей.

Еще одним человеком из народа, известным среди натухаев, был Хасс Демир. Для Черкесии он был обладателем значительного состояния; то есть, он имел три или четыре тысячи овец, двести или триста голов крупного рогатого скота и несколько дюжин рабов. Он пользовался также репутацией мудрого человека; и хотя мы бы не сочли холодные манеры и важный вид убедительным подтверждением его достоинств, у его соотечественников, несомненно, были веские причины для такого мнения. Что касается его гостеприимства, хотя и несколько показного, мы охотно готовы выступить свидетелями. Он действительно был, как его охарактеризовал бы Осман, «человек с сорока столами».

Наконец, в числе натухайских дворян я не могу пропустить нашего любезного друга Чорук Оглу. По правде говоря, его розовые лоснящиеся щеки, благодушный взор и довольно-таки полная фигура, которую даже самый туго затянутый пояс с трудом доводил до общепринятых размеров, делали его похожим скорее на веселого собутыльника, чем на хорошо закаленного воина; однако широта взглядов, твердость и здравый смысл, которые позволили бы ему подняться в высшие слои общества в более мирные времена и в более мирных условиях, даже здесь ценились должным образом. Его занятия, хотя и несколько меркантильные — он был одним из самых процветающих торговцев в Черкесии, — вовсе не мешали этому доб-

родушному человеку ходить вооруженным до зубов и принимать участие, подобно остальным, в баталиях.

Присутствие по этому случаю вождей и старейшин от шапсугов, хотя эта область более могущественная и населенная по сравнению с натухаями, было менее представительным как по числу, так и по значимости. Причиной этому служила в большей мере экспатриация клана абатов, которые ранее играли такую же ведущую роль среди шапсугов, как чипаку среди натухаев; покинув родные места, абаты на новом месте приобрели почти такое же влияние, каким они ранее пользовались в своей собственной провинции. «Токавы», или земледельцы, которые изгнали их и которые раньше так рвались захватить принадлежавшую им власть, теперь не могли избрать в своей среде того, кто пользовался бы у них таким же авторитетом. Даже Хорос Оглу Амеерз, наиболее выдающийся из них, помимо того, что находился под подозрением в нечестности, чувствовал, что ему не хватает авторитета, которым пользовался его противник из аристократов, чтобы руководить советом племени.

В результате этого никакие общие меры, направленные на общественное благо, не могли быть обсуждены или приняты, если бы их не санкционировали и не поддержали своим присутствием чипаку. В области были два дворянина, которые, хотя и происходили из менее известных родов, однако имели значительное влияние, однако ни один из них не присутствовал на совете; это были известный Хаджи Буз Бег, который, будучи знаменитым воином, никогда не вмешивался в дела совета, и Шахин Гери, уздень, пользовавшийся большим уважением, но бывший во вражде с Шамиз Беем, а потому, во избежание личного столкновения, вынужденный отсутствовать на совете....

Со стороны шапсугов на совете присутствовали только «токавы», и их возглавлял, как я уже говорил, Амеерз. Помимо него, здесь был и почтенно выглядевший человек по имени Нáссва, который был самым знаменитым оратором провинции — у него был в совершенстве развит «tatlu dil», «сладкий язык»; я, разумеется, не берусь судить о его медоточивости, поскольку не знаю языка; но если судить по невероятному количеству того, что старик говорил на совете ore rotundo и полуприкрыв глаза, можно предположить, что он ограбил половину пчелиных ульев племени шапсугов. Вопреки наставлениям Демосфена, он использовал очень мало жестов и его речь текла так же легко и монотонно, как соседний ручей; оно, действительно, так и казалось — что раз начав, он никогда не закончит.

Заседания совета продолжались четыре или пять дней, в течение которых мы все время меняли нашу резиденцию, постепенно спускаясь с одной зеленой террасы на другую вдоль течения Адхенкума. Столь большое число людей, собравшихся

в одном месте, было, по причине отсутствия каких бы то ни было общественных фондов на эти цели, слишком обременительным для тех, кто их содержал, поэтому нет ничего удивительного в том, что они старались облегчить это нелегкое бремя, меняя настолько часто, насколько это было возможно, те плечи, на которые оно ложилось...

...Ограда вокруг участка земли является здесь единственным удостоверением на право собственности; однажды покинутый участок превращается в общественный фонд и может стать собственностью на тех же условиях любого, кто пожелает его обрабатывать. Черкесы вообще не понимают, как, за исключением непосредственного использования, кто-либо может предъявлять исключительные права на землю; для них все элементы общие — земля и воздух, огонь и вода — и любой из них можно иметь в необходимом количестве без каких-либо ограничений. Собственность здесь составляют руки, используемые для обработки земли, скот и получаемый продукт. Их представления о собственности, очевидно, указывают на их происхождение с времен кочевого образа жизни. Правда, у них дома, а не кибитки, но их архитектура самая простая и единообразная — простейшие клетки из плетеных прутьев, обмазанные глиной, такие же по своему строению и материалу, какие они делали в течение веков; доказательство, если этот факт требует каких-то доказательств, того, что их обитатели редко подолгу проживают на одном месте, ибо в противном случае они бы пришли к мысли о необходимости усовершенствовать свое жилище. Во всех домах, где мы останавливались, мы встречали любезное и гостеприимное обращение. Правда, мы делали подарки, но нам говорили, что они вовсе не обязательны и что таким образом мы даже прививаем дурные привычки жителям страны. С другой стороны, мы редко сталкивались с тем, чтобы эти подарки отклонялись; а в некоторых случаях у нас их просили довольно настойчиво. Особенно примечателен в этом отношении один человек, чья низость и попрошайничество были оскорбительны для нас; это был Калабут Оглу Хатукой Бей, недостойный член рода чипаку.

Цель, ради которой я представляю его, — дать читателю некоторое представление о неприятной разновидности людей, которые могут процветать только при порядках, существующих на Кавказе. Как может догадаться читатель, эти порядки берут свое происхождение из духа безграничного гостеприимства и проявляемого при этом решительного презрения к материальным благам. Невозможно, чтобы при подобных обстоятельствах человек мог разбогатеть, поскольку неимущий считает себя вправе почти требовать вспомоществования от своего более удачливого собрата, и предполагается, что человек, про которого известно, что он имеет лишнюю пару обуви или рубашку, должен поделиться ими в пользу голого и босого. Насколько

черкесы пунктуальны во многих других отношениях, настолько они бесцеремонны в отношении собственности, даже наоборот, считают своим долгом брать и давать с равным безразличием. Подобная система с неизбежностью должна способствовать сохранению вещей в примитивном состоянии и не может нормально сосуществовать с денежным обращением; она также позволяет лентяю и бездельнику пользоваться плодами чужих промыслов и предприятий, что в значительной мере является препятствием для их развития, вырождаясь для некоторых в источник дохода путем попрошайничества...

Глава X

...Черкесские лошади. Торговля лошадьми в Черкесии...

...Проблемой, которая занимала наше внимание в то время, была покупка лошадей для нас и наших слуг — дело, которое в глазах черкесов имеет первостепенную важность и к которому мы, должно быть, думали они, отнеслись излишне легкомысленно, необдуманно попытавшись приобрести их без предварительной консультации с нашим «кунак-беем», человеком большой мудрости и опыта, обладавшим глубокими познаниями по части лошадей. В таких случаях обычно все начинается с внимательного выбора лошади, потом идет детальное обсуждение ее ног и поступи; затем следуют галоп, шаг, троттинг, прыжки через заборы и стены с тем, чтобы выяснить, как лошадь слушается хозяина, и, наконец, обязательно предшествующая покупке торговля, в которой даже ни один йоркширец не смог бы проявить больше такта и изобретательности. Тот, кто пренебрегает этим правилом, не может рассчитывать на уважение в Черкесии.

Ничто не приводит продавца в такое замешательство, как готовность уплатить первую названную им цену за лошадь; у них в обычае запрашивать вначале, как минимум, вдвое большую цену, чем того стоит лошадь, ради удовольствия затянуть переговоры. Поскольку мы были гостями и иностранцами, считалось постыдным надуть нас; с другой стороны, в не меньшей мере непростительно было бы упускать выгодную сделку. Чтобы помочь им решить эту дилемму, мы решили поручить нашим слугам купить для нас лошадей; суета, которая поднялась, споры, возражения, торговля, мелочные придирки — все это, происходившее в обстановке примерной терпеливости и непоколебимой серьезности, доставляло видимое удовлетворение обеим сторонам.

Кавказские породы лошади различаются в зависимости от района, где они выращиваются: лошади с побережья и высокогорных районов маленькие и не сильные; лошади с низмен-

ностей и долин хороши для верховой езды, у них хорошие скаковые качества. Наибольшим спросом пользуются лошади кабардинской породы, и некоторые их экземпляры не опозорились бы в день больших скачек в Лейсестершире. За хорошую лошадь здесь платят десять функтов стерлингов, за среднюю — от трех до пяти. Кобылы, которых здесь держат главным образом для пополнения табунов и на которых всадники считают зазорным для себя ездить верхом, колеблются в цене от двух до пяти фунтов. Такое же предубеждение против кобылиц существовало и в Европе в средние века. Лошади здесь в целом выносливые и послушные, легко привыкают к той службе, для которой их используют, и зачастую способны переносить лишения и тяжелые нагрузки во время набегов и походов. Черкесы обращаются с ними заботливо и даже с нежностью; я никогда не видел, чтобы черкес приласкал своего ребенка, зато лошадь он готов целовать и гладить; они заботятся о зимних запасах корма для лошадей в не меньшей степени, чем для своих семей. У лошадей на бедре, чтобы выделить их родословную, имеется тавро: сабля, стремя и тому подобное, и обладатель посредственной лошади утешается тем, что ставит этот знак — свидетельство высоких качеств, хотя и не раскрывшихся до конца у его лошади.

На несколько месяцев в году их выпускают на волю и держат в табунах на обширных пастбищах. Зимой считается дружеской услугой и знаком расположения позаботиться о лошади другого человека, которая может оказаться не в форме, и возвратить ее хозяину лоснящейся и годной к дальнейшему использованию.

Некоторые их представления о лошадях весьма оригинальны: например, они не дают им пить, когда они разгорячены, и в то же время нисколько не колеблются купать их в самой холодной воде. Спешившись, черкесы привязывают лошадей к дереву по соседству с кунацкой и не расседлывают их и не ставят в стойло в течение трех-четырех часов после возвращения из поездки. Подобные предосторожности предохраняют спину лошади от натирания и раздражения. Ни в одной из частей Кавказа лошадей не подковывают. На кубанских равнинах в подковах нет особой необходимости, и лошади, вполне возможно, даже лучше без подков; но в горах и на морском побережье было бы весьма полезно их иметь; путешественнику очень неприятно чувствовать и видеть, как лошади хромают по камням из-за отсутствия подков.

Глава XI

Сообщение о черкесских институтах. — Пши, или князья. — Уздени, или дворяне, — Токумы, или кланы. — — Иллюстрация их юридических институтов

Обстоятельство, которое среди прочих способно поразить иностранца на Кавказе, — это повсеместная безопасность жилища и собственности. Его воображение, когда он пробирается сквозь труднодоступные ущелья и мрачные леса, естественно, населяет все вокруг разбойниками и рисует ему образы притаившихся в засаде бандитов за каждым поворотом и затененным участком дороги. Несколько недель пребывания здесь избавляют его от подобных заблуждений; получив жилище и имя своего хозяина, или кунака, взамен паспорта, иностранец испытает мало опасностей и будет принят с радушием, куда бы он ни направился, путешествуя по диким ущельям Кавказа столь же свободно, как если бы он передвигался по самым оживленным магистралям Европы; если же он настроен на приключения, то он будет разочарован тем, что на него никто не нападет и не устроит ему ловушки или засады. Однако, хотя двенадцатимесячный опыт утвердил меня в этом мнении, я должен тем не менее признать, что здесь должны быть сделаны некоторые исключения и что в некоторых отношениях характер народа более отвечает его природной дикости и что дух предприимчивости, хотя и контролируется и регулируется существующими здесь порядками, однако еще далеко не подавлен окончательно. Поскольку общепризнанные нормы поведения оказывают здесь, в целом, самое благотворное влияние и так как они полностью отличаются от тех, которые существуют в любой другой стране мира (а надо сказать, что за исключением нескольких корреспонденций, посланных мною в газеты, еще никто не сделал попытки описать их), я льщу себя надеждой, что предлагаемое ниже исследование не покажется читателю лишенным интереса.

Может показаться неправдоподобным, что ни один из писателей, считающихся специалистами по этой стране, таких, как Паллас, Клапрот и Мариньи, никоим образом не упоминают об этих основных законах. Но факт состоит в том, что два первых вообще никогда не были в Черкесии, а последний, который был там всего лишь несколько дней и который, разумеется, блестяще использовал предоставленные ему возможности, мог не иметь достаточно времени для того, чтобы убедиться в их существовании, и еще менее для того, чтобы понять их значение и механизм их действия.

Заключение, к которому пришли эти авторы и к которому пришел бы любой другой, работающий в столь же трудных условиях, основывается на полученной информации о том, что,

поскольку в этой стране есть князья и дворяне, следовательно, мир и порядок, существующие здесь, происходят от их управления. Подобный вывод, однако, представляется необоснованным. Я уже показывал, что в трех областях (т. е. в Натухае, Шапсугии и Абадзехии) власть «пши», или князей, сейчас, к добру это или к злу, равна нулю, а там, где она еще преобладает, как в средние века, и не контролируется высшей светской или духовной властью, является скорее элементом, ведущим не к безопасности, а к беспорядкам. Их власть, основанная, как и власть нашей феодальной аристократии, на предприимчивости, в горных районах, не склонных к принятию тирании ни в какой форме, может быть удержана только благодаря постоянным усилиям по ее навязыванию; всякое бездействие подрывает эту власть.

Во времена столь же давние, как и времена Юстиниана, мы находим в описании Прокопа, что имели место такие же беспорядки и революции (перевороты). Князья, говорит он нам, постоянно угоняли молодежь страны (их главное богатство тогда, как и сейчас), чтобы снабжать византийский рынок работорговли; но, в конце концов, народ поднялся и положил предел этим злоупотреблениям. Насколько верно нарисованная им картина соответствует современности! Один из самых смелых и неутомимых дворян в этих краях как-то жаловался мне на ослабление их власти среди натухаев, в то время как она еще довольно сильна в Задуге (Бжедуге. — *Ред.*); природу этого явления вполне можно понять.

Воля «пши» — закон для его подданных; они выполняют любое его приказание; куда бы он ни повернул свое ружье, сотня направляется в ту же сторону, и добыча, которую князья собирают во время своих войн, является наградой преданности его воинов. Эти мелкие сюзерены происходят, как кажется, из Кабарды и пронесли свое оружие во все уголки Черкесии. Их целью могло быть все что угодно, кроме установления там порядка и спокойствия, где бы они не появлялись; было бы действительно невероятно, чтобы алчность и наглость могли принести подобные плоды. Скорее всего именно им Кавказ обязан своей дурной репутацией; пленники, появившиеся во время их войн, образовали в этой стране класс рабов; как в древности, так и в нынешние времена именно рабы, в силу своей привлекательности, являются причиной и жертвами в одно и то же время этих разрушительных действий. С другой стороны, не следует думать, что врожденные пороки этой системы, как бы отвратительны они ни были, не маскируются и не лакируются внешними проявлениями храбрости, великодушия и учтивости; даже до сегодняшних дней мы замечаем в манерах этих вождей признаки, столь свойственные предписаниям рыцарского кодекса чести, — настолько, что Паллас не поколебался утверждать, что кабардинцы по своему происхождению были колони-

ей тевтонских кнехтов. В областях, расположенных на кубанских равнинах, где имеются большие и процветающие селения, власть этих «пши», поскольку ее легче удерживать в руках, более стабильна и приобретает в силу этого более мирный и патриархальный характер.

Власть второго класса — «ворков» (ork), узденей, то есть дворян, кажется, содействует национальному процветанию в столь же малой мере, что и власть «пши». В своем богатстве и могуществе они ни в коей мере не превосходят токавов, или тлокотфлов (tlokothfles), то есть вольноотпущенников; правда, они упорно цепляются за свое достоинство и никогда не допускают смешение крови путем браков с тлокотфлами; однако последние, не стремясь загрязнить ее смешением, в то же время не признали ее хоть в малейшей мере лучше своей собственной, отказавшись признать за ней право на большую компенсацию, нежели за свою собственную; таким образом, класс узденей, лишенный этой последней привилегии, может рассматриваться лишь в качестве более высоко поставленной касты. Чтобы обезопасить блага мира и свободы, черкесам нужна была защита в иной форме, и они давно получили ее в виде установлений, которые, хотя и не известны остальному миру, весьма строго соблюдаются между ними.

Как и в Европе при феодальных порядках, где люди мирных наклонностей и занятий объединялись в города и приходы в целях своей общей безопасности, так и горцы, сопротивляясь насилию со стороны воинственных вождей, обрели защиту в лице добровольных объединений, которые, строго говоря, отличаются от первых, но столь же эффективны и более соответствуют образу их жизни и духу их страны; эти объединения не отрывают их от их полей и пастбищ, чтобы заточить их в стенах города, и даже не ограничены какой-либо одной местностью; единственными узами, объединяющими их, является клятва, которая, за неимением иных уз, налагает на них обязательства самого священного характера. Члены этих сообществ считают друг друга братьями, и чтобы подчеркнуть иллюзию того, что они и в действительности являются таковыми, браки между семьями внутри этого сообщества запрещены; это правило соблюдается настолько строго, что даже тогда, когда сообщество состоит из многих тысяч членов, как это имеет, например, место в могущественном клане Наткво (Natquo), это правило тем не менее остается в силе полностью и браки между людьми из состава его членов считаются кровосмесительными. Также в соответствии с этими представлениями замужние женщины, которые после принятия исламизма обязаны закрывать лицо чадрой, не колеблются открывать лицо перед любым мужчиной из их собственного клана, хотя зачастую этот мужчина, в силу того, что он живет абсолютно в другом краю страны, может быть для них совершеннейшим чужестранцем.

Таким образом, не будучи членами одного рода, члены этого общества обязаны оказывать друг другу помощь и поддержку, и в случае, если кто-нибудь из них будет убит, требовать удовлетворения за его смерть от клана его убийцы, каждый член которого в неменьшей мере, чем сам обидчик, становится ответственным за убийство, и пока возмездие не наступит, находится с ними во вражде. Штраф, установленный за убийство, составляет двести голов скота за убийство мужчины и сто — за убийство женщины. Поскольку штраф за убийство ложится на весь клан, клан требует исключительных прав в отношении наказания собственных членов. Каково бы ни было преступление — будь то убийство, кража, похищение и так далее, — совершивший подобный проступок может быть обвинен судом, и для каждого из этих преступлений установлено свое наказание; претензии уточняются жюри из двенадцати персон — по шести от каждого клана, — выступающих сторонами в тяжбе; его приговор должен быть единогласным. Штраф, если он устанавливается, выплачивается не совершившим преступление и не пострадавшим; он выплачивается и распределяется между членами соответствующего клана.

Действие этих законов благотворно как с точки зрения предупреждения преступлений, так и кары за совершенное преступление. Совершая преступление, каждый индивидуум отдает себе отчет в том, что он совершает преступление не только против непосредственно пострадавшего, но также и против собственного клана, который будет вовлечен во все последствия преступления и единственно перед которым он несет ответственность за него. Месть, с другой стороны, обезоруживается мыслью о том, что она лишает весь клан права на возмещение убытка, требование которого более полно отвечает его целям, навлекая на голову противника неудовольствие всего его клана. Принцип здесь тот же, что и в юриспруденции цивилизованных стран, которая делает каждого человека ответственным за его преступление перед всем обществом в целом; но он должен быть более эффективным, когда каждый член общества является не чужим другому, а его братом, чьи интересы непосредственно затрагиваются его проступком.

Влияние национального характера, когда возмещение зла, совершенного индивидуумом, возлагается на общество, к которому он принадлежит, довольно ощутимо; мотивы, по которым они этого требуют, основываются более на материальном интересе, чем на страстях. Нужно сказать, что, до тех пор, пока удовлетворение не предоставлено и распри не урегулированы, кланы находятся во вражде друг с другом и, встреться члены этих кланов в глухом месте, представитель обиженного клана обязан мстить и убить своего противника. Такой ускоренный итог решения споров, однако, покажется далеко не удовлетворительным его собственному клану, поскольку таким образом

они теряют свое право требовать компенсации, и потому они прибегли бы к такому решению только в том случае, когда потеряли бы окончательно надежду на получение компенсации. Весьма любопытно, однако, наблюдать, насколько старательно члены кланов, находящихся во вражде, избегают встречи друг с другом. Предосторожности и уловки, к которым они прибегают в этих целях, могли бы показаться проявлениями трусости, если бы речь шла о поединке двух индивидуумов, но когда речь заходит об интересах, затрагивающих их кланы, это становится политикой и достойно похвалы.

Помнится, однажды мы направились на свадьбу в компании с Шимаф Беем. Прибыв на место, мы были встречены человеком, который предупредил его о присутствии противника. Приняв к сведению этот намек, он извинился перед нами и задержался. А его противник, из того клана, с которым шла вражда, когда ему сообщили о том, как складываются обстоятельства, тоже удалился — во-первых, из уважения к нам, а во-вторых, из почтения к княжескому званию противника (что не помешало бы ему, если бы они встретились, выстрелить). Довольно часто случалось так, что люди, которые сопровождали нас в путешествии, узнав, что на нашем пути могут оказаться те, с кем они были во вражде, делали большой круг, чтобы избежать встречи со своими противниками.

Весьма редко бывало, чтобы закон совершенно не принимался в расчет, хотя, принимая во внимание остроту ситуации или бедность клана, бывало так, что его исполнение откладывалось. В этом случае принимались меры к ускорению соглашения, — намекалось, что заборы будут уничтожены, скот похищен, рабы уведены и т. д.; и если эти намеки не принимались к сведению, то прибегали к наиболее открытому и решительному характеру репрессий — сносились головы, наносились раны, однако все это делалось с учетом окончательного итога — таким образом, чтобы баланс потерь сводился с положительным сальдо в пользу нападавших.

Таковы кланы в Черкесии, создаваемые не в интересах агрессивных и политических, но социальных и юридических. В этом отношении они полностью отличаются от кланов или племен других горских народностей, которые, проживая совместно и подчиненные все вместе одному вождю, являются готовым инструментом для осуществления его амбиций; напротив, члены черкесских сообществ, проживая отдельно друг от друга, не признают одного вождя. Когда они объединяются — для похода или набега — они собираются под знаменами не какого-либо племени или рода, а под знаменами какой-либо округи, или водного источника, вблизи которого живут воины. Дворяне вместо того, чтобы возглавлять их, как это полагают некоторые писатели, объединяются в сообщества (так же как и вольноотпущенники); все они различны, хотя иногда их объединяет об-

щая клятва. Такого рода объединения не являются какими-либо исключениями; общество дворян, именуемое Чипакво, присоединяется к могущественному обществу токавов под именем Натkво, и именно благодаря этому объединению оно имеет ту власть, которой пользуется в области натухаев. Точно так же и абаты смогли приобрести такую степень влияния среди шапсугов, потому что они объединились с кланом токавов рублех.

Преимущества, которыми пользуется член богатого и могущественного клана, и трудности, с которыми сталкивается человек, которому выпало несчастье принадлежать к бедному и слабому клану, таковы, что они не могут быть компенсированы или уравнены личными качествами человека. Каждый чувствует, что для уплаты или требования штрафа средства его клана все равно что его собственные и в соответствии с этим основывается уважение его соседей. И это еще не все; в соответствии с лишенными предрассудков взглядами на собственность, которые здесь повсеместно процветают и которые почти не имеют ограничений среди членов общества, человек может претендовать на все, что ему может потребоваться. Например, если ему нужно обзавестись женой, а он для этого слишком беден, поскольку жены здесь — вещь дорогая, его общество проводит для него взносы. Жены членов клана, как бы строго ни соблюдалось право собственности на них при жизни мужа, после смерти мужа переходят в собственность своего рода акционерного общества, которое может располагать ими по своему усмотрению. Это одна из многих особенностей, в чем черкесские законы разнятся от Корана, который дает свободу любой жене, будь она даже рабыней по происхождению; после смерти своего мужа она становится сама себе хозяйкой и свободна выбрать себе другого.

Во всем, что имеет отношение к их законам и организации власти, черкесы до сих пор руководствуются нормами своих кланов; они не намерены позволять исламизму, каковы бы ни были его претензии диктовать первые (законы) и узурпировать вторую (власть). Они, правда, позволяют представителям исламизма занимать место в суде. Однако кадий, который председательствует в жюри, или скорее приглашается как консультант жюри, осуществляет незначительный контроль, он только толкует мусульманские законы, которые черкесы принимают или отвергают в зависимости от того, соответствует ли он их представлениям и обычаям. В другом месте было показано, что принципы, на которых базируются мусульманские законы, существенно отличаются от принципов, которые управляют кодексом кланов. В соответствии с ним никакое действие само по себе не является благим или преступным, но становится таковым в силу обстоятельств; кража или убийство, когда необходимо возмездие, могут стать не только оправданными, но пре-

вращаются в обязанность; не может действовать система, если она не имеет общепризнанного принципа, поэтому важную роль играет последний довод, благодаря которому здесь достигается справедливость. До каких бы пределов, однако, исламизм ни господствовал в качестве религиозной доктрины и в том, что касается его обрядов и ритуалов, он все еще в своих административных прерогативах остается чуть более чем мертвой буквой и будет оставаться в таком положении, пока не будет облечен властью более высокой, чем власть кланов. С другой стороны, установление верховной власти было совершенно не совместимо с их порядками; и когда сами черкесы говорят об этом, они ни в коей мере не думают, что с ними это может случиться; изменения в этом смысле напрашиваются, но их вызывают не внутренние потребности, а давление извне. Черкесы горячо привязаны к своим порядкам, и так как каждый черкес чувствует свой вес и свое участие в их осуществлении, его предрасположение в их пользу растет с его ростом и укрепляется с укреплением его общественного положения. А поскольку, чтобы добиться преимуществ военной и политической организации, они должны подчиниться правительству, это с самого начала ведет к коллизии с кланами, так как они, конечно, будут противиться передаче права контроля и наказания своих членов в чужие руки, кто бы это ни был. Если бы можно было преодолеть эти трудности, кланы, а скорее их остатки, представляли бы собой неплохой материал для создания правительства. Они уже имеют опыт в сборе собственности и справедливого обложения для выплаты штрафов, и мало оснований для сомнения, что тот же механизм окажется вполне пригоден для сбора подоходного налога, в то время как статистическая информация, которой располагает общество в отношении состояния собственных дел, также может быть с пользой принята в расчет.

Я уже отмечал, и для читателя, который хочет составить правильное представление о государстве черкесов, нет нужды часто повторять, что чертой, отличающей эти кланы от кланов в любой другой стране, является то, что единственными объединяющими их узами является клятва, подкрепляемая каждодневным опытом ее преимуществ, а также то, что они рассеяны по разным областям вперемежку с членами других кланов. Причины этого отделения я не надеюсь разъяснить достаточно полно, но их две, довольно очевидных. Членам клана вне зависимости от того, сколько семейств туда могут входить, — а иногда, как я уже отмечал, их может быть несколько тысяч, — не разрешены браки внутри их клана — правило, которое оказалось бы в высшей степени затруднительным, если бы они все проживали в одной местности. Другая причина, которая могла привести их к мысли о необходимости жить в различных местах, это то, что намного легче добиться правосудия со стороны членов другого клана, чем среди своих, когда нет такой кон-

центрации членов своего клана, чтобы их могли бы к чему-нибудь принуждать. Мы поймем это лучше, когда вспомним, что проживание рядом друг с другом делает людей только индифферентными соседями и что клан в Черкесии — это только большая семья, чьи споры тем труднее решать, что среди них нет признанных лидеров, и что чем дальше они живут друг от друга, тем большими друзьями они являются. Однако, каковы бы ни были причины их отделения, в результате его кланы стали бесполезными для целей войны и для национальных интересов. Для организации в военном отношении местные влияния, как я уже показывал, имеют куда большую пользу и значение; и на совете, так же как и на поле боя, их могущество (имея в виду социальные и юридические элементы) неощутимо, тогда как влияние князей и дворян, будучи военного и феодального происхождения, все еще остается значительным, хотя личные заслуги и качества имеют даже еще большее значение.

Нам остается рассмотреть характер этих установлений в моральном плане, который, после того, как я признал, что воровство и убийство оправдываются между ними, может показаться весьма сомнительным. Но прежде чем их полностью осудить по этой причине, не лишним было бы вспомнить, что те же самые вещи санкционируются в практике самых цивилизованных наций, и что во время войны мы грабим и убиваем с куда меньшими угрызениями совести и в куда больших масштабах, чем это делают черкесы. Разница, однако, состоит в том, что в цивилизованных странах во внутренних делах отправление правосудия возложено на правительство и ему принадлежит исключительное право осуществлять карательные функции; таким образом, нет более никакой необходимости в осуществлении насилия и обмана в отношениях между индивидуумами, и религия призвана к тому, чтобы объявить их абсолютно недопустимыми. Эти предписания религии забываются, однако, во внешних отношениях страны.

Черкесия, как я объяснял, состоит из многих независимых сообществ, перемешанных между собой, однако сохраняющих свою обособленность во имя совместной защиты интересов членов каждого из них: состояние вещей, которое вызывает враждебные или дружеские отношения среди населения, когда в руки каждого вложено оружие для осуществления правосудия, таким образом, несовместимо с позитивным пониманием добра и зла. Именно в этом отношении черкесы являются пока лишь номинальными последователями исламизма.

Между тем не вызывает сомнения, что эти смешанные связи в обществе ведут в народе в целом к развитию, моральному и интеллектуальному, значительно превосходящему то, что достигнуто современной цивилизацией. Только путем противопоставления и сравнения может быть по достоинству оценено значение различных вещей; и здесь каждый человек превращен

в арбитра — его реакция ускорена, его суждения усовершенствованы практикой. Здесь, конечно, очень мало или совсем ничего нет от знания как результата изучения; здесь много от «мудрости», как говорит Бэкон, «существующей вне нас, выше нас и познающейся путем созерцания». Это, короче, высшее развитие той способности, которая поднимает черкеса неизменно к высшим степеням могущества и достоинства, на какую почву он ни был бы перенесен.

Чтобы сделать заключение относительно наблюдений, с которых я начал: результатом сочетания этих внешне противоречивых элементов социальной системы является гармония, отнюдь не отрицательного свойства; и в стране, где ружье, пистолет и кинжал составляют неотъемлемую часть костюма каждого мужчины, сознающего всю гордость и независимость, которыми это оружие призвано его облекать, понимание общественной ответственности таково, что оно порождает умиротворяющее воздействие. Ни в какой другой стране мира манера поведения людей не является столь же спокойной и достойной, и ни в одной другой стране чужестранец, после того, как он отождествлен с одним из кланов — а эту привилегию он приобретает, став гостем одного из членов клана, который становится во всем ответственным за него, — может путешествовать в большей безопасности. В течение всего нашего пребывания здесь я слышал всего об одном убийстве, и так как обстоятельства, сопутствовавшие ему, удачно иллюстрируют в целом систему, которую я пытаюсь описать, я расскажу о них здесь, хотя это убийство случилось за несколько месяцев до моего отъезда из Черкесии.

Одним прекрасным весенним утром в сопровождении Османа, моего верного оруженосца, я отправился из Семеза по горам к дому Мехемета Хаджи Оли, судьи в Бутчеджике, путь которому занимал около трех часов. По прибытии в это очаровательное уединенное поселение меня препроводили в гостевой дом и сказали, что его милость занят в это время на совете, который происходил где-то по соседству с целью избавить от нескольких очень дурных личностей округу, которую те терроризировали своими набегами. Добрые люди, прослышав о моем прибытии, направили туда гонца и просили, чтобы я извинил отсутствие судьи до вечера, поскольку было очень важно, чтобы дело, которое в тот момент занимало их внимание, было доведено до конца. А тем временем, чтобы поддержать мои духовные силы, мне со всех сторон предлагали всякого рода яства и прохладительные напитки вкупе со здоровенным быком, предназначенным для одного ужина. Наконец появился судья в сопровождении главных старейшин округи. Объясняя мне свое отсутствие, он вошел в детали дела, которое они расследовали. В течение нескольких последних месяцев было украдено такое множество овец и лошадей, что пришлось установить более

строгую охрану, и это в конце концов привело к тому, что злоумышленники были схвачены — ими оказались три брата, которых соседи уже давно подозревали в этих неблаговидных делах.

Как только на суд явилось компетентное число членов их собственного клана, суд начался обычным образом, то есть обвиняемым предложили поклясться на Коране. Характер и значение подобной клятвы я опишу в другом месте, так как они могут показаться крайне удивительными. Должен сказать, что даже пыткой нельзя добиться более полного признания, чем это бывает при подобной процедуре. К стыду и ужасу своих сородичей братья признались в целом ряде грабежей, совершенных ими в разных районах области, уплата штрафа за которые привела бы не только их самих, но и всех, кто был с ними связан, на грань полнейшего обнищания. Вследствие этого обстоятельства расследование приобрело весьма серьезный и сложный характер, и поскольку решение представлялось очень трудным, оно было отложено на следующий день. Судья, который никогда не упускал возможности превознести законы Корана по сравнению с недостойными качествами суда кланов, был за прямое применение не последних, а первых к правонарушителям безотносительно к чему-либо, кроме их преступления. Ища поддержки своим взглядам, он призвал меня в свидетели того, что законы Корана и английские законы в этом пункте совпадают.

Однако, хотя черкесы кажутся достаточно наслышанными о том, что у нас к ворам относятся без лишнего сочувствия, они упорствуют в мысли о том, что их обычаи являются самыми лучшими. ...Они остаются приверженцами своей системы штрафов и наказаний. Тем не менее все с облегчением вздохнули, узнав на следующее утро, что виновные скрылись и бежали в Россию, исчезнув ночью в направлении Кубани, — обстоятельство значительно облегчившее состав преступления и его последствия для членов их клана. Я решил, что на этом все кончилось, и тем же утром отбыл с Османом обратно в Семез. Наш путь лежал большей частью через густо поросшее ущелье в горах, которые отделяют нашу долину от долины Сука. Мы спускались в нее по каменистой тропе, которую образовало среди кустарника русло полностью пересохшего ручья, когда неожиданно Осман, державшийся до этого сзади, быстро подскакал ко мне и, пустив свою лошадь вперед, прокричал: «Вас хаф ши». На приветствие ответил мужчина, выскочивший из кустарника, где он прятался почти у копыт наших лошадей.

Никогда я не видал ничего более убого-дикого среди человеческой породы, чем стоявшая перед нами личность... Не имея другого оружия, волосатое чудовище держало в руке большой нож, что вместе со свирепым выражением его глаз, уставленных на нас, заставляло подумать, уж не собирается

ли он на нас напасть. После секундного колебания он повернулся и скрылся в ближайших кустах.

Осман покачал головой и сказал, когда он скрылся: «Этот парень неспроста оказался здесь; он может быть не один; давайте лучше, господин, убираться отсюда подобру-поздорову». Мы одновременно ускорили шаг, а что-нибудь через милю встретили группу всадников из Семеза, которые повернули вместе с нами и сопровождали нас на протяжении более чем мили — жест уважения, который оказывается важным гостям в этих краях и который Осман счел вполне уместным при данных обстоятельствах. От них мы узнали, что прошлой ночью в ближайшем соседстве от нас произошло убийство и что об убийце известно, что он был одним из подсудимых на вчерашнем суде. Нам тут же пришло в голову, что головорез, которого мы только что видели, должен быть как раз тем самым человеком, и я хотел, чтобы Осман дал его описание нашим попутчикам, чтобы те могли немедленно предпринять меры для его обнаружения, что они могли, как я думал, легко сделать, так как они были на лошадях и хорошо вооружены. Но они едва удостоили меня ответом, сказав, что могут передать необходимую информацию кому-нибудь из клана убийцы, сами же они отказались вмешиваться в это дело (в тот момент их поведение показалось мне необъяснимым) и, проводив нас до склона холма, возвышавшегося над нашей долиной, они покинули нас и отправились своим путем.

Картина, которая предстала передо мной, когда я смотрел вниз на наши жилища, была не менее нова, чем впечатляюща. Кладбище, примыкавшее с одной стороны к кустарнику, окружавшему наш дом, состоявшее из нескольких груд камней, каждая из них со столбиком сверху и у основания,.. было заполнено теперь толпой семезских матрон. Их собрала там мать убитого юноши, чтобы совместно попричитать над могилой, которой только что был предан труп юноши. Шум, поднятый ими, был результатом если не подлинного горя, то, как минимум, искусной имитации его. Он сводился единственно к вою «Вай! Вай! Вай!», но был далеко не монотонным, по временам он опускался до низкого, придушенного вопля, повторяясь как жалобное блеяние множества овец, а затем превращался во взрыв страстной и несдерживаемой жалобы, которой вторило эхо в долине.

...По возвращении домой я узнал новые подробности...

...Его (убийцу) видел старый Эмин Уга; повстречавшийся с ним на той же самой дороге. Тот спросил его: «Какие новости из Сука?» и приблизился к нему, стараясь схватить его оружие, однако Эмин, будучи настороже да к тому же не из трусливого десятка (он раньше служил бейрактаром в Анапе), наставил на него свой пистолет — «Прочь, убийца!», — крикнул он, — «ты уже обагрил свои руки невинной кровью; хочешь новой жерт-

вы?». После этого он крикнул: «Огмаф! Огмаф!» («до свиданья, до свиданья!») и скрылся в лесу.

Услышав эту историю, я спросил у Эмина, почему он не пристрелил этого человека, хотя знал, что он убийца. «Упаси бог, — ответил он, — я бы втянул себя и своих близких во вражду с его кланом. Кроме того, мальчишка, которого он убил, был не из нашего клана; а если бы он и был из нашего клана, мы бы предпочли штраф из двухсот быков, чем его никому не нужную жизнь, которую люди из его собственного клана, вне всякого сомнения, постараются укоротить, поскольку она оказалась для них слишком обременительной». Такова в точности точка зрения заинтересованных сторон, которые отклонили предложение, сделанное им кланом убийцы, доставить им убийцу связанного по рукам и ногам, а настаивали на штрафе. Следствием этого было то, что во время этих переговоров виновный получил возможность беспрепятственно исчезнуть, и все избегали его как зачумленного, не столько из страха, сколько из нежелания впутываться в неприятности с его кланом. Наконец, его клан, чтобы убийца не имел возможности его скомпрометировать новыми злодеяниями, окружил гору, где он нашел убежище, и захватил его. Затем он был осужден на смерть старейшинами, его притащили на берег моря, привязали к нему камни потяжелее и швырнули со скалы.

Глава XII

...Отношение черкесов к мертвым...

Самые суровые ветераны, сгрудившиеся вокруг убитого, были полны сочувствия. Единственная прядь волос, длинная, черная и блестящая, росшая на его голове, обритой по мусульманскому обычаю, была еще одним свидетельством его юности, которое станет меланхолическим украшением на могиле погибшего, чья безрассудная храбрость была главной причиной столь безвременной кончины...

...В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших — о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-либо из их соотечественников пал в бою, множество черкесов несутся к тому месту за тем, чтобы вынести его тело, и героическая битва, которая затем следует, — явление такое же частое в сражениях черкесов, как в старые времена на равнине у Трои, — зачастую влечет за собой ужасающие последствия...

...«С ним покончено, — сказал Мансур. — Передадите его труп девушкам из его селения, пусть они достойно похоронят бедного юношу, как подобает. Я думаю, будет кому поплакать над его могилой»...

Глава XIII

...Женщины в Черкесии

...Насколько мне удалось убедиться, все женщины на Кавказе рассматриваются в свете собственности. Независимо от их положения, будь то для домашнего потребления или для «экспорта», они в равной мере являются объектом сделок торговли; здесь, в не меньшей мере, чем где бы то ни было, они являются также причиной вражды.

Ни одна женщина в Черкесии не вольна в своих действиях и не является сама себе хозяйкой; она является собственностью или своего отца, или своего мужа, а после их смерти принадлежит их роду, который выдает ее замуж по своему усмотрению. Правда, дворянин или вольноотпущенник может продать в Черкесии свою дочь только человеку, равному ему по положению; но за пределами страны он может продать ее кому заблагорассудится. Это право никогда не оспаривается, хотя для узденя или вольноотпущенника с хорошим состоянием считается недостойным их чести продавать своих детей работорговцу. Большую часть продаваемых за пределы страны женщин составляют представительницы четвертого класса, то есть класса сервов, который, как я уже указывал, берет свое происхождение от пленных, захваченных в войнах. Теперь эти рабы, или сервы, или вассалы (в английском языке нет слова, которое определило бы их положение, а те, что обычно применяются, не дают точного представления о предмете) имеют право на половину плодов своего труда, где бы он ни применялся — в поле, на пастбище или в промыслах на дому; в число этой продукции, разумеется, включаются и их дети. Если продажа должна состояться, родители, таким образом, делят свою собственность с их хозяевами, или, если они захотят того, они могут уклониться от продажи своих детей, для этого необходимо согласие с обеих сторон. Я был свидетелем многим примерам, когда серв не желал расставаться со своим ребенком ни на каких условиях, какие бы ему ни предлагались. Если девушек продают работорговцу, это обычно бывает по их собственному согласию и исходя из их честолюбивых намерений, поскольку у них есть перспектива выгодно устроиться в лучших турецких гаремах. Их взгляды в этом отношении вполне сходны со взглядами наших молодых леди, отправляющихся из Англии в Индию; но место их назначения не столь удалено, будучи всего лишь в нескольких днях плавания на судне от их родины; подобное решение их вовсе не предполагает их постоянную разлуку с подругами; наоборот, это зачастую дает им возможность оказывать им услуги.

Англичанин, который пожелал освободить одну из этих красоток и взять ее с собой в Англию, потерпел неудачу в своей

попытке, хотя он предлагал цену в три раза большую обычной, и все потому, что ее подруги боялись, что если она уедет в Англию, у них не будет возможности общаться с нею, и она будет навсегда потеряна для них. Другим мотивом, побуждающим черкесов делиться своими детьми с турками, является вера в то, что те получат преимущество в виде высшего образования и религиозного воспитания. Условия их жизни, вне всякого сомнения, значительно улучшаются, и, будучи далеки от того, чтобы неизбежно превращаться в рабынь путем этой сделки, получают шанс обрести свободу, которую им обеспечит замужество в Турции[1], чего не бывает в Черкесии. Свобода, однако, последнее, что они принимают во внимание; относительные комфорт, роскошь и величие, которые ожидают их в Константинополе, в большей мере разжигают их воображение, и в перспективе, если они их обретают, примиряют их с мыслью о покинутой родине. Мы никогда не слышали ни от одной из них, хотя многие из них были свободны в выборе местопребывания, чтобы они очень уж стремились вновь увидеть свои родные горы. Ностальгия их мучит не более, чем их сверстницу на родине, которая, превратившись в гранд-даму, никогда, каковы бы ни были ее воспоминания о сыроварне или прялке, не думает о том, чтобы вернуться к ним. Мне хотелось бы упомянуть здесь, что одной из лучших рекомендаций для черкесской красавицы на константинопольском базаре служит ее искусство домашней хозяйки, которое ценится превыше всего в ее родной стране и которое, после приобретения ею внешнего лоска и приятных манер в стиле турецкой «ханум», делает куда более желанным объектом приобретения по сравнению с ленивой и болтливой грузинкой. По прибытии в Константинополь прекрасных черкешенок помещают на два-три года в заведения под наблюдением опытных матрон, во многом напоминающие выпускные классы наших школ. Их воспитание здесь касается манер и этикета, столь строго соблюдаемых в турецком гареме, и довольно часто доходит до обучения чтению и письму, а также изучения арабской и персидской литературы.

В этих специфических условиях, а также в некоторых других, которые я мог бы выделить, женщины Черкесии могут найти некоторое утешение своему очевидно приниженному положению; кроме того, если их рассматривают и как собственность, то, как мы знаем, собственность бывает различного рода. Обозначение словом «сокровище», возможно, показалось бы менее предосудительным; разумеется, что забота и внимание, с которыми обращаются с ними, нисколько не уменьша-

---

[1] Каждая замужняя женщина, согласно установлениям Корана, свободна; она имеет право на личную собственность, обладает правами и привилегиями и может возбудить в суде иск, чтобы развестись с ним. Каждая рабыня или «алаик», став матерью, приобретает те же права.

ются от признания наличия их меновой стоимости. Ничто так не удивляло черкесов, когда мы рассказывали им об английских обычаях, как тот факт, что вместо крупной платы за жену у нас холостяк, напротив, рассчитывает, что его жена будет располагать состоянием, соответствующим его собственному. В их понимании это значит «золотить чистое золото или поливать духами фиалку». Для них, как и в патриархальные времена, когда Яков был вынужден годами отрабатывать право на свою Рахиль, женщина есть предмет, сам по себе стоящий величайших жертв. Если же, однако, поднять ее до положения независимости и равенства, то и тогда торг пойдет уже не за нее, а с нею; как шутливо замечали наши друзья, в таком случае ее целью будет покупка себе мужа в той же мере, что для него — покупка себе жены.

Оцениваемый таким образом и желаемый как самый дорогой объект обладания, женщина, как ни странно это может показаться, если сравнивать положение полов, не только рассматривается как низшее существо, но и осуждена обычаями страны на ежедневное и продуманное подчеркивание своего приниженного положения. Вставать при появлении мужчины в комнате — знак уважения, который самая высокородная дама обязана отдавать самому низкопоставленному батраку в Черкесии. Другой вид дани, требуемый не менее строго, это церемония, которую можно наблюдать, когда представители разных полов встречаются на одной дороге. Во время наших прогулок пешком или верхом я бывал часто немало скандализован, видя, как женщины, которых нам случалось встречать, покорно уступали нам дорогу и стояли, опустив глаза и смиренно сложив перед собой руки, пока мы не проезжали.

Ощутимое подчинение женского пола на Кавказе может быть легко объяснено. Оно вытекает из самого характера их свойств — мягкости и чувствительности, которые, в целом, встречают мало сочувствия у воинственных народностей. Не то, чтобы они отрицали эти более тонкие чувства в своих женщинах, наоборот, они были бы первыми, кто стал бы возражать против отсутствия этих качеств; все, чего они опасаются, — это их расслабляющего влияния, и чего они требуют, — это чтобы носителей этих качеств отличали не в слишком вежливой манере от тех, кто по природе своей наследует крепость тела и героизм духа, которые являются первостепенной целью для развития и укрепления при существующих у них порядках. Природа, считают они, создала их для разных целей, и каждый должен заниматься строго своим делом; в то время как мужчины считают ниже своего достоинства заниматься ткацким станком или иголкой, заботой о детях и прочая, они полагают, что женщинам так же нелепо появляться в совете или на поле боя. Писатель, который недавно сфабриковал работу о Черкесии, не мог ничем другим более явно выдать свое невежество в дан-

ном предмете, чем утверждением, что он видел там женщин с кинжалом и пистолетом за поясом. Они не только лишены подобного рода спортивных украшений, им не дают даже заниматься теми упражнениями, которые в других частях Востока считаются приемлемыми для обоих полов, но которые здесь считаются исключительно мужскими. Единственный раз в жизни женщина поднимается на лошадь, и это тогда, когда ее молодой супруг вывозит ее из родительского жилища в седле своего боевого коня.

Создается прежде всего впечатление, что во имя сохранения воинственного духа, столь важного для их существования как нации, черкесы стараются избежать морального воздействия слабого пола. Действительно, в силу постоянных предосторожностей против этого воздействия может показаться, что мужчины, если бы только их железный род мог бы продолжаться без женского участия, то они постарались бы обходиться без общения со своими женами. Как спартанцы в древности, черкесы посещают своих жен как бы тайком, а по отношению к плодам этих тайных встреч, к своим детям, они не позволяют себе самомалейшего проявления нежности[1]. Их сыновья с раннего возраста покидают родительскую крышу и поселяются у наставника, или «аталыка», и родительская снисходительность не может смягчить суровость их воспитания. Крепость тела, хотя, быть может, и является главной целью такого порядка, однако, не является его единственным результатом. Я уже упоминал о сильном чувстве общности, которое, кажется, объединяет всех черкесов в одну семью. Не могло ли это быть достигнуто в какой-то мере за счет отказа от домашнего уюта и нежностей.

В качестве доказательства того, что они руководствуются подобным принципом (или, возможно, пониманием того, что только когда они женаты и заняты домашними делами, их храбрость начинает исподволь подвергаться опасности), я не должен забыть добавить, что сдержанность, принятая между мужем и женой, резко контрастирует с их вольным поведением до женитьбы. Когда женщина становится исключительной собственностью своего мужа, ее обязанностью становится тщательно скрывать себя и скрупулезно следить за своим собственным поведением; их честь может быть подвергнута сомнению в результате малейшей нескромности с их стороны. До того, как это приобретение состоится, уважение, которое они

---

[1] Порядок черкесов вполне естественно предполагает возможности их сравнения с порядками лакедемонцев (спартанцев). У последних та же цель достигалась иными средствами. Чтобы не допустить изнеженности мужчин, женщины добровольно лишали себя женственности и становились сварливыми бабами. Ликург пытался изменить этот варварский обычай, но потерпел неудачу. Был бы он сейчас жив, он нашел бы свою собственную систему в действии среди кавказских племен...

питают к противоположному полу, делает их терпимыми к вольностям, несовместимым с нашими представлениями о приличии. Мужчина, с другой стороны, не кажется полностью безучастным в этой уступчивости; их отношение в целом к женщинам, каким бы резким и властным оно ни могло показаться, не лишено грубоватых намеков на галантность и придает их манерам некоторый, хотя и довольно слабый, налет рыцарства. На празднествах у молодых людей бытует обычай, поднимая чашу с бузой с тостом в честь избранницы сердца, разрядить в воздух ружье или пистолет. Вызов немедленно принимается теми, у кого есть заряд пороха (хотя это и весьма редкий товар именно сейчас), чтобы в той же манере отстаивать превосходство их собственных пассий.

Другой обычай, который здесь существует, это принять участие в скачке за призом, находящимся в руках прекрасной Мадмуазели и представляющим собой разукрашенную кобуру для пистолета, произведение ее нежных пальчиков. В нынешние же трудные времена войны приз представляет собой чаще тряпку из красного ситца, которую тот всадник, который ее первым получает, несет в руке развевающейся по ветру и старается на полном скаку и, применяя все хитрости, избежать других претендентов на приз. Если кто-либо отнимет у него тряпку, то несет ее дальше, а последний становится ее счастливым обладателем.

Чтобы заключить эти торопливые и неполные наблюдения, которые, я боюсь, оставят у английского читателя неблагоприятное впечатление о положении женщин в Черкесии, должен добавить, среди прочих смягчающих обстоятельств, что какой бы зависимой ни казалась женщина, да и ни была, без сомнения, таковой на самом деле, это редко мешает свободному выбору при женитьбе; при условии, что претендент в состоянии уплатить цену, в которую ее оценили, и что он принадлежит к тому же классу, его ухаживания очень редко отвергаются родителями его возлюбленной.

...Магометанство на Кавказе

Мечеть. Это здание, хотя и самой простейшей архитектуры, полностью построенное из дерева, тем не менее по своему стилю и строительному материалу представляет собой типичный образец церковных зданий повсюду в Черкесии. Минарет при мечети, если его можно так назвать, был еще более примитивным, поскольку это был высокий тополь, на который муэдзин карабкался по зарубкам в стволе в корзину, служившую вместо верхней галереи. Когда мы прибыли, он как раз взобрался туда и начал нараспев созывать верующих в молитвенный дом.

Звуки эти были нам знакомы; они повсюду раздаются на Востоке в час вечерни..., но нигде они не производят такого впечатления — словно глас вопиющего в пустыне, громкий, волнующий и протяжный, проносящийся среди скал, пещер и лесов (некогда служивших прибежищем духов, которые теперь, однако, укрылись поглубже в густую тень) и приглашающий всех, кто слышит этот крик (легко может оказаться, что таких не слишком много в подобном месте), к месту его почитания. И таких действительно собирается не так уже много, но не потому, что в этом районе проживает мало жителей, а потому, что исламизм, хотя его исповедуют по идее все, до сих пор в полном объеме своих ритуалов и обрядов получил весьма слабое распространение: подавляющее большинство жителей областей шапсугов и натухаев не совершали обряд обрезания, а во многих районах побережья все еще сохраняются языческие обряды и жертвоприношения, которые, как я уже упоминал, претерпели изменения, но еще далеко не вытеснены исламизмом. Религиозные рощи, или кодоши, как их здесь называют, продолжают оставаться объектами куда более реального и искреннего почитания, нежели мечети, а проводящиеся там празднества собирают куда больше народу, чем намаз. Исламизм, проповедуемый и исповедуемый вождями и знатью, пользуется уважением; однако язычество в силу большей близости обычаям, привычкам, чувствам черкесов является более популярным. Наконец, в отношении областей шапсугов и черкесов, а также морского побережья, где все население было идолопоклонниками, следует сказать, что турецкие миссионеры появились там только недавно и еще не успели обратить в магометанство всех жителей. У абазинцев, в Большой и Малой Кабарде и областях Кубани магометанство появилось раньше и получило всеобщее распространение.

...Что касается вопросов религиозных догм и теологии, то, поскольку «причина веры кроется в нас самих», большинство людей здесь, как и повсюду, не слишком глубоко разбираются в них... Древняя религия этой страны, подобно любому другому роду язычества, имеет мало общего с моралью. Их божеств умиротворяли и ублажали как творцов разрушений и бедствий, и они, видимо, были мало расположены действовать в интересах рода человеческого. Исламизм же, напротив, слишком догматичен для черкесов — настолько, действительно, что было бы удивительно, как он может быть совмещен с их запутанными общественными отношениями, если не подумать о том, что и христианство было привито на почти столь же разнородную основу. Христианство, однако, утверждает свое господство над сердцами и умами людей. Исламизм же предъявляет свои права на светское законодательство, а потому борется против всего, что противится его превосходству. Его уравнительные принципы уже подорвали власть дворянства в Черкесии, и я думаю, что, несмот-

ря на упорные попытки сохранить старую систему, он полностью подорвет и административную власть кланов.

...Тем не менее я думаю, что именно насаждаемый исламизмом дух равенства является одной из основных причин, способствующих успешному распространению исламизма на Кавказе. Наследственная власть дворян не смогла устоять перед ним, и исламизм, несомненно, во многом способствовал улучшению условий жизни сервов, поскольку, приняв мусульманство, они оказываются в таком положении, которое в значительной мере нейтрализует кастовые различия.

...Мечеть в Абун Баши (я думаю, как и все прочие) была выстроена не только как место отправления культа, но также как и медресе, или школа для обучения занимающихся в ней мусульманским законам. Язык, который там преподают, арабский, а не турецкий, поскольку арабский — язык Корана, и многие из кади являются большими знатоками арабского и в то же время не знают ни слова по-турецки.

Преподаватель этого заведения, «ходжа», был нам представлен с должным почетом и вел себя со строгостью и важностью, свойственными педагогам всего мира; нам показалось, что он был очень строгим блюстителем порядка и дисциплины.

Том II

Глава 1

Черкесское жилище. Похоронная церемония. Свадьба. Правосудие. Искусство верховой езды у черкесов...

Поскольку читателю, возможно, будет любопытно представить себе условия, в которых мы пребывали, я постараюсь помочь ему составить некоторое представление о них. Гостевой дом с огороженной лужайкой перед ним находился на берегу ручья — притока основного течения Семеза, образующего нашу долину. На противоположном покатом берегу, полускрытом листвой деревьев, находились ферма с различными постройками, загонами, амбарами, флигелями и т. д. для рабов и скота. Это было царство Муртаза — главного управляющего Кери Оглы — хотя он сам был рабом, он тем не менее занимал важное положение и пользовался уважением...

Отделенные тропинкой, на склоне холма влево от нас находились гарем и его вспомогательные помещения, подчиненные еще большей, чем хозяйство, абсолютной власти «ханум» нашего хозяина. Я сознаю, что эта власть может показаться несущественной, памятуя о том, что я рассказывал о подчиненном положении женщин в Черкесии Природа, однако, утверж-

дает власть женщины во всем мире; и между женщиной в самом расцвете ее прелестей, какой была ханум, и олицетворением холодности, каковым был преподобный Шамиз, соотношение власти, устанавливаемое обычаем между полами, было, естественно, объектом борьбы. Ее домоуправление было до крайности строгим и экономным. И мудрость Шамиза, столь ярко проявлявшаяся на советах натухайцев и шапсугов, играла, по правде говоря, весьма второстепенную роль в делах домашних.

Из чувства уважения хозяйка по отошению к нам была сама доброта и любезность; и хотя до самого дня отъезда я никогда не видел ее лично — поскольку она была строго верующей мусульманкой — тем не менее, ее постоянное внимание чувствовалось во всем, что могло доставить нам удобства. Ее превосходство, как домашней хозяйки, для нас было очевидным...

Семья нашего хозяина была невелика... У него осталось теперь только два сына; одному было одиннадцать, другому пятнадцать... Мальчики в этом возрасте выступают обычно во время путешествий или кампаний в качестве пажей при бее или уздене. Они заботятся об их лошадях, когда те спешиваются, а также собственно об их персонах. Эта обязанность не была не только унизительной, но, напротив, почетной.

Ярдов на двести выше по долине стоял дом Шимаф-бея, князя Семеза. Годом ранее он занимал дом в центре долины, однако он был сожжен до основания... Хотя ограда сохранилась, и он продолжал возделывать там поля, свои жилые помещения по приглашению Шамиза он перевел в другое место, по соседству с Шамизом. Его ранг «пши», или князя, сам по себе не предполагал ни власти, ни привилегий. Его отец, бывший человеком совершенно иного склада, пользовался большой властью над всей долиной, чьи обитатели, хотя и являлись свободными людьми, были в каком-то смысле его вассалами. Природу такой власти я никогда не мог до конца уяснить; количество дани и услуг, полагавшихся князю, зависели от самого подданного; если в руках отца, которого никто не осмеливался обидеть, ранг князя являлся выражением его превосходящей власти, то в руках Шимафа он стал чисто символическим титулом, и его контроль ограничивался лишь его собственными рабами. Единственными, от кого он мог что-то требовать, были армяне; и даже они, люди обычно исключительно кроткие, получи они защиту в лице другого князя, оказали бы ему полнейшее неповиновение. Короче говоря, Шимаф, не обладая ни одним из тех качеств, которые вызывают уважение, не обладающий ни энергией, ни щедростью, превратился в личность сугубо незначительную... В любой другой стране было бы весьма любопытно понять, каким образом они (слуги князя. — *Прим. перев.*) обеспечивают себе одежду и пропитание, поскольку князь не платил им никакого содержания. И

даже в здешних краях их воровские привычки вызывали подозрение: когда бы в долине Семеза ни происходило воровство, первыми, кого подозревали, были князь и его приближенные.

Однажды вечером, возвращаясь после верховой прогулки, мы были не на шутку встревожены воплями и причитаниями, раздававшимися со стороны гарема; поинтересовавшись причинами, мы узнали, что с юга прибыл гонец, сообщивший тяжелую весть о гибели трех братьев нашей хозяйки...

Здесь, как и повсюду, совершенно очевидно проявляется система, а вернее, отсутствие всякой системы, характерное для черкесского способа ведения войны. Единственное правило, которое соблюдается в случае нападения неприятеля, это максимально быстрый сбор воинов при первом же звуке выстрела; каждый, кто слышит этот сигнал сбора, подчиняется ему немедленно. Однако обязательство организовать отпор распространяется только на жителей района, подвергающегося угрозе; что касается их, то обычно было бы несправедливо думать, что они не готовы или не способны оказать сопротивление. Там, где имеются регулярные армии, и военная служба представляет собой особую профессию, целью подобного деления общества является необходимость защиты одними остальной части общества, что нам кажется вполне естественным, но вооруженное население далеко не так легко соглашается с обычаем платить другим за то, что те их защищают; отсюда проистекает положение, что покуда каждый кичится своим молодечеством и ратными подвигами, дисциплина, понятие о дисциплине и управление войсками остаются для черкесов неизвестными .Привычки и чувства, свойственные этой стране, не так легко искоренить... и то же неподчинение, то же личное молодечество, отличавшее мамелюков... в неменьшей мере проявляло себя в сумбурных, очертя голову нападениях, которые могла остановить кровь и гибель либо собственная, либо неприятеля. Из шестидесяти воинов, пытавшихся воспрепятствовать высадке русских войск в Ардлере, сорок человек были убиты, остальные тяжело ранены. Среди убитых оказались и три брата нашей хозяйки.

Крики бедной женщины, которую безуспешно пытались утешить по поводу столь печальной утраты, искренне брали за душу; однако когда мне объяснили, что подобные крайние проявления горя предписаны обычаем, который требует, чтобы они продолжались не менее двух часов, и когда всхлипывания ханум, посетившей по случаю несчастья хозяйку нашего дома, вместо того, чтобы утешить бедную женщину, наоборот, усилили хор причитаний, ...должен признаться, что мои симпатии несколько поуменьшились. И все же вопли скорби, раздающиеся посреди лесов и диких ущелий Черкесии, производят такое торжественно-печальное впечатление, что слышавшему их

никогда не удастся позабыть. Другие требования, которыми обычай, самый здесь деспотический, регулирует степень печали в зависимости от пола и положения оплакивающего жертву, граничит, я боюсь, со смешным: так, если от узденя требуется выглядеть подавленным и мрачно пощипывать бороду, то горе токавов не должно знать границ; токав должен бить себя по голове кнутом, бить кулаками в грудь, бросаться на ложе, плача, стоная и вздыхая бесконечно, до тех пор, пока двое из обитателей дома не положат конец этому периоду его страданий, схватив его за руки и вытолкав его за дверь. В прежние времена существовал обычай хоронить мертвых вместе с их оружием и снаряжением; однако современные черкесы, поколение более разумное, кажется, полагают, что покойный будет вполне удовлетворен тем, что оружие украшало его при жизни, а потому хоронят его без оружия...

...Состоятельный семезский торговец по имени Хасим приобрел жену для одного из своих домашних рабов, и мы были приглашены удостоить своим присутствием свадьбу. Его дом находился в лесистой лощине на том же берегу долины, что и наш, отделенный от нас тремя или четырьмя жилищами; тишину по дороге нарушал лишь шум леса. Однако веселые монотонные звуки горной свирели и праздничный шум голосов множества людей подготовили нас, когда мы спускались вниз, к сцене простого пиршества, словно явившейся нам из древних времен.

...Дух гостеприимства, который царит на этих празднествах, не является ни эгоистичным, ни исключительным; эти удовольствия, свободные, сердечные; общительность собравшихся открыта для всех; помещением для этих празднеств, если для них оказываются тесными стены дома, служат предоставляемые самой природой склоны гор. Поскольку по данному случаю собрание было не слишком многочисленным, приютом для него служила маленькая уютная лощина Хасима, куда, как мы видели, отовсюду собирались жители Семеза.

Их понятия о пышности, представленной в нарядах молодежи, не были слишком экстравагантными. Некоторые из дворян помоложе получили возможность оказаться на дюйм-другой выше остальных присутствующих благодаря новым сафьяновым туфлям; они красовались также в новых шелковых камзолах, обшитых по краю серебряным галуном; молодые девушки также были празднично приодеты, добавив к повседневным серебряным пуговичкам шитье по поясу платья, серебряные застежки, которые в свое время носили еще их бабушки, новые брошки, косынки, или вместо них длинные куски белого миткаля, опускающиеся крупными складками с головы до пят; однако, несмотря на эти и другие попытки продемонстрировать несколько даже претенциозный вкус, их костюмы казались скорее домашними, чем торжественными. На некотором уда-

лении без всяких свадебных украшений одеяние гостей (а приглашены были все желающие) было еще хуже — как верхнее, так и нижнее, более того, на некоторых из них, насколько я мог судить на расстоянии, но боюсь судить верно, вообще не было нижней одежды. Эти люди благоразумно держались позади и выглядели весьма живописно среди кустов. Все были в веселом настроении, однако это веселье отнюдь не было низкого или вульгарного свойства. Черкесы редко позволяют себе легкомыслие и не забывают о привычной добропорядочности в поведении....

...Женщины, молодые и старые, держались вместе; а когда начались танцы, закутанные до глаз матери начали выводить вперед своих дочерей, выступавших величаво и в то же время робко, как газели, чтобы обеспечить им место в кругу танцующих. Там, буквально сжатые между двумя представителями более сурового пола, ...прекрасные создания медленно двигались, а скорее, их вели по кругу; па танцующих представляли собою едва уловимые глазом движения корпуса, но отнюдь не замысловатые упражнения ног. Правда, некоторые из молодых людей отплясывали довольно энергично, но в целом общество двигалось под оживленную музыку своих менестрелей все время по кругу, сохраняя на лицах важность, подобающую разве что судьям или же членам государственного совета.

...Посреди пиршества произошел инцидент, на какое-то время довольно грубо прервавший его. В числе наиболее эффектных индивидуумов в кругу танцующих был молодой парень в колпаке из длинной бараньей шерсти, резвившийся и скакавший и бросавший на своих соседок слева и справа выразительные взгляды наподобие сатира. В продолжение своих ужимок он не заметил, как к нему сзади приблизился неожиданно другой человек с очевидно не слишком дружественными намерениями. Хотя борода у него была седая, румянец на щеках и мускулистое сложение выдавали в нем большую силу; поскольку у него в руках была только что вырезанная ореховая дубинка, причем такая, что «здорово отскакивает от человеческой головы» (как сказал бы ирландец), создавалось впечатление, что он намерен доказать это на практике. Единственный удар этого внушительного орудия уложил незадачливого танцора на землю, что явилось причиной временного прекращения увеселений. Часть присутствовавших окружила нападавшего, который с побагровевшим лицом, сверкающими глазами и дубинкой в руках был готов продолжить экзекуцию над своим поверженным противником, что с трудом удалось помешать ему проделать. Противник же его, со своей стороны, пластом лежал на земле. Его тонкий колпак не был в состоянии защитить его череп, весьма сильно поврежденный ударом, и его, ошеломленного и бесчувственного, отнесли к ближайшим домикам.

М-р Белл, буквально возмущенный происшествием, потребовал немедленных объяснений и заявил от имени нас обоих, что если виновник не будет наказан, то мы оба будем вынуждены незамедлительно покинуть собрание. Однако старейшины, которые проявили живейший интерес к происшествию, утверждали, что все это в порядке вещей и вполне отвечает нормам осуществления правосудия этой страны. Молодой человек, столь бесцеремонно сбитый с ног, был, как оказалось, сам вначале нападавшей стороной — он был автором нападения и грабежа в отношении члена рода нынешнего нападавшего. Поскольку род молодого человека не удовлетворил пока претензий другого рода, то молодому человеку, до тех пор, пока не заплачен штраф, надлежало избегать встреч с представителями того рода и не привлекать к себе без нужды общественного внимания. Вследствие своей неосмотрительности он был наказан вышеизложенным способом: на его собственном черепе самым малоприятным образом была сделана в качестве напоминания отметка о том, что его род еще не урегулировал счет за его же проступок.

Объяснение показалось нам удовлетворительным, и я был рад отметить, что первый акт насилия, который где угодно послужил бы сигналом ко всеобщему побоищу, не привел ни к каким ужасным последствиям. Вся компания, хорошо отдающая себе отчет в возможных последствиях вражды, не дала себя увлечь эксцессами, которые могли бы последовать. Наоборот, все они выступали в роли умиротворителей, и поскольку главные действующие лица стычки были уведены, а девушки вначале скрывшиеся, как стая птичек, вновь возвратились, вновь грянули звуки свирели, и танцы были продолжены с неменьшим весельем, чем до происшествия.

Суматоха в толпе на вершине склона говорила о том, что вскоре должен начаться пир; среди присутствующих уже в течение какого-то времени циркулировали большие чаши с бузой; наконец, появился наш хозяин Гуссейн со столиком в руках, заваленным целой грудой снеди; вслед за ним шествовала вереница его слуг с такой же ношей.

Пиршество, в тех масштабах, как оно здесь проводится, требует для своего обслуживания куда больше одной пары рук... Поэтому нашему хозяину помогали выполнять его обязанности множество слуг, а, вернее, адъютантов; их можно было видеть верхом на лошадях развозящими столики с яствами. Вокруг этих центров притяжения, в полном соответствии с существующими здесь законами гравитации, образовались компании: то есть здесь расположились все приглашенные, за исключением рабов и дам любого положения, чья очередь должна была наступить после нас, но которых свободно угощали, пока они стояли в терпеливом ожидании вокруг пирующих, получая время от времени куски мяса и лепешек. С ними они долж-

ны были удаляться и вкушать их со всей скромностью позади деревьев.

После банкета, когда, по словам Гомера, «свирепость голода была подавлена», начались спортивные состязания, которые я не стану описывать детально, так как уже делал это. Они состояли, как обычно, из скачек и упражнений в стрельбе из ружья по мишеням...

...Однако, действительно, на Кавказе существует в своеобразной форме крепостное право, но существует оно в таких мягких и благоприятных условиях для крепостных, что его трудно, собственно, назвать крепостным рабством. Крепостных наделяют землей, жилищем, скотом; в их пользовании остается половина производимого ими продукта. Они также имеют право, если им этого захочется, требовать, чтобы их передали другим хозяевам, а также выторговать, если у них есть средства, себе свободу. Этот класс, вероятно, по своему происхождению состоял из военнопленных, захваченных во время столкновений между племенами и провинциями. Но есть обстоятельства, которые, каковы бы ни были классовые различия между людьми и кастовые привилегии, порождают тенденцию к установлению между ними подлинного равенства. Все одеваются, питаются и живут одинаково и, что еще более важно, в отношении своих умственных способностей находятся на одинаковом уровне. В работе в поле, в опасностях военного времени, на пиршествах в кунацкой даже дворянин, хотя его ранг и требует по отношению к нему некоторого церемониального почтения, тем не менее пребывает бок о бок с крепостным; и дух независимости, который руководит поступками дворянина, как я понимаю, едва ли в меньшей степени присущ и крепостному.

...Различные провинции Черкесии, после нескольких месяцев пребывания там и ознакомления с их политическими отношениями, представляются мне как три разделения или типа. К первому из них относятся те, что находятся в состоянии непрекращающейся войны с Россией, включая сюда все побережье от Сухум-кале до Анапы, южная часть которого носит название Аббассы (Abbassa), северная — является составной частью провинции натухайцев (Natu-Koitch), занимающий северо-западный угол края между горами и Кубанью; а к востоку от них — провинцию шапсугов (Shapsook), тянущуюся также от Кубани через большую часть гор, но не доходящую до побережья моря. Население этих районов достигает, насколько я могу полагать, триста тысяч, из числа которых можно выставить не менее пятидесяти тысяч хорошо вооруженных, на хороших лошадях воинов. Следующий подраздел включает в себя все равнинные и нейтральные провинции Кубани и ее притока Лабы. Я думаю, что их население приблизительно такое же, как и в воюющих районах.... Третье — это большая провинция абадзехов (Abbassak), горный район, рас-

положенный посреди уже упомянутых, население которого достигает четырехсот тысяч; хотя это население открыто проявляет враждебность к России, оно, в силу своего положения, редко вступает в столкновения с ее войсками. Из вышеизложенного видно, что я оцениваю население Черкесии в целом в один миллион человек, следовательно, число мужчин, достигших совершеннолетия и способных носить оружие, можно оценить в сто пятьдесят тысяч человек. Население здесь говорит на одном и том же языке, отличающемся лишь по местным диалектам, но небольшим; подобное же явление можно обнаружить во многих странах мира; какова бы ни была изначально разница в их происхождении, она уже давно, в процессе взаимопроникновения, стерлась. Вместе с тем следует отметить, что касты— «пши» (Pshi), «ворки» (Vork) и «тхлокофтлы» (Thlo-koftles) сохраняются в силу того, что браки между их представителями запрещены.

К перечисленным черкесским провинциям следует добавить также четвертый тип, представляющий собой Большую и Малую Кабарду, расположенные по Кубани и Тереку. Однако эти провинции нельзя назвать полностью независимыми, поскольку они, хотя и сохраняют у себя свое оружие, не вполне независимы от России и позволяют ее войскам свободно проходить через их территорию.

На четвертый день после нашего прибытия мы обратили внимание на большое скопление людей обоего пола в священной роще на берегу залива. Звуки музыки и шум пирушки, весь день доносившиеся со стороны античного леса, в немалой степени возбудили наше любопытство, тем более, что мы не получили приглашения там присутствовать, а быть непрошенными гостями мы не хотели. Однако переводчик Надира, Хаджи, человек, который, особенно если речь шла о каком-нибудь увеселении или пирушке, не мучился подобными урызениями совести, оказался свидетелем, и наверняка, не пассивным свидетелем этих празднеств. От него мы узнали, почему мы не были приглашены. Народ собрался для того, чтобы отметить языческий праздник, а поскольку более строгие мусульмане подобных празднеств не посещают никогда, было сделано a fortiori предположение, что мы также откажемся его посетить. Нас весьма развлекло описание со слов Хаджи происходящего. Деревянное изображение божества Сеозерес, представляющее собой голый ствол с крестообразно приколоченными ветвями наверху, было воткнуто в землю посреди рощи, а вокруг танцевали женщины и дети. Старейший из присутствовавших, выступавший в качестве священнослужителя, выступил затем вперед и произнес благодарственный молебен за хороший урожай. Затем идолу были сделаны приношения в виде хлеба, меда, сыра трехугольной формы и, наконец, большой, доверху наполненной чаши бузы; однако поскольку у

изображения божества, очевидно, не было желудка, эти приношения были распределены между его почитателями, которые продемонстрировали куда больший аппетит.

В завершение всего к основанию изображения божества был приведен и там принесен в жертву бык, которому перерезали кинжалом глотку. Тушу его отволокли в сторону, где изжарили и затем разделили между присутствующими, чтобы они могли попировать и повеселиться...

КАРЛ КОХ

(1809—1879 гг.)

Карл Кох — известный ученый-естественник. Кох уделял большое внимание изучению Кавказа, куда он совершил два длительных путешествия. Первая поездка в Россию и на Кавказ состоялась в 1836—1838 гг. Она была описана в специальном двухтомном труде, изданном в 1842—1843 гг. на немецком языке в Штутгарте и Тюбингене.

В 1843—1844 гг. Кох совершил второе путешествие на Кавказ, которое послужило основанием для написания еще двух книг.

Кавказоведческие труды Коха пользовались в Европе большой популярностью. Особенно широкое распространение получила его первая книга о Кавказе, в которой он использовал не только материалы, собранные им во время путешествия в 1836—1838 гг., но и обширную кавказоведческую литературу, дав очень удачную и весьма обстоятельную этнографическую сводку.

Ниже приводится перевод наиболее важных частей из этой книги.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ И В КАВКАЗСКИЕ ЗЕМЛИ

...В обязанность народных собраний входит регламентировать внутренние дела, и поэтому они являются единственными отправителями правосудия. Они разбирают все споры между отдельными черкесами, и каждый должен подчиняться их решению.

В то время, когда Скафи — генуэзец — жил семь лет у западных черкесов, такие народные собрания еще не имели веса, и отдельные черкесы, заявив об этом заранее, могли не подчиняться приговору. Тогда судили и рядили кланы, к которым принадлежали обе стороны. Таким образом, снова вызывалась вражда, длившаяся в течение столетий, о которой говорят более ранние путешественники.

Теперь, когда всем этим кланам угрожает общая опасность от нападения русских, черкесы, наконец, поняли, как вредит подобная вражда общему благу, и любой спор, по крайней мере у западных черкесов, улаживается по решению народного собрания. Оно разбирает также все уголовные дела и только оно одно устанавливает меру наказания. Убийст-

во и нарушение супружеской верности являются единственными преступлениями, наказания за которые передаются в те семьи, в которых они были совершены. Если мы рассмотрим теперь по порядку отдельные случаи, подлежащие расследованию на подобных собраниях, и начнем при этом с самых важных, например, с убийства, то мы увидим, что эти дела рассматриваются настолько по совести, насколько это возможно только у нас.

На западном Кавказе наказывает убийцу только собрание, в то время как на востоке мстит за убийство семья убитого.

Присяжные садятся вокруг места суда и, ознакомившись с обстоятельствами дела, после того, как один из председателей сделал доклад, они требуют от народного собрания сообщить то, что до сих пор не было известно. Как только они приходят к соглашению по поводу того, было ли убийство преднамеренным или смерть произошла от случайного стечения обстоятельств, назначается мера наказания. В первом случае убийца должен заплатить штраф в размере стоимости двухсот быков, другой скотины или рабами, так как одному человеку очень редко удается заплатить такую значительную сумму, то его семья и клан, к которому он принадлежит, обязаны пополнить недостающую сумму из своих средств. Клан еще прежде решает между собой, принимают ли они на себя платеж за преступника или нет. Если же в последнем случае преступник не в состоянии заплатить цену крови, то он или передается семье убитого, или его бросают в море. В первом случае семье убитого предоставляется возможность сделать с преступником все, что она хочет, и его или убивают, или продают как раба. В некоторых западных областях наказывает преступника клан, к которому он принадлежит. Если же убийство произошло не по вине убийцы, то он должен заплатить только половину цены крови. Также снижается эта цена (число быков), если убитыми были женщина или девушка. Обычно в этом случае платят только половину цены; в некоторых западных областях убийство князя или дворянина наказывается строже. Так, например, у абадзехов цена за убитого члена общины равна одиннадцати рабам, а за дворянина — тридцати рабам. Если же убитый был раб, то убийца должен заплатить его стоимость. Однако такие случаи, когда кто-то убивает женщину или раба, являются очень редкими.

Так же как клан, к которому принадлежит убийца, участвует в выплате цены крови, так и клан, к которому принадлежал убитый, имеет право на часть цены крови. Как правило, они получают обычно при этом две трети или три четверти суммы, а остальное достается семье убитого. Чаще всего в таких и в других случаях кланы выступают вместе перед судом собрания, и совет старейшин разбирает эти дела. Апелляция возможна к собранию, состоящему по крайней мере из 10 кланов.

Однако собрание может рассматриваться неправомочным, если на нем присутствуют не все старейшины из участвующих в нем кланов. Белл рассказывает случай, когда один вор, схваченный в третий раз, был приговорен к смерти таким неправомочным собранием, и приговор был вскоре приведен в исполнение. Родственники казненного рассматривали это если не как убийство, то как грубое оскорбление, которое привело к новой вражде и ожесточению.

После убийства убийца подвергается кровной мести, и близкие родственники убитого обязаны отомстить убийце, то есть смыть кровь убитого кровью убийцы. По этой причине убийца прячется до тех пор, пока не выплачена цена крови. С ее выплатой прекращается всякое преследование. Но черкесы при убийстве одного из своих соплеменников неохотно подчиняются решению собрания и часто не хотят никоим образом принять цену крови. Чувство уважения к родственнику стоит выше, и как ни противоестественным считает Аяр, что после выплаты цены крови можно жить с убийцей даже своего собственного сына в одном городе, то я также слышал от черкесов, что кровь смывается только кровью.

На востоке кровная месть, еще даже господствующая во многих европейских странах несмотря на христианство, процветает еще в полной мере, и примеры этому такие же ужасающие, как те, о которых нам рассказывает Малькольм в своей «Персидской истории» и которые находят место также и здесь.

Недостаточно еще того, что убийце в самое короткое время предстоит смерть от рук родственников убитого, но самый близкий родственник убитого обязан смыть кровь убитого другой кровью, и если убивают убийцу, то его убийца снова подвергается кровной мести. Ничто не может спасти его от этого; а его убийца, в свою очередь, снова подвергается кровной мести. Все это происходит таким образом и до тех пор, пока семья убийцы не покинет свою землю и не поселится где-либо вдали от своих мест. Но даже и туда часто достигает кинжал родственника, осуществляющего кровную месть. Тот, кто не смыл кровь своего близкого родственника кровью, подвергается презрению, и он непременно подвергнется исключению из клана. Нередко таким образом погибают целые семьи, и вражда длится в течение столетий.

Белл рассказывает интересный пример, когда один безумный убил мальчика, и этот случай подлежал рассмотрению народного собрания. Оно приговорило клан, к которому принадлежал безумный, к полному штрафу, так как клан должен был охранять своего безумного члена.

Но не только убийство так строго преследуется, также повреждения и ранения какого-либо важного органа подвергаются наказанию. При этом точно исследуется необходимость ра-

ненного органа, и в зависимости от этого определяется размер штрафа. Так, например, черкес, который в споре с другим черкесом повредил тому правую руку так, что тот не смог больше ею владеть, подвергся наказанию в пятьдесят быков, которые должны были пойти тому раненому, так как он не был больше в состоянии прокормить себя. Удар саблей в грудь или в лицо оценивается в зависимости от степени опасности в шесть — десять быков. Повреждение пальца левой руки наказывается выплатой штрафа в размере стоимости двух быков. Если же ранена женщина, то штраф значительно снижается.

Наряду с трусостью и убийством одним из самых больших преступлений считается нарушение супружеской верности. Несмотря на то, что при большой свободе женщин у черкесов легче бывает нарушить супружескую верность, случаи эти встречаются, однако, редко. Чистота нравов и большое уважение, царящее в семейной жизни, защищают в большинстве случаев от подобных проступков. Нарушитель супружеской верности находится полностью в руках обманутого мужа, так что муж имеет полное право убить его, если он застигает его на месте преступления. Обычно муж настигает преступника и ведет с ним переговоры, так что это дело не поступает на рассмотрение народного собрания. Если же он убивает нарушителя супружеской верности, то он тем не менее подвергается кровной мести, однако цена крови при этом значительно ниже; по крайней мере, у западных черкесов за это полагается штраф в размере стоимости сорока — шестидесяти быков. Нарушительница же супружеской верности находится целиком во власти мужа, и он может делать с ней, что хочет. Если он ее убивает, то не находится никого, кто отомстил бы за ее пролитую кровь. Однако по Тэбу де Мариньи за нее также мстят ее ближайшие родственники: или отец, или старший брат. Иногда муж отрезает преступной жене нос или уши, выбривает ей волосы на голове, обрезает рукава ее одежды и в таком виде отправляет ее обратно к родителям. Однако этот стыд должен быть отомщен кровью несмотря на то, что нарушительница супружеской верности подчас бывает убита или продана своими родителями. Поэтому это происходит, как правильно говорит де Мариньи, чрезвычайно редко. В большинстве случаев муж сам наказывает свою жену в кругу семьи и берет на себя вину за то, что он мало оказывал ей внимания. Как правило, нарушитель супружеской верности выплачивает штраф в размере стоимости двадцати пяти быков. Такую же сумму должен заплатить мужчина, соблазнивший девушку. Даже простое возвращение преступной жены в дом ее родителей с требованием выплаты калыма или даже без этого рассматривается как позор, и нередко вызывает большую и длительную вражду, о чем свидетельствует интересный пример, приведенный Беллом из жизни северных черкесов.

Угон людей отдельными племенами теперь больше не встречается, и только редко бывают угнаны рабы. Похищение девушки не разрешается, даже если какая-нибудь из них сама была на это согласна. По решению собрания полагается ее возвращение и, кроме того, штраф стоимостью от десяти до пятнадцати быков.

Воровство относится к обычным преступлениям и наказывается только тогда, когда вор застигнут на месте преступления. Однако как у лакедемонийцев, молодой человек приобретает добрую славу, если он много украл. Как свидетельствует Мариньи, девушка презирает юношу, который не увел ни одной коровы. Однако воровство не разрешается ни в семье, ни внутри клана; и тот, кто позволил себе это, наказывется самым жестоким образом. Вор должен возместить хозяину стоимость украденной вещи в девятикратном размере. При каждой следующей попытке воровства наказание увеличивается и, будучи пойманным в третий раз, вор должен заплатить штраф в размере двухсот быков, или же его убивают. Поэтому внутри клана царит полное доверие, и здесь совершенно неизвестен обычай запирать дом. Однако смелые молодые люди охотно проскальзывают на территорию другого клана и пытаются овладеть там одной или несколькими головами скота. Если им это удается и их не накрывают на месте преступления, то они спешат вернуться в свою семью и в свой клан, где их встречают с триумфом.

Известие об их славе передается из уст в уста в зависимости от степени опасности предпринятого. Ни в коем случае не выдается грабитель, который уже находится в безопасности. Сторож же украденного скота привлекается к ответственности. Кланы, которые находятся между собой в дружбе, часто не терпят воровства друг у друга и наказывают за него также штрафом в девятикратном размере. Тот, кто украдет что-либо у чужого клана или у чужого племени и будет застигнут на месте преступления, должен будет раньше возместить стоимость украденного только в двойном размере. Однако там, где хотят избежать любого повода к ссорам, в особенности на западе, даже и такое воровство наказывается строже, расследуется присяжными, и наказание за него выносит народное собрание. При этом допрашивают свидетелей, которые часто должны подтвердить правдивость своих высказываний клятвой; а преступнику разрешается защищать себя перед служителями закона, которые его схватывают и доставляют для рассмотрения дела.

Так как лошади ценятся выше всего, то именно их воруют чаще всего, и ночью, когда они пасутся на свободе, часто появляются воры из отдаленных местностей и уводят их. Белл был много раз свидетелем подобных случаев воровства; также и я

часто вспоминаю, как мне давали совет — лучше охранять моих лошадей ночью.

Споры также выносятся на решение народного собрания, они случаются часто и являются более запутанными, чем это можно было бы себе представить у такого необразованного народа. Поводом для них является в первую очередь земля, и так как вся страна является собственностью народа, а не одного какого-либо лица, то каждый имеет право поселиться там, где он хочет. При этом руководствуются обычно привычкой. Но это не может полностью устранить споры о владении землей. Обычно каждая семья обрабатывает столько земли, сколько ей нужно, и эту землю никто не может считать спорной. Пока она обрабатывается, фактически хозяин тот, кто ее обрабатывает. Так как земледелие у черкесов служит только удовлетворению их собственных потребностей, то часть земли, которой не пользуются, остается свободной. Черкесы обычно чередуют обработку отдельных участков земли и используют участок земли в течение такого времени, пока он является плодородным. Как только этот участок истощается, черкесы выкорчевывают лес на другом участке и обрабатывают его. Этот участок остается у определенной семьи, пока она его обрабатывает. В течение последнего времени, когда русские овладели плодороднейшими землями на морском побережье, многие черкесские семьи спаслись бегством в горы и поселились там среди других семей. Поэтому плодородная земля стала более редкой, и в результате этого возникли споры из-за земли. Необходимо, чтобы для решения этих споров созывалось народное собрание и решало этот вопрос. А в общем-то здесь поступают по принципу — кто приходит первым, тому и принадлежит земля.

Если кто-либо случайно нанес кому-нибудь ущерб, он должен его возместить. Мариньи рассказывает два интересных примера, которые позволяют бросить взгляд на способности черкесов. Один князь увидел на своем поле козу и велел одному из своих слуг прогнать ее. Этот слуга схватил камень и, бросив его в козу, разбил ей ногу. Боясь наказания, он взял платок и перевязал козе ногу; коза же, мучимая болью, убежала домой и искала облегчения вблизи разложенного костра. Ее повязка загорелась и, подгоняемая еще более сильной болью, коза побежала через поле, на котором уже созрел урожай, и подожгла его. Владелец этого поля обратился к народному собранию, и князь должен был возместить нанесенный ущерб. Еще интереснее второй пример, и даже если он стал известным благодаря труду Ноймана, то я все же позволю себе снова рассказать об этом. Два черкеса владели сообща одним акром земли, на котором росло дерево. Один из них ободрал половину коры с дерева, вероятно, для того, чтобы сделать его сухим, и через некоторое время он покинул это место, пре-

доставив пашню в распоряжение другого. Дерево за это время засохло, и новый владелец разложил под ним костер, чтобы затем повалить его. Один из соседей хотел зажечь свою трубку и в то время, как он подходил к дереву, дерево упало и убило его. Родственники убитого потребовали от владельца дерева уплаты цены крови, считая его виновником смерти.

Все это дело было вынесено на обсуждение народного собрания. Владелец же земли заявил, что не он должен возместить нанесенный ущерб, а тот, по чьей вине дерево засохло, так как с него была содрана кора; и действительно, он был освобожден от возмещения ущерба.

Кроме того, народным собранием рассматриваются еще такие случаи, которые во всех цивилизованных государствах Европы не являются наказуемыми, а именно: обязанности по отношению к старикам и обязанности гостеприимства. В то время как у нас, к сожалению, государство очень редко берет под защиту стариков, и они полностью зависят от молодого поколения, у черкесов старики пользуются всеобщим почтением. Тот, кто оскорбил старика или пожилую женщину, подвергается не только всеобщему презрению, но его поступок обсуждается народным собранием, и он несет за это кару в зависимости от величны проступка. Почтение по отношению к старшим так глубоко прижилось у черкесов, что этот обычай редко ими нарушается. Если входит старик или пожилая женщина, то все более молодые встают, и никто не имеет права сесть раньше, чем сядут старики. Седая борода является почетным знаком отличия старика и вызывает повсюду любовь и уважение.

Гостеприимство нигде не распространено больше, чем у свободных жителей Кавказа, и каждый чужеземец, которому однажды удалось найти себе здесь друга, может совершенно спокойно ехать через самые опасные места. Если жизни чужеземца кто-то угрожает, то его гостеприимный хозяин защищает его, и каждая обида, нанесенная чужеземцу, воспринимается им как своя собственная. Он заботится об удобствах своего гостя, радостно принимает его в своем доме, предоставляя ему при этом самое лучшее место. Хозяин старается исполнить каждое желание своего гостя, и в течение того времени, пока он гостит в доме, каждый член семьи старается быть веселым, чтобы порадовать сердце гостя. Как только тот уезжает из тех мест, на которые распространяется влияние хозяина, хозяин передает его другому черкесу, который там имеет влияние, и тот становится таким же гостеприимным хозяином.

Гостеприимство высоко почитается во всей Передней и Средней Азии, и для обозначения понятия дружбы в этом плане почти повсюду служит слово «кунак». Восточные черкесы употребляют в этом случае название «хаче», в то время как западные черкесы употребляют в этом случае слово «бизим».

Все богатые семьи имеют, как правило, особое строение для гостя — гостевой дом, в котором он может без всяких помех жить, как он хочет. Этот дом украшают обычно самые лучшие ковры, которые есть у этой семьи. Если же у семьи нет специального дома для гостей, то хозяин вынужден при посещении гостя переселить куда-либо в свою семью: на свежий воздух или в дом к соседям. Как только гость входит в дом, особенно если он не черкес, то вся семья встает и никто не имеет права сесть, пока гость не займет в доме почетного места и не даст разрешения сесть словом «тис». И если поэтому, например, черкесский посланник, прибывший к генералу Раевскому, сказал ему «садись», то он имел на это основание. Женщины, как правило, обычно при этом удаляются. Распространен обычай снять и отдать оружие в знак дружеского доверия. Только кинжал оставляют при себе, как необходимый инструмент. Для приема гостя готовится специальная еда, в которой каждый может принять участие, но хозяин и его ближайшие родственники могут есть только то, что им предложит гость. Остатки еды принадлежат семье хозяина. После еды изыскивают то, что может доставить радость гостю, и дочери князя Индар Оку Пшад прилагали все силы, чтобы порадовать Тэбу де Мариньи перед его отъездом. Они танцевали и музицировали, чтобы доставить ему удовольствие.

Когда Интериано находился у черкесов, гостеприимство было распространено еще более, и гость мог себе позволить по отношению к дочерям хозяина такие вещи, которые каждому другому были строго запрещены. Также доминиканец Жан де Люкка и Де ла Мотрей сообщают, что черкесы принимали каждого чужеземца в течение трех дней. Сыновья и дочери хозяина обслуживали гостя, сняв головные уборы, и мыли ему ноги. Так же как хозяин должен выполнять свои обязанности по отношению к гостю, то и гость должен выполнить их по отношению к хозяину, и он не может уехать раньше, чем получит на это разрешение хозяина.

До тех пор, пока гостеприимство не было нарушено убийством или нарушением супружеской верности, можно быть в нем уверенным. Чтобы предоставить гостю еще больше права, жена хозяина дает ему свою грудь, которой кормился каждый из ее детей; если же он возьмет ее в рот, то он усыновляется таким образом и принимает все права настоящих детей. Клан, к которому принадлежит хозяин, принимает гостя с этого момента полноправным членом, и если он подвергается преследованиям, и хозяин не в состоянии его защитить, то его защищает клан.

Прекрасный пример гостеприимства описывает также Мариньи. Индар-Оку — гостеприимный хозяин Скафи и других — при неудаче, постигшей русских при переговорах, сам защищал их, когда один из них, Мудров, похитил девушку, и ее ро-

дители, угрожая, требовали у чужеземцев выдачи преступника и кары за содеянное преступление. «Как! — воскликнул возмущенный Индар-Оку в специально по этому случаю [созванном] народном собрании, где требовали выдачи чужеземцев, — как вы можете требовать от меня предательства и как вы можете предполагать во мне постыдную трусость забыть обязанности кунака. Я никогда и нигде не потерплю, чтобы одному из моих гостей когда-либо было нанесено малейшее оскорбление».

Кто же отважится приехать в Черкесию без кунака, тот становится собственностью того, кто первым его встретит, и только определенный выкуп может спасти его от плена.

Поэтому русские дезертиры каждый раз поступают в рабство. Если же чужеземцу, прежде чем он схвачен, удается попасть в какой-либо дом и даже в дом своего преследователя, то с того момента, когда он переступает его порог, он находится под защитой семьи, которой принадлежит дом. Даже его собственный враг должен в своем доме сказать ему «добро пожаловать» и защищать его от внешнего нападения. Черкесы уважают круг семьи, и никто не отважится похитить чужеземца из дома. Того, кто предал бы гостя, постигло бы всеобщее презрение. В этом случае его исключили бы из клана, к которому он принадлежит, и это было бы самым наименьшим наказанием. Прежде же такого человека подводили к краю пропасти и сталкивали в нее.

Главой семьи является отец, и он правит в ней по своему усмотрению, как он только хочет. Только один он и затем выросшие дети мужского пола являются естественными защитниками дома, то есть женщин и рабов, которые не имеют права носить оружие.

Но женщины у черкесов не отделены так от мужчин, как это принято на Востоке, и они принимают участие во всех празднествах и прочих увеселениях. Только народные собрания закрыты для них. Если в семье есть старшие сыновья, то они женятся и остаются в своей семье, пока жив отец, авторитет которого остается в силе, как прежде. Только после смерти главы семьи, семья разделяется, но и то не всегда, так как часто члены семьи признают над собой главенство старшего брата. Но, как правило, младшие сыновья покидают в этом случае отчий дом и основывают затем, по-своему усмотрению, новый очаг.

Жилища различны в зависимости от богатства и величины семьи, а также местности. Самые бедные имеют, как правило, один дом, и в его единственном помещении живет также и скотина, которой они владеют. Подобный дом только в малой степени защищает от ветра и дождя. На западе дома строятся большей частью наподобие мазанок, и если он должен долго служить, то в четыре угла вбивают в землю четыре толстых

кола и пространство между ними закладывают хворостом, обмазанным глиной. Чтобы укрепить созданные таким образом стены, употребляются планки, и если стену делают выше, то берут более высокие планки. Крыши напоминают, как правило, наши соломенные крыши и делаются они таким же образом. Часто же при постройке дома не утруждают себя обмазыванием плетенки глиной. Для строительства дома используют стволы деревьев и кладут их друг на друга, только немного обтесав. Промежутки между ними заполняют мхом. Этот тип дома напоминает те дома, которые я видел в Мингрелии, а в Европе— в Швейцарии и в России. Крыша, поднятая обычно в правом углу, делается из досок.

В Большой и Малой Абазе, а также в Большой и Малой Кабарде избегают строить дома из дерева; их обычно прислоняют к горам или частично выкапывают жилища в земле. Стены обычно делают из необтесанных камней и когда стены достигают высоты от семи до десяти футов, то делают крышу из двух балок, которые кладутся на противоположные стены и переплетаются ветками. Кроме того сверху это обмазывается глинистой массой. Вследствие этого крыша делается плоской, и весной и осенью вся семья проводит на ней вечера. Можно, однако, легко увидеть, что этот тип дома так же мало защищает от ветра и непогоды, как и описанные выше. Еще до начала настоящего ливня крыша промокает. Если такие дома частично находятся в земле, то они называются у русских землянки, а у грузин — сакли.

Как правило, при строительстве дома не стараются даже изменить натуральный цвет земли и только на западе красят стены белой, а также (по Беллю) светло-зеленой краской. Кроме двери и дымохода обычно не делают никаких других отверстий, и подобие окна (шамавупш), представляющее из себя четырехугольную дыру, закрывающуюся ставней, является одной из редчайших вещей. Напротив двери находится высокое полукруглое устройство, над которым устраивается подобие дымохода. Когда идет дождь, то вода беспрепятственно проникает через верхнее отверстие в комнату. Пол в комнате в большинстве случаев сохраняется в своем натуральном виде и только у богатых покрывается коврами. В таком черкесском доме нет мебели в собственном смысле этого слова, так как справа от очага устраивается возвышение для сна хозяина дома, а возвышение слева от двери служит для сна людям низшего сословия и рабам. Место для сна хозяина покрывается, как правило, коврами и подушками, и только равные по положению черкесы могут занимать это место. Самым лучшим украшением в доме является оружие, которое обычно развешивается в большом порядке и чистоте на деревянных гвоздях.

Богатые люди устраиваются удобнее и кроме своего собственного помещения имеют также помещение для скота. Ес-

ли семья большая, то в дальнейшем строят больший дом, в котором все члены семьи могут быть вместе, один для женщин, один для рабов и так далее. В центре обычно стоит такой семейный дом, реже дом для гостей, а вокруг него находятся уже другие дома, от трех до десяти и даже больше.

На востоке, где строят каменные дома, обычно строят такие отдельные домики один около другого и таким образом получается дом, состоящий из многих комнат. Рабы и прочая прислуга живут обычно отдельно. Нойман ошибается, когда он полагает, что гостевой дом всегда стоит посередине и является самым красивым зданием, так как, как правило, он является более или менее запущенным, потому что гости приезжают редко. Как раз Белл, которому больше всего можно верить, нередко жалуется на плохие дома для гостей.

На западе, где около домов есть сады, часто огражденные для защиты от нападения палисадами, дома находятся большей частью на значительном расстоянии друг от друга и спрятаны, по крайней мере, на берегу моря за деревьями.

Таким образом, здесь нет собственно деревень, и во всей Черкесии не может быть и речи о городах. Селения, как правило, называются по названию долины, где они расположены, и для более точного обозначения говорят о верхней, средней и нижней части «куадж» («вадж» у Белля) — обычное название такой деревни, и обычно, если деревню называют по имени долины или реки, то и жителей деревни называют так же. Этот обычай господствует во всей западной Черкесии. Так, например, «ардокважали» называют жителей долины Ардо, у начала которой находится мыс Адлер. «Шемикваджи» — это жители долины Шеми. У бжедухов, хаттукоев и кемурквехов вместо слова «квадж» употребляется слово «квайдч» или «квехе» и поэтому «хаттуквехами» обозначают жителей долины Хатту. Кабардинцы используют для обозначения деревни слово «чела» или татарское «аул». Деревни кабардинцев существенным образом отличаются от других тем, что отдельные дома построены один возле другого и имеют общий вид настоящей деревни. Кабардинцы называют меньшие деревни или жилища для семьи татарским словом «кабак». У абазинцев также имеется для обозначения деревни особое слово «тзутак».

Если же мы от описания жилищ семей обратимся к описанию этих семей, то мы уже видели, что глава семьи, а там где он умер, старший брат является неограниченным господином и может обращаться с другими членами семьи по своему усмотрению. Дети, воспитанные им, остаются на всю жизнь его собственностью, и он может по своему усмотрению продать или убить их. Однако, несмотря на этот варварский обычай, их никогда не убивают, а продают довольно редко и, как правило, только девушек. Но не жадность обычно толкает на то, чтобы продать собственную дочь в гарем какого-либо богатого

турка или даже в сераль в Константинополь; к этому его принуждает собственная бедность, а благодаря продаже дочери он может обеспечить более приличную жизнь. Девушка обычно не противится никогда воле отца, если только у нее прежде не было какого-либо прочного чувства к кому-нибудь, и радостно отдает себя во власть купца, который оказывает ей большие почести. Тщеславие стать полновластной повелительницей в гареме побуждает часто девушку самой просить отца о продаже в гарем. Нередко случается так, что такая девушка через много лет возвращается на родину, нагруженная богатствами, и охотно рассказывает о радостях, испытанных ею, и о чести, которая ей была оказана.

Муж, как и у нас, распоряжается внешними делами семьи, а жена ведет хозяйство, при этом ей помогают дети и рабы. Отношение жены к мужу не является таким подчиненным, как всюду на Востоке, и так как здесь имеется только одна жена, то она всегда оказывает большое влияние на мужа. Муж не имеет права ее ни убить, ни продать и даже, если он без обоснованной причины отсылает ее назад к родителям, он не только не может потребовать обратно выплаченного им калыма, но навлекает на себя вражду и ненависть родителей. Бить он ее может, но должен при этом соблюдать осторожность, так как если он повредит какой-либо важный орган, то он подвергается штрафу, о котором уже была речь. Наибольшее влияние жена имеет тогда, если у нее много детей. До рождения первого ребенка и даже еще после этого, ее рассматривают как девушку, и она покрылась бы краской стыда, если бы кто-нибудь сделал бы только намек на ее полновластного господина. Но и он сам избегает своей молодой жены и посещает ее только ночью, когда темнота скрывает его посещение. Днем молодых супругов нельзя увидеть вместе, и жена спасается бегством, если она случайно оказывается вместе с мужем в присутствии других людей. Несмотря на это, она не стесняется, если ее посещает другой, даже молодой мужчина. Мариньи рассказывает интересный пример, когда он навещал жену Ногая, сына пшадского князя Индар-Оку. Когда она узнала о приезде своего мужа, то она выпрыгнула через окно. Эта боязнь вынести внутреннюю жизнь семьи на суд общественности простирается и на всех чужеземцев; и поскольку молодые супруги избегают один другого, то и не распространен обычай спрашивать жену или мужа об их семье. Вежливость, по причине которой спрашивают обычно о здоровье жены и детей, рассматривается в Черкесии, как и вообще на Востоке, не только как невежливость, но и даже как грубое оскорбление. Следствием этого проступка может быть строгая кара.

Когда женщина в первый раз с уверенностью может сказать, что она станет матерью, она этим очень гордится, так как с рождением первого ребенка она переходит в сословие

женщин. Однако она обычно стыдится последствий этого состояния, которые становятся все более и более видны, и избегает веселых игр и песен сестер. В то время она отдаляется и от своего супруга и мечтает о том времени, когда она станет матерью. Муж в душе не менее ее гордится этим ее состоянием, но на это время избегает жены и нередко покидает дом на некоторое время, когда подходит время родов. Часто только спустя несколько недель после разрешения от бремени своей жены он снова возвращается в свой дом и, покраснев, приветствует жену и ребенка

Только когда дети вырастают и особенно, если в семье имеются сыновья, отец имеет честь рассматриваться в качестве главы семьи, и в это время он может быть избран старейшиной или присяжным. Жене теперь не нужно избегать общества мужа, и она охотно появляется в кругу своих уже выросших детей.

Если мы пронаблюдаем историю жизни обитателей Черкесии с того дня, когда они увидят свет и до того момента, когда их призывает к себе бог, то мы увидим, что все то благородное, чем отличается черкес, сопровождает его до глубокой старости.

Если даже материнские чувства, любовь в полную силу охватывают женщину при рождении ребенка, то с внешней стороны не проявляется при этом событии никакой радости, а отец, как мы уже видели выше, нередко даже при этом отсутствует.

Мать, как правило, кормит ребенка грудью до того времени, пока он самостоятельно сможет передвигаться. Если родители исповедуют магометанскую религию, то в это время происходит обрезание, и мулла, совершающий этот обряд по правилам Корана, получает за это в вознаграждение в зависимости от богатства семьи лошадь или козу. В некоторых местностях ребенок после рождения лежит непокрытый ничем, в течение 24 часов на свежем воздухе, и только после этого его моют. В дальнейшем мать не растит ребенка, а его будущий воспитатель еще раньше заботится о кормилице, и на третий день мать должна передать ребенка чужим людям. Обычаи предоставлять воспитание детей до совершеннолетия другим людям существуют здесь и, вообще на Востоке, по крайней мере у всех тюркских народов, и даже там, где когда-либо правили тюркские князья. Обозначением для такого воспитателя является слово «аталык». Чем вызван этот кажущийся варварским обычай, убивающий всякую семейную жизнь, остается для нас пока неизвестным, так как у восточных народов аталыки упоминаются в течение долгого времени. Может быть, воинственные тюрки не хотели, чтобы молодые мужчины отвлекались воспитанием своих детей от служения на благо отечества, и они не должны были быть связаны узами любви к своим детям, если объявля-

лась война против другого народа. Сына, принадлежащего отечеству, нужно было воспитывать достойным этого отечества, и вследствие этого его лишали материнской любви, под влиянием которой он мог бы легко размягчиться. Воспитатель отдает своего воспитанника обратно отцу только тогда, когда он полностью приобретает свою мужскую силу и только тогда в первый раз отец появляется публично вместе со своим сыном. Может быть, этому способствовало то обстоятельство, что прелесть матери, не кормившей своего ребенка, не пропадала так рано, и воинственные мужчины, когда они возвращались после битвы и набегов на вражескую землю, могли быть достойно встречены своими цветущими женами.

Из-за того, что дети отрывались от семьи, нарушалась семейная жизнь, но благодаря длительной молодости женщин, воины больше были к ним привязаны. Нежное внимание, имеющее место не только у настоящих тюрков, но и также у всех тюркских племен и потому также у черкесов, отчего, например, молодые супруги видятся только тайно, усиливает любовь обоих и привязывает их крепче друг к другу.

Воспитатель, или аталык, большей частью выбирается родителями из более низкого сословия и находится поэтому по отношению к семье своего воспитанника, который у черкесов называется «пкур» или «пшур», в определенных дружеских отношениях. Прежде, когда сословия более строго отделялись один от другого, честь быть воспитателем считалась более высокой, и на Востоке еще теперь воспитатель имеет больший вес. Воспитатель имеет мало преимуществ, но это состояние является весьма почетным. Он должен обо всем заботиться для своего воспитанника. Он должен обеспечить пропитание кормилице с младенцем и одевать их; он должен научить своего выросшего воспитанника обращению с оружием, которое он ему должен дать, и должен научить воспитанника также ездить верхом, обеспечив его при этом лошадью. Потребности воспитанника с годами растут, и когда он в состоянии натянуть тяжелый лук, стрелять из ружья и умело ездить верхом, то воспитатель в первый раз ведет его на битву, но и здесь он должен беспокоиться о благополучии своего воспитанника. Единственное, что он при этом получает, это большая часть добычи. И все это воспитатель делает ради чести породниться с княжеским или дворянским домом и, может быть, за получение дворянского титула. Чтобы стать для воспитанника всем, он жертвует своей семьей, и в то время как воспитанник бывает хорошо одетым и прекрасно вооруженным, собственные дети воспитателя голодают и бегают в лохмотьях.

Еще до рождения ребенка в княжеской семье, еще до того, как становится известным, будет ли это мальчик, между членами общины возникает спор, так как каждый из них хочет иметь честь быть воспитателем. Нередко дело доходит до от-

крытой вражды, которую отец еще не родившегося ребенка не прекращает, пока он не найдет среди всех самого храброго. В прежние времена бывало, что дети похищались такими воспитателями, вступавшими заранее в соглашение с кормилицей, а может быть, даже и с матерью. Семь свидетелей, которые присутствовали при этом похищении, должны были впоследствии клятвенно подтвердить подлинность родовой принадлежности ребенка.

Как правило, при передаче ребенка воспитателю именно воспитатель, а не отец, устраивает праздник, на который приглашаются близкие и дальние родственники и знакомые.

В течение всего периода воспитания родители не только ничего не знают о своем ребенке, но если бы они и хотели справиться о нем, то это рассматривалось бы как недостойное поведение. Воспитатель держит при себе воспитанника до тех пор, пока он не вступит полностью в свою мужскую силу. Тогда он извещает об этом родителей и просит у них разрешения вернуть им сына. Родители назначают ему время, готовят ему подарки, соответственно своему богатству, и устраивают большой праздник, куда приглашают всех родных и знакомых. Белл был свидетелем подобной церемонии передачи сына родителям. И я позволю себе сообщить здесь, что он об этом рассказывает, и кое-что еще добавить к этому.

Воспитателем был Алиби, из племени абазинцев, пользовавшийся большим уважением, а воспитанником — сын одной знатной семьи абадзехов. Все родные воспитателя получили от него приглашение; и мужчины, и женщины в количестве около сорока человек приехали к абадзехам, где их ждал отец воспитанника. Каждый из гостей был одет наилучшим образом и имел при себе самое лучшее оружие. Мужчины были на лошадях, а женщины приехали в двухколесных арбах, о которых я раньше рассказывал. Эти арбы были выложены самыми лучшими коврами и из них был сделан род крыши, чтобы защитить нежных женщин и девушек от жгучих лучей августовского солнца. Так как обычай повелевает привозить подарки и принимать их, то каждый приготовил подарки для вручения. Мужчины выбрали лошадей и оружие, а женщины — кольца, цепи, платки и другие вещи. Смелая молодежь ехала во главе процессии на лошадях, а арбы, в которые были запряжены быки, украшенные соответственно случаю, заключали процессию. В середине находился воспитатель со своим воспитанником, оба разодетые и разукрашенные, на гордых конях. В качестве последнего подарка воспитателя своему воспитаннику служил белый иноходец с драгоценной упряжью, которого вел слуга. Воспитанник был одет в обычную верхнюю одежду черкесов, под которой у него была шелковая нижняя одежда, и на нем были довольно узкие шаровары. Круглая шапка, отделанная мехом, покрывала бритую голову. Красивые красные

туфли свидетельствовали о княжеском происхождении его. Черкеска походит на европейский сюртук и отличается главным образом отсутствием воротника. Сшита она бывает большей частью из шерсти голубого или фиолетового цвета, а для повседневной носки — естественного грязно-желтого или серого цвета. Серебряные галуны украшают низ ее, а часто и спину. Она отличается также тем, что по обеим сторонам груди вшиты патронташи, каждый из которых содержит от восьми до десяти деревянных или металлических патронов. Нижняя ее часть — из шелка или из ситца, преимущественно одноцветная: синего, белого или красного цвета, так же украшенная золотыми галунами. Для большего великолепия галуны украшаются вышивкой. Рукава выпущены наружу наподобие манжет. Она делается на вате, которая подшивается определенным образом шелком или ситцем. И если на ней появляется дырка, то она не рвется дальше. По этой причине, возможно, черкесы и другие кавказцы носят такую нижнюю одежду до тех пор, пока она не разорвется полностью или не истлеет. У кабардинцев она только немного короче, чем верхняя, а у восточных черкесов — наоборот, длиннее.

Дюбуа и Нойман полностью путают эти оба вида одежды так, что первый считает нижнюю ее часть рубахой, а второй называет ее многоцветным нижним жилетом, который надевают вместо рубахи. Он считает также черкеску разновидностью шерстяной куртки. Собственно рубашка существует, по крайней мере у богатых, и носит название у черкесов —«янах», а у абазинцев —«азех». Обе черкески — верхняя и нижняя — перехвачены в талии пояском из черной кожи с серебряными украшениями. Шаровары шьются из шерсти и плотно охватывают ноги. Райнеггс и де Мариньи называют их широкими, что, конечно, может быть у черкесов, которые имели много дела с турками и даже носили тюрбан. Эти шаровары, чаще всего, синего цвета и внизу перехватывают ступни ног красными проймами. Серебряные галуны нашиваются сбоку, а также внизу. Так как тонкая шерсть стоит у черкесов дорого, то шаровары, в той части, в которой они бывают прикрыты полами черкески, делают из хлопчатобумажной ткани. Чтобы не испортить их во время верховой езды, сверху одевают какие-нибудь похуже или надевают на ноги шерстяные или кожаные чулки, плотно прикрепляющиеся под икрами и над коленями.

Шапка — красного цвета, покрывает верхнюю заднюю часть головы, и от верхней части вниз прикрепляются золотые или серебряные галуны. Она бывает отделана широкой полоской меха черного, реже белого цвета; на западе Черкесии вместо нее носят также тюрбан. Туфли — красного цвета у князей, желтые — у дворян и из простой кожи у простых черкесов — шьются точно по ноге, со швом посередине и не имеют подошвы. Они только сзади немного вырезаны.

При плохой погоде черкесы носят также три вида одежды, а именно: своеобразный плащ, капюшон от дождя и специальную обувь.

Плащ, или накидка, выделывается из войлока и часто бывает твердым, с торчащими крыльями и тем лучше защищает от ветра и дождя. Его накидывают сверху так, чтобы он защищал от ветра. Черкесы называют его «джако», татары — «яманшах», а армяне —«япинджих», на всем Кавказе же и в Грузии он носит название «бурка». Капюшон от дождя (у турок и на всем Востоке именуется «башлык») имеет заостренную форму, напоминающую сахарную голову, с двумя длинными концами. Во время дождя эти концы обматываются вокруг шеи и защищают от струй воды. Этот башлык делается из грубой самодельной шерсти естественного цвета, и никак его нельзя сравнивать с фригийским колпаком, как это делает Дюбуа. Также нельзя согласиться с тем, что он распространен только у заков, абихов и абхазцев, или имеется в обиходе преимущественно у них, поскольку главным образом носят его именно на севере Кавказа.

Специальная обувь отличается от нашей только тем, что она проще, хотя и изготавливается в течение долгого времени.

Завершает одежду черкесов оружие, которое он частично снимает, когда спит или входит в чужой дом. Оно украшает и дом, и его владельца. В нем одном часто заключается все богатство черкеса, и на него он обращает самое большое внимание. На блестящем железе всегда заряженного ружья не должно быть ни одного ржавого пятна и на острой отшлифованной шашке не должно быть ни одной зазубрины. Ружье существенно отличается от нашего узким небольшим прикладом и длинным тяжелым стволом. Чтобы защитить его от внешнего воздействия, оно носится в меховом футляре, который вешается через плечо. Сабля только немного скривлена на конце и этим значительно отличается от турецкой. Ее рукоятка проста, и рука, которая держит ее, ничем не защищена. Ножны делаются из черненой красной кожи, и сабля вешается на ремне через правое плечо.

К малым видам оружия относятся: пистолет, кинжал и охотничий нож, который отличается от кинжала весьма незначительно.

Кроме этого у черкеса к поясу бывает привешена серебряная оружейная сумка для кресала, кремня и отвертки, коробка для жира смазывать пули; кожаный кисет для табака привешивается с передней стороны, а короткая, обычно деревянная трубка, наоборот, сзади, рядом с пистолетом.

В прежние времена, когда огнестрельное оружие еще не было повсюду распространено, а употреблялся лук со стрелами, то носили также панцирь, пока он не стал мешать при современных методах ведения войны. Весь панцирь состоит из

панцирной рубашки, искусно изготовленной из множества колец, из большого и малого шлема, из железных налокотников и перчаток.

Вероятно, будет уместно, прежде чем перейти к описанию праздника, дать краткое описание женской одежды, тем более, что она вообще сильно отличается от одежды, принятой на Востоке. Имеются также различия в одежде на востоке и западе. Верхняя одежда из шерсти, отделанная мехом и галунами, носится до колен, в то время как нижнее платье или кафтан бывает длиной до щиколоток; он шьется, так же как длинные шаровары, из шелковой или хлопчатобумажной материи. Голову покрывает головной убор на вате, к которому спереди прикреплена диадема, к ней прикрепляется и от нее назад идет красиво вышитое муслиновое покрывало. На западе Черкесии верхнее платье длиннее нижнего и волочится по земле. Спереди оно вырезано, и нижнее платье, достигающее до колен, позволяет видеть шаровары. Вместо головного убора с диадемой женщины носят также другой вид головного убора, похожий на мужской, но отличающийся от мужского тем, что он отделывается не мехом, а серебряными галунами. Грудь девушки бывает повсюду стянута кожаным корсетом, который она носит с десяти лет, так что этим полностью препятствуется развитие груди. Этот корсет носится до свадьбы, когда только жениху разрешается разрезать его острием своего кинжала. Как правило, девушки носят сверху корсета и нижнего платья еще другое платье, обычно красное или синее. До замужества девушки ходят с непокрытой головой, но с того дня, когда они принадлежат определенному мужчине, они могут появляться только закутанными в большой хлопчатобумажный платок.

В то время, как волосы на голове мужчин почти всегда выбриты, за исключением одной пряди волос на макушке, женщины и девушки ухаживают за волосами и, как правило, они заплетаются в большое количество косичек, лежащих на спине. Мужчины или совсем не бреют бороду или носят только усы.

После этого отступления вернемся к описанию торжественной церемонии. Она медленно двигалась вперед в указанном выше порядке. Вдруг вблизи деревни она подверглась нападению ее жителей. Но вместо настоящего оружия у нападающих в руках были прутья и длинные палки, которыми они немилосердно били лошадей и людей. Белл рассказывает дальше, что мужчины, находившиеся в составе процессии, еще заранее запаслись подобным оружием, и таким образом вскоре завязалась рукопашная битва, в ходе которой отступали то нападавшие, то защищавшиеся. В конце концов последним удалось пробить себе дорогу через ущелье, однако нападающие преследовали их вплоть до места назначения.

Ружейные залпы известили полных ожидания родителей о приближении их долгожданного сына, поспешившего вместе со своим воспитателем к родительскому дому. Прочее общество, к которому присоединились недавние нападавшие, расположилось в доме для гостей.

Радость в родительском доме велика, и поэтому ничего не жалеют, чтобы торжественно отпраздновать встречу и официальное признание сына. Родители княжеского происхождения приглашают свою родню и клан, к которому они принадлежали, и поэтому нередко бывает, что по такому поводу съезжаются от трехсот до пятисот человек.

В этом случае всегда недостает жилья и, кроме непосредственных знатных участников праздника, каждый ищет себе место для ночлега. При таком большом количестве людей каждый предоставлен сам себе и должен сам, в зависимости от своих потребностей, отыскать себе место, где он может получить еду и питье; так как хозяину нелегко одному обеспечить едой пятьсот человек в течение трех дней, то обычно каждый, особенно из родных и братства, привозят с собой кто козу, кто овцу, кто быка, чтобы снабдить ими общую кухню. На данном празднике сам воспитатель Алиби привез десять голов рогатого скота и тринадцать овец для общего пользования.

День прибытия, особенно если гости приехали издалека, становится днем отдыха, и каждый наслаждается бездельем, чтобы подготовиться для следующих дней торжества. Воспитанник со своим воспитателем уединяются в родительском доме, и обычно взаимные сердечные излияния длятся до поздней ночи. С этого дня воспитатель имеет право беспрепятственно входить во внутренние покои княжеского дома и рассматривается как почетный член семьи. Между ним и другими членами семьи скоро возникают такие доверительные взаимоотношения, как будто бы они всегда были вместе и с давних пор жили вместе. На следующее утро князь выходит вместе со своим взрослым сыном и приветствует, как галантный черкес, сначала женщин и девушек, которые не только получают в свое распоряжение отдельные от мужчин дома, но и находятся обычно в удаленных местах для того, чтобы избежать встреч с мужчинами. Затем он обращается к прочим гостям, приветствуя их по очереди. По обычаю каждый гость вручает хозяину подарок, который может состоять по желанию из лошади, седла, кинжала и тому подобное. Передача подарков происходит или в то время, когда хозяин приветствует гостей, или чаще, когда хозяин с сыном располагается в каком-либо подходящем месте на воздухе. Каждый гость по очереди подходит к хозяину и передает ему подарок, называя его обычно на цветистом языке «незначительным». Слуги принимают все это и несут или везут подарки в определенное место, где это все выставляется для всеобщего обозрения и восхищения. Часто происходит так,

что отдельные члены обеих партий взаимно одаривают друг друга. И так проходит большая часть дня. Молодежь же в это время стремится провести время по-своему. И так как женщины, по крайней мере молодые девушки, ходят с непокрытой головой и не отделяются таким образом от молодых мужчин, то вскоре наступает громкое веселье. Пожилые люди находятся с хозяином и принимают участие в его трапезе. Женщины, отделенные от мужчин, едят также вместе, но обычно только то, что остается от мужчин. Увеселения молодежи состоят примерно в том же, но сопровождаются кроме того музыкой, танцами и играми.

Вероятно, будет уместным, если я использую эту возможность и опишу по порядку музицирование, танцы и игры, распространенные у черкесов. Поэтому сначала о музыке и пении.

Несмотря на низкую степень культуры черкесов, в их обычаях так много рыцарского и прекрасного, что это трудно себе представить. О рыцарском духе, воодушевляющем их, я уже имел возможность говорить, а также о том, как он напоминает то время, когда у нас в Европе, а больше всего на юге Франции, царили храбрость и мужество; что касается состояния музыки у черкесов, то оно в еще большей степени позволяет сделать подобное сравнение. Так же как рыцари тех времен не только умели обращаться с мечом, но, вернувшись домой после кровавого побоища, так же хорошо могли играть на струнах лиры и умели увеселять общество, то и храбрые черкесы так же хорошо владеют музыкой пения и, подобно трубадурам, странствуют, находя всюду дружеский прием. Не обходится ни одного праздника или пира, на которых известные певцы не показывали бы свое искусство к радости присутствующих. Пение высоко ценится, и исполняются, как правило, воинственные и любовные песни; при этом воспеваются то прекрасное прошлое, то настоящее. Певец часто выступает как импровизатор и поэтому может воспеть все, что ему предлагают. Слава певца ценится так же высоко, как и воина, и является особенно высокой, если эти качества соединены в одном лице. При исполнении известных песен внимание всего общества привлекается больше тем, что отдельные слова или стихи декламируются. Инструменты, сопровождающие пение, так же просты, как само пение, и состоят из виолины, пастушеской дудки, подобия малого барабана и других. Виолина состоит из плоской, чисто обработанной доски в форме наших старых скрипок, на которую натянуты два или три конских волоса. Скрипач сидит на полу и, играя, жестикулирует.

Музыка черкесов вряд ли понравилась бы в образованной Европе из-за своей монотонности, однако она широко распространена у ногайцев и калмыков. Ее настрой — героический или меланхолический, и этим она близка казацкой музыке, о которой я выше подробно рассказывал.

Было бы интересно сообщить отдельные образцы черкесских песен, хотя чрезвычайно трудно записать их. Мариньи и Белл привели интересные примеры, и так как записи первого уже известны, благодаря Нойману и другим, а произведения Белля малоизвестны в Германии, то я предпочитаю привести примеры из книги последнего.

(Далее приводятся 2 текста песен: военный — 1 страница — и восхваляющий князя Чугуи — 1 страница — взятых из книги Белля).

Терпсихора является у черкесов, по крайней мере у мужчин, не столь прелестной и грациозной, они передвигаются по кругу и отличаются при этом громадными прыжками и неестественными движениями ног, так что их танцы напоминают вакханалию. Поэтому содержание танца сильно отличается от наших танцев, и в то время как танец у нас вызывает всеобщее веселье, у черкесов он дает выход дикой радости. Когда исчерпаны все нюансы пения, то при все более возрастающем возбуждении, еще более усиливающемся напитками, возникает потребность в чем-то другом. Часть молодежи образует круг, бьет в ладоши, и один из них прыгает в середину круга под аккомпанемент описанных выше инструментов, дикого пения и все более громких аплодисментов и старается показать свое искусство громадными прыжками и другим образом. То он кружится по кругу со множеством пируэтов, то прыгает в высоту, расставив ноги в разные стороны, то переносит всю тяжесть своего тела на пятки и садится на корточки, как в казацких танцах. Потом он снова вспрыгивает, бегает по кругу, исполняя трудные па, и становится тем более диким и быстрым, чем больше публика выражает свою радость. Вконец измученный, спрыгивает он со сцены и присоединяется к зрителям, хлопая вместе с ними в ладоши. Затем выступает новый танцор, пока и он, утомившись, не уступает своего места другому. После того, как беснуются юноши, появляются также и девушки и исполняют содержательную пантомиму. Черкесские танцевальные пируэты господствуют и здесь, однако их искусство меньше находит отражение в движениях ног. Пантомимы исполняются в основном руками, и их движения бывают плавными. Темные волосы, свежие щеки, маленький красный рот, блестящие глаза, прекрасная стройная фигура — все это усиливает их врожденную грацию, и когда неистовство достигает своей кульминации, то только один танец самой лучшей исполнительницы в состоянии усмирить дикую радость и грубость юношей.

Белл рассказывает еще об одном танце, когда каждый танцор берет под руку свою партнершу и двигается с ней то вперед, то назад.

В то время, как часть молодежи занимается танцами, дру-

гая проводит время в иных забавах. Игры часто переходят в драки, и нередко льется кровь.

Часть времени занимает стрельба и несмотря на дороговизну пороха, юноши никогда не экономят его в торжественных случаях.

Обычно на праздниках подобного рода выступают также комедианты, и им разрешается многое, подобно нашим арлекинам. Иногда комедиант исполняет импровизацию, и все общество вынуждено декламировать определенные строфы.

Вскоре внимание публики переключается на всадника, который, держа в руке знамя, призывает все общество участвовать в состязании. Все юноши бросаются на лошадях вслед за знаменосцем. Ловким всадникам, наконец, удается догнать его и схватить знамя. Число состязающихся все увеличивается. Знамя переходит из рук в руки; борьба продолжается до тех пор, пока от знамени не останется ни клочка, и схвативший его видит, что в его руках находится только древко. Состязания заканчиваются всеобщим смехом.

Второй день празднеств, как правило, бывает еще более шумным, и иногда случается, что радость внезапно прерывается каким-либо несчастным случаем. При этом необузданном веселье нередки нанесения телесных повреждений или даже смерть. Тогда клан потерпевшего требует возмещения ущерба, а радость таким образом превращается в ненависть и взаимную вражду. Праздник прекращается, и чтобы не нанести ущерба гостеприимству, каждый спешит домой. Как раз такой случай произошел на празднике передачи воспитанника, который я описывал, и я опишу его конец, дополнив его другими рассказами о Кавказе.

Третий день праздника посвящен отдыху. Хозяин стремится в этот день порадовать своих гостей. Торжества открывает бешеная скачка на лошадях. Выбираются судьи, которые решают вопрос о присуждении призов и распределении их.

Обычно это лошадь, оружие или бык, а могут быть также призами и рабы. Героя дня все хвалят, девушки теснятся к нему, и какой-либо певец импровизирует в его честь песню.

Далее следует вручение подарков со стороны хозяина, и каждый из гостей с нетерпением ждет момента, когда хозяин обратится к нему. Воспитатель получает самые богатые подарки и его возводят в дворянский титул. Таким образом, он становится родственником княжеского дома и рассматривается отныне как полноправный его член. Его воспитанник испытывает по отношению к нему высокое почтение, и его любовь к воспитателю часто больше, чем к собственным родителям. Затем наступает очередь родных воспитателя, и даже самый ничтожный из них почувствовал бы себя оскорбленным, если бы ему не перепал хоть какой-нибудь небольшой подарок. Родственники воспитанника не получают ничего, и, наоборот, обязаны

сами проявить гостеприимство и щедрость по отношению к воспитателю и его родным.

Само собой разумеется, что при распределении таких больших даров невозможно удовлетворить всех. Но в случае, если хозяин проявил жадность или просто скупость, рассматривающиеся у черкесов как большой порок, все же никто не выскажет открыто свое недовольство, а будет вести себя так, как будто бы он полностью удовлетворен. Но, конечно, следствием этого будет последующее неодобрение или даже презрение. В противном же случае похвала щедрому хозяину переходит из уст в уста, и его щедрость обсуждается в течение нескольких месяцев.

За этим следует большой пир, который и венчает праздник. Как правило, в домах не хватает места, чтобы посадить всех гостей. Для пира выбирается поэтому удобное место на свежем воздухе, и слуги пешком и даже на лошадях обносят столы блюдами с кушаньями. Женщины не имеют права принимать в этом участия, но их принимают обычно в специально оборудованном для этого доме, где они едят отдельно от мужчин. Всеобщая веселость усиливается всевозможными напитками. Пир продолжается вплоть до ночи, пока не будет съедено все, что может предложить богатая кухня хозяина.

Здесь мне предоставляется удобная возможность описать кушанья и напитки черкесов.

Вообще черкесы — трезвенники и удовлетворяются в своей семье малым. Если же они утром едут на охоту и должны поздно вернуться, тогда они берут с собой мешочек с мукой и медом и воду, и это является их пищей. Черкесы едят только тогда, когда они голодны и, как правило, два раза в день. Только в тех местностях, куда проникло учение Магомета, привыкли к тому, чтобы есть в часы, отведенные для этого этим учением, а именно: после захода солнца, и в этой трапезе принимает участие вся семья. Обычно едой является просяная каша, которая здесь, а также в Мингрелии называется «гоми» и которую едят вместо хлеба. Его приготовление очень простое. Просо растирают, сыплют в котел, смешивают с водой и варят на среднем огне до тех пор, пока масса не загустеет, а затем кушанье накладывается каждому рукой или большой деревянной ложкой. Должно пройти много времени, прежде чем привыкнешь к этому кушанью; что касается меня, то я в течение многих недель получал вместо хлеба только «гоми». Согласно описаниям Клапрота, этот вид хлеба называется «хатлама», если для его приготовления берется очищенное просо; если же оно при этом перемолото и при готовности хлеб нарезается небольшими кусками толщиной в палец, то он называется «метшага». Только в некоторых местностях, где сеют пшеницу, пекут другой вид хлеба, состоящий из небольших круглых лепешек, печеных в золе. Обычно этот хлеб пекут из

турецкой пшеницы. Этот хлеб обычно нравится даже новичку, однако его можно есть только в свежем виде. Уже на другой день он становится твердым, а на третий день его может переварить только желудок черкеса. Кроме этих видов хлеба черкесы особенно любят молоко, особенно кислое, которое на Кавказе смешивается с водой и известно под именем «айран». Черкесы же едят его в чистом виде, и оно называется у них «яурт». Во время путешествий черкесы используют смесь муки и меда, которую они называют «гомил».

Это все что они едят, если не требуется специальных кушаний для приема гостя. В этом случае они умеют искусно готовить кушанья, чего нельзя ожидать при их простоте нравов. Хозяйка дома и старшие дочери пекут хлеб в золе или готовят «гоми», сыновья же доставляют скотину, предназначенную для еды, забивают ее и готовят ее в присутствии гостей, поджаривая лучшие куски на вертеле, все же остальное варится в большом котле. Жаркое на вертеле известно по всему Кавказу под названием «шишлик». Для этого кушанья особенно предпочитают баранину, а если черкесы не магометане, то они используют для этого свинину, так как они предпочитают эти виды мяса говядине, а особенно мясу буйвола.

В это время в котле кипит вода, и так как черкесы любят пикантные кушанья, то там варятся различные травы, плоды и пряности, в особенности испанский и кавказский перец, лук, чеснок, тмин, майоран и др. Каким бы крепким ни был этот бульон, черкесы его не ценят и обычно выливают. Но зато они умеют приготовлять особый соус с перцем и луком.

Мясные блюда являются любимой пищей черкесов, но они умеют готовить другие блюда, как, например, мясные колобки, пилав, рагу и так далее. Кроме этого, женщины приготовляют всевозможные молочные кушанья, сладости и печенья. Особенно вкусными я находил пирожки размером с хлебец, начиненные яйцами, луком и сыром, может быть, еще и потому, что они были похожи на излюбленные в Тюрингии пирожки с луком и салом. Клапрот называет их «халива». Деликатесными блюдами являются также «хинкаль» и «ширалдама». Мед они используют и для соуса к мясу и называют его «фаутго».

Напитки для гостей не просты. Кислое молоко я уже упоминал выше. Мед, разведенный водой, называется «фауус». Смешанный с просяной мукой и в перебродившем виде он называется у черкесов «суат», а у татарских племен — «буза» или «бозе». Так как большинство черкесов исповедуют магометанскую религию, то вина они не пьют, но приготовляют зато очень вкусный напиток из виноградного сока.

Чай и даже кофе неизвестны у черкесов, и когда Белл был приглашен своим хозяином к чаю, то оказалось, что вся посуда и чай были похищены с одного русского корабля. Я же удивляюсь тому, как черкесы сумели приготовить чай.

Каждый имеет право принять участие в таком пире, и если уж такой пир устраивают в честь гостя, то на него собираются все мужчины из округи. При этом было бы нарушением гостеприимства, если бы даже последнему нищему отказали в приеме. Прекрасным обычаем черкесов является то, что каждый делится тем, что он ест, с любым голодным, которого он увидит во время трапезы.

Черкесы не знают потребности в различных столовых приборах, которые у нас делают такой прием гостей очень дорогим удовольствием. Обычно они располагаются на земле и то, что им подается в плоских деревянных мисках или на простых дощечках, поедается ими с таким же аппетитом, как и у нас, с той лишь разницей, что они берут еду непосредственно пальцами, обходясь без принятых для этой цели у нас приборов из благородных металлов. Во всяком случае, они не употребляют во время еды ни ножей, ни вилок, а ложки они используют либо для накладывания кушаний, либо вовсе их не употребляют. Кушанья обычно подаются на маленьких столиках. Перед этим слуга приносит воду для омовения рук и рта, для вытирания служит при этом длинный кусок хлопчатобумажной материи, который подают для всего общества. Понятно, почему черкесы не едят супы. Видимо, к этому их вынуждает недостаток ложек, а чтобы насладиться соусом, они крошат туда хлеб, и эту довольно густую массу едят руками. Все эти обычаи обусловлены тем, что Магомет запрещает им пользоваться вилками и ножами.

После того, как все съедено, снова подается вода для омовения рук и лица.

Вероятно, будет интересным описать здесь кушанья, которые подавались европейцам на подобных двух пирах на западе Черкесии. Мариньи был 4 мая 1818 г. на подобном пиру у упомянутого уже выше князя Индар-Оку. Кушанья подавались на восьми различных столиках, уставленных разнообразными мисками. На первом столике были различные сладости и молочные кушанья, на втором — определенный сорт паштета, просяная каша в твердом виде служила вместо хлеба. На остальных столиках были соленое мясо, пилав, яйца и т. д. В конце пира, как и вначале подавалась вода.

Белл рассказывает, что в начале своего путешествия его угощали у Зубеша 26 апреля 1837 г. Сперва подавали сладкие пироги и молоко, а затем в большой деревянной миске принесли пастообразное кушанье, в середине которого стоял деревянный сосуд с соусом из молока, орехов и испанского перца. На том же деревянном блюде лежала вареная баранина. Затем подавались миски с виноградным сиропом и водой и, наконец, был подан мясной бульон с бобами. Сначал ел гость — турок и его слуга, а затем отец семьи, сыновья же доедали то, что осталось.

После того, как я описал жизнь мальчика от его рождения до совершеннолетия и привел при этом подробности домашней жизни черкесов, необходимо также остановиться на воспитании девочек. При ее рождении обычно имеют место описанные выше обычаи, но только в богатых семьях, и то редко, ее передают в руки воспитательницы. Но даже и в этом случае она не покидает родительский дом на столь долгий срок, а возвращается в него десяти — двенадцати лет. При этом устраиваются небольшие празднества. Обычно девочка с раннего возраста знакомится с различными видами женских работ: часто уже на седьмом году она умеет делать галуны, вязать кружева и даже шить платья. Для сохранения стройности фигуры верхняя часть ее тела бывает затянута в упомянутый выше корсет. Вследствие этого замедляется развитие груди, так как развитая грудь является по черкесским обычаям неприличной для молодой девушки, поэтому грудь остается обычно плоской вплоть до рождения первого ребенка, а затем развивается нормально и приобретает ту красивую форму, которая свойственна молодым черкесским женщинам. Обувь также очень плотно облегает ноги. Скудная сама по себе пища черкесов является еще более скудной у девушек, чтобы таким образом не допустить сильное развитие тела. Благодаря этому черкесская девушка имеет, как правило, красивую фигуру, которой с особой гордостью любуется каждая черкесская мать.

Если женщины у горных азиатских народов пользуются относительно большей свободой, то и черкесские девушки, даже достигнув зрелости, не исключаются из общественной жизни. Обычно девушка воспитывается вместе со своими братьями и так же ловко, как и они, умеет управлять лошадью и стреляет из лука. Оба путешественника по Черкесии — Мариньи и Белл — часто рассказывают нам, что их навещали молодые девушки. Молодые княжны из рода Индар-Оку делали все возможное, чтобы как можно дольше задержать своих гостей. Белля часто навещали незнакомые девушки, одаривая его при этом фруктами и сладостями. Если девушки вообще обычно подчиняются воле отца или старшего брата, то нередко также они проявляют в замужестве самостоятельность и отказывают тем, кто им не мил. На севере Черкесии известна девушка по имени Дисепли. Она прославилась по всему Кавказу не только благодаря своей красоте и любезности, но также и уму и ловкости. И еще несколько лет тому назад ни один юноша не мог похвалиться ее благосклонностью. Ее вышивки и галуны продавались по высокой цене. Ее бедная семья со временем получила столько подарков, что стала богатой. Своим поведением и умением себя вести она пленяла любого чужестранца, и тот, кто пользовался хотя бы небольшой ее благосклонностью, уже был счастлив. Со своими родными и юношами клана она так порядочно себя вела и так умела с ними ладить, что им разре-

шалось шутить с ней. Однако один единственный поцелуй рассматривался бы как большое неприличие.

Эта большая свобода девушек и общительная жизнь молодых людей является причиной того, что браки черкесов непохожи на браки у других восточных народов. Так же как женщина самостоятельна в выборе мужа, так же и молодым людям, по крайней мере молча, разрешается иметь свой голос при выборе будущей супруги. Отец или старший брат, как правило, предоставляют сыну, а часто и дочери выбор супруга. Юноше делает честь, когда он меньше принимает во внимание в таком случае богатство и красоту, а больше — обходительность и ум.

Дисепли, о которой я рассказывал выше, вовсе не была красивой, по словам Белля, и все же многие богатые юноши просили ее руки, но она отказывала им вопреки желанию родителей. Даже рабыни часто сопротивляются своему господину в выборе супруга. Доказательством этому служит пример, приведенный Беллем: одна красивая рабыня должна была выйти замуж за раба ногайского племени. Так как она не выполнила этот приказ, то она была соответственно наказана. Несмотря на это, она продолжала сопротивляться, и так как ее господин все же хотел принудить ее к этому браку, то она с горя повесилась на дереве. Ее брат, озлобленный бессердечным отношением господина, стремился смыть кровь сестры смертью ее убийцы; к счастью, рана нанесенная им господину сестры, не была смертельной. В связи с этим я хочу сказать, что Скафи неправ, когда он утверждает, что у черкесов в их языке нет слова «любовь». Уже высказывания Мариньи противоречат этому: в своем собрании черкесских слов он приводит это обозначение. Черкесское «зедшиаз» (я люблю) содержит гораздо больше теплоты, чем немецкое, французское или английское «я люблю».

Наряду с любезностью девушки, большое влияние при выборе молодого человека оказывает положение и власть семьи или клана. При этом решающим голосом пользуется и воспитатель. Нелегко, и это происходит только на западе, соглашается он с тем, что его воспитанник собирается жениться на девушке из низшего сословия. В этом случае, чтобы избежать больших неприятностей, он открывает его склонность родителям, но они редко имеют возможность отговорить его от этого. Иногда случается и так, что единственная дочь видного князя передает свой титул мужу, стоящему ниже ее на сословной лестнице.

Так же как мужчина восхищается прекрасными качествами своей возлюбленной и отдает им предпочтение перед красотой и богатством, то и девушка прежде всего ценит в своем возлюбленном смелость, мужество и рыцарскую натуру. Мужчина, который никогда не был в бою и не участвовал в набегах,

напрасно будет добиваться благосклонности черкесской девушки. Невеста с радостью смотрит, как ее жених идет участвовать в кровавом побоище, и с нетерпением ждет его возвращения, когда ей, возможно, достанется часть добычи.

Неестественный обычай женить детей до достижения ими зрелости не встречается у черкесов, зато бывают случаи, когда молодые люди вступают в брак только на тридцатом году жизни. Обычно же молодые люди вступают в брак в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет. Также этой причиной можно объяснить, почему черкесский народ, несмотря на чужеземное вмешательство, сохранил в течение тысячелетия свой облик.

Этому, далее, способствовало в немалой степени то, что у черкесов не распространены браки между родственниками. Молодому человеку не разрешается жениться даже на девушке из того же клана, так как все члены этого клана рассматриваются как родственники.

Так же как и у нас, молодой черкес поклоняется девушке, которую любит, и не упускает никакой возможности выразить ей свое внимание. Возлюбленная его сердца так же, как в образованной Европе, старается показать себя неприступной и так же хорошо умеет привязать к себе своего поклонника притворным равнодушием и следующими за ним небольшими знаками внимания. Как только он думает или даже может сказать с уверенностью, что она его любит, он стремится завладеть ею. Вместо того, чтобы получить вместе с женой определенную сумму денег, как это нередко бывает у нас, черкесы, и вообще восточные народы должны заплатить за свою возлюбленную ее родителям определенную цену, а именно: цену невесты (калым). Поэтому сначала посылают хорошего друга или бывшего воспитателя к родителям невесты, чтобы узнать их волю или тотчас же с ними переговорить. Родители же, как правило, умеют использовать возможность, и такая цена назначается в зависимости от богатств молодого человека, а также любезности и красоты дочери. После долгих переговоров обычно заключается сделка. Но часто жених бывает не в состоянии заплатить калым, в этом случае он созывает к себе своих друзей и родных и взывает к их доброте и щедрости. На этом собрании он объявляет о своем желании жениться. Каждый из собравшихся стремится предоставить в распоряжение своего друга то, что ему не хватает, и через несколько дней он уже бывает в состоянии заплатить калым, о чем он сообщает родителям своей возлюбленной. Часто и родители разрешают своему будущему зятю постепенно выплатить калым по частям.

Как только радостная весть сообщается всем родным, они созываются на большой праздник, в котором принимает участие стар и млад. Однако до этих пор у жениха еще нет прав на свою невесту, которая более чем когда-либо разыгрывает неприступность. Как правило, оба главных действующих лица совсем не

принимают участия во всеобщих увеселениях молодежи. Нет необходимости подробно описывать их, так как они происходят так же, как и при возвращении воспитанника, о чем я уже упоминал. Большей частью праздник длится только один день и заканчивается праздничным пиром.

Невеста редко остается у родителей; ее берут к себе кто-либо из родственников родителей или жениха. В некоторых местностях не разрешается предоставлять ей комнату во время ее обручения. Сестры или кузины жениха обязаны заботиться об ее развлечениях и подсластить ей ее состояние всевозможными сладостями и лакомствами. Во все это время невеста не имеет права много говорить, а сестры ее жениха обязаны вести беседу во время многочисленных посещений гостей. Она сама обычно сидит неподвижно на ковре и смотрит прямо перед собой.

Жених не имеет права видеть ее днем и еще менее в присутствии третьего лица, вследствие чего он вынужден прибегнуть к чужой помощи, чтобы достигнуть своей цели. Но ему при этом помогают его сестры или кто-либо из хороших друзей. По отношению к семье, в которой находится его невеста, он бывает в высшей степени предупредительным, старается завоевать ее благосклонность всевозможными лакомствами и подарками, и ночью, когда все сладко спят, тогда только появляется он в комнате своей возлюбленной.

С этого момента он считается обрученным, а в очень бедных семьях сразу и женатым. Время между обручением и женитьбой точно не определено, но обычно не бывает длительным, если нет особых препятствий. Обычно ждут только четырнадцать дней, четыре недели или, по крайней мере, четыре месяца, и таким же образом, как праздновалось обручение, празднуется свадьба. Так же, как и тогда, когда сами обрученные не участвовали в празднике, то и в этот раз сей праздник является лишь церемонией, которая превращает жениха и невесту в мужа и жену, и, наоборот, оба они не играют никакой роли в празднике, который был созван в их честь; считается даже неприличным, когда один из брачущихся появляется перед людьми. В то время, как молодежь веселится на свадьбе, невеста возвращается в свои покои, а жених прячется, ожидая с нетерпением темной ночи. Как только начинает смеркаться, близкие друзья удаляются и разыскивают жениха, чтобы помочь ему при похищении невесты. Обычай похищать невесту существует у многих азиатских, в особенности кавказских, народов и не требует, по-моему, дальнейших объяснений. Спокойно и медленно заговорщики проникают в покой невесты, выбирая для ее похищения момент, когда остальная молодежь особенно шумно веселится. Жених хватает невесту, сажает ее на своего коня и в то время, как его друзья удерживают родных невесты, которые якобы противятся этому, он быстро мчится, уходя от преследователей. Таким образом, заключается брак, и молодой человек привозит свою возлюбленную

уже в качестве своей жены в отведенную ей комнату в его доме. Теперь он имеет право снять корсет, который до этого времени был на ней надет, и тотчас хватается за острый кинжал, чтобы освободить прекрасное тело от его безобразной оболочки.

На следующий день появляется отец и спрашивает своего зятя; он ли похитил его дочь. Тот это спокойно подтверждает и второй раз происходят переговоры в отношении калыма. Наступает момент, когда в зависимости от контракта, надо полностью или частично платить калым. Он редко выплачивается деньгами, так как они неизвестны во многих местах, но, как правило, выплачивается оружием, скотом или рабами. Раньше было принято у князей и богатых дворян иметь при себе кольчугу, налокотники и прочее; теперь же калым платят главным образом лошадьми. Сумма калыма довольно значительна, и в то время, как в Германии дочери доставляют отцу много забот, в Черкесии, если они хоть немного красивы и любезны, могут увеличить благосостояние своей семьи.

Со времени выплаты калыма жена становится собственностью мужа, и отец ее не имеет права требовать ее возвращения. Я уже упоминал, что черкесам свойственна чистота обычаев, и поэтому неудивительно, если муж, обнаружив в брачную ночь, что его жена потеряла невинность раньше, он тотчас же отправляет ее обратно к родителям. Только в этом случае они обязаны вернуть весь калым. Непорядочная дочь часто не признается отцом равной с другими детьми, и, как правило, ее вскоре продают.

Нередко бывают разводы. Тогда муж просто отсылает свою жену обратно к родителям. Однако калым не может быть в этом случае востребован обратно. Но подобное обращение с женой вызывает к мужу вражду, и его клан старается заставить его взять жену обратно. В течение первого года родители обязаны вернуть жену по требованию мужа, позднее же зависит от них, удовлетворят ли они требование мужа; а в некоторых местностях они имеют право вторично потребовать выплату калыма. Однако эти отношения различны в различных областях.

То, что у черкесов случается похищение женщин и девушек, не может не броситься в глаза. Однако они происходят, как правило, в тех случаях, когда, как и у нас, отец не дает согласия на брак, вследствие неравенства сословного положения, а молодые люди сами приходят к соглашению. Если же похититель увозит похищенную без ее согласия и его клан поддерживает его в этом, то нередко происходят длительные споры и возникает вражда, причем интересы родины и опасность для общества отступают на задний план. Когда русские в 1837 году захватили Адлер, то между двумя кланами из-за такого похищения возникло целое побоище, при котором пятнадцать человек были либо убиты, либо тяжело ранены. Напрасными были предписания народного собрания; все снова и снова возникали драки,

при которых два или три были убиты, а многие ранены. Подобное похищение было далее причиной того, что прекратили свое существование ярмарки, возникшие на Черкесском побережье возле Геленджика и Пшады. Один из агентов Скафи — Удров, грек по рождению, похитил с помощью Ногая, одного из сыновей Индар-Оку, дочь дворянина. Так как он отказывался вернуть ее, а могущественный Индар-Оку защищал от оскорблений своих гостей, русских, то это стало причиной вражды между черкесами и недоверия по отношению к Индар-Оку, о чем до сих пор еще не забыто. Об этом подробно рассказывает Мариньи, на описание путешествий которого я уже ссылался выше.

Я уже рассказывал о занятиях отдельных членов семьи, и мне остается только рассказать об этом более подробно. Торговля и промышленность никогда не процветали в Черкесии и не процветают теперь. Любимыми занятиями черкесов, как и тысячу лет назад, является охота и война. В непроходимых лесах, особенно на севере, имеется множество диких зверей, и это дает черкесам возможность проявить свое мужество и ловкость. Но он охотится только за тем, что ему приносит пользу: шакалы, медведи. В Черкесии мало волков, но зато много лисиц. Любимым охотничьим зверем является кабан. Охота бывает опасной, и охотники получают часто опасные повреждения и даже умирают от ран.

Черкесия богата дичью и, к сожалению, об этом не так много известно, чтобы дать подробное описание. Водоплавающая птица в большом числе населяет эту страну, особенно богата она фазанами, без особых усилий их можно ловить с помощью силков и ловушек. Для черкесов же они слишком незначительны, чтобы стрелять в них из ружья. В этой стране распространены также куропатки и дикие голуби, однако, несмотря на то, что водоплавающая птица распространена там в большом количестве (утки, гуси), она не находит там применения.

О войне я уже писал выше. Черкес, в особенности с тех пор, как кабардинцы водворились в Крыму, привык господствовать, и набеги на чужую землю стали постепенно религиозным убеждением. В течение тысячелетий черкесы делали набеги в долинах и на море, и, по уверениям Дюбуа де Монпере, листригоны, упоминаемые у Гомера, — черкесы. Именно черкесы не позволили царю Митридату продвинуться по их земле в Фанагорию, главный город Босфорского царства, и именно черкесы были виновниками частых набегов в Грузии. Вероятно, из черкесов возникли, как я уже говорил выше, как днепровские, так и донские казаки; и так же черкесы отличались разбойными нападениями в то время, как Шарден путешествовал из Крыма в Мингрелию. И, наконец, снова черкесы отваживаются сейчас противопоставить себя русскому войску и смело защищают каждую пядь своей земли. Русские приносят большие жертвы, чтобы усмирить такой незначительный народ, как черкесы.

Захваченные люди продавались черкесами большей частью в Константинополь, где особенно высоко ценились дочери соседних кавказских народов. Только благодаря большим усилиям и значительным жертвам русских положен конец разбойничьей жизни черкесов. Все места, откуда они уводили захваченных людей, оккупированы русскими; и если все же черкесы совершают набеги, то они вынуждены сохранять пленных и, по крайней мере, предлагать их для обмена на пленных черкесов.

Разбойничьи набеги на море сейчас для них также невозможны благодаря тому, что русские захватили побережье, и их корабли постоянно крейсируют вдоль побережья, но еще пятнадцать лет тому назад Хасан-бек, брат тюркского генерала, уже упомянутый нами, был одним из самых смелых морских разбойников, в то время как на севере простой черкес Дисси Дунахай совершал бесстыдные набеги на суше. В первую очередь черкесы пользовались маленькими плоскими суднами, которые могли вместить от шестидесяти до семидесяти человек, и с большим искусством они плавали под парусами на этих легких и опасных галерах в открытое море, чтобы совершать нападения на торговые судна или грабить на чужом побережье. Когда их преследовали, они как можно быстрее гребли к берегу и попадали в какую-нибудь небольшую речонку, где их более нельзя было преследовать. Суда же команда прятала в густых лесах.

Мариньи подробно описывает их галеры; и я коснусь этого описания. Они плоски, не имеют никакого киля, и их обшивка прикрепляется гвоздями и деревянными колышками. На передней части обычно прикрепляется какая-нибудь фигура, изображающая голову зверя. Черкесы уверяют, что это голова козы. Весла короткие, но прикреплены на длинных уключинах. На судне имеется руль и четырехугольный парус.

Если мы обратимся теперь к описаниям домашней жизни, то в первую очередь стоит описать замледелие и скотоводство. Земледелие распространено в той мере, в какой оно необходимо для собственного потребления. Излюбленным видом злаков является просо, из которого приготовляется большинство напитков и кушаний. Всем другим сортам проса предпочитается Panicum italicum L.. Однако возделываются также и другие сорта проса (Panicum miliaceum L.), которые отличаются высокой урожайностью. Наряду с этим черкесы сеют турецкую пшеницу (или кукурузу). Согласно Беллю, пшеница сеется редко, зато чаще рожь, гречиха и овес. Что касается меня, то я нигде не видел, чтобы возделывали рожь, и ржаной хлеб я получал только из казармы, куда этот вид злаков присылали из России.

В Кабарде, в той части Черкесии, которую я объездил, рожь была совершенно неизвестна; и мне сказали, что ее нет нигде на Кавказе. Причина заключается в особой любви к белому хлебу, и мои переводчики только с большим отвращени-

ем ели ржаной хлеб, к которому я привык на родине. Вполне возможно, что Белл, который слабо разбирался в экономике Черкесии, спутал рожь и пшеницу. Однако я не могу с уверенностью сказать, что рожь не возделывается на Кавказе, потому что я ее не видел, может быть она там и есть. Также я не видел на Кавказе овса, и он, мне кажется, там и не нужен, так как лошади питаются ячменем. Этот сорт ячменя используют только в высоких горах, и из него пекут хлеб.

В плодородных долинах и равнинах черкесам легко дается сельское хозяйство, так как они выбирают себе плодородный участок земли, разрыхляют его плугом или мотыгой и делают его пригодным для земледелия. Об удобрении никто не заботится. Если же почва истощается, то возделывается другой участок земли. Для этого выжигается участок леса и выкорчевываются корни. Жителям горного юга дается это не так легко, и с большим трудом они используют неплодородную каменистую землю и получают с нее убогие плоды. Урожай, как правило, зависит от судьбы, и если кусок земли обрабатывается в первый раз, то необходимо в первую очередь выполоть многочисленные сорняки. Жатва происходит в разных областях в разное время, на севере раньше, чем на юге. В это время земледельцы оказывают друг другу взаимопомощь. Общая работа вызывает веселье, и кто проходит мимо, нередко участвует в работе.

Так же как и у нас, в Черкесии имеется обычай, что каждого, кто идет через поле, где собирают урожай, связывают соломенным жгутом, и он должен откупиться каким-либо подарком (по описаниям Белля).

Амбаров у черкесов нет, и для хранения зерна устраивают так называемые скирды. Способ молотьбы различен в разных местностях и отличается от нашего, но похож на описанный в Библии.

Так как у черкесов хлеб пекут редко, то мельницы для приготовления муки употребляют также редко, и поэтому они находятся в примитивном состоянии. Как правило, просо толкут в ступке. Если же его хотят очистить, то используют два чурбана из твердого дерева. Чтобы сделать муку, используют вид мельничных камней и вращают их руками. Только изредка можно видеть маленькие простые мельницы с горизонтальными колесами.

Такое же внимание уделяется огородничеству и садоводству. Большинство сортов плодов с зернами и косточковых плодов произрастает в диком виде, стоит их немного возделать, и можно получить прекрасные плоды; но если вблизи жилье и сажают плодовые деревья, то дальше их рост предоставляют на произвол судьбы. Поэтому Зубов сильно ошибается, когда он восхваляет культуру плодоводства черкесов, так как нигде нет таких плохих плодов, за исключением вино-

града и персиков, как в странах Кавказа, настоящей родине плодов. Даже в землях Грузии плохи яблоки и груши, а в Кабарде я пробовал яблоки, едва съедобные. Сливы и вишни там вообще не любят. Несмотря на это, на восточном побережье Черного моря имеется большое богатство плодовых деревьев каждого сорта. Виноградные лозы растут в южных местностях у Черного моря диким образом и обвивают деревья. Ягоды используют в большом количестве, и для того, чтобы их собирать, идут в лес, чтобы принести столько, сколько нужно. Убыхи с давних пор приготовляют прекрасное вино, которое известно по всему западному Кавказу под именем «зана». Также и абазинцы занимаются там и тут его изготовлением. Еще более важны эти ягоды для приготовления упомянутого выше «тушага» или густого виноградного сока. Тутовые деревья встречаются часто, но их не используют вообще, по крайней мере, не культивируют. Лавровое дерево имеется в западной части Черкесии, но на него не обращают никакого внимания. Более распространено огородничество, и как я уже говорил выше, вблизи каждого дома имеется огород. По всему Кавказу любят бобы, и во время поста замаринованные с уксусом они представляют собой почти единственное блюдо магометан.

Абадзехи больше всего возделывают эту культуру и обладают сортами с хорошим вкусом и богатым урожаем. Они большей частью напоминают наши так называемые восковые бобы. Арабских бобов я не видел нигде. Горох и чечевицу можно встретить редко, а наши сорта капусты, так же как и картофель, совершенно неизвестны. Так как все кавказцы любят травы с пикантным вкусом, то они возделывают множество сортов лука-порея как особую культуру, а также сажают испанский перец и базилик.

Еще большее внимание черкесы уделяют животноводству, и по количеству голов лошадей и быков определяется богатство каждой семьи. Встречаются часто стада, состоящие из многих сотен голов различного скота, которые принадлежат одному хозяину. Скот постоянно находится на пастбище, за исключением южных долин, и особое помещение для скота на зимнее время большей частью неизвестно. Так как скот постоянно находится на пастбище, то летом он хорошо упитан, а зимой, наоборот, тощий; в случае суровой зимы большая часть его обычно погибает.

Прежде всего любят лошадей, верных спутников черкесов на пути славы и чести. Они превосходны и дорого стоят по всему Кавказу.

Черкесы, так же как и арабы, заботятся о чистоте лошадиной породы и не терпят ни малейшего отклонения от нее. Цены на лошадей различны, но в общем отличная лошадь стоит

не менее двухсот рублей, а посредственные можно купить за тридцать — сорок рублей.

Наряду с лошадьми разводят также и рогатый скот и преимущественно быков, которые при всех торговых сделках представляют собой твердую монету. В то время, как у нас считают на таллеры, здесь считают на штуки быков. Несмотря на то, что их мясо, как я уже говорил выше, не любят, а предпочитают баранину, однако этот скот приносит много пользы, не досаждая никакими неприятностями. В течение всего года он кормится сам, не требует никакого ухода и используется как тягловая сила. Лошадей здесь ценят слишком высоко, чтобы использовать их для этого; поэтому рогатый скот используют повсюду. Для езды используют простые арбы, о чем я уже писал. Однако в Черкесии, по крайней мере в горных ее местностях, они более или менее приспособлены к местам, по которым они должны передвигаться. Буйволов любят меньше, однако используют их в некоторых местностях так же часто. И, наконец, в хозяйстве черкесов имеются в большом количестве овцы и козы. Первые больше, чем наши, и обычно черные. Они выделяются запасами жира, который находится в хвосте, и делают таким образом хвост особым деликатесом всех восточных народов. В заключение я должен упомянуть больших собак, которые служат в большинстве семей для защиты открытых жилищ, и мирному чужеземцу, приближающемуся к ним, они скалят зубы.

К сельскохозяйственным занятиям черкесов относится также пчеловодство.

Если уж сельское хозяйство и животноводство преимущественно лежат на плечах женщин, то тем более это относится к домашнему хозяйству. Женщины отличаются большой искусностью в изготовлении всевозможных рукоделий. Кроме того, из уст в уста передаются похвалы мужественным женщинам, отличившимся также при набегах на вражеские поселения и прославившимся угоном быков и так далее. Женщины искусно изготовляют из овечьего пуха и коровьей шерсти особый вид ткани, похожей на нашу фланель, из которой они затем шьют мужскую одежду. Особенно искусны они в изготовлении галунов. Их искусство проявляется также в вышивании и изготовлении ковров. Прекрасно изготовляют они также бурки. Для мужчин они часто делают ножны для сабель и кинжалов, а также чехлы для ружей.

Мужчины, если они не вынуждены работать, лежат обычно вытянувшись на своих бурках или сидят, скрестив ноги, на коврах, дымя своими трубками. Только немногие из них занимаются более серьезными вещами, например, изготовлением пороха или кузнечным ремеслом. Кроме обычных железных изделий, как гвозди, крючки, ножи и так далее, они изго-

товляют также превосходные ружейные стволы и другие изделия.

Кроме металлических изделий, мужчины изготовляют также всевозможные катаные изделия. К сожалению, они не искусны в дублении кожи.

При таком малом развитии промышленности торговля развита незначительно, тем более, что русские заняли все побережье и из-за этого торговля вовсе прекратилась. С другими народами Кавказа она также развита незначительно. Я уже имел раньше возможность упомянуть о том, что деньги у черкесов малоизвестны.

Еще недавно главным предметом торговля на Кавказском побережье и в глубине страны были рабыни. С давних пор черкесские женщины прославились на всем Востоке своей красотой. Гаремы султана и турецких богачей полны черкесскими женщинами, и многие из них имеют большое влияние на своей новой родине.

Только немногие из этих рабынь являются представительницами черкесов, так как черкесы редко продают своих дочерей. Зато они занимаются продажей девушек соседних народов, особенно русских, абазов, грузин и других.

Но черкесские женщины имеют преимущество перед другими рабынями в том, что они на своей родине получили более естественное и свободное воспитание. Цена черкесской женщины зависит от ее красоты и от других обстоятельств и составляет часто от шести до восьми тысяч пиастров, что иногда понижается до нескольких сотен.

Теперь, когда русские, в основном, положили конец торговле рабами, возросла торговля мехами; и большая часть так называемых астраханских овец происходит от черкесских. Кроме того ведется торговля волчьими, лисьими и куньими мехами, причем каждый вид доходит ежегодно до ста тысяч. На Кавказе же они дешевы, и каждую штуку можно купить за несколько грошей. Медвежьи шкуры продаются реже; они исчисляются тысячами штук, так как медвежья охота опасна и не особенно выгодна. Шкуры коз, оленей и так далее, которые у нас используются для изготовления перчаток, здесь, за исключением волоса и пуха, почти не используются. Немалое распространение имеет торговля оленьими и другими рогами с турками и русскими.

Особенно много лошадей и рогатого скота продается в Крым, где они или обрабатываются, или перепродаются дальше.

Из своих собственных изделий черкесы продают свою фланелеобразную ткань (чекмен) или целыми рулонами, или в сшитом виде (куртки и брюки, а также и бурки). Высоко ценятся их ружья, а также серебряные изделия.

При той простоте, в которой живут черкесы, ввоз товаров является незначительным и ограничивается преимущественно

хлопчатобумажными, шерстяными и шелковыми тканями. С тех пор, как побережье захвачено русскими, черкесы почти не получают ни оружия, ни табака.

Необходимым товаром для ввоза является также соль, и в этом смысле черкесы полностью зависят от русских.

Большая простота и умеренность, характерные для черкесов, стали причиной того, что у них мало распространены болезни, и нередки случаи, когда черкесы живут до 100 и более лет. Так как среди них нет врачей, то врачеванием занимаются преимущественно лица духовного звания и старые женщины. Основные болезни: лихорадка, чесотка, воспаление легких, болезни печени и другие болезни. Чума бывает у черкесов редко, но зато свирепствует с такой силой, что от нее умирает половина жителей. Лихорадка распространена по всему Кавказу. Оспа также бывает там часто и приносит большие опустошения, так как больные, как правило, бывают брошены на произвол судьбы; поэтому очень редки случаи, когда такие больные выздоравливают.

Так как черкесы верят в то, что болезни приносят злые духи, то они стараются их выгнать. Особенно большое значение они придают тому, чтобы больной не спал ночью, так как в это время злые духи особенно опасны. Поэтому все родные и друзья приходят в дом, шумят и даже затевают воинственные игры, чтобы не дать больному уснуть. Белл часто говорит о том, как трудно ему было во время его медицинской практики удалить разбушевавшихся гостей, особенно когда речь шла об излечении раненого.

Нередко и врач руководствуется при лечении больных всевозможными предрассудками. Что касается магометан, то главным средством врачевания они считают Коран.

Если же не помогают больше никакие средства, и смерть неизбежна, тогда все прекращают шум, и каждый обращает взор на умирающего. С того момента, как его душа покидает тело, поднимается страшный шум. Женщины, особенно близкие покойного, и прежде всего, вдова и дочери, вцепляются себе в волосы и немилосердно рвут их. Они расцарапывают себе лицо и другие части тела. Каждый старается по-своему выразить глубокую печаль. И мужчины хватают свои кнуты и бьют себя. Часто при этом некоторые бегают как безумные, бьются головой и в конце концов падают обливаясь кровью.

Как только первая боль проходит, все родственники собираются и совещаются по поводу отдания мертвому почестей, при этом подробности зависят от вида смерти и сословного положения покойного. Наибольшие почести воздаются воину, погибшему на поле брани. С меньшей торжественностью хоронят умерших от ран. Если же черкес умирает в глубокой старости, то ему отдаются бо́льшие почести, чем в случае смерти

людей в расцвете лет. Женщин, девушек и рабов хоронят с меньшей торжественностью.

Погибшего на поле боя хоронят только через много дней, так как для торжественной церемонии должна быть проведена соответствующая подготовка; в случае же смерти девушки или раба их хоронят через несколько часов после смерти.

Для проведения торжественной церемонии все женщины и девушки клана тотчас же собираются вместе и начинают готовиться к общему застолью. Если же семья умершего бедна, то все необходимое приносят другие члены клана.

Члены семьи покойного не заняты ничем, кроме как его оплакиванием. Покойника, если он погиб в бою, кладут посреди жилища на циновку; если же он умер дома от ран или от болезни, то его сначала омывают, а потом надевают на него самую лучшую одежду. Если же одежда плохая, то за счет клана делается новая. Остальную принадлежавшую покойнику одежду кладут на подушку сбоку от покойника. Его оружие развешивается или в комнате, или перед дверью.

Вдова стоит в ногах покойного, неотрывно глядя на своего любимого супруга, издавая время от времени стоны и вытирая слезы большим белым платком. Дочери сидят по обеим сторонам покойника, неподвижно глядя перед собой. Остальная часть помещения заполнена рыдающими и всхлипывающими родственницами покойного. Мужчины находятся снаружи дома, у входа; в зависимости от степени родства и от возраста они входят один за другим во внутренние покои, издавая крик боли, который сейчас же подхватывается и повторяется женщинами; держа руки на лбу со сплетенными пальцами, мужчины падают на колени перед вышеупомянутой подушкой и склоняют голову до земли. В этом положении они остаются до тех пор, пока дочери умершего не подхватывают их под руки и не помогают им подняться. Таким образом они дают понять, что глубокая скорбь уже выражена. Если же входит старик, то он не выражает вслух свою скорбь, а лишь говорит: «На все божья воля», что и служит успокоением для семьи.

В это время молодые люди роют могилу, делая ее, как правило, длиннее и шире тела покойника. Если он магометанин, то его кладут головой на юг в направлении Мекки.

Обычно на третий день вечером покойника выносят несколько молодых людей. Духовное лицо становится во главе процессии, читая отрывки из Корана; за ним следуют присутствующие в зависимости от степени родства. Над могилой палят из ружей, и самый храбрый из присутствующих вынимает из ножен шашку покойника и несколько раз взмахивает ею над ним. Любимую лошадь покойного трижды проводят вокруг могилы и часто в качестве жертвоприношения или в память об этом дне отрезают ей ухо. Как только все церемонии

заканчиваются, покойника опускают в могилу. Приносят большое количество земли, чтобы сделать могильный холм как можно выше. В изголовье кладут камень. Раньше у черкесов были могильные плиты, и Белл в свое время неоднократно имел возможность видеть их. Пять больших и плоских камней примерно в пять футов высоты ставятся один на другой, и самый большой, пятый, камень, длиною часто в девять футов и шириной в пять футов, закрывает отверстие сверху. В одном из камней с передней стороны имеется круглое отверстие величиной с голову ребенка.

На могиле забивают большое количество овец и одного или нескольких быков, и это мясо служит для большого пира, а частично его раздают беднякам. Небольшое количество мяса приготавливается и кладется на могилу, чтобы каждый, кто случайно пройдет или поедет мимо и помолится за упокой души умершего, мог также попробовать этой еды.

Райнеггс утверждает, что у кабардинцев существует обычай приносить жертвоприношение на могиле, для чего убивают рабов и пленников. Однако приношение человеческих жертв не характерно для Кавказа, и никто из более ранних, а также современных путешественников не упоминает об этом варварстве.

Поскольку все присутствующие принимают участие в организации торжества, то они имеют право и на часть наследства и в первую очередь могут получить те вещи, которые они в свое время дарили покойному.

То, что лежит на подушке, обычно раздается. Однако оружие, лошадь и постель покойного остаются в семье покойного и должны находиться в течение полугода или года на том же самом месте. Оружие время от времени вынимается и чистится, затем снова кладется на прежнее место. Лошадь не должна в это время покидать стойло, и ее хорошо кормят. Вдова и дочери в течение первых четырнадцати дней или четырех недель, вплоть до большого пира, не имеют права покидать жилище, чтобы всегда быть на месте, если явится какой-нибудь дальний родственник для выражения своего соболезнования.

В зависимости от богатства семьи покойного через какое-то время после погребения устраиваются большие поминки, на которые приглашаются все члены клана и родственники. У богатых такие торжества происходят несколько раз в течение года, а у более бедных устраиваются один раз через полгода или год. Подобные поминки организуют на свежем воздухе при любой погоде непосредственно вблизи от могилы. Обычно собирается от трехсот до пятисот человек. В зависимости от достатка на могиле снова забивается скот, и это мясо служит для приготовления кушаний для пиршества. Женщины сидят в отдалении от мужчин, как правило, на возвышенном месте. Каждый чужестранец, случайно проезжающий в это вре-

мя мимо, обязан принять участие в пиршестве, иначе в случае отказа он наносит оскорбление покойному.

Торжества заканчиваются скачками на лошадях и соревнованиями, нередко превращающимися в кровавые побоища. Весь клан следит за тем, чтобы принять гостей с честью, особенно чужеземцев, и не жалеют ничего, чтобы праздник был как можно более блестящим. В качестве награды победителю предназначаются оружие, одежда и лошади. Спенсер с большой поэтичностью описал подобный праздник. Согласно его описаниям, поминки начинаются трехкратной пальбой из ружей и пистолетов. Четверо или шестеро ближайших родственников обходят трижды вокруг могилы, держа на поводу коня, и надрезают себе ухо, чтобы несколько капель крови упало на могилу, приговаривая при этом: «Это принадлежит тебе».

Подобные праздники повторяются в течение нескольких лет, и поэтому не удивительно, что семьи умерших нередко разоряются. Зачастую разоряются целые кланы.

Кто умер дома от болезни, тот не может рассчитывать на подобные почести; его тело после смерти моют и затем заворачивают в чехол из белой хлопчатобумажной материи. В течение короткого времени его показывают в таком виде родственникам и соседям и часто хоронят в тот же день. На могиле также забивают скот в качестве жертвоприношения, однако в меньшем количестве.

На степень скорби вдовы и детей о покойном, как нам кажется, влияет в большей мере не то, насколько они его любили, а то, какой смертью он умер. Так, например, вдова и дети, закутанные в черные одежды, гораздо дольше скорбят о нем, если он погиб от рук врага. Вдова не пропускает ни одного дня, чтобы не посетить могилу, громко выражая свою скорбь, бичуя себя и вырывая свои волосы. Белл несколько раз видел выдернутые волосы глубоко скорбящей вдовы, обмотанные вокруг могильного камня.

После того, как я описал общественную и семейную жизнь черкесов, мне еще только остается уделить внимание описанию религии и религиозных обрядов. Однако весьма нелегко описать религиозные отправления народа, ведущего замкнутую жизнь в труднодоступных горах.

Основой всех религиозных взглядов черкесов является вера в высшее существо.

Когда в кубанские области пришли племена из Индии, они принесли с собой свою культуру, вместе с тем свои религиозные взгляды, а именно: веру, наряду с богом, в существа, которые хоть и были по своему происхождению людьми, сумели приблизиться к божествам. Впоследствии на морском побережье Черкесии появились греки, и они принесли с собой веру в своих богов. Когда же в начале нашего летосчисления из Пале-

стины пришла новая вера, то она нашла плодородную почву для своего распространения в южной части Кавказа и на восточном побережье Черного моря. В этих местах возникла превосходная церковь. Хотя арабы-фанатики и пытались распространить свою религиозную веру на Кавказе, все же христианская религия оставалась господствующей в Черкесии. Распространению христианской религии способствовало русское княжество Тьмутаракань, а позднее — господство грузин по всему Кавказу, особенно в период правления царицы Тамары. Татаро-монголам, стремившимся огнем и мечом внедрить на Кавказе ислам, не удалось склонить черкесов в свою веру. В настоящее время среди черкесов распространена христианская религия, смешанная с различными языческими верованиями.

Белл вместе с тем уверяет, что среди черкесов, особенно проживающих в долинах от Ваджа до Зутша, господствует магометанство.

Вера в единого бога, в неотвратимость судьбы и в недолгую жизнь на этом свете составляет основу религии черкесов. Благодаря выполнению различных обязанностей, а также уважению к старости, мужеству, гостеприимству и им подобным качествам черкесы ведут добродетельную жизнь и стараются проявить себя в этом направлении, чтобы получить право на блаженство после смерти. Чтобы заслужить милость божию, черкесы стремятся помогать бедным и выполнять заповеди божии.

Для служения богу и его святым существуют определенные дни. Религиозные праздники длятся по-разному и начинаются приношением жертвы, обычно состоящей из различных кусков мяса скотины. Собственно духовные лица обычно при этом не присутствуют, и их место занимают старейшины с незапятнанной репутацией и образом жизни. Так как верующие впоследствии сами съедают жертвенное мясо, то эти пожертвования бывают многочисленными, и каждая семья вносит свою лепту. Место, где приносятся пожертвования, считается святым. Обычно это происходит в тенистой роще.

Если при этом присутствует духовное лицо, то оно шествует во главе процессии с непокрытой головой. По прибытии на место оно зажигает факел и благословляет пожертвования. После вышеописанной церемонии начинается собственно праздник, в котором участвуют все присутствующие, и каждый из них веселится на свой лад. При этом проводятся игры, танцы, скачки и устраивается застолье. Кушанья и напитки для пиршества приготовляются за день до этого, и духовное лицо их благословляет.

Большинство праздников или уходят своими корнями в доисторические времена и являются поэтому обрядами языческого происхождения; или же они оказались введенными лишь с началом проникновения христианской религии; или же они

видоизменились на христианский лад в процессе смешения религиозных верований.

Магометанский характер они носят лишь на севере, где ислам постепнено стал господствующим верованием, но и там христианские и языческие тем не менее тоже празднуются. Как правило, происхождение самого праздника бывает уже никому не известным, и его празднуют потому, что так повелось от дедов и прадедов. Если же мы исследуем это явление более внимательно, то можно найти соответствующее объяснение. Среди праздников христианского происхождения следует прежде всего указать на поклонение кресту.

Все те места, где имеется изображение креста, считаются святыми. Большей частью это руины церквей. В предшествующие времена был распространен обычай выносить крест из разрушенных церквей и вешать его на большое дерево в какой-нибудь роще. С этих пор этому кресту поклонялись молодые воины, идущие в бой, и старейшины перед проведением народного собрания; двое любящих клялись здесь друг другу в своих чувствах; преступники, которым грозила кровная месть, находили здесь убежище, и никто им не мог здесь сделать ничего дурного; отец, сын которого был близок к смерти, приходил в эту святую рощу молить о спасении жизни сына и приносил в жертву свое оружие и так далее. Уважение перед святостью креста настолько широко распространено, что поэтому достаточно сделать из двух деревяшек крест, и поставить его, чтобы быть вполне уверенным, что с этого места никто ничего не унесет.

В определенные дни, большей частью шесть раз в год, в первое воскресенье февраля, апреля, июня, августа, октября и декабря повсюду распространено поклонение кресту, и все верующие идут в святую рощу молиться. Подобные церемонии описывают Белл, Дюбуа де Монпере и де ля Мотрей.

Черкесы не знают, что обозначает «крест», но они ему поклоняются, так как это делали их предки. Тюркские магометане напрасно пытались уничтожить обряд поклонения кресту у черкесов.

В тех областях, где господствует ислам, постепенно начинают все меньше поклоняться кресту; и бывали случаи, когда отдельные черкесы требовали уничтожить крест, но они встречали при этом у остального населения сильное сопротивление.

Другой праздник также христианского происхождения — почитание Марии — божьей матери — сильно распространен у черкесов. Мария называется у черкесов Мариам или Мэриам, и этот праздник, носящий название «Мэрем» или «Мэрейм», празднуется обычно в начале октября. Жертвоприношения состоят не из скота, а из различных мучных и медовых кушаний, преимущественно из пирогов, начиненных сыром (халива). В то время, как все это приносится в дар святой Марии, весь

народ молится о здоровье, плодородии и счастье. Этот праздник особенно любит молодежь; после жертвоприношения молодежь собирается и движется длинными рядами с пением и криками, переходя от дома к дому, требуя угощения. Вечером все собираются в открытом месте и предаются веселью до поздней ночи.

Третьим праздником христианского происхождения является освящение детей, вероятно, заменяющее крещение. Освящение ребенка заключается в том, что воспитатель или отец с обнаженной головой приводит сына на святое место, где висит крест, приближается к нему и приносит в жертву богу животное, подготовленное к закланию духовным лицом. Оно же кладет обе руки на голову ребенка, стоящего на коленях, и просит у бога его благополучия.

Четвертым праздником является пасха. Так же как и у людей, принадлежащих к греческой и католической церкви, у черкесов распространен обычай соблюдать перед пасхой строгий пост. Сама пасха празднуется в роще, освященной крестом, и сопровождается жертвоприношениями. После этого следует всеобщее веселье с тем различием, что в нем играют большую роль крашеные яйца. Каждая семья красит множество яиц по числу членов семьи и одаривает друг друга. Юноши часто вешают такое крашеное яйцо на шест и соревнуются в стрельбе. При этом тот, кто сумел попасть в него из ружья, получает определенный приз.

Как и у других христианских народов, у черкесов воскресенье является днем отдыха и радости. На Востоке оно называется поэтому «божьим днем».

Черкесы празднуют еще четыре праздника языческого происхождения, посвященные различным божествам и духам; это праздники богов грома, огня, ветра, воды и лесов. Нет сомнения в том, что эти божества первоначально были определенными святыми, которых впоследствии спутали с некими духами или богами.

Особенно почитается из этих полубогов бог грома, которого иногда путают с богом огня, похожим по названию. Первого называют Тишблей или Шиблей, а второго — Тлипсей, Тлибс или Тлепс. Вероятно, что этот праздник отмечается несколько раз в году. Большое количество людей собирается в этот день в святой роще, где заранее строится хижина. Жертвоприношение приносится на святом месте внутри хижины и состоит большей частью из козы, убитой громом. Духовные лица молятся богу грома и просят охранить их от его гнева. Весь народ принимает участие в молитве, после чего козья голова вешается на длинный шест. На этом кончается собственно этот праздник и начинается обычное веселье.

Праздник бога огня Тлепса проводится весной и является од-

новременно праздником бога кузницы. Земледельцы рассматривают его как своего покровителя, так как он дает им плуг и мотыгу. Поэтому известные кузнецы, кующие оружие, заменяют духовных лиц на религиозных праздниках. Народ снова собирается и приносит жертвоприношения, состоящие из мучных кушаний и напитков. Одновременно оружие и сельскохозяйственные инструменты окропляются святым напитком.

Бог воды и ветра называется Сеозерес. Считается, что он раньше был известным человеком, много путешествовавшим и отличавшимся мудростью и добродетелями. Ему удалось собрать разрозненные ранее племена и распространить скотоводство, поэтому его особенно почитают пастухи. Во время своих путешествий он приобрел определенные знания, благодаря которым подчинил себе ветры и воды. Символом его служит сухое грушевое дерево, которое и почитается. Этот праздник проводится в конце весны; в горах жгут костры, приносят сухое грушевое дерево и втыкают его в землю. По числу присутствующих зажигаются огни. В жертву богу приносится несколько коз. Бога просят о том, чтобы в течение трех дней праздника не было ни дождя, ни ветра. После этого все предаются веселью.

Бог леса Мелитша рассматривается одновременно как бог пчел, и на этом празднике приносятся в жертву кушанья и напитки, приготовленные из меда.

Путешественники также имеют своего покровителя Зектша, которому они перед путешествием приносят в жертву козу или овцу.

Праздники и обряды магометанского происхождения бывают только на севере Черкесии, особенно у кабардинских черкесов и у черкесов, живущих к югу от Кубани, но и они обычно смешиваются с праздниками, описанными выше. Духовные лица обычно не умеют даже прочесть Коран. Их обязанности выполняют лезгинцы или татары западного побережья Каспийского моря. Они выполняют все церковные обряды и получают за это, как правило: один процент меда, десять процентов зерна, по одной скотине из тридцати голов рогатого скота и по одной козе или овце из сорока штук.

Преимущественно празднуются два главных праздника—Рамадан и Бейрам, и во время празднования последнего существует обычай посещать друг друга.

МОРИЦ ВАГНЕР

КАВКАЗ И ЗЕМЛЯ КАЗАКОВ В ГОДЫ с 1843 до 1846. Дрезден и Лейпциг 1848, т. I—II.

Торговля черкесскими девушками производится все еще в том же объеме, но требует теперь большей осторожности, чем раньше и ограничивается исключительно месяцами морских бурь, с октября по март, когда русские крейсера удаляются от берегов, лишенных гаваней. В Синопе и в Самсуне вид этих маленьких хрупких кораблей, на которых турецкие работорговцы отваживаются пускаться в опасный путь в самое худшее время года, приводит в изумление. Обычно эти корабли для перевозки рабов запасаются патентом на Керчь от какого-нибудь русского консула, под предлогом погрузки там хлеба; этот документ охраняет их, если они на обратном пути попадают в руки военных крейсеров, или бывают выброшены на берег вблизи русских укреплений. Без таких, снабженных русской печатью патентов, русские крейсера обошлись бы с ними как с торговцами рабами и они были бы отправлены в Сибирь. Суда настолько малы, что при сколько-нибудь спокойном море они могут пристать к любому низкому месту берега.

Обычно считают, что эти турецкие корабли снабжают черкесов военным снаряжением. Но это заблуждение. Турецкие работорговцы очень редко привозят оружие на Кавказ, обычно это только оружие роскоши, предназначенное для начальников; порох они также привозят в незначительном количестве, точно также в качестве подарков для князей и дворян (ворков). На обмен черкесы идут не очень охотно; они согласны отпускать своих красавиц в турецкие гаремы только за чистое серебро. В огнестрельном оружии, так же как в кинжалах и шашках (саблях) кавказские жители не нуждаются и везде находят возможность купить порох за деньги, даже у казаков на Кубани. Обычно проходит несколько недель, пока торговцы девушками заканчивают с черкесами свои дела; кунак служит посредником. Большею частью туркам продаются дочери пшильтов (крепостных) и тхфокотлей (освобожденные крепостные); ворк (дворянин) реже решается отдать свою дочь или сестру за блестящие пиастры, но, однако, все-таки иногда это случается. Девушки, которым, чтобы смягчить бесчеловечность этой насильственной

разлуки с их родными, уже с самого детства рассказывают много о пышности и роскошной жизни в турецких гаремах, покидают обычно без большого горя свои суровые горы и бесчеловечных родителей. Каждый корабль набит 30—40 девушками, которые, как сельди в бочке, посажены друг на друга, с большой покорностью подчиняются мученьям этого морского путешествия, которое они надеются скоро переменить на медовую жизнь в хваленом городе султана. Шкиперы очень хорошо знают все особенности Черного моря. Раз или два в каждый зимний месяц дует свежий ветер с Кавказских гор, который, как правило, продолжается, не прекращаясь, много дней подряд. Этим ветром пользуются турецкие шкиперы, чтобы со своим прекрасным грузом как можно скорее выбраться. Они привозят своих девушек обычно в Ризе или же в Синоп или Самсун, но никогда не везут их прямо в Трапезунд, так как тамошний русский консул, господин фон Гирс, довольно зорко следит за этими кораблями; он по крайней мере не хочет, чтобы эта торговля велась слишком дерзко на его глазах, хотя он, впрочем, часто смотрел на это сквозь пальцы, чтобы угодить своему другу Абдуллах Паше.

Черкесская знать, т. е. ворки-рыцари, составляют самое большее пятую часть, а по мнению некоторых знающих русских, может быть, только десятую часть многочисленного народа адигэ. Они одни имеют наследственную земельную собственность, рабов и голос в совещательных собраниях. Только эти ворки и еще более знатные представители княжеских домов (пши) могут претендовать с полным правом на далеко распространенную молву о черкесской красоте. Это аристократическое сословие пренебрегает всяким родством с плебеем, даже когда он свободный человек и сделался богатым благодаря торговле. Знатный черкес сватается только за дочь равной ему по происхождению семьи и сохраняет этим чистоту расы, благородство крови и фигуры, красоту лица, рыцарскую гордость в осанке и особенную утонченность в движениях, манерах и разговоре.

В настоящее время существуют только три черкесских князя, так называемых пши: Пшимаф бей, князь Семеза Селим-бей, князь Вана Сефир-бей, который уже в течение многих лет живет в Турции. Предки этих пши имели значительную власть в стране, которая, однако, уже давно, согласно мнению Лонгворта, упала, благодаря распространению магометанства на Кавказе, и теперь сохраняется единственно в формальной почтительности, которую оказывают, например, этим князьям и их родственникам во время пиршеств. Только Сефир-бей имеет еще значительное влияние и его пример, если бы он подчинился русским, оказал бы сильное влияние на очень многих узденей.

Настоящая власть находится в руках ворков (турки и русские называют их узденями) или дворян, которых насчитывается много тысяч. Из них выходят самые храбрые и уважаемые предводители во время войн, как-то еще находящиеся в живых

Мансур, Шамус и Джимбулат, чьи геройские подвиги воспевают черкесские барды. Большинство из знаменитейших черкесских вождей, с которыми еще Белл имел сношения, умерли в последние годы, как, например, более чем столетний Индар Оглы, бывший кунаком (другом) консула Тэбу де Мариньи, Хусейн-бей. брат известного Хафиз Паши, и Гуц Бег, «Лев Кавказа». Третий класс черкесского общества составляют отпущенные на волю люди, называемые князьями и ворками тхфокотлями, которые в отношении военной службы остаются подчиненными своим прежним господам. Около каждой семьи ворков живет семья тхфокотлей, также подчиненная им. Четвертый и самый многочисленный класс составляют пшильты (или крепостные), которые благодаря русским перебежчикам и пленникам непрерывно увеличиваются в числе. Пшильты должны платить знати определенную дань или выполнять им работу и сражаться за них и с ними на поле битвы; в остальном они пользуются, впрочем, почти такой же свободой, как и другие классы.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Повествование венгерских миссионеров о путешествии в Восточную Европу в 30-х годах XIII века

а) «О существовании великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом во время господина папы Григория Девятого» — перевод с латинского С. А. Аннинского, опубликованный в «Историческом архиве», т. 3. М.—Л., 1940.

б) «Рассказ доминиканца Юлиана» — перевод с латинского В. Юргевича, опубликованный в «Записках Одесского общества истории и древностей», т. 5. Одесса, 1863.

Вильгельм (Гильом) Рубрук

«Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благости 1253» — перевод с латинского А. Малеина, опубликованный в книге: «История монголов Иоанна де Плано-Карпини и путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука». СПб., 1911.

Иоганн (Ганс) Шильтбергер (Шильдбергер)

«Путешествие Ивана Шильдбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год» — перевод с немецкого Ф. Бруна, опубликованный в «Записках Новороссийского университета», т. I, вып. 1—2. Одесса, 1867.

Иосафат Барбаро

«Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина» — перевод с итальянского В. Семенова, опубликованный в «Библиотеке иностранных писателей о России», т. I. СПб., 1863.

Джорджио Интериано

«Быт и страна Зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование», Венеция, 1502 (издание Альдо Мануция) — перевод с итальянского Пенчко Н. А. (публикуется впервые).

Мартин Броневский

«Описание Татарии». Кёльн, 1595 — перевод с латинского Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Эмиддио Дортелли д'Асколи

«Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч.» (1634) — перевод с итальянского Н. Пименова, опубликованный в «Записках Одесского общества истории и древностей», т. 24. Одесса, 1902.

Джиованни де Лукка

«Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена. 1625» (Sic!) — перевод с французского П. Юрченко, опубликованный в «Записках Одесского общества истории и древностей», т. II. Одесса, 1879.

Арканджело Ламберти

«Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран» — перевод с итальянского К. Гана, опубликованный в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 43. Тифлис, 1913.

Жан Баптист (Батист) Тавернье

«Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет...», т. I. Гаага, 1718 — перевод с французского Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Адам Олеарий

«Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». СПб., 1906 — перевод А. Ловягина.

Николай (Николас) Витсен (Витзен)

«Северная и Восточная Татария...», Амстердам, 1692 — перевод с голландского Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Ян Янсен Стрейс (Стрюис)

«Три путешествия». М., 1935 — перевод с голландского Э. Бородиной.

Жан Шарден

«Путешествие господина дворянина Шардена в Персию и другие восточные страны», т. I. Амстердам, 1711 — перевод с французского А. И. Петрова (публикуется впервые).

Ферран

«Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар, в 1709 году» (Sic!) — перевод с французского П. Хицунова, опубликованный в «Русском вестнике», 1842, № 4.

Энгельберт Кемпфер

«Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие, царю, султану и шаху платившие дань и подвластные...». Нюрнберг, 1723 — перевод с немецкого Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Абри де ла Мотрэ

«Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку..., т. 2. Гаага, 1727 — перевод с французского Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Петер Генри Брус

«Воспоминания Петера Генри Бруса, эсквайера, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, с рассказом о путешествии по Германии, России, Татарии, Западной Индии и т. д.». Дублин, 1783 — перевод с английского Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Иоганн Густав Гербер

«Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 году». «Сборник по русской истории». СПб., 1760, ч. IV, вып. 1—2 — перевод с немецкого Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Ксаверио Главани

«Описание Черкесии» — перевод с французского Е. Г. Вейденбаума, опубликованный в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 17. Тифлис, 1893.

Джон Кук

«Путешествия и странствования по Российскому государству, Татарии и по части Персидского королевства», ч. II. Эдинбург, 1778 — перевод с английского Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Карл Пейсонель

«Трактат о торговле на Черном море», ч. I. Париж, 1787 — перевод с французского Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Игоанн-Антон Гюльденштедт (Гильденштедт)

«Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из «Путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809.

Якоб Рейнеггс

«Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа», ч. I. Гота и СПб., 1796 — перевод с немецкого Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Петр-Симон Паллас

«Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.», т. I. Лейпциг, 1803 — перевод с немецкого Е. С. Зевакина (публикуется впервые).

Ян Потоцкий

«Путешествие в астраханские и кавказские степи», т. I. Париж, 1829 — перевод с французского А. И. Петрова (публикуется впервые).

Генрих-Юлиус Клапрот

«Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг.».

Халле и Берлин, 1812 — перевод с немецкого А. И. Петрова (публикуется впервые).

Тэбу де Мариньи

«Путешествие в Черкесию». Одесса и Симферополь, 1836 — перевод с французского А. И. Петрова (публикуется впервые).

Роберт Лайэлл

«Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию». Лондон, 1825 — перевод с английского А. И. Петрова (публикуется впервые).

Жан-Шарль де Бесс

«Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.». Париж, 1838 — перевод с французского А. И. Петрова (публикуется впервые).

Иван Федорович Бларамберг

Де Бларамберг «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», ч. 1—3. 1836 (Центральный государственный архив. ВУА, дело № 18508) — перевод с французского А. И. Петрова (публикуется впервые).

Фредерик Дюбуа де Монпере

«Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым», т. I. Париж, 1839 — перевод с французского А. И. Петрова (публикуется впервые).

Джемс Белл

«Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг.», т. 1—2. Лондон, 1840 — перевод с английского Н. Данкевич-Пущиной (публикуется впервые).

Дж. А. Лонгворт

«Год среди черкесов», т. 1—2. Лондон, 1840 — перевод с английского А. И. Петрова (публикуется впервые).

Карл Кох

«Путешествие по России и в кавказские земли», т. I. Штутгарт и Тюбинген, 1842 — перевод с немецкого А. И. Петрова (публикуется впервые).

Мориц Вагнер

«Кавказ и земли казаков в годы с 1843 до 1846», т. 1—2. Дрезден и Лейпциг, 1848 — перевод с немецкого А. И. Петрова (публикуется впервые).

СОДЕРЖАНИЕ

Опечатки и исправления

Страница	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано	Следует читать
8	—	7	Гербер (1727—1728 гг.)	Гербер (1722—1728 гг.)
8, 291, 292	—	—	Тебу де Мариньи	Тэбу де Мариньи
17	—	14	Герберт	Гербер
47	—	3	отнимет	отнимает
48	10	—	сноху	невестку
68	2	—	(XVIII в.)	(XVII в.)
91	26	—	на подписи	на надписи
96	—	19	козу или корову	козла или борова
204	8	—	Кланьотом	Клапротом
356	1	—	Жаие Jnes	Жане Janes

